UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN
STACKS

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/otechestvennyiaz1883unse

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1883

№ 4 АПРѢЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

СТРАН.

I. — ДНЕВНИКЪ НОТАРІАЛЬНАГО ПИСЦА. Очерки, замѣтки, воспоминанія. Гл. X—XVI. **Дмитрія Гирса.** 283
II. — СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА. Сочин. **Чіамполи.** (Очеркъ съ итальянскаго). 341
III. — ХЛОПОТЫ НАУКИ СЪ НИЗШИМИ ОРГАНИЗМАМИ. **Н.** 363
IV. — БОРЬБА. **И. Б.** 397
V. — ТРІУМФАТОРЪ. **Н. Яковлева.** 421
VI. — ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ. Гл. XLIV—XLVII. **А. Скабичевскаго.** 495
VII. — ПРИЗЫВЪ. (*Стихотвореніе*). **С. Фруга.** 531
VIII. — КАТРЯ. Очеркъ изъ жизни украинскихъ помѣщиковъ. **Максима Бѣлинскаго.** 533
IX. — ГЕДЕОНЪ ФЛИСЪ. Романъ **Генри Люси.** (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 1—48).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

X. — БОСАЯ КОМАНДА. **Я. Абрамова.** 121
XI. — ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О МЕЛКОМЪ ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ КРЕДИТѢ. Гл. IV—V. **Н. Лобачевскаго.** 150
XII. — МАТЕРЬЯЛЫ ПО СТАТИСТИКѢ С.-ПЕТЕРБУРГА. **П. Г.** 184
XIII. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Политика.— Три неудавшіеся дня.—Рабочій кризисъ, эксплуатированный монархистами и анархистами. — Митингъ 9-го марта на эспланадѣ Инвалидовъ. — Луиза Мишель и булочныя на Севрской улицѣ.— Запросъ Кассаньяка 10 го марта.—Дѣвица д'Эрленкуръ.—Ивъ Гюйо, избитый революціонерами и спасаемый полиціей.—Прогулки и нападенія 11-го марта. — Рабочее собраніе на Ліонской улицѣ и его петиція.—Мѣры и намѣренія правительства.— Предложенія муниципальному совѣту. — Военныя, полицейскія и судебныя предосторожности.—Промахъ судебнаго слѣдователя.—18 е марта.—Окончаніе парламентской сессіи 19-го.—Сенатъ, палата, принцы и клерикалы, одобряющіе колоніальную политику Шальмель-Лакура. - Муниципальный законъ и различныя преобразованія, предпринятыя депутатами. — Отклоненіе предложенія объ амнистіи въ пользу осужденныхъ въ Ріомѣ и Ліонѣ.—

(См. страницу 3-ю).

057
OT
1883
no. 4

ДНЕВНИКЪ НОТАРІАЛЬНАГО ПИСЦА.

ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ, ВОСПОМИНАНІЯ.

X.

24-го марта, воскресенье, утромъ.

Очень кстати, что сегодня воскресенье, свободный день: можно наверстать дневникъ за вчерашнее число.

Двининская купчая къ 12-ти часамъ дня оказалась вполнѣ готовою и вписанною мною въ актовую книгу. Вердяевъ и Пленеръ вздохнули свободнѣе. Вердяевъ даже поблагодарилъ меня и Аваловскаго за точное исполненіе порученія.

Севрюговъ, позавтракавъ въ кухонькѣ, сдѣлался очень болтливъ. Онъ намъ передалъ по секрету толки, слышанные имъ отъ швейцара, о томъ, будто бы третьяго дня, послѣ нашего ухода изъ конторы, у Шакалова съ Бекиревымъ произошла крупная сцена въ кабинетѣ нотаріуса, и что Шакаловъ какъ-то «отобралъ» у счастливаго друга Пандѣева три тысячи рублей, изъ полученныхъ отъ Скрипачева денегъ. Говорятъ, что Бекиревъ чуть не плакалъ, но отдалъ Шакалову. Всѣ служащіе передавали это вчера какъ-то шопотомъ другъ другу.

Извѣстіе это какъ бы находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что Бекиревъ съ Пандѣевымъ пріѣзжали сегодня нѣсколько разъ, въ теченіи утра, къ Вердяеву и что-то долго толковали въ кабинетѣ. Бывшій обладатель нотнаго магазина былъ очень взволнованъ и, когда проходилъ чрезъ контору, бородка его сильно тряслась, вѣроятно, отъ негодованія.

Но вотъ и новое подтвержденіе.

Около часу дня прибѣжалъ въ контору какой-то франтъ еврейчикъ. Мнѣ сказали, что это миѳическій Зильберштейнъ, гдѣ-то пропадавшій всѣ эти дни, когда его искалъ, такъ тщетно, Бекиревъ для дисконта пандѣевскихъ векселей. Его сопровождалъ,

какъ мнѣ объяснилъ Аваловскій, присяжный стряпчій и вмѣстѣ присяжный повѣренный Левенбергъ, тоже еврейчикъ, во фракѣ съ присяжною пряжкой на бортѣ. Они что-то горячо между собою говорили на гортанномъ нарѣчіи. Мы ничего не понимали. Зильберштейнъ былъ блѣденъ. Онъ нервно дергалъ увѣсистую золотую цѣпочку, украшавшую его плюшевый жилетъ, и отчаянно вертѣлъ милліономъ брилліантовыхъ колецъ на своихъ толстыхъ, корявыхъ пальцахъ. Онъ кричалъ, что Бекиревъ, продавъ «фиктивно» магазинъ, «разъярилъ» его, Зильберштейна.

— Тц, тц! чмокалъ онъ, ломая руки:—ой, вей—пропала моя головуска! И все за мою добродѣтель, добавлялъ онъ.

(Аваловскій подсказалъ мнѣ, что этотъ Зильберштейнъ еще съ годъ тому назадъ ѣздилъ кондукторомъ на щапинскихъ колымагахъ по Садовой. Теперь онъ—неизвѣстно какъ вдругъ разбогатѣвъ—рекомендовался обыкновенно знакомымъ, при встрѣчахъ, «короломъ дишконторовъ» Петербурга).

— Вотъ человѣкъ! твердилъ онъ про Бекирева, видимо перенявъ, отъ долгаго имѣнія дѣлъ съ послѣднимъ, даже бекиревскую обычную формулу восклицанія.

Теперь онъ очень волновался, жаловался на неблагородство Бекирева и Пандѣева, утаившихъ отъ него эту сдѣлку, ломалъ себѣ руки, у всѣхъ спрашивалъ совѣта; а его спутникъ, прикорнувъ у круглаго столика, шибко строчилъ, между тѣмъ, какую-то длинную бумагу.

— Въ коммерческій судъ подадимъ, не спустимъ; прокурору—за злостность! восклицалъ «король дисконтеровъ», бѣгая по конторѣ:—нотаріусъ не имѣлъ права свидѣтельствовать эти акты! Всѣ будутъ отвѣчать!—Онъ и на насъ, видимо, сердился.

Тѣмъ не менѣе, засвидѣтельствовалъ въ конторѣ довѣренность на имя Левенберга. Я замѣтилъ, что даже невозмутимый Пленеръ какъ-то саркастически улыбался, когда передавалъ Венцеславу Венцеславичу, для занесенія въ реэстръ, засвидѣтельствованную довѣренность. Вердяевъ же, видимо, мало и думалъ объ этомъ, когда подписывалъ довѣренность. Приложивъ къ ней, машинкой, нотаріальную печать и вручая трепетно ожидаемый документъ Зильберштейну, онъ хладнокровно напомнилъ:

— Рубль заплатите въ кассѣ.

Посѣтители разсчитались съ Севрюговымъ и убѣжали, угрожающе жестикулируя.

— Когда хватился! иронически ворчалъ себѣ подъ-носъ Григорій Савельичъ, указывая глазами на удалявшагося Зильберштейна:—на всякую старуху, значитъ, бываетъ проруха! Тоже гусь лапчатый, нечего сказать!.. Не фальшивая ли? сказалъ онъ,

съ улыбкой расправляя данную дисконтеромъ рублевую ассигнацію.

Толки объ этомъ, можетъ быть, долго бы еще у насъ продолжались, еслибы не «Маториха», какъ назвалъ ее, джентльменски раскланиваясь по всѣмъ правиламъ танцовальнаго искуства, Севрюговъ. Въ комнату ввалилась толстѣйшая, расплывшаяся купчиха Маторина, въ турецкой шали на плечахъ и шелковой малиновой повязкѣ на головѣ. Лицо ея, однако, дышало добродушіемъ и веселостью. Она, видимо, когда-то была замѣчательною русскою красавицей. Несмотря на «мяса» отвисшихъ щекъ, лицо ея и теперь казалось красивымъ, бѣлымъ, румянымъ, съ веселыми карими глазами и темными бровями дугою. Ни одной сѣдинки не было замѣтно въ ея волосахъ. Ей сопутствовалъ сѣденькій купчикъ, болѣе прикащичьяго типа, въ длинномъ новомъ сюртукѣ, въ сапогахъ съ голенищами поверхъ брюкъ. Онъ почтительно держался нѣсколько сзади.

Пришедшіе помолились на образъ и, объявивъ, что они «по дѣлу съ Платономъ Александрычемъ», присѣли на диванчикъ. Вердяевъ напрасно просилъ ихъ «пожаловать» въ кабинетъ; они поблагодарили и остались въ конторѣ. Маторина, усѣвшись поглубже на диванѣ и сложивъ на животъ руки, стала оглядывать всѣхъ насъ своими любопытными, живыми и веселыми глазами. Все, что она видѣла здѣсь, казалось, было ей въ диво. Безъ жеманства и церемоніи, она спрашивала обо всемъ у своего спутника, улыбаясь нерѣдко самымъ невиннымъ его объясненіямъ. Замѣтивъ толстоту брюшка нашего Севрюгова, она весело сказала своему спутнику довольно громко:

— Мнѣ пара.

Двининъ только на пять минутъ далъ ей возможность его предупредить. Онъ явился съ огромною свитою свидѣтелей, въ сопровожденіи извѣстныхъ уже намъ Мацфельдена, Михѣева и Саровича. Вердяевъ его встрѣтилъ у дверей, а Севрюговъ поднялся съ мѣста. Двининъ опять небрежно кинулъ свою шляпу и трость на столъ и развязно прошелся по всей конторѣ. Онъ былъ здѣсь свободенъ, какъ рыба въ водѣ.

— Виноватъ, тысячу разъ виноватъ, моя милая, прекраснѣйшая, добрѣйшая, уважаемая Ольга Ивановна! подбѣгая къ Маториной, говорилъ онъ:—задержалъ, предупредили. Эхъ, дѣла, дѣла!—И онъ жарко жметъ ея руки.

— Ну, да знаю, знаю тебя, пострѣла! добродушно говоритъ купчиха: — тебѣ всегда времени не хватаетъ. А ужъ кажется шустеръ!.. Когда ты угомонишься, юла?

— Въ потѣ лица свой хлѣбъ нужно заработывать, напоми-

наетъ Двининъ:—семейство большое, жена, дѣти, нужно работать. Вотъ дайте еще домковъ четыре-пять выстроить, тогда поугомонимся маленько на время.

— Семейство, жена, дѣти, говоришь, а почто къ французинкѣ каждый день ѣздишь, безстыдникъ?!

— Къ какой? Что̀ вы, Ольга Ивановна, клевещете!

— Къ какой? Цѣлый городъ знаетъ, къ какой. Ахъ, ты безстыдникъ, женатый человѣкъ! Вотъ постой, супружницу увижу—разскажу ей.

— Клевета, ей-Богу, клевета, Ольга Ивановна, говоритъ весело Двининъ, удаляясь на минуту въ кабинетъ Вердяева.

Саровичъ подсѣдаетъ къ Маториной.

— Какъ поживаешь, Филиппъ Петровичъ? фамильярно спрашиваетъ купчиха. (Я замѣчаю, что Саровичу всѣ считаютъ себя вправѣ говорить «ты»).

— Помаленьку, Ольга Ивановна-съ. Вотъ разсчитываю скоро получить съ Оттомарки 1,800 рублей...

— Разсчитывай, разсчитывай, батюшка. Разсчитывать никому не взапретъ...

— Какой у меня опять женихъ есть на примѣтѣ для Надиньки, Ольга Ивановна! говоритъ Саровичъ, понижая голосъ.

— Ты Бога побоялся бы, Филиппъ Петровичъ, съ упрекомъ говоритъ Маторина: — смѣешься ты надо мною, что ли? Какъ твои безстыжіе глаза еще смотрѣть на меня могутъ? шутливо добавляетъ она.

— Что такое, Ольга Ивановна?

— Еще спрашиваешь! Князь-то былъ не настоящій, какъ я теперь завѣрно узнала.

— Ей-Богу, настоящій, Ольга Ивановна!

— Ты ужь мнѣ не божись. Нѣтъ тебѣ болѣе вѣры—и жениховъ твоихъ на порогъ болѣе не пущу.

Въ это время изъ кабинета выходитъ Двининъ.

— Какую онъ мнѣ штуку, по Рождествѣ, отмочилъ, Платонъ Александрычъ, относится Маторина къ Двинину, указывая на Саровича.

— Плутъ, извѣстный плутъ, Ольга Ивановна! хлопая дружески Саровича по плечу, соглашается Двининъ.

Саровичъ, краснѣя, улыбается.

— Въ сваты къ Надинькѣ напросился. Жениховъ-то у дочки, положимъ, и безъ него не обирать-стать: приданница; милліоны-то банковскими денежками тоже нонѣ не у многихъ дѣвокъ найдешь! Долгами да векселями развѣ. Положимъ, на возрастѣ, не красавица, а съ лица чистая и милліонщица будетъ.. И Пиха-

чевы, и Турогины, и Тридцатіумовскіе въ дверь стучались. А тутъ онъ съ княземъ какимъ-то. Ну, думаю, купечество—купечествомъ, тоже вѣдь почетъ не малый, первостатейщики все, а княгиней быть Надинькѣ, съ такимъ капиталомъ, тоже пристало бы: моя потеряевская родня съ зависти полопалась бы! «Покажи», говорю. Четвертную впередъ взялъ, безстыжій человѣкъ, должно быть съ голодухи! Дала. Показалъ Надинькѣ на улицѣ. Ничего не разберешь. Ну, видно г. военный, да и все; въ шинелишкѣ закутанъ хорошей, шапка этакая высокая, лохматая какъ у кавказскихъ конниковъ. Не видно! Принесъ карточку. Въ апалетахъ, видимъ, кавалерія есть, бравый изъ себя. «Пусть пріѣдетъ», сказываю Саровичу. Ну, батюшка, Платонъ Александрычъ, смѣху-то сколько потомъ было; приготовились: полы всю ночь натирали полотеры, ковры разложили, серебро вынули, пирогъ, шеколадъ, фрукты, шампанское изготовили. Пріѣзжаетъ. (Пріѣхалъ, точно, въ каретѣ!). Какъ вошелъ, я, батюшка, какъ слѣдуетъ — князю и жениху—въ поясъ поклонилась, а сама сразу и вижу, что дѣло тутъ нечисто, не настоящій, должно быть.

— Ей-Богу настоящій, Ольга Ивановна, побей меня Богъ, настоящій.

— Ты ужь мнѣ не божись, я тебѣ сказала, Филиппъ Петровичъ, остановила Саровича полу-строго, полу-шутливо Маторина:—настоящій развѣ сталъ бы носъ пальцами утирать, входя? Вижу, плутня какая-то Саровича. Съ Кавказа, должно быть. Черномазый, какъ цыганъ, мычитъ и буркулами только водитъ... Что ты въ немъ настоящаго нашелъ? обратилась она весело къ Саровичу.

— Что? а глаза-то, или буркулы, какъ вы изволите называть, Ольга Ивановна? объяснилъ Саровичъ: — развѣ не замѣтили породу?

— По буркуламъ-то я и спознала, что не настоящій.

— Побей меня Богъ, настоящій.

— Вошелъ это онъ, батюшка, объясняла она Двинину:—на образъ не перекрестился, какъ у насъ православные князья сдѣлали бы, пріѣзжая за такимъ дѣломъ, да буркулами такъ и поводитъ, такъ и поводитъ изъ угла въ уголъ, какъ на кухонныхъ часахъ, знаете, бываетъ: то подъ образа кинетъ ихъ, (она показала рукой въ одинъ уголъ конторы), то на фортапіянъ метнетъ. (Она указала на каминъ). Ажно мнѣ страшно стало, а ужь не трусливая, кажется, я баба. Ну, вижу, плутня, плутня какъ есть! Сейчасъ порѣшила. Недологъ разговоръ былъ. «Отвѣтъ, говорю, по тому дѣлу, за которымъ пріѣхали, я вамъ дамъ чрезъ Саровича». И спровадила. «Понравился тебѣ, На-

динька?» спрашиваю потомъ дочку.—«Нѣтъ, говоритъ, маменька, не понравился, слишкомъ черный и не изъ русскихъ, должно быть. Мало образованія, форса, говоритъ, видно». И тесакъ у него, батюшка, большой спереди виситъ — Господь знаетъ, зачѣмъ!—боязно, засѣчь можетъ дѣвку, сама вижу... Не настоящій, не настоящій; плутня, что ты мнѣ ни говори, Филиппъ Петровичъ! отнесласъ она къ Саровичу.

— Настоящій, грузинскій князь, Ольга Ивановна, стоитъ на своемъ Саровичъ.

— Ты ужь молчи! Узнала я, каковъ твой князь, выгнанный изъ службы; картежный домъ держитъ, картами фокусы выдѣлываетъ, какъ это называется? Тебя метлой за это слѣдовало бы изъ дому прогнать, вмѣстѣ съ твоимъ княземъ! Въ сваты назвался!.. Такъ четвертная за нимъ и пропала, указывая на Саровича, весело говоритъ смѣющаяся Маторина.

XI.

24-го марта, воскресенье, вечеромъ.

Продолжаю вчерашнюю сцену.

— Если кончили, господа, вмѣшивается Вердяевъ въ разговоръ маторинской группы:—то прошу въ кабинетъ: все готово. Мой помощникъ вамъ прочтетъ. Николай Иванычъ! прочтите имъ купчую—у меня, сегодня, что-то горло болитъ.

Всѣ направляются толпою въ кабинетъ, вмѣстѣ съ Вердяевымъ. Сзади всѣхъ на цыпочкахъ входитъ туда Саровичъ. Вскорѣ оттуда начинаетъ доноситься до насъ монотонное чтеніе Пленеромъ купчей.

Минутъ чрезъ десять, всѣ выходятъ опять въ контору для подписанія актовъ, такъ какъ въ кабинетѣ нѣтъ большихъ столовъ, гдѣ-бы можно было удобно разложить фоліантъ актовой книги.

— Ольга Ивановна, пожалуйте: вамъ первой писать.

Вердяевъ придвигаетъ ей стулъ. Перо для нея онъ держитъ на-готовѣ въ рукѣ. Она грузно садится.

— Что же, батюшка, я должна писать? беря перо, спрашиваетъ она нотаріуса и достаетъ какую-то бумажку изъ кармана.

— Три раза роспишитесь, Ольга Ивановна. Пишите сначала здѣсь. — Онъ даетъ ей проэктъ: — Къ сему проэкту купчей крѣпости, потомственная почетная гражданка, с.-петербургская 1-й гильдіи купчиха Ольга Иванова Маторина руку приложила.

— Да что вы, батюшка, смѣетесь надо мною? кладя перо, добродушно замѣчаетъ покупательница:—я всего этого не могу написать. Старая-то женщина, безграматная!.. Не хочу и денегъ Платона Александрыча.

— Что же вы можете?

— А вотъ это. — Она показываетъ что-то на клочкѣ бумаги заготовленное.

— Ну, прекрасно, Ольга Ивановна. Будетъ и такъ. Пишите.

— Ты читалъ, Аѳанасій Иванычъ? спрашиваетъ она своего спутника, пристально на него взглядывая.

— Читалъ-съ, Ольга Ивановна.

— Вѣрно?

— Вѣрно-съ. Подписывайте безъ сумлѣнія.

— Не извольте безпокоиться, Ольга Ивановна, говоритъ Вердяевъ:—у насъ этого не бываетъ.

— 29 тысячъ получаемъ съ Платона Александрыча?

— 29-съ.

Она смѣется, беретъ перо, усаживается поудобнѣе у стола и начинаетъ срисовывать съ бумажки.

— Потомственная... почетная... гражданка, подсказываетъ ей, нараспѣвъ, нотаріусъ.

Всѣ нагибаются, чтобы посмотрѣть.

— Ступайте, ступайте! прогоняетъ она любопытствующихъ:— ходите пока по конторѣ. Собьете меня, смѣется она:—я вѣдь на мѣдныя деньги учена.

Всѣ отхлынываютъ. Остается одинъ Вердяевъ, да за плечами покупщицы Аѳанасій Иванычъ. Раздается легкое сопѣнье трудящейся купчихи. Долго она пишетъ.

— Поѣхала, поѣхала подъ-горку, улыбаясь, вскорѣ говоритъ Ольга Ивановна. И хохочетъ.—Будетъ это считаться? освѣдомляется она у Вердяева.

— Будетъ, ничего. Вотъ я вамъ пролинюю.—Онъ быстро проводитъ нѣсколько линеекъ карандашемъ:—по линеечкѣ пишите, Ольга Ивановна.

Между тѣмъ, у камина, разставивъ широко ноги и заложивъ руки назадъ, грѣетъ поясницу Двининъ. Саровичъ подбѣгаетъ къ нему и что-то шепчетъ.

— Считайте за мной, считайте за мной! говоритъ громко Платонъ Александрычъ. Саровичъ, конфузясь, говоритъ ему что-то на ухо: — рубль, только рубль могу. Болѣе у самого нѣтъ! Не знаю, чѣмъ нотаріусу заплатить.

Онъ достаетъ изъ жилетки серебрянную мелочь и даетъ Са-

ровичу. Затѣмъ, какъ бы только-что замѣтивъ меня, онъ бѣжитъ отъ Саровича къ намъ за барьеръ.

— Здравствуйте, г. Мастовъ.—Онъ протягиваетъ мнѣ руку.— Ну, что̀, какъ служба? Привыкаете ли? Нотаріусъ вами доволенъ; онъ мнѣ сейчасъ говорилъ въ кабинетѣ; очень радъ, что вы оправдали мою рекомендацію... Просите прибавки жалованья, какъ мѣсяцъ пройдетъ. Чего ихъ жалѣть! понижая голосъ, объясняетъ онъ мнѣ.—Смотрите, какъ они сами насъ обираютъ...

И онъ метнулъ глазами на Вердяева, хлопочущаго около Маториной; чрезъ секунду онъ ужь ушелъ толковать съ Мацфельденомъ... Такая ужь живая натура!

— Ну, теперь еще разокъ, послѣдній, Ольга Ивановна, говоритъ у круглаго стола Вердяевъ:—вѣрительная надпись: что вы и Платонъ Александрычъ довѣряете мнѣ представить эту выпись купчей крѣпости на утвержденіе старшему нотаріусу окружного суда.

— Вѣрно это, Аѳанасій? освѣдомляется Маторина у своего спутника. Тотъ нагибается къ бумагѣ и пробѣгаетъ глазами.

— Вѣрно-съ, Ольга Ивановна.

— Ну, дайте только передохнуть, говоритъ купчиха: — замучили меня, старуху: вся взопрѣла.

Она раскалываетъ на груди булавку шали, широко размахиваетъ раза два руками и, затѣмъ, опять принимается за писаніе.

— Тутъ просто можете написать: Ольга Маторина, предупреждаетъ ее Вердяевъ.

— Давно бы такъ, батюшка... Не обезсудьте, какъ умѣла написала, черезъ минуту говоритъ купчиха, кладя перо.

— Сойдетъ-съ, Ольга Ивановна, ободряетъ нотаріусъ:—Платонъ Александрычъ, ваша очередь!

Двининъ подбѣгаетъ и, безъ всякихъ указаній нотаріуса, расчеркивается, въ трехъ мѣстахъ, бойкимъ и крупнымъ почеркомъ.

— Не то, что мы, весело говоритъ Маторина. — Гляди, Платонъ Александрычъ, смѣется она, указывая на свою подпись: — и маслянница прошла, а я, какъ на салазкахъ, подъ-горку съѣхала.

— Мы сильны съ вами капиталами, Ольга Ивановна, утѣшаетъ ее, смѣясь, Двининъ.

— И я всегда тожь говорю, батюшка. При капиталахъ зачѣмъ граматность! Я вотъ безъ хозяина осталась 25-лѣтнею молодкою—а вотъ же веду дѣло, безграматная баба. Изъ милліона — дѣтямъ сдѣлала два... Человѣку, мужчинѣ, правда, нужно, соглашается Маторина: — на службу выберутъ, аль къ министру пойдетъ — все нужно; а бабѣ... Меня и такъ всюду примутъ, а

съ капиталомъ и почетъ окажутъ. Вотъ у меня сто рабовъ есть, указывая рукой на Аѳанасія Иваныча, объяснила она:—прикажу и прочтутъ; повелю и подпишутъ. Такъ я говорю, Аѳанасій Иванычъ?

— Такъ-съ, Ольга Ивановна.

— Ты мой рабъ?

— Ваши-съ, Ольга Ивановна.

— Да и дѣловъ-то у меня письменныхъ нѣтъ, на чистоту все.

— Въ торговлѣ — нельзя, Ольга Ивановна, замѣчаетъ Двининъ: — вексель нужно иногда написать, либо у другого взять.

— Отродясь, не писала и смерть ихъ боюсь, батюшка! Мы вѣдь настоящее купечество, по старинѣ. Что̀ за купецъ коли ужь векселя пишетъ: значитъ, денегъ нѣтъ.

— Обернуться можно; для кредита въ банкахъ нужно, Ольга Ивановна.

— Понимаю; моимъ-то добромъ, да мнѣ-жь и поклониться хочешь! Не продамъ такому. Лучше на чистыя дешевле товаръ продать. У насъ, у басонщиковъ да парчевниковъ, прежде все такъ было. Нонѣ не то уже, знаю.

— Вотъ то-то и есть, Ольга Ивановна. Не бойсь, дочку-то въ пансіонѣ обучали.

— Ей въ своемъ вѣку жить, батюшка... А въ наше время отъ дѣвки требовались лишь красота да чистота; сердце чтобы боязное было; Бога, родителей, да мужа чтобы боялась, хозяйка да стряпуха чтобы была хорошая, домъ чтобы умѣла держать... И, право же, оно было лучше; зависти было меньше, веселости больше. О святкахъ наше веселье было нечета нонѣшнему: и гаданья, и ряженье въ рожи, и пѣсни святочныя да подблюдныя, и катанья и пляска. (Плясали, правда, тишкомъ, какъ старики спать уйдутъ). И все-то было отъ сердца: засмѣется, бывало, дѣвка — такъ окна задрожатъ; заплачетъ, завоетъ — такъ у Миколы на Грязной слышно. А теперь и смѣяться не умѣютъ—«неприлично», говорятъ. И ужь такихъ выдумчицъ на дурачества, на задёрство, да на веселье какъ мы съ покойницей сестрой были, не помнятъ старики и до сей поры—спросите. Меня, Лёльку, да сестру покойницу, Пелагею Ивановну, что за Ватошкинымъ, Иваномъ, была — вся московская часть помнитъ! Въ русской, пойдемъ—а коса-то у меня была что твой лошадиный хвостъ, въ руку толщью—такъ и глаза-то ясные, и брови-то черныя, и плечи-то бѣлыя, и локти-то пухлые, и всякая-всякая жилка человѣческая—живьемъ-ходуномъ ходятъ! (Ну, и польки разныя транбланъ знали). Лёльку-то потеряевскую и теперь, почитай, вспоминаетъ Загородный прешпектъ. Тятинькины-то балы всѣ

навѣщали; оберъ-полицмейстеръ Ратошкинъ и тотъ, бывало, изъ дворца, часу во второмъ ночи, пріѣдетъ къ ужину... Хозяинъ-то мой, покойникъ—царство небесное!—какъ сталъ за мной ходить такъ, на-первяхъ, словно разуму лишился. Какъ въ плясѣ-то я его, будто ненарокомъ, проходя, локтемъ толкну, да плечомъ поведу, да глазами вскину, такъ онъ, желанный мой, бывало, и вскипитъ. «Лёлька, говоритъ, если ты за меня не пойдешь, я загублюсь, въ Фанталку брошусь». (Она какъ-то одушевленно подбоченилась одной рукой). Была дѣвка, безъ похвальбы вспомнить могу про себя!.. И взялъ онъ меня изъ богатой семьи, а самъ сидѣлъ на своемъ еще тогда небольшемъ хозяйствѣ всего третій годъ. А пошла за него — рабой его стала. На него смотрѣла, только имъ жила. Супротивъ его воли—никогда. За то не было большого праздника въ году, когда бы онъ не взялъ изъ дѣловъ, да не подарилъ мнѣ пятисотъ, тысящи рублевъ. А бральянтовъ, да жемчугу этого бурмицкаго у меня своего было тысящъ на сто по тогдашнимъ деньгамъ... Богатѣть въ дѣлахъ мы стали быстро. И въ дому покой. Въ жизнь цѣлую—ни разъ размолви не было... Разъ только—только разъ, признаюсь, честные господа, было давнишнее, что таить!—приключилось что-то неладное въ дому, осерчалъ, вдарилъ — признаюсь — вдарилъ вотъ сюда. (Она показала на лѣвую сторону шеи). И то во-хмѣлю былъ, видѣла я. Ну, мужнино дѣло, его милость—его и гнѣвъ, ничего не подѣлаешь! А я была молода, красива, обидно стала. Я встала, поклонилась ему въ-поясъ, да и говорю: «Господинъ мой, супругъ Константинъ Трифонычъ! учишь жену свою, рабу твою—на томъ тебѣ кланяюсь за науку. Твоя воля, твой законъ. А только въ дѣлѣ, за которое коришь да бьешь, неповинна я». И такъ только вскинула на него укорительно глазомъ однимъ. И ушла въ спальню, заплакала тихо. Такъ онъ, желанный мой, господинъ мой, протрезвѣлъ, и хмѣля какъ не бывало! Опомнился, сердце прошло. Пришелъ ко мнѣ, сталъ у постели на колѣнки, какъ предъ попомъ, да какъ самъ зарыдаетъ, да какъ зарыдаетъ! А мужчина онъ былъ настоящій, тѣльный, нутро-то у него отъ взрыда да слезъ какъ загремитъ, какъ загремитъ! «Прости меня, говоритъ, Лёленька! прости окаяннаго!»—«Богъ, говорю, тебя пусть проститъ». Такъ говорится завсегда, знаете. А онъ и пойми мои слова по смыслу. Дѣло было къ ночи. Всталъ это онъ, зажегъ передъ образами всѣ свѣчи у кіоты, покадилъ ладономъ, сталъ—да и говоритъ: «Господи, прости мое великое прегрѣшеніе!» — да въ-полъ поклонъ. «Господи, прости мое великое прегрѣшеніе!—да въ-земь. «Господи, говоритъ...» Отъужиналъ весь домъ,

ждали-прождали его, полегли; я спать полегла, онъ стоитъ да бьетъ поклоны. Я уговаривать, божиться, что сердцевъ нѣтъ на него у меня—не слушаетъ. Я заснула, проснулась въ три часа ночи, свѣтало, а онъ все, обливаясь пòтомъ — халатъ снялъ — стоитъ да говоритъ: «Господи, прости мое великое прегрѣшеніе»!.. Ужъ утромъ, на канапу легъ и заснулъ. «Недостоинъ, говоритъ, я супружескаго ложа». Тысящу поклоновъ сдѣлалъ, какъ потомъ сказывалъ. Въ заведеніе недѣлю не ѣздилъ. Въ глаза мнѣ полгода не могъ смотрѣть... Въ пять тысящъ фермоаръ и брошъ на другой день подарилъ — все ему казалось, мало выкупа за свой грѣхъ!.. И не было у него темноты отъ меня; никакого дѣла не начиналъ онъ, не спрося совѣта женинаго. Даромъ, что я неграматная баба была! Евсѣевъ, какъ переходилъ съ лотка на бакалею и фрукту, пріѣхалъ къ покойнику 75 тысящъ просить. Ну, деньги большія, да и мы сами тогда, по времени, стѣснены были. Гость сидитъ въ кабинетѣ. Приходитъ *мой* въ спальню ко мнѣ. «Какъ ты думаешь, Ольга, давать, аль отказать — деньги не малыя»? спрашиваетъ. — «Почему, говорю, новому человѣку не помочь; фирма они купецкая, дѣло ведутъ толково... Честь есть — отдадутъ. Нужно людямъ помогать; намъ самимъ когда-то тятинька помогалъ. А мы далеко не послѣдокъ еще даемъ; обойдемся, хотя и стѣснены временно»... Сталъ это Евсѣевъ съ нами передъ кіотой, помолились втроемъ, Константинъ Трифонычъ и говоритъ: «Микола Чудотворче, молитвенникъ за грѣхи наши, будь свидѣтелемъ, что честью и правдой даемъ, не корыстью». «Микола Чудотворче, молитвенникъ за грѣхи наша, будь свидѣтелемъ, что честью и правдой даемъ, не корыстью».—«Микола...» Такъ три раза. Поцѣловалъ Евсѣевъ, Григорій Семенычъ, образъ, побожился въ отдачѣ денегъ, мой Маторинъ и говоритъ: «Присылайте; Ольга, выдай». Векселя, заемное письмо хотѣлъ Евсѣевъ писать. «Зачѣмъ, говорю мужу, обидимъ только Миколу-свидѣтеля; коли не отдастъ— угодникъ самъ знаетъ, какъ съ Евсѣева эти деньги намъ повернуть». На нечестнаго должника, говорю, нѣтъ земного суда; не захочетъ за честь платить—опорочится, спрячетъ деньги, сбанкрутуетъ. Ничего не подѣлаешь и съ векселями». «Правда», говоритъ Маторинъ и не взялъ векселей. Ну, а только Евсѣевы все-таки прислали, на бланкетѣ фирмы, росписку такую, что, молъ, взято у Маториныхъ 75 тысячъ заимообразно на пять лѣтъ, съ равнымъ платежемъ по-годно. И заплатили, заплатили все, по чести, въ срокà... И какъ смертный часъ пришелъ—а умеръ Маторинъ молодымъ—онъ все записалъ на меня. «Дѣтямъ, говоритъ, дашь по своему материнскому благоволенію. Дѣло веди сама, не кидай,

а трудись, преумножая Богомъ данное. За краткую восьмилѣтнюю жизнь съ тобою буду вѣчно благадарить Господа, какъ предстану передъ его престолъ»... Никого не забылъ. Всѣмъ мастерамъ, мастерицамъ — кому сто, кому триста выдалъ. Всѣмъ рабочимъ и дѣвицамъ приказалъ мѣсячное выдать не взачетъ и на три дня ослобонить отъ работъ вовсе, чтобы молиться за его душу да помянуть гулянкой могли. Призвалъ его, поблагодарилъ за службу (Она указала на Аѳанасія Иваныча). «Выдай ему 5 тысящъ рублевъ безвозврата въ награду, приказалъ онъ мнѣ:—и пусть и онъ самъ, и дѣти его, что̀ приблудилъ незаконно, грѣшникъ (Аѳанасій Иванычъ конфузится и улыбается, вмѣстѣ со всѣми):—живутъ безплатно въ домѣ, будетъ ли онъ тебѣ служить или нѣтъ, доколѣ домъ въ маторинской семьѣ находиться будетъ. Ибо рабъ онъ былъ вѣрный и цѣны ему нѣсть»!.. И выдала я ему все, по слову хозяина и господина моего .. Вѣрно я говорю, Аѳанасій? обратилась она къ своему спутнику.

— Вѣрно-съ, Ольга Ивановна.

— А все оттого, что Бога болѣе боялись, объяснила она: — я была въ страхѣ божьемъ съизмалу держана. И Бога тогда любили. У тятиньки моего, въ домѣ, почитай, цѣлая стѣна образовъ была—гдѣ нонѣ столько увидишь у купечества?—да какіе! половина изъ самаго Аѳона-горы, рѣдкіе-рѣдкіе!

Вердяевъ кинулъ свидѣтеля Михѣева, котораго руководилъ подписомъ купчей. Можетъ быть, ему надоѣлъ нѣсколько однообразный разсказъ гостьи-купчихи. Онъ выпрямился во весь ростъ.

— Да̀, вотъ когда я путешествовалъ въ Палестинѣ, на поклоненіе, съ Робертомъ Вильгельмычемъ... началъ нотаріусъ.

— Были? живо воскликнула Маторина, поворачиваясь къ нему на стулѣ и отрываясь отъ своего разсказа: — и въ Ерусалимъ-градѣ были?

Хитроватый нотаріусъ воздѣлъ глаза къ потолочной лампѣ и, вздохнувъ, съ чувствомъ проговорилъ:

— Сподобился, Ольга Ивановна.

— Аѳанасій, онъ былъ! энергично сказала она, оборачиваясь къ своему спутнику:—счастливый человѣкъ!

— Да̀, опять вздыхая, отвѣчалъ Вердяевъ:—истинно счастливое время было!

— Не испужались? освѣдомилась добродушно Ольга Ивановна. — Это гдѣ же стоитъ градъ, въ Эѳіопскомъ царствѣ, говорятъ?

— Въ Турціи, добрѣйшая, милѣйшая, наивнѣйшая Ольга Ивановна, поправляетъ ее слушающій Двининъ.

— Все одно, батюшка, все одно — черные люди гдѣ живутъ, смѣясь, объясняетъ она:—вонъ Саровичевъ князь, должно быть, оттуда былъ, смѣется она, кивая на Саровича, тутъ же присутствующаго въ огромной толпѣ, тѣснящейся вокругъ веселой купчихи. — И не бо̀язно вамъ было ѣхать, батюшка? освѣдомилась она опять у Вердяева.

— Нѣтъ, чего же-съ, Ольга Ивановна!

— Какъ чего же, батюшка?!—я еще въ мо̀лодяхъ у тятеньки жила, такъ странница, помню, сказывала, что на тысящу верстъ, отъ самаго моря до Ерусалимъ-града, на горахъ, черти стоятъ и прохожему языки показываютъ; это, значитъ, спужать хотятъ, не допуститъ до града... Ну, а кто не спужается и дойдетъ — тутъ ему все и простится, спасется и цѣлый годъ отъ него Ерусалимомъ будетъ па̀хнуть. Не знаю, правда ли?

— Ахъ, милая, добрѣйшая, наивнѣйшая Ольга Ивановна! говоритъ, беря ее за руки, Двининъ: — глупости какія вы повторяете, вѣрите всему.

— Ахъ, батюшка, да что ты! да я тебѣ только разсказываю; а сама этому не вѣрю; и сама думаю, что глупости! смѣется добродушно Маторина:—статочное ли это дѣло! Гдѣ-жь столько чертей набрать? Почитай, и у насъ сколько-нибудь нужно оставить на расплодъ. Въ каждомъ дровяномъ сараѣ въ Питерѣ, почитай, сидитъ ихъ не мало, да еще съ энераломъ ихнимъ... Я сама этому не вѣрю! Мало ли что глупыя бабы, странницы, промежъ насъ, неграматныхъ людей, болтаютъ. А и не вѣрю. Это вѣдь къ вѣрѣ не идетъ; можно этому и не вѣрить. Извѣстно, изъ антересу выдумываютъ...

— Вотъ это такъ, вотъ это вѣрно, милѣйшая, почтеннѣйшая Ольга Ивановна, говоритъ Двининъ, тряся ее за руки.

— А вотъ что пахнуть будетъ отъ такого человѣка цѣлый годъ—такъ это правда; про это не споръ, я сама нюхала, утверждаетъ Маторина.

— Что жь это за запахъ, Ольга Ивановна?

— А капарисомъ, батюшка, капарисомъ; сама нюхала, не споръ.

Всѣ остаются въ молчаніи вокругъ Ольги Ивановны. У всѣхъ улыбка на устахъ. Но искреннѣе всѣхъ, кажется, смѣется красивыми глазами сама старуха Маторина.

— Ну, вотъ и отдѣлались, господа, вскорѣ объявляетъ обрадованно нотаріусъ, обращаясь къ Маториной и Двинину.

— Слава тебѣ, Господи! замучили старуху.—Маторина складываетъ подаятельно ладонями руки и весело обращается къ Двинину:—теперь пожалуйте денежки, Платонъ Александрычъ.

— Постойте, Ольга Ивановна, еще не сегодня: старшій нотаріусъ когда утвердитъ; къ Святой, не ранѣе.

— Ахъ, батюшки-свѣты, да чтожь это за порядки такіе!.. Да это еще, пожалуй, меня поташутъ по судьбищамъ да торжищамъ.

— Придется разокъ, какъ будетъ все готово, къ старшему нотаріусу съѣздить: купчую вѣдь вамъ выдадутъ. Тогда и крѣпостныя будемъ платить. Вы мнѣ купчую въ руки — а я вамъ денежки полностью. Не безпокойтесь, Ольга Ивановна, вотъ г. нотаріусъ (Двининъ указалъ на Вердяева-Кисловскаго):—увѣдомитъ васъ, когда будетъ все готово. Никому, кромѣ васъ, не выдадутъ... Пожалуста! проситъ онъ отъ себя нотаріуса: — поторопите въ нотаріатѣ; что будетъ стоить я принимаю на себя. Не позже Святой нужно мнѣ купчую имѣть въ рукахъ: въ маѣ закладка; есть ужь покупщики на будущій домъ-то, тихо добавляетъ онъ.

— Будьте покойны, Платонъ Александрычъ, постараюсь, въ полголоса успокоиваетъ Вердяевъ.

— Это моей старушечьей жизни не хватитъ! между тѣмъ, вопитъ шутливо Маторина. — Вотъ нонѣ порядки! Въ наше время все дѣлалось, кажется, изъ полы въ полу. Вотъ времена, хоть въ гробъ ложись! Знала бы, ей-ей, не взяла и сорока тысячъ съ тебя, Платонъ Александрычъ: все нутро старушечье отбило тревогами!

Севрюговъ, со стороны, подноситъ Двинину счетикъ нотаріальныхъ расходовъ.

— А вотъ это удовольствіе такъ сейчасъ нужно платить, говоритъ весело Платонъ Александрычъ, приподнося счетъ Маториной.

— Это что же такое, батюшка? я вѣдь прочесть сама не могу.

— Нотаріальные расходы.

— Г. нотаріусу?

— Да-съ, Ольга Ивановна. Половина на васъ, половина на меня, по условію.

— Такъ, Аѳанасій Иванычъ?

— Вѣрно, Ольга Ивановна.

Она копается долго въ складкахъ своего платья, торопливо ища кармана. Затѣмъ, вынимаетъ платокъ и изъ него ужь толстый кожаный бумажникъ.

— Благоволите получить, г. нотаріусъ, сколько съ меня слѣдуетъ, передавая Вердяеву новенькую радужную бумажку, говоритъ привѣтливо старуха. Нотаріусъ отдаетъ деньги Севрюгову.

Тотъ спѣшно идетъ къ кассѣ, сопутствуемый Двининымъ, вынимающимъ свои деньги для разсчета.

Получивъ съ Двинина все, что слѣдуетъ, Григорій Савельичъ несетъ сдачу Маториной. Онъ предстоитъ, и безъ того нѣсколько сконфуженный, неизвѣстно чѣмъ, предъ Ольгой Ивановной и подаетъ сдачу, расшаркиваясь по всѣмъ правиламъ танцовальнаго искуства. А тутъ шутиха, вовсе не знающая его, Маторина наивно спрашиваетъ ни съ того, ни съ сего:

— Здоровы, батюшка?

Севрюговъ окончательно конфузится. Онъ что-то невнятно лепечетъ, краснѣя.

— Мы съ вами колеса съ одной оси—потому спрашиваю, объясняетъ ему добродушно купчиха, показывая рукою на свой животъ.—Покушать, по моему, вѣрно, любите?

— Онъ у насъ постникъ, шутливо трепля по плечу Севрюгова, рекомендуетъ его Вердяевъ.

Севрюговъ и смѣется и конфузится. Всѣ вокругъ хохочутъ.

— Аѳанасій, отдай писарямъ, что куплю писали, говоритъ Маторина, передавая изъ сдачи двадцатипяти рублевую бумажку своему спутнику. И она указываетъ глазами на насъ.

— Не извольте тратиться, Ольга Ивановна, поспѣшно вмѣшивается Вердяевъ, останавливая рукою Аѳанасія Иваныча: — у нотаріусовъ это не принято. Служащіе получаютъ за то, что пишутъ, хорошее жалованье отъ меня. Они удовлетворены.

— А вы, батюшка, у своей собаки хлѣба не отнимайте! То отъ васъ, а то отъ Маториной. Я богаче ихъ. Небось, тоже, семейные, сѣмя разводятъ. Тоже писали, трудились. Вы думаете, батюшка, я никогда въ судахъ не бывала!

— У насъ это не принято, почтенная Ольга Ивановна. Они довольны, горячо стоитъ Вердяевъ.

— Да ты, батюшка, кинь; собака сама знаетъ что дѣлать.

Вердяевъ растерянно не знаетъ что дѣлать.

— Откажитесь... Встаньте и поблагодарите, вы писали! шепчутъ мнѣ и Аваловскому Венцеславъ Венцеславичъ и Анна Алексѣевна. Я подымаюсь съ мѣста, конфузясь.

— Премного благодарны, Ольга Ивановна; ненужно-съ. Мы жалованье за это получаемъ, говорю я Маториной, кланяясь: — очень благодарны.

— Ваше дѣло, сударь, замѣчаетъ она, беря деньги и готовясь прятать въ бумажникъ:—не обезсудьте глупую бабу—обидѣть не хотѣла. Не желала, чтобы на меня даромъ трудились... Совсѣмъ нонѣ другіе порядки! Прежде начистоту, бывало, даешь... Умирать, видно, надо, охъ-охъ!—И она смѣется.

Саровичъ нагибается и что-то говоритъ ей на ухо.

— Платонъ Александрычъ, зоветъ купчиха Двинина: — слѣдуетъ этому — свату-то — что-нибудь?

— Слѣдуетъ, ей-Богу, слѣдуетъ! жалобно восклицаетъ Саровичъ:—чрезъ меня куплена земля.

— Оно, конечно... Какъ желаете, впрочемъ, Ольга Ивановна; если милость ваша будетъ къ Саровичу, говоритъ, на-распѣвъ, Двининъ.

— Да не милость, а слѣдуетъ ли? Аѳанасій Иванычъ, слѣдуетъ?

Саровичъ пугливо глядитъ на спутника Маториной. Тотъ нагибается къ Ольгѣ Ивановнѣ и что-то ей объясняетъ.

— Ну, сто рублей жирно тебѣ будетъ, весело говоритъ купчиха, взглядывая на убитое лице комиссіонера: — это за то-то, что разъ ко мнѣ пришелъ, да другой къ нему (она указываетъ на Двинина) пробѣжалъ? Дешево свой хлѣбъ заработываешь!

Саровичъ еще что-то шепчетъ ей.

— Правда; слишкомъ ужь ты бѣдный человѣкъ! День-деньской попусту ноги бьешь... Аѳанасій, выдай 50 рублевъ. Довольно тебѣ, Филиппъ Петровичъ?

Отъ наплыва счастья при мысли, что имѣетъ 50 рублей—которыхъ, можетъ быть, давно не держалъ въ рукахъ — старикъ растерянно кидается при всѣхъ цѣловать руку Маториной. Слезы у него текутъ по морщинистому лицу.

— Тьфу, проклятый, какъ онъ меня напужалъ! вздрагивая, говоритъ старуха, отнимая свою руку у Саровича.—Съ Двинина, съ Двинина получай еще 50 рублевъ, своего не теряй, весело подсказываетъ она. — Что-жь я одна буду платить! Платонъ Александрычъ! зоветъ она громко Двинина, кажется, нарочно удалившагося, въ это время, къ компаніи Мацфельдена и Михѣева: — а ты что-жь, батюшка! отвильнуть хвостомъ хочешь?

— Что такое, почтеннѣйшая Ольга Ивановна? спѣшно подходя, спрашиваетъ Двининъ, какъ бы не догадываясь.

— А ты Саровичу развѣ не платишь? Купецъ земли да не платишь! Я свои 50 рублевъ заплатила.

— Я сказалъ-съ, я сказалъ-съ ужь Филиппу Петровичу, чтобы считалъ за мной!

— «Считалъ!» Ахъ, ты срамникъ; покупатель еще называешься! Денегъ развѣ такихъ у тебя нѣтъ! На французинокъ есть, а тутъ «считай» за нимъ Саровичъ! Плати сейчасъ при мнѣ, коли хочешь, чтобы я съ тобой дѣла имѣла, капитальщикомъ считала!

Двининъ хохочетъ, разворачиваетъ изящный бумажникъ и

уплачиваетъ 50 рублей чуть не плачущему отъ счастья Саровичу.

— Съ удовольствіемъ, съ великимъ удовольствіемъ, для васъ, милая, почтеннѣйшая, наивнѣйшая Ольга Ивановна! говоритъ онъ, слегка, однако, сконфуженный.

— Ну, вотъ, батюшка, теперь ты себѣ хоть новый сюртучишка можешь въ рынкѣ справить, а то тебя скоро въ хорошій домъ пускать не станутъ, говоритъ полунаставительно, полушутливо Маторина старику Саровичу, дрожащему отъ счастья.— А шашню съ эѳіопскимъ княземъ все-таки тебѣ никогда не прощу! смѣется она.

Саровичъ бѣжитъ разсчитываться, въ двухгривенныхъ счетахъ, съ Венцеславомъ Венцеславичемъ.

Между тѣмъ, у круглаго стола, наша гостья окончательно подымается съ-нашести.

— Отпускаете съ мытарства? все? спрашиваетъ она у нотаріуса.

— Все-съ, Ольга Ивановна; не смѣемъ болѣе задерживать.

Она встаетъ со стула при помощи Афонасія Иваныча. Маторина проситъ позволенія нотаріуса въ конторѣ надѣть шубу: въ передней дуетъ, да и овчиной сильно пахнетъ, какъ она замѣтила. Ей приносятъ богатый бархатный салопъ на соболяхъ, теплыя ботинки и платокъ. Всѣ помогаютъ ей одѣваться. Она укутывается платкомъ и завязываетъ его сбоку, по-деревенски, обернувъ концы вокругъ шеи.

— По-старушечьи, честные господа, смѣясь, объясняетъ она присутствующимъ. — Ну, вожакъ — веди медвѣдя, говоритъ она шутливо своему Афонасію Иванычу. — Не обезсудьте, г. нотаріусъ, прощаясь съ Вердяевымъ, проситъ она: — не обезсудьте болтливой старой бабы; наговорила вамъ, натараторила, столько времени заняла: женское дѣло!

И, со всѣми попрощавшись, и переваливаясь съ боку на бокъ, она идетъ къ выходу, провожаемая огромной толпой знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ, присутствующихъ въ конторѣ.

— Если что понадобится по нотаріальной части, почтенная Ольга Ивановна, дѣла какія, не обойдите нашей хаты, проситъ нѣсколько униженно, въ дверяхъ, Вердяевъ.

Она пріостанавливается.

— Если что будетъ... Мы вѣдь, батюшка, много ужь лѣтъ все у Николая Иваныча Крещенскаго что нужно совершаемъ: тоже хорошій человѣкъ. Тоже, говоритъ, гдѣ-то за-границей былъ. По морямъ, сказываетъ, плавалъ. Ѣхалъ, ѣхалъ, да не доѣхалъ, говоритъ, до Ерусалимъ-града. А вотъ вы были.

— Сподобился, сподобился, Ольга Ивановна.

— Чудно̀ мнѣ все какъ-то на васъ смотрѣть. И не испужались, вѣдь, хе, хе, хе! А впрочемъ, мало ли что глупыя странницы болтаютъ... Прощенья просимъ, честные господа!

И, грузно всѣмъ кланяясь, она удаляется въ корридоръ.

XII.

25-го марта, понедѣльникъ.

Сегодня ужасно снѣжно въ Петербургѣ, несмотря на календарную весну. Едва добрался съ Песковъ до конторы. На лѣстницѣ, приходящіе въ контору стряхивали съ шубъ цѣлые вороха снѣгу. Въ маленькой передней необыкновенная духота: пахнетъ не одной ужь овчиной, а и какою-то сыростью, прелью. Крестьяне, пришедшіе спозаранку, пасмурны и ёжатся отъ мокроты; нѣкоторые изъ нихъ безцеремонно переобуваютъ тутъ же мокрые лапти. Сегодня, говорятъ, пошла ужь четвертая недѣля, какъ они стоически кого-то дожидаются въ конторѣ.

Однако, кажется, и у нихъ лопается терпѣнье. Когда я входилъ въ переднюю, то самъ слышалъ, какъ они жаловались бесѣдовавшему съ ними Пленеру:

— Измаялись совсѣмъ, ждамши, г. нотарьюсъ. Весь хлѣбъ съѣли, что взяли съ собой изъ деревни! На постояломъ дворѣ задолжались; прохарчились совсѣмъ... Прохора Семенова, вонъ, лиходѣйка трясетъ, стало, простудился человѣкъ; не знаемъ, какъ до деревни доволочемъ старика... А Лукъяновъ въ деревнѣ бабу оставилъ на-сносѣ: печалится—може померла; говоритъ, что сегодня во снѣ она ему причудилась — пришла да и сказываетъ, что въ дальній путь собирается. Убивается мужикъ!.. Должно быть, ёнъ совсѣмъ не будетъ! тревожно и съ сердцемъ о комъ-то говорятъ они въ пять голосовъ разомъ: — столько времени потеряли непутемъ! Нужно обратно отправляться въ деревню.

Пленеръ утѣшаетъ ихъ; онъ говоритъ, что, еще въ пятницу, было письмо къ нотаріусу изъ деревни о томъ, «что непремѣнно будетъ вначалѣ этой недѣли»; совѣтуетъ имъ еще потерпѣть немного.

— Болѣе ждали, напоминаетъ онъ крестьянамъ.

— Такъ-то такъ, да все неладно, г. нотарьюсъ, замѣчаютъ они и терпѣливо опять усаживаются на лавки и поддоконники.

Холодно на дворѣ, холодно и въ конторѣ: Севрюговъ то и дѣло, что собственноручно подкидываетъ уголья въ каминъ.

Анна Алексѣевна тоже явилась въ контору съ грустнымъ личикомъ, должно быть, отъ погоды. А можетъ быть, и отъ чего другого. Аваловскому она что-то долго, оживленно разсказывала въ полголоса, а онъ внимательно ее слушалъ, опершись на столъ локтями у ея мѣста. Я не могъ разслышать, о чемъ они говорили. Одинъ Венцеславъ Венцеславичъ неизмѣнно поглощенъ, несмотря ни на какую погоду, старательнымъ калиграфированіемъ въ реэстрахъ...

И дѣлъ-то почти никакихъ не было до 11 часовъ въ конторѣ. Видно, понедѣльникъ—дѣйствительно, тяжелый день для всѣхъ. Скрипачевъ лишь (Шакалова, который каждое утро прибѣгаетъ въ кабинетъ нотаріуса, нечего считать)—«новый богатый кліентъ», какъ называетъ его нотаріусъ, пріѣзжалъ на минуту къ Вердяеву, прося составить ему довѣренность на имя Бекирева. Въ довѣренности послѣдній назначался, съ широкими полномочіями, управляющимъ и завѣдывающимъ нотнымъ магазиномъ, недавно у него купленнымъ Скрипачевымъ. Меломанъ просилъ нотаріуса изготовить довѣренность непремѣнно сегодня. Лично заниматься дѣлами магазина, по его словамъ, ему было невозможно: онъ былъ занятъ аранжировкой и изданіемъ въ свѣтъ двухъ новыхъ своихъ романсовъ, подъ руководствомъ Пандѣева: «Онъ души моей властитель!» и «Бойся птичка лапокъ кошки!» особенно прелестнаго романса, по его словамъ, переложеннаго Пандѣевымъ на фортепьяно. Послѣдній романсъ, видимо, восхищалъ Скрипачева и онъ даже взялъ тихо, голосомъ, два-три мотива изъ него, дабы дать Вердяеву нѣкоторое понятіе о прелести своего творенія. Владиміръ Иванычъ былъ сильно восхищенъ, повидимому. Помня предупрежденія Аваловскаго, я даже подумалъ, что Вердяевъ, въ восторгѣ, поѣдетъ сейчасъ съ этими мотивами, по Палестинѣ, вмѣстѣ съ непремѣннымъ Робертомъ Вильгельмычемъ, но все обошлось безъ обѣтованной земли... Онъ просто свѣтски восхитился твореніемъ композитора, спросилъ у него, кстати, три рубля задатку за довѣренность, положилъ ихъ себѣ, какъ бы разсѣянно, въ карманъ панталонъ, обѣщалъ Скрипачеву изготовитъ довѣренность сегодня—и тѣмъ все кончилось на первый разъ...

Вердяевъ отправляется въ кабинетъ передѣлывать проэктъ неразовскаго раздѣльнаго акта. Онъ проситъ Пленера не безпокоить его по пустякамъ.

Я забылъ сказать, что, явясь на службу, засталъ въ конторѣ Неврянцева. Онъ помѣщался на маленькомъ диванчикѣ, у одного изъ дальнихъ оконъ комнаты, и погруженъ былъ въ чтеніе газеты. Газету эту онъ не то читалъ, не то закрывался ею

отъ постороннихъ взглядовъ: такъ она была широко развернута имъ. Теперь онъ былъ одинокъ. «Голубка» гдѣ-то отсутствовала. Столь раннее посѣщеніе нѣсколько удивило меня. «Неужели опять за деньгами?» мелькнуло у меня въ головѣ. Дѣйствительно, было чему удивляться: всего три дня, какъ онъ получилъ съ Столовской нѣсколько сотъ рублей!

Недоумѣніе мое вскорѣ разсѣялось;

Около половины двѣнадцатаго часа, въ корридорѣ раздалось мѣрное топанье приближающихся шаговъ, сопровождаемое какимъ-то звонкимъ бряцаніемъ. Неврянцевъ нетерпѣливо шелестнулъ листомъ газеты; Аваловскій, писавшій что-то около меня, пріостановился работать и навострилъ уши.

— Каторжникъ идетъ, шепнулъ онъ мнѣ.

Въ контору вошелъ курносый, угреватый молодой человѣкъ. Все лицо его было въ піонахъ. Несмотря на внѣшнее безобразіе, голова его была завита барашкомъ, клѣтчатый костюмъ отличался большою притензіей на щегольство, а цѣлый арсеналъ всевозможныхъ брелоковъ, на часовой цѣпочкѣ, звенѣлъ, при каждомъ его шагѣ, подобно кандаламъ преступника. Онъ размахивалъ высокимъ цилиндромъ, видимо, стараясь это дѣлать какъ можно шире и развязнѣе. При его незначительномъ ростѣ, шляпа чуть не доставала до полу. Дойдя до половины комнаты, онъ выдернулъ поспѣшно изъ боковаго кармашка визитки фуляровый платокъ и сталъ имъ зачѣмъ-то усиленно обмахиваться. Вѣроятно, духами своего фуляра онъ хотѣлъ ассенизировать удушливый воздухъ конторы.

Пленеръ, не глядя на него, подалъ ему руку. Гость заискивающе обошелъ и поздоровался съ Севрюговымъ, Венцеславомъ Венцеславичемъ и Аваловскимъ. Оказалось, что и онъ со всѣми тутъ давно знакомъ.

— Что ясновельможнаго пана давно не видно? освѣдомился не то насмѣшливо, не то съ участіемъ Григорій Савельичъ.

— Менажировался у новой квартирѣ, бойко отвѣчалъ гость.

— «Менажировался»! насмѣшливо повторяетъ Аваловскій, продолжая что-то шибко писать.—А я думалъ, что васъ, Бернадскій, давно ужь гдѣ-нибудь на кривой осинѣ повѣсили!

Бернадскій, слегка конфузясь, взглянулъ кокетливо въ зеркало надъ каминомъ и широко расправилъ рукой завитыя кудри.

— Завсегда насмѣшникъ, мексиканецъ, замѣтилъ онъ, обращаясь къ намъ. И, шибко повернувшись на каблукахъ, направился къ Неврянцеву, который уже давно на него глядѣлъ выжидательно.

Они усѣлись рядкомъ и принялись разглядывать какой-то

списокъ. Неврянцевъ что-то ему шепотомъ объяснялъ. Бернадскій, съ трудомъ насадивъ на свой крохотный носъ пенснэ, все сваливавшійся оттуда, внимательно глядѣлъ въ списокъ.

— Вижу, вижу, говорилъ онъ, когда Неврянцевъ что-нибудь ему указывалъ въ спискѣ.—Хорошо, прикажите писать акты.

Неврянцевъ подходитъ къ Пленеру, и что-то ему въ полголоса объясняетъ; а Бернадскій, тѣмъ временемъ, бѣжитъ къ Венцеславу Венцеславичу съ спискомъ въ рукѣ.

— Пане кохане, просительно говоритъ онъ по-польски: — посмотри, пожалуста, есть ли тутъ серебро съ ризъ, семь фунтовъ, записано ли? У меня что-то глаза сегодня болятъ: не вижу.

— Есть, говоритъ Венцеславъ Венцеславичъ:—вотъ написано, подъ № 47-мъ.

— Дзенкую...

Бернадскій возвращается къ Пленеру и Неврянцеву.

— Что, шутливо замѣчаетъ Венцеславу Венцеславичу Севрюговъ: — вѣроятно, не при немъ писано? «Реэстрантъ» смѣется, поправляя свои воротнички.

У насъ вскорѣ оказывается въ рукахъ большая работа. Пленеръ даетъ Аннѣ Алексѣевнѣ переписать начисто списокъ мебели, посуды и серебра Неврянцева; Венцеславъ Венцеславичъ пишетъ и являетъ новый вексель Неврянцева на четыреста рублей; я перебѣляю чернякъ Пленера о продажѣ всей движимости хорошенькаго пижона Бернадскому; Аваловскому достается прокатный актъ на ту же движимость и неустоечная запись въ триста рублей, на случай неисправнаго платежа Неврянцовымъ прокатныхъ денегъ. Выходило, что вещи и продавались Бернадскому и давались этимъ послѣднимъ Неврянцеву на прокатъ. А вексель и неустоечная являлись ужь какъ бы pour la bonne bouche.

— Бернадскій, Бернадскій! тихонько зоветъ ростовщика Аваловскій:—вы душу у него забыли спросить въ закладъ. Не упускайте. Столовская за хорошую цѣну потомъ выкупитъ!

— Насмѣшникъ, говоритъ Бернадскій, отходя.

Но едва онъ сдѣлалъ шага три отъ баррьера, какъ часы, въ корридорѣ, протяжно начали бить полдень.

Бернадскій опрометью бросился къ угловому креслу. Онъ сѣлъ въ него и, закрывъ лицо руками, зашепталъ что-то губами.

— Смотрите, говоритъ тихо Венцеславъ Венцеславичъ.

— Молись, ворчитъ себѣ подъ-носъ Севрюговъ:—тебѣ многое нужно замаливать, каиново сѣмя.

Бернадскій окончилъ шептаніе въ то время, когда часы добивали свой послѣдній ударъ. Онъ сдѣлалъ кистью руки боль-

шой крестъ, открылъ глаза и—какъ ни въ чемъ не бывало, вскочивъ съ мѣста—подбѣжалъ къ Пленеру, дабы напомнить ему о размѣрѣ неврянцевскихъ процентовъ, долженствовавшихъ, въ прокатномъ договорѣ, фигурировать подъ скромнымъ названіемъ ежемѣсячной прокатной платы.

Мы всѣ не безъ любопытства переглянулись.

Но вотъ неврянцевскія бумаги готовы. Пленеръ позвалъ совершающихъ акты подписывать. Бернадскій опять комично надѣлъ пенснэ и углубился въ просмотръ проката.

Аваловскій толкаетъ меня локтемъ.

— Глядите на эту обезьяну въ очкахъ! Онъ вѣдь не умѣетъ читать ни по-русски, ни по-польски. Это вѣдь бывшій буковскій подмастерье, сапожникъ. Умѣетъ нацарапать, какъ Маторина, лишь свою подпись. Но сознаться въ неграматности не хочется—шляхтичъ, дворянскій гоноръ! А трусость—такъ развѣ съ глупостью его можетъ равняться! Чуетъ кошка что чужое мясо ѣстъ, еженедѣльно исповѣдуется и полпроцента съ ростовщичьяго рубля на костелъ жертвуетъ!

Между тѣмъ, Бернадскій, поворочавъ бумагу въ рукахъ, торжественно произноситъ:

— Хорошо, очень хорошо! Согласенъ, готовъ подписать.

Подъ актомъ появляется слѣдующая подпись: *Дворенинъ Владиславъ Игнатевичъ Бернадскій.* Съ превеликимъ внизу росчеркомъ.

— Бернадскій! подзываетъ его Аваловскій къ барьеру. Бернадскій уже неохотно подходитъ, зная, что его ожидаютъ какія нибудь шпильки. — Дайте хоть покурить. Не работать же намъ даромъ на васъ!—Бернадскій, деревянно смѣясь, торопливо достаетъ серебрянный портсигаръ и раскрываетъ: — Хорошіе ли? освѣдомляется Аваловскій.

— 1-й сортъ; 8 рублей фунтъ табаку.

— Такъ ли? Вы и тутъ, пожалуй, обманете.

— Забожиться готовъ. Ни у кого такихъ нѣтъ!

— Ну, ужь ни у кого!

— Побей меня Богъ, ни у кого! Мнѣ, да турецкому посланнику только и дѣлаетъ Мичри.

— Честь! Возьму.

Аваловскій беретъ цѣлый десятокъ.

— Не жалко? спрашиваетъ онъ, уставляясь язвительнымъ взглядомъ на ростовщика.

— Ни малость! Прòшу, прòшу, пріятѐля!

Насмѣшникъ хладнокровно опоражниваетъ весь портсигаръ и, захлопнувъ, возвращаетъ по принадлежности пустымъ.

— Все равно на неврянцевскія деньги куплены, утѣшаетъ онъ Бернадскаго: — завтра еще кого-нибудь оберете изъ-за угла.

И Аваловскій начинаетъ раздавать папиросы кассиру и Венцеславу Венцеславичу.

— Шутникъ, мексиканецъ! кусая губы отъ злости, говоритъ Бернадскій. И отходитъ отъ баррьера, сопровождаемый усмѣшками присутствующихъ.

Въ началѣ четвертаго часа контора осчастливлена посѣщеніемъ «особы».

Входитъ моложавый — съ розово-млечнымъ цвѣтомъ лица — изящный статскій генералъ. Голова его, такъ сказать, красиво лыса — ибо бываютъ и некрасиво-лысыя головы; котлетообразныя русыя бакенбарды откинуты на плечи; на подбородкѣ чисто-выбритый пяточекъ. Онъ одѣтъ въ шармеровскій вице-фракъ, съ серебряными пуговицами; на немъ батистовое бѣлье и бѣлый батистовый галстухъ; подъ фракомъ, на жилетѣ, алая лента; на груди настоящая звѣзда, не такая какъ у Пандѣева въ розеткѣ, а блестящая, большая... Лишь дойдя до половины нашей конторы, онъ снимаетъ съ головы свою изящную шляпу, описывая ею въ воздухѣ большую дугу.

Появленіе его у насъ производитъ, видимо, сенсацію.

— Статсъ-секретарь фонъ-Саломъ, богатый домовладѣлецъ, шепчетъ мнѣ, новичку, испуганно и вмѣстѣ умиленно Севрюговъ, подымаясь съ мѣста и становясь на вытяжку. Венцеславъ Венцеславичъ тоже встаетъ. Даже Пленеръ перестаетъ водить носомъ по бумагѣ и подымается съ кресла, чего, кажется, онъ ни для кого не дѣлаетъ. Швейцаръ пробѣгаетъ на цыпочкахъ въ кабинетъ Вердяева и, чрезъ секунду, нотаріусъ спѣшно выходитъ оттуда и—еще не переступая порога—изгибается почтительно на одинъ бокъ. Придерживая рукою раскрытую дверь кабинета, онъ говоритъ:

— Ваше превосходительство, пожалуйте сюда, пожалуйте сюда!

— Я на минуточку, Владиміръ Иванычъ; я только что изъ комиссіи, гортанно говоритъ особа.

— Ваше превосходительство, осчастливьте...

— Merci, я хотѣлъ только побезпокоить васъ—взять контрактъ Грипоръ. Расписалась она гдѣ слѣдуетъ, заплатила вамъ, наконецъ? Посылали вы къ ней?

— До сихъ поръ не заплатила, представьте, ваше превосходительство; посылали, пять разъ посылали, говоритъ Вердяевъ, приближаясь на цыпочкахъ къ генералу и оставаясь, изъ вѣжливости, изогнутымъ, по-прежнему, на-бокъ.

— Странная женщина! Четыре мѣсяца не можемъ съ ея кон-

трактомъ кончить! Вторая треть пошла—ей слѣдуетъ платить—она не вноситъ мнѣ договорной платы, и у меня нѣтъ контракта въ рукахъ. Да посылали ли вы?

— Посылали-съ, посылали. Кто ходилъ къ ней, вы, кажется, Венцеславъ Венцеславичъ? торопливо спрашиваетъ Вердяевъ, перебѣгая на другую сторону.

— Я-съ.

— Что-жь она говоритъ? освѣдомляется генералъ: — думаетъ платить?

— Нельзя добиться ее видѣть, ваше превосходительство. Всегда отвѣчаютъ по-французски, что «m-lle prend le bain», докладываетъ Венцеславъ Венцеславичъ, краснѣя съ чего-то до ушей.

— C'est ça, улыбаясь, говоритъ г. фонъ-Саломъ:—я тоже тридцать разъ посылалъ къ ней и управляющаго, и дворника—одинъ отвѣтъ — утромъ, днемъ, вечеромъ, и ночью — «m-lle prend le bain». Я ее такъ и прозвалъ, мило смѣется генералъ, поправляя на груди звѣзду и обращаясь къ Вердяеву: — *La jolie baigneuse ou La nouvelle Susanne...* хе, хе, хе!

(Вердяевъ почтительно вторитъ этому смѣху легкимъ блѣяніемъ барашка).

— Такъ я не могу все-таки получить контракта?

Вердяевъ мнется и взглядываетъ на флегматичное лицо Пленера.

— То есть... если ваше превосходительство прикажете, то, конечно...

Особа замѣчаетъ колебаніе.

— Зачѣмъ же остановка? Если за деньгами—то я за Грипоръ плачу, засовывая руку въ карманъ за бумажникомъ, говоритъ г. фонъ-Саломъ: — въ договорѣ, нотаріусу денежно отвѣчаютъ участвующіе — всѣ за одного и одинъ за всѣхъ, напоминаетъ просвѣщенный чиновникъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, не извольте безпокоиться, вы у насъ столько лѣтъ совершаете; не то...

— Да вы говорите прямо, Владиміръ Иванычъ.

— Законъ требуетъ, ваше превосходительство, при отсутствіи въ конторѣ актовъ, имѣніе росписокъ совершающихъ лицъ въ реэстрѣ и книгѣ сборовъ.

— Законъ! Да, если законъ требуетъ, то я самъ не хочу пока брать, благоговѣйно произноситъ просвѣщенный генералъ.— Пошлите еще разъ, пожалуйста, къ ней. Добейтесь свиданія, чтобы она расписалась гдѣ слѣдуетъ и заплатила. Расходы на нее падаютъ; это прямо предусмотрѣно § 12 контракта.

— Точно такъ, ваше превосходительство. На дняхъ же будетъ къ ней снова послано.

Милый сановникъ любезно жметъ руку робѣющему Вердяеву и направляется къ выходу, надѣвая шляпу. Нотаріусъ провожаетъ его до передней, слѣдуя бокомъ и на-цыпочкахъ за лѣвымъ его плечомъ. Встрѣчнаго въ корридорѣ армянина Хазирова—чуть не ежедневно у насъ совершающаго продажные и покупные акты на красильни—Вердяевъ, безъ церемоніи, устраняетъ рукою, къ стѣнѣ, съ дороги его превосходительства. Мы тоже всѣ бѣжимъ къ дверямъ, дабы издали слѣдить за удаленіемъ необыкновеннаго посѣтителя.

— Встать! раздается громкая команда забѣжавшаго впередъ Севрюгова, едва генералъ приблизился къ концу корридора.

Испуганные крестьяне съ грохотомъ вскакиваютъ съ своихъ, насиженныхъ недѣлями, мѣстъ, толкая одинъ другого съ просонокъ. Всѣ они вытягиваются въ струнку. Ожидающій швейцаръ накидываетъ на плечи особы черную шинель съ дорогимъ бобровымъ воротникомъ—и высокій посѣтитель, сохраняя на устахъ милостивую улыбку, говоритъ гортанно Вердяеву на выходѣ:

— Mercі.

Владиміръ Иванычъ торопливо возвращается въ контору.

— Непремѣнно послать, на дняхъ же послать къ Гриноръ. Николай Иванычъ! энергически приказываетъ онъ Пленеру. — Пусть Венцеславъ Венцеславичъ не уходитъ отъ нея—хоть цѣлый день ждетъ—а чтобъ она подписала. Что за безстыдная женщина, въ самомъ дѣлѣ! Въ какое неловкое положеніе она ставитъ насъ передъ его превосходительствомъ! Четвертый мѣсяцъ водитъ!.. Пошлите съ Венцеславъ Венцеславичемъ еще кого-нибудь: г. Аваловскаго или г. Мастова. И чтобы не уходить пока она не заплатитъ и не роспишется по книгамъ! Слышите?

— Слушаю-съ, мычитъ Пленеръ.

XIII.

27-го Марта, Среда.

Вчера мало было дѣла и ничего особенного не произошло въ конторѣ—а потому я и не записывалъ. Сегодня, напротивъ, всѣ выбились изъ силъ, столько было работы.

На дворѣ ясный, весенній день. Весь позавчерашній снѣгъ стаялъ. Улицы залиты ослѣпительнымъ блескомъ солнца. Изъ оконъ конторы мы видимъ толпы гуляющихъ, запрудившія тро-

туары улицъ. Завидно дѣлается. Приходится корпѣть надъ бумагами въ такую погоду! Вѣроятно, эта восхитительная погода, вызвавъ человѣчество на улицу послѣ долгой зимы, и къ намъ загоняетъ многихъ: за-одно, молъ, у нотаріуса побывать по дѣламъ.

И расположеніе духа, видимо, у всѣхъ хорошее.

Прибѣжавшій въ контору, спозаранку, Шакаловъ смотритъ какимъ-то ласковымъ агнцомъ сегодня и я слышу, въ разговорѣ съ Пленеромъ, доказываетъ, что всегда былъ о Бекиревѣ того мнѣнія, что это честнѣйшій человѣкъ, который рано или поздно съ нимъ расчитается «по благородному». (Слухи объ отобраніи имъ 3-хъ тысячъ у Бекирева, значитъ, опять подтверждаются). Крестьяне въ передней грѣются на солнышкѣ. Лица у нихъ сегодня тоже не-столь пасмурны. Трое изъ нихъ, отъ скуки, даже устроили на окнѣ игру въ три листика... Вердяевъ корпитъ надъ неразовскимъ проэктомъ у себя въ кабинетѣ, поминутно совѣщаясь съ Пленеромъ. Но и онъ отчего-то въ веселомъ расположеніи духа: только что распространялся передъ кѣмъ-то изъ посѣтителей (кажется, присяжнымъ повѣреннымъ) о высокомъ призваніи нотаріусовъ. Севрюговъ проглатываетъ ужь вторую булку, пересчитывая въ кассѣ деньги съ довольною миною. Но Аваловскій смущаетъ его неумѣстными шутками.

— Савельичъ, шепчетъ онъ съ своего мѣста:—сегодня такая погода! На бѣдность, въ счетъ жалованья... толику вашихъ нумизматическихъ рѣдкостей.—И подставляетъ пригоршней руку.

— Что-ты, что-ты! испуганно говоритъ Севрюговъ, захлопывая кассу:—еще пять дней до 1-го числа!

Аваловскій толкаетъ меня локтемъ.

— Собака-человѣкъ на этотъ счетъ! говоритъ онъ нарочно громко, чтобы поддразнить Севрюгова.

Онъ еще что-то говоритъ мнѣ; но я не слушаю: мое вниманіе отвлечено прибѣжавшимъ Саровичемъ. Саровичъ явился объявить, что скоро пріѣдетъ Двининъ совершать договоръ съ Макаровымъ. (По этому поводу онъ взялъ опять — ужь у Венцеслава Венцеславича—двѣ папиросы).

— Смотрите, не задержите Платона Александрыча, господа; такая погода! Онъ долго не станетъ сегодня тутъ сидѣть, предупреждаетъ двининскій герольдъ:—Какой у него новый рысакъ!

И убѣгаетъ куда-то.

Появляются еще посѣтители. Побывалъ по дѣлу толстый и маленькій присяжный повѣренный; побывалъ и худой, высокій. Все попутнымъ вѣтромъ хорошей погоды загоняетъ ихъ сегодня.

Въ часъ дня является цѣлая троица, состоящая изъ Беки-

рева, Зильберштейна и Левенберга. Вошли они въ контору необыкновенно: подобно тремъ граціямъ. Бекиревъ шелъ по срединѣ и держалъ правою рукой Левенберга за талію, а лѣвою фамильярно обнималъ Зильберштейна. Они пріятельски болтали. На лицахъ всѣхъ царили полное примиреніе и дружелюбіе, какъ будто никакая черная кошка и не проскакивала между ними.

Остановясь на порогѣ конторы и не измѣняя позы, Бекиревъ, по обыкновенію, громко спросилъ:

— Пандѣевъ еще не былъ, господа?

— Нѣтъ, Павелъ Николаичъ, отвѣтилъ за всѣхъ Севрюговъ.

— Условливались не опаздывать. Вотъ человѣкъ!

— Обождемъ, господа, предложилъ Зильберштейнъ своимъ спутникамъ. Они расцѣпились и хотѣли, было, присѣсть на диванчикѣ; но Левенбергъ замѣтилъ:

— Что до меня касается, то я не въ силахъ, господа, сидѣть въ такую погоду въ духотѣ. Ужь весь бамондъ на Большой Морской!

— Sic! шепчетъ около меня Аваловскій.

Въ корридорѣ раздается сильное бряцанье сабли. Въ контору входитъ свитскій ротмистръ въ сопровожденіи прелестной брюнетки въ бархатной шубкѣ.

— Князь Сахаровскій, подсказываетъ мнѣ Аваловскій.

Волоча саблю по полу, молодцоватый князь подходитъ къ столу Пленера, вытягивается въ струнку, кланяется наклоненіемъ одной головы, по военному, слегка звякая въ тоже время шпорами—и громко говоритъ:

— Честь имѣю кланяться, почтеннѣйшій Николай Иванычъ! Можемъ мы съ женой видѣть нотаріуса?

Пленеръ подымается съ мѣста, придвигается къ самому носу князя, и торопливо отвѣчаетъ:

— Ахъ, князь... княгиня!—Онъ жметъ ихъ руки и идетъ къ двери кабинета: — Пожалуйте, пожалуйте! Владиміръ Иванычъ радъ будетъ васъ видѣть: онъ занятъ вашимъ раздѣломъ.

Но княгиня не шевелится съ мѣста.

— Prenez-garde, Nicolas, предостерегаетъ она мужа:—спроси, нѣтъ ли тамъ этого...

— Нѣтъ тамъ, почтеннѣйшій Николай Иванычъ, этого... сумасшедшаго?.. Евгенія Алексѣича? конфузясь и останавливаясь у двери, освѣдомляется князь.

— Никого нѣтъ. Нотаріусъ одинъ.

И какъ бы для бо̀льшаго успокоенія ихъ, Вердяевъ, заслышавъ разговоръ у двери, поспѣшно растворяетъ ее самъ, въ эту минуту, и торжественно произноситъ:

— Не безпокойтесь, Аглая Алексѣевна, братца тутъ нѣтъ-съ. Войдите, пожалуйста.

— Честное слово, Владиміръ Иванычъ? спрашиваетъ княгиня.

— Честное слово, честное слово, княгиня.

— Мы постоянно опасаемся засады, объясняетъ хорошенькая гостья, переступая порогъ кабинета.

Дверь за ними затворяется.

Ихъ смѣняютъ, чрезъ полчаса, Двининъ съ Макаровымъ, сопровождаемые—въ качествѣ герольда, оповѣщающаго ихъ приближеніе—Саровичемъ.

«Великолѣпный князь Тавриды»—какъ называетъ его иногда въ шутку Дмитрій Павлычъ Аваловскій (нашъ домъ, дѣйствительно, находится невдалекѣ отъ таврическаго дворца)—является съ обычными быстротою и помпою. Саровичъ и Макаровъ почтительно слѣдуютъ сзади; Севрюговъ, при его входѣ, встаетъ и остается на ногахъ нѣкоторое время.

Кинувъ шляпу и трость на круглый столикъ и предупредивъ Пленера, что не хочетъ безпокоить нотаріуса, у котораго — онъ знаетъ — «гости въ кабинетѣ», Двининъ бѣжитъ къ баррьеру и, на-ходу, всѣмъ намъ жметъ руки, въ видѣ привѣтствія. Онъ почти повелительно проситъ Венцеслава Венцеславича подать ему «I-ю часть актовой книги, для актовъ на недвижимыя имущества». Платонъ Александрычъ, видимо, здѣсь свой человѣкъ и не стѣсняется. Онъ, на баррьерѣ, живо перелистываетъ всю книгу, и дѣлаетъ какую-то выметку изъ своей купчей съ Маториной. Все это онъ вписываетъ золотымъ карандашемъ въ заготовленный договоръ съ Макаровымъ. По-пути, онъ прочитываетъ и чужіе кое-какіе акты. Никто этому, однако, не смѣетъ препятствовать...

Захлопнувъ книгу и возвращая ее Венцеславу Венцеславичу, онъ уже несется къ столу Пленера. Вписанное карандашемъ въ договоръ слѣдуетъ навести чернилами, самый контрактъ скорѣе явить, по его объясненію Пленеру.

— Пожалуста, поторопитесь, Николай Иванычъ, проситъ Двининъ:—у меня новый рысакъ — и не можетъ долго стоять на мѣстѣ. И потомъ, сегодня такая погода!

Пленеръ торопливо поручаетъ Аваловскому сдѣлать явку.

— ...А затѣмъ, говоритъ Платонъ Александрычъ Пленеру:— я васъ буду просить, почтеннѣйшій Николай Иванычъ, взять эту кроху (онъ даетъ карандашныя замѣтки на листѣ): — и въ будущей средѣ—непозже, помните!—изготовить запродажную въ 190 тысячъ на этотъ домъ, съ маторинскою землею, конечно, срокомъ на годъ, т. е. къ 1-му Апрѣля будущаго года, на имя

купца Василія Федулыча Красноносова. 50 тысячъ при запродажѣ онъ мнѣ платитъ. Нотаріальнымъ порядкомъ будетъ совершаться! Свидѣтели обыкновенные! стрѣляетъ онъ: — Обратите вниманіе, пожалуста, на эти условія запродажнаго договора (Онъ на что-то тыкаетъ пальцемъ въ запискѣ). — *Обязательны* для Красноносова, съ удареніемъ поясняетъ онъ Пленеру:—за мной остается право залога въ Кредитномъ Обществѣ — въ какомъ пожелаю—имѣющаго быть построеннымъ дома, по его возведеніи, понимаете? Красноносову обязательно принять, переводомъ, этотъ залогъ—согласіе Общества я обязываюсь выхлопотать—и закладные листы, мной получаемые, идутъ, при окончательномъ расчетѣ съ Красноносовымъ, по биржевому курсу 1-го Апрѣля будущаго года. Поняли?

— Понялъ, успокоиваетъ его Пленеръ.

— Кромѣ того, приготовьте отъ меня Красноносову *особую* неустоечную въ 75 тысячъ, на случай несовершенія мной купчей. Такъ онъ хочетъ; это кромѣ запродажнаго штрафа, понимаете?

— Понимаю.

— А теперь, пожалуйста, его подрядный договоръ скорѣе, (Двининъ показываетъ рукой на Макарова). — Конь у меня не стоитъ, напомнилъ онъ опять.—Ну, теперь съ тобою, эѳіопъ! безцеремонно объявилъ онъ Макарову и быстро увелъ подрядчика въ уголъ конторы.

— Шутникъ, право, Платонъ Александрычъ, осклабившись, говоритъ Макаровъ. Они усѣлись въ углу и принялись вполголоса о чемъ-то торговаться.

Черезъ пять минутъ явка была готова. Пленеръ, попросивъ Двинина и Макарова скорѣе расписываться въ реэстрѣ и книгѣ сборовъ, отправился въ кабинетъ за подписью Вердяева.

Нотаріусъ самъ вынесъ подписанный договоръ.

— У меня тамъ княжна Сахаровская, какъ бы оправдываясь, проговорилъ Вердяевъ Платону Александрычу.

— Эта красавица?

— Да̀.

— Желаю вамъ всякаго успѣха.

— Съ мужемъ.

Двининъ отчаянно махнулъ обѣими руками, схватилъ шляпу и, весело болтая съ Макаровымъ, опрометью кинулся вонъ изъ конторы.

— Счетъ нотаріальныхъ расходовъ, Григорій Савельичъ, пришлите мнѣ на домъ: конь не стоитъ! крикнулъ онъ съ порога Севрюгову.

Бекиревъ бросилъ Зильберштейна и подошелъ къ нашему кассиру.

— Это Двининъ? Состоятельный человѣкъ? Все хочу просить Владиміра Иваныча или Пленера познакомить меня съ нимъ.

Кассиръ промолчалъ.

— Голова! говорилъ потомъ про Двинина Аваловскій въ кружкѣ, образовавшемся около Севрюгова.—Вотъ у кого нужно учиться, какъ на обухѣ рожь молотить! Слышали какой заказъ Пленеру закатилъ? Савельичъ, а! что вы на это скажете?! Четыре дня тому назадъ купчую на пустое мѣсто совершилъ; еще купчая не утверждена; еще на кирпичъ, изъ котораго будущій домъ будетъ сложенъ, глина не выкопана — а ужь онъ, по плану одному, запродаетъ домъ на срокъ и, на будущей недѣлѣ 50 тысячъ впередъ получаетъ! Геній!

— Макарову сдалъ подрядъ на всю каменную работу, восторженно добавляетъ Венцеславъ Венцеславичъ: — вотъ что я вносилъ въ реэстръ договоръ — и, до залога дома въ Кредиткѣ, тотъ ни гроша не имѣетъ права требовать деньгами; десятимѣсячными векселями получаетъ!

— Голова съ мозгами! говоритъ Аваловскій, понижая голосъ.— Вотъ бы его еще скрестить съ Бекиревымъ.

— Намекалъ сейчасъ, презрительно замѣчаетъ Савельичъ, кивая головою на собесѣдника Зильберштейна: — я отмолчался, правду сказать... Что Бекиревъ, господа! Судьба пѣтуха—быть въ супѣ, какъ ни пой! А Платонъ Александрычъ...

— Вѣрно; хвалю! соглашается Аваловскій, трепнувъ кассира по плечу и возвращаясь на свое мѣсто.

Въ это время щелкаетъ замокъ въ кабинетной двери. Она отворяется и показываются на порогѣ Сахаровскіе. Вердяевъ-Кисловскій слѣдуетъ за ними. Всѣ служащіе спѣшатъ приняться за работу: кружокъ около Севрюгова разстраивается.

— Такъ во вторникъ, 2-го числа, въ часъ дня, у васъ въ кабинетѣ—окончательно? громко говоритъ князь Сахаровскій.— Извѣстите всѣхъ остальныхъ, милыхъ братцевъ и сестрицъ, язвительно улыбаясь, напоминаетъ онъ Вердяеву.

И они торжественно скрываются съ нашихъ глазъ.

— А что, Николай Иванычъ, возвращаясь, спрашиваетъ Пленера нотаріусъ: — посылали къ Грипоръ, какъ я приказывалъ, узнать опредѣлительно—когда ее можно видѣть?

— Швейцаръ ходилъ.

— Что же?

— Сказали: когда встаетъ, утромъ, въ 3 часа.

— Пополуночи? съ ужасомъ восклицаетъ Вердяевъ.

— По-полудни.

— Вотъ такъ утро!

Всѣ смѣются. Нотаріусъ взглядываетъ на свои золотые часы.

— Все-таки послать, какъ я приказалъ. Послать сейчасъ! Кстати, теперь половина третьяго. Можно застать дома. Пошлите Венцеслава Венцеславича и г. Аваловскаго.

Аваловскій подымается съ своего мѣста.

— Я просилъ васъ, Владиміръ Иванычъ, уволить меня сегодня раньше, въ половинѣ четвертаго, напоминаетъ онъ Вердяеву робко:—мнѣ нужно, какъ я вамъ докладывалъ, съ Анной Алексѣевной...

— Ахъ, да, извините... Ну, тогда еще послать г. Мастова! Г. Мастовъ, прошу васъ... Послать сейчасъ! И не возвращаться безъ ея подписи, и безъ слѣдуемыхъ съ нея денегъ, строго говоритъ Владиміръ Иванычъ.

Видимо, не считая нужнымъ выслушивать мое согласіе, или несогласіе на это путешествіе—онъ, конечно, могъ и просто приказать—нотаріусъ удаляется въ кабинетъ.

— Идите, господа, говоритъ намъ Пленеръ.

Венцеславъ Венцеславичъ подходитъ къ каминному зеркалу и поправляетъ свои воротнички. Затѣмъ, онъ вытягиваетъ повиднѣе бѣлые нарукавники и проводитъ рукою по волосамъ. Замѣтно, что отправляется въ экскурсію къ хорошенькой женщинѣ!

Начинается укладываніе въ толстый конторскій портфель контракта Грипоръ, реэстра и книги городскихъ сборовъ.

Я запираю на ключъ мой ящикъ и уже готовлюсь взяться за шапку, когда въ корридорѣ раздается опять топотъ спѣшныхъ шаговъ. Въ контору входитъ какой-то не старый еще господинъ, направляющійся, съ сладкой улыбочкой на лицѣ, къ столу Пленера.

— А вотъ-съ и я, наконецъ, г. нотаріусъ! довольно глупо объявляетъ онъ Пленеру, слегка конфузясь.

— Въ первый разъ, кажется? нагибаясь къ Аваловскому, замѣчаю я.

Пленеръ молчитъ. Аваловскій прищурился глазами на страннаго гостя и быстро зачесалъ свою черную бородку. Онъ, видимо, вглядывался.

— Благополучный россіянинъ, подсказалъ онъ мнѣ безъ торопливости: — изъ деревни, кажется... Вѣроятно, томимъ изжогою отъ излишка земли, оставшейся за надѣломъ; ищетъ въ столицѣ облегченія отъ недуга; или что-нибудь въ этомъ родѣ...

Характеристика была вѣрно угадана моимъ чудакомъ-това-

рищемъ. Ибо новый посѣтитель, въ тотъ же моментъ, произнесъ обращаясь къ Пленеру:

— Я писалъ изъ деревни-съ. Петръ Петровичъ Груздевскій, позвольте рекомендоваться... По дѣлу съ крестьянами, насчетъ продажи земли—вотъ-съ!

И онъ указываетъ Николаю Иванычу на толпу крестьянъ, робко надвигающуюся изъ передней въ контору. (У всѣхъ у нихъ ротъ до ушей отъ удовольствія).

— Задержалъ немного васъ, братцы, ухмыляясь, замѣчаетъ помѣщикъ:—ну, простите, простите, сосѣди.

— Премного тебѣ благодарны, что явился, Петръ Петровичъ, кланяясь въ поясъ, говорятъ мужики. (Видимо, они считали еще себя одолженными).

— Ничего, ничего, не благодарите. Что же, завтра и за дѣло, старики?

— Завтра, завтра... вѣстимо, завтра! Гдѣ-жь сегодня! ты тоже усталъ, поди, съ дороги.

— Смерть какъ усталъ! Заѣхалъ сегодня, чтобы ужь г. нотаріуса, да васъ успокоить... Задержалъ маленько, правда! Ну, да знаете, сосѣди, теперь самое охочее время. Охота великолѣпная! (Недѣли три, никакъ, прозабавились). Съ *лукашами* ѣздили ажно въ великолуцкій уѣздъ за медвѣдями, поясняетъ онъ имъ:—близко ли—сами знаете. До васъ ли тутъ было!

— Извѣстное дѣло. Благодаримъ покорно, что вспомнилъ! И они опять кланяются ему въ поясъ, считая себя премного одолженными великодушіемъ Петра Петровича Груздевскаго.

Итакъ, объяснилось-таки, наконецъ, кого они ждали!

Я выхожу съ Венцеславъ Венцеславичемъ изъ конторы одновременно съ крестьянами. Радости ихъ нѣтъ, кажется, предѣла. На лѣстницѣ они топаютъ ногами и бѣгутъ, обгоняя другъ друга, какъ дѣти. Всѣ горести и трата времени забыты. Прохора Семенова и лиходѣйка, вѣроятно, ужь не трясетъ; Лукьяновъ на время забылъ даже и свою бабу на-сносѣ...

XIV.

28-го Марта, четвергъ, утромъ.

Грипоръ жила недалеко отъ конторы. Въ десять минутъ мы ужь дошли до ея квартиры съ Венцеславъ Венцеславичемъ. На двери, обитой голубымъ трипомъ, мы прочли мѣдную доску. Стояло:—*Alphonsine Gripor. Artiste.*—Въ расщелинѣ не плотно-при-

легавшихъ дверныхъ половинокъ была засунута пачка свѣжихъ афишъ. На полу, у двери валялся какой-то листокъ. Я поднялъ: на бланкѣ одного изъ петербургскихъ каскадныхъ заведеній, было росписаніе часовъ утреннихъ репетицій за цѣлую недѣлю впередъ. Я всунулъ листокъ въ афиши.

Венцеславъ Венцеславичъ слегка позвонилъ.

Намъ отворила дверь пожилая дама въ черномъ скромномъ платьѣ.

— Тсс! произнесла она, кладя палецъ на губы. (Видимо, ей показалось, что мы громко позвонили):—Que desirez vous, messieurs? спросила она, нагибаясь, чтобы поднять попадавшія афиши.

— Можно видѣть мадамъ Грипоръ? смѣло спросилъ Венцеславъ Венцеславичъ.

— M-lle, monsieur, поправила дама.

— Ну, мадмуазель... Мы отъ нотаріуса.

— M-lle prend le bain, съ нѣмецкимъ акцентомъ предупредила дама, недовѣрчиво поглядывая на толстый портфель моего спутника:—невозможно видѣть.

— Знаемъ!.. Все равно, мы обождемъ. Я ужъ бывалъ у васъ. Намъ приказано ждать.

Венцеславъ Венцеславичъ двинулся впередъ.

— Пожалуйте! по-русски сказала дама.

Боже, что за неловкая сцена! Въ передней стоялъ у двери Неврянцевъ. Онъ узналъ насъ. Онъ, видимо, собирался уходить, когда мы позвонили. Теперь онъ постарался укрыться отъ нашего взора бобровымъ воротникомъ пальто и, какъ только мы вошли въ маленькую переднюю, онъ вышмыгнулъ на лѣстницу, нахлобучивая поглубже на голову шляпу.

Маленькая гостинная: золоченная мебель, картины, зеркала. Нагромождено вещей, какъ въ мебельной лавкѣ. Гдѣ-то за запертою дверью усиленно затявкала собаченка. Венцеславъ Венцеславичъ опять поправляетъ, передъ зеркаломъ, свои воротнички и вытягиваетъ нарукавники. Мы садимся. Я прошу его дать мнѣ въ руки какую-нибудь конторскую книгу, для приличія.

— Возьмите книгу сборовъ, вынимая ее изъ портфеля, говоритъ онъ. Я беру книгу подъ мышку и нѣкоторое время мы сидимъ молча, оглядывая мѣсто, куда попали.

Является та же дама въ черномъ; вѣроятно, dame de compagnie, или просто ключница Грипоръ. Она объявляетъ, что Грипоръ извиняется, не будучи въ состояніи насъ принять, и проситъ

сказать: что, собственно говоря, намъ нужно? Мы говоримъ, что присланы нотаріусомъ, по дѣлу Грипоръ съ статсъ-секретаремъ фонъ-Саломъ о квартирномъ контрактѣ. Нужно росписаться госпожѣ Грипоръ по книгамъ, уплатить деньги и получить копію договора. Мой спутникъ храбро заявляетъ, что не уйдетъ изъ квартиры, пока не исполнятъ его «законныхъ требованій».

Дама уходитъ и, послѣ долгаго шептанія за дверью, возвращается, прося дать въ будуаръ книги, въ которыхъ m-lle Грипоръ роспишется. Венцеславъ Венцеславичъ объясняетъ, что лично нужно видѣть; что m-lle Грипоръ можетъ ошибиться и попортить книги, по незнанію формальностей.

— Но она не одѣта, въ дезабилье. Совѣстится такъ принять, предупреждаетъ переговорщица: —она дѣвица!

Мы заявляемъ полную готовность быть невзыскательными къ туалету m-lle Грипоръ и ничего не замѣчать лишняго. Парламентеръ отправляется по назначенію. Наконецъ, насъ просятъ еще минуточку обождать; а затѣмъ, запертая дверь разверзается и мы приглашаемся въ святилище «артистки».

Мой спутникъ еще разъ поправляетъ рукой свой изящный галстухъ и смѣло идетъ впередъ, съ громаднымъ портфелемъ подъ мышкой. Я слѣдую сзади съ тощей книженкой въ рукахъ.

Мягкій, розовый будуаръ, съ палисандровымъ піанино у двери.

На кушеткѣ возлежитъ, въ батистовомъ пеньюарѣ, сама артистка. Голова ея покоится на бѣлой подушкѣ. Ноги укутаны тигровымъ пледомъ. Видна на кушеткѣ голубая, шитая серебромъ туфелька съ величайшимъ каблучкомъ, свалившаяся съ ножки хозяйки. Обнаженная до плечъ рука артистки закинута за голову. Это ужь поблекшая, но пухлая, здобная, бѣлая женщина, съ ярко-золотистыми волосами. Глаза и брови, замѣтно, подсурмлены. Но она еще недурна, довольно свѣжа и можно повѣрить, что была когда-то очень красива.

Около кушетки свѣтлый вѣнскій стулъ. На немъ—подносъ съ тарелкою выѣденныхъ устрицъ, съ кускомъ булки, выжатымъ лимономъ, рюмкой недопитаго розоваго ликера и разрѣзаннымъ апельсиномъ. Тутъ же валяются писанныя ноты, карманное зеркальце и карандашъ для бровей. Все это перемѣшано въ артистическомъ хаосѣ.

Хозяйка мило улыбается намъ навстрѣчу.

Бланжевая крысоловка, съ голубымъ бантикомъ надъ ушами, заливаясь визгливымъ лаемъ, вертится у насъ подъ ногами.

Меня она, проклятая, хватаетъ за икру острыми, какъ иголки, зубами.

— Ай! слегка вскрикиваю я невольно.

— Pardon, смѣясь, говоритъ m-lle Грипоръ:—Biche, à ta place!—Собаченка ловко вскакиваетъ хозяйкѣ на ноги, продолжая немилосердно лаять на насъ.

— Parlez-vous français, messieurs? освѣдомляется француженка.

— Un peu, mademoiselle, отвѣчалъ Венцеславъ Венцеславичъ.

— Больной, malade, тыкая себѣ въ грудь пальцемъ, объявляетъ Грипоръ:—Сади! говоритъ она, приглашая насъ сѣсть:—Prenez place.

Мы присѣли на крохотныя кресла формы раковины. Ни по чему не было замѣтно, чтобы хозяйка была больна или сейчасъ брала ванну: волосы были сухи и тѣло невоспалено. Тѣмъ не менѣе, она считала своимъ долгомъ оправдаться въ томъ, что задержала насъ долго въ гостинной.

— Я брала ванну, потому васъ и задержала, объяснила она по-французски: — вотъ! — И, откидывая пледъ, она выставляетъ намъ на-показъ, поднявъ вверхъ, изящную ножку въ розовомъ ажурномъ чулкѣ.

Доказательство не особенно убѣдительное!

Но она безцеремонно расправляетъ изящный чулокъ и, видимо, сама любуется стройностью ножки. Эта фульгарная фамильярность нѣсколько шокируетъ насъ съ Венцеславъ Венцеславичемъ. Но мы гости; она хозяйка и женщина—мы молчимъ.

— Не правда ли, какая прелестная ножка? вдругъ спрашиваетъ она, продолжая высоко держать поднятую ногу и разглаживая морщины чулка:—Répondez donc, messieurs! Развѣ вы не мужчины, не можете понимать этого! — И она вдругъ щелкаетъ голубой резинкой подвязки.

Насъ обоихъ передернулъ этотъ цинизмъ. Я нагнулся къ Венцеславу Венцеславичу и кое-что ему замѣтилъ.

— Что̀ мсье вамъ сказалъ? что̀? нетерпѣливо освѣдомилась Грипоръ у моего спутника.

— Онъ сказалъ, мзель, что у его жены лучше, бойко объявилъ Венцеславъ Венцеславичъ, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе на своемъ креслѣ. Это вышло у него очень удачно. И сочинилъ эту фразу онъ самъ, потому что я ему вовсе не это сказалъ.

*

Грипоръ, какъ умная француженка, сейчасъ поняла намекъ, опустила ногу и закрылась пледомъ.

— Такъ что же вамъ нужно, господа отъ, несчастной женщины? холодно спросила она.

Венцеславъ Венцеславичъ сталъ объяснять ей цѣль нашего визита. Онъ говорилъ ей по-русски, вставляя, по временамъ, французскія фразы для ясности. Я ему помогалъ иногда. Она слушала насъ съ улыбкой снисходительнаго состраданія.

— Понимай, сказала она:—росписаться я готова, продолжала она по-французски:—что же касается до уплаты расходовъ, то не могу. Гдѣ же деньги у бѣдной женщины? Откуда она возьметъ?!

Венцеславъ Венцеславичъ пожалъ плечами, какъ бы желая дать ей понять, что и онъ не знаетъ, откуда деньги должна взять «бѣдная женщина», живущая въ золоченныхъ аппартаментахъ.

— Général de Salom долженъ платить, подсказала она.

Ей объяснено, что, по контракту, всѣ нотаріальные расходы на нее подаютъ.

— Это вѣрно?

— Вѣрно, m-lle Грипоръ.

— Странно, онъ богаче, онъ генералъ! Впрочемъ, я сомнѣваюсь еще, генералъ ли онъ. Маловѣроятно. Вѣрно, messieurs, что онъ генералъ?

— Вѣрно, даже большой генералъ, grand général, m-lle.

— Странный какой-то! Женщина его приглашаетъ, а онъ не является на объясненіе. Дворниковъ присылаетъ. Достойно это генерала, джентельмэна, messieurs, я васъ спрашиваю?

Мы переглядываемся, недоумѣвающе, съ Венцеславъ Венцеславичемъ.

— Сколько-жь я должна бы заплатить вамъ?

Спутникъ мой достаетъ изъ портфеля счетъ и подаетъ ей.

— 45 рублей! Parbleu! Вашъ нотаріусъ долженъ быть милліонеромъ, господа. Я, бѣдная женщина, по недѣлямъ не вижу иногда такихъ денегъ. Хорошо быть нотаріусомъ въ Россіи! Я брошу сцену и пойду въ нотаріусы. Примутъ меня, какъ вы думаете, господа?.. И васъ возьму къ себѣ въ контору, какъ джентельмэна, говоритъ она Венцеславу Венцеславичу:—а васъ, мсье, не возьму, объявляетъ она мнѣ:—женатыхъ у меня вообще не будетъ. Женатые должны сидѣть около своихъ женъ, прясть съ ними нить жизни (le fil de la vie, сказала она): — и любоваться красотою ихъ ногъ. (Она собственно сказала: leurs jambes).

Однако, все это были шуточки, весьма далекія оттого, за чѣмъ мы пришли сюда. Я взглянулъ внушительно на моего спутника. Онъ, кажется, понялъ.

— Такъ можемъ мы получить добровольно деньги, m-lle Грипоръ, или нотаріусъ долженъ будетъ обратиться къ законнымъ путямъ? спросилъ довольно твердо мой товарищъ.

— Нѣтъ у меня денегъ, господа. Женщина никогда не платитъ, сами знаете; платить — это долгъ мужчины, джентельмэна.

— Тутъ, m-lle Грипоръ, не однѣ деньги нотаріуса, а и казны, города, замѣчаемъ мы.

— Пусть нотаріусъ, какъ джентельмэнъ, заплатитъ казнѣ: мы съ нимъ когда-нибудь сосчитаемся. Старикъ онъ или молодой?

— Вы смѣетесь, m-lle; а я серьёзно прошу уплаты, говоритъ мой спутникъ.

— Ахъ, Dieu! что за люди!.. Amélie! Amélie!

Въ комнату явилась дама въ черномъ.

— Какія у насъ есть деньги, скажите?

— Никакихъ, m-lle Alphonsine... Какія же деньги бываютъ у женщинъ! заученно говоритъ Амалія:—5 рублей изъ кухонныхъ денегъ развѣ...

— Хотите получить, messieurs? Болѣе у меня нѣтъ.

Я всталъ съ мѣста. Мнѣ ужъ надоѣдала эта комедія.

— Вы смѣетесь, m-lle; а мы пришли по службѣ; мы не шутимъ.

— Я могу еще собрать 5 рублей, говоритъ Грипоръ:—возьмите 10 рублей—и мы квиты съ вашимъ нотаріусомъ. Parbleu, что такое, въ самомъ дѣлѣ! Насиліе надъ слабой женщиной, въ собственной же ея квартирѣ!

— Мы пришли не торговаться сюда, m-lle Грипоръ, говоритъ уже энергически Венцеславъ Венцеславичъ, тоже подымаясь съ мѣста.

Но въ это время раздается, въ передней, сильный звонокъ. Дама въ черномъ бросается къ двери.

— Amélie, не ходите! Я боюсь остаться съ этими господами одна въ комнатѣ.

Какъ вамъ покажется! Мы переглянулись съ Венцеславъ Венцеславичемъ. Положеніе наше было затруднительное. Но въ это время, въ передней, раздается еще болѣе нетерпѣливый звонокъ.

— Allez! приказываетъ хозяйка и, когда Amélie выходитъ, она надуваетъ губки и отварачиваетъ голову къ стѣнѣ.

Въ гостинной слышатся скорые шаги по ковру; но, затѣмъ,

шаги умолкаютъ и, какъ бы, удаляются къ передней... И все опять смолкаетъ на время.

Amélie торопливо приноситъ чью-то визитную карточку, съ надписью карандашемъ на оборотѣ. Грипоръ почти вырываетъ ее изъ рукъ Amélie и читаетъ. Я издали вижу крупныя буквы фамиліи Двинина.

— Certainement, je reçois! оживляясь, восклицаетъ Грипоръ, быстро поднявшись на кушеткѣ, и, не обращая на насъ никакого вниманія, она кричитъ въ полуотворенную дверь гостинной: — Двинушка! Двинушка! Entrez, entrez vite!

Мы второй разъ въ неловкомъ положеніи. Это Двининъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, Двининъ быстро входитъ въ будуаръ, слегка краснѣя. Собаченка окончательно выдаетъ его: съ оглушительнымъ визгомъ радости, она кидается ему на встрѣчу, лаетъ, прыгаетъ и вертится юлою около его ногъ. Сомнѣваться, значитъ, нечего, что онъ здѣсь не случайный гость. Мы сконфуженно сторонимся, со своими конторскими книгами, къ окну.

— Двинушка, спаси меня. Что эти страшные люди отъ меня хотятъ? Я не могу понять; они не говорятъ по-французски; мы вовсе не понимаемъ другъ друга. Они пришли насильно съ улицы, не хотятъ уходить и требуютъ денегъ у бѣдной женщины съ ножемъ у горла! объяснила она Двинину по-французски, страшно жестикулируя.

Сконфуженный Платонъ Александрычъ на минуту растеривается.

— Tranquillisez-vous, ma chère, говоритъ онъ хозяйкѣ.—Съ чего же подымать крикъ! Они, вѣроятно, по дѣлу пришли; это ихъ служба; ихъ прислали.

Венцеславъ Венцеславичъ тихо объясняетъ.

— Нужно платить, говоритъ Двининъ, обращаясь къ Грипоръ:—они совершенно правы, они законнаго требуютъ. Вы наняли у Саломъ квартиру и заключили съ нимъ контрактъ. Платите теперь расходы.

— Но я бѣдная женщина, Двинушка!

Двининъ жметъ плечами.

— Даю имъ 10 рублей. Не хотятъ брать.

— Съ ними не торгуются, Alphonsine. Они лишняго не потребуютъ.

— 45 рублей. Parbleu!.. У меня, несчастной женщины, нѣтъ такихъ денегъ... Есть у васъ? дайте.

— Хорошо, берясь за бумажникъ, сконфуженно замѣчаетъ Платонъ Александрычъ:—но это ужъ третій разъ я даю.

Двининъ отсчитываетъ 45 рублей и вручаетъ хозяйкѣ. — Она откладываетъ 25-ти рублевую бумажку на стулъ и подаетъ намъ 20 рублей.

— Возьмите; право, довольно этого.

— Alphonsine! съ упрекомъ произноситъ Двининъ.

Она перемѣняетъ ассигнаціи: намъ даетъ четвертную, а 20 рублей суетъ себѣ подъ подушку.

— Болѣе не дамъ, честное слово! кричитъ она и ложится грудью на подушку.

Наконецъ, однако-жь, она разстается съ деньгами и выдаетъ намъ все.

— Prenez et sortez! трагически произноситъ она, почти кидая деньги Венцеславу Венцеславичу въ лицо.

Но расписываться по книгамъ, она ни за что не хочетъ. Однако, Двинину удается и въ этомъ уговорить ее.

— За то сейчасъ прокатитесь по Морской, на моемъ новомъ рысакѣ, въ эгоисткѣ. Вотъ конь! На мѣстѣ не стоитъ, утѣшаетъ онъ артистку:—только нужно торопиться для этого.

Она торопливо расписывается въ нашихъ книгахъ, швыряетъ врученную ей копію контракта — au diable! — подъ-столъ, вскакиваетъ ногами на кушетку и, приказывая Амаліи давать одѣваться, кричитъ намъ во все горло:

— A la porte, messieurs!

При общемъ смѣхѣ—Гриноръ сама до истерики хохочетъ отъ волненія—мы откланиваемся и выходимъ изъ ея будуара, сопровождаемые до передней Двининымъ. Онъ старается извиниться за нее, объясняя, что это «прекрасная женщина, но что у ней что-то тутъ не въ порядкѣ».—Онъ показываетъ на голову.

— И потомъ, господа, предупреждаетъ онъ насъ, слегка конфузясь:—вы меня здѣсь не видѣли; понимаете?

— Понимаю, Платонъ Александрычъ, говоритъ Венцеславъ Венцеславичъ.

— И вы тоже, г. Мастовъ, напоминаетъ онъ мнѣ.

Я кланяюсь.

XV.

28-го марта, четвергъ, вечеромъ.

Почти пусто сегодня въ передней нашей конторы.

Запахъ овчинки, царившій тамъ недѣли, передвинулся замѣтно

въ корридоръ и, частью, въ самую контору. Крестьяне толкутся въ корридорѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ бы расхрабрившись, заглядываютъ иногда въ контору; но, потолкавшись тамъ недолго и переговоривъ съ кѣмъ нужно, удаляются на цыпочкахъ опять въ корридоръ или въ переднюю. Въ корридорѣ же стоитъ порядочный содомъ отъ ихъ толковъ. Пленеръ уже два раза подходилъ къ двери и строго говорилъ: «тише, братцы»!

Помѣщикъ Груздевскій, отдохнувшій отъ трудныхъ дней медвѣжьей охоты, является въ контору въ 10 часовъ. (Швейцаръ говорилъ, что крестьяне сегодня звонились въ контору ужь въ семь часовъ утра, чуть свѣтъ, но что онъ ихъ выругалъ и прогналъ. «Въ 9 часовъ, молъ; приходите»). Помѣщикъ теперь развязно сидитъ на стулѣ около Пленера и просматриваетъ любовно какую-то маленькую петербургскую газету. Кому же изъ крестьянъ благоугодно отдохнуть—можетъ отправляться въ переднюю: тамъ для нихъ есть, какъ извѣстно, лавки и подоконники.

Впрочемъ, они мало сегодня сидятъ, болѣе на ногахъ пребываютъ, и замѣтно ажитированы.

Чернякъ запродажной на пріобрѣтаемую ими землю карандашемъ уже накинутъ Вердяевымъ и недавно былъ имъ прочитанъ Пленеромъ. Теперь дѣлаются поправки. Имъ все кажется, что въ пустошахъ «Гуськовой нивѣ», «Собачьей плѣши», на «Кобылихѣ», на «Коровьемъ броду» или въ «Оголтихѣ»—гдѣ-то, гдѣ-то—болѣе земли. Счетъ ихъ съ помѣщьичимъ не сходится на 1-ой десятинѣ 37 саженяхъ—и это, видимо, омрачаетъ ихъ сегодняшнее счастливое настроеніе. Впрочемъ, Пленеръ, провѣряя число запродаваемыхъ десятинъ, по спеціальному плану Груздевскаго и владѣннымъ актамъ, успокоиваетъ крестьянъ увѣреніемъ, что все вѣрно и подвоха со стороны Груздевскаго не оказывается.

— Нотарьюсъ сказываетъ, что, по плантамъ, вѣрно; значитъ, такъ. А все боязно, слышится въ корридорѣ.

И въ корридорѣ происходитъ новая провѣрка по особой домашней геометріи. «Старики», Прохоръ Семеновъ—котораго теперь лиходейка, кажется, навсегда оставила — и «побилетный антиллерійскій банбандиръ» Кругловъ, привезшіе изъ деревни какіе-то особенные жезлы съ крестами, вычисляютъ десятины «по крестамъ», и, въ концѣ-концовъ, посрамляютъ всякихъ землемѣровъ и топографовъ: отыскалась-таки бѣглая десятина и 37 квадратныхъ саженей, инстинктивно предчувствованныя крестьянами. Городскому мудрецу, правда, трудно и понять сразу

эту хозяйственную премудрость—но это вѣрно! Сколько можно понять, виноватыхъ оказывается много въ этой невольной погрѣшности. И свиньи, и мельникъ нижней мельницы на «Коровьемъ Броду», и многое... многое! Выходило что-то въ томъ родѣ, по ихъ объясненію, что прежде эти 1 десятина 37 сажень на «Коровьемъ Броду», приписанныя къ «Собачьей Плѣши», «ходили подъ свиньями», а потомъ мельникъ поднялъ запруду, мѣсто это залило, свиней должны были перевести въ другое мѣсто, земля стала въ хозяйствѣ считаться у помѣщика «подъ водой» и за другой какой-то помѣщичьей пустошью. Ну, а теперь мельникъ умеръ; за бездѣйствіемъ мельницы, вода въ этихъ мѣстахъ спадаетъ, подтопъ оканчивается; крестьяне провидятъ здѣсь всю прелесть заливного луга, и доказываютъ, что это опять должно считаться принадлежностью «Собачьей Плѣши», и сами они охотно желали бы наслѣдовать это лакомое мѣстечко. Что-то въ этомъ родѣ оказывается. Къ плану они относятся, видимо, съ затаеннымъ уваженіемъ, но и не безъ критики. И въ немъ они находили «фальшь» землемѣра. На «Коровьемъ Броду», въ пограничной межѣ, «полдомъ», т. е. румбъ, NON—признаютъ они на 3 минуты больше, на «Ивашкину баню потрафлять надо», по ихъ объясненію, а не на крестъ, села Ивановскаго, какъ бралъ землемѣръ; отчего, по ихъ мнѣнію, и происходила нѣкоторая разница въ вычисленіи площадей. Словомъ, геометры оказались хоть куда! Причемъ, счисленіе площадей опять производилось по крестамъ таинственныхъ жезловъ, изъ которыхъ одинъ, особенно загрязненный, видимо, служилъ Прохору Семенову, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дорожною клюкою. (Румбовую звѣзду на планѣ они называли «колючкой»).

Помѣщикъ и не споритъ слишкомъ. Ему бы лишь запродажныя деньги скорѣе получить съ нихъ сегодня. Помыслы его, по предположенію Аваловскаго, давно уже намѣтили въ газетѣ увеселительное заведеніе *Эльдорадо*, для посѣщенія сегодня вечеромъ; тамъ онъ можетъ поразсѣяться послѣ зимней деревенской скуки; онъ ужь громко справлялся также, въ разговорѣ съ Бердяевымъ, и о нынѣшней цѣнѣ фленсбургскихъ устрицъ у Осетрова и Вьюшина, равно какъ и о цѣнѣ, по какой играютъ въ безикъ въ благородномъ собраніи... Что ему стоять теперь изъ-за десятины съ чѣмъ-то! Да злостности утаиванія у него и не было на сердцѣ: не можетъ же онъ знать, въ своемъ деревенскомъ хозяйствѣ, всѣ эти мелочи!

Онъ самъ успокоиваетъ крестьянъ:

— Пусть такъ, пусть такъ, старики, пусть будетъ по вашему.

Стоитъ ли изъ-за этого задерживать ходъ дѣла! Въ запродажной и въ купчей будетъ сказано: «все, что въ натурѣ окажется». Значитъ, эти 1 десятина 37 сажень, все равно, будутъ ваши.

— Благодаримъ покорно, Петръ Петровичъ! Знаемъ твою добрую душу; не станешь насъ обиждать! Премного благодарны.

И крестьяне опять ему въ-поясъ кланяются и ретируются въ корридоръ.

— А вотъ, братцы, чтобы не терять напрасно времени, громко говоритъ свою задушевную мысль Груздевскій:—вы пока готовили бы деньги, собрали бы, сосчитали бы, сколько съ кого причитается... Переписать запродажную на-чисто г. нотаріусу будетъ недолго. А вы потомъ не задержите меня: мнѣ еще нужно побывать сегодня у преосвѣщеннаго...

— Это вѣрно: у Осетрова, либо у Вьюшина, шепчетъ мнѣ Аваловскій.

Въ корридорѣ устраивается что-то въ родѣ биржи. Прохора Семенова, сообща, распоясываютъ и съ груди у него снимаютъ какой-то тюфякъ съ «деревенскими» деньгами. Это отъ «обчества». А свои доли «депутаты» достаютъ изъ-за пазухи, вмѣстѣ съ крестами—подобно майору Шебанскому—либо изъ-за поясныхъ черезей, изъ-за полъ полушубковъ, изъ опучей... Кто по 20 рублей даетъ, кто по 50 и болѣе. Составляется складчина по реэстру граматнаго «банбандира» Круглова. Реэстръ свѣряется съ засвидѣтельствованною копіею мірского приговора, замѣняющаго имъ довѣренность отъ общества, и съ волшебнымъ жезломъ съ крестами старика Прохора Семенова. Все оказывается вѣрнымъ.

— Деньги готовы, Петръ Петровичъ, задержки не будетъ докладываетъ Кругловъ:—какъ бы только у г. нотарьюса проволочки не было.

— Спасибо, спасибо, братцы. Люблю народъ за сметливость и расторопность, говоритъ Петръ Петровичъ, обращаясь къ Пленеру.—А вотъ, въ самомъ дѣлѣ, они правду говорятъ—какъ бы за вами не было остановки, г. помощникъ.

— За нами не будетъ-съ, глухо отвѣчаетъ Николай Иванычъ, водя по бумагѣ носомъ.

— Пожалуйста, скорѣе. Мнѣ ужь не терпится. Съ 10 часовъ сижу здѣсь!

Я придвигаюсь со стуломъ къ Аваловскому.

— Съ какимъ легкимъ сердцемъ, однако, разстаются подобные господа съ землею, говорю я ему тихо, указывая глазами на помѣщика: — съ землею, которая, можетъ быть, кормила отцовъ ихъ, гдѣ, можетъ быть, покоятся кости ихъ дѣдовъ... И какъ

крестьяне понимаютъ эту силу земли, какъ ее любятъ, какъ жадны до нея, можно сказать! Этому господину надоѣло сидѣть и ждать два часа въ конторѣ, чтобы скорѣе спустить ее; а они недѣли терпѣливо высиживали здѣсь, чтобы не упустить случая пріобрѣсти эту землицу.

Аваловскій, насмѣшливо выслушавъ мою риторику, взглянулъ на меня язвительно.

— Да онъ и не разстается съ нею, можетъ быть.

— Какъ не разстается, продавая!

— Можетъ быть и не продаетъ.

— А что жь онъ дѣлаетъ?

— Деньги занимаетъ.

— Какъ деньги занимаетъ?

— Такъ.

— Что вы такъ хладнокровно это говорите, Дмитрій Павлычъ!

— А мнѣ-то что же? Развѣ я буду въ дуракахъ?

— Не понимаю, говорю я.

Аваловскій третъ свою черную бородку и насмѣшливо смотритъ на меня.

— Не понимаю, повторяю я.

— Я и вижу, что не понимаете, соглашается Дмитрій Павлычъ.—Запродажа не есть еще купля. Это тоже, что биржевая игра: продажа на срокъ, не болѣе. Можно и на биржѣ капиталовъ не имѣть, а запродавать на срокъ; разницу придется лишь платить. Что это еще не купля—это ужь десятки разъ разъяснено рѣшеніеми кассаціоннаго департамента. Но развѣ неграматные крестьяне знаютъ законы! Они вонъ свою геометрію изобрѣтаютъ, свои гражданскіе законы знаютъ «по обычаю». На биржѣ запродажа — игра, ибо тамъ разсчитываютъ на повышеніе или пониженіе договорной цѣны запроданнаго, тутъ же это нерѣдко просто заемъ—вотъ и вся разница! Вамъ нуженъ сейчасъ рубль; вы у меня берете и выдаете запродажную записку, по которой, въ теченіи шести мѣсяцевъ, обязываетесь продать мнѣ вашу шапку за 6 рублей, а я купить ее у васъ по этой же цѣнѣ. Но это еще не значитъ, что я буду имѣть право, чрезъ шесть мѣсяцевъ, заставить васъ судомъ продать мнѣ шапку за эти шесть рублей Нѣтъ. Вы взяли у меня рубль, ну, и должны будете, раздумавъ продавать шапку, возвратить взятый рубль, да рубль—а то и менѣе—неустойки за отказъ, т. е. за то, что пользовались моимъ рублемъ шесть мѣсяцевъ. Заемъ—игра! Вотъ этому Груздевскому, можетъ быть, нужны теперь деньги: тысченка, другая. Вотъ благополучный россіянинъ, томимый чесоткою, что

ве все еще отцовское спущено, не зная гдѣ занять денегъ, и запродаетъ крестьянамъ свои «плѣши», «броды» и все родное поднебесье за пять тысячъ. Мужикъ же всегда зарится на землю. Вотъ Груздевскій и получаетъ теперь тысячу рублей. Если, къ назначенному сроку—а вы замѣтьте, онъ заключаетъ сдѣлку на годъ—его благородіе не заблагоразсудитъ уступать крестьянамъ эту землю — ну, и не уступитъ. Да еще судомъ выволочитъ у нихъ годъ, полтора. По суду же отдастъ назадъ ихъ тысячу, ну, да еще тысченку приплатитъ (вѣдь у жидовъ онъ все равно 100% заплатилъ бы въ годъ за эти деньги; если онъ мотыга, то ему все равно!). А онъ не такъ глупъ, какъ кажется съ перваго разу; онъ выговорилъ себѣ право, въ запродажной, платить штрафъ всего лишь 500 рублей. Ну, значитъ, занимаетъ эту тысченку за 50% въ годъ. А крестьяне развѣ понимаютъ? Они думаютъ, «запродано—значитъ продано». Головы!

Я только руками развелъ.

— Какъ же такъ?! глупо произнесъ я, не зная что сказать.— Что же Вердяевъ смотритъ? что же онъ молчитъ!

— Эхъ, вы, простота, Евгеній Васильичъ! Да какое же Вердяевъ имѣетъ право мѣшать совершенію *законныхъ* сдѣлокъ?! Да и какъ же онъ можетъ прямо сказать это въ глаза!.. Да на то онъ и нотаріусъ, наконецъ, чтобы грести деньги въ мошну, а не гнать людей отъ своего порога!.. Вѣдь и я говорю лишь предположительно, что этотъ Груздевскій занимаетъ; а можетъ быть онъ и, въ самомъ дѣлѣ, заправскій русскій помѣщикъ, желающій облегчиться отъ земельной тяготы? Рожа-то у него только подозрительная — мы уже видали такихъ. Кажется, занять ему хочется... А вотъ мы вскорѣ это увидимъ. Я вамъ укажу.

— Значитъ, и двининская запродажа на домъ мыльный пузырь?

— Нѣтъ. Красноносовъ стрѣленная птица; съ Двининымъ сапогъ одной пары. Небось, Красноносовъ себя гарантировалъ: слышали, Двининъ заказывалъ еще особую неустоечную въ 75 тысячъ Красноносову, на случай отказа отъ совершенія купчей чрезъ годъ? Это будетъ покрѣпче. Ну, да и Двининъ еще не такой мотыга, чтобы 100% платить! У него въ банкахъ есть кредитъ. Я говорю лишь о мотоватыхъ людяхъ.

Я опять развелъ руками въ недоумѣніи.

— А не нужно ли вамъ будетъ, старики, вскорѣ вкрадчиво намекнулъ нотаріусъ крестьянамъ, со своего кресла:—неустоичку еще сдѣлать къ этому дѣлу? небольшую, въ тысячу, въ полторы; особую, конечно... Или не нужно ли довѣренности отъ продавца на право распоряженія нынѣ покупаемыми угодьями?

Аваловскій толкаетъ меня локтемъ.

— Зачѣмъ! вскипаетъ Груздевскій: — въ запродажной записи обозначена неустойка: они откажутся совершить купчую — теряютъ свою тысячу; я—возвращаю деньги и плачу 500 рублей. Совершенно достаточно. Довѣренности же такія, ранѣе совершенія самой купчей, запрещается выдавать закономъ, г. нотаріусъ.

Крестьяне вслушиваются, но, кажется, не понимаютъ намека Вердяева. Помѣщикъ же — какъ ни дурковатъ казался по-виду сначала—ловко разстраиваетъ слишкомъ ужь тонкую стратагему нотаріуса. Онъ поспѣшно добавляетъ, вспыхивая въ лицѣ:

— Не слѣдуетъ, г. нотаріусъ, въ своихъ *личныхъ* видахъ, осложнять сдѣлки, увеличивая и безъ того тяжелые нотаріальные расходы, падающіе исключительно на нихъ, бѣдныхъ крестьянъ. Это совсѣмъ не нотаріуса дѣло! Я первый этого не допустилъ бы, въ ихъ интересахъ.

Съѣвъ кукишъ и сконфуженно поправляя свои накрашенные волосы, Вердяевъ замолкаетъ.

— Положимъ такъ, произноситъ онъ. (И косо взглядываетъ на Груздевскаго, продолжая ехидно улыбаться).

Аваловскій опять толкаетъ меня локтемъ.

— Заемъ, заемъ, шепчетъ онъ.

— ...Тутъ существуетъ вѣковое, патріархальное довѣріе сосѣдей къ сосѣду, объясняетъ Вердяеву наставительно помѣщикъ.— Они знали еще моего папеньку!

— Вѣримъ Петру Петровичу, объявляютъ крестьяне: — не обидишъ мужика ты, дворянскій сынъ!.. А насчетъ, то-есть, довѣренности по угодіямъ, то оно, дѣвствительно, Петръ Петровичъ... желательно было бы мужику. — И общій поклонъ всею гурьбою.

— Я не согласенъ вводить новыхъ усложняющихъ условій Прошу васъ писать такъ, какъ условленно было, предупреждаетъ Пленера, съ благородной гордостью, Петръ Петровичъ Груздевскій, не обращая вниманія на поклоны крестьянъ. — Идите, братцы, на свое мѣсто!

Крестьяне пятятся назадъ.

Тяжелая сцена для Вердяева, какъ я замѣчаю. Я вижу, что онъ слегка кусаетъ себѣ губы. Но тутъ идетъ соблазнъ 25-ти рублей, имѣющихся получиться сегодня отъ этой сдѣлки — и что ему до различныхъ тонкостей! Вердяевъ отыскиваетъ въ кипѣ бумагъ, заваливающихъ бюро, проэктъ неразовскаго раздѣла — и уходитъ, по обыкновенію, работать надъ нимъ въ кабинетъ.

Новые посѣтители развлекаютъ его грусть.

Является, кстати, баронъ Морингъ, мужъ Марьи Алексѣевны, урожденной Неразовой, какъ объясняетъ мнѣ Севрюговъ. Онъ является въ сопровожденіи того присяжнаго повѣреннаго, съ которымъ я познакомился въ корридорѣ конторы, «на зарѣ, такъ сказать, моей нотаріальной юности», и о которомъ говорилъ въ III главѣ дневника.

— У нотаріуса никого *особеннаго* нѣтъ въ кабинетѣ, Николай Иванычъ? освѣдомился баронъ у Пленера.

Пленеръ успокоиваетъ, понимая, на кого тотъ намекаетъ. Морингъ стучитъ въ дверь и затѣмъ скрывается въ кабинетѣ. Минутъ черезъ пять, онъ выходитъ оттуда со своимъ повѣреннымъ, сопровождаемый Вердяевымъ.

— Такъ во вторникъ, въ часъ дня, повторяетъ онъ на выходѣ, подобно Сахаровскимъ.

— Да, да... Вы же, пожалуйста, будьте; я одинъ ни за что не ручаюсь, напоминаетъ присяжному повѣренному нашъ нотаріусъ, пріостанавливая того на порогѣ.

Они разстаются.

Въ конторѣ инстинктивно чувствуется приближеніе момента совершенія знаменитаго неразовскаго раздѣльнаго акта! Кажется, все ужь налажено.

Но вотъ и запродажный актъ нетерпѣливаго помѣщика готовъ, съ копіями для крестьянъ. Доволенъ помѣщикъ; но еще болѣе счастливы, кажется, покупщики. Они тѣсной гурьбой подступаютъ, изъ корридора, къ столу Пленера. Имъ вновь все прочитывается вслухъ. Обѣ стороны остаются довольны.

Кругловъ берется за перо; еще какой-то «паренекъ» лѣтъ подъ двадцать пять—граматный—тоже выступаетъ впередъ изъ толпы, готовясь расчеркнуться за всѣхъ остальныхъ, «деревенскихъ» и «тутошнихъ». Разворачивается мірской приговоръ. Предстоитъ поименовать: 20 Ивановъ, 15 Павловъ, 10 Семеновъ, 7 Филипповъ, 5 Никитъ, 2-хъ Прововъ и 1 Евимаха. Пленеръ не безъ ужаса, кажется, предвидитъ какую громадную явку придется дѣлать отъ имени столькихъ довѣрителей и отъ десятка такихъ повѣренныхъ.

— Готово, г. нотаріюсъ? спрашиваютъ крестьяне Пленера.

— Готово.

Прохоръ Семеновъ, стоящій впереди съ опущенною на грудь головою, какъ подобаетъ «старику», вершителю судебъ цѣлаго «обчества» въ такую важную минуту, крестится на образъ, откидываетъ полу полушубка и достаетъ изъ глубокаго кармана штановъ красный старенькій платокъ. Изъ него онъ бережно

достаетъ «царскія» деньги. Онъ еще разъ пересчитываетъ засаленныя ассигнаціи, сложенныя мелкими пачками—и кладетъ осторожно передъ Груздевскимъ. Затѣмъ, онъ почтительно пятится назадъ.

— Получите-съ, Петръ Петровичъ, говоритъ онъ, кланяясь. Всѣ тоже кланяются. Груздевскій наскоро пересчитываетъ пачки, зачѣмъ-то напоминаетъ: «такъ вы помните, сосѣди, мое благодѣяніе!»—и живо росписывается подъ актомъ, не читая его. Затѣмъ, онъ нетерпѣливо объявляетъ Вердяеву, что отлучится «на минуту»: а если не успѣетъ вернуться, то ужь завтра заѣдетъ за своими бумагами.

И исчезаетъ.

Еще цѣлый часъ у Круглова и «паренька», на кругломъ столѣ, подъ руководствомъ Пленера, идетъ работа подписыванія акта; перечисляются опять, съ особенною старательностью, всѣ Иваны, Павлы, Филиппы и прочій почтенный деревенскій людъ изъ односельчанъ «епутатовъ», какъ крестьяне называютъ себя въ разговорѣ съ Пленеромъ.

— А вотъ если потребуется, со временемъ, старики, для купчей, вкрадчиво говоритъ Вердяевъ:—или для чего-нибудь другого, повѣренный, адвокатъ, то пріѣзжайте опять къ намъ въ контору. У меня славный есть адвокатъ! Ну, и въ нотаріатѣ, при утвержденіи купчей, могу быть вамъ полезенъ. Дорого не возьмемъ. Что стоитъ проѣхаться по желѣзной дорогѣ 100—150 верстъ?—пустяки!

— Благодаримъ покорно. Завсегда къ твоей милости обратимся, говорятъ крестьяне:—потому что сколько недѣль не гналъ насъ, мужиковъ, въ зашеи изъ конторы, позволялъ ждать... Премного благодарны.

— Заемъ, несомнѣнно заемъ! говоритъ Аваловскій:—Вердяйка ужь нюхомъ чувствуетъ поживу въ будущемъ отъ кляузъ.

Владиміръ Иванычъ Вердяевъ не дожидается окончанія всего этого дѣла. Передавши свои приказанія Пленеру и Севрюгову насчетъ размѣра нотаріальной платы, подлежащей «взысканію» съ крестьянъ за актъ, и насчетъ заготовки бумагъ къ его подписи, на вечеръ—онъ уѣзжаетъ въ нотаріатъ. Передъ тѣмъ онъ выходитъ на минуту въ контору, одѣтый въ новый сюртукъ и бѣлый галстухъ. Рукой онъ поправляетъ кокетливо свои крашенные волосы и маленькой гребеночкой разчесываетъ бороду на ходу. Онъ обходитъ всѣхъ насъ и прощается, такъ какъ не надѣется возвратиться до нашего ухода изъ конторы, т. е. къ 4-мъ часамъ. Венцеслава Венцеславича онъ благодаритъ за

удачное окончаніе дѣла съ Грипоръ. Пленеру говоритъ, что на дняхъ необходимо увѣдомить его превосходительство фонъ Саломъ, объ окончаніи разсчетовъ съ француженкою и о возможности теперь для него получить изъ конторы контрактъ съ нею.

Прощаясь съ Анной Алексѣевной, онъ любезно, но и довольно твердо ей замѣчаетъ:

— А вы до сихъ поръ мнѣ не дали никакого отвѣта, Анна Алексѣевна, насчетъ того, о чемъ я васъ уже три недѣли тому назадъ спрашивалъ, насчетъ вечернихъ занятій со мной въ кабинетѣ, по диктовкѣ вамъ черняковъ различныхъ актовъ... Будьте такъ добры сказать мнѣ что-нибудь опредѣленное, и сказать къ 1-му числу. Мнѣ нужно знать что-нибудь окончательное. Три дня осталось до конца этого мѣсяца, помните.

Онъ жметъ ея руку и уѣзжаетъ.

Дѣвушка остается слегка покраснѣвшею и, видимо, въ нерѣшительности. Она торопится наклониться къ своей работѣ. Нѣсколько минутъ длится общая пауза. Затѣмъ, къ ней подходитъ Аваловскій, становится на сосѣдній стулъ колѣнами и они нѣкоторое время о чемъ-то тихо разговариваютъ.

Минутъ за пятнадцать до 4-хъ часовъ, уходятъ отъ насъ и всѣ крестьяне, счастливые и довольные окончаніемъ дѣла, на которое потратили столько времени. Завтра чуть свѣтъ они уѣзжаютъ въ деревню, по ихъ словамъ. Контора совсѣмъ пустѣетъ; дѣятельность ея какъ бы засыпаетъ. Всѣ начинаютъ запирать ящики, усиленнѣе обыкновеннаго курить папиросы, болтать и группироваться около Севрюгова. Онъ же занятъ теперь составленіемъ вѣдомости къ 1-му числу: исчисляется сколько кому жалованья слѣдуетъ выплатить. Вещь не безъинтересная для насъ, конечно. И Аваловскій уже тутъ.

Венцеславъ Венцеславичъ, польщенный публичной благодарностью Вердяева, ходитъ съ гордо-поднятою головою и поминутно поправляетъ передъ зеркаломъ свой пестрый галстухъ.

— Скука! неискренно говоритъ онъ:—ничто не интересуетъ, хандра! Какая у насъ тосчища сегодня; мужики да мужики цѣлый день передъ глазами; овчинкой такъ здѣсь надушили, что хоть бѣги вонъ!.. Хотя бы развеселилъ кто-нибудь. Хотя бы Дмитрій Павлычъ спѣлъ «конспиратёровъ» изъ *Madame Angot*.

(Аваловскій недурно поетъ и, говорятъ, удачно иногда пародируетъ извѣстные оперные мотивы въ скучныя минуты конторской жизни).

— Спой, флибустьеръ! говоритъ Аваловскому и Севрюговъ:—

Пленеръ все равно не услышитъ, вонъ у него носъ до половины въ бумагу ушелъ!

— Подите вы, до пѣнія ли теперь! произноситъ шутливо Аваловскій и отходитъ къ своему мѣсту.

— Небось, еслибы Анна Алексѣевна попросила — тотчасъ запѣли бы, попрекаетъ его Венцеславъ Венцеславовичъ. — Анна Алексѣевна, попросите Дмитрія Павлыча спѣть! говоритъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

Я замѣчаю, что Аваловскій вспыхиваетъ въ лицѣ при этихъ словахъ. Для меня вдругъ дѣлается понятнымъ многое, чего я прежде даже и не подозрѣвалъ.

— Просите сами, Венцеславъ Венцеславичъ, тоже краснѣя, отвѣчаетъ дѣвушка, нервно поправляя рукой кудри и спѣшно нагибаясь къ своей работѣ: — Отчего же я должна просить?

«Э, э, э! думается мнѣ: — Простофиля же я! Ничего не вижу у себя подъ-носомъ!»

XVI.

30-го марта, суббота.

Сверхъ обыкновенія, я не нашелъ въ конторѣ Венцеслава Венцеславича, когда пришелъ сегодня утромъ въ половинѣ 10-го часа. Вотъ ужь и Аваловскій на своемъ мѣстѣ; вотъ и Севрюговъ пронесъ въ кассу пакетъ съ филипповскими булками; а нашего «реэстранта» все нѣтъ. Впрочемъ, на это я ужь послѣ болѣе обратилъ вниманія.

Въ конторѣ сегодня какъ-то робко шепчутся; Николай Иванычъ и Севрюговъ ходятъ почти на цыпочкахъ; говорятъ, нотаріусъ нездоровъ и, можетъ быть, не выйдетъ сегодня къ контору. Около четверти 11-го часа утра является, наконецъ, Венцеславъ Венцеславичъ. Поздоровавшись со всѣми, онъ поправляетъ галстухъ и уходитъ въ кабинетъ нотаріуса на какую-то конфиденцію. Кажется, я одинъ замѣтилъ, что когда онъ, минутъ чрезъ десять, оттуда вышелъ, вытягивая повыше свои воротнички, то былъ слегка разрумянившись. Опускаясь на свое кресло, онъ искоса кинулъ мимолетный взглядъ на Аваловскаго и Анну Алексѣевну—и улыбнулся... Никто, кажется, этого не замѣтилъ, кромѣ меня.

Пленеръ обходитъ насъ всѣхъ и задаетъ работу. Мнѣ онъ ничего не даетъ. Онъ объявляетъ, что мнѣ сейчасъ придется

идти въ кабинетъ и опять приниматься тамъ за переписку проэкта раздѣла Неразовыхъ. Я сижу нѣкоторое время безъ работы, куря и наблюдая, какъ аккуратный Севрюговъ раскладываетъ въ пакетики жалованье всѣмъ служащимъ, надписывая конвертики именами будущихъ счастливцевъ. (Въ виду того, что завтра воскресенье, день неприсутственный, сегодня послѣдній день службы въ этомъ мѣсяцѣ и, потому, день полученія жалованья служащими).

— А вамъ, Евгеній Васильичъ, говоритъ Севрюговъ, замѣчая, вѣроятно, что я маслянными глазами наблюдаю за его операціею: — придется получить всего за 29 дней, за неполный мѣсяцъ.—Я кланяюсь. Онъ кладетъ за щеку чуть не полбулки, начинаетъ жевать и, съ прежнею педантическою невозмутимостью, продолжаетъ операцію надписыванія пакетовъ.

Я полагалъ, что нотаріусъ «красится», какъ говорили у насъ обыкновенно, и потому не выходитъ въ контору. Но это оказалось ошибочнымъ. Когда меня позвали въ кабинетъ, Вердяевъ былъ одѣтъ; но одѣтъ по домашнему, въ старое, а не въ тотъ сюртукъ, въ которомъ онъ обыкновенно принималъ посѣтителей въ конторѣ. Онъ сидѣлъ съ ногами на турецкомъ диванѣ, и своему другу Шакалову разсказывалъ что-то въ полголоса. Вердяевъ, видимо, былъ чѣмъ-то разстроенъ. Лицо его какъ-то даже позеленѣло за послѣднюю ночь.

— Какая неблагодарность! произносилъ онъ, вставая, въ то время, когда я входилъ въ кабинетъ. Онъ прекратилъ разговоръ съ Шакаловымъ и обратился ко мнѣ.

Мнѣ онъ объяснилъ необходимость приняться тотчасъ за переписку проэкта раздѣльнаго акта Неразовыхъ, такъ какъ на вторникъ назначено его совершеніе; подтвердилъ свою просьбу, внимательно и четко переписать все это; воспретилъ отвлекаться сегодня какою-либо другою работой и приказалъ своему человѣку подать мнѣ чаю въ кабинетъ, въ 12 часовъ.

— Когда допишите до V-го пункта, касающагося имущества, достающагося баронессѣ Морингъ, прошу остановиться: нужно обождать — въ 12 часовъ пріѣдетъ ея повѣренный и привезетъ окончательное соглашеніе ея на этотъ счетъ; если не будетъ перемѣнъ, то будете переписывать, какъ ужь у насъ составлено... Понимаете?

— Понимаю-съ, Владиміръ Иванычъ.

— Такъ принимайтесь же за дѣло сейчасъ, пожалуста.

Взявъ чернякъ раздѣла, я ушелъ, на время, въ контору за перьями, карандашами и линейками; а Вердяевъ обратился къ своему таинственному разговору съ Шакаловымъ.

Въ конторѣ тоже что-то неладно. Такой ужъ день, должно быть! Издали я вижу, что за барьеромъ какая-то ажитація: перестрѣливаются взглядами, отдѣльными фразами. Анна Алексѣевна, раскраснѣвшись и нервно поправляя свои кудри, что-то говоритъ вполголоса, ни къ кому лично не относясь. Аваловскій переписываетъ бумагу, лежа на лѣвой рукѣ, но сердито, при этомъ, потираетъ косточкой согнутаго пальца свою козлиную бородку... Одинъ Севрюговъ, молча, флегматически надписываетъ конверты. Голосъ взволнованной дѣвушки возвышается такъ, что заставляетъ Пленера, бесѣдующаго съ помѣщикомъ Груздевскимъ, пріѣхавшимъ «за своими бумагами»—оторваться отъ разговора и, подойдя къ барьеру, сказать строго:

— Говорите тише, господа! Въ конторѣ есть посторонніе.

Тѣмъ не менѣе, когда я приближаюсь къ своему мѣсту, то слышу, какъ Анна Алексѣевна произноситъ взволнованно:

— Это, вѣрно, *паны* разные занимаются тутъ этимъ...

— А вотъ я узнаю этихъ соглядатаевъ, добавляетъ неопредѣленно Аваловскій.

Я взглядываю на Венцеслава Венцеславича. Тоже раскраснѣлся, но дѣлаетъ усиліе казаться спокойнымъ; наклонивъ голову на бокъ, онъ калиграфируетъ старательно въ своемъ реэстрѣ.

— Первый долгъ порядочнаго человѣка — исполнять то, что ему приказываютъ на службѣ, сквозь зубы говоритъ онъ, тоже ни къ кому не относясь. И, съ сильнымъ скрипомъ, дѣлаетъ росчеркъ какой-то прописной буквы въ реэстрѣ.

— А вотъ мы послѣ провѣримъ этотъ тезисъ, замѣчаетъ Аваловскій на второмъ столѣ.

— Перестаньте грызться, господа, добродушно совѣтуетъ Севрюговъ, нагибаясь къ кассѣ и, большимъ раззѣвомъ рта, поглощая новый огромный кусокъ филипповской сайки.

Я не вмѣшиваюсь въ этотъ разговоръ, какъ непонимающій что тутъ такое произошло; да я все-таки еще и новичекъ въ конторѣ!.. Я беру свои письменныя принадлежности и ухожу въ кабинетъ.

— Торопитесь, г. Мастовъ, напоминаетъ мнѣ вдогонку помощникъ нотаріуса.

Вердяевъ самъ любезно помогаетъ мнѣ ловче приладиться на маленькомъ столикѣ, у окна. Затѣмъ, онъ возвращается къ Шакалову и у нихъ, въ полголоса, идетъ нѣкоторое время дѣловой разговоръ. Шакаловъ, видимо, даетъ какой-то отчетъ.

— А по дѣлу NN, говоритъ онъ:—я ужъ подалъ вчера апелляцію... Съ Ивана Сергѣева взыскано 320 рублей съ судебными издержками: я вамъ сейчасъ деньги передамъ.

*

— Пріятно... Ну, а по дѣлу Капельмана съ полковникомъ Ворошинскимъ, что сдѣлано? Что̀ сказать, если придетъ еврей?

— Исполнительный листъ сегодня врученъ судебному приставу. Насилу отыскалъ мѣстожительство отвѣтчика! Но я думаю дать ему льготу дней на двадцать. Онъ проситъ.

— Если онъ...

— Конечно, конечно!.. успокоиваетъ Шакаловъ: — жиду-Капельману вы пока ничего не говорите.

— А Бекиревъ-то опять сталъ выпускать векселя, понижая еще болѣе голосъ, таинственно произноситъ Владиміръ Иванычъ, обращаясь къ своему собесѣднику: — кредитуется теперь по довѣренности этого Скрипачева.

— Что̀ же, слава Богу!

— Не слѣдуетъ ли, поэтому, намъ заручиться подобными векселями? Не открыть ли Бекиреву опять кредитъ? А то подлецъ Зильберштейнъ успѣетъ этимъ воспользоваться.

— Подумаю.

— Да, подумайте, наставительно совѣтуетъ Вердяевъ.

Я углубляюсь въ работу и не слышу дальнѣйшаго разговора.

Повѣренный баронессы Морингъ, однако, не пріѣхалъ лично. Онъ прислалъ нотаріусу пакетъ съ письменнымъ согласіемъ его довѣрительницы насчетъ раздѣльной доли; измѣненій въ проэктѣ раздѣльнаго акта, который я писалъ, не понадобилось. Я могъ шибче налечь на работу. Тѣмъ болѣе, что Шакаловъ вскорѣ уѣхалъ, оставивъ въ покоѣ Вердяева.

Владиміръ Иванычъ, по-прежнему грустный и разстроенный, продолжаетъ сидѣть на диванѣ... Онъ даже, кажется, вскорѣ задремалъ, сидя... Тоскливый день для всѣхъ, видно! Одному мнѣ некогда скучать.

Одинъ лишь разъ сегодня эта тяжелая тоска была согната съ лица Вердяева — ну, да пожалуй, и съ моего, какъ новичка въ нотаріальномъ дѣлѣ. Обстоятельство было почти комическаго свойства.

Пленеръ вошелъ въ кабинетъ, немного времени спустя послѣ ухода Шакалова, и таинственно, по своему обыкновенію, доложилъ Вердяеву, держа чей-то вексель въ рукахъ:

— ...Пришелъ какой-то отставной юнкеръ, съ Бернадскимъ и Саровичемъ; проситъ засвидѣтельствовать ему вексель въ 400 рублей. Что-то ужь очень подозрителенъ гость, Владиміръ Иванычъ; не знаю, какъ быть.

— Что же вы находите?

— Черезчуръ молодъ.

— Неправоспособенъ? спросилъ нотаріусъ.

— Неправоспособенъ, и, кажется, загримированъ...—Пленеръ улыбнулся.—Это не та-ли штука, что была въ конторѣ Крещенскаго? Помните разсказывалось, недѣли двѣ тому назадъ, въ «Петербургскомъ Листкѣ»? Цѣлая шайка дѣйствовала.

Вердяевъ оживляется.

— Возможно, говоритъ онъ, подымаясь съ дивана:—подлецы!.. Что же говорятъ Саровичъ и Бернадскій? удостовѣряютъ правоспособность его? Вѣдь я возьму съ нихъ подписку и поставлю свидѣтелями на векселѣ.

— Бернадскаго не поймешь: «и да, и нѣтъ», говоритъ; утверждаетъ лишь, что знаетъ этого юнкера; но въ свидѣтели не хочетъ подписываться. Саровичъ же клянется.

— Что̀ его клятва!.. Позовите ихъ сюда, приказалъ Вердяевъ.—Кто такой? спросилъ онъ Бернадскаго и Саровича, мотнувъ головою въ сторону конторы, когда тѣ вошли въ кабинетъ.

— Трубачевъ, богатый человѣкъ, Владиміръ Иванычъ, въ одинъ голосъ отвѣтили свидѣтели.

— А совершеннолѣтній ли онъ?

— Совершеннолѣтній, побей Богъ, совершеннолѣтній! торопливо сказалъ Саровичъ, комкая въ рукахъ свою барашковую шапку.

— И вы утверждаете, г. Бернадскій? обратился къ другому свидѣтелю нотаріусъ.

— Я не говорю, я не говорю, трусливо заговорилъ тотъ:— я лишь удостовѣряю, что онъ мой знакомый, этотъ г. Трубачевъ. А росписываться въ этомъ я нигдѣ не стану. (Можетъ быть, его пугала, въ дѣлѣ всякой росписки, и собственная неграматность).

— Позовите сюда этого юнкера, строго приказалъ Пленеру нотаріусъ.

Въ кабинетъ вошелъ дурковатый по-виду, испуганный, какъ кукла неповоротливый, молодой человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ въ пиджакъ, наглухо застегнутый до галстуха; по-верхъ борта повѣшена была массивная золотая цѣпочка со множествомъ звенящихъ брелоковъ. Мнѣ показалось, что эта цѣпь съ брелоками очень походила на ту, которую я уже видѣлъ на Бернадскомъ. Подозрѣніе мое еще болѣе усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ Бернадскій былъ теперь въ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы: цѣпочки не было на немъ видно. Подозрительно кидалась въ глаза черная борода незнакомца. Въ то время, какъ черные усики у него только еще пробивались— борода была надѣлена такой обильною растительностью, что ей

позавидывалъ бы любой армянинъ, итальянецъ, грекъ. «Если это гримировка, то она сдѣлана довольно грубо», подумалось даже и мнѣ въ эту минуту.

Вердяевъ пристально уставился глазами въ бороду вошедшаго, я это видѣлъ.

— Мой знакомый, Иванъ Петровичъ Трубачевъ, помѣщикъ, отрекомендовалъ вошедшаго Бернадскій.

— Вы желаете вексель явить у насъ? спросилъ Трубачева нотаріусъ, не обращая вниманія на рекомендацію Бернадскаго и не подавая руки вошедшему.

— Да-съ, г. нотаріусъ.

— Вашъ видъ?

Тотъ подалъ какую-то бумажку.

— Да, но это лишь временное свидѣтельство полиціи на жительство, свидѣтельство, выданное вамъ по случаю подачи заявленія объ утратѣ указа объ отставкѣ. Этого недостаточно. Тутъ не обозначены ваши годы. Представьте метрику.

— Но, г. нотаріусъ, ободряясь, замѣтилъ отставной юнкеръ:— на основаніи нотаріальнаго положенія, два свидѣтеля... вамъ лично извѣстные.. если удостовѣряютъ... то казалось бы...

— Нотаріальное положеніе оставьте въ покоѣ, г. Трубачевъ. Оно мнѣ извѣстно лучше васъ...

— Но два свидѣтеля, вамъ извѣстные, г. нотаріусъ!

Вердяевъ сдѣлалъ нервное движеніе на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ.

— Однако, это просто нахально, проворчалъ онъ взволнованно:—во-первыхъ, одинъ свидѣтель, а не два, г. юнкеръ: Вернадскій отказывается свидѣтельствовать вашу правоспособность. Онъ говоритъ лишь, что лично васъ знаетъ... А во-вторыхъ... а во-вторыхъ, ну, да во-вторыхъ, словомъ, я вамъ скажу, г. Трубачевъ, что вы не на таковскихъ напали. Вы ошиблись. Вамъ нужно было идти въ конторы къ новичкамъ, вотъ хоть бы къ г. Кузьмовичу. Кстати, онъ и беретъ за свои дѣйствія недорого! А мы стрѣленныя птицы!.. Дамъ вамъ совѣтъ прямо, милостивый государь, говорилъ Вердяевъ, волнуясь и уставляясь упорно глазами на Трубачева: — совѣтую быть поосторожнѣе и подобными дѣлами не пріучаться заниматься! Вы еще молоды — и можете всю свою будущность испортить! Если я приглашу полицію и она составитъ протоколъ, то... то, вы понимаете, что̀ васъ ожидаетъ.

— Что такое?!. Да какъ вы смѣете, г. нотаріусъ, да я самъ приглашу полицію! Да какое вы имѣете право такъ оскорбительно говорить съ дворяниномъ, съ юнкеромъ, съ благороднымъ

человѣкомъ, уже служившимъ отечеству вѣрой и правдой!.. Вы можете засвидѣтельствовать вексель или отказать — я пойду къ другому нотаріусу, не вы одни въ Петербургѣ!—но оскорблять, оскорблять меня, при лично вамъ извѣстныхъ и уважаемыхъ вами, можетъ быть, кліентахъ вашихъ—этого... этого я не позволю!

— Вотъ для того-то, чтобы вы не могли пойти къ другому нотаріусу, какъ говорите, менѣе опытному, и обмануть довѣрчиваго человѣка — я и долженъ былъ бы пригласить сюда полицію, господинъ отставной юнкеръ, презрительно произнесъ Вердяевъ:—и не долженъ былъ бы выпускать васъ отсюда... Это что у васъ? — сдергивая съ юнкера привязную бороду, вдругъ кричитъ нотаріусъ.

Комизмъ вышелъ полный. Посреди комнаты стоялъ, растерявшись до смѣшного, сконфуженный юноша съ самымъ дѣвичьимъ складомъ лица. У него даже слезы выступили на глаза отъ неожиданности афронта, сдѣланнаго ему Вердяевымъ, и отъ испуга. Кромѣ того, онъ былъ въ комичномъ положеніи, дѣлая усиліе оборвать конецъ резинки, запутавшійся около праваго уха.

— Вы и теперь желаете, чтобы дѣло не обошлось безъ полиціи? не давая опомниться, закричалъ ему нотаріусъ: — глупецъ!.. Это, вѣрно, вы недавно продѣлали такую же штуку съ Крещенскимъ, думая обманутъ довѣрчивость добраго человѣка, чтобы потомъ залѣзть въ его карманъ? продѣлали вмѣстѣ съ тѣми плутами, которые васъ этому научили.

— Не губите, г. нотаріусъ, я одинъ сынъ у бѣднаго отца! Меня научили...

— А! теперь «научили»!.. А вы, господа, обратился строго Владиміръ Иванычъ къ перепугавшимся свидѣтелямъ: — это попріятельски называется поступать?!. Эту глупую, неумѣлую, недостойную штуку продѣлать съ нотаріусомъ вамъ дало право, вѣроятно, то обстоятельство, что я васъ свободно допускалъ въ контору?! Ахъ, вы, бестыдники! Вы думаете, что Николай Иванычъ или я столь глупы, что не замѣтимъ?.. Еще разъ что-либо малѣйшее — и я для васъ запру дверь моей конторы навсегда!

— Побей меня Богъ, Владиміръ Иванычъ, не зналъ; побей Богъ, совсѣмъ не думалъ! заюлилъ, ломая руки, Саровичъ.

— Пане кохане! пане кохане! Владиміръ Иванычъ!.. г. нотаріусъ! убивается Бернадскій около разсерженнаго Вердяева.— Чтожь я, собственно, тутъ виноватъ? Я не говорилъ объ его правоспособности; ей-богу не говорилъ... Я только...

— Ступайте *вонъ* вонъ! сердито говоритъ Вердяевъ. — А вы, молодой человѣкъ, обращается онъ, удерживая за локоть отстав-

ного юнкера:—благодарите еще Бога, что на такого добраго человѣка напали, какъ я! У другого не сдобровать бы вамъ!.. И это ужь второй разъ, кажется, вы продѣлываете: мы вѣдь читаемъ «Петербургскій Листокъ», не думайте... Ступайте вонъ! И живо! чтобы духу вашего въ конторѣ не было чрезъ секунду!

Онъ поворачивается и, въ шутку, колѣнкомъ выпроваживаетъ юнкера въ дверь.

— Побей Богъ, невиноватъ! лепечетъ Саровичъ, выскакивая первымъ изъ кабинета.

Флегматическій Пленеръ идетъ за ними вслѣдъ, тихо улыбаясь. Сквозь растворенную дверь, я на секунду вижу, что въ конторѣ, всѣ служащіе поднялись со своихъ мѣстъ и провожаютъ странныхъ гостей улыбающимися взглядами.

— Каковы? обращаясь ко мнѣ, замѣчаетъ Вердяевъ. — Вотъ какова наша служба, г. Мастовъ! какъ нужно быть осторожнымъ! Всякій мошенникъ съ улицы желаетъ залѣзть въ вашъ карманъ! Засвидѣтельствуй ему вексель, а чрезъ день къ вамъ явится какой-нибудь подготовленный ужь аблакатъ-сутяга, объявитъ, что вексель къ нему перешелъ, что онъ, будучи обманутъ засвидѣтельствованіемъ нотаріуса, дисконтировалъ этотъ вексель полною валютой; что теперь этотъ Трубачевъ, видите ли, оказывается, несовершеннолѣтнимъ — 20-ти лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 29 дней — неимѣвшимъ, значитъ, права обязываться векселями, и потрудитесь, значитъ, ему, аблакату, эти 400 рублей за Трубачева заплатить безъ суда и скандала. Саровичи-же и Бернадскіе будутъ вамъ и суду снова клясться, что они сами жертвы излишняго довѣрія и обмана.—О, Петербургъ, Петербургъ!

И чтобы успокоиться на минуту отъ волненія, онъ опять опускается на диванъ и откидываетъ къ подушкѣ голову. Вздохнувъ тяжело, онъ закрываетъ глаза и, видимо, старается задремать...

Я углубляюсь снова въ переписку неразовскаго раздѣльнаго акта и успѣваю его окончить до ухода изъ конторы въ этотъ день. Когда я подалъ его Вердяеву, нотаріусъ, обведя глазами мою работу, восторженно произнесъ:

— Какой удивительный у васъ почеркъ, я вамъ разъ это ужь сказалъ; мнѣ рѣдко приходилось видѣть красивѣе!...

Онъ сѣлъ къ столу и заставилъ меня читать по черняку; самъ онъ слѣдилъ по моей рукописи.

Все оказалось вѣрнымъ. Незначительную ошибку онъ позволилъ подскоблить.—«Эго ничего въ проэктѣ»! замѣтилъ онъ. И, приказавъ подчистку оговорить, въ концѣ документа, онъ объяснилъ мнѣ, что завтра, въ воскресенье, поѣдетъ собирать под-

писи ко всѣмъ неразовскимъ наслѣдникамъ. Въ понедѣльникъ же можно будетъ раздѣлъ внести и въ актовую книгу.

— Теперь-же, можете идти въ контору, разрѣшилъ онъ, пожимая мнѣ руку.

Въ конторѣ Севрюговъ ужь раздавалъ жалованье служащимъ. Всѣ подходили поочередно, получали свои пакетики и расписывались, у кассира въ книгѣ, въ полученіи денегъ. Я замѣтилъ, что Анна Алексѣевна ранѣе другихъ захлопнула свой ящикъ, оставила въ немъ ключъ, и подошла, одна изъ первыхъ, къ Севрюгову за расчетомъ. Онъ подалъ дѣвушкѣ ея жалованье и попросилъ росписаться въ двадцати рубляхъ.

— Передайте Владиміру Иванычу, сказала она, обращаясь къ кассиру, послѣ росписыванія: — что съ понедѣльника, т. е. 1-го числа, я не буду болѣе заниматься во конторѣ. Онъ желалъ знать мой отвѣтъ.

Севрюговъ побагровѣлъ отъ испуга.

— Скажите сами, Анна Алексѣевна, жалобно залепеталъ Григорій Савельичъ:—мнѣ какъ-то неловко.

— Мнѣ некогда.

— Да вѣдь маменька ваша еще не пришла. Еще безъ пятнадцати минутъ четыре, смотря на свои часы, замѣчаетъ Севрюговъ.

— Я не буду ждать ее. У меня зубы болятъ. Такъ скажите же, повторила она настойчиво.—Я вамъ передала. Это ужь будетъ на вашей отвѣтственности. — И, нервно поправивъ кудри и наскоро со всѣми попрощавшись (я не замѣтилъ, подала ли она руку Венцеславу Венцеславичу), дѣвушка, характерною и капризною походкой, направилась къ дверямъ.

Севрюговъ долго сидѣлъ надъ своею кассой, весь багроваго цвѣта, въ нерѣшительности. Наконецъ, заперевъ кассу, онъ на цыпочкахъ направился къ кабинету. Тамъ онъ долго пробылъ; вплоть до той поры, какъ часы въ корридорѣ стали вызванивать часъ окончанія нашихъ трудовъ. Выйдя изъ кабинета, Севрюговъ увидѣлъ молча сидящую у дверей «маменьку» Анны Алексѣевны. Онъ что-то ей сказалъ тихо. Старуха торопливо стала оправлять свою черную шляпу и старенькую, холодную тальму.

Затѣмъ, она осторожно направилась въ кабинетъ Вердяева.

Я нарочно задержался, чтобы видѣть, какъ она выйдетъ оттуда. Ужь и Аваловскій, и Венцеславъ Венцеславичъ убѣжали изъ конторы; а я все мялся на мѣстѣ, то запирая, то отпирая свой ящикъ. Лишь Севрюговъ копался у кассы, подводя на счетахъ итогъ выданныхъ сегодня суммъ. Вотъ ужь и Николай

Иванычъ надѣлъ на свою лысую голову облѣзлую куньюшапку, направляясь къ дверямъ конторы...

Вдругъ, дверь кабинета нотаріуса тихо отворилась и вышла оттуда старуха Морошкина. Она, видимо, торопливо старалась миновать контору. Глаза старухи были влажны отъ слезъ и она вытирала ихъ грязненькимъ платочкомъ. Тяжелый день сегодня, видно, для всѣхъ!

Я, въ недоумѣніи, тоже пошелъ къ двери...

Дмитрій Гирсъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА.

Соч. Чіамполи [1].

(Очеркъ съ итальянскаго).

I.

Когда она, верхомъ на мулѣ Рекіамоцца, добралась до селъ, то походила на утопленницу, которую вытащили изъ воды: такъ она была вымочена проклятымъ холоднымъ ливнемъ. Второго ноября вечеромъ, она непремѣнно обязывалась быть на мѣстѣ, потому что третьяго числа утромъ было назначено открытіе школы; значитъ, ей недосугъ было обращать вниманіе на дождь. Кому нуженъ хлѣбъ, тотъ воды не боится. Въ этомъ селѣ у ней души знакомой не было; и такъ какъ нынче благочестивыхъ странноприимныхъ домовъ уже не существуетъ, то естественно, что, не желая коченѣть и томиться голодомъ, она была вынуждена остановиться въ харчевнѣ Золотой Вѣтки. Не хотѣлось ей входить въ эту харчевню, очень не хотѣлось. Рекіамоцца счелъ своимъ долгомъ побудить ее крѣпкимъ словцомъ, обращеннымъ, впрочемъ, не къ ней самой, а къ мулу. Не могъ же мулъ оставаться подъ дождемъ только потому, что дѣвушкѣ вздумалось упрямиться. Извѣстно, что харчевня не особенно благочестивое мѣсто и не вполнѣ подходящее для такого щедушнаго, измученнаго су-

---

[1] Въ предлагаемомъ разсказѣ, какъ и во многихъ разсказахъ Чіамполи, нѣкоторая бѣдность фабулы искупается реальностію и правдивостію изображенія тѣхъ сторонъ жизни, которыя соприкасаются съ общественными интересами. Къ сожалѣнію, незавидное положеніе сельской учительницы въ Италіи ни мало не преувеличено авторомъ; случай, описанный имъ, неисключительный, а типичный; отношеніе къ учительницѣ властей и населенія—верхъ правды и реальности.

Пр. пер.

щества, у котораго вся душа свѣтилась въ молодыхъ большихъ глазахъ. Однако, нечего дѣлать, надо было пріободриться и войти въ харчевню.

Около камина сидѣло съ десятокъ погонщиковъ муловъ; они ругали погоду, и отъ нихъ шелъ паръ, какъ отъ мокрыхъ кафтановъ, вывѣшенныхъ на іюльское солнце. Въ остальномъ темномъ пространствѣ огромной горницы было тоже съ десятокъ мѣстныхъ мужиковъ; они играли въ карты и пили молодое вино, какъ ключевую воду. Дѣвушка, войдя, не знала, куда ей пріютиться; она стала въ ближайшій уголъ, совершенно истомленная, не чувствуя въ себѣ силы даже слово выговорить. Она оглядывалась кругомъ, ожидая увидѣть хозяйку, но хозяйка не появлялась. Страшно становилось дѣвушкѣ; страшно этихъ огромныхъ мужиковъ, съ всклокоченными бородами, съ ястребиными глазами. Густой дымъ, стоявшій въ харчевнѣ и невыразимая духота стѣсняли ея дыханіе и до слезъ ѣли глаза. Она была не въ силахъ стоять на ногахъ, и, слегка пошатнувшись, нечаянно прикоснулась рукой къ плечу одного изъ бородачей.

— Чортъ бы тебя!.. зарычалъ мужичина, обернувшись, но ругательство у него застряло въ горлѣ, когда онъ увидалъ бѣдняжку, блѣдную, бѣлую, какъ всескорбящая Мадона! Онъ всталъ, очевидно, неохотно, однако, уступилъ ей свое мѣсто передъ огнемъ, а самъ перешелъ въ уголъ къ угощавшимся виномъ сотоварищамъ.

Дѣвушка сѣла, подобрала платье плотнѣе, чтобъ занимать какъ можно меньше мѣста передъ огнемъ, и опустила голову на грудь. Мало-по-малу, при свѣтѣ пламени горѣвшихъ въ каминѣ полѣньевъ и хвороста, она стала яснѣе различать окружающихъ людей и предметы. И страхъ ея еще болѣе усилился. Куда она попала? Гдѣ она переночуетъ? Неужели всѣ люди въ этомъ селѣ такіе же грубые и страшные? Хоть бы какое-нибудь женское лицо увидать. До того ей стало жутко, что она тихонько заплакала и слезы немножко облегчили ее. Поднявши голову въ полутьмѣ, съ боку камина, она разсмотрѣла странную фигуру нищаго; онъ сидѣлъ на корточкахъ, упираясь бородой въ колѣни; волосы у него были длинные, растрепанные; желтые косые глаза пристально уставились прямо ей въ лицо; рядомъ съ нимъ на полу спалъ огромный песъ, въ широкомъ ошейникѣ, околоченномъ гвоздями, остріями наружу. На крыльцѣ, дождь лилъ, шлепалъ и шумѣлъ, что твой вихорь въ лѣсу; этотъ шумъ полузаглушалъ грубые голоса погонщиковъ, курившихъ носогрѣйки. Два-три человѣка здорово храпѣли подъ шумъ, пригрѣтые огнемъ.

Дрожь пробѣгала по всему существу учительницы. Промокнувъ отъ дождя, истомясь до болѣзненности верховой ѣздой по горнымъ тропкамъ, она мечтала найти въ селѣ теплую комнатку и опрятную постель. А теперь не знала даже кому слово сказать, и испытывала чувство безпомощности ребенка, который кличетъ маму, а мама его не слышитъ. Она чувствовала, что мужики разсматривали ее съ самымъ безцеремоннымъ любопытствомъ. Мужику всегда хочется знать, съ кѣмъ его Богъ свелъ. Кто она такая будетъ? можно было прочесть въ ихъ вытаращенныхъ глазахъ:—лицо-то у ней хорошее, а кто-жь ее знаетъ? Поди, комедіанка какая! Ужò станетъ на улицѣ передъ народомъ кувыркаться. Сестра, либо жена какого-нибудь шарлатана, фигляра. Побродяги! у нихъ всегда голодные глаза. Въ наше село пожаловала въ этакую собачью пору! словно у насъ самихъ мало нужды и есть лишній хлѣбъ. Устремленные на нее взгляды тревожили ее больше, чѣмъ насквозь промокшее платье, охватывавшее ея тѣло. Ей хотѣлось уйти, выбѣжать на чистый воздухъ; броситься въ церкви на колѣни, и умолить Бога повѣдать ей: зачѣмъ, зачѣмъ онъ не посылаетъ ей смерти. Лучше бы умереть. Но на улицѣ рычала непогода, бѣшено врываясь въ село изъ горныхъ ущелій; ей оставалось только подчиниться своей участи и сидѣть въ харчевнѣ. Мужики пили и галдѣли пуще спугнутыхъ гусей, обмѣнивались крѣпкими словами, колотили кулаками по столу, кликали хозяйку харчевни, которая все не приходила.

Наконецъ, хозяйка появилась: верхняя юпка ея была поднята на голову; она тащила двѣ огромнѣйшихъ бутыли съ виномъ.

— Все не перестаетъ. Христосъ милостивый! все-то не перестаетъ этотъ ливень. До погреба всего два шага—а до костей вымочило!

Мужики окружили хозяйку. Она поставила бутыли на столъ, оправила свой туалетъ, и толкнула ногой нищаго, развалившагося около камина.

— Собачья ты душа! Очнись! чего дрыхнешь? На всякую свинью щей съ мясомъ не напасешься. Вы, ребятушки, разлейте сами вино, я вамъ вѣрю. А я руки погрѣю; совсѣмъ окоченѣла.

Нищій, поднявъ свою собаку, направился къ выходу; но искоса все-таки поглядывалъ на учительницу, съ которой заговорила хозяйка.

— Такъ вы, барышня, учительница? Рекіамоцца мнѣ сказывалъ. Экое времячко-то! Непогода какая! Ась?

Дѣвушка постаралась улыбнуться въ отвѣтъ на эти слова и потомъ спросила:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ бы я могла отдохнуть? Я очень устала, да и промокла.

— Ахъ душенька-барышня! Да гдѣ же мнѣ васъ помѣстить! У насъ, кромѣ сѣна въ сараѣ, ничего нѣтъ; да развѣ, что соломенный матрацъ найдется, а то больше ничего нѣтъ.

Однако, подумавъ немного и покачавъ головой, она прибавила:

— Видите что̀, барышня! у меня моя собственная кровать есть. Какъ быть слѣдуетъ. Развѣ со мной будете вмѣстѣ спать? Мужъ и на соломѣ, въ конюшнѣ всхрапнетъ. Ему привычно! Вотъ коли желаете?

Дѣвушка охотно, даже съ радостью приняла это предложеніе, и покорно отправилась лечь.

Комнатка была въ нижнемъ этажѣ, съ землянымъ поломъ, мрачная, освѣщенная только свѣтомъ давно немытой лампады, теплившейся передъ дурно вылѣпленной статуйкой Мадоны, у которой правая рука была отбита. Кровать была высокая и огромная, занимала полкомнаты. Горячіе уголья, въ поломанной жаровнѣ, плохо согрѣвали это помѣщеніе. Воздухъ былъ сырой, тяжелый, дымный. Прежде всего, когда она вошла, дѣвушкѣ бросились въ глаза два карабина и два воловьихъ рога, развѣшенные на стѣнѣ, а посреди ихъ деревянное распятіе. Она оглядѣлась машинально, но наблюдать и размышлять была не въ силахъ; наскоро сняла свое мокрое платье, попросила хозяйку просушить его, легла въ постель и сейчасъ же заснула. Молода была. Но зато около полуночи проснулась и долго потомъ не могла сомкнуть глазъ. Она слышала, какъ за стѣной въ конюшнѣ топали и жевали кони сѣно; какъ подъ навѣсомъ мулы, снаряженные въ путь, позванивали колокольчиками и бубенчиками. До нея долетали хриплые голоса погонщиковъ. Потомъ пѣтухъ пропѣлъ гдѣ-то далеко на селѣ. Она не могла заснуть и раздумывала о своей незавидной долѣ.

Она была офицерская дочь; рано осталась сиротой; ее изъ милости помѣстили въ женское училище; училась она усердно, и хорошо, а то не стали бы ее держать. Добилась диплома учительницы, наконецъ. Но зато, получивъ этотъ дипломъ, потеряла кусокъ хлѣба, потому что, кончивъ курсъ, не могла болѣе оставаться въ училищѣ. Одинокая, полу-голодная, безъ друзей, безъ родныхъ, розыскивала она себѣ работы, бродила изъ дома въ домъ. Наконецъ, ей удалось выхлопотать, чтобы училищный совѣтъ губернскаго города провинціи назначилъ ее учительницей въ село, сельская община котораго упорно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, противилась открытію женской школы. Община была

того мнѣнія, что бабье дѣло варить поленту [1], а никакъ не ученостями заниматься. Дѣвушка припоминала несмѣлыя розовыя мечты, которыми она баловала себя въ училищѣ: окружить себя кучей веселыхъ хорошенькихъ дѣвчурокъ, съ любовью учить ихъ тому, чему сама выучилась; имѣть кусокъ хлѣба и цѣль въ жизни. И кто знаетъ?—любовь, дружбу... Жить мирно въ какой-нибудь живописной, уединенной долинѣ, гдѣ на душѣ спокойно, вѣрится въ жизнь и бодро работается. А потомъ... умереть тоже мирно и тихо. На кладбище отнесутъ, покроютъ цвѣтами и помянутъ добрымъ словомъ.

И вотъ, вмѣсто всего этого, холодъ, дождь, ночлегъ въ кабакѣ.

Было мгновеніе, когда, вспомнивъ мать, она чуть не зарыдала. Много усилій надо было ей употребить, чтобы сдержать эти рыданія.

— Мама, мама! шептала дѣвушка:—зачѣмъ ты меня покинула, зачѣмъ оставила одинокую?

II.

Разсвѣло. Хозяйка принесла ей просушенное платье, и маленькій чемоданчикъ, все богатство бѣдняжки. Хозяйка на видъ была груба и рѣзка, но, въ сущности, сердце у ней было доброе.

— Коли вы, барышня, съ головой [2] переговорить желаете, такъ поторапливайтесь; а не то онъ уйдетъ на мельницу масло изъ оливъ жать; тогда его до поздней ночи не дождетесь.

Учительница ничего не отвѣтила, но мигомъ одѣлась, причесала волосы, и попросила показать ей дорогу къ головѣ.

— А вотъ я сейчасъ пришлю вамъ Чику-Нано. Онъ проводитъ.

Чику-Нано былъ тотъ самый нищій, у котораго была большая собака съ утыканнымъ гвоздями ошейникомъ. Онъ побрелъ впереди по улицамъ села, чтобы показать учительницѣ дорогу. Чѣмъ дальше шла дѣвушка по узкой грязной улицѣ, тѣмъ сильнѣе разростался въ ней вчерашній страхъ. Ея взору представились сѣрые домишки, мазанки изъ глины съ соломой; навозныя кучи около разваливающихся сараевъ и хижинъ, крутые, мрачные переулки. Только мѣстами попадалось средственное, хорошо содержимое жилище, обвитое виноградомъ, затѣмъ, опять

---

[1] Кашу изъ кукурузы.
[2] Sindaco.

закоптѣлыя конурки; маленькая церковь съ обвалившейся штукатуркой и съ ветхой полуразрушенной колокольней. Уныніе повсюду. И у ней самой уныніе какъ клещами сердце захватывало.

— Вонъ, пояснялъ ей Нано:—этотъ домина изъ кирпича. Въ старину тутъ монастырь былъ, а теперь разсыпается.

Въ эту домину и должна была войти учительница. Когда она туда вступила, ей показалось, что холодъ удвоился.

Голова былъ обрюзглый, брюхастый мужичина, съ двойнымъ подбородкомъ и пунцовымъ носомъ. Онъ сидѣлъ передъ разведеннымъ въ полуразвалившемся каминѣ огнемъ и курилъ. Когда дѣвушка подошла къ нему и подала ему оффиціальную бумагу о своемъ назначеніи, онъ не взглянулъ ей даже въ лицо, не предложилъ ей сѣсть, и сейчасъ же сталъ ворчать и сердиться на всякія гадости, которыя дѣлаются правительствомъ, префектомъ, и выражать свое неудовольствіе на новые порядки. «Свобода, чудеснѣйшая это свобода! заставляютъ сельскую общину платить жалованье людямъ, которыхъ въ губернскомъ городѣ назначаютъ. И никакихъ учительницъ не нужно, а вотъ хлѣбъ мужикамъ, такъ нуженъ — это правда. Пріѣхала ли учительница или не пріѣхала, останется или не останется — ему все одно. Только она дурно сдѣлала, что появилась, не предупредивъ его заранѣе. Одна, что ли, она пріѣхала? Ишь вѣдь, одна по бѣлому свѣту путешествуетъ. И первую ночь на селѣ въ кабакѣ ночевала! Чудесный примѣръ для дѣвочекъ, для ея будущихъ ученицъ. Ну, да во всякомъ случаѣ — посмотримъ... Учительницъ-то вѣдь не искать стать, и свои бы нашлись. Есть двѣ дѣвушки, тоже обученыя, свои, народъ ихъ знаетъ лучше, чѣмъ другихъ тамъ... съ вѣтру которыя...

— Ну, да ладно, заключилъ голова, поднявъ, наконецъ, глаза, и увидавъ передъ собой бѣдную дѣвушку, съ опущенными влажными рѣсницами, блѣдную, какъ снѣгъ:—ладно; я подумаю. Я вѣдь васъ не выгоняю. Только вѣдь надо подумать. Сперва написать туда надо, а тамъ... потомъ...

Дѣвушка, наконецъ, нашла въ себѣ силу замѣтить.

— Видите, господинъ голова, я бѣдная дѣвушка, одинокая. Мнѣ надо квартиру найти. Вы ужь о школѣ, конечно, позаботитесь. Еслибы вы были такъ добры, такъ великодушны, подать мнѣ совѣтъ.

Чело старшины прояснилось. Домишко для школы и комнату для учительницы ему не трудно было найти; у него свои два гулящихъ домишка были, которые никто не нанималъ, во-первыхъ, потому, что они стояли въ самыхъ концахъ (и къ тому

же отдаленныхъ и противуположныхъ) села, во-вторыхъ потому, что они были не больно соблазнительны. Старшина улыбнулся, потомъ сдвинулъ брови, потомъ произнесъ:

— Зайдите завтра, не приходите въ отчаяніе. Я подумаю.

Выйдя на улицу, учительница увидала кучу оборванныхъ, грязныхъ ребятъ. Они ее ждали, и побѣжали за ней, робко, но съ большимъ любопытствомъ ее разсматривая, какъ ряженыхъ на святкахъ, или какъ паяца, заѣхавшаго въ село. Чику-Нано, съ нѣкоторымъ достоинствомъ, почти съ гордостью охранялъ ее, и отгонялъ самыхъ смѣлыхъ, назойливыхъ ребятъ: то ногой пнетъ, то подзатыльникомъ угоститъ, то пса посулится науськать. Около закоптѣлыхъ дверей домишекъ, выходившихъ на улицу, около окошечекъ, стояли и сидѣли бабы, иная съ прялкой и веретеномъ, иная съ младенцемъ у обнаженной груди. Всѣ онѣ разглядывали дѣвушку глазами, выражавшими не то насмѣшку, не то сожалѣніе, словно хотѣли сказать: «милая ты дѣвушка, гдѣ тебѣ, этакой щедушной, съ нашимъ табуномъ справиться!» Изъ кофейни навстрѣчу ей вышли четыре или пять гулякъ, руки въ карманы, трубки въ зубахъ, и уставились на проходившую мимо нихъ новинку.

Дѣвушка чувствовала, что ее разсматриваютъ, и ей становилось неловко, жутко. Ей бы хотѣлось умалиться, сдѣлаться крохотной, чтобы ускользнуть отъ наглыхъ взглядовъ. Она удвоила шаги, но за ней все-таки продолжали слѣдить. Добравшись до харчевни, она прямо, почти бѣгомъ, пробѣжала въ хозяйкину спальню, и опустилась на скамейку. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, она слышала только, какъ билось ея сердце, да какъ ворчала на любопытствующихъ собака нищаго.

Потомъ она прилегла головой на постель, и впала въ какое-то отупѣніе, въ дремоту, а слезы такъ и текли по щекамъ. Она походила на покойницу. Хозяйка, съ засученными рукавами и съ уполовникомъ въ рукѣ, заглянула-было. Но, увидавъ, что дѣвушка отдыхаетъ, потихоньку вышла вонъ, дивясь, какъ это есть такія матери на свѣтѣ, что свою кровь и плоть, дѣтище свое родное по чужимъ людямъ мыкаться пускаютъ. Это даже въ негодованіе приводило хозяйку и она тутъ же рѣшила, какъ дѣвушка проснется, угостить ее вареной бараниной и стаканомъ добраго стараго вина.

Нѣсколько человѣкъ, движимые праздностью и любопытствомъ, забрели въ харчевню и стали распрашивать: откуда она пріѣхала? сколько ей лѣтъ? какъ ее зовутъ? гдѣ она себѣ квартиру найметъ?

— Ахъ, чтобъ вамъ нечистый ноги обглодалъ! окрысилась

хозяйка:—вы своими сестрами занимайтесь, да своими женами. Чего ко мнѣ пристаете... Досугъ мнѣ съ вами лясы точить. Коли вамъ нечего дѣлать, окаяннымъ, такъ на осину бы пошли повѣсились. Оставьте другихъ-то въ покоѣ!

Любопытные и праздные уходили ни съ чѣмъ, и за потерпѣнное пораженіе негодовали на учительницу.

III.

Цѣлую недѣлю учительница должна была прожить въ харчевнѣ. Она нѣсколько разъ ходила къ головѣ, и каждый разъ, когда спускалась со ступенекъ стараго кирпичнаго дома, въ которомъ помѣщалось правленіе, глаза ея свѣтились слезами, а губы сжимались. Очевидно, она была не нужна, и отъ нея хотѣли отдѣлаться. Мѣстный аббатъ, говорили ей, питается только хлѣбомъ съ лукомъ, для того, чтобы имѣть возможность подготовить свою племянницу на мѣсто учительницы, а тутъ вдругъ совсѣмъ чужая словно съ неба свалилась, и хочетъ захватить мѣсто, по всѣмъ правамъ принадлежащее племянницѣ аббата. Донъ Чичоло, аптекарь, тоже свою дочь прочилъ на это мѣсто, и кричалъ, что ни за что не позволитъ, чтобы какая-нибудь проходимка вырвала кусокъ хлѣба изо рта его дочери. Голова, имѣя въ виду отдать въ наймы свои домишки, пожалуй, готовъ былъ ее принять, но только до августа, когда въ село ожидались и аббатова племянница и дочь аптекаря. Учительница могла до тѣхъ поръ оставаться на мѣстѣ, а послѣ августа, милости просимъ, убираться по добру по здорову. Однако, головѣ доказывали, какъ дважды два четыре, что и такой уступки не слѣдуетъ дѣлать: вступитъ она въ должность, пуститъ корни, тогда ее и не выкуришь. Потому что правительство всегда держитъ руку этихъ побродягъ, оно и теперь ее прислало. Къ счастію, голова былъ упрямъ, упрямѣе осла Рекіамоцца; онъ уперся на своемъ и объявилъ:

— Я такъ хочу, и такъ будетъ.

И дѣйствительно, такъ и сдѣлалось. Два домишка были наняты общественнымъ управленіемъ у головы, одинъ подъ школу, другой подъ квартиру учительницы. Такъ какъ они отъ старости давно обратились чуть не въ рѣшето, то ихъ позамазали штукатуркой, и ведра два известки извели на побѣлку. Въ концѣ недѣли, прожитой въ харчевнѣ, учительница поселилась, и стала заниматься преподаваніемъ въ ледникѣ: иначе нельзя назвать комнатки, въ которыхъ было холоднѣе, чѣмъ въ погребѣ.

Это было въ четвергъ. Чику-Нано взвалилъ себѣ на спину ея маленькій чемоданчикъ, а сама учительница, прощаясь съ хозяйкой, попросила ее сказать, сколько она ей должна.

— Ну, еще успѣется. Мнѣ вонъ эти безобразники-погонщики эту недѣлю хорошо платили... мнѣ теперь не надо. Иди себѣ и не сокрушайся. Очень ты мнѣ полюбилась. Дровъ тебѣ понадобится, такъ я съ радостью тебѣ своими ручищами печку истоплю. Вотъ какъ ты мнѣ полюбилась! грубо отвѣчала хозяйка.

Она расцѣловала свою жилицу, долго глядѣла, какъ та удалялась по переулочку, и ворчала:

— Бываютъ же экія каторжныя матери на свѣтѣ! дѣтище свое по свѣту шляться отпускаютъ! бѣдная дѣвка! Поди и до весны не доживетъ—хилая.

Приблизясь къ домишку, въ которомъ она должна была жить, учительница остановилась у дверей. Все помѣщеніе заключалось въ слѣдующемъ: прямо съ улицы была комната съ землянымъ поломъ; въ одномъ углу каменка, чтобы огонь разводить—это былъ нижній этажъ. Изъ той же комнаты лѣстница-стремянка вела во второй этажъ въ спальню.

Чику-Нано сложилъ на земь чемоданчикъ, и вопросительно глядѣлъ на дѣвушку, которая медлила вступать въ свое новое жилище: ей было жутко. Запахъ только что выбѣленныхъ стѣнъ спиралъ дыханіе. Двѣ-три потревоженныя мыши зашмыгали по полу, не находя въ попыхахъ своей норы. Сквозь окно, съ плохо вставленными стеклами, свѣтило утро, печальное, холодное, дождливое. Нищій, оглядѣвшись помаленьку, объяснилъ:

— Надо бы огонь разести: много дровъ сожжешь, покуда осушишь.

По тѣлу дѣвушки пробѣжала лихорадочная дрожь. Она отпустила Чику и поднялась по стремянкѣ въ спальню. Спальня была бѣлая, голая; единственное окно выходило въ поля, теперь унылыя, пустынныя; за ними дико и черно̀ ерошились лѣса. Она закусила губы, чтобы не заплакать, и оперлась локтями на подоконникъ. Вотъ она жизнь: горькая бѣдность безъ конца! и надо мучиться для того, чтобы поддерживать даже эту жизнь! Молодость, золотое время жизни, какъ увѣряютъ обыкновенно, протечетъ для нея печальная, унылая, въ этомъ могильномъ одиночествѣ. Мысль о будущемъ вдругъ блеснула въ умѣ, и она ужаснулась: голодная старость, госпиталь. Боже мой, Боже мой! Одно утѣшеніе — ей приходится страдать только за себя одну, и о себѣ одной заботиться. Можетъ, мама на небесахъ помолится за нее, побережетъ ее. Она заплакала. Ей стало легче, и она опять вглядѣлась въ дѣйствительность. Постели у ней не было, мебе-

ли никакой, о посудѣ и говорить нечего: въ карманѣ только нѣсколько франковъ. Что дѣлать?

Внизу послышались голоса; она спустилась. Чику-Нано раздувалъ сухіе прутья на каменкѣ, двѣ бабы принесли двѣ скамейки и соломенный матрацъ.

— Вотъ, барышня, скамейки мои будутъ, а соломенникъ—Филоменинъ; вы уже не осудите, мы люди небогатые... лучше у насъ и самихъ не сыщешь, обратилась къ ней одна изъ бабъ.

— А простыни да подушки хозяйка изъ харчевни обѣщала прислать.

Вбѣжало нѣсколько дѣвочекъ съ старыми плетеными стульями; онѣ поставили стулья и уставились, тараща глаза, на учительницу. Учительница не вмѣшивалась ни во что, она двигалась точно въ тяжеломъ снѣ. Пришла третья баба. Она принесла подъ мышкой свертокъ одѣялъ и простынь, а въ рукѣ держала мѣдный ночникъ, налитый масломъ: бѣлый кончикъ свѣтильни весело выглядывалъ изъ носика.

— Это хозяйка тебѣ прислала, сказала баба: — велѣла мнѣ наказать тебѣ, чтобы ты постель себѣ постлала. Она тебѣ ужо чугунчикъ пришлетъ, и дровъ тоже...

Дѣвушка хотѣла протестовать. Вотъ до чего дошло: милостину незнакомые люди подаютъ, милостиной жилище устраиваютъ. Въ ней подымалось чувство врожденной гордости, и кровь приливала къ блѣдному лицу. Однако, она воздержалась; не сказала ни слова, подошла къ каменкѣ, на которой весело разгорался огонь, сѣла на одинъ изъ принесенныхъ стульевъ, и приласкала дѣвочекъ, принесшихъ ей эти стулья. Дѣвочки стали прятаться за юбки матерей.

— Мы ихъ къ тебѣ въ школу приведемъ, барышня; ужь ты будь къ нимъ добра; мы, что хочешь тебѣ за то... на край свѣта босикомъ сбѣгаемъ...

И, не теряя времени, бабы потащили на верхъ по стремянкѣ все принесенное добро. Чику-Нано, заложивъ руки въ карманы, стоялъ въ дверяхъ и бранилъ своего пса, который лѣзъ въ горницу. Пригрѣтая огнемъ учительница стала чувствовать себя лучше; она обдумывала, какъ разставить скромную мебель, думала объ этомъ чудакѣ нищемъ, о добротѣ этихъ бабъ. Слабый лучъ надежды начиналъ пробиваться ей въ душу. Можетъ быть, и поможетъ Богъ прожить безъ большого горя. Народъ хорошій. Бѣдности надо покориться. Возвратится ужо̀ тепло и солнце, цвѣты зацвѣтутъ, можно будетъ въ поля ходить, тѣло размминать, душой освѣжаться; уроки приготовлять для ребятишекъ, пѣсенки для нихъ складывать. А можетъ, и подруга по сердцу

найдется. Кто знаетъ? Почему-то эта будущая подруга представлялась ей высокой, стройной дѣвушкой, съ большими задумчивыми глазами, съ черными волосами и блѣднымъ лицомъ. Она будетъ улыбаться грустно, говорить мало, и здороваясь и прощаясь, всѣмъ очень крѣпко жать руку; она въ жизни много незаслуженно настрадалась... Учительница создавала себѣ подругу; но въ сущности безсознательно она создавала сама себя. Натура ея была такова, что она страдала болѣе отъ того, что ей некого было любить, чѣмъ отъ того, что никто ее не любилъ.

Изъ щелей окна, между тѣмъ, холодный вѣтеръ дулъ ей прямо въ спину. Она очнулась.

Прутья трещали, объятые пламенемъ, и разсыпалось золотымъ дождемъ. Ей бы хотѣлось забыться въ теплой нѣгѣ, глядя какъ искры то взлетали, то опадали. Однако, она встала, накинула на плечи большой шерстяной платокъ, обвязала его концы вокругъ таліи, и сказала Чику-Нано.

— Сходимъ посмотрѣть школу.

Потомъ она остановилась въ нерѣшимости. Ей вспомнилось, что мальчишки, парни, любопытныя бабы, все населеніе, разсматривали ее, когда она проходила по селу, и она спросила нищаго, нѣтъ ли какой окольной тропки; нищій ей отвѣтилъ утвердительно.

За селомъ, на задахъ домовъ, вилась пустынная, узкая, кривая дорожка. Чику съ своимъ псомъ шелъ впереди и грѣлъ себѣ кулаки; то дышалъ на нихъ, то ихъ подъ мышки засовывалъ. Учительница на цыпочкахъ, подобравъ руками платье, осторожно пробиралась между лужами и глубокими колеями, которыя наѣздили телеги. Придя въ школу, еще зеленую по угламъ отъ сырости и плесени, не взирая на потраченныя бѣлила, дѣвушка увидала тамъ голову. Голова наблюдалъ, какъ прибивали къ стѣнѣ большое распятіе изъ папье-маше, какъ уставляли въ одинъ уголъ классную доску, а въ другой табуретъ и сосновый столикъ, для учительницы. Увидѣвъ ее, туша головы не пошевелилась. Не вынимая изо рта маленькой трубки, онъ обратился къ вошедшей.

— Видите? кажется, должны остаться довольны!

— А скамейки для дѣтей, географическія карты, чернильницы, книги, бумаги, портретъ короля?

— Ахъ, батюшки! сколько разомъ наговорили! Да этакъ мы общину раззоримъ... Можно и такъ обойтись. И того довольно, что васъ приняли, устроили; видите, какое помѣщеніе для училища даемъ!

Дѣвушка закусила губу, спрятала подъ платокъ свои дрожа-

щія руки и прислонилась къ стѣнѣ. Ее лишали даже самыхъ необходимыхъ средствъ для того, чтобы она могла работать съ пользою.

Когда голова убѣдился, что все разставлено по мѣстамъ, онъ опять обратился къ ней, какъ будто продолжая начатой разговоръ.

— Такъ-то вотъ: чулки вязать да закону Божію учите! Только съ васъ и спрашивается. А чтеніемъ, да писаніемъ нечего много заниматься.

И онъ удалился. Учительница слѣдила за нимъ глазами. Нечего дѣлать, она рѣшилась, какъ можетъ, исполнять свою обязанность.

Она опустилась на предназначенный для нее табуретъ, положивъ руки на столъ, отъ котораго еще пахло лакомъ. Тутъ вотъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, окруженная шумной стаей ребятишекъ, она проведетъ годъ, два, три можетъ быть... Какъ знать!.. можетъ быть и всю жизнь! И самое эхо большихъ городовъ не будетъ достигать до нея. Да и что̀ ей эти большіе города! Тамъ ей дороги только прахъ отца и матери и ничего живого. Никто не былъ къ ней привязанъ, и не заботился о ней, да и она ни о комъ не заботилась. Она проводила молодую жизнь постоянно съ черной мыслью завтра потерять кусокъ хлѣба, который имѣла сегодня. Ей вдругъ стало какъ-то обидно подумать, что и умретъ она одна, что и похоронятъ ее изъ милости. Ни слезъ, ни цвѣтовъ на могилѣ. Въ эту минуту ужасъ голой могилы пугалъ ее болѣе житейской нужды. Чтобъ не давать волю чувству, которое ей сдавливало горло, она поскорѣе подошла къ окну, подъ которымъ растилался огородъ, окаймленный со всѣхъ сторонъ каменной стѣной. Дальше, бурыя угодья села уходили въ холмы; сѣрѣли утесы, и даль терялась въ густомъ, ползучемъ туманѣ. Она крѣпче укуталась въ свой платокъ.

Чику-Нано сидѣлъ въ углу, свернувшись клубкомъ, гладилъ своего пса и говорилъ ему какія-то странныя слова, которыя животное слушало, прищуривъ вѣки.

Когда учительница вернулась домой, она нашла тамъ хозяйку харчевни, возсѣдавшую передъ каменкой, на которой пылалъ веселый огонь.

— Я сегодня объ тебѣ цѣлый день думала, барышня, заговорила она:—и пришла тебѣ сказать, что я тебѣ буду стряпать обѣдъ у себя. У тебя и посудины никакой нѣтъ. По твоему, какъ?

Дѣвушка пожала ей руки.

— Спасибо вамъ, какая вы добрая!

— Да чего тутъ, добрая ли, злая... Я вѣдь тоже изъ-за барыша буду работать. Я тебѣ сказала, что полюбилась ты мнѣ, въ самый тотъ вечеръ полюбилась, какъ у меня въ харчевнѣ остановилась. И у меня тоже дочурка была. Бѣленькая, какъ ты же... Тоненькая только, какъ стеклышко: насквозь видно было. Все мое сердце въ ней было, а Богъ ее у меня прибралъ

Горькія слезы потекли по щекамъ старухи.

— Я добро дѣлаю, такъ мнѣ кажется, будто я ее ублажаю... Бывало, лежитъ голубка, глаза большіе... Нищій подъ окномъ проситъ, она сейчасъ меня кличетъ. Говоритъ: «мама, подай ему!» Теперь она на небѣ. А тоже, поди, видитъ насъ съ тобой. Кабы жива была, тоже прислуживать бы тебѣ стала.

Учительница была растрогана до глубины души, но не могла и не умѣла ничего сказать въ утѣшеніе этой женщинѣ, такой грубой и такой любящей. Старуха утирала слезы грубымъ передникомъ.

— Не унывай, милая дѣвушка, прибавила она, подымаясь со стула.—Село наше дикое. Стариковъ перестали слушать, чужіе люди у насъ хозяйничаютъ. Я-то по старому живу... Все моей бѣдняжки дочурки Мены забыть не могу. Ну, прощай, Христосъ съ тобой.

И она ушла, оставивъ на столѣ три кухонныхъ горшечка съ крышечками, и три полотенца.

Наступалъ вечеръ. Чику-Нано замкнулъ дверь и тоже ушелъ. Медленный, долгозвучный благовѣстъ къ вечернѣ торжественно и мирно лился надъ селомъ.

IV.

Каждое утро, съ первымъ ударомъ церковнаго колокола, въ восьмомъ часу, учительница отправлялась въ школу. Тамъ у дверей ее ужь ожидало нѣсколько дѣвочекъ, со щепами и прутьями въ рукахъ. Войдя, она открывала на нѣсколько минутъ окно, чтобы освѣжить воздухъ, потомъ закрывала его и, сѣвъ на свой табуретъ, наблюдала, какъ разводили огонь. Каждая дѣвочка обязана была приносить свою долю топлива: кто полѣно, кто пукъ сухихъ прутьевъ, кто древесную кору, кто маисовые стебли. Комната была безпорядочно заставлена скамейками, табуретами, лавками, стульями, треножниками, которые тоже натаскали сами дѣти для себя. Дѣвочки помаленьку разсаживались на свои мѣста. Лица и руки у всѣхъ были красныя отъ стужи;

нѣкоторыя еще дожевывали свои утренніе куски; подъ передниками отдувались спрятанные запасы на полдникъ. Дѣти кричали, шумѣли, стучали ногами, гремѣли скамьями, толкали другъ друга. Голова кругомъ шла.

Иногда приходила баба, спѣшившая на работу въ лѣсъ, и отдавала на попеченіе своей старшей дочурки, учившейся въ школѣ, своего грудного младенца.

Или появлялся угольщикъ, тоже по дорогѣ на работу, и, безъ церемоніи, поручалъ учительницѣ своего крохотнаго грязнаго сынишку. Мальчикъ хныкалъ, стоя около учительницы, а отецъ исчезалъ, ругаясь и проклиная свою судьбу за то, что провидѣніе унесло у него жену въ могилу, и оставило на рукахъ малыхъ ребятъ.

Учительница, скрѣпя сердце, должна была подчиняться. Надо было храбро дѣлать свое дѣло. Всѣ ей давали понять, что недаромъ община ей жалованье платитъ; члены общины считали себя вправѣ располагать всѣмъ ея временемъ, и возлагать на нее обязанности няньки.

Она пыталась утишить гамъ и шумъ въ своей школѣ, заставляя дѣвочекъ прочитать или пропѣть молитвы. Потомъ начинала учить азбукѣ; сначала гласныя буквы, потомъ согласныя. Дѣвочки мало понимали. Она начала сознавать, что и ее не выучили учить дѣтей и обращаться съ ними.

Она негодовала на свою неумѣлость; послѣдняя нравственная опора—надежда приносить пользу — ускользала отъ нея. Посовѣтоваться было рѣшительно не съ кѣмъ.

Дѣвочки постарше дерзко и насмѣшливо глядѣли ей прямо въ глаза: «дескать, что̀ взяла?» Маленькія, чуть строго, или серьёзно она обращалась къ нимъ, принимались ревѣть.

Чувствуя, что ея горло нервно сжимается, она старалась напустить на себя равнодушіе, но это ей плохо удавалось. Грудь у ней побаливала; сухой кашель прерывалъ занятія.

Господи, хоть бы умереть!

Два раза въ день она ходила въ школу, и два раза возвращалась домой. Ея маленькія ноги погружались въ снѣгъ или въ холодную, ледяную грязь. Обуви на перемѣну у ней не было. Холодный нагорный вѣтеръ рѣзалъ ей лицо, развѣвалъ ея одежду. Она не безъ зависти смотрѣла на веселье воробьевъ: цѣлыми стаями, бойко чирикая, слетали они съ застрѣховъ въ снѣгъ, или кружились около голыхъ деревъ. Вечеромъ, дома, сидя у огня, разведеннаго на каменкѣ, она работала: шила, вязала или читала. Но спицы, игла, и книга часто, помимо ея воли, опускались на колѣни и черныя думы, подымаясь изъ одинокаго

сердца, охватывали ее безнадежностью, и ужасомъ. Вѣтеръ вылъ въ горныхъ ущельяхъ, снѣгъ сыпалъ въ стекла окна, вѣтви обнаженныхъ деревъ хлестали по забору.

Дрожь пробѣгала по ея тѣлу, она шевелила огонь на каменкѣ, чтобы онъ горѣлъ веселѣе.

Въ ея мысляхъ проносился весь прожитой день, имена дѣвочекъ, разговоры съ ними, безплодное ученье, и физіономіи встрѣченныхъ людей; непріятнѣе всего было ей воспоминаніе о гуляхахъ, завсегдатаяхъ кофейной, мимо которой ей приходилось проходить. Они всегда глазѣли на нее и подсмѣивались. Особенно одинъ; онъ постоянно сидѣлъ въ кофейной, или приходилъ нарочно поджидать ее; онъ былъ оплывшій, рябой, непріятный молодой человѣкъ.

Объ одномъ Чику-Нано ей было пріятно вспомнить. Этотъ несчастный калѣка, никогда не разставаясь со своимъ псомъ, каждый день приносилъ ей воду и дрова, и никогда ни гроша не хотѣлъ взять отъ нея. Вымететъ ей комнату, разведетъ огонь, постоитъ, поглядитъ на нее своими косыми глазами и уйдетъ, не проронивъ словечка.

Добрая баба, хозяйка харчевни, тоже ее не оставляла; звала ее «дочурка моя» и клялась, что за нее въ огонь и въ воду готова идти. Но другія женщины не особенно дружелюбно относились къ ней. А аристократки села, богачки, жившія по барски, просто презирали ее, потому что она не сдѣлала имъ визитовъ, и не искала ихъ покровительства.

Къ обѣднѣ въ воскресенье она приходила первая и уходила послѣдняя, избѣгая, чтобы ее разсматривали. Но стоя въ своемъ темномъ уголку, она видѣла и чувствовала, какъ пытливые, недружелюбные взоры устремлялись на нее и словно говорили: гордячка! знаться съ нами не хочешь! Вотъ ужò увидимъ.

Ея мало сообщительный нравъ, ея сдержанность, вмѣстѣ съ злополучнымъ назначеніемъ губернскими властями, вопреки желанію мѣстныхъ воротилъ села, постепенно окружали ее, какъ желѣзнымъ кольцомъ, общей антипатіей. Слѣдили и шпіонили за каждымъ ея шагомъ, за каждымъ словомъ, слѣдили съ тѣмъ злораднымъ любопытствомъ, которое во что бы то ни стало желаетъ открыть дурное въ наблюдаемомъ предметѣ. Конечно, при такомъ желаніи, ничтожныя случайности и совпаденія подавали поводъ къ сплетнямъ.

Однажды она долго стояла у окна, а въ это время проѣхалъ какой-то молодой всадникъ. Сейчасъ же заключили, что она ждала любовника и дѣлала ему знаки, условливаясь насчетъ свиданія. Другой разъ ее застали всю въ слезахъ и рѣшили,

что она плачетъ о далекомъ миломъ. Потомъ ее обвиняли въ протестантизмѣ. Цѣлый мѣсяцъ прожила въ селѣ и ни разу не ходила къ исповѣди! Кромѣ того, однажды положительно видѣли, что въ пятницу она ѣла скоромное.

А тутъ еще и аббатъ, и аптекарь (племянница одного и дочь другого учились въ городѣ въ одной школѣ съ учительницей) получили письма, которыя подлили масла въ огонь. Аббатъ и аптекарь разсказывали, что ей отъ того поскорѣй мѣсто въ селѣ пріискали, чтобы избавиться отъ нея въ заведеніи, потому что она была безстыжая, и написала любовные стихи учителю итальянской словесности; что она каждый день изъ окна бросала записочки своимъ возлюбленнымъ; что она получила дипломъ потому, что ходила одна на квартиры къ тремъ холостымъ профессорамъ, что она ни въ Бога, ни въ святыхъ угодниковъ не вѣруетъ и о религіи такія вещи говоритъ, что волосы дыбомъ становятся.

Все это съ удовольствіемъ разсказывали аббатъ и аптекарь. Нечего и говорить, что всѣ эти сплетни разносились по кофейнямъ, по лавочкамъ, по улицамъ. Ее стали называть въ насмѣшку «поэтессой»; стали ей посылать анонимныя письма, въ которыхъ увѣряли ее, что пишущимъ извѣстна вся ея жизнь, всѣ ея пакости, что ее прогонятъ, если она заблаговременно сама не уберется.

Бѣдная дѣвушка страдала; она не понимала, откуда на свѣтѣ берется такая бездна лжи и клеветы. Насколько могла, она продолжала исполнять свои обязанности, и разъ только отвела свою душу съ хозяйкой харчевни, когда та ее навѣстила.

Старуха до того была возмущена, что, возвращаясь домой по улицѣ, ругалась со всякимъ встрѣчнымъ, котораго подозрѣвала въ недоброжелательствѣ къ учительницѣ. Молодежь у кофейной она совсѣмъ искостила. Это еще болѣе разожгло страсти, и съ тѣхъ поръ надъ ней стали издѣваться въ глаза, проходу не давали.

Когда прошелъ мѣсяцъ, она послала Нано въ правленіе за своимъ жалованіемъ; но кассиръ приказалъ ей сказать: «Пусть сама придетъ получать». И она пошла. Кассиромъ оказался тотъ самый рябой гуляка, который у кофейной ее поджидалъ каждый день. Онъ ей наговорилъ всякихъ любезностей, попросилъ присѣсть, разспрашивалъ о здоровьи, о климатѣ ея родины, о ея семействѣ, затягивалъ разговоръ. Она отвѣчала, по возможности, да и нѣтъ. Ею овладѣло нетерпѣніе и начинала тревожить бесѣда съ глазу на глазъ съ незнакомымъ мужчиной. Въ очень

витіеватыхъ выраженіяхъ онъ попросилъ у нея позволенія бывать у ней: она такая красавица, и онъ дивится ея красотѣ...

Дѣвушка, блѣдная отъ негодованія, ничего не отвѣчала; тогда онъ приблизился къ ней, схватилъ за талію и поцѣловалъ.

Раздалась пощечина, и дѣвушка, вырвавшись изъ лапъ сельскаго Донъ-Жуана, выбѣжала на улицу.

— Смотри! я тебя уморю съ голоду, нищая ломака! кричалъ ей вслѣдъ кассиръ.

И дѣйствительно, онъ не заплатилъ ей жалованья: «дескать въ кассѣ нѣтъ свободныхъ денегъ, приходите завтра». Такъ изо дня въ день. Она просила голову, обращалась къ инспектору, писала губернатору. Ничто не помогало, ей даже не отвѣчали.

Одна хозяйка харчевни не покидала ея. Но дѣвушка испытывала горькое чувство униженія, не будучи въ силахъ уплатить долга и питаясь во имя покойницы Мены. Сверхъ того, ее преслѣдовали и другія житейскія нужды: сапоги отказывались служить, платье изнашивалось, ея вѣрный другъ, большой шерстяной платокъ, сталъ какъ будто рѣдѣть. А надо было два раза въ день выходить во всякую непогодь.

Она совсѣмъ потеряла голову.

Нано приносилъ ей изъ лѣсу валежникъ, стараясь приходить тогда, когда ея не было дома. Когда онъ встрѣчался съ ней, ей казалось, что въ его косыхъ глазахъ свѣтилось что-то въ родѣ состраданія.

Кассиръ зарубилъ себѣ на носу ея оплеуху и, не довольствуясь тѣмъ, что не выдавалъ ей жалованья, каждый вечеръ, выходя изъ кабака, обыкновенно изрядно навеселѣ, горланилъ подъ ея окномъ гнусныя пѣсни, швырялъ въ стекла ледяныя сосульки или безъ церемоніи стучался въ дверь.

Дѣвушка чувствовала всю глубину своего униженія. Но что̀ она могла сдѣлать? Опустивъ руки на колѣни, поникнувъ головой, она шептала: «Мама, мама! зачѣмъ ты меня покинула!» и искренно просила Бога ниспослать ей смерть.

Однажды вечеромъ разгульное пѣніе ловеласа было прервано яростнымъ рычаніемъ собаки. Должно быть, собака бросилась на негодяя, потому что она слышала его крикъ и поспѣшно удаляющіеся шаги. Она поняла, что его обратилъ въ бѣгство песъ Чику-Нано.

— Что̀ ты вчера вечеромъ дѣлалъ у моего крыльца? спросила она на другой день у нищаго.

Бѣдняга какъ-то смущенно помоталъ головой и потомъ пробормоталъ:

— Ничего не дѣлалъ. Сидѣлъ, на звѣзды глядѣлъ.

Онъ поглядѣлъ на дѣвушку своими косыми глазами, потомъ пошарилъ рукой подъ лохмотьями, около пояса, и вытащилъ оттуда большущій ножъ.

— Вотъ, если вернется!

И калѣка размахнулся ножомъ, словно вонзая его во что-то Она поблѣднѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не дѣлай этого! ради Бога!

Нищій отвернулъ голову и спряталъ ножъ.

— Спасибо тебѣ, Нано, произнесла дѣвушка:—у тебя хорошее сердце.

Онъ покачалъ своей лохматой головой и побрелъ куда-то.

Прошло нѣсколько вечеровъ, пѣніе не возобновлялось.

Между тѣмъ, зима становилась все сердитѣе и сердитѣе. Снѣгъ выпалъ такой, что всѣ по домамъ должны были сидѣть; дороги сдѣлались невозможны. Въ лачугѣ одного бобыля-крестьянина нашли замерзшимъ. Въ квартиркѣ учительницы было такъ холодно, что она не могла спать по ночамъ и сидѣла у огня за полночь. Кстати и работа была спѣшная, потому что, не получая своего жалованья, она старалась что-нибудь добывать работой: шила рубашки, рубила платки, вязала чулки на продажу и кой-какъ сколачивала 15, 20 сант. въ день, въ ожиданіи распоряженія губернатора, которому послала прошеніе о выдачѣ ей жалованья.

Такъ проходили дни и недѣли. Подошло и Рождество. Хозяйка привела ее къ себѣ въ харчевню на торжественный праздничный ужинъ и посадила за столъ на то самое мѣсто, на которое она, бывало, сажала всегда свою покойницу дочку Мену. Старухѣ это доставило большое удовольствіе, у ней даже глаза какъ-то особенно свѣтились.

— Вотъ, говорила она, и какая-то удовлетворенная горесть звучала въ ея голосѣ: — вотъ и моя дочурка милая со мной, словно изъ могилки своей встала, пришла на праздникъ. Свѣтикъ мой!

Хозяйка заставляла дѣвушку много ѣсть, и старалась ее веселить и бодрить. Но учительницѣ было какъ-то жутко занимать мѣсто покойницы. Она, впрочемъ, тоже старалась поддерживать доброе расположеніе духа ласковой старухи.

— Да смотри на новый годъ не забудь, ко мнѣ приходи, провожала ее хозяйка: — непремѣнно приходи!

И дѣвушка пришла къ ней и на новый годъ.

V.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Серенады на возобновлялись болѣе, но и жалованья не выдавали.

Разъ ночью она дремала, сидя передъ огнемъ, разведеннымъ на каменкѣ, истомленная нравственно и физически. Ее внезапно пробудилъ трескъ распахнувшагося окна, она оглянулась: передъ ней стоялъ ненавистный кассиръ, огромный мужчина съ блѣдной, корявой физіономіей, жестокой и страстной, какъ у сатира. Затрепетавъ, какъ пойманная птичка, она вскочила со стула. Съ минуту они стояли другъ противъ друга, не произнося ни слова.

— Ну, сударушка! наконецъ произнесъ, почти прошипѣлъ Донъ-Жуанъ:—сегодня тебя отъ меня никакой богъ не спасетъ!

Въ открытое окно сыпалъ снѣгъ и дулъ ледянящій вѣтеръ. Онъ закрылъ окно; приперъ внутренніе ставни, и приблизился къ ней.

— Прочь! наконецъ вскрикнула она: — или я буду звать на помощь...

Но онъ не обратилъ вниманія на ея слова и охватилъ ее за талію одной рукой, другой зажимая ей ротъ.

Какъ раненая змѣйка билась бѣдная дѣвушка подъ его поцѣлуями, но вырваться не могла. Ей удалось однако вскрикнуть, что было силы. Она слабѣла; она чувствовала, что еще нѣсколько минутъ такой борьбы и она потеряетъ сознаніе.

Въ этотъ моментъ беззвучно пріотворилась дверь, и Нано однимъ прыжкомъ очутился рядомъ съ нею. Его ножъ сверкнулъ передъ глазами негодяя, и огромный песъ вцѣпился ему зубами въ шею.

— Сейчасъ убирайся! рычалъ нищій, или я тебѣ, какъ вору, кожу вспорю.

Кассиръ выпустилъ изъ рукъ свою жертву. Собака, по слову хозяина, выпустила его горло изъ своей пасти. Онъ направился къ двери, но на порогѣ, злобно взглянувъ на учительницу и ея спасителя, укусилъ себѣ палецъ.

Укусить себѣ палецъ—значитъ поклясться отомстить.

Чику заперъ на задвижки ставни, дверь на запоръ; привелъ дѣвушку въ чувство и спокойно усѣлся въ уголъ.

Она была блѣдна, какъ мертвецъ. Глаза были широко раскрыты, зрачки расширены, волосы растрепаны, голова опущена.

— Не съума ли ужъ она сошла? думалось нищему. Однако, мало по малу она пришла въ себя и успокоилась.

— Ради всего святого, не покидайте меня, Чику! умоляла она его, вся дрожа.

Онъ уложилъ ее въ постель, и ходилъ за ней, какъ добрая сидѣлка. Утромъ, едва разсвѣло, онъ сбѣгалъ въ харчевню, позвалъ хозяйку, и оба они привели старика доктора, жившаго недалеко отъ села, и лечившаго бѣдныхъ даромъ, или почти даромъ. Докторъ былъ человѣкъ несообщительный, почти мрачный; онъ жилъ одиноко, потерявъ въ одинъ годъ всѣхъ дѣтей и схоронивъ жену. Чику ему разсказалъ, что случилось.

Медикъ внимательно осмотрѣлъ дѣвушку.

— Лекарство тутъ мало поможетъ, на сколько могъ ласково объяснилъ старикъ: — лучшее лекарство — это уѣхать отсюда. Воздухъ тутъ слишкомъ рѣзкій, онъ вамъ можетъ много вреда надѣлать.

— Уѣхать! Но куда же! въ отчаяніи твердила дѣвушка.

Старикъ долго что-то обдумывалъ. Потомъ прописалъ лекарство, далъ разныя наставленія, и прощаясь, сказалъ:

— Если вы позволите, я попытаюсь; можетъ быть, мнѣ удасться найти вамъ мѣсто поюжнѣе, около моря. Въ старину я тамъ знавалъ кой-кого.

Она хотѣла его поблагодарить, но онъ поспѣшилъ удалиться, и быстро спустился внизъ по узкой лѣсенкѣ.

Едва ли надежда, поданная докторомъ, выбраться изъ этого ада, не была лучшимъ лекарствомъ, поставившимъ дѣвушку на ноги, если и не вылечившимъ ея недуга окончательно.

Однако прошло много недѣль, а о переводѣ на другое мѣсто никакихъ вѣстей не получалось. Между тѣмъ, въ селѣ распространился слухъ, что какъ-то ночью къ учительницѣ въ окно влѣзъ мужчина. Его видѣли издали въ потьмахъ. Видѣли, какъ онъ потомъ вышелъ. Кто онъ былъ, не разглядѣли, но несомнѣнно, что это былъ любовникъ учительницы. Многія матери наотрѣзъ отказались посылать своихъ дѣвочекъ въ школу развратницы. Многіе отцы обратились къ головѣ. Аптекарь и аббатъ подливали масла въ огонь; они написали доносъ инспектору и префекту. Инспекторъ и префектъ все еще медлили отвѣтомъ на прошенія дѣвушки о невыдачѣ ей стипендіи, но тотчасъ же, по доносу аптекаря и попа, сдѣлали надлежащее распоряженіе: «произвести строжайшее разслѣдованіе о поступкахъ и нравственной благонадежности сельской учительницы». Къ этому времени, одежда ея такъ износилась, что она стыдилась по воскресеньямъ ходить въ церковь, гдѣ ее всѣ осматривали со всѣхъ

сторонъ. Поэтому, ея обвиняли въ атеизмѣ. Ея обвиняли въ любовныхъ интригахъ, въ презрительномъ отношеніи къ почтенному населенію почтеннаго села. Строжайшее дознаніе обнаружило, что она не умѣла вести школы, что она часто посѣщала хорчевню, въ которой останавливались извощики, бродяги и всякій прохожій сбродъ, и что, въ довершеніе всего, была почти постоянно больна, и слѣдовательно не могла исполнять своихъ обязанностей надлежащимъ образомъ. Голова, заботясь о томъ, чтобъ плата за наемъ его домишекъ была ему выплачена, подписывалъ, по части показаній, все, что ему подносили, и даже по своей собственной иниціативѣ прибавилъ, что «онъ, какъ представитель общины, свидѣтельствуетъ, что удаливъ учительницу, подающую дурной примѣръ, начальство удовлетворитъ вполнѣ законное желаніе всего населенія». Кассиръ, желая оградить себя отъ какихъ либо нареканій, наконецъ соблаговолилъ выдать ей жалованье, настоявъ, однако, чтобы она росписалась задними числами помѣсячно. Ей, конечно, все равно было, какъ ни росписаться.

Словомъ, каждый сдѣлалъ свое дѣло. И вотъ, въ одинъ прекрасный февральскій день, дѣвушка получила оффиціальную бумагу, извѣщавшую ея, что «впредь до особыхъ распоряженій мѣстнаго училищнаго совѣта, оный совѣтъ, по соглашенію съ г. губернаторомъ, предлагаетъ ей прекратить свои занятія въ школѣ».

Дѣвушка была убита.

— За что̀? что̀ я имъ сдѣлала, шептала она, перечитывая писарскія строки зловѣщей бумаги съ оффиціальнымъ заголовкомъ. Бумага гласила, что ее удаляли за «неумѣніе держать себя», за то, что «она была виновна въ нерачительномъ выполненіи своихъ обязанностей», а главное «въ пристрастіи къ вреднымъ ученіямъ, противнымъ основамъ государственной религіи».

Чѣмъ ея поведеніе было неправильно? какія вредныя ученія исповѣдывала она? — она не понимала. Правда, ей предоставлялось право представить свои объясненія и оправданія, но она не чувствовала себя въ силахъ оправдываться. Перечитавъ бумагу нѣсколько разъ, она бросила ее въ огонь, и снова принялась за шитье холщевой мужицкой рубахи, за которою ее застало грозное посланіе.

Она поняла, что главная ея вина было ея одиночество, ея беззащитность. Но куда ей уйти, она все-таки не знала.

Къ счастію, черезъ день ее посѣтилъ старый докторъ и объяснилъ, что въ первыхъ числахъ марта очистится мѣсто сель-

ской учительницы въ маленькомъ приморскомъ городкѣ, гдѣ живетъ его замужняя сестра.

— Тамъ вамъ будетъ лучше, прибавилъ докторъ: — только смотрите, никому, ни единой душѣ здѣсь на селѣ объ этомъ не говорите. Не то, они сейчасъ примутся писать доносы.

Дѣвушка рѣшилась на другой же день покинуть злополучное село. Хозяйка харчевни прежде всего начала неистово ругать всѣхъ негодяевъ, изъ за которыхъ «ея дочурка» вынуждена оставить ее. Учительницѣ стоило много труда успокоить разгнѣванную старуху и упросить ее, чтобы она не произвела скандала. Рѣшено было, что на слѣдующее утро она уѣдетъ верхомъ на томъ же самомъ ослѣ Рекіамоцца, на которомъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, пріѣхала въ село.

Солнце еще не встало на другой день, когда учительница, хозяйка харчевни и Чику-Нано, со своимъ вѣрнымъ псомъ, выходили изъ села. Ей было жалко нищаго, онъ привязался къ ней и не скрывалъ своей горести.

Холодный воздухъ прохватывалъ ихъ до костей, нельзя было свести зубъ на зубъ. Рекіамоцца ждалъ ихъ на верхушкѣ холма. Хозяйка не могла разстаться съ дѣвушкой, цѣловала ее безъ конца. Чику-Нано, привязывая чемоданчикъ къ сѣдлу мула, отиралъ слезы лохмотьями своего рукава.

Песъ, нюхая воздухъ, помахивалъ хвостомъ.

— Я внизъ до долины спущусь пѣшкомъ, сказала она погонщику, и бодро пошла впередъ.

— Вотъ оно! всхлипывая, произносила хозяйка харчевни: — точно у меня Мэна во второй разъ померла.

Между тѣмъ, фигура дѣвушки исчезала постепенно изъ ихъ глазъ, погружаясь въ утренній туманъ, поднимавшійся изъ долины. Передъ ней лежалъ долгій, тернистый путь женщинъ, ищущихъ честнаго труда, путь, чаще всего приводящій къ могилѣ.

ХЛОПОТЫ НАУКИ СЪ НИЗШИМИ ОРГАНИЗМАМИ.

---

1. Человѣкъ—царь созданія.

«Царь созданія!»

Да, не мало поэтовъ привѣтствовали человѣка этимъ восклицаніемъ и несравненно большее число людей готово было повѣрить своему царскому достоинству среди другихъ существъ, не считая нужнымъ даже подвергнуть его ни малѣйшей критикѣ. Долгое время, мыслители противуполагали человѣка животнымъ-автоматамъ. Не многимъ болѣе двухъ вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый натуралистъ рѣшился подвести человѣка подъ рубрику приматовъ съ нѣкоторыми другими его товарищами по жизненному строенію, но не вымерли еще знаменитости въ естествознаніи, которыя и въ классификаціи органическихъ существъ, рядомъ съ царствомъ растительнымъ и царствомъ животнымъ, провозглашаютъ особое «царство человѣка». Итальянскій геологъ Стоппани создаетъ особый «антропозоическій» періодъ въ геологіи, признавая появленіе на землѣ человѣка «внесеніемъ въ природу новаго элемента, силы, вовсе неизвѣстной въ прежніе періоды «теллурической силы, которая по могуществу и по всеобщности можетъ быть поставлена рядомъ съ величайшими земными силами». Даже болѣе умѣренный Маршъ признаетъ, что «дѣйствіе человѣка на поверхности земли далеко превосходитъ по степени то, которое производятъ другія животныя, если и не отличается существенно отъ ихъ дѣйствія по роду». Подобную же оцѣнку дѣятельности человѣка встрѣчаемъ и въ послѣдней главѣ извѣстной книги Элизэ Реклю, «Земля».

Историческое время жизни человѣка считается около семи тысячь лѣтъ, но далеко въ періодъ его доисторической жизни распространяются начала его индустріи, т. е. его попытокъ утвердить свое господство надъ природою. Даже можно сказать, что самыя существенныя начала этой индустріи были заложены въ этомъ періодѣ, а въ историческое время человѣкъ только развивалъ и разработывалъ ихъ. Насколько же «царь созданія» успѣлъ утвердить свое владычество въ это время, конечно, не малое?

Пространство земли, которое онъ подвергъ обработкѣ, едва составляетъ $^1/_{10}$ долю материковъ и тѣ самые ученые, которые съ гордостью указываютъ на эти завоеванія, должны признать, что его способъ обработки на самой большой долѣ этого пространства есть способъ обработки хищнической, истощающей почву. Самые благопріятные для его дѣятельности писатели (наприм. Бреславльскій профессоръ Розенталь) перечислили до 12,000 растеній, которыя онъ болѣе или менѣе основательно употребляетъ на свою пользу, для питанія, для медицинскаго дѣйствія или для промышленной цѣли, но, приводя это очень широкое перечисленіе, приходится прибавить, что «главные обработываемые человѣкомъ виды растеній, тѣ, безъ которыхъ человѣкъ исчезъ бы съ поверхности земли, такъ какъ они доставляютъ намъ пищу, одежду и всѣ удобства жизни, составляютъ лишь самую незначительную долю земной флоры», и что «люди, оставаясь крайними рутинерами въ своихъ пріемахъ культуры, воспользовались лишь весьма небольшою долею растеній, которыя могли имъ быть полезными, а между тѣми, которыя они обрабатываютъ съ наибольшимъ стараніемъ, многія принадлежатъ къ ядовитымъ породамъ, какъ опій, бэтель и этотъ отвратительный табакъ, достоинство котораго заключается въ томъ, что онъ ослабляетъ тѣло и усыпляетъ мысль!» (Прошу извиненія у огромной и достопочтенной касты курильщиковъ, нюхателей и жевателей, но это говорю не я, пишущій эту статью, а говоритъ Элизе Реклю).

Но растенія не представляли человѣку опаснаго сопротивленія. Малое число ихъ, которое онъ умѣлъ заставить платить себѣ дань, показываетъ лишь какъ не далеко ушелъ онъ въ искуствѣ правленія даже по отношенію къ своимъ самымъ смиреннымъ, беззащитнымъ и неподвижнымъ подданнымъ. Но совсѣмъ иной характеръ имѣли его отношенія къ своимъ болѣе или менѣе дальнимъ сродникамъ животнаго міра. Здѣсь прежде всего пришлось отстаивать самое свое существованіе. Какъ только человѣкъ сталъ человѣкомъ, онъ вступилъ въ непримиримую войну

съ хищниками, съ ядовитыми пресмыкающимися, съ грызунами, оспаривающими у него пищу, съ миріадами насѣкомыхъ, паукообразныхъ, ракообразныхъ, которыя то осыпали его мелкими, но мучительными уязвленіями, то поселялись на немъ, какъ паразиты. На первой же ступени своей культуры, онъ попытался одомашнить, приручить животныхъ его окружавшихъ, какъ это сдѣлали и муравьи въ своей сферѣ. Каковы же были результаты этой войны, продолжавшейся многія тысячелѣтія? Къ чему привели стремленія человѣка къ одомашненію животныхъ? Что вышло изъ его попытокъ дѣйствительно царствовать надъ животнымъ міромъ? Чего достигъ чековѣкъ въ этомъ направленіи до нашей эпохи, когда онъ съ гордостью говоритъ, что въ 1860 году работа машинъ въ одной Великобританіи превосходила по своей величинѣ работу, которую способна была бы въ тоже время доставить мышечная сила всего человѣчества?

Человѣкъ истребилъ нѣсколько безвредныхъ или даже полезныхъ животныхъ, истребляетъ и вѣроятно истребитъ окончательно въ скоромъ времени слоновъ (которые были прирученными животными въ арміи Аннибала), китовъ, бобровъ, горныхъ козъ. По всѣмъ даннымъ онъ значительно уменьшилъ число своихъ ближайшихъ родствениковъ, которые ему могли быть всего полезнѣе, именно четырерукихъ, а теперь когда индустрія нашла выгоднымъ изготовлять муфты изъ мѣха обезьянъ и десятки тысячь кожъ черныхъ Colobus'овъ привозятся изъ Африки въ Лондонъ для охраненія нѣжныхъ ручекъ чувствительныхъ лэди отъ лондонской сырости, истребленіе пойдетъ еще скорѣе.

Настоящихъ хищниковъ человѣкъ вытѣснилъ лишь изъ тѣхъ странъ, гдѣ цивилизація его подвинулась достаточно далеко, да и то лишь тѣхъ, которые, какъ животныя кошачьей породы, охотятся въ одиночку, а не составляютъ временныхъ союзовъ, дружинъ. Въ странахъ, даже принадлежащихъ къ цивилизованнымъ государствамъ, но гдѣ раздѣленіе на касты дѣлаетъ человѣка безсильнѣе, или въ странахъ, не достигшихъ исторической жизни, отношеніе человѣка къ большимъ хищникамъ еще таково, что оно даетъ намъ ясное представленіе о періодѣ, когда человѣкъ обожалъ льва, тигра, змѣю, крокодила, большую обезьяну, какъ силы высшія, у которыхъ можно просить помилованія, которыя могутъ удовлетвориться немногими жертвами, но предъ которыми онъ должемъ признать свое бессиліе. Прочтите у Брэма впечатлѣніе, производимое появленіемъ льва около загороди африканскаго пастуха. Вспомните, что, по оффиціальнымъ отчетамъ, въ десяти округахъ Индостана, входящихъ въ составъ имперіи королевы Викторіи, погибло въ 3 года болѣе 12,000

человѣкъ, растерзанныхъ тиграми, леопардами и другими хищниками, а въ одномъ бенгальскомъ президентствѣ въ 6 лѣтъ погибло ихъ болѣе 10,000. Одинъ тигръ истребилъ болѣе 100 человѣкъ, окончательно остановилъ всякое сообщеніе на сосѣдней съ его логовищемъ довольно значительной дорогѣ; другой заставилъ выселиться 13 деревень и прекратить обработку земли на пространствѣ 250 квадратныхъ англійскихъ миль. На островахъ Великобританіи медвѣди и волки были истреблены, но на материкѣ Европы они даже размножились послѣ наполеоновскихъ войнъ, а въ Сѣверной Америкѣ медвѣдь появился снова послѣ междоусобной войны 60-тыхъ годовъ въ округахъ, гдѣ его давно не видали. Даже съ пресмыкающимися человѣкъ не въ состояніи справиться на территоріи самыхъ цивилизованныхъ своихъ государствъ. Въ 1869 году въ одномъ бенгальскомъ президенствѣ 11,416 человѣкъ погибло отъ укушеній ядовитыхъ змѣй и вся часть Индостана, находящаяся подъ владычествомъ Англіи, доставляетъ имъ ежегодно болѣе 40,000 жертвъ. Во Франціи, въ эпоху второй имперіи, когда въ одномъ департаментѣ назначили 50 сантимовъ преміи за голову гадюки, въ префектуру принесли сразу 12,000 головъ; въ 1859 г., подъ однимъ камнемъ очага французской фермы нашли 1,500 змѣй и семьѣ фермера пришлось выселиться, такъ какъ амбары, конюшни, крыши, самыя постели кишѣли змѣями. Нантскій врачъ донесъ сразу о 200 недавнихъ случаяхъ укушенія змѣями, изъ которыхъ 24 кончились смертью. Департаментъ Cote d'Or заплатилъ въ 1866 году 18,000 франковъ за головы гадюкъ по 30 сантимовъ за штуку. Признаться, если человѣкъ есть царь созданія, то его подданные достаточно непокорны, а бунтовщики въ его царствѣ достаточно сильны.

Но и не столь опасныхъ, а все-таки мучительныхъ враговъ онъ долженъ терпѣть, не будучи въ состояніи бороться съ ними. Древній міръ не имѣлъ средства бороться съ мышами, которыя явились въ Европу чуть ли не съ индо-европейскими пришельцами и вызвали легенды о чудесномъ спасеніи отъ нихъ, или о вынужденномъ выселеніи безсильнаго человѣка предъ нашествіемъ грызуновъ. Средніе вѣка столь же были безсильны противъ крысъ, сопровождавшихъ, повидимому, великое переселеніе народовъ и которыхъ не остановили даже новые союзники европейскаго человѣка, кошки. Въ эпоху Вольтера новый пришлецъ, пасюкъ, столь же безпрепятственно завоевалъ Европу и европейскія колоніи въ Америкѣ, побѣдивъ своихъ болѣе слабыхъ родственниковъ. Типъ членистыхъ представляетъ непобѣжденныхъ враговъ другого рода. Комары, мошки, мустики и вся обширная

родня нашего culex pipiens, доказываютъ весьма наглядно безсиліе «царя созданія» передъ его маленькими непокорными подданными. Ученыхъ заставляли они прекращать наблюденія подъ 72-мъ градусомъ сѣверной широты. «Они дѣлаютъ страну необитаемою отъ іюня до первыхъ морозовъ, пишетъ Тулэ о мѣстности, населенной индѣйцами Чиппеваями — это мученіе до того истощаетъ, такъ какъ оно не прекращается ни днемъ, ни ночью, что не можешь ни говорить, ни думать». Черныя мошки (black-flies) обращаютъ въ бѣгство и животныхъ и человѣка. Африканская муха цэцэ уже прямо убиваетъ и первыхъ и второго, при чемъ человѣкъ столь же безсиленъ для обороны отъ нея, какъ обычныя ея жертвы—лошадь, быкъ и собака. Изъ другихъ семействъ насѣкомыхъ достаточно назвать таракановъ, клоповъ, блохъ, отравляющихъ намъ жизнь, достаточно вспомнить вопли, наполнявшіе газеты послѣднихъ лѣтъ по поводу разнообразныхъ враговъ земледѣлія и садоводства, чтобы сказать, что для человѣка довольно-таки безстыдно въ настоящее время претендовать на господство надъ животнымъ міромъ.

Чѣмъ ниже мы спускаемся въ строеніи животныхъ, тѣмъ безсильнѣе оказывается передъ ними человѣкъ. На немъ самомъ поселились съ незапамятныхъ временъ нѣсколько дюжинъ паразитовъ, которыхъ онъ, при всей своей цивилизаціи, при всѣхъ своихъ машинахъ, истребить до сихъ поръ не могъ. Ван-Бенеденъ перечисляетъ слѣдующихъ самыхъ обычныхъ гостей человѣка: «4 цестода (солитеры) живутъ въ кишкахъ, 3 или 4 дистома въ печени, въ кишкахъ или въ крови; 9 или 10 нематодовъ обитаютъ пищеварительные органы или мышцы. Встрѣчаются нѣкоторые молодые, недоразвитые цестоды подъ разными названіями (Cysticerques, Echinocerques, Hydatides, Acephalocystes), избирающіе своимъ жилищемъ глазное яблоко, желудочки мозга, сердца или соединительную ткань. Далѣе, встрѣчаются 4 вида вшей, одинъ видъ блохи, и два клеща, не считая низшихъ организмовъ, которые роятся въ отложеніяхъ около зубовъ и въ слизи слизистыхъ оболочекъ». А относительно послѣднихъ, недавнія изслѣдованія Вейля сводятъ всю порчу зубовъ на работу бактерійнаго грибка Leptothrix bucalis, отъ котораго, распространяемаго со слюною, зависятъ, повидимому, многія болѣзни и другихъ частей тѣла. Но здѣсь уже я перешелъ въ область именно тѣхъ низшихъ организмовъ, которые составляютъ главный предметъ этой статьи.

Безсильный передъ большинствомъ животныхъ, въ борьбѣ съ ними, какъ съ врагами, конечно, еще менѣе человѣкъ могъ покорить ихъ, обращая въ своихъ помощниковъ или пользуясь тѣ-

ми или другими ихъ свойствами. Недавно выбранный профессоромъ въ Эдинбургскій университетъ (и уже успѣвшій отказаться отъ каѳедры, пока писалась эта статья), замѣчательный зоологъ Эдуинъ Рэй Ланкэстеръ, въ своихъ лекціяхъ объ употребленіи животныхъ на пользу человѣка, читанныхъ тому нѣсколько лѣтъ назадъ въ Южно-Кенсингтонскомъ музеѣ, долженъ былъ сознаться, что человѣкъ сдѣлалъ весьма мало завоеваній между низшими животными, понимая подъ этимъ названіемъ всѣхъ безпозвоночныхъ. Но и среди позвоночныхъ, завоеванія человѣка были и остались весьма ограничены въ области одомашненія и прирученія. Не будемъ брать въ соображеніе единичные случаи, которые показываютъ только, какъ велики *возможные* успѣхи человѣка въ будущемъ въ этомъ направленіи, и какъ мало имъ сдѣлано до сихъ поръ для систематическаго утвержденія своего господства. Но достаточно просмотрѣть классическую книгу Гэна («Kulturfplanzen und Hausthiere» 3-е изд. 1877), чтобы видѣть, что всѣ завоеванія человѣка въ животномъ мірѣ едва ли достигаютъ двухъ десятковъ породъ животныхъ, и большинство этихъ породъ приручено или одомашнено имъ въ доисторическій періодъ своего существованія, т. е. эти завоеванія были не слѣдствіе научно-обдуманнаго, критически-разсчитаннаго метода, но само собою получившимся результатомъ ряда попытокъ случайныхъ или вызванныхъ аффектомъ, капризомъ личностей. Человѣкъ не тогда подчинилъ себѣ бо̀льшую часть своихъ нынѣшнихъ подданныхъ изъ животнаго міра, когда онъ сталъ вполнѣ человѣкомъ, противупоставляя систематическій анализъ и разсчитанный синтезъ слабымъ пріемамъ различенія, обсужденія и умозаключенія, встрѣчаемыхъ у другихъ наилучше мыслящихъ животныхъ, но тогда, когда едва возвышался въ своей общественности надъ муравьемъ, едва воспользовался членораздѣльною рѣчью для перваго слоя обобщающихъ представленій, все еще остававшихся болѣе въ области конкретныхъ предметовъ, чѣмъ отвлеченныхъ понятій. Научная мысль до сихъ поръ почти не была вовсе приложена человѣкомъ въ утвержденіи своего царства въ мірѣ животномъ, гдѣ въ его пріемахъ управленія часто дѣйствуетъ грубый эмпиризмъ, старинная рутина или самое печальное воспитаніе животныхъ въ направленіи удовлетворенія самымъ низшимъ стремленіямъ и вкусамъ человѣка.

Но подъ міромъ рѣзко отличающихся по своимъ типамъ позвоночныхъ, членистыхъ и моллюсковъ, которые одни обращали на себя вниманіе человѣка, какъ въ его борьбѣ за существованіе и за господство, такъ и въ его немногихъ попыткахъ къ прирученію животныхъ, оказывается еще огромный міръ формъ менѣе

опредѣленныхъ, весьма часто незамѣтныхъ невооруженному глазу, но тѣмъ не менѣе оказывающихся могучими или грозными дѣятелями, какъ строители горъ, острововъ, цѣлыхъ материковъ, какъ источники большинства болѣзней и важнѣйшихъ жизненныхъ процессовъ, какъ ближайшія формы къ предкамъ всѣхъ высшихъ типовъ животныхъ и самаго человѣка, какъ первая почва проявленія и жизни, и сознанія, и общественности... Передъ этими едва видимыми или совсѣмъ невидимыми врагами и дѣятелями человѣкъ чувствуетъ, что его царскій вѣнецъ сидитъ на его головѣ уже совсѣмъ плохо. Въ этихъ неопредѣленныхъ формахъ онъ долженъ искать и первые фазисы развитія того, что̀ позволило ему создать фантастическій образъ его царства, и первыя династіи существъ, которыя въ тотъ или другой геологическій періодъ могли считать себя царями созданія... «De minimis non curat lex», говорили съ гордостью древніе юристы. Но въ природѣ эти едва замѣтныя мелочи, эти микроскопическія существа оказываются ключомъ къ пониманію всѣхъ важнѣйшихъ явленій и процессовъ жизни, всѣхъ нынѣ господствующихъ въ мірѣ существъ. Человѣку приходится изучать ихъ, или онъ навсегда останется безсильнымъ царемъ непокорнаго царства. Его царство окажется фантазіею Поприщина.

Можетъ быть человѣкъ и сдѣлается когда-нибудь царемъ созданія, но ему прежде нужно завоевать это царство.

2) Пониманіе животнаго міра человѣкомъ.

Завоевать это царство человѣкъ можетъ только путемъ пониманія. Оно есть необходимое условіе его власти надъ природою, которая можетъ быть имъ подчинена лишь на столько, на сколько она имъ разгадана.

Недавно Гэксли, въ одной изъ своихъ популярныхъ лекцій для рабочихъ, доказывалъ, что весь методъ современной науки заключается въ методѣ вольтеровскаго Задига, который «достигъ проницательности, дозволявшей ему замѣчать безчисленныя мелкія различія между предметами, которые, для неупражнявшагося зрителя, казались совершенно одинаковыми». И въ самомъ дѣлѣ, если мы внимательно вглядимся въ основные пріемы нашего процесса мышленія, на сколько мы признаемъ его правильнымъ, мы должны согласиться, что самою типическою способностью сознательныхъ особей является аналитическая *способность сознательнаго различенія и отличенія*, способность *искать* и *находить*

сходство и различія, которая служитъ основою синтетической способности обобщенія, построенія, творчества и критическаго вывода, и вмѣстѣ съ нею составляетъ область мысли. Она можетъ быть направлена на элементарныя ощущенія, на общія состоянія аффекта, на волевыя побужденія, точно также какъ на предметы внѣшняго міра, наконецъ, на собственные продукты: представленія и понятія, образы творческой фантазіи и нравственные идеалы; но всюду и вездѣ ея отличительною характеристикою является, во-первыхъ, *различеніе* въ данномъ предметѣ его составныхъ элементовъ, возможно ясное представленіе каждаго изъ нихъ, и затѣмъ сознательное совокупленіе ихъ въ составное цѣлое, во-вторыхъ, *отличеніе* разсматриваемаго предмета отъ всѣхъ остальныхъ намъ извѣстныхъ предметовъ, т. е. опредѣленіе ему надлежащаго мѣста въ рядѣ вещей нами сознаваемыхъ, опредѣленіе его отношеній къ ближайшимъ и дальнѣйшимъ точкамъ сравненія. Внѣ элементарныхъ и какъ бы частныхъ процессовъ этого различающаго и отличающаго сознательнаго мышленія невозможны первые шаги развитія сознанія. На расширеніи области этого различенія и отличенія опирается вся жизнь мысли. На почвѣ первыхъ продуктовъ этого процесса выростаютъ первое знаніе, первая техника, первый обычай человѣческаго общежитія. При помощи этихъ продуктовъ вырабатывается весь процессъ *творчества*, будетъ ли то творчество художественное, начинающее съ сознательно нацарапанной фигуры оленя на кускѣ кости въ Перигорѣ современникомъ ледниковаго періода земли, чтобы дойти до драмы Шекспира; или творчество супранатуралистическое, учившее бродячаго пастуха сознательно мазать масломъ камень, который облеченъ таинственною силою въ его воображеніи, и точно также побуждавшее позднѣйшаго мыслителя преклоняться передъ столь же таинственнымъ «нравственнымъ порядкомъ міра»; или, наконецъ, творчество философское, коренившееся уже въ первомъ смутномъ представленіи о мірѣ, какъ о совокупности предметовъ, служащихъ жизненнымъ потребностямъ, и сверхъестественныхъ вліяній, и о системѣ обыденныхъ обычаевъ и обрядовъ культа, какъ практически соотвѣтствующихъ этому представленію; творчество, доработывающееся въ послѣдствіи до научной системы достовѣрныхъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ и гадательныхъ положеній о теоретической истинѣ и практической справедливости, системы, составляющей дезидерату современной реалистической философіи. На этотъ процессъ различенія и отличенія опирался каждый шагъ и въ ростѣ критики, которая требуетъ, чтобы продукты комбинаціи, слѣдующей за процессомъ различенія и отличенія, были посто-

янно реальные предметы, какъ разъ соотвѣтствующіе тѣмъ, которые дали начало упомянутымъ процессамъ, а, слѣдовательно, допускаетъ провѣрку на каждомъ шагу и тѣмъ самымъ служитъ къ переустройкѣ обычая, къ реалистическому направленію въ искуствѣ, къ постепенному убыванію и окончательному устраненію сверхъестественнаго элемента, къ созданію прочнаго скелета научныхъ данныхъ для міросозерцанія философіи теоретической и для идеаловъ философіи практической.

Этотъ пріемъ различенія и отличенія въ приложеніи къ конкретнымъ предметамъ, выражается въ ихъ классификаціи, и организмы, встрѣчающіеся въ природѣ, совершенно естественно вызывали съ самаго ранняго времени въ человѣкѣ потребность отличать нѣкоторыхъ изъ нихъ по впечатлѣнію, ими на него производимому, и различать ихъ между собою по различію отношеній къ нимъ человѣка, отношеній, обусловливаемыхъ и потребностями человѣка, и обстановкою его жизни.

Въ доисторическій періодъ жизни человѣчества, при самомъ процессѣ созданія языковъ, номенклатура, установившаяся для нѣкоторыхъ животныхъ и растеній, была первою грубою попыткою подобной классификаціи *важныхъ* для человѣка организмовъ, получившихъ названія и различаемыхъ по впечатлѣніямъ, отъ нихъ получаемымъ, и отдѣленія отъ нихъ *неважныхъ*, оставшихся безъ названій. Къ тому же періоду приходится отнести внесеніе нѣкоторыхъ животныхъ въ систему религіознаго почитанія, куда они вошли какъ фетиши, какъ таинственные покровители рода или племени, какъ добрыя или злыя силы, какъ воплощеніе злыхъ и добрыхъ демоновъ, душъ предковъ или враговъ, какъ символы божествъ природы, наконецъ, какъ избраные дары болѣе очеловѣченныхъ божествъ людямъ въ помощь или въ наказаніе. И рядомъ съ этимъ религіозно-миѳологическимъ творчествомъ, пользовавшимся біологическими наблюденіями первобытнаго человѣка, какъ матеріаломъ, шла художественная работа животнаго и растительнаго эпоса, морализующей басни, которыя опять-таки приноравливали свои повѣствованія, образы, нравственныя поученія къ тѣмъ же наблюденіямъ. Здѣсь уже отличеніе и различеніе усложнились представленіемъ о іерархіи высшихъ и низшихъ организмовъ, заслуживающихъ большую или меньшую степень культа, благопріятныхъ или враждебныхъ, группированныхъ въ царство съ породами владычествующими, аристократическими, подчиненными, но промышленными и способными отстоять себя, наконецъ, совсѣмъ безсильными передъ другими. Само собою разумѣется, что всѣ эти элементарныя попытки классификаціи охватывали изъ міра живот-

ныхъ лишь ясно опредѣленные типы, которые впослѣдствіи вошли въ классы позвоночныхъ и членистыхъ. Изъ остального міра лишь презрѣнный «червь», въ самомъ неопредѣленномъ смыслѣ этого слова, встрѣчался въ лингвистическихъ, религіозныхъ или художественныхъ созданіяхъ человѣка древнѣйшихъ періодовъ.

Съ первымъ пробужденіемъ критической мысли были заложены первыя прочныя основанія и для приложенія истинныхъ пріемовъ различенія и отличенія къ животнымъ. Въ школѣ іонійскихъ атомистовъ возникло понятіе о необходимости всего совершающагося, какъ слѣдствія предшествующихъ причинъ и какъ причины возникающихъ затѣмъ слѣдствій, о неуничтожаемости всего сущаго, допускающей не новое созданіе, а лишь перемѣщеніе атомовъ, какъ источникъ всѣхъ измѣненій, имѣющихъ мѣсто. Рядомъ съ этимъ въ другихъ школахъ выработалось представленіе о механическомъ происхожденіи цѣлесообразныхъ комбинацій въ природѣ, путемъ борьбы «любви и ненависти», путемъ размноженія и истребленія, такъ что могло существовать лишь прочное и цѣлесообразное; выработалось представленіе о постоянномъ измѣненіи всего сущаго, о переходѣ одной формы въ другую, одного существа въ другое; выработалась и тщательная критика употребляемыхъ терминовъ обыкновенной рѣчи, вмѣстѣ съ стремленіемъ придать имъ строгую научную опредѣленность и точность. Изъ этихъ разнородныхъ стремленій философской мысли, въ борьбѣ мнѣній и школъ, великій стагиритъ впервые, по выраженію современныхъ историковъ зоологіи, «создалъ вообще обдуманную, научную обработку животнаго царства, которая нетолько могла служить и дѣйствительно послужила исходнымъ пунктомъ для позднѣйшихъ изслѣдованій, получившихъ твердую опору въ новооткрытыхъ или въ прежде извѣстныхъ, но усовершенствованныхъ способахъ изслѣдованія, но которая прежде всего впервые внесла зоологію и сравнительную анатомію въ рядъ индуктивныхъ наукъ и тѣмъ самымъ сдѣлала возможнымъ развитіе подобныхъ воззрѣній». Для Аристотеля «животный міръ представлялъ опредѣленныя группы, въ различной степени между собою родственныя, которыя, хотя и совпадали поверхностно съ различными другими группами въ отдѣльныхъ признакахъ, но, по общей своей характеристикѣ, рѣзко и отчетливо отграничивались одна отъ другой.» Въ этихъ-то группахъ, изъ которыхъ пять относятся къ нынѣшнему типу позвоночныхъ, двѣ къ типу членистыхъ и двѣ къ типу моллюсковъ, именно въ низшей группѣ животныхъ, снабженныхъ раковинами, какъ привѣсокъ къ послѣдней, является группа «особенныхъ породъ», въ которыхъ новые зоологи признаютъ *низшихъ животныхъ*, выступ-

пающихъ съ тѣмъ самымъ впервые на горизонтъ человѣческой мысли.—Само собою разумѣется, что, при полномъ отсутствіи простѣйшихъ механическихъ понятій, при крайне недостаточныхъ анатомическихъ данныхъ и совершенно фантастической физіологіи, въ этой гордой попыткѣ построить сразу сравнительную анатомію и систематическую зоологію ошибки и пробѣлы должны были подавлять собою замѣчательныя свидѣтельства прозорливости геніальнаго мыслителя; но ошибки должны были постепенно отпасть, пробѣлы — пополниться, а живыя задачи мысли должны были, по мѣрѣ этого отпаденія и пополненія, найти себѣ все болѣе полное удовлетвореніе.

Одна изъ самыхъ важныхъ и надолго вліятельныхъ ошибокъ Аристотеля въ его философскомъ воззрѣніи на животныхъ заключалась въ систематическомъ приложеніи телеологическаго отношенія къ строенію организмовъ. Но эта ошибка была неизбѣжна. Для того, чтобы дойти до нынѣшняго представленія о формахъ организмовъ, какъ о механическомъ результатѣ громаднаго процесса эволюціи, нужно было долгое воспитаніе человѣческой мысли изученіемъ законовъ механики въ самыхъ простыхъ случаяхъ взаимодѣйствія тѣлъ, многостороннимъ приложеніемъ механическаго философскаго воззрѣнія на міръ въ астрономіи, въ физикѣ, въ химіи; нужно было близкое знакомство съ развитіемъ отдѣльныхъ организмовъ и тщательное сближеніе нѣсколькихъ рядовъ этого развитія, а это было невозможно безъ микроскопа; нуженъ былъ рядъ геологическихъ раскопокъ и палеонтологическихъ открытій, самое представленіе о которыхъ было чуждо древней мысли; нужно было знакомство съ фактами географическаго распредѣленія флоръ и фаунъ различныхъ странъ земного шара, о самомъ существованіи которыхъ не имѣли понятія мыслители, кругозоръ которыхъ шелъ неособенно далеко за прибрежье Средиземнаго моря; нуженъ былъ, наконецъ, печальный опытъ страшнаго вреда, принесеннаго и мысли и жизни человѣка тѣмъ міросозерцаніемъ, которое сплелось самымъ тѣснымъ образомъ съ представленіемъ о цѣлесообразности и разумности въ природѣ. Въ эпоху Аристотеля совпаденіе строенія животныхъ съ наивыгоднѣйшими условіями для поддержанія существованія ихъ вида было такъ же очевидно, какъ въ эпоху Дарвина, а понятіе о превосходствѣ логическаго, послѣдовательнаго разумнаго мышленія надъ обычными пріемами разсужденія было еще ново и привлекательно своею новизною. Представленіе о логикѣ, перенесенное въ самое строеніе міра, о разумѣ, управляющемъ міромъ и дающемъ форму пластическому веществу, казалось совершенно естественною основою самаго вѣроятнаго міро-

созерцанія. Земля, какъ центръ міра, *для которой* существовалъ весь міръ; человѣкъ, какъ царь созданія, *для котораго* существовали всѣ прочіе организмы, и цѣлесообразное строеніе организмовъ въ виду сохраненія именно для пользы человѣка всѣхъ существующихъ видовъ — эти элементы вполнѣ гармонировали, какъ высшій философскій продуктъ одного періода. Конечно, въ міросозерцаніи Демокрита, Гераклита и Эмпедокла были элементы для другого болѣе стройнаго міросозерцанія, и эпикурейцы воплотили въ поэмѣ Лукреція подобное міросоцерцаніе, за которымъ намъ приходится признать гораздо болѣе прозорливости относительно истиннаго пониманія міра. Но должно помнить истину, много разъ доказанную исторіею, что въ борьбѣ міросозерцаній въ каждую эпоху наиболѣе разумное имѣетъ всего менѣе шансовъ восторжествовать, пока надлежащее упражненіе въ критическомъ мышленіи составляетъ достояніе небольшаго меньшинства; что вслѣдъ за Аристотелемъ начался періодъ отдѣленія спеціальной науки отъ философіи, такъ что Эрозистраты, Евклиды, Архимеды, Гиппархи столь же мало вошли въ исторію послѣдней, какъ Клеонты, Лукреціи, Эпиктеты и Платоны въ исторію первой; что, поэтому, именно среди ученыхъ была вѣроятность установиться философіи наиболѣе узкой, наиболѣе *повидимому* близкой къ фактамъ наблюденія. А цѣлесообразность зубовъ льва, руки человѣка и кокона насѣкомаго была, повидимому, такъ очевидна.

Въ послѣдующіе пятнадцать вѣковъ (отъ послѣднихъ ученыхъ работъ Галена и здоровой критики Лукіана до работъ Галилея и разсужденій Френсиса Бэкона) дѣло шло лишь о сохраненіи традиціи критической мысли, хотя бы въ приложеніи къ самымъ нелѣпымъ вопросамъ, и о накопленіи матеріала для работъ будущей мысли, хотя бы смѣшаннаго съ самыми безполезными элементами. Въ компиляціяхъ послѣднихъ вѣковъ классической древности, въ средневѣковыхъ бестіаріяхъ, въ комментаріяхъ схоластиковъ на Аристотеля драгоцѣнны эти крохи, надъ которыми могло упражняться размышленіе человѣка, чтобы сохранить способность наблюдать природу, относительно которой ему упорно говорили, что это — царство діавола, что изученіе ея ведетъ къ магіи и ереси, къ костру въ этой жизни и къ вѣчнымъ мученіямъ въ будущей.

Но процессъ жизни умственной способенъ, повидимому, отстоять себя при самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ и надъ всякимъ періодомъ человѣческихъ заблужденій раздаются легендарныя слова магической головы, сдѣланной средневѣковымъ волшебникомъ: «время будетъ! время настало! время прошло!»

Ученые нашего періода уже достаточно прослѣдили черезъ всѣ самыя глухія эпохи среднихъ вѣковъ этотъ процессъ жизни критической мысли въ самыхъ странныхъ, уродливыхъ формахъ, но неутомимой въ своихъ превращеніяхъ для борьбы съ подавляющимъ авторитетомъ. И она пережила его.

Явились наслѣдники Архимеда и возникла новая механика. Самый осторожный, даже черезчуръ боязливый философъ, котораго признали отцомъ и главою новаго спиритуализма, далъ человѣчеству стройную механическую систему міра, охватывающую всѣ организмы, даже ближайшіе къ человѣку, какъ рядъ автоматовъ. Онъ исключалъ, конечно, человѣка, но когда же непослѣдовательность философа вредила послѣдовательности выводовъ изъ его здравыхъ основаній? Самый ревностный унитаріанецъ, коментаторъ апокалипсиса, человѣкъ, расходившійся съ друзьями изъ-за легкомысленнаго отношенія ихъ къ религіи, нетолько укрѣпилъ всею силою своего геніальнаго ума и самыхъ могучихъ орудій науки конца XVII вѣка почву для представленія о механической системѣ міра, но внесъ въ человѣческую мысль еще иную, въ высшей степени важную, привычку: обходиться безъ наглядныхъ представленій старинныхъ матеріалистовъ—элемента, для точной науки весьма часто невозможнаго—и вообще допускать твердую увѣренность въ обширномъ обобщающемъ законѣ, не нуждаясь нисколько въ ясномъ представленіи, какъ этотъ законъ связывается съ основными міросозерцаніями. На этой почвѣ всеобщее тяготѣніе могло сдѣлаться вполнѣ усвоеннымъ убѣжденіемъ и для супранатуралистовъ, подобныхъ Котесу, и для скептиковъ, сенсуалистовъ и матеріалистовъ, группировавшихся около французской энциклопедіи, и для нѣмецкаго идеализма въ лицѣ Канта и его духовнаго потомства. На этой же почвѣ совпаденіе строенія организмовъ съ условіями поддержанія существованія ихъ видовъ мало-по-малу перестало непремѣнно требовать и метафизическаго основанія древнихъ философовъ и Бойлевскаго часовщика мудреныхъ часовъ вселенной съ ея тяготѣющими другъ къ другу мірами, а могло сдѣлаться общепризнаннымъ закономъ органическаго строенія, который, для своего раціональнаго объясненія, могъ спокойно ожидать Ламарковъ и Дарвиновъ, и дождался ихъ скорѣе, чѣмъ ньютоновское тяготѣніе, до сихъ поръ не получившее себѣ удовлетворительнаго нагляднаго объясненія съ точки зрѣнія механической системы міра, точки зрѣнія, утвержденію которой никто столько не содѣйствовалъ, какъ Декартъ со своею спиритуалистическою двойственностью и Ньютонъ съ своею искреннею

и щепетильною раздражительностью во всемъ, касающемся религіи.

Но Ламарки и Дарвины были еще въ далекомъ будущемъ, а пока въ біологіи эти будущія завоеванія подготовлялись рядомъ совершенно другъ отъ друга независимыхъ, почти случайныхъ открытій, изобрѣтеній и угадокъ мысли. Геніальный художникъ и простой горшечникъ въ XVI вѣкѣ уже видѣли въ окаменѣлостяхъ остатки древнихъ животныхъ. Медикамъ приходилось изучать паразитовъ и различать ихъ формы. Въ борьбѣ противу авторитета Галена анатомы рисовали рядомъ скелеты птицы, обезьяны и человѣка, и современникъ и соперникъ Гэрвея сравнивалъ одно и тоже физіологическое явленіе въ цѣломъ родѣ животныхъ. Между тѣмъ, какъ XVI вѣкъ передавалъ въ наслѣдство своимъ преемникамъ отличенный имъ особый разрядъ «зоофитовъ», смѣшеніе термина рыбъ и водныхъ животныхъ вообще (aquatiliae) вызывало въ срединѣ того же вѣка рядъ болѣе точныхъ описаній низшихъ морскихъ животныхъ. Наконецъ, микроскопъ, открытый въ концѣ XVI вѣка и впервые приложенный къ изслѣдованію строенія пчелы въ 1625 г., позволилъ во второй половинѣ XVII вѣка Мальпиги положить основаніе тщательному изученію строенія животныхъ вообще, какъ особой отрасли біологіи; позволилъ знаменитому голландскому диллетанту Лэвенгуку *видѣть* впервые обращеніе крови, открыть кровяные шарики, развитіе гидръ, описать коловратку, открыть міръ инфузорій. Въ тоже самое время опыты Рэди впервые показали относительно огромнаго числа существъ, которыя во времена «Книги Судей», поэмы Лукреціи и даже до Северино (1645) считались происходящими «изъ гніющихъ веществъ», что ихъ развитіе не имѣетъ ничего общаго съ самопроизвольнымъ зарожденіемъ. Но относительно многихъ другихъ существъ, въ особенности паразитовъ, вопросъ оставался открытымъ и тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что ихъ существованіе приходилось примирять съ нѣкоторыми священными преданіями и съ существующими метафизическими воззрѣніями. И вотъ Валлиніери создалъ цѣлую теорію о томъ, какимъ образомъ эти паразиты могли существовать во время Адама и Евы; Рэди предоставилъ ихъ выработку сенситивной душѣ существа, ихъ вмѣщающаго, и т. п. Не многіе рѣшались сознаться въ томъ, что объяснить этого явленія не могутъ. Другое затрудненіе представляли все болѣе многочисленные ископаемые остатки. Цѣлыя ученыя коллегіи принимали нетолько остатки низшихъ животныхъ, но даже кости слона за «игру природы» и за «фигурные камни» (что вызывало вюрцбургскихъ студентовъ на представленіе профессору Бэрин-

теру ряда «игръ природы» съ созвѣздіями, крестами, изображеніями святыхъ, которые почтенный ученый добродушно вносилъ въ ученое изданіе 1726 года и умеръ потомъ съ досады, узнавъ о подлогѣ); другіе натуралисты содѣйствовали весьма серьёзному развитію палеонтологіи, ревностно собирая эти, по ихъ мнѣнію, безспорныя «свидѣтельства потопа» и доказывая ихъ животное происхожденіе; имъ казалось уже невозможнымъ поддерживать взгляды иного рода нѣкоторыхъ ихъ предшественниковъ, считавшихъ заботливость при созиданіи столь великою, что ни одинъ видъ животныхъ не гибнетъ, и они не предвидѣли, какимъ опаснымъ оружіемъ противъ самыхъ дорогихъ имъ преданій черезъ какой-нибудь вѣкъ явятся эти самые diluvii testes. Теорія «фигуристовъ» была слишкомъ явно нелѣпа, чтобы не сойти очень скоро съ арены научныхъ споровъ, но противъ защитниковъ теоріи потопа въ первобытной палеонтологіи выступала теорія, для которой окаменѣлости были продуктами пластическихъ силъ самой земли подъ вліяніемъ животнаго сѣмени, и эта теорія имѣла тоже своихъ защитниковъ въ ученомъ мірѣ. Шелъ споръ и въ области низшихъ животныхъ формъ: самые значительные авторитеты признавали въ первой четверти XVIII вѣка кораллы растеніями, но возвышались уже голоса за ихъ принадлежность къ животнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изучались болѣе тщательно и спеціально какъ гидры, такъ и иглокожія, причемъ для послѣднихъ палентологическія находки сближались въ коллекціяхъ и въ ихъ описаніяхъ съ живыми породами.

Матеріалъ зоологіи росъ и необходимость придать ему какой-либо, хотя искуственный, порядакъ, становилась все насущнѣе. Во второй половинѣ XVII вѣка являются уже попытки точной терминологіи и устанавливается понятіе зоологическаго и ботаническаго вида, понятіе, гораздо болѣе живое и гибкое, чѣмъ оно сдѣлалось позднѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ выработывается и первая попытка сколько-нибудь стройной—но далеко еще недостаточной—системы организмовъ (Рэя и Уилоуби). Наконецъ, въ XVIII вѣкѣ появляется трудъ, который, по своей систематической, хотя и искуственной стройности, надолго удовлетворяетъ потребностямъ большинства натуралистовъ, а своимъ ловкимъ пріемомъ номенклатуры увѣковѣчиваетъ имя Линнея. Но слѣдуетъ замѣтить, что порядокъ, внесенный въ область организмовъ великимъ систематикомъ средины XVIII, вѣка установился насчетъ низшихъ организмовъ. Классъ червей (Vermes) былъ сдѣланъ Линнеемъ, по словамъ современнаго историка зоологіи, «общимъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ недостаточно извѣстныхъ

животныхъ» и «Systema naturae» въ этой области «стояла положительно ниже Аристотеля» и его послѣдователей XVI вѣка. Нечего говорить, что этотъ пробѣлъ не могъ быть пополненъ и знаменитымъ современникомъ и соперникомъ Линнея, Бюффономъ, который болѣе дѣйствовалъ путемъ философской догадки и изящной формы своихъ описаній; самъ не дѣлалъ никакихъ анатомическихъ и физіологическихъ наблюденій даже въ высшихъ животныхъ, которыхъ удостоивалъ своего труда, а въ низшихъ существахъ, слишкомъ далекихъ отъ человѣка, не могъ видѣть ничего интереснаго, слѣдя съ бо̀льшимъ удовольствіемъ въ своей мысли за группировкой «органическихъ молекулъ» по нѣкоторымъ «moules interieurs», чѣмъ при помощи микроскопа за движеніемъ какой-нибудь инфузоріи. Столь же мало можно было ожидать точныхъ успѣховъ въ наукѣ отъ фантазирующихъ предшественниковъ теоріи животной эволюціи въ эпоху Линнея, отъ какого-либо де-Малье или Робинэ. Но были умы, которые немедленно обратили свои усилія на различеніе и отличеніе въ области, оставленной въ сторонѣ Линнеемъ при его предварительной громадной работѣ. Это былъ Боннэ, который умѣлъ соединить проницательный обобщающій взглядъ на природу съ любовью къ точному наблюденію, и Палласъ, который лишь потому не сталъ въ исторіи мысли на принадлежащее ему мѣсто, что повелъ рядомъ слишкомъ много большихъ работъ, но внесъ жизнь и болѣе ясное пониманіе во всѣ области, до которыхъ коснулся, положилъ основаніе систематическому различенію низшихъ животныхъ и противупоставилъ «лѣстницѣ существъ» Боннэ, какъ общей картинѣ совокупности организмовъ, болѣе раціональное представленіе развѣтвляющагося древа.

Съ тѣхъ поръ, въ работѣ различенія и отличенія въ зоологіи опредѣлилось нѣсколько направленій. На первое мѣсто, какъ естественное слѣдствіе характера работъ Линнея, стала схоластика зоологіи, которая выказалась въ умноженіи видовъ, въ ихъ мелочномъ описаніи и въ окаменѣніи понятія о видѣ вообще. Рядомъ съ этимъ, подъ вліяніемъ современника Линнея, великаго физіолога Галлера, распространило на зоологію свое господство направленіе физіологическое, въ которомъ формы и строеніе организмовъ отступали передъ жизненными процессами, и животныя подвергались сравненію съ точки зрѣнія одинаковости или различія ихъ жизненныхъ функцій. Но вмѣстѣ съ этими господствующими вліяніями мало-по-малу пробивали себѣ пути еще двѣ отрасли зоологическихъ работъ, уже ближе относящихся къ изученію формъ и строенія организмовъ. Во-первыхъ, стремились распредѣлить животныхъ въ возможно меньшее число обширныхъ

типическихъ группъ, что̀ было связано съ установленіемъ естественной системы организмовъ (цѣль, которую въ отдаленіи ставилъ натуралистамъ и Линней). Во-вторыхъ, стремились внести въ міръ низшихъ существъ такое же строгое различіе видовъ, которое уже было установлено для высшихъ типовъ. Не лишено, можетъ быть, интереса то обстоятельство, что уже 10 лѣтъ послѣ смерти Линнея мало извѣстный профессоръ въ Іенѣ намѣтилъ рѣшенія, отъ которыхъ недалеко ушли и самые послѣдніе результаты зоологическихъ работъ. Не многимъ знакомо имя Аугуста Іоганна Георга Карла Бача и его «Опытъ руководства къ познанію и исторіи животныхъ и минераловъ» 1788 года, а тамъ уже встрѣчается, во-первыхъ, сближеніе всѣхъ нынѣшнихъ позвоночныхъ въ обширную группу костистыхъ (Knochenthiere, Ossea), установленіе рядомъ съ этою группою равнозначущей ей группы, соотвѣтствующей нынѣшнимъ членистымъ, и признаніе, что низшія «несовершенныя» животныя представляютъ «формы самыя разнообразныя, можно сказать, самыя неправильныя», хотя допускающія различеніе «семействъ». Бачъ только не могъ, при тогдашнихъ данныхъ сравнительной анатоміи, разглядѣть опредѣленность типа моллюсковъ, который въ наше время не можетъ подлежать сомнѣнію и который у Бача смѣшанъ съ прочими «несовершенными животными».

Въ началѣ нашего вѣка морфологическій элементъ въ зоологіи опять получилъ надлежащее мѣсто подъ вліяніемъ двухъ геніальныхъ зоологовъ. Въ противуположеніе фантастическому единству животнаго типа у Жофруа Сентъ-Илера и еще болѣе фантастическимъ построеніямъ животнаго царства нѣмецкими натуръ-философами, Кювье установилъ четыре различныхъ животныхъ типа, признавъ въ каждомъ изъ нихъ единство строенія, іерархію признаковъ и, послѣ нѣкотораго колебанія, признавъ за нервной системой господствующее морфологическое значеніе. Но при этомъ хотя цѣлый рядъ раннихъ работъ Кювье былъ посвященъ «червямъ» Линнея, опять-таки низшій типъ «лучистыхъ» животныхъ оказался въ невыгодѣ, такъ какъ въ него и новый законодатель сложилъ все, невошедшее въ опредѣленные типы позвоночныхъ, членистыхъ и моллюсковъ, и въ немъ были сближены слишкомъ разнообразныя формы; кромѣ того, въ немъ, большею частью, недоставало характеристическаго признака животныхъ типовъ, именно нервной системы. Главный недостатокъ системы Кювье, именно что типы его различались по тѣмъ формамъ, которыя наблюдались во вполнѣ развитомъ животномъ, былъ исправленъ еще при жизни Кювье другимъ ве-

ликимъ зоологомъ, главныя работы котораго охватываютъ къ сожалѣнію лишь очень немногіе годы его долгой жизни, такъ какъ онъ слишкомъ скоро попалъ въ ту же тлетворную для научной мысли среду, которая повредила и Палласу. Карлъ Эрнстъ фонъ-Бэръ показалъ, что въ каждомъ животномъ приходится отличать не только *типъ* его, но и *степень развитія* этого типа, установилъ вмѣсто четырехъ типовъ *строенія* животнаго четыре типа его *развитія*, и тѣмъ самымъ потребовалъ отъ будущихъ біологовъ, чтобы они сближали и раздѣляли группы организмовъ, лишь тщательно прослѣдивъ законы ихъ развитія. Онъ дожилъ до эпохи, когда эта мысль, брошенная имъ въ оборотъ, принесла неожиданные плоды, повидимому, испугавшіе даже того, кто далъ этой мысли начало.

Въ самомъ дѣлѣ цѣлый новый періодъ открывался этимъ для біологіи.—Издавна стоялъ предъ наблюдателемъ вопросъ: какой смыслъ имѣетъ форма животнаго? Древніе и новые телеологи отвѣчали: въ природѣ, управляемой высшимъ разумомъ, она удовлетворяетъ потребностямъ человѣка, царя созданія. Когда оказалось, что этотъ отвѣтъ слишкомъ грубъ и что слишкомъ многое въ животномъ мірѣ совсѣмъ не благопріятствуетъ потребностямъ человѣка, болѣе тонкіе телеологи измѣнили отвѣтъ: въ природѣ—говорили они—форма животнаго удовлетворяетъ цѣли поддержанія его существованія. Это позволило уже дальнѣйшіе вопросы: почему разнообразіе формъ? Почему данныя формы охраняютъ существованіе животныхъ? Какой смыслъ въ охраненіи этого существованія имѣетъ каждая форма? — Былъ на первой изъ этихъ вопросовъ одинъ очень простой отвѣтъ, который вполнѣ прекращалъ всякіе споры, но имѣлъ небольшой недостатокъ: онъ вовсе не былъ отвѣтомъ для естествоиспытателя, хотя его далъ великій Линней и поддерживалъ не менѣе великій Кювье. «Есть столько видовъ, сколько первоначально создано», сказалъ первый. Второй, для палеонтологическихъ видовъ, открытіе которыхъ составляетъ одну изъ многочисленныхъ его заслугъ, прибавилъ даже нѣсколько эстетическое представленіе послѣдовательнаго ряда созданій, безжалостно уничтожаемыхъ одно за другимъ для замѣны ихъ новымъ рядомъ существъ, созданныхъ съ столь же неизмѣнными признаками, чтобы столь же фатально сдѣлаться жертвами столь же произвольнаго истребленія. (Какъ извѣстно, Байронъ въ своемъ «Каинѣ» не замедлилъ воспользоваться этимъ пессимистическимъ мотивомъ). Но какъ только типы *строенія* замѣнились типами *развитія*, то представленіе объ измѣнчивости

формъ привело къ болѣе или менѣе ясному убѣжденію, что отвѣты даже великихъ людей могутъ быть недостаточными.

Довольно долго, подъ вліяніемъ представленія о неизмѣнности первоначально-созданныхъ формъ, думали видѣть самыя формы взрослаго животнаго въ зародышѣ и въ яйцѣ, но, наконецъ, восторжествовало въ ученомъ мірѣ представленіе такъ называемаго *эпигенезиса*, т. е. представленіе развитія сложнаго строенія изъ простого, дифференцированія однороднаго въ разнородное. Всякая форма всякаго отдѣльнаго существа получила для естествоиспытателя смыслъ одной изъ ступеней ряда постепеннаго морфологическаго развитія этого существа. Этотъ смыслъ имѣлъ удобство подходить подъ механическое міросозерцаніе, восходившее къ Демокриту и укрѣпленное Декартомъ и Ньютономъ. Возникъ вопросъ о томъ, нельзя ли оставить возможно менѣе мѣста въ природѣ грубоватымъ отвѣтамъ великаго Линнея и великаго Кювье, и дать возможно болѣе мѣста представленію естественнаго развитія, подобно тому, какъ въ спиритуалистическомъ міросозерцаніи Декарта собственно духу, громко восклицающему: «я мыслю, слѣдовательно я есмь!» было оставлено очень маленькое мѣсто въ механическомъ мірѣ автоматовъ, и какъ первоначальному «толчку» въ механизмѣ движущихся міровъ Ньютона предоставлено лишь одно мгновеніе. Сравненіе типовъ развитія организмовъ показало, что въ каждомъ типѣ, рядомъ съ различіемъ на высшихъ ступеняхъ, представляется странное сходство на низшихъ, при чемъ къ тому же зародышныя формы высшаго существа выказываютъ поразительное общее сходство съ зрѣлыми формами низшихъ. Нельзя было не спросить: какой смыслъ этихъ аналогій? А тутъ еще оказывалось, что органы весьма различные по физіологической роли суть видоизмѣненія одного и того же плана строенія; но что означали эти сходства и различія? Далѣе: органы какъ бы недоразвитые, или атрофированные, во всякомъ случаѣ не имѣющіе видимой функціи у однихъ животныхъ, были наблюдаемы въ другихъ, весьма отдаленныхъ иногда группахъ, какъ имѣющіе весьма опредѣленное отправленіе и важные для жизни; и опять возникалъ вопросъ: какъ объяснить этотъ фактъ? Наконецъ, чѣмъ богаче становился матеріалъ палеонтологіи и чѣмъ точнѣе изучалось географическое распредѣленіе организмовъ, тѣмъ болѣе накоплялись и сходства и различія между организмами, раздѣленными громадными геологическими періодами во времени, или обширными разстояніями въ пространствѣ; факты приходилось признать, но каковъ былъ ихъ смыслъ?—Невольно возникала

новая задача: нельзя ли всѣ эти размножающіеся вопросы разрѣшить на основаніи представленія развитія? Нельзя ли найти законъ развитія всѣхъ органическихъ формъ, различая ихъ лишь по ихъ мѣсту въ обширномъ процессѣ генезиса всего живого, характеризуя ихъ отличительные признаки какъ указанія этого мѣста?

Но тогда приходилось искать еще и причину самого процесса развитія, на который въ отдѣльномъ существѣ привыкли смотрѣть какъ на нѣчто само собою разумѣющееся, но который въ сущности былъ загадоченъ и здѣсь, а тѣмъ болѣе во всей совокупности организмовъ. Ламаркъ и Тревиранусъ попробовали въ самомъ началѣ вѣка угадать этотъ процессъ въ его законахъ и въ его причинахъ, но данныя морфологическія были еще недостаточны, эмбріологія должна была еще четверть вѣка ожидать Бэра, и геніальный эмпиризмъ Кювье съ его ясными и ограниченными вопросами подавлялъ всякую широкую постановку задачи, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ нимъ Окенъ доставлялъ весьма достаточныя доказательства крайностей, до которыхъ можетъ дойти слишкомъ широкая фантазія въ естествознаніи, а геологическія теоріи давали слишкомъ короткіе періоды для трансформизма видовъ. Но еще при жизни Кювье труды Ляйеля одновременно устранили теорію внезапныхъ и громадныхъ геологическихъ катастрофъ и придали геологическимъ періодамъ громадную величину. Окаменѣлое понятіе неизмѣннаго вида подвергалось ряду нападеній. Высказывались, какъ догадки, представленія борьбы за существованіе и естественнаго подбора, какъ причины развитія видовъ. Ровно двадцать лѣтъ послѣ смерти Кювье, Гербертъ Спенсеръ давалъ философскую теорію эволюціи органическихъ существъ. Чрезъ семь лѣтъ послѣ этого, появилась книга Дарвина во всемъ вооруженіи самой строгой фактической науки и самой неумолимой, но спокойной аргументаціи. Съ тѣхъ поръ не прошло четверти вѣка. Извѣстіе о смерти геніальнѣйшаго естествоиспытателя XIX вѣка, а можетъ быть и всѣхъ вѣковъ, только что появилось въ газетахъ когда писались послѣднія строки. Но побѣда новаго пониманія формъ органическаго міра надъ старымъ уже одержана. Всѣ молодые естествоиспытатели, достойные названія ученыхъ—трансформисты, хотя иные изъ нихъ и отходятъ въ разныхъ частностяхъ отъ воззрѣній Дарвина. Къ трансформистамъ приступили лучшіе изъ представителей стараго періода естествознанія (какъ Ляйель), отказавшись отъ взглядовъ, которые защищали въ продолженіи долгаго времени. Послѣдній недавно умершій знаменитый против-

никъ трансформизма, Луи Агассисъ, задолго до смерти долженъ былъ сознаться, что новое ученіе побѣждаетъ. Современная наука, какъ недавно выразился Рэй Ланкэстеръ, ставитъ себѣ «основною задачею и для зоологіи, и для біологіи—найти родственную близость (cousinships) и точныя генетическія степени родства всѣхъ различныхъ растеній и животныхъ и показать, какимъ спеціальнымъ способомъ физико-механическія причины дали начало формамъ живыхъ существъ и видоизмѣнили эти формы». Классификація организмовъ съ ея процессомъ различенія и отличенія оказывается задачею возстановленія «генеалогическаго древа» организмовъ.

Само собою разумѣется, что при этомъ интересное мѣсто общихъ предковъ для сложныхъ типовъ позвоночныхъ, членистыхъ и моллюсковъ заняли именно низшія животныя. Но эти простѣйшія формы получили, вскорѣ послѣ работъ Ф. Бэра, еще иное весьма важное значеніе. Тѣло всѣхъ организмовъ оказалось совокупностью одной и той же простой органической формы, именно клѣточки, для которой впослѣдствіи нашлось и еще болѣе элементарное основаніе, та живая слизь, которую провидѣла фантазія Окена, современная *протоплазма*. А чѣмъ далѣе шли изслѣдованія въ области «червей» Линнея, «лучистыхъ животныхъ» Кювье, тѣмъ ближе подходили простѣйшія изъ ихъ неисчислимыхъ формъ къ элементарнымъ клѣточкамъ, изъ которыхъ состоялъ и дубъ, и человѣкъ, къ комку протоплазмы, которая *одна* жила во всѣхъ живыхъ существахъ. Что такое были эти странныя корненожки, изъ отложеній которыхъ строились материки и которыя сами не имѣли ни одного обособленнаго органа? Какое отношеніе имѣли амэбы, открытыя около средины нашего вѣка, къ элементамъ, входящимъ въ составъ мозга человѣка, къ кровяннымъ шарикамъ, путешествующимъ по его артеріямъ и венамъ, къ яйцу, изъ котораго онъ развивается и которое такъ похоже на низшее животное? Ужь не живутъ ли самостоятельно въ человѣкѣ всѣ элементы его тѣла, какъ живетъ въ лужѣ отдѣльная амэба или инфузорія? Не есть ли человѣкъ фиктивное цѣлое, въ дѣйствительности же общественный союзъ микроскопическихъ существъ, изъ которыхъ каждое стремится къ своимъ особеннымъ цѣлямъ, удовлетворяетъ своимъ особеннымъ потребностямъ? Не приходится ли признать первыми обществами всѣ сложные организмы, первыми гражданами—клѣточки и выводить законы обществознанія изъ сравненія всѣхъ членовъ ряда, послѣдними наблюдаемыми членами котораго были бы дѣятели нашихъ биржъ, парламентовъ, ученыхъ обществъ, а

первыми—комочки протоплазмы, раздѣляющіе между собою трудъ добыванія пищи, ея перевариванія и трудъ размноженія? Гдѣ въ этомъ длинномъ ряду солидарныхъ союзовъ начинается между членами союза солидарность сознательная, и до которыхъ поръ доходитъ лишь результатъ механическаго взаимодѣйствія? Если процессъ сознанія въ той или другой формѣ и степени придется признать за элементарными организмами, входящими въ составъ человѣка, попугая или муравья, то въ какомъ отношеніи находятся психическіе процессы этихъ царей и аристократовъ созданія къ психическимъ процессамъ элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ? Не развились ли сами психическіе процессы въ членахъ всѣхъ союзовъ живыхъ существъ, какъ результатъ общежитія, и не зависятъ ли законы психологіи отъ формы общенія? Но если болѣе тщательное изученіе низшихъ существъ заставляетъ искать первыя проявленія общежитія и сознанія среди этихъ низшихъ формъ жизни, то не придется ли пересмотрѣть самый основной вопросъ о зависимости между собою явленій жизни, сознанія и общежитія? Не придется ли совсѣмъ передѣлать систематическое распредѣленіе знаній, которыя мы привыкли группировать подъ особенными рубриками біологіи, психологіи и соціологіи?

Оказывается, что низшіе организмы, доставляющіе человѣку немало жизненныхъ хлопотъ, требуютъ не меньшей возни и тогда, когда онъ, для лучшаго господства надъ ними, собирается ихъ понять орудіемъ науки. Они заставляютъ его пересмотрѣть самыя основанія его науки.

3) Біологія, какъ отдѣльная наука.

Пріемъ различенія и отличенія, приложенный къ самымъ общимъ группамъ человѣческаго знанія, даетъ классификацію наукъ или самую обширную задачу человѣческой аналитической мысли. Надъ нею немало работалъ умъ человѣка, и въ первой половинѣ нашего столѣтія эта задача въ позитивизмѣ Огюста Конта, была даже отожествлена съ задачей философіи вообще. Одинъ изъ самыхъ могучихъ мыслителей своей эпохи, Огюстъ Контъ установилъ отличительные признаки позитивнаго или критическаго мышленія отъ мышленія метафизическаго, въ области критическаго мышленія различилъ области мысли теоретической или научной и прикладной или технической, и по-

ставилъ для философіи своего времени требованіе исключительно систематизировать продукты научной мысли. Затѣмъ, въ самой сферѣ теоретической мысли онъ принялъ за точку исхода различіе наукъ, которыя онъ назвалъ *конкретными* и которыя имѣютъ своимъ объектомъ предметы, отъ наукъ, изслѣдующихъ законы явленій, и названныхъ имъ *абстрактными*. Въ этихъ послѣднихъ онъ установилъ свою извѣстную іерархію шести наукъ, расположенныхъ въ рядъ по убывающей общности и по растущей сложности, именно въ слѣдующій рядъ: математика, физика, астрономія, химія, біологія и соціологія, особенно напирая на то, что соціологія должна быть внесена въ этотъ рядъ, какъ самостоятельная и равноправная другимъ наука.

Конечно, различные элементы построенія учителя позитивизма имѣли весьма различное значеніе. Его противоположеніе научной сферы мышленія сферамъ метафизической и технической мысли, повидомому, останется надолго существеннымъ пріобрѣтеніемъ человѣческаго ума. Научная философія нашего времени въ разныхъ своихъ школахъ ставитъ свою задачу весьма близко къ задачѣ контовскаго позитивизма. Мы видѣли выше, что дезидерата научной философіи есть объединенная «научная система достовѣрныхъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ и гадательныхъ положеній о теоретической истинѣ и практической справедливости», но преобладаніе въ этомъ построеніи научнаго элемента и строгое требованіе установленія относительной степени вѣроятности всѣхъ гипотетическихъ элементовъ, никогда не имѣющихъ права противорѣчить элементамъ научнымъ, сохраняетъ крѣпкую связь всѣхъ отраслей современной научной философіи съ позитивизмомъ. Въ классификаціи, установленной Огюстомъ Контомъ въ самой сферѣ научной мысли, опять-таки придется придать совсѣмъ иное значеніе *порядку*, установленному Контомъ для научныхъ задачъ, и *рубрикамъ*, въ которыя онъ воплотилъ этотъ порядокъ. Порядокъ задачъ, указанный Контомъ, останется, по всей вѣроятности, надолго основаніемъ научнаго пониманія вещей человѣкомъ: понятія математическія останутся почвою, безъ которой понятія механическихъ и физическихъ свойствъ, общихъ всѣмъ тѣламъ, были бы невозможны; пониманіе законовъ химическаго разнообразія и химическихъ совокупленій и разложеній останутся промежуточнымъ звеномъ между механическимъ пониманіемъ міра и научнымъ изслѣдованіемъ явленій жизни; процессъ развитія человѣческихъ обществъ, живущихъ историческою жизнью, останется послѣднимъ звеномъ въ рядѣ тѣхъ явленій и процессовъ, которые входятъ въ область

познаваемаго. Но совсѣмъ иное дѣло — сохраненіе знаменитыхъ шести рубрикъ Конта въ ихъ неприкосновенности. Современные позитивисты, по ихъ словамъ («La Phil. Pos.», 1880. Mai-Juin, 345—347), придаютъ особенную «важность» всему, «что касается вопросовъ классификаціи знанія», тщательно «помѣщаютъ на свое мѣсто всякое ученіе, которое стремится образовать независимую науку» и признаютъ «прежде всего задачею философіи— классифицировать и внести въ систему разныя области знанія». Это все очень хорошо, хотя и съуживаетъ задачу философской мысли; но, при этомъ ревностнымъ ученикамъ Ог. Конта не худо бы помнить и надлежащимъ образомъ обдумать слова своего учителя: «Разграниченія, устанавливаемыя нами между нашими науками—искуственны по самой своей сущности. Въ дѣйствительности предметъ нашихъ изслѣдованій единъ; мы его подраздѣляемъ лишь съ цѣлью раздѣлить встрѣчающіяся затрудненія, чтобы ихъ удобнѣе разрѣшить». «Раздѣленія, которыя сами собою вошли въ систему наукъ, могли быть обусловлены лишь испытываемымъ въ продолженіи значительнаго времени сознаніемъ истинныхъ потребностей человѣческаго ума». Отсюда слѣдуетъ, что «истинныя потребности человѣческаго ума», если только онѣ развиваются, неизбѣжно должны «обусловливать» иное «раздѣленіе» научныхъ рубрикъ, которое и «войдетъ само собою въ систему наукъ», и этому, по мнѣнію самаго Конта, не слѣдовало бы придавать особенной «важности», такъ какъ всѣ «разграниченія, установленныя между науками», все-таки остаются «искуственны по самой своей сущности», имѣя въ виду лишь практическую цѣль: удобнѣйшее разрѣшеніе встрѣчающихся затрудненій.

По этому поводу позволю себѣ цитировать страницу изъ предисловія къ недавно вышедшему русскому переводу антропологіи Тэйлора.

«Всякая новая наука возникаетъ изъ требованій *жизни*. Опредѣленный кругъ задачъ обособляется *практически*, какъ взаимнообусловливающія другъ друга данныя. Этими задачами занимаются, потому что онѣ *нужны*, а вовсе не потому, чтобы онѣ лежали въ *идеѣ* предмета. Потомъ эти задачи раздѣляются на группы, для легчайшаго разбора ихъ, но еще вовсе не для болѣе яснаго пониманія ихъ теоретической зависимости. И уже впослѣдствіи, когда, какъ результатъ ряда работъ, связь между разсматриваемыми задачами установилась сама собою, приступаютъ къ раціональному распредѣленію науки на части, выдѣляя то, что составляетъ лишь вспомогательный элементъ, заим-

стованный изъ иной области, и то, что относится къ приложенію науки, а не къ ея сущности; приступаютъ въ то же время къ разграниченію обособляющейся науки съ другими уже установившимися и къ установкѣ ея отношеній къ этимъ наукамъ. Но рядомъ съ подобнымъ естественнымъ ростомъ науки, идетъ работа логической и систематической мысли, устанавливающая— во имя сходства и различія, подчиненія и зависимости понятій— рубрики отдѣловъ, которые, можетъ быть, никогда не будутъ обособлены практически, сближаетъ въ одну отрасль работы ученыхъ, употребляющихъ совершенно различные методы, и ставитъ будущему задачи, надъ которыми иногда смѣются современники, но въ которыхъ потомки найдутъ, можетъ быть, замѣчательное предугадываніе ихъ работы мысли. Къ этимъ двумъ задачамъ систематики присоединяется болѣе скромная, но имѣющая весьма важное значеніе работа педагоговъ, располагающихъ отдѣлы знанія въ томъ порядкѣ, который наиболѣе доступенъ развивающемуся уму, всего проще ведетъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ элементарныхъ данныхъ къ сферамъ, требующимъ работы мысли, предполагающей въ послѣдней болѣе упражненія и опытности. Задача раціональной систематики наукъ заключается въ группировкѣ, которая беретъ въ соображеніе всѣ эти три отрасли развитія мысли для данной эпохи. Ея дѣло — въ каждую минуту согласить наилучшимъ образомъ для «разрѣшенія затрудненій» мысли, реальное распредѣленіе ученыхъ занятій съ требованіями логическаго и систематическаго мышленія и съ задачами педагогіи. Предположить, что мы можемъ найти безусловно-истинное и разъ навсегда установленное распредѣленіе всѣхъ отдѣловъ знанія, значитъ допустить, что мы достигли предѣловъ послѣдняго, что работа научной мысли остановилась. Отдѣлы науки и цѣлыя науки измѣняютъ свое значеніе для «единой науки», о которой и говорилъ Огюстъ Контъ, смотря по ихъ различному росту и различной разработкѣ, смотря по энергіи работы философской мысли, смотря по искуству дидактики. Они то выдѣляются какъ отдѣльныя систематическія особи, то сближаются въ группы; то приближаются къ логическому построенію, то удаляются отъ него; по временамъ располагаются то подъ вліяніемъ педагогическаго, то историческаго, то философскаго принципа. Если ученые различныхъ отраслей не имѣютъ ничего общаго въ своихъ работахъ, то какъ ни были бы близки логически понятія о предметахъ ихъ занятій, изъ этихъ предметовъ можно составить одну науку лишь на бумагѣ, и образованіе подобной науки можетъ развѣ только уяснить фи-

лософское пониманіе предмета для будущаго, но для настоящаго расширенія и углубленія точныхъ знаній въ данной области никакого значенія имѣть не будетъ. Въ свою очередь, совершенное пренебреженіе логическими требованіями различенія разнороднаго и сближенія сходнаго можетъ имѣть вредное вліяніе для данной научной области въ двухъ отношеніяхъ: при отсутствіи строгаго обзора подраздѣленій иные немаловажные вопросы могутъ долго не привлечь вниманія спеціалистовъ, тогда какъ ихъ рѣшеніе можетъ имѣть вліяніе на общее развитіе всей научной области; при отсутствіи философской разработки даннаго отдѣла науки, его мѣсто въ общемъ строѣ человѣческой мысли можетъ быть очень неяснымъ для неспеціалистовъ, вслѣдствіе чего сочувствіе общества къ этого рода занятіямъ должно быть слабымъ, связь науки съ жизнью въ этой области не можетъ усилиться, развитыхъ умовъ будетъ къ ней привлечено меньше, и дѣятели на ней рискуютъ впасть въ мелочную спеціализацію, въ рутину, и выйти изъ общаго движенія современной имъ цивилизаціи» (стран. XIX—XX).

Съ этой точки зрѣнія всѣ рубрики Конта требуютъ постояннаго пересмотра, что̀ нисколько не потрясаетъ значенія ни общихъ философскихъ началъ позитивизма, ни даже той общей іерархіи научныхъ понятій, которую установилъ Контъ. Въ то время, какъ онъ выработывалъ свою классификацію наукъ, она могла быть вообще самой лучшей; могла точнѣе другихъ удовлетворить самымъ насущнымъ потребностямъ человѣческаго ума или отступать отъ нихъ не особенно значительно (вопросъ, которымъ заняться здѣсь было бы совсѣмъ не кстати), но въ полвѣка, съ тѣхъ поръ прошедшіе, и научная и философская мысль работали на столько, что весьма сомнительно, чтобы рубрики Конта могли остаться такою неприкосновенною святынею, какою ихъ считаютъ нынѣшніе эпигоны позитивизма. Надо впрочемъ сознаться, что классификація наукъ, предложенная представителями другихъ школъ, нетолько не представляетъ лучшаго пониманія современныхъ потребностей человѣческаго ума, но безспорно менѣе удовлетворительна, чѣмъ рядъ Конта. Упомянемъ только о двухъ попыткахъ, вышедшихъ изъ двухъ различныхъ, но весьма замѣтныхъ отраслей современной научной философіи. Глава философіи эволюціи, Гербертъ Спенсеръ, посвятилъ особый трудъ классификаціи наукъ съ прямою цѣлью противопоставить ее ряду шести рубрикъ Конта. Не говоря о крайней сложности этой классификаціи и о томъ, что въ ней не видно даже слѣда мысли, что существующія научныя единицы могутъ быть,

вслѣдствіе новыхъ «потребностей человѣческаго ума», разложены на элементы, которые сгруппируются иначе, достаточно указать на два обстоятельства: во-первыхъ, философъ эволюціи составилъ классификацію наукъ совершенно независимую ото того самаго принципа, который онъ положилъ въ основаніе своей философіи; во-вторыхъ, онъ начертилъ и частью выполнилъ планъ систематическаго труда, элементы котораго (біологія, психологія, соціологія, этика) нетолько не составляютъ главныхъ рубрикъ его классификаціи, но играютъ въ ней совершенно различныя роли [1]. Мнѣ кажется, что авторъ, осудившій практически самъ такъ рѣшительно свою собственную классификацію, имѣетъ мало права на то, чтобы другіе мыслители отнеслись къ ней серьёзно. Другая попытка вышла изъ лагеря молодыхъ нѣмецкихъ мыслителей, группирующихся около журнала Авенаріуса (Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie) и разработывающихъ научную философію преимущественно съ точки зрѣнія «теоріи познанія». Въ первой книжкѣ второго тома (1878 г.) Бэнно Эрдманъ изложилъ свой взглядъ на «Расчлененіе науки». Предоставляю читателю самому посмотрѣть, что̀ это такое, но приходится сознаться, что въ этой молодой и многообѣщающей школѣ не мало осталось книжнаго, схоластическаго, рутиннаго элемента, который, при замѣчательныхъ частныхъ трудахъ ея членовъ въ избранной ими области, столько же мѣшаетъ этой школѣ внести новую жизнь въ классификацію наукъ, сколько мѣшаетъ современнымъ эпигонамъ позитивизма высвободиться изъ схоластики рубрикъ и терминовъ Конта, имѣвшихъ важный смыслъ въ его трудахъ, но потерявшихъ теперь всякую жизненность. Несостоятельность работъ этого рода въ школахъ, для которыхъ классификація въ области мысли не составляетъ существенной задачи, ни сколько не избавляетъ мыслителей, придающихъ именно этому вопросу важность, отъ обязанности рѣшить его на основаніи именно *настоящихъ* потребностей человѣческаго ума.

Я буду здѣсь говорить лишь о біологіи, такъ какъ установленіе ея объема и границъ охватываетъ цѣлую группу вопросовъ, касающихся и всѣхъ наукъ ей сопредѣльныхъ. «На вопросъ о понятіи и значеніи какой-либо отдѣльной науки, гово-

---

[1] Въ таблицѣ III, приложенной къ брошюрѣ Герберта Спенсера: «The Classification of the Sciences» (3-е изд. 1871, есть русскій переводъ), и заключающей науки *конкретныя* (по его наменклатурѣ), *біологія* составляетъ подраздѣленіе 5-го порядка, въ нее *психологія* входитъ какъ одна изъ рубрикъ второго порядка, и точно также *соціологія* представляетъ одно изъ вторичныхъ дѣленій психологіи.

ритъ совершенно вѣрно Эрдманъ, котораго мнѣ только-что пришлось осудить: — можно отвѣтить лишь путемъ попытки систематически группировать всю область знанія».

Когда Ог. Контъ устанавливалъ свой рядъ наукъ, органическая химія была совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ теперь, а синтетическія работы въ ней, можно сказать, еще не существовали. Между неорганическимъ и органическимъ веществомъ существовала весьма опредѣленная граница, которую переступить можно было лишь при помощи фантазіи или смѣлой угадки. Вѣрующихъ въ «жизненную силу» могли обвинять въ метафизической терминологіи, но если употребляемый ими терминъ принимался лишь въ смыслѣ формулы, обозначающей совершенно особую область изслѣдованій, ему трудно было противупоставить особенно убѣдительныя возраженія. Въ настоящее время послѣдовательное и тщательное разсмотрѣніе состава, формы и отправленій живого вещества сравнительно съ неживымъ, указываетъ въ первомъ нѣкоторыя характеристическія особенности, но, въ тоже время, доказываетъ и полную невозможность провести въ какомъ бы то ни было отношеніи рѣзкую черту, раздѣляющую живой міръ отъ неживого. «Совокупность всѣхъ извѣстныхъ результатовъ опыта, писалъ Геккель еще въ первомъ своемъ обширномъ трудѣ:—ведетъ насъ къ убѣжденію, что различія между организмами и неорганизованными существовами лишь относительны, именно основаны на большей сложности химическаго состава, углеродныхъ соединеній, и что вещество тамъ и здѣсь подлежитъ тѣмъ же законамъ естественной необходимости». На конгрессахъ ученыхъ громко было заявлено, что «пала преграда между физикою и физіологіею, между неорганической и органической природою». Біологи, наиболѣе напирающіе въ наше время на особенность *явленій* жизни, признаютъ, что эта преграда разрушена между органическими и минеральными комбинаціями. Мнѣніе о невозможности провести рѣзкую границу между неорганическимъ и органическимъ міромъ вообще такъ распространено, что цитатами подобнаго рода можно наполнить цѣлыя страницы. Такимъ образомъ граница между біологіей и предшествующими ей членами ряда Ог. Конта сдѣлалась для человѣческой мысли далеко не столь опредѣленною, какъ была, и весьма возможно, что здѣсь въ скоромъ времени образуется особая промежуточная область между химіей и біологіей. Впрочемъ, эта нижняя граница біологіи представляетъ еще наиболѣе отдаленный изъ систематическихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ новыми работами въ этой области.

Ог. Контъ, именно въ сферѣ органическихъ явленій, взялъ примѣръ рѣзкаго отличія конкретной области науки отъ абстрактной, противуполагая ботанику и зоологію общей физіологіи. И онъ былъ правъ, такъ какъ, за исключеніемъ небольшой группы работъ, относившихся болѣе къ эмбріологіи — да и то лишь къ высшимъ животнымъ формамъ—зоологическія работы его времени были поглощены описаніями и установленіями новыхъ видовъ. Но теперь, относительное значеніе работъ, направленныхъ на обособленіе новыхъ формъ, на «опредѣленіе способа существованія каждаго живого тѣла въ частности» (какъ выражался Контъ для конкретныхъ біологическихъ наукъ), совершенно уступили задачѣ, которую онъ самъ считалъ главною задачею біологіи, именно задачѣ «сравненія всѣхъ организмовъ біологическаго ряда». Даже болѣе: формы отдѣльнаго существа для современнаго зоолога имѣютъ смыслъ *только* какъ элементъ въ ряду гомологій и аналогій, связывающихъ какъ близкія, такъ и самыя отдаленныя между собою группы существъ. Дѣло не въ томъ, чтобы приступить къ теоріи трансформизма (хотя всѣ неокаменѣлые зоологи приступили къ ней), но въ томъ, чтобы всѣ формы организмовъ внести въ возможно меньшее число рядовъ возможно близкихъ между собою членовъ, такъ чтобы эти ряды вполнѣ уподоблялись ряду формъ, чрезъ которыя проходитъ одна и таже особь, развиваясь изъ элементарной клѣточки до того, что̀ мы называемъ состояніемъ ея зрѣлости. Современная морфологія, въ которую выработалась недавняя сравнительная анатомія, поглотила настолько содержаніе зоологіи, что въ послѣдней, внѣ морфологіи, почти ничего научнаго не остается. Конечно, можно сказать, что это все—расширеніе абстрактной науки, біологіи. Но тогда, во-первыхъ, конкретныя науки, долженствовавшія соотвѣтствовать біологіи, перестали существовать, да и въ самой біологіи дѣло идетъ уже не о противуположеніи «статическихъ» вопросовъ анатоміи «динамическимъ» вопросамъ физіологіи, а о противуположеніи законовъ *эволюціи* животныхъ формъ законамъ *повторяющихся явленій* жизненныхъ процессовъ. Потребности человѣческаго ума въ области изученія организмовъ на столько измѣнились, что прежнее раздѣленіе — вполнѣ законное—отдѣла конкретнаго изученія отъ абстрактнаго теперь совсѣмъ потеряло смыслъ и вся область требуетъ новой группировки [1].

---

[1] Группировку Гэксли, принятую имъ въ статьѣ «Biology» III тома девятаго изданія «Encyclopedia Britanica (1875), нельзя признать удовлетворитель-

Психологію Ог. Контъ цѣликомъ внесъ въ біологію, какъ физіологію нервной дѣятельности, при чемъ обрушился самымъ рѣзкимъ образомъ на исключительный пріемъ внутренняго наблюденія. Относительно неточности пріема внутренняго наблюденія согласны въ наше время всѣ изслѣдователи, заслуживающіе вниманія. Крайнее несовершенство результатовъ современной психологіи никѣмъ не оспаривается. Тому восемь лѣтъ, Люисъ говорилъ: «Психологіи все еще недостаетъ основныхъ данныхъ, необходимыхъ для того, чтобы она сдѣлалась наукой». Тому два года новый историкъ психологіи, Зибэкъ, говорилъ, что психологія только что теперь «начинаетъ выдѣляться изъ рамки философіи вообще, какъ другія науки выдѣлялись ранѣе ея». Но это не мѣшаетъ современнымъ изслѣдователямъ признать, что психическія явленія составляютъ, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ, особую область наблюденія, доступную только субъективному воспріятію той особи, въ которой процессъ совершается; что, конечно, самая громадная доля точныхъ результатовъ, пріобрѣтенныхъ наукою психическихъ явленій, пріобрѣтены ею путемъ изученія явленій объективно наблюдаемыхъ, *сопровождающихъ* психическіе процессы и позволяющихъ *умозаключать* о послѣднихъ; но что тѣмъ не менѣе, результаты, о которыхъ мы здѣсь умозаключаемъ, законы, которые мы здѣсь ищемъ, относятся окончательно къ области субъективныхъ фактовъ, которые тѣмъ самымъ, что они ускользаютъ отъ объективнаго наблюденія, составляютъ неизбѣжно совершенно особую область. Какъ бы ни мала была доля внутренняго, субъективнаго наблюденія и опыта въ психологіи, какъ наукѣ, сравнительно съ тѣмъ, что вноситъ въ нее изученіе объективно-наблюдаемыхъ фактовъ, и какъ ни была бы необходима для точнаго установленія первыхъ провѣрка ихъ вторыми, но эта небольшая доля субъективнаго элемента не можетъ быть исключена, составляетъ, въ дѣйствительности, весь смыслъ психологическаго изслѣдованія и тѣмъ самымъ указываетъ здѣсь на существованіе особаго рода научныхъ работъ. На этомъ пунктѣ высказались и самый раннія и самыя вѣскія возраженія противъ классификаціи Конта, именно со стороны мыслителей, всего ближе стоявшихъ къ позитивизму. Джонъ Стюартъ Милль,

---

ною.—Насколько требованія пересмотра систематики біологіи стали насущны, видно изъ того, что даже самый жалкій изъ современныхъ намъ учениковъ Конта, въ своемъ столь же жалкомъ трудѣ, изданномъ по русски и относящемся будто бы къ соціологіи, перенесъ зоологію и ботанику въ область абстрактной науки и даже «выразилъ удивленіе по поводу того, что эти науки были сочтены за конкретныя.»

Гербертъ Спенсеръ, до извѣстной степени Люисъ отстаивали обособленіе области психологіи, нисколько не отрицая впрочемъ зависимости психическихъ явленій отъ біологическихъ. Въ настоящее время едва ли подлежитъ сомнѣнію, что въ той или другой формѣ, психологія должна обособиться отъ біологіи нетолько такъ, какъ изученіе нервной системы въ физіологіи и анатоміи обособляется отъ изученія системъ кровеносныхъ сосудовъ, но гораздо радикальнѣе, образуя или отдѣлъ, спеціально посвященный субъективнымъ явленіямъ въ цѣломъ, преимущественно занятомъ изслѣдованіемъ объективныхъ данныхъ, или особое цѣлое.

Казалось, нужно было лишь дополненіе ряда, и совершенно естественно, въ промежутокъ между біологіею и соціологіею, помѣщали психологію. Но затрудненіе при этомъ оказалось гораздо значительнѣе.

Уже въ поздѣйшиях трудахъ Конта встрѣчаются смутныя указанія на то, что теорія аффективныхъ и интеллектуальныхъ процессовъ невозможна безъ установленія для нея основъ въ соціологіи. Люисъ самымъ опредѣленнымъ образомъ высказалъ, тому восемь лѣтъ, что умственная жизнь имѣетъ свой собственный источникъ: организмъ животнаго и организмъ общества. Такимъ образомъ, въ систематическомъ ряду группъ знаній, гдѣ всякая послѣдующая группа находитъ себѣ объясненіе въ предыдущихъ, весьма значительная доля того, что обыкновенно разсматривается теперь подъ общею рубрикою психологіи, требуетъ предварительнаго изслѣдованія нѣкоторыхъ истинъ и законовъ соціологіи.

Но, съ другой стороны, общество существуетъ реально лишь какъ солидарный союзъ личностей, имѣющій въ виду удовлетворять потребностямъ личностей, слѣдовательно, столь же невозможно, въ раціональномъ систематическомъ ряду группъ знанія, изучать законы соціологіи въ ихъ цѣломъ, независимо отъ пониманія потребностей личности, не беря въ соображеніе общественную среду, которая обусловливаетъ эти потребности и самое существованіе личности.

Очевидно, потребности человѣческаго ума не позволяютъ уже сохранить въ систематическомъ ряду психологію и соціологію, какъ два отдѣльныхъ цѣлыхъ, но требуютъ раздробленія ихъ на новыя самостоятельныя группы, которыя слѣдовали бы тому порядку ступеней эволюціи, въ которомъ простѣйшія психическія явленія возникаютъ какъ результатъ общежитія, обусловливаютъ своимъ существованіемъ новыя формы общежитія, которыя опять воздѣйствуютъ на психическіе процессы, пока, нако-

нецъ, та и другая сфера настолько укрѣпляются и получаютъ самостоятельность, что психическія явленія допускаютъ обособленное изслѣдованіе независимо отъ ихъ происхожденія, а общественная солидарность становится тоже опредѣленною идеею, требующею лишь логическаго анализа и развитія.

Но систематическія затрудненія распространяются и далѣе. Люисъ допускаетъ, что умственная жизнь человѣка отличается отъ умственной жизни животныхъ «символическою рѣчью» или «логикою знаковъ», которая есть одновременно и причина и результатъ цивилизаціи. Но и въ умственной жизни животныхъ есть ступени. Умственная жизнь позвоночныхъ, членистыхъ и моллюсковъ въ ихъ формахъ съ лучше развитою нервною системою значительно разнится по степени отъ жизни ихъ сродниковъ, не столь хорошо развитыхъ. И тутъ формы общежитія могли играть весьма значительную роль нетолько какъ результатъ, но и какъ причина. Въ группахъ, не выработавшихъ высшаго нервнаго типа, сознательныя или полусознательная жизнь еще слабѣе, но она есть. Позволительно заключить по аналогіи, что и здѣсь ея фазисы, самая выработка нервной системы могли быть результатами общенія болѣе или менѣе самостоятельныхъ элементовъ и были обусловлены формами этого общенія. Развитіе формъ животнаго организма, точно такъ же какъ самыя элементарныя проявленія его психической жизни, оказываются, такимъ образомъ, въ тѣсной связи съ простѣйшими форами общенія существъ или органическихъ элементовъ. Передъ нами рядъ морфологическихъ и физіологическихъ задачъ, восходящій отъ задачи о группировкѣ клѣточекъ въ простѣйшее многоклѣточное животное или въ яйцо высшаго животнаго, которыя не имѣютъ ни обособленныхъ органовъ, ни дифференцированныхъ отправленій, но живутъ, до задачи о разнообразныхъ органахъ и функціяхъ сложной колоніи клѣточекъ и зоонитовъ (элементарныхъ животныхъ), которая питается, размножается, страдаетъ, желаетъ и расчитываетъ какъ обособленная оса или собака. Предъ нами другой рядъ психологическихъ задачъ и постепенно усложняющихся и уясняющихся субъективныхъ процессовъ, отъ простого уклоненія отъ боли и расчитаннаго движенія для захвата пищи, до мысли Шекспира, Дарвина, Оуэна. Предъ нами третій рядъ задачъ, относящихся къ явленіямъ общенія живыхъ существъ: это сначала лишь сохраненіе связи между нѣсколькими элементарными монерами и смутное для насъ ихъ взаимодѣйствіе; это потомъ, колоніи жгучекъ, гдѣ остается сомнительнымъ, насколько здѣсь *одна*

особь распалась на органы почти совсѣмъ самостоятельные, или собраніе особей довело раздѣленіе физіологической работы до крайности; это далѣе линейныя колоніи червей, гдѣ члены колоній сохраняютъ особые органы, даже особые глаза, или двѣ головы спорятъ за первенство; это, наконецъ, безспорныя общества муравьевъ, пчелъ, журавлей, людей, причемъ изученіе обществъ послѣднихъ усложняется еще историческою эволюціею общественныхъ формъ. И эти три ряда задачъ возникаютъ вмѣстѣ, представляютъ сначала параллельные и тѣсно зависимые одинъ отъ другого процессы эволюціи, и лишь на высшихъ ступеняхъ обособляются такъ, что біологическія, психологическія и соціологическія задачи нетолько могутъ быть разсматриваемы особо, но становятся уже столь различны, что для тѣхъ, кто привыкъ видѣть ихъ лишь на этихъ высшихъ ступеняхъ, кажется смѣшнымъ и педантичнымъ искать чего либо общаго въ процессахъ, образчикомъ которыхъ можетъ служить въ одномъ случаѣ выдѣленіе слюны, въ другомъ созданіи сикстинской мадонны, въ третьемъ — зависимость между спросомъ и предложеніемъ. Но на низшихъ ступеняхъ этихъ рядовъ не особенно легко разрѣшить вопросъ: какова ихъ взаимная зависимость? Гдѣ морфологическое явленіе есть результатъ общенія элементовъ? и гдѣ форма общенія обусловлена формою элементовъ? Которое жизненное явленіе имѣло своимъ необходимымъ предшественникомъ болѣе или менѣе сознанную потребность, и которое психическое явленіе вызвано привычнымъ повтореніемъ механическаго процесса? Насколько, наконецъ, привычка и потребность особи выросли въ данномъ случаѣ изъ условій общежитія, безъ котораго особь и существовать не могла, и насколько формы общежитія обусловливались заранѣе развившимися потребностями и привычками особи?

Точка зрѣнія эволюціи, приложенная какъ къ высшимъ, такъ и къ самымъ элементарнымъ проявленіямъ жизни, сознанія и общенія, сдѣлала совершенно невозможнымъ въ будущемъ сохранить біологію, какъ цѣлое, отдѣльное отъ психологіи и соціологіи, точно также какъ не дозволяетъ отдѣлить эти послѣднія двѣ области цѣликомъ одну отъ другой. Есть *доли* біологіи, психологіи и соціологіи, которыя останутся дифференцированными одна отъ другой, но именно для того, чтобы это дифференцированіе было возможно, «потребности человѣческаго ума» обусловливаютъ образованіе новыхъ научныхъ группъ, въ которыхъ сольются нераздѣльно другія доли того, что теперь входитъ въ области, сохраняющія свои прежнія названія.

Въ посмертномъ томѣ послѣдняго труда Люиса авторъ вѣрно замѣтилъ: «Люди, занимающіеся философіею, должны были замѣтить, что въ самое послѣднее время, рядомъ съ распространеніемъ ученія объ эволюціи, образовалось сильное теченіе, которое грозитъ снести всѣ старинные пограничные столбы и вызвать необходимость новой классификаціи понятій». Пересмотръ классификаціи наукъ, ихъ раціональнаго раздѣленія и разграниченія составляетъ лишь вопросъ времени, такъ какъ привычныя группы перестали удовлетворять современнымъ задачамъ мысли.

Въ связи съ этимъ находится и крайнее затрудненіе, представляющееся изслѣдователямъ при установленіи основныхъ понятій жизни, мысли общества, понятій, которыя служатъ центральными пунктами для біологіи, психологіи и соціологіи.

Н.

(*Продолженіе впредь*).

БОРЬБА.

Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью..
Пушкинъ.

I.

— Захарычъ! позвонимъ, что ли?

Захарычъ свѣсилъ съ печи разутыя ноги и взглянулъ на рублевые часишки, громко тикавшіе среди невозмутимой тишины.

— Что же? Звони! чай, ужь много время-то...

Порфирій стукнулъ въ послѣдній разъ по готовому лаптю кочедыкомъ, накинулъ на плечи полушубокъ и вышелъ изъ сторожки. «Разъ! Два! Три! Десять», считалъ онъ шепотомъ, дергая веревку, привязанную къ «подзвонному» колоколу. Громкіе удары далеко разносились по неподвижному морозному воздуху, будя галокъ и голубей на колокольнѣ. «Одиннадцать!» Порфирій привязалъ веревку къ столбику ограды, прислушался къ гудѣнью еще не успокоившагося колокола, взглянулъ на звѣздное синее небо, зѣвнулъ, перекрестился и побрелъ въ сторожку, плотно закутавшись въ полушубокъ. «А у учителя еще свѣтъ, замѣтилъ онъ, укладываясь на лавкѣ: — читаетъ, сердешный! О-о-хо-хо! Царица небесная! кто къ чему приставленъ...»

Небольшой флигель, стоявшій прямо противъ церкви, дѣйствительно, былъ слабо освѣщенъ. Сальная свѣчка, воткнутая въ чугунный подсвѣчникъ, поминутно нагорала и оплывала, бросая на стѣны трепещущія тѣни. Тѣни эти то приближались къ столику, придвинутому къ окну, то удалялись въ темный уголъ, къ печкѣ. Повидимому, эта борьба свѣта съ тьмою очень интересовала молодого, лѣтъ двадцати, человѣка, съ широкимъ смир-

нымъ лицомъ и темными волнистыми волосами, сидѣвшаго у столика; по крайней мѣрѣ, онъ пристально глядѣлъ на стѣну прямо передъ собою, забывъ въ рукѣ перо, на которомъ ужь успѣли высохнуть чернила. Но вглядѣвшись внимательнѣе, вы увидѣли бы, что его совсѣмъ не занимаетъ ни нагорѣвшая свѣтильня, ни оплывшая свѣчка, ни тѣни. Черные глаза глядѣли тоскливо, а губы складывались въ скорбную улыбку; порой его какъ бы подергивало и онъ вслухъ шепталъ: «Господи, что за мерзость!» Въ эту позднюю пору, когда въ селѣ Болотномъ всѣ почивали мирнымъ сномъ, Николай Петровичъ Дубровинъ, мѣстный учитель, подъ вліяніемъ ничѣмъ ненарушаемой тишины, сводилъ счеты съ совѣстью, окидывалъ мысленнымъ окомъ пройденный путь, силился приподнять завѣсу будущаго. «Семь лѣтъ ужь вотъ учительствую, съ 13-ти лѣтъ тяну всю одну и ту же пѣсню. Тринадцатилѣтній кандидатъ въ учителя! Вспомнить безъ стыда не могу! Господи! какъ еще изъ меня кое-что вышло?» И передъ его глазами вставалъ рядъ картинъ, на губахъ появлялась знакомая уже намъ улыбка. Земство рѣшило открыть побольше училищъ, набрать учителей «числомъ поболѣе, цѣною подешевле», и смотритель уѣзднаго училища предложилъ кончившимъ курсъ поступать въ «кандидаты». Цѣлый годъ Дубровинъ и семеро другихъ юнцовъ, изъ которыхъ самому старшему было 16 лѣтъ, ходили въ приходское училище «практиковаться». Заниматься приходилось часъ или два въ день, но чего стоили эти уроки! Пятнадцати и шестнадцатилѣтніе парни, сидѣвшіе еще въ среднемъ отдѣленіи, поднимали такой гвалтъ, такъ немилосердно третировали «кандидатовъ», что учитель бросалъ графинъ, выходилъ изъ своей комнаты и собственноручно водворялъ порядокъ. «Чего вы смотрите? дуйте ихъ, мерзавцевъ!» — И кандидаты, дѣйствительно, начали дуть тѣхъ, кто былъ подъ силу. Въ поводахъ недостатка не было: какъ часто оскорблялось ихъ мелкое самолюбьице! Имъ хотѣлось, чтобы ихъ считали за большихъ; бывшіе Петьки и Ваньки превратились въ Петровъ Иванычей, Ивановъ Васильичей; вмѣсто «ты» употреблялось «вы», брюки носились на-выпускъ, но все это мало поднимало ихъ авторитетъ въ средѣ учениковъ. Часто даже ученики самонадѣянно вызывали кандидатовъ на бои, встрѣтившись гдѣ-нибудь на улицѣ. Къ счастію, Дубровинъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, былъ прикомандированъ къ сельскому училищу, находившемуся въ городѣ же. Съ деревенскими ребятами ладить было легче, и незачѣмъ стало прибѣгать къ потасовкамъ. На слѣдующій годъ, всѣ кандидаты поѣхали въ избранный городъ на лѣтніе курсы. Учителямъ земство, сверхъ жалованья, положило три рубля въ

недѣлю и прогоновъ на пару. Кандидатамъ дали прогоновъ на тройку, цѣлыхъ пятнадцать рублей, но больше ничего не дали. Кое-какъ дотащились они до губернскаго города, проѣхавъ 200 верстъ въ четверо сутокъ (ѣхали съ легкими возами). Гдѣ-то въ предмѣстьѣ разыскали они квартиру, по рублю съ человѣка въ мѣсяцъ. Вмѣстѣ съ ними поселилось и нѣсколько человѣкъ учителей, изъ семинаристовъ, убоявшихся бездны премудрости. Начались кутежи, ночныя похожденія, драки съ обходами, картежная игра, битье стеколъ. Не многіе не попали въ этотъ круговоротъ. Николая Петровича Богъ помиловалъ; онъ исполнялъ только мелкія порученія—бѣгалъ за водкой, закупалъ провизію, и вышелъ сравнительно чистымъ изъ омута бурсацкой разнузданной жизни. Вспомнитъ этотъ омутъ Николай Петровичъ и опять хватается за голову, опять шепчетъ: «Господи, что за мерзость!» Къ концу курсовъ онъ, однако, не выдержалъ и, подъ предлогомъ болѣзни, уѣхалъ съ обозомъ земляковъ. Въ сентябрѣ его назначили помощникомъ учителя съ мѣсячнымъ окладомъ въ 6 р. 25 к. На себя Николай Петровичъ тратилъ 3 рубля, а остальныя деньги отсылалъ матери. Приходилось сильно экономить: за хлѣбà и квартиру онъ платилъ 2 р. 50 к. Добросердечные хозяева-крестьяне считали это довольно выгодной цѣной и кормили Николая Петровича всѣмъ тѣмъ, чтò ѣли сами. Нельзя сказать, чтобы мясо часто являлось въ ихъ скромномъ menu; даже постное масло замѣнялось вчастýю коноплянымъ сокомъ, а иногда и его не было. На остальное Николай Петровичъ покупалъ осьмушку чаю и фунтъ сахару. Въ школѣ было около 80-ти человѣкъ. Учитель, добродушнѣйшій и общительнѣйшій человѣкъ, бóльшую часть дня проводилъ въ правленіи, и все дѣло легло на плечи Николая Петровича. Чтò могъ сдѣлать онъ съ такою массою? Все шло черезъ пень да колоду. Зубами заскрипѣлъ Николай Петровичъ, вспомнивъ этотъ періодъ своей жизни. Иногда онъ самъ, увлекшись какой-нибудь книгой, предоставлялъ учениковъ на цѣлые часы самимъ себѣ. Жилось ему сначала скучно. О сближеніи съ мѣстной интеллигенціей, т. е. попомъ, писарями и лавочникомъ, нечего было и думать: ему ли, оборванному мальчику, лѣзть въ хоромы съ крашенымъ поломъ и вѣнскими стульями! Народа онъ тоже дичился: какъ это онъ, *образованный*, станетъ возиться съ сиволапымъ мужичьемъ?! Онъ столько слышалъ о грубости этого мужичья, что представлялъ его чуть не звѣремъ, хотя отдѣльныя личности изъ этого «народа» казались ему симпатичными. Мало-по-малу онъ сблизился, однако, сначала съ своими квартирными хозяевами, а потомъ почти со всѣмъ селомъ, исключая старшины, старосты и дру-

того начальства, да и то потому, что они очень часто приставали къ нему съ просьбой «угостить», а угостить было нечѣмъ.

Время, проведенное въ Сосновкѣ, не пропало, значитъ, для него даромъ: онъ многому научился, много узналъ такого, что̀ не писано въ учебникахъ, а написано неизгладимыми чертами на страницахъ самой жизни. Одинъ фактъ особенно повліялъ на воспріимчивую душу Николая Петровича. Въ селѣ какъ-то часто стали пропадать утки. Вина сваливалась на лисицъ и хорьковъ, которыхъ въ той мѣстности водилось довольно много. Но скоро загадка разъяснилась. «Что̀ это изъ Софронова овина, ночитай, каждый день дымъ идетъ?» недоумѣвали «во едину изъ субботъ» крестьяне, возвращавшіеся съ пахоты: молотить ему нечего... Не пожаръ ли? Идемъ взглянуть!» Спустились въ овинъ и увидѣли слѣдующую картину: двое братьевъ-подпасковъ, сидя на корточкахъ, палили неощипанныхъ утокъ. «Что? аль ощипать полѣнились?» посмѣялся надъ ними Зубанковъ Никифоръ, у котораго распропала половина утокъ, и схватилъ ихъ за волосы. За волосы же привелъ онъ воришекъ къ старшинѣ. Старшина младшаго отпустилъ, оттаскавъ за волосы, а старшаго велѣлъ засадить въ холодную. На другой день, послѣ обѣдни, у церкви собралась куча народу. Николай Петровичъ протѣснился впередъ и увидѣлъ подпаска съ связанными назадъ руками; на шеѣ у него висѣли три полуизжаренныя утки. Отецъ стоялъ около него и *училъ*, тыкая сыну въ лицо утками. «Страмникъ ты, страмникъ! Эка, что вздумалъ! Людей ты не стыдишься! Вѣдь теперь на тебя пальцами всѣ будутъ указывать! А мнѣ-то, мнѣ-то каково? Эхъ, ты... Что вздум-а-алъ! Ахъ, ты! Ахъ, ты!» Старшина вцѣпился подпаску въ волосы. Около стоявшіе старики одобрительно покачивали головами. «Отецъ-мать не научили—добрые люди научатъ», приговаривали они съ мудрымъ видомъ. Послѣ старшины подошелъ староста, а затѣмъ подпаскомъ овладѣли хозяева пропавшихъ утокъ и съ торжествомъ повели по селу. Туча ребятишекъ, немилосердно галдя, въ припрыжку бѣжала впереди и сзади процессіи. Торопливо поднимались окна; изъ всѣхъ домовъ выходили новые и новые любопытные. Распоясанные ребятишки выскакивали съ огородовъ, бѣжали отъ рѣки и во все горло дѣлились мыслями. «Ва-а-нька! Игнашку ведутъ! съ утками!» сообщалъ какой-нибудь пузатый бѣловолосый мальчишка сосѣду по огороду, вставъ на плетень. Даже отъ кабака отхлынулъ народъ, такъ что цѣловальникъ сильно выругался и пожелалъ, чтобы Игнашка и съ утками провалился сквозь землю. Время отъ времени подходилъ отецъ и опять *училъ*.

— Василій! ты-то что еще присталъ? небось, и безъ тебя есть кому утками-то потыкать, не вытерпѣлъ Николай Петровичъ.

— Нельзя, милый! ахъ, нельзя! вѣдь подумаютъ, что и я съ нимъ вмѣстѣ, а я, вотъ Святъ Богъ, ни перышка не видалъ! и знать не зналъ такихъ дѣловъ! Охъ, батюшки мои! отвѣчалъ отецъ, задыхаясь отъ горя и усталости.

«Отчего съ Игнашкой такъ жестоко расправлялись? задалъ себѣ вопросъ Николай Петровичъ.—Отъ необразованности», рѣшилъ онъ, и устыдился самого себя. Что̀ же все это время дѣлалъ *онъ*, онъ, обязанный *просвѣщать* народъ? *Что̀* онъ дѣлалъ? Ничего! И Николай Петровичъ твердо рѣшился наверстать упущенное. Въ Сосновкѣ ему этого не удалось сдѣлать; зато въ Болотномъ, куда онъ былъ назначенъ на слѣдующій же годъ, онъ имѣлъ полную возможность очистить свою совѣсть. Пять лѣтъ, прошедшія съ тѣхъ поръ, не такъ мрачны. Николай Петровичъ ихъ не стыдится. Онъ дѣлалъ все, чтобы не получать даромъ 12½ рублей (теперь онъ состоитъ на самомъ высшемъ окладѣ—получаетъ ужъ 15 рублей). Съ каждымъ годомъ Николай Петровичъ все строже и строже относился къ своимъ обязанностямъ. «Да! надо учить нетолько дѣтей, но и всѣхъ, кто страдаетъ отъ темноты, отъ отсутствія знаній. «Сѣйте разумное, доброе, вѣчное! Сѣйте!» прошепталъ Николай Петровичъ, покончивъ съ прошлымъ.

Шипѣнье потухавшей свѣчки вывело его на минуту изъ раздумья. Восторженнымъ взглядомъ окинулъ онъ вымазанныя глиной стѣны, потрескавшуюся печку, грязный полъ и старыя парты. Стѣны раздвинулись передъ восторженнымъ взглядомъ, и передъ Николаемъ Петровичемъ появилась необозримая гладь полей и луговъ, съ копошащимся въ нихъ рабочимъ людомъ. Все выглядѣло весело и довольно. Кости обтянулись кожей. Зачинились прорѣхи. Спала съ умственныхъ очей слѣпота. Затворены кабаки. Школы процвѣтаютъ, и самъ Николай Петровичъ возится съ полсотней здоровыхъ, опрятно одѣтыхъ ребятишекъ въ чистыхъ, теплыхъ и свѣтлыхъ комнатахъ. — «Пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ», подумалъ онъ, совсѣмъ туша продолжавшую всхлипывать свѣчку и ощупью добираясь до постели.

Постель эта была не особенно удобна: въ углу, между шкафомъ и стѣною, стояли двѣ скамейки; днемъ на нихъ лежало верхнее платье учениковъ, а вечеромъ разстилался войлочекъ и клалась подушка. «Чисто монахъ ты, Николай Петровичъ, говорили ему крестьяне:—не пьешь ты, не куришь, да и спишь на голыхъ доскахъ».—«Вы же спите?»—«То мы, а то ты»...

II.

Громкій колокольный звонъ разбудилъ Николая Петровича рано утромъ. — «Что такое?» проговорилъ онъ въ раздумьѣ — «Да! сегодня воскресенье! Надо вставать—сейчасъ отъ заутрени придутъ». Въ самомъ дѣлѣ, едва Николай Петровичъ успѣлъ одѣться, какъ на крыльцѣ громко постучали щеколдой и масса народа хлынула въ «училищу». Масса эта состояла главнымъ образомъ изъ деревенскихъ, которымъ некуда было дѣваться между заутренней и обѣдней, но были и сельскіе старики, старухи и подростки. Гости, помолившись и поздоровавшись, чинно разсѣлись по скамьямъ. Тишина нарушалась только тихими внолголоса, разговорами стариковъ и легонькими вздохами. — «Холодно?» начинаетъ Николай Петровичъ разговоръ.—«Бѣ-ѣда, какой холодъ! Тебѣ вотъ, ладно въ теплѣ-то сидѣть!»—«Тоже! тепло! Духъ видно!» возражаетъ другой и дуетъ: паръ столбомъ идетъ изъ широко раскрытаго рта.—«Николай Петровичъ! почитай-ка намъ про бѣднаго Лазаря», вступилась въ разговоръ опрятно одѣтая старушка съ добрымъ морщинистымъ лицомъ. Николай Петровичъ прочиталъ и по-славянски, и по-русски. — «Такъ-то! Богъ видитъ, кто что̀ здѣсь дѣлаетъ! Не откупился! О-о-хо-хо! Что ни ступимъ, то согрѣшимъ!

Съ первыми ударами колокола всѣ поспѣшили къ обѣднѣ, исключая нѣсколькихъ старухъ, которымъ надо было написать поминанія. У каждой было что-нибудь припасено для «ученика» (такъ называли крестьяне Николая Петровича; учениковъ они называли «учельщиками»): одна доставала изъ-за пазухи пару яицъ, другая лепешку, третья несла тарелочку съ медомъ. Тщетно Николай Петровичъ отказывался. «А ты на-ко! на чужой сторонѣ живешь—ни жены, ни матери нѣту». — «Да меня за то Степановна хорошо кормитъ»... — «Ну! что̀ Степановна! а ты возьми-ка, скушай на здоровье»! Приходилось брать, хотя на другой день все это раздавалось ученикамъ въ видѣ наградъ за хорошіе отвѣты, потому что Николай Петровичъ въ самомъ дѣлѣ отлично ѣлъ и пилъ чай у цѣловальничихи за пять рублей.

Только ушли старухи, въ училище вошелъ повѣренный общества.—«Нарочно выждалъ, чтобы народъ ушелъ», замѣтилъ онъ, обирая съ большой сѣдой бороды сосульки и стряхивая рукавицами снѣгъ съ валеныхъ сапогъ. — «Вишь, дѣло-то какое, началъ онъ съ таинственнымъ видомъ:—только смотри—ни-ни-ни! Чтобы ни одна душа не знала!»—«Что, что такое?» — «Казен-

ную рощу знаешь?» —«Какъ не знать! лѣтомъ за ягодами хаживалъ».—«Ну, вотъ: оттягать ее хотимъ!» И Трофимъ съ торжествующимъ видомъ посмотрѣлъ на Николая Петровича. Николай Петровичъ покачалъ головой.—«Наврядъ!»—«Какъ наврядъ! вѣрное дѣло, я тебѣ говорю! Такъ ты, значитъ, прошенье намъ напиши — прямо къ министру, чтобы проволочки не было». — «Къ какому?»—«Къ министру — вотъ и все!» «Да вѣдь ихъ много». «Много?» Трофимъ впалъ въ раздумье.—«Надо къ тому, что казенными лѣсами завѣдываетъ. Такъ ты ужь напиши, пожалуйста»—«Не знаю, право, какъ... Не писалъ я такъ высоко-то... Вы бы лучше къ писарю». — «Ни-ни-ни! ни подъ какимъ видомъ! Чтобы они ни сномъ, ни духомъ, а то проку не будетъ. Потихоньку надо! Тебя всѣ старики просятъ. Мы ужь тебѣ заслужимъ, ей Богу, заслужимъ.»—Началось писанье прошенія. «Такъ! такъ! вотъ это такъ! А то поди къ писарямъ: они тебѣ языкомъ-то одно смелютъ, а напишутъ не такъ... А ужь ты не обманешь—не таковскій — пять лѣтъ у насъ живешь, а мы отъ тебя худого не видали». И Трофимъ вытащилъ рублевку. Отъ рублевки Николай Петровичъ отказался настрѣзъ.—«Ты лучше крыльцо у училища исправь—того и гляди, ребятишки ноги поломаютъ». — «Ну, ладно! ну, крыльцо! Вотъ какъ пообѣдаютъ работники, я ихъ сейчасъ же... Ты имъ ничего, смотри, не давай—это уже мое дѣло: я ихъ самъ угощу.»

На минуту рѣчь Трофима была заглушена веселымъ трезвономъ. Народъ хлынулъ изъ церкви. — «Ай-ай! всю обѣдню прокалякали! Такъ чтобы ни-ни! Помалчивай, а роща выйдетъ, мы тебя не забудемъ, Святъ Богъ, не забудемъ!»

— «Гость нà гость — хозяину радость!» прозвучалъ старческій тенорокъ, и въ училище, грузно переваливаясь, вошелъ о. Петръ. Старъ онъ былъ и тученъ. Тучность, при невысокомъ ростѣ, дѣлала его чрезвычайно похожимъ на боченокъ. Вдобавокъ, глаза о. Петра горѣли добродушно-лукаво и почти постоянно смѣялись, вызывая и другихъ на беззавѣтную веселость. Такимъ же добродушнымъ лукавствомъ вѣяло и отъ его жирового лица, съ носомъ въ видѣ луковки, и отъ глянцевитой лысины, и отъ коротенькой, жиденькой косички.—«Что? проспали обѣдню то? Эхъ вы!» упрекнулъ о. Петръ Николая Петровича, давая цѣловать Трофиму мясистую красную руку. — Забыли, какой день-то сегодня?»—«Какой, о. Петръ?»—«Святыя великомученицы Екатерины! На пирогъ пожалуйте!» раскланялся о. Петръ комично-торжественно:—моя дражайшая половина имянинница!»

— А я, было, въ самомъ дѣлѣ, позабылъ... Приду, непре-

мѣнно приду».—«То-то!» О. Петръ, самъ не зная, чему засмѣялся, порывисто тряхнулъ руку Николая Петровича и вышелъ, или, правильнѣе, вылѣзъ изъ училища.

О. Петръ былъ *старый* священникъ, выслужившійся изъ дьячковъ. Пройдя суровую школу нужды, онъ не гнушался никакой работой. Самъ пахалъ, сѣялъ, косилъ, жалъ и молотилъ. На рукахъ у него было не меньше мозолей, чѣмъ у любого мужика; да и всѣмъ складомъ своимъ онъ близко подходилъ къ мужику. — Часто, особенно лѣтомъ, сидя у открытаго окна, о. Петръ кричалъ на всю улицу. — «Максимъ! Максимъ! иди чай пить!» — «Да я, батюшко, недавно у тебя пилъ»... «Иди, знай! Чего еще ломаешься». — Максимъ, тщательно обтеревъ ноги, шелъ и поглощалъ нѣсколько чашекъ горячаго напитка, ведя неторопливую бесѣду про хлѣба, про покосъ. Если по улицѣ шелъ Иванъ, то батюшка зазываетъ и Ивана; если Петръ, то и Петра. Матушка часто даже гнѣвалась на о. Петра за такое хлѣбосольство. «И что̀ это, сколько ты всегда народу наведешь! Ты разочти—давно ли 12 фунтовъ купили? ужь весь». — «Ну, ну! ну, одна ней! ну, свиньямъ выливай! (о. Петръ былъ очень вспыльчивъ). Умрешь—въ го̀ловы положатъ! въ головы!» — «Ну вотъ: всегда такъ!» всхлипывала матушка, и дѣло кончалось водвореніемъ Ивана.

Съ матушкой о. Петръ ссорился вообще довольно часто, особенно изъ-за дѣтей. Дѣти учились въ губернскомъ городѣ и, какъ это свойственно многимъ молодымъ семинаристамъ, не любили беречь отцовскихъ денегъ. Но такъ какъ платье имъ шили дома, за хлѣба и квартиру отдавали деньги въ руки хозяевамъ, да сверхъ того давали деньги на мелочные расходы, то они каждый мѣсяцъ просили на сапоги. О. Петръ не могъ понять настоящей причины, отчего сапоги носились ровно мѣсяцъ, и въ простотѣ душевной думалъ, что его сынки изъ щегольства шьютъ очень тѣсные сапоги. — «Съ мыльцемъ, подлыя души!» разражался о. Петръ, получивъ слезное письмо, и, взявъ топоръ, отправлялся въ палисадникъ. — «Го-о!» затягивалъ онъ тоненькимъ теноркомъ и, не кончивъ, принимался безъ всякой нужды постукивать по кольямъ топорикомъ. — «Тимоѳей! Тимоѳей! подлыя-то души опять на сапоги просятъ!» взывалъ онъ къ какому-нибудь мужику, проходившему мимо. — «Что̀ батюшка, дѣлать? Дѣло молодое: на нихъ сапоги-то, какъ огонь горятъ... Вотъ я своему Васюткѣ—и то лаптей не наплесть».

«Нѣ-ѣтъ! Съ мыльцемъ подлыя души! съ мыльцемъ! Щеголяютъ!» — Значительно успокоеннымъ возвращался о. Петръ въ комнаты, но все-таки считалъ долгомъ побранить матушку.

— «Ты! ты, потатчица, виновата!»—Матушка молчала. Вечеромъ, подавая батюшкѣ стаканъ чаю, она робко спрашивала: «Когда же деньги-то отошлемъ?»—«Когда на базаръ поѣдешь, тогда и отошлемъ».—Вскорѣ оказывалось, что вышло все масло, что Наденькѣ надо купить платочекъ, что, вообще, необходимо ѣхать на базаръ—и деньги, вырученныя за хлѣбъ или лишнюю скотину, отсылались «на сапоги».

Несмотря на такія вспышки, старики очень любили другъ друга.—«Вотъ! заложили каряго въ корень! Разнесетъ на косогорѣ, непремѣнно разнесетъ!» говорилъ о. Петръ, поджидая изъ города запоздавшую матушку, и отправлялся въ палисадникъ.—«Позабудутъ его чаемъ напоить во̀ время, непремѣнно позабудутъ!» думала въ тоже время матушка. — «Говорила я тебѣ — не отдавай Гараськѣ овецъ, говорила! Двѣ овцы ужь пали, да еще три хворають», начинала она, вылѣзая изъ саней или тарантаса.—«Ну, сама держи! сама держи! гоняй ихъ въ стадо! гоняй сама! гоняй, дура!»—«Вотъ! тридцать лѣтъ за нимъ ухаживаю, ничего, окромя дуры, не выслужила!» вздыхала матушка сквозь слезы, а о. Петръ снова отправлялся въ палисадникъ. Черезъ полчаса они мирно попивали чаекъ, и матушка показывала купленныя обновки. О. Петру она всегда привозила пряничковъ, чтобы онъ не возмущался слишкомъ высокой цифрой денегъ, истраченныхъ на покупки. Деньги доставались о. Петру трудно. — «Очень ужь простъ онъ», жаловалась матушка другимъ матушкамъ. — Придетъ мужикъ! Сына говоритъ, хочу женить, да заплатить нечѣмъ.—И-и! говоритъ: вези, даромъ окрутимъ—потомъ заплатишь! А ужь за свадьбу ли не взять?»

III.

Николай Петровичъ попалъ къ о. Петру только вечеромъ: весь день писалъ письма. Только что собрался онъ идти, какъ столбъ пара хлынулъ въ отворенную дверь, и въ училище вошла семья Панфиловыхъ: старикъ, старуха, два сына съ женами и ребятишками, выданная дочь съ мужемъ.

— Мы къ тебѣ, Николай Петровичъ:—коли время слободно, напиши письмецо.

— Василью?

— Кому же больше? одинъ у насъ на чужой сторонѣ. День-

женокъ хотимъ къ празднику послать. Ты ужъ и бумажки поищи—въ лавочкѣ, слышь, нѣту.

Николай Петровичъ досталъ бумагу и конвертъ и усѣлся за столъ. Панфиловы размѣстились вокругъ него и съ напряженнымъ любопытствомъ начали слѣдить, какъ перо забѣгало по бумагѣ. Черезъ нѣсколько минутъ приступъ былъ написанъ. Николай Петровичъ зналъ ужь, какъ надо писать. Началось писанье поклоновъ и новостей. Были перечислены всѣ родные и сосѣди, съ прибавленіемъ послѣ каждаго имени «кланяется»; было упомянуто, что въ селѣ недавно былъ пожаръ, и кто именно погорѣлъ, и что удалось спасти, кто вышелъ замужъ, кто женился и т. д. Николай Петровичъ прочиталъ.

— Вотъ пестровка у насъ отелилась... Писалъ что-ли?

— Нѣтъ, не писалъ.

— Такъ ужь напиши: бычокъ, молъ, черненькій, здоровый...

Николай Петровичъ приписалъ, и началъ писать адресъ. Послышались торопливые шаги, и въ комнату вбѣжала тетка Акулина, крестная мать Василья. «Ахъ грѣхъ какой! никакъ опоздала!» вскричала она прерывающимся отъ быстрой ходьбы голосомъ.—Ужь прочитай, Николай Петровичъ письмецо-то: можетъ, вы отъ меня и поклона-то не написали!»

Не успѣли уйти Панфиловы, какъ пришли Кашины: письмецо прочитать понадобилось. Старикамъ Николай Петровичъ читалъ письмо еще на недѣлѣ, но теперь всѣ родные были въ сборѣ: каждому своими ушами хотѣлось слышать, что̀ пишетъ Митрій и, главное дѣло, пишетъ самъ. Пришли и кое-кто изъ его товарищей. Всѣ они съ одинаковымъ сосредоточеннымъ выраженіемъ слушали письмо, только лица получившихъ поклонъ были свѣтлѣе. Чѣмъ далѣе шло чтеніе письма, тѣмъ болѣе нахмуривались нѣкоторыя физіономіи, тѣмъ яснѣе выражалось въ нихъ чувство оскорбленнаго самолюбія, смѣшанное съ тоскою ожиданія. Когда Николай Петровичъ совсѣмъ кончилъ письмо, лица всѣхъ просіяли. Почему они просіяли — секретъ Николая Петровича. Ему пришлось ужь прочитать и написать не одинъ десятокъ писемъ, онъ имѣлъ понятіе о чувствахъ, волнующихъ груди не получившихъ поклона, и потому позволялъ себѣ прибѣгать къ маленькой хитрости: прочитавъ все письмо и не найдя въ немъ нѣкоторыхъ поклоновъ, онъ прибавлялъ ихъ отъ себя—и чувство оскорбленнаго самолюбія уничтожалось. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ читалъ Василью или Петру нотацію за то, что онъ не всѣмъ посылаетъ поклоны, на что многіе обижаются. Много времени ушло на переговоры о вознагражденіи: Николай Петровичъ отказывался, Панфиловы и Кашины настаивали. «Ты лучше что-

нибудь для училища сдѣлай—возокъ дровецъ хоть привези, староста дровъ-то мало даетъ», говорилъ Николай Петровичъ послѣ долгихъ и безъуспѣшныхъ отнекиваній. «Все объ училищѣ крушишься!» замѣчалъ съ какимъ-то сожалѣніемъ мужикъ, и на слѣдующій день привозилъ возокъ дровецъ.

Послѣ ухода Кашиныхъ пришли молодые «выучившіеся» парни взять книжечекъ, потолковать о прочитанномъ; кое-кто принесъ денегъ для покупки книгъ. «Ужь вы, Николай Петровичъ, получше какую, а то я самъ-то чего понимаю? Сунутъ какую-нибудь бросовую»...

Вечеръ былъ уже въ полномъ разгарѣ, когда Николай Петровичъ вошелъ въ натопленныя комнаты. Поздравивъ имянинницу (матушка облекла тучное тѣло въ зеленое шерстяное платье, а голову украсила наколкой), и съѣвъ кусокъ имяниннаго пирога, Николай Петровичъ усѣлся въ уголъ съ стаканомъ чаю. Мужчины—писарь, старшина, другой священникъ-благочинный и самъ о. Петръ отпили уже чай, прошлись по третьей и засѣли играть въ стуколку. Всѣ они выглядѣли очень авантажно, и скромная фигура о. Петра вполнѣ стушевывалась передъ ними. О. Христофоръ, въ зеленомъ шелковомъ подрясникѣ съ узкой таліей, съ ослѣпительно бѣлыми рукавами и воротничкомъ, съ густо напомаженными волнистыми волосами, высмотрѣлъ настоящимъ франтомъ, особенно, когда выпускалъ сквозь шелковистые усы колечки дыма. Онъ и смѣялся какъ-то покровительственно, когда старшина ставилъ ремизы. «Ничего, Панкратъ Саввичъ! завтра соберете», замѣчалъ онъ иронически.—«Вѣрно, Христофоръ Александрычъ, вѣрно! Міромъ живемъ, какъ и вы же», отшучивался старшина.—Болотовскій старшина не походилъ на другихъ. Ходилъ онъ въ длиннополомъ сюртукѣ, въ заднемъ карманѣ котораго былъ постоянно чистый платокъ; на шеѣ носилъ медаль съ надписью «за усердіе», лента которой ярко выдѣлялась на воротникѣ крахмальной рубашки. 17 лѣтъ ужъ былъ онъ старшиною, и за нимъ установилась прочная репутація самаго ревностнаго исполнителя приказаній начальства по части собиранія недоимокъ. Каждый годъ его командировали въ какую-нибудь неисправную волость, отдавая въ его распоряженіе мѣстнаго старшину, и Панкратъ Саввичъ постоянно оправдывалъ надежды исправника, говорившаго про него, что «это золото, а не старшина, и что если бы такихъ побольше, не было бы у насъ дефицита». Писарь былъ тоже изъ «образованныхъ». Писалъ онъ

до того красиво и кудревато, что ему часто поручалась нетолько переписка, но даже и составленіе адресовъ. Правда, про него шла молва, что онъ не чистъ на руку, но когда либеральный исправникъ, ошибкою судьбы занесенный на столь важный постъ (ошибка эта продолжалась ровно полгода), вздумалъ провѣрить дѣла правленія, то только развелъ руками.—«Чисто дѣло ведется, чортъ побери! Комаръ носа, что называется, не подточитъ!» выразилъ онъ вслухъ свое изумленіе. И старшина и писарь метили въ члены земской управы. Николай Петровичъ хотѣлъ было уйти—отношенія его къ сельскому начальству были болѣе, чѣмъ натянутыя—но матушка рѣшительно заявила, что не отпуститъ его безъ ужина. Отъ нечего дѣлать, онъ подсѣлъ къ карточному столику и занялся вычисленіями ремизовъ въ умѣ, тогда какъ писарь вычислялъ ихъ на бумагѣ. Писарь, вѣроятно, считалъ плохо, потому что ничѣмъ инымъ нельзя объяснить того обстоятельства, что ремизъ о. Петра подъ его карандашомъ выросъ почти вдвое.

— Вы, Петръ Иванычъ, ошиблись, замѣтилъ ему Николай Петровичъ.

— Да! и въ самомъ дѣлѣ, ошибся: не два рубля шестьдесятъ, а рубль шестьдесятъ, думалъ два, а это одна, согласился писарь, бросивъ искоса уничтожающій взглядъ на Николая Петровича.

— Вы, Николай Петровичъ, шли бы къ прекрасному полу, предложилъ о. Христофоръ: — чего вамъ тутъ на соблазны глядѣть?

— Ничего! Пусть учится, пока мы живы. — Иду! стукнулъ о. Петръ кулакомъ.

— Вы, Николай Петровичъ, скоро думаете въ адвокаты идти? иронично спросилъ писарь, азартно ударивъ «по козырю» о. Петра.

— И не думаю, съ чего вы это взяли?

— Да ужь очень вы прилежно прошенія писать стали... За Ваньку Шмелева хлопотали, чтобы Никаноръ Игнатьичъ ему деньги выдалъ, продолжалъ писарь.

— Что же? Развѣ Шмелевъ ихъ не заработалъ? Отчего же не написать прошенія!

— Заработалъ ли, нѣтъ ли, а я съ вами давно хотѣлъ поговорить: не суйте носъ въ чужія дѣла! Ой, не суйте! ошпарятъ! вступился о. Христофоръ, затягиваясь папироской:—живите, какъ всѣ живутъ! Черезъ мои ноги хоть варъ носи, да меня не обвари, заключилъ онъ авторитетно.—Такъ что-ль, Панкратъ Саввичъ?

— А то какъ же еще? Этого, съ позволенія сказать, только поросята не знаютъ.

— Кажется, все-таки я ничего не сдѣлалъ дурного, возразилъ Николай Петровичъ.

— Дурного-то не много, а и похвалить нельзя. Кто Ванька? Хамъ! больше ничего! А Никаноръ Игантьичъ человѣкъ образованный, понимающій! Ванька-то, можетъ, его спалитъ, а Никаноръ Игнатьичъ не мало ужъ благодѣяній ему оказалъ. Безъ него вамъ и училища-то бы не выстроили, знаете вы это?

— Брось, кумъ! Эко ты связался! есть съ кѣмъ! Диви бы человѣкъ былъ, а то тьфу! (Старшина дунулъ на ладонь)—и нѣтъ его! Сдавай-ка, постучимъ!

Николай Петровичъ взялъ шапку и ушелъ.

— Мы на тебя судъ-то сыщемъ! крикнулъ ему вслѣдъ писарь.

— Ну? вашъ ремизъ идетъ, о. Петръ! поспѣшилъ замять непріятную сцену о. Христофоръ.

Но Панкратъ Саввичъ успокоился не вдругъ.

— Каковъ? Н-ну, мы его уважимъ! М-мы его уважимъ! Уважимъ! рычалъ онъ, стуча кулакомъ по столу и устремивъ безсмысленный взглядъ на безпокойно ерзавшаго на стулѣ о. Петра, веселость котораго исчезла на весь вечеръ.

Гости все-таки засидѣлись за-полночь и все говорили, что они «уважатъ». Не мало нотацій пришлось выслушать и о. Петру.

— И вы-то, о. Петръ, хороши! его бы за ушко да на солнышко, а вы сидите, да глазами хлопаете! внушалъ ему о. Христофоръ, оставшись наединѣ.

IV.

«Николай Петровичъ! скоро вы насъ на Святки отпустите?» «Скоро, скоро: еще дня два поучимся», отвѣчаетъ Николай Петровичъ, и самъ не можетъ удержаться отъ радостной улыбки при мысли о скоромъ отдыхѣ.

Ученье продолжалось, однако, больше двухъ дней: попечитель школы, бывшій въ городѣ на базарѣ, привезъ записку отъ смотрителя уѣзднаго училища. Въ этой запискѣ значилось, что числа 22 и 23 г. смотритель посѣтитъ Болотовскую школу. «Ужь не наговорилъ ли чего попечитель?» мелькнуло въ умѣ у Николая Петровича, и ему вспомнился случай, могшій послужить для попечителя предлогомъ нажаловаться. Вскорѣ послѣ имянинъ жены о. Петра дѣло было. Попечитель, бывшій при крѣпостномъ

правѣ старостою, горькій пьяница, сидѣлъ съ старшиной въ трактирѣ. Оба выпили.—«Ты кто?!» озадачилъ попечителя старшина. — «Знамо, кто: попечитель! А ты кто?» — «То-то попечитель! Ты когда въ училищѣ-то былъ? а?»—«Давненько-таки не бывалъ ужь—съ экзаментовъ».—«То-то. Нѣтъ, чтобы присмотрѣть, что тамъ учитель дѣлаетъ».—«Мнѣ-то что? чай, начальство на это есть».—«Да! только начальству и дѣла, что за училищами глядѣть! Недоимки однѣ сокрушили! Ты надъ училищемъ начальство! Ты должонъ смотрѣть!» — «Да чего тамъ смотрѣть-то?» — «А все-таки смотри—на то ты начальство!» — «Что же? я, пожалуй, пойду схожу», согласился попечитель, польщенный тѣмъ, что и онъ начальство. «То-то! сходи-ка, а я здѣсь подожду».

Минутъ черезъ пять попечитель ввалился въ училище, какъ истое начальство.

— Здравствуй! кивнулъ онъ небрежно головой Николаю Петровичу:—чему ребятъ учишь?

— Да всему, что по программѣ требуется.

— Тэ-экъ-съ! процѣдилъ попечитель, не желая сознаться, что слово программа для него незнакомо. — Слышь, ты, смотри, *по-квадратнѣе* учи! прикрикнулъ онъ вдругъ на Николая Петровича.

Николай Петровичъ удержался, но ученики старшаго отдѣленія не выдержали и покатились со смѣху; ихъ примѣру послѣдовали и остальные.

— Вы чего? Чего вы, такъ васъ... накинулся на нихъ попечитель.

Большинство умолкло, но наиболѣе смѣшливые продолжали хихикать.

— Цыцъ, хамово отродье! Я васъ, марзавцевъ! И попечитель хотѣлъ схватить одного мальчика за ухо.

Блѣдный и серьёзный Николай Петровичъ отвелъ его руку и повелъ къ стулу.

— Если вы пришли въ училище, какъ попечитель, то и ведите себя, какъ слѣдуетъ: здѣсь не кабакъ.

— Ты что-о? Какъ ты можешь мнѣ указывать? И попечитель размахнулся, чтобы ударить, но Николай Петровичъ схватилъ его за плечи и вывелъ въ сѣни.

— Ступай, проспись прежде! посовѣтовалъ онъ ему, запирая дверь.

Долго бѣсновался попечитель, стуча кулакомъ въ дверь и грозя выбить окна, но до серьёзнаго дѣло не дошло: кое-кто изъ сосѣдей, сбѣжавшихся на крики, оттащили его домой.

Въ самый «сочельникъ», когда ребята были уже отпущены, на площади загремѣлъ колокольчикъ, и передъ училищемъ остановилась тройка взмыленныхъ земскихъ лошадей. Изъ повозки съ трудомъ вылѣзъ смотритель, тучный, добродушный старикъ.— «Что̀ отпустили?» — Отпустилъ, Алексѣй Степанычъ. — «Ну, ничего: я вашу школу и такъ знаю. Велите-ка самоварчикъ поставить, да покажите пока тетрадки». За чаемъ Алексѣй Степанычъ скорчилъ серьёзную физіономію и, вынувъ изъ портфеля нѣсколько бумагъ, подалъ ихъ Николаю Петровичу. Первая бумага была рапортъ попечителя: «Имѣю честь донести, что учитель Дубровинъ безъ моего разрѣшенія каждаго двадцатаго числа ѣздитъ въ городъ, а зачѣмъ—неизвѣстно, бросая училище».

— Это-то ничего: я знаю, зачѣмъ вы ѣздите въ городъ, и знаю, что школа остается на рукахъ законоучителя, а вотъ вторая бумага—та посерьёзнѣй.

Во-второй бумагѣ значилось: «Сего 18-го декабря оный учитель Дубровинъ выгналъ меня изъ училища, куда я пришелъ для ревизіи, и при семъ бранилъ нехорошими словами даже при ученикахъ и при царскомъ портретѣ».

— Что̀ вы на это скажете?

Николай Петровичъ разсказалъ, какъ было дѣло.

— Такъ! Я такъ и думалъ. Надо будетъ избрать другого попечителя.

— Трудно будетъ, Алексѣй Степанычъ: онъ и старшинѣ кумъ, и писарю кумъ—первый міроѣдъ въ селѣ, послѣ старшины. Писарь и старшина, понятно, горой за него встанутъ.

— Почему же такъ? Одного кумовства здѣсь мало, возразилъ смотритель, бросая на Николая Петровича выжидательный взглядъ.

Николай Петровичъ передалъ, что̀ произошло между нимъ и сельскимъ начальствомъ. Алексѣй Степанычъ охотно повѣрилъ разсказу, потому что, по дорогѣ въ Болотное, съ версту прошелъ рядомъ съ болотовскимъ мужичкомъ, ѣхавшимъ съ мельницы, и навелъ очень подробныя справки о томъ, какъ живетъ ихъ учитель, что̀ дѣлаетъ.

— Прочитайте еще вотъ это, подалъ онъ Николаю Петровичу третью бумагу.

«Честь имѣемъ донести вашему Высокоблагородію, что учитель Дубровинъ — человѣкъ очень развратнаго поведенія. Каждый праздникъ къ нему въ училище приходятъ молодыя солдатки и иныя женщины подъ видомъ писанія писемъ, и храмъ науки превращается въ вертепъ разврата. Къ заутрени онъ никогда

не ходитъ, ди и къ обѣднѣ приходитъ уже послѣ часовъ. Сверхъ того, занимаясь писаніемъ прошеній, онъ поселяетъ въ народѣ страсть въ кляузамъ и тяжбамъ. Посему просимъ обратить на онаго учителя Дубровина вниманіе и сдѣлать надлежащее распоряженіе». Бумага была подписана старшиной и писаремъ.

— Еслибы еще эта бумага ко мнѣ одному попала — дѣло обошлось бы, а то—представьте!—Они ко всѣмъ членамъ училищнаго совѣта написали. Придется васъ перевести куда-нибудь въ другое мѣсто. И зачѣмъ вы вступаетесь не въ свое дѣло, зачѣмъ? Скажите на милость! Знали бы свою школу и жили бы спокойно—такъ нѣтъ: общественнымъ дѣятелемъ быть захотѣли! горячился Алексѣй Степанычъ.

Николай Петровичъ промолчалъ.

— Вдобавокъ, говорятъ, скоро въ нашъ уѣздъ сенаторскіе чиновники пріѣдутъ, если не самъ сенаторъ. Вѣдь можетъ такая каша завариться, что вѣкъ не расхлебаешь. Вы ужь, пожалуйста, хоть до конца года-то смирненько поживите, а тамъ можете перевестись, если обстоятельства не измѣнятся.

— Да вѣдь сердце не терпитъ! вырвалось у Николая Петровича.

— Знаю, что не терпитъ, согласился растроганный смотритель: — самъ былъ молодъ! Но что же дѣлать? Поостерегитесь, пожалуйста!

Пріѣхавъ въ городъ, смотритель доложилъ совѣту, что обвиненія, взводимыя на Дубровина, оказались, по дознанію, ложными. Это же письменно подтвердилъ о. Петръ, услышавшій отъ Николая Петровича о козняхъ старшины, писаря и попечителя. Рѣшено: оставить Дубровина до конца учебнаго года въ Болотномъ.

V.

Николай Петровичъ не остерегся. Годъ былъ неурожайный, и на хлѣбъ стояли высокія цѣны. Озими за то обѣщали богатый урожай въ будущемъ году. Болотовская волость могла, однако, прикормиться своимъ хлѣбомъ, и магазинный хлѣбъ оказывался лишнимъ.

— Старички! что хлѣбъ-то даромъ лежитъ? сгніетъ вѣдь, али такъ растаскаютъ—рази усмотришь? Дайте-ка мнѣ мѣръ тысячу взаймы: осенью новымъ отдамъ! обратился однажды старшина къ старичкамъ, сильно угостившимся на его счетъ въ трактирѣ.

— Что же? возьми—и то, сгніетъ за зиму-то! крыша-то, что твоя борона! али мыши съѣдятъ. Только ты ужь росписку дай обчеству-то...

Старшина далъ росписку, выгребъ хлѣбъ и продалъ въ ближайшій понедѣльникъ.

— Ловко мы это дѣло оборудовали, хвастался онъ передъ писаремъ:—нынѣ по рублю десяти продали, а осенью-то ему красная цѣна семь гривенъ будетъ.

— И того не будетъ: полтинникъ не больше, отвѣтилъ писарь.

— Ну, хоть семь гривенъ: по 40 копеекъ съ мѣры... Ловко! 400 рубликовъ!

Несмотря на то, что дѣло держалось въ секретѣ, скоро все село узнало о продѣлкѣ старшины. Узналъ и Николай Петровичъ. Глубоко возмущенный, онъ ждалъ только случая. Случай скоро представился. Въ училище пріѣхалъ Владиміръ Михайлычъ Кабанчиковъ, почетный попечитель училища, почетный мировой судья. Это былъ довольно молодой, лѣтъ тридцати, человѣкъ съ благообразнымъ лицомъ и длинными бѣлокурыми волосами. Запахъ духовъ и присутствіе на носу пенснэ изобличали, что онъ не прочь пофрантить. Ходилъ въ простой рубашкѣ-косовороткѣ и въ черномъ бархатномъ пиджакѣ. Осмотрѣвъ училище, онъ напился чайку, закурилъ папиросу и повелъ съ Николаемъ Петровичемъ бесѣду о жизни учителя, о его миссіи и т. д.

— Учитель—представитель культуры въ деревнѣ; настоящей, а не кабацкой, культуры... Онъ, такъ сказать, піонеръ цивилизаціи... Школа его—аванпостъ европеизма. Онъ долженъ быть совѣтникомъ народа, пока послѣдній находится еще въ ребячески-безпомощномъ положеніи, говорилъ Кабанчиковъ, порывисто откидывая назадъ волосы и стряхивая пепелъ съ папиросы.

Николай Петровичъ тоже воодушевился и передалъ нѣсколько фактовъ изъ своей дѣятельности.

— И отлично-съ! работайте въ томъ же направленіи! Вы многаго, очень многаго достигнете. Что̀ вамъ однимъ будетъ не подъ силу—вдвоемъ сдѣлаемъ. Не такъ ли?

Николай Петровичъ очень обрадовался такой могущественной поддержкѣ и поспѣшилъ разсказать о «дѣльцѣ» старшины. Владиміръ Михайлычъ пришелъ въ сильное негодованіе.

— Завтра же поѣду къ исправнику! *Мы* покажемъ старшинѣ, какъ воровать общественное добро! вѣдь это... это грабежъ! И кого же грабятъ? Мы ему покажемъ!

Негодованіе его не улеглось даже и тогда, когда онъ уѣзжалъ,

прося Николая Петровича бывать за-просто, «безъ всякихъ церемоній, которыя уже давно осуждены мыслящими людьми и отжили свой вѣкъ». Николай Петровичъ обѣщалъ бывать.

Черезъ недѣлю, Болотное посѣтилъ исправникъ. Произведя ревизію, онъ замѣтилъ старшинѣ вскользь.

— Я слышалъ, что хлѣбъ изъ магазина продали? Куда поступили деньги?

— Никуда еще, Александръ Иванычъ! (за 17 лѣтъ службы Панкратъ Саввичъ получилъ негласное право называть исправника и непремѣннаго члена по имени и отчеству).

— Такъ вели ихъ внести, пожалуйста, поскорѣе въ «продовольственный капиталъ» что ли.

Старшина понялъ, что исправнику все извѣстно, и внесъ деньги. Николай Петровичъ чуть на головѣ не ходилъ отъ радости, увидѣвъ «результатъ».

— Теперь не то будетъ! не то! вотъ посмотрите! говорилъ онъ о. Петру.

— Эхъ, Николай Петровичъ! послушайте меня, старика: перешибутъ вамъ крылышки! Сказано «съ сильнымъ не борись». Разъ удалось, другой удастся, а въ третій и сорвется, отвѣчалъ тотъ ему.—Нынѣ хорошіе-то люди всѣ по щелямъ сидятъ—ходу нѣтъ. Нынѣ, если хорошій человѣкъ по одной сторонѣ идетъ, такъ ты на другую сворачивай, а то скажутъ: «за-одно». Мнѣ о. Христофоръ и то ужь говоритъ, чтобы я съ вами не якшался.

— То-то и есть, что хорошіе люди по щелямъ прячутся. Прятаться не надо! возразилъ Николай Петровичъ, и рѣшился стоять до конца.

Онъ задумалъ даже потягаться съ непремѣннымъ, неправильно поступившимъ въ одномъ дѣлѣ, и самъ поѣхалъ къ своему союзнику. Тотъ принялъ его съ распростертыми объятіями, хотя ироническая улыбка Николая Петровича, при видѣ роскошной, сравнительно, обстановки, нѣсколько его смутила.

— Нельзя круто—полегоньку надо, оправдывался онъ:—самъ знаю, что гармоніи нѣтъ между словомъ и дѣломъ. Но что же дѣлать. Опять что-нибудь старшина набѣдокурилъ? поспѣшилъ онъ заняться дѣловымъ разговоромъ.

— Нѣтъ, не старшина: повыше берите!

— Писарь?

— И не писарь—непремѣнный!

Лицо Владиміра Михайлыча слегка омрачилось, но онъ всетаки терпѣливо выслушалъ довольно длинный разсказъ Николая Петровича.

— Постараемся, постараемся! отвѣтилъ онъ на просьбы Николая Петровича защитить обиженныхъ, но отвѣтилъ далеко не прежнимъ возвышеннымъ тономъ и безъ огня воодушевленія въ глазахъ, загоравшихся молніей при одномъ словѣ «урядникъ».

Прошелъ мѣсяцъ, два, а «результата» не было. Николай Петровичъ снова отправился къ Кабанчикову. На этотъ разъ разговоръ о «дѣлѣ» началъ самъ Николай Петровичъ.

— Ну, что, Владиміръ Михайлычъ?

— Вообразите, въ городъ не удалось попасть ни разу съ тѣхъ поръ, какъ вы были у меня въ послѣдній разъ — все дѣла по хозяйству... Впрочемъ, какъ только увижусь кое съ кѣмъ, непремѣнно поговорю, отвѣчалъ Кабанчиковъ, смутившись.

Николай Петровичъ понялъ.

VI.

Прошла и Пасха. Земля стала одѣваться въ свои праздничныя ризы. Бархатомъ зазеленѣли озими. На деревьяхъ распустились почки. По утрамъ стономъ-стонали озера отъ криковъ водяной перелетной птицы. Ликовала природа, ликовали и люди, отдыхая отъ суровой, холодной зимы, и бодро принимались за работу. Учениковъ приходило все меньше и меньше: надо было пасти скотину, которую уже выгнали въ поле, но не собрали еще въ мірское стадо. Мужички бѣгали какъ угарѣлые по богатымъ собратьямъ; тому лошадь надо, у того сѣмянъ не хватало, тотъ недоимку не отдалъ. Пошли въ ходъ росписки, условія. Забѣгали мужички и къ Николаю Петровичу. «Нѣтъ ли рубликовъ десятокъ до Успенья? Святъ Богъ, отдамъ и съ процентами»! Приходилось, конечно, отказывать. «Ахъ ты оказія! нигдѣ не даютъ». «Да ты бы въ кассѣ взялъ». «Въ кассѣ? Н-ну, ужь лучше еще у кого-нибудь»! «Что такъ»? «Перво-на-перво больно много угощенья надо. Угостишь старшину съ писаремъ, пообѣщаютъ, а потомъ, слышь, денегъ въ кассѣ нѣтъ... Дастъ старшина изъ своихъ, да и слупитъ не хуже твоего попечителя».

Черезъ недѣлю, на площади, около правленія, толпилась громадная масса народа, хотя день былъ не праздничный. «Сенаторскій чиновникъ пріѣхалъ! Кто имѣетъ сдѣлать заявленія, пожалуйте»! приглашалъ народъ молоденькій писецъ, прикомандированный къ чиновнику. Претензій оказалось мало: все было подмазано, умасленно, каждый получилъ три короба посуловъ, а нѣкоторые столько же угрозъ «сжить со свѣта». Только за два

дня передъ этимъ, Панкратъ Саввичъ пожертвовалъ въ училище три отличныя парты (земскія-то куда какъ плохи были). Николай Петровичъ вошелъ въ правленіе. Сіяющее лицо старшины такъ и говорило, что все обстоитъ благополучно.

— Здравствуйте, Николай Петровичъ! какъ ваше здоровье? обратился онъ весело къ Николаю Петровичу, подавая руку.— Парты удобны?

— Очень удобны.

— Какъ же поживаете-то?

— Слава Богу, Панкратъ Саввичъ, отвѣчалъ Николай Петровичъ. Ему вдругъ стало весело, зло весело какъ-то.

— Смотрите-ка: ни одной стоющей жалобы нѣтъ! не удержался старшина.

— Сейчасъ будутъ, Панкратъ Саввичъ, возразилъ Николай Петровичъ, высвобождая изъ рукъ старшины полу сюртука.

— Позвольте васъ спросить, обратился онъ, отрекомендовавшись, къ чиновнику:—вы ревизовали кассу?

— Ревизовалъ, все въ породкѣ, отвѣчалъ тотъ удивленно.

— Есть въ ней деньги?

— Почти всѣ суммы, роздано очень мало, удивился тотъ еще больше.

— Между тѣмъ г. старшина никому почти не даетъ изъ кассы денегъ, а заставляетъ брать у себя, за страшные проценты, разумѣется.

Слова Николая Петровича произвели на старшину впечатлѣніе громового удара въ ясный безоблачный день: онъ такъ и замеръ на мѣстѣ.

— Какъ же это, братецъ? обратился чиновникъ къ старшинѣ.

Мужики навострили уши. Нѣкоторые изъ нихъ были до того мужественны, что подтвердили слова Николая Петровича. «Это точно: нѣтъ, говоритъ, денегъ въ кассѣ; бери, коли хочешь, у меня». Дальше-больше. Старшина долженъ былъ представить довольно большую связку условій и росписокъ. Были выяснены способы, которыми онъ собиралъ долги. Оказался замѣшаннымъ и писарь. Выступила на сцену масса другихъ претензій. Скандалъ вышелъ громадный. Чиновникъ уѣхалъ въ другое правленіе, обѣщаясь завтра опять заѣхать. «Гляди, гляди: руку подалъ Николаю Петровичу-то!» загудѣла толпа, вообразившая, что чиновникъ и Богъ вѣсть какое важное лицо. «А старшина-то какъ юлитъ! ха-ха-ха»! Старшины ужь никто не боялся—его считали безвозвратно погибшимъ. Придя въ училище, Николай Петровичъ самъ испугался того, что онъ надѣлалъ. «Уволятъ, непремѣнно

уволятъ», думалъ онъ, облокотившись на подоконникъ раствореннаго окна. Но тутъ ему припомнились борцы за правду, припомнились горячіе разговоры. «Сидѣлъ бы на печи, если душонки не хватаетъ»! А ночь мало-по-малу окутывала своимъ мягкимъ покрываломъ Болотное. Въ домѣ писаря блеснулъ огонь. «Что они теперь дѣлаютъ? Интересно бы знать», подумалъ Николай Петровичъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ и отшатнулся отъ окна: кто-то осторожно пробирался вдоль дьячкова палисадника, приближаясь къ училищу. «Не старшина ли ужь подослалъ поколотить»? подумалъ онъ, вспомнивъ, какъ однажды, послѣ имянинъ тоже, возвращаясь съ прогулки, онъ наткнулся въ гумнахъ на двухъ пьяныхъ парней изъ сосѣдней деревни, которые съ бранью пустились за нимъ...

Подкрадывавшійся не имѣлъ, однако, злыхъ намѣреній; подойдя къ окну, онъ вполголоса позвалъ: «Николай Петровичъ, спишь что-ли?»

— Нѣтъ еще, отвѣтилъ Николай Петровичъ, поставивъ въ уголъ палку, которою вооружился на всякій случай.

— Я къ тебѣ потихоньку, какъ воръ, пришелъ, чтобы не увидали... Ловко ты старшину-то подвелъ! Вѣкъ не забудетъ! Вѣдь за нимъ еще грѣшки-то есть, продолжалъ неизвѣстный, еще болѣе понизивъ голосъ: — только этотъ чиновникъ не докопался. Знаешь, за сколько они правленіе-то проконопатили да бумагой оклеили?

— Нѣтъ; а что?

— За 160, а показали 360 — двѣсти цѣлковенькихъ украли. Ты поговори-ка завтра, ей-Богу! Такъ бы всѣхъ уважилъ!

— Особенно тебя, подумалъ Николай Петровичъ: говорившій былъ помощникомъ старшины.

— Только ты на меня, Христа ради, не указывай! самъ, молъ, знаю. А конопатилъ-то Прошка Тихоновъ—ты сходи-ка къ нему. Смотри же—пож-жалуйста, про меня не говори.

Николай Петровичъ увѣрилъ его въ своей скромности и рано утромъ сходилъ къ Прошкѣ. Тотъ подтвердилъ слова помощника старшины. Часовъ въ 10, Николай Петровичъ пошелъ снова въ правленіе, около котораго опять толпилась куча народа, благо день былъ воскресный. Вчерашнее происшествіе переходило изъ устъ въ уста. Николай Петровичъ въ глазахъ крестьянъ выросъ въ исполина. «И отчаянный ты, Николай Петровичъ! Нукося! съ самимъ старшиной затѣялъ тягаться! Ай-ай-ай! Только смотри, парень, какъ бы чего не вышло!» «Богъ не безъ милости», отвѣчалъ Николай Петровичъ. «Что? опять ябед-

ничать пришелъ?» закричалъ на него старшина. Старшина былъ пьянъ. Онъ потерялъ уже почву подъ ногами и теперь дѣйствовалъ, махнувъ на все рукой. Но и Николаю Петровичу тоже было все равно; онъ тоже сжегъ корабли—недаромъ просидѣлъ цѣлую ночь у окна, раздумывая о происшедшемъ. «Не ябедничать, а на свѣжую воду выводить», возразилъ онъ угрюмо. «Кого выводить-то? Кого выводить-то? Подлец-цовъ, м-можетъ быть?»—«Пожалуй, подлецовъ», согласился Николай Петровичъ.—«И я подлецъ? Зн-начитъ, и я под-длецъ? Что же молчишь?! Подлецъ я или нѣтъ?» «Пожалуй, если вамъ этого хочется», согласился нехотя Николай Петровичъ. — «Такъ я подлецъ? Подлецъ?» продолжалъ приставать старшина.—«Подлецъ!» крикнулъ выведенный изъ себя Николай Петровичъ. Повѣренный схватилъ Николая Петровича за руку и хотѣлъ вывести изъ правленія.—«Уйди ты отъ нихъ! Христа ради, уйди! упрашивалъ онъ его:—видишь, какъ глаза-то налили?»

— Нѣтъ, ты постой! У насъ съ этимъ не отъѣдешь! ухватилъ и старшина за руки Николая Петровича. — Слышали? обратился онъ къ писарю, помощнику писаря и помощнику старшины.

— Слышали! подтвердили тѣ въ одинъ голосъ.

— Михѣй! Васи-илій! Тащите его въ холодную!

— Не имѣете права! вскрикнулъ Николай Петровичъ.

— А вотъ посмотримъ! Тащите! за оскорбленіе власти!

Николай Петровичъ хотѣлъ было сопротивляться, но потомъ покорился. «Пусть ихъ!» подумалъ онъ, когда за нимъ щелкнулъ замокъ и раздался наглый торжествующій хохотъ старшины. Вскорѣ прибѣжалъ о. Петръ, извѣщенный повѣреннымъ о случившемся. «Панкратъ Саввичъ! Петръ Иванычъ! Побойтесь хоть Бога! Развѣ можно учителя въ холодную?»—«Сидитъ, значитъ, можно».—«Очень ужь они горячи—лучше остынутъ въ холодной-то!» шутилъ писарь.—«Вы, батюшка, идите-ка домой: я въ церковныя дѣла не мѣшаюсь, и вы въ *мои* носъ не суйте!» осадилъ его старшина. Грустный и убитый пошелъ о. Петръ къ товарищу.

— О. Христофоръ! Ваше высокоблагословеніе! похлопочите хоть вы—грѣхъ какой! говорилъ онъ, отирая потъ со лба и лысой головы.

— А! не хотѣли слушаться! Повадился кувшинъ по воду ходить—тамъ ему и голову сломить! отвѣтилъ о. Христофоръ.

Къ несчастію, чиновникъ пріѣхалъ лишь на другой день, и Николай Петровичъ просидѣлъ въ холодной ровно сутки.

VII.

Черезъ мѣсяцъ слушалось дѣло «объ оскорбленіи волостного старшины Панкрата Саввина учителемъ Николаемъ Дубровинымъ». Прокуроръ сильно настаивалъ на обвиненіи, и Николай Петровичъ былъ приговоренъ къ аресту на однѣ сутки. А еще черезъ мѣсяцъ слушалось дѣло «о превышеніи власти старшиною Саввинымъ», возбужденное тѣмъ же слѣдователемъ. Рѣшили: отрѣшить его отъ должности и посадить на три мѣсяца въ тюрьму. Отсидѣвъ свой срокъ, Панкратъ Саввичъ открылъ въ Болотномъ лавочку и трактиръ, не оставивъ безъ вниманія и прежнихъ операцій. Николай Петровичъ былъ уволенъ. «Невозможно, невозможно! вѣдь вы, съ позволенія сказать, такую глупость сдѣлали, такую глупость, что только дивиться надо!» кричалъ, бѣгая по комнатѣ, смотритель, когда Николай Петровичъ пришелъ къ нему просить мѣста помощника учителя. — «Жаль мнѣ васъ, очень жаль — но что же дѣлать? Вы послушали бы, что Александръ Иванычъ говоритъ: лучшаго, говоритъ, моего старшину опозорилъ, рекомендованнаго мною осрамилъ. Дай Богъ вамъ счастья на другомъ поприщѣ».

На другомъ поприщѣ Николай Петровичъ тоже потерпѣлъ неудачу. «Владиміръ Михайловичъ нѣтъ ли у васъ мѣста конторщика или писца хоть...» — «Видите ли! мѣсто ѣсть, но знаете, неловко будетъ... Вы знаете, продолжалъ Кабанчиковъ, понизивъ голосъ:—что моя репутація и безъ того крайне незавидна, а тутъ еще... Не хотите ли кофе?»—«Нѣтъ, спасибо; мнѣ хлѣба надо», отвѣчалъ Николай Петровичъ, и ушелъ.

«Невозможно! невозможно! восклицалъ въ то же время исправникъ: — при Саввинѣ недоимокъ ни одной копейки не было, а теперь цѣлыхъ три тысячи... Невозможно! *Три* тысячи на одной волости! Хорошую мнѣ благодарность пришлютъ!»

На слѣдующій годъ исправнику не пришлось ужь восклицать такимъ образомъ, ибо распорядительность и исполнительность снова зацвѣли въ Болотномъ въ лицѣ Панкрата Саввина. Но не зацвѣли тамъ ябеда и кляузничество въ лицѣ Николая Петровича. Тамъ, гдѣ жилъ онъ, живетъ теперь братъ о. Христофора, кончившій курсъ въ семинаріи. Въ училищѣ, къ которому сдѣлана иждивеніемъ старшины пристройка, пахнетъ резедной помадой, одеколономъ и спермацетовымъ мыломъ. По вечерамъ, вмѣсто прежняго безмолвія, нарушаемаго шорохомъ переворачиваемыхъ

листовъ, гремитъ гитара и слышны пѣсни и топотъ пляски. Все это не мѣшаетъ Квинтиліану Александрычу быть человѣкомъ «отмѣнной нравственности», какъ выразился про него старшина въ разговорѣ съ инспекторомъ народныхъ училищъ. Его мѣтятъ на мѣсто о. Петра, которому, по словамъ о. Христофора, пора ужь и на покой, ибо онъ окончательно выжилъ изъ ума: съ какой стати, напримѣръ, онъ началъ расхваливать инспектору Дубровина, да вдобавокъ же при самомъ о. Христофорѣ, старшинѣ и Квинтиліанѣ?

Скоро и память о Николаѣ Петровичѣ исчезнетъ. Да и теперь, лишь ребятишки вспоминаютъ порой своего любимаго учителя, да иногда какой-нибудь лохматый мужиченко, которому потребуется написать письмо, скажетъ: «Ха-арошій былъ человѣкъ, сердешный, да вздумалъ съ старшиной тягаться — и сверзили».

И. Б.

ТРІУМФАТОРЪ.

I.

На крыльцѣ небольшаго сѣренькаго домика, находившагося въ одной изъ глухихъ улицъ губернскаго города N, сидѣлъ старикъ. Несмотря на то, что солнце угрожало сжечь рѣшительно все своими ослѣпительно яркими лучами, на старикѣ было надѣто толстое драповое пальто, опоясанное сѣрымъ носовымъ платкомъ и теплая фуражка съ краснымъ околышемъ и кокардой.

Старикъ былъ малъ ростомъ, крайне худъ и, въ заключеніе всего пьянъ, несмотря на раннюю пору. На колокольнѣ ближайшей церкви только что пробило девять часовъ и стали благовѣстить къ обѣднѣ. О томъ, что старикъ пьянъ, сейчасъ же говорило его красное, почти сплошь покрытое темно багровыми пятнами лицо, осоловѣлые глаза и сильный спиртный запахъ, который распространялся отъ крыльца во всѣ стороны.

Онъ ужь давно сидѣлъ на крыльцѣ, перебирая длинными, цѣпкими пальцами носовой платокъ или водя ими по небритому острому подбородку, на которомъ торчали короткіе, жесткіе, какъ щетина, волосы. Порой, онъ вдругъ погружался въ грустное настроеніе и долго разсуждалъ самъ съ собой такъ, какъ разсуждаютъ пьяные, когда полагаютъ, что кто-нибудь сильно обидѣлъ ихъ. Впрочемъ, это были даже не разсужденія, а просто восклицанія, вырывавшіяся безъ всякаго смысла и связи въ родѣ: такъ, такъ!.. да... да... конечно», и сопровождавшіяся иногда скорѣе смѣшными, чѣмъ жалобными покачиваніями головы.

Около крыльца вдругъ появилась большая черная собака. Она сначала нѣсколько секундъ издали смотрѣла на старика, но потомъ ей вдругъ пришло желаніе обнюхать его. Тотъ замѣтилъ это и пришелъ въ необычайное волненіе. Въ рукахъ его появилась толстая палка, чуть не дубина, и онъ заметался, силясь встать.

Въ это время гдѣ-то съ трескомъ отворилась дверь и на дворъ

стремительно выскочилъ невысокій, сухонькій, необыкновенно юркій человѣкъ въ сѣренькомъ пиджачкѣ и коричневыхъ, не много короткихъ по его росту брюкахъ. Онъ такъ усердно накинулся на собаку и до того неистово гонялъ ее по двору, что та была страшно рада, когда ей удалось залѣзть наконецъ куда-то подъ полъ сарая. Тогда, онъ съ выраженіемъ крайняго умиленія на лицѣ подскочилъ къ старику и принялся цѣловать его руки.

— Проклятая! Ахъ, дьяволъ! волновался старикъ. — Чтобъ сегодня же задавить ее! Петръ Васильевъ! задави ее, братецъ! Непремѣнно, непремѣнно.

На худомъ, щедро покрытомъ слѣдами оспы лицѣ Петра Васильева была написана полнѣйшая готовность исполнить всякое приказаніе. Это было донельзя хитрое, пронырливое лицо, съ маленькими рѣдкими усиками, остренькимъ носомъ и точно прорѣзанными узенькими глазками. Глазки эти были устроены такъ, что не могли смотрѣть прямо. Они такъ и бѣгали во всѣ стороны, чуть ли не помимо воли ихъ хозяина, который, впрочемъ, и самъ ни одной секунды не оставался неподвиженъ. Онъ юлилъ и извивался, какъ червякъ, котораго рыбакъ собирается насадить на крючокъ.

— Ну, что̀, какъ ты? освѣдомился старикъ, когда собака наконецъ была забыта.

— Живу, Владиміръ Николаичъ, что мнѣ! я человѣкъ маленькій.

— Трудись, братецъ, трудись... Это хорошо.

— Нельзя же-съ! Сами изволите видѣть... Ахъ, трудно, трудно... Васъ я не знаю, какъ и благодарить... Благодѣтель!

И опять, весь сіяя отъ нахлынувшаго умиленія, Петръ Васильевъ кинулся къ рукѣ старика, а потомъ съ самымъ скорбнымъ видомъ сталъ снова распространяться о томъ, какъ тяжело на свѣтѣ бѣдному человѣку.

— Ты что̀ это, смотрю я, все у окна?

— Часики, Владиміръ Николаевичъ, купилъ. Поправлю—продамъ; все же, можетъ быть, хоть рубль...

— Неужели и часы починить умѣешь?..

На лицѣ Петра Васильева явилась скромная улыбка.

— Мнѣ Господь это понятіе далъ, радовался онъ.—Когда я еще у Сергѣя Иваныча жилъ. Часовщикъ у нихъ на дворѣ, изволите знать... Сегодня посмотрю, завтра...

— Знаешь, братецъ, у меня тоже дворовый былъ...

Послѣдовалъ длинный разсказъ о необыкновенно искусномъ дворовомъ. Разсказъ этотъ Петръ Васильевъ слышалъ, можетъ

быть, сотни разъ, но на лицѣ его все-таки было написано такое вниманіе, какъ будто ему разсказываютъ Богъ вѣсть какую новость.

Кончивъ разсказъ, Владиміръ Николаичъ вдругъ почему-то счелъ нужнымъ погрузиться въ грустное настроеніе, а Петръ Васильевъ исчезъ куда-то, но такъ быстро опять вернулся, что Владиміръ Николаичъ врядъ ли даже замѣтилъ его исчезновеніе. Въ рукахъ Петра Васильева были двѣ большія груши.

— Это я для васъ, принялся юлить онъ.

— Ахъ, братецъ! Вотъ такъ груши!

Но Петръ Васильевъ, казалось, былъ еще болѣе счастливъ, чѣмъ самъ старикъ. Онъ даже на бокъ склонилъ свою маленькую головку и радостно хихикалъ.

— У меня, Петръ Васильевъ, прежде у самого въ саду... Вѣдь прежде какіе у меня сады были! говорилъ баринъ, жадно, какъ ребенокъ, набивая ротъ грушами.

Въ домикѣ отворилось окно, и женскій голосъ прокричалъ, что принесли нужное письмо.

Баринъ задвигался, но прежде чѣмъ успѣлъ подняться, Петръ Васильевъ подскочилъ сбоку и подхватилъ его подъ руку.

— Сюда, позвольте сюда! Ножку, ножку не ушибите! подобострастно шепталъ онъ.—Платочекъ извольте!

II.

Владиміръ Николаичъ Курицынъ и Петръ Васильевъ представляли діаметральную противоположность всѣмъ своимъ настоящимъ, прошедшимъ и, несомнѣнно, будущимъ. Курицынъ еще не такъ давно былъ если не особенно почетнымъ, то во всякомъ случаѣ развеселымъ помѣщикомъ, котораго знали чуть не всѣ, благодаря его пирамъ, банкетамъ и вообще крайней расточительности. Все это прошло. Позади старика красовались положенныя влоскъ три-четыре имѣнія, которыя онъ проѣлъ въ буквальномъ смыслѣ слова, со всѣми лугами, лѣсами, водами и «душами»... Можно было изумляться, недоумѣвать, какимъ чудомъ такая масса движимаго и недвижимаго могла быть проглочена такимъ маленькимъ, мизернымъ существомъ, но отрицать самый фактъ не было возможности. О немъ говорило все: и самъ Владиміръ Николаичъ, во время своихъ откровенныхъ бесѣдъ, послѣ нѣсколькихъ рюмокъ очищенной, и всѣ знавшіе его во время оно. Ему было какое-то особенное счастье. Едва ухлопывалось одно имѣніе, какъ въ руки точно само собой плыло

другое. Умиралъ какой-нибудь братъ, дядюшка; опустѣвшій на короткое время столъ опять нагружался всевозможными яствами и около нихъ, весело потирая руки, расхаживалъ счастливый наслѣдникъ. Подходило къ концу это имѣніе, наклевывалось другое. Но вѣчнаго ничего нѣтъ на землѣ. Не вѣчнымъ оказалось и счастье Владиміра Николаича. Какъ-то вдругъ перестали умирать родственники, и новыхъ лѣсовъ и «душъ» не появлялось. Потомъ явилась «катастрофа», и скоро вся его земля оказалась въ рукахъ разныхъ новыхъ людей. Владиміръ Николаичъ захирѣлъ и, опускаясь все ниже и ниже, удержалъ за собой въ N только небольшой сѣренькій домикъ.

Командовать и распоряжаться онъ могъ теперь только надъ своей единственной дочерью, пожилой, крайне худой женщиной, которая безпрестанно жаловалась на болѣзни и дѣйствительно иногда по нѣскольку дней не вставала съ постели. Она содержала отца кой-какими средствами, оставленными ей мужемъ, старалась угодить его малѣйшему желанію, но, несмотря на это, постоянно мучилась, какъ въ аду. Достаточно было, чтобы къ обѣду забыли приготовить какое-нибудь блюдо, или въ домѣ оказалось мало вина—и Владиміръ Николаичъ бѣсновался.

— Голодомъ морить меня... Мерзавка!

— Папаша!

— Дрянь, гадина! Молчать!

На полъ летѣли ножи, тарелки, по всему дому раздавались брань, крики.

На болѣзнь Клавдіи Владиміровны не обращалось рѣшительно никакого вниманія. Во время бѣснованія, отецъ часто врывался къ ней въ комнату и подлеталъ къ кровати.

— Вонъ изъ моего дома! Коли ты не хочешь ходить за мной, вонъ!

— Папаша! Ради Бога! стонала несчастная.

Брань смѣнялась отчаяннымъ воемъ. Владиміръ Николаичъ становился передъ образами, и то молился, то плакалъ.

— Да избавь ты меня, Царица небесная, избавь отъ этого гада! Господи помилуй!

Чтобы не слышать отчаяннаго воя и самой дикой ругани, часто всѣ разбѣгались изъ дому. Бѣснующійся старикъ бѣгалъ одинъ по комнатамъ и вдругъ въ его пьяную голову приходила мысль поджечь домъ.

— Горите, чортъ съ вами! Пусть все горитъ! кричалъ онъ и отыскивалъ спички до тѣхъ поръ, пока не натыкался на графинъ съ водкой. Тутъ онъ забывалъ все и пилъ рюмку за рюмкой, пока не напивался въ лоскъ и не засыпалъ тяжелымъ, пья-

нымъ сномъ, послѣ котораго, какъ ни въ чемъ не бывало, принимался шутить и разсказывать о прошломъ, вплоть до новаго бѣснованія.

Позади Петра Васильева, наоборотъ, рѣшительно ничего не было. Изъ прошлаго онъ не вынесъ съ собой даже фамиліи и въ N, гдѣ онъ приткнулся, одни называли его Незабудкинымъ, другіе просто-нà-просто крестили Выжигой. Самъ Петръ Васильевъ придерживался первой фамиліи; но если кто-нибудь при немъ упоминалъ и объ его прозвищѣ, то ограничивался улыбкой и нисколько, повидимому, не сердился. Копаться въ его прошломъ никто не любилъ, да и кому, въ самомъ дѣлѣ, могла придти охота обращаться къ прошлому этого зоркаго съ узенькими глазками человѣка, который, какъ стрѣла, леталъ съ утра до ночи по городу, съ единственной цѣлью зашибить копейку. Только потомъ, когда онъ сталъ удивлять всю N—скую губернію своими необыкновенными подвигами, нашлись люди, знавшіе его издавна. Они указывали стараго-престараго барина, который каждый день въ извѣстные часы аккуратно пробирался на такихъ же, какъ онъ самъ, старыхъ лошадяхъ къ извѣстному въ городѣ ресторану и подолгу сидѣлъ тамъ неизвѣстно для какой надобности. Только тогда, во время славы Петра Васильева, стало извѣстно, что онъ, Петръ Васильевъ, не кто иной, какъ дворовый человѣкъ, когда-то произведенный старымъ-престарымъ бариномъ изъ пастуховъ въ охотники за то, что въ быстротѣ бѣга съ нимъ равнялись даже не всѣ собаки. Баринъ былъ въ состояніи душу положить за псарню. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что однажды онъ чуть не своротилъ на сторону челюсти Петра Васильева, который имѣлъ неосторожность отдавить лапу какому-то Догоняю.

Зуботычина послужила для Петра Васильева исходнымъ пунктомъ и открыла передъ нимъ сразу широкую дорогу, по которой онъ началъ шагать исполинскими шагами. Обиды онъ не снесъ. То было горячее время, когда всѣ предъявляли свои права. Петръ Васильевъ тоже предъявилъ и получилъ тридцать рублей.

— Съ этого и пошелъ, съ этой самой плюхи! заключали обыкновенно тѣ, которые разсказывали о прошломъ Незабудкина.

— А теперь!

— Что̀ теперь! Такъ пышетъ, такъ пышетъ!.. Четвертое имѣніе покупаетъ, а съ чего?.. съ плюхи!

— Бываетъ людямъ счастье!

Никто ни единымъ словомъ не обмолвился о томъ, что гдѣ-то, въ одномъ изъ глухихъ уѣздовъ N—ской губерніи, есть бѣдная деревушка Сосновка, маленькіе домишки которой уныло лѣ-

пятся по краямъ глинистаго оврага; никто не упоминалъ о какой-то Матренѣ, которой вдругъ вздумалось осчастливить міръ, подаривъ ему новаго гражданина. Но всѣ съ подробностями разсказывали только о плюхѣ. Да и къ чему, въ самомъ дѣлѣ, было поминать о деревушкѣ, о Матренѣ. Роди эта Матрена хоть цѣлую сотню Петровъ Васильевыхъ, изъ этого могло слѣдовать только, что они получили бы право ревѣть о коркѣ хлѣба и радоваться возможности поступить изъ-за той же корки въ пастухи. Должно совершиться какое-нибудь особенное обстоятельство, которое выбило бы ихъ изъ обычной колеи и поставило на другую дорогу. Несомнѣнно этимъ особеннымъ обстоятельствомъ въ жизни Петра Васильева была плюха. Безъ нея не было бы тридцати рублей, а безъ тридцати рублей не было бы возможности явиться въ N и наполнить его славою.

Петръ Васильевъ явился въ N, имѣя въ карманѣ только то, что онъ получилъ въ награду за зуботычину. Пробиться было трудно, но онъ пробился. Какихъ только должностей онъ не занималъ въ тѣ три-четыре года, пока ему удалось поселиться у Курицына. Онъ былъ и цѣловальникомъ, и опять охотникомъ; его еще нѣсколько разъ били. Съ необыкновеннымъ усердіемъ, не допивая и не доѣдая, онъ копилъ копейку къ копейкѣ, а за двугривенный готовъ былъ сдѣлать что угодно. Съ утра и до поздней ночи онъ былъ на ногахъ, точно на крыльяхъ перелетая изъ одного конца города въ другой, гдѣ предстояла такая крошечная нажива, на которую всякій другой могъ только плюнуть. Настоящей профессіи у него не было. Сегодня онъ какимъ-нибудь образомъ втирался къ часовщику и черезъ нѣсколько времени удивлялъ всѣхъ, починивая и исправляя часы, какъ самый лучшій мастеръ. Завтра онъ вертѣлся около настройщика, разспрашивалъ, прислушивался, а потомъ гдѣ-нибудь вдругъ принимался настраивать фортепіано, и только скромно улыбался, когда начинали удивляться, гдѣ онъ такъ скоро выучился. Основательно, какъ слѣдуетъ, Петръ Васильевъ, конечно, не зналъ ни одного мастерства, да вовсе и не желалъ этого. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему? Развѣ можно было представить себѣ этого юркаго, такъ и порывающагося во всѣ стороны человѣка, вѣчно торчащимъ за столомъ часовщика, съ лупой въ глазу, или на верстакѣ съ поджатыми ногами за какимъ-нибудь сюртукомъ или фракомъ?

Ему просто надо было какъ-нибудь пробиться пока, а потомъ... Онъ все ждалъ чего-то. Надо было посмотрѣть, какимъ огнемъ загорались его глазки, когда онъ, видя проѣзжающаго мимо купца Колотилова, говорилъ кому-нибудь:

— Вѣдь тоже... Я еще помню, какъ онъ не лучше насъ былъ, а теперь... Вышелъ случай...

Черезъ три-четыре года послѣ своего появленія въ N, онъ жилъ у Курицына. Попалъ онъ въ этотъ домъ какъ-то чисто случайно. Онъ только-что настроилъ Клавдіи Владиміровнѣ рояль и сталъ склеивать стулъ, который ужъ совсѣмъ хотѣли выбросить на чердакъ, какъ барыня заговорила съ нимъ о квартирѣ. Петра Васильева тогда гнали изъ чуланчика, гдѣ онъ ютился. Хозяинъ хотѣлъ перестроивать домъ. Дѣться было рѣшительно некуда. По крайней мѣрѣ, такъ разсказывалъ Петръ Васильевъ и при этомъ чуть не плакалъ. У Клавдіи Владиміровны было слишкомъ доброе сердце. Она тотчасъ же переговорила съ отцомъ, и Петру Васильеву предложили перебраться въ каморку подлѣ кухни. Это была маленькая, темненькая комнатка съ крошечнымъ окномъ, въ которую валили всякій хламъ, а иногда даже держали цыплятъ и поросятъ.

Конечно, Петръ Васильевъ тотчасъ бросился цѣловать у всѣхъ руки, принялся благодарить, заплакалъ и всѣмъ этимъ растрогалъ Клавдію Владиміровну такъ, что съ него за квартиру не взяли ни копейки.

Не прошло и недѣли, какъ онъ окончательно обворожилъ хозяевъ. У старика онъ при всякомъ случаѣ цѣловалъ руки, перетаскивалъ его даже черезъ такую ничтожную лужицу, въ которой положительно невозможно было замочить ногъ, юлилъ, таскалъ откуда-то яблоки, груши. Барыню онъ восхитилъ сначала тѣмъ, что какъ нельзя лучше прибралъ коморку, а потомъ своимъ страстнымъ желаніемъ узнать ариѳметику. Читать, писать онъ гдѣ-то научился еще раньше, но съ ариѳметикой не могъ познакомиться, несмотря на то, что возлагалъ на нее огромныя надежды.

Клавдія Владиміровна просто не могла надивиться его понятливости и успѣхамъ. Онъ схватывалъ почти на лету, и чуть ли не главный трудъ учительницы состоялъ въ томъ, чтобы уговорить юркаго ученика сѣсть въ ея присутствіи.

Опредѣленной профессіи онъ и теперь не имѣлъ. То чинилъ часы, то настраивалъ фортепіано, то вдругъ появлялся на толкучкѣ съ ворохомъ стараго платья въ рукахъ. Стоило только войти въ его коморку, чтобы бросилось въ глаза разнообразіе занятій хозяина. И ветошь въ углу, и дрянные, никуда негодные часы, заржавѣвшіе до безобразія ружейные стволы, а на столѣ обломанная черепаховая лорнетка. Собирая всякую дрянь, Петръ Васильевъ, казалось, только загромождалъ свою и безъ того тѣсную до крайности коморку. Кучера, лакеи очень часто

поднимали неистовый смѣхъ при видѣ того, съ какимъ торжествомъ онъ тащилъ къ себѣ какую-нибудь вновь пріобрѣтенную дрянь.

— И на что это тебѣ? Тьфу!

— Да ты приди къ намъ. Этой дряни у насъ... ахъ, братецъ!

Но Петръ Васильевъ только скромно улыбался и, нисколько не конфузясь, приходилъ за дрянью. Онъ отлично зналъ, что дѣлаетъ. Дѣйствительно, проходило немного времени и тѣ же, которые хохотали по поводу его любви къ дряни, брали у него на перебой билеты на лоттерею. Петръ Васильевъ всѣмъ разсказывалъ о необыкновенныхъ достоинствахъ часовъ, которые должны разыгрываться въ этой лоттереѣ. Часы дѣйствительно кто-нибудь выигрывалъ, на долю же остальныхъ приходилась та дрянь, которую Петръ Васильевъ терпѣливо собиралъ гдѣ попадется.

Но, кромѣ явныхъ профессій, у него было нѣсколько такихъ, о которыхъ знали только немногіе. Часто, пробираясь по улицѣ, онъ усматривалъ толстаго, величественнаго вида барина, который стоялъ у воротъ своего дома и важно смотрѣлъ по сторонамъ. Лицо Петра Васильева принимало умильное выраженіе.

Баринъ подзывалъ его, чуть-чуть поманивая пальцемъ.

— Ну что̀, какъ? спрашивалъ онъ, ни на секунду не утрачивая своей величавости.

— Стараюсь, Алексѣй Александрычъ, стараюсь. Сами изволите знать, я...

— Что же она?

— Все какъ-то опасается.

— Какой же ты, братецъ! Старайся!

— Будьте покойны. На этой недѣлѣ.

— Ну, а еще нигдѣ не видать?

— Ахъ, Алексѣй Александрычъ! Къ господамъ Немировымъ недавно поступила... Ну, можно сказать... Я тоже и тамъ...

Разговоръ въ такомъ родѣ продолжался еще нѣсколько времени, а потомъ Петръ Васильевъ вдругъ оказывался на другомъ концѣ города и велъ таинственные переговоры съ какимъ-нибудь озирающимся по сторонамъ субъектомъ.

— Вѣрь Богу, для продажи дали, увѣрялъ субъектъ, высовывая изъ-подъ полы какую-нибудь вещь и еще сильнѣе начиная бѣгать по сторонамъ глазами.

III.

Письмо, которое принесли Владиміру Николаичу, было дѣйствительно очень важно и привело его въ сильное волненіе. Онъ быстро, хотя и мелкими шажками, бѣгалъ по комнатѣ.

Ему писали объ опасной болѣзни одной изъ самыхъ близкихъ его родственницъ, Серафимы Давыдовны, съ которой у старика была сильная ссора. Ссора началась давно изъ-пустяковъ, но дошла до того, что родственники нетолько не видались, но даже хладнокровно не могли слышать другъ о другѣ. Теперь все это было забыто.

Владиміръ Николаичъ испытывалъ почти тоже, что испытывалъ въ ѝны дни, когда въ руки его одно за другимъ плыли разныя наслѣдства.

— У нея деньги есть, большія деньги! бормоталъ онъ, и все сильнѣе и сильнѣе волновался.

Клавдія Владиміровна попробовала-было успокоить отца, но это было совершенно напрасно. Тотъ только топалъ ногами и кидалъ на нее злобные взгляды.

— Ты развѣ что понимаешь? Молчать! Да, да! черезъ нѣсколько секундъ опять мечталъ онъ:—раскрадутъ у нея, непремѣнно раскрадутъ...

Можно было ожидать, что вотъ-вотъ старикъ расплачется.

— Папаша, да вѣдь у нея есть наслѣдники, робко представляла Клавдія Владиміровна.

— Наслѣдники? Гдѣ ея наслѣдники? Въ Петербургѣ! Когда они узнаютъ?

— Но вѣдь...

Но онъ ничего не слышалъ. Онъ только продолжалъ бѣгать и увѣрялъ, что простилъ Серафиму Давыдовну. Онъ ничего теперь противъ нея не имѣетъ. Конечно, конечно... Она обидѣла его, но...

— Господь, Господь съ нею!

Черезъ нѣсколько времени волненіе дошло до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

— Я самъ поѣду. Да, самъ, самъ... Со мной поѣдетъ Петръ Васильевъ.

Петръ Васильевъ, когда его позвали, нетолько изъявилъ полнѣйшее согласіе, но, по обыкновенію, бросился къ ручкѣ благодѣтеля съ такимъ умиленіемъ, какъ будто эта поѣздка сулила ему Богъ вѣсть какія сокровища.

Сборы въ дорогу заняли все утро, тѣмъ болѣе, что хлопотъ было столько, какъ будто Владиміръ Николаичъ собирался не за двадцать верстъ, а чуть не къ сѣверному полюсу. Петръ Васильевъ бѣгалъ доставать экипажъ, потомъ то осматривалъ у него колеса, втулки, то исчезалъ въ своей каморкѣ, появляясь на дворѣ съ веревками, щипцами. Владиміръ Николаичъ выхо-

дилъ изъ себя, топалъ ногами на горничную, и кидалъ въ лицо дочери разныя вещи.

— Денегъ Петру Васильеву дать на дорогу! командовалъ онъ.—Какъ можно больше!

О деньгахъ онъ всегда говорилъ такимъ тономъ, какъ будто въ его карманѣ лежали милліоны и за ними стоило только запустить руку. Онъ едва ли зналъ, что для удовлетворенія его ежедневныхъ прихотей Клавдія Владиміровна часто закладывала послѣднія свои вещи.

Наконецъ, путешественники отправились. Петръ Васильевъ сидѣлъ на козлахъ и поминутно долженъ былъ то поправлять подушку, то укутывать ноги барина. Едва успѣвалъ онъ сѣсть какъ слѣдуетъ, приходилось снова повертываться. Владиміръ Николаичъ передъ отъѣздомъ выпилъ какъ слѣдуетъ; кромѣ того, путешествіе, послѣ долгаго сидѣнья въ комнатахъ, отозвалось на немъ возбуждающимъ образомъ, и онъ былъ донельзя веселъ. Хохоту, разсказамъ его не было конца. Говорилось то о болѣзни Серафимы Давыдовны, то вспоминалось прошлое.

— Я разъ, знаешь, двѣсти рублей у нея отыскалъ, смѣялся Владиміръ Николаичъ.—Гдѣ бы ты думалъ? Въ чулкѣ! Такъ вѣдь и не вспомнила... А мнѣ тогда деньги страсть какъ нужны были... Самъ Богъ послалъ... Въ карты я, братецъ, игралъ сильно...

— А то одинъ разъ, знаешь, вспомнилъ онъ черезъ нѣсколько времени:—семь тысячъ проигралъ, а денегъ нѣтъ... Что дѣлать?.. Не платить нельзя! Опекой я тогда одной завѣдывалъ, сейчасъ оттуда, а потомъ показалъ туда-сюда въ расходъ... Чтожь бы ты думалъ... Мнѣ же потомъ триста рублей заплатили... Вышло, что свои передержалъ... Ха, ха, ха!.. Опека — это, братецъ...

И Петръ Васильевъ долженъ былъ слушать, какъ было хорошо управлять опеками. Набилъ на крышу тесинку-двѣ; въ заборѣ что-нибудь поправилъ—показывай что хочешь!

— Вотъ Константинъ Карпычъ какъ отъ этихъ опекъ нажился! воодушевлялся старикъ.—Какъ жилъ! Отъ него все Краюшкину досталось... а знаешь за что? ха, ха... На гитарѣ игралъ!

— На гитарѣ?

— Да. Подбился къ старику, утѣшалъ его, а онъ ему потомъ все имѣнье. Ну, и игралъ!.. На все онъ былъ мастеръ: представить кого-нибудь, спѣть... Изъ-за этого только и пошелъ... Своего у него ничего не было.

— Иному, Владиміръ Николаичъ, Богъ пошлетъ. Вотъ тоже, говорятъ, у Сергѣя Иваныча...

— Сергѣй Иванычъ тотъ совсѣмъ иначе. Онъ къ дѣвкѣ у Чалкина подбился... Чалкинъ ей деньги оставилъ, а Сергѣй Иванычъ ее кругомъ пальца окрутилъ. Женюсь да женюсь... Ну, она, дура, и повѣрила...

— Въ бѣдности теперь.

— Дура... ха, ха! Повѣрила! Да, братъ, прежде...

— Ахъ, и теперь, Владиміръ Николаичъ, ежели кому Богъ... Ахъ, жить еще можно!

— Что̀ теперь! Нѣтъ, ты бы посмотрѣлъ, какъ прежде. Вотъ хоть бы въ Красномъ у Серафимы Давыдовны какъ жили. Отецъ ея... балы, танцы, обѣды... Народу-то!

Между такими разговорами время летѣло, какъ птица. До деревни, гдѣ жила Серафима Давыдовна, было недалеко, а потому путешественники почти не замѣтили, какъ экипажъ ихъ оказался на барскомъ дворѣ.

Петръ Васильевъ, помогая вылѣзать барину, въ одно мгновеніе оглядѣлъ все своими рысьими глазками.

Господскій домъ, въ которомъ, по словамъ Владиміра Николаича, прежде жили такъ весело, былъ большой, но выглядѣлъ не особенно привѣтливо. Половина оконъ была закрыта и, должно быть, давно не отворялась. Желтая краска, которою когда-то былъ окрашенъ домъ, почти совсѣмъ сошла отъ дождя... По парадному крыльцу давно не ходили. Ступеньки его покосились и между ними кой-гдѣ пробивалась яркая, зеленая травка. Дворъ заросъ крапивой. Однимъ словомъ, домъ глядѣлъ крайне уныло, и ничто въ немъ не напоминало веселаго прошлаго. Даже въ саду какъ-то уныло шумѣли березы.

На крыльцѣ, у котораго остановился экипажъ, стояла, поджавъ руки, необыкновенно толстая женщина въ городскомъ платьѣ и шегольскихъ ботинкахъ, надѣтыхъ, впрочемъ, на грязную, босую ногу.

— Ну, что̀, какъ барыня? весело обратился къ ней вылѣзшій, наконецъ, Владиміръ Николаичъ.

— Барыня?

— Да, да, Серафима Давыдовна? Вотъ мы ее вылечимъ...

— А она умерла! крайне развязно обрѣзала женщина и притомъ такъ неожиданно, что Владиміръ Николаичъ, который только что было занесъ ногу на лѣстницу, даже остановился.—Да, умерла, ночью умерла, продолжала женщина, на этотъ разъ какъ будто и сожалѣя о случившемся, и въ тоже время извиняясь за Серафиму Давыдовну передъ гостями.

Введя Владиміра Николаича въ огромную, мрачную переднюю съ коникомъ и такимъ сильнымъ запахомъ гнили, который не

успѣлъ уничтожить даже и запахъ ладона, Петръ Васильевъ дѣйствительно увидѣлъ въ залѣ столъ съ покойницей, тускло горѣвшія около нея свѣчи, завѣшанныя зеркала. Покойница, должно быть, была маленькая, худенькая старушка. Крошечное, съ окаменѣлыми чертами и заостреннымъ носомъ лицо печально выглядывало изъ подъ бѣлаго платка, которымъ она была повязана подъ подбородокъ. Въ залѣ никого не было. Только толстая Настасья, та женщина, которая встрѣтила Владиміра Николаича на крыльцѣ, нарушала мертвую тишину, громко, на весь домъ стуча своими ботинками.

Владиміръ Николаичъ, начавшій всхлипывать еще на крыльцѣ, побрелъ въ залъ и тамъ разразился такими громкими стенаніями, какъ будто онъ потерялъ самаго лучшаго друга.

Впрочемъ, это продолжалось не особенно долго. Не прошло, можетъ быть, и пяти минутъ, какъ до Петра Васильева долетѣли крикливые возгласы. Баринъ кричалъ на кого-то и плакалъ въ одно и тоже время.

Серафима Давыдовна жила вдвоемъ съ какой-то дальней родственницей, державшейся, впрочемъ, скорѣе на правахъ компаньонки. На эту компаньонку и напустился Владиміръ Николаичъ. Его надо было извѣстить раньше. Зачѣмъ ему не написали своевременно? Значитъ, была какая-нибудь цѣль... Да, да! Непремѣнно, цѣль... Даже за дьячкомъ не послали.

Компаньонка, робкая донельзя старушка, трепетала.

— Владиміръ Николаичъ! пыталась она оправдаться, но ей не удалось сказать и двухъ словъ.

— Цѣль, цѣль! Я понимаю, отлично понимаю!

— Такъ вдругъ... Кто же могъ?

— Мы все увидимъ, Петръ Васильевъ! Смотрѣть за всѣмъ, а то онѣ...

Дошло до того, что компаньонка прямо обвинялась въ намѣреніи обокрасть покойницу.

— Подать сюда ключи! Сейчасъ же. Не смѣть ничего брать безъ моего позволенія.

Компаньонка забилась куда-то во флигелекъ и не смѣла показаться оттуда. Поминутно ощупывая въ своихъ карманахъ ключи, Владиміръ Николаичъ, какъ полновластный хозяинъ, ходилъ по всему дому, и то отдавалъ приказанія, то вдругъ, среди крика и брани, останавливался подлѣ покойницы и начиналъ молиться, а послѣ молитвы отправлялся въ сосѣднюю комнату, гдѣ тотчасъ же по пріѣздѣ распорядился поставить водку и закуску.

— Другъ мой! Ты простишь меня, а я... я тебя прощаю! па-

тетически обращался онъ къ покойницѣ, появляясь въ залѣ съ еще непрожеваннымъ кускомъ во рту.

Безъ отвращенія нельзя было смотрѣть на эту шныряющую повсюду, худенькую, маленькую фигурку, въ коротенькомъ пиджачкѣ, съ огромной связкой ключей въ карманѣ, которые гремѣли на весь домъ. Испуская слезы, онъ какъ-то вдругъ усматривалъ въ тоже время валявшуюся на столѣ ложечку и, какъ коршунъ, кидался на нее.

— Все покинула! ничего ей не надо! начиналъ онъ опять свои причитанья и въ то же время не забывалъ прятать въ карманъ ложку.

Настасья не знала, что дѣлать. Старикъ поминутно кричалъ на нее, топалъ ногами, запрещая даже близко подходить къ той комнатѣ, куда онъ стаскивалъ цѣнныя вещи.

Изрѣдка приходили крестьянки, кланялись покойницѣ и, подперевъ рукой щеку, видимо намѣревались постоять, можетъ быть, даже поплакать, но Владиміръ Николаичъ живо гналъ ихъ прочь.

Было еще очень рано, когда онъ вдругъ настоятельно потребовалъ, чтобы всѣ шли ужинать. Только Петру Васильеву было приказано сидѣть въ передней.

— Я, братецъ, не боюсь, а такъ... я буду молиться, объявилъ онъ и уединился туда, гдѣ стояла закуска.

Петръ Васильевъ отчетливо слышалъ какой-то подозрительный шорохъ. До крайности осторожно, не дыша, онъ подошелъ къ той комнатѣ, гдѣ былъ баринъ, и припалъ къ щели, которая оказалась между досками переборки. Въ комнаткѣ горѣла передъ образомъ лампадка, и была зажжена еще свѣча. Все было видно какъ нельзя лучше: большой пузатый комодъ, а на немъ старинный туалетъ съ зеркаломъ между двумя кругленькими колонками и нѣсколькими ящичками; два три старинныхъ кресла, большой крашенный шкафъ; огромный кіотъ съ образами — въ одномъ углу; кровать—въ другомъ.

Владиміръ Николаичъ наскоро осмотрѣлъ ящички туалета, комода и принялся отворять обитую жестью шкатулку, которая стояла на столикѣ у кровати. Онъ подобралъ ключъ изъ бывшей у него связки, но никакъ не могъ попасть имъ въ замокъ. Руки его сильно дрожали, ключъ такъ и прыгалъ, слегка стуча по жести. Наконецъ шкатулка была отворена. Петру Васильеву было хорошо видно, что старикъ вдругъ задрожалъ и лицо его приняло какое-то особенное не то хищное, не то радостное выраженіе. Онъ торопливо сталъ вынимать что-то изъ шкатулки и совать въ карманы пиджака, брюкъ, но руки его тряслись до то-

го сильно, что нѣсколько разъ выпускали добычу. Изъ нихъ вылетали и разсыпались по полу бумажки, подбирая которыя Владиміръ Николаичъ долго ползалъ по комнатѣ.

Петръ Васильевъ до того припалъ къ щели, что едва разслышалъ говоръ и чьи-то тяжелые шаги по крыльцу. Пришла Настасья, а съ нею только что явившійся дьячекъ. Они что-то говорили, но Петръ Васильевъ ничего не понималъ и только безсмысленно глядѣлъ на нихъ. Передъ его глазами все еще стоялъ Владиміръ Николаичъ и, весь дрожа, совалъ въ карманы деньги.

Немного спустя, вошелъ баринъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы Петръ Васильевъ ночевалъ вмѣстѣ съ нимъ и, пославши его приготовлять постель, самъ весело принялся трунить надъ Настасьей, которая объявила, что она боится покойниковъ.

— Дура, дура. Ну, развѣ она что можетъ тебѣ сдѣлать? смѣялся онъ.—Только помолись.

— А все, баринъ, страшно.

— Дура, дура.

Изъ этого разговора до Петра Васильева долетали только отдѣльныя слова. Войдя въ комнатку, гдѣ только-что дѣйствовалъ баринъ, и гдѣ надо было приготовлять постель, онъ прежде всего бросился къ шкатулкѣ, но она была заперта. Петръ Васильевъ торопливо заползалъ по полу. Старикъ навѣрное не поднялъ всего, что вывалилось изъ его рукъ. Но оказалось, что дѣло было сдѣлано чисто. Только въ углу около шкафа валялась трехрублевая бумажка, да подлѣ нея лежала небольшая черненькая коробочка съ какимъ-то тоненькимъ перстенькомъ. Петръ Васильевъ сунулъ въ карманъ то и другое, но больше ничего не нашелъ. Онъ взялъ свѣчу, чтобъ еще разъ осмотрѣть подъ кроватью. Свѣтъ упалъ на небольшую бумажку, которая валялась у кровати и которую Петръ Васильевъ и раньше видѣлъ, но не обратилъ на нее вниманія. При яркомъ свѣтѣ близко поднесенной свѣчи, вдругъ стали видны столбики на краяхъ бумажки. Петръ Васильевъ развернулъ ее и весь затрепеталъ отъ радости. Бумажка оказалась векселемъ въ три тысячи рублей, выданнымъ богатымъ N—скимъ купцомъ Мочалкинымъ на имя покойницы. Владиміръ Николаичъ выронилъ его изъ шкатулки.

Скоро въ домѣ воцарилась тишина. Всѣ спали. Раздавалось только монотонное чтеніе дьячка около покойницы, да изрѣдка молитвенные возгласы Владиміра Николаича, который, долго прохлопотавъ надъ укладываніемъ въ сакъ-вояжъ своей добычи, теперь спокойно лежалъ на кровати и молился за новопреставленную рабу божію Серафиму. Петръ Васильевъ свернулся на

какомъ-то тюфячкѣ около двери и лежалъ съ открытыми глазами. Онъ былъ точно въ чаду. Мысли о томъ, какъ онъ сдѣлается съ Мочалкинымъ, не оставляли его ни на секунду. Конечно, Мочалкинъ не выдастъ его. Какая ему надобность! Ему гораздо выгоднѣе сдѣлаться съ Петромъ Васильевымъ, который можетъ уступить что-нибудь, чѣмъ сполна платить наслѣднику покойницы. Но все-таки съ Мочалкинымъ надо держать ухо востро, а то онъ... И въ воображеніи Петра Васильева проходили одинъ за другимъ тѣ подвиги, благодаря которымъ Мочалкинъ прославился, можетъ быть, больше другихъ изъ своихъ согражданъ. Давно ли, чуть не на глазахъ всего гостиннаго двора, онъ съѣлъ вексель, который заимодавецъ имѣлъ неосторожность слишкомъ близко поднести къ его лицу. Положимъ, при этомъ чуть не до ушей былъ разодранъ ротъ Мочалкина, но что изъ этого? А его безпрестанныя банкротства! Кто изъ обывателей N не зналъ о нихъ и не заливался самымъ веселымъ смѣхомъ, слыша, что Мочалкинъ собирается въ Кіевъ на богомолье. Только кредиторы его не смѣялись. Они отлично знали, что изъ Кіева будетъ навезено многое множество святыни; можетъ быть, опять Мочалкинъ вздумаетъ снять съ себя карточку, на которой его изобразятъ въ видѣ паломника съ длиннѣйшей палкой въ рукѣ и съ котомкой за спиной. По возвращеніи изъ Кіева, будетъ устроенъ торжественный обѣдъ, на который пригласятся исключительно одни кредиторы. Имъ будетъ сначала роздана святыня, фотографическія карточки, а потомъ, съ тяжелымъ вздохомъ, объявится, что дѣла хозяина пришли въ разстройство. Кредиторы, конечно, пожмутся, пожмутся, но въ концѣ-концовъ все-таки должны будутъ получить по 10, много по 15%.

«Да, съ нимъ надо осторожно», думалъ Петръ Васильевъ и буквально не спалъ всю ночь. Передъ нимъ то носились картины радужнаго будущаго, то пронималъ опять страхъ. Векселя могутъ хватиться, Мочалкинъ можетъ отнять его. Впрочемъ, заснуть было мудрено ужь по одному тому, что Владиміръ Николаичъ кричалъ рѣшительно всю ночь и притомъ такъ громко, что крикъ его раздавался по всему дому. Должно быть, онъ видѣлъ во снѣ что-нибудь веселое, потому что хохоталъ самымъ сильнымъ, раскатистымъ смѣхомъ.

Ночью Петръ Васильевъ рѣшилъ, что для безопасности вексель надо непремѣнно куда-нибудь спрятать и взять къ себѣ только при отъѣздѣ; но все это оказалось совершенно напрасно.

На утро явилась еще родственница Серафимы Давыдовны, сухая, желтая старая дѣва, физіономія которой была такъ вы-

тянута, какъ будто обладательница ея была постоянно сильно обижена или удивлена чѣмъ-нибудь. Новая гостья безшумно, какъ летучая мышь, летала по комнатамъ и, останавливаясь по временамъ передъ покойницей, такимъ тономъ восклицала: «Ахъ, тетя, тетя!» какъ будто Серафима Давыдовна сдѣлала Богъ вѣсть какую глупость, убравшись съ этого свѣта.

— Она теперь счастлива, сантиментальничалъ Владиміръ Николаичъ.

— Умереть одной, вдругъ! Ужасно!

— Да, да...

Петръ Васильевъ переживалъ мучительныя минуты. Онъ ждалъ, что вотъ-вотъ хватятся векселя, пошлютъ за полиціей. Одинъ разъ, когда его позвали въ комнату, онъ такъ и подумалъ, что все пропало, но вмѣсто того, его ждала радость.

Начались приготовленія къ похоронамъ, оказалось нужнымъ что-то купить въ городѣ и за этими покупками командировали его.

Внутренно ликуя, Петръ Васильевъ скакалъ на какой-то клячѣ, поминутно ощупывая карманъ, гдѣ лежало его драгоцѣнное пріобрѣтеніе. Теперь онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что никто не въ состояніи будетъ отыскать у него вексель. Въ его коморкѣ были такіе тайники, о которыхъ рѣшительно бы никому не пришло въ голову.

Много ли досталось барину? думалъ иногда онъ. Но объ этомъ ему пришлось узнать ужь черезъ два дня, когда Серафиму Давыдовну похоронили и Владиміръ Николаичъ собрался домой. На послѣдней станціи, передъ городомъ, баринъ съ необыкновенно важнымъ видомъ вручилъ своему спутнику десятирублевку.

— Это тебѣ, братецъ, за хлопоты, торжественно говорилъ онъ, допуская къ своей рукѣ Петра Васильева.

Хотя Владиміръ Николаичъ, вынимая десятирублевку, отвертывался въ сторону, но Петръ Васильевъ успѣлъ оглядѣть бывшую въ его рукахъ пачку денегъ. Пачка была неособенно велика, бумажки не крупны.

— Можетъ быть, рублей двѣсти, рѣшилъ про себя Петръ Васильевъ и успокоился.

IV.

Операція, которой такъ боялся Петръ Васильевъ и къ которой онъ старательно готовился, придумывая, что̀ говорить

Мочалкину насчетъ пріобрѣтенія векселя, сколько просить за него и такъ далѣе, обошлась тоже какъ нельзя лучше и притомъ кончилась очень скоро.

Мочалкинъ былъ удивительно почтенный съ виду купецъ. Высокій, полный, съ большой сѣдой бородой и бѣлыми, какъ лунь, волосами, которые слегка вились на концахъ, онъ былъ до того благообразенъ, что съ него можно было, кажется, сейчасъ же писать какого-нибудь ветхозавѣтнаго патріарха.

Онъ, повидимому, совершенно серьёзно слушалъ Петра Васильева, который, не зная куда дѣвать глаза, разсказывалъ о томъ, какъ Серафимѣ Давыдовнѣ вдругъ понадобились деньги и она продала вексель. Только подъ сѣдыми усами, въ самомъ углу губъ купца, нѣтъ-нѣтъ да появлялась легкая улыбка, которая, впрочемъ, довольно ясно говорила, что подобныя дѣла случались и прежде неоднократно.

— Что-жь, доброе дѣло, объявилъ онъ вдругъ. — Только я, братецъ, вотъ что... разсчетъ у нотаріуса.

— Зачѣмъ же, Козьма Иванычъ? Помилуйте! завертѣлся еще больше Петръ Васильевъ.—Мы...

— Мнѣ такъ покойнѣе, а то...

— Ахъ, Боже мой, да развѣ я... Все равно, какъ будто покойницѣ уплатили.

— Или вотъ свидѣтелей какихъ-нибудь сюда позовемъ, стоялъ на своемъ Мочалкинъ, барабаня по столу пальцами.

Но Петръ Васильевъ отказался и отъ нотаріуса, и отъ свидѣтелей. Онъ очень хорошо понималъ, что всѣ эти слова Мочалкинъ говоритъ единственно для того, чтобы съ возможно бо̀льшей пользой покончить для себя дѣло.

На столѣ появилась водка и закуска, но отъ угощенія Петръ Васильевъ отказался, что̀, повидимому, удивило хозяина.

— Рюмку можно, говорилъ онъ.

— Я, Козьма Иванычъ, даже вкуса не знаю, отъ роду даже...

— Не пьешь?

— Душа не принимаетъ. Вотъ столько даже!

Петръ Васильевъ показалъ на самую малую часть мизинца и думалъ отдѣлаться этимъ, но Козьма Иванычъ заговорилъ, что понемногу ничего; что даже доктора...

Петръ Васильевъ страдалъ. Онъ думалъ только объ одномъ, ка̀къ бы поскорѣе покончить дѣло, и со страхомъ поглядывалъ на дверь. Развѣ не было такихъ случаевъ, что у кредиторовъ отнимали документы? Ну, какъ вдругъ Козьма Иванычъ бросится на него или позоветъ прикащика?

Но, поговоривъ о докторахъ и прочемъ, Мочалкинъ опять сталъ барабанить по столу, а потомъ вдругъ точно обрѣзалъ:

— Сколько?

Дальше слѣдовало только одно:

— Да ты говори толкомъ.

— Ахъ, Козьма Иванычъ!..

— Ну, вотъ еще!

— Сдѣлайте ваше одолженіе. Я и впередъ коли что.

— То своимъ чередомъ...

— Мнѣ только деньги нужны. Я знаю, что до срока, а то бы... я бы... Ахъ, какіе убытки!

— Ну, ну, разговаривай!

Петръ Васильевъ горѣлъ, какъ въ огнѣ, и извивался такъ, какъ не извивался никогда. Мочалкинъ нѣсколько разъ объявлялъ, что онъ не хочетъ имѣть съ нимъ дѣла, что онъ лучше заплатитъ по суду, что это будетъ «много покойнѣе», но черезъ минуту опять торговался или требовалъ, чтобы ему снова былъ показанъ документъ. Этого въ особенности боялся Петръ Васильевъ и, показывая по необходимости, вексель, былъ до того на сторожѣ, что, кажется, даже сильно пересаливалъ.

— Да что ты за версту! Развѣ я... выходилъ изъ себя Козьма Иванычъ, но Петръ Васильевъ, сдѣлавъ впередъ какихъ-нибудь полшага, не хотѣлъ подходить ближе. Исторія о съѣденномъ Мочалкинымъ векселѣ не выходила изъ его головы.

Наконецъ, все было кончено. Петръ Васильевъ, весь дрожа, тянулъ къ себѣ пачку денегъ, предварительно сосчитанныхъ передъ его глазами, а другой рукой протягивалъ вексель. Въ этотъ моментъ врядъ ли онъ сознавалъ что-либо. Онъ видѣлъ передъ собою только двѣ тысячи, которыя принадлежатъ ему, которыя онъ сейчасъ положитъ въ карманъ.

— Ну, братъ, разживайся. Чтобы съ моей легкой руки! напутствовалъ его Мочалкинъ.

Петръ Васильевъ ничего не могъ говорить и только кланялся. Онъ спѣшилъ какъ можно скорѣе выбраться на улицу. Немного погодя, онъ стоялъ въ самомъ лучшемъ магазинѣ и покупалъ какое-то необыкновенно дорогое вино, лакомства.

— Что̀, видно, деньги завелись? шутилъ купецъ.

— Э, гдѣ намъ, Иванъ Иванычъ! вздыхалъ Петръ Васильевъ.— Для барина...

— Что̀ онъ такъ? Долга не отдаетъ, а тутъ...

Петръ Васильевъ только разводилъ руками. Онъ и самъ не понималъ «малодушія», которое усматривалъ въ поведеніи барина. Дѣйствительно, Владиміръ Николаичъ дѣятельно принялся

за свою добычу и въ теченіи дня нѣсколько разъ вручалъ Петру Васильеву деньги, посылая его купить то то, то другое.

Клавдія Владиміровна неудомѣвала, но боялась даже заикнуться о томъ, откуда у отца явились деньги. Это могло разсердить его. Очень возможно, что началась бы одна изъ тѣхъ сценъ, которыя укладывали ее на нѣсколько дней въ постель, но, главное, это могло разсердить старика и показать, что она что-то подозрѣваетъ.

V.

Петръ Васильевъ зашелъ какъ-то къ знакомому лавочнику. У лавки стояла изморенная лошаденка, запряженная въ маленькіе бѣговыя дрожки. Высокій, до крайности неряшливо одѣтый баринъ съ опухшимъ лицомъ и стеклянными, уставленными въ одну точку глазами, мучился около дрожекъ. Ему хотѣлось сѣсть, но никакъ не удавалось. Едва онъ заносилъ одну ногу, какъ точно невидимая рука отбрасывала его въ сторону съ такой силой, что онъ едва удерживался на ногахъ и долго, какъ маятникъ, качался изъ стороны въ сторону. Черезъ нѣсколько минутъ, попытка повторялась, но результатъ былъ одинъ и тотъ же. Лошаденка неподвижно стояла все время и только изрѣдка мотала головой.

Барину, должно быть, наконецъ, надоѣли безплодныя усилія взобраться на дрожки. Онъ принялся ругаться хриплымъ, пьянымъ голосомъ. Въ лавкѣ было много народа. Какой-то маленькій, смирненькій старичокъ съ гладко выбритымъ лицомъ сокрушенно качалъ головой.

— Какъ прежде жилъ! А все отъ жены! пошла она съ тѣмъ, съ другимъ, а онъ вотъ съ тѣхъ поръ...

— Пьетъ?

— Страшное дѣло! И что надъ нимъ дѣлаютъ! дадутъ ему въ этакомъ видѣ десять-двадцать рублей, а потомъ вдвое, втрое...

Петра Васильева кинуло въ жаръ.

— Да, продолжалъ, между тѣмъ, старичокъ. — Какое имѣніе! Такъ въ разныя стороны все и тащатъ!

Въ это самое время баринъ сдѣлалъ отчаянную попытку взмоститься на дрожки, но, не удержавшись на ногахъ, полетѣлъ подъ колеса. Лавочникъ бросился поднимать его.

Какъ Петръ Васильевъ ни старался возобновить прерванный разговоръ, это не удалось. Покупатели посмотрѣли вслѣдъ уѣзжавшему барину, который, немилосердно раскачиваясь во всѣ

Но, поговоривъ о докторахъ и прочемъ, Мочалкинъ опять сталъ барабанить по столу, а потомъ вдругъ точно обрѣзалъ:

— Сколько?

Дальше слѣдовало только одно:

— Да ты говори толкомъ.

— Ахъ, Козьма Иванычъ!..

— Ну, вотъ еще!

— Сдѣлайте ваше одолженіе. Я и впередъ коли что.

— То своимъ чередомъ...

— Мнѣ только деньги нужны. Я знаю, что до срока, а то бы... я бы... Ахъ, какіе убытки!

— Ну, ну, разговаривай!

Петръ Васильевъ горѣлъ, какъ въ огнѣ, и извивался такъ, какъ не извивался никогда. Мочалкинъ нѣсколько разъ объявлялъ, что онъ не хочетъ имѣть съ нимъ дѣла, что онъ лучше заплатитъ по суду, что это будетъ «много покойнѣе», но черезъ минуту опять торговался или требовалъ, чтобы ему снова былъ показанъ документъ. Этого въ особенности боялся Петръ Васильевъ и, показывая по необходимости, вексель, былъ до того на сторожѣ, что, кажется, даже сильно пересаливалъ.

— Да что ты за версту! Развѣ я... выходилъ изъ себя Козьма Иванычъ, но Петръ Васильевъ, сдѣлавъ впередъ какихъ-нибудь полшага, не хотѣлъ подходить ближе. Исторія о съѣденномъ Мочалкинымъ векселѣ не выходила изъ его головы.

Наконецъ, все было кончено. Петръ Васильевъ, весь дрожа, тянулъ къ себѣ пачку денегъ, предварительно сосчитанныхъ передъ его глазами, а другой рукой протягивалъ вексель. Въ этотъ моментъ врядъ ли онъ сознавалъ что-либо. Онъ видѣлъ передъ собою только двѣ тысячи, которыя принадлежатъ ему, которыя онъ сейчасъ положитъ въ карманъ.

— Ну, братъ, разживайся. Чтобы съ моей легкой руки! напутствовалъ его Мочалкинъ.

Петръ Васильевъ ничего не могъ говорить и только кланялся. Онъ спѣшилъ какъ можно скорѣе выбраться на улицу. Немного погодя, онъ стоялъ въ самомъ лучшемъ магазинѣ и покупалъ какое-то необыкновенно дорогое вино, лакомства.

— Что̀, видно, деньги завелись? шутилъ купецъ.

— Э, гдѣ намъ, Иванъ Иванычъ! вздыхалъ Петръ Васильевъ.— Для барина...

— Что̀ онъ такъ? Долга не отдаетъ, а тутъ...

Петръ Васильевъ только разводилъ руками. Онъ и самъ не понималъ «малодушія», которое усматривалъ въ поведеніи барина. Дѣйствительно, Владиміръ Николаичъ дѣятельно принялся

за свою добычу и въ теченіи дня нѣсколько разъ вручалъ Петру Васильеву деньги, посылая его купить то то, то другое.

Клавдія Владиміровна неудомѣвала, но боялась даже заикнуться о томъ, откуда у отца явились деньги. Это могло разсердить его. Очень возможно, что началась бы одна изъ тѣхъ сценъ, которыя укладывали ее на нѣсколько дней въ постель, но, главное, это могло разсердить старика и показать, что она что-то подозрѣваетъ.

V.

Петръ Васильевъ зашелъ какъ-то къ знакомому лавочнику. У лавки стояла изможенная лошаденка, запряженная въ маленькіе бѣговыя дрожки. Высокій, до крайности неряшливо одѣтый баринъ съ опухшимъ лицомъ и стеклянными, уставленными въ одну точку глазами, мучился около дрожекъ. Ему хотѣлось сѣсть, но никакъ не удавалось. Едва онъ заносилъ одну ногу, какъ точно невидимая рука отбрасывала его въ сторону съ такой силой, что онъ едва удерживался на ногахъ и долго, какъ маятникъ, качался изъ стороны въ сторону. Черезъ нѣсколько минутъ, попытка повторялась, но результатъ былъ одинъ и тотъ же. Лошаденка неподвижно стояла все время и только изрѣдка мотала головой.

Барину, должно быть, наконецъ, надоѣли безплодныя усилія взобраться на дрожки. Онъ принялся ругаться хриплымъ, пьянымъ голосомъ. Въ лавкѣ было много народа. Какой-то маленькій, смирненькій старичокъ съ гладко выбритымъ лицомъ сокрушенно качалъ головой.

— Какъ прежде жилъ! А все отъ жены! пошла она съ тѣмъ, съ другимъ, а онъ вотъ съ тѣхъ поръ...

— Пьетъ?

— Страшное дѣло! И что надъ нимъ дѣлаютъ! дадутъ ему въ этакомъ видѣ десять-двадцать рублей, а потомъ вдвое, втрое...

Петра Васильева кинуло въ жаръ.

— Да, продолжалъ, между тѣмъ, старичокъ. — Какое имѣніе! Такъ въ разныя стороны все и тащатъ!

Въ это самое время баринъ сдѣлалъ отчаянную попытку взмоститься на дрожки, но, не удержавшись на ногахъ, полетѣлъ подъ колеса. Лавочникъ бросился поднимать его.

Какъ Петръ Васильевъ ни старался возобновить прерванный разговоръ, это не удалось. Покупатели посмотрѣли вслѣдъ уѣзжавшему барину, который, немилосердно раскачиваясь во всѣ

стороны, едва держался на дрожкахъ — и ушли. Одно только и узналъ онъ, что пьяный баринъ былъ изъ Лужковъ, по фамиліи Глотовъ.

О пьянствѣ его говорилось и раньше, но Петръ Васильевъ не обратилъ тогда на это обстоятельство вниманія. Теперь Глотовъ не выходилъ у него изъ головы. Петръ Васильевъ какъ-будто даже утратилъ обычную юркость, не такъ стремительно выскакивалъ изъ своей коморки, чтобъ перенести черезъ лужицу Владиміра Николаича, задумывался, не спалъ по ночамъ и даже сталъ меньше думать о деньгахъ, запрятанныхъ до поры до времени въ одинъ изъ тайниковъ коморки.

— Вдвое, втрое берутъ! какъ гвоздь, сидѣло въ его головѣ.— Вѣдь этакъ...

Онъ не могъ, наконецъ, выдержать и черезъ нѣсколько дней брелъ въ Лужки. Онъ самъ не зналъ, зачѣмъ онъ туда явится, но мучиться больше стало невозможно. Ему просто, хоть издали хотѣлось посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ ловкіе люди, по словамъ старичка, разсказывавшаго въ лавкѣ, могли такъ отлично обдѣлывать свои дѣла.

До Лужковъ было недалеко, всего какихъ-нибудь семь-восемь верстъ. Барская усадьба была расположена на высокомъ берегу рѣки, за которой раскидывались во всѣ стороны зеленые луга, только кой-гдѣ перехваченные небольшими рощицами. Солнце обливало ихъ веселыми, яркими лучами. Изъ-за одного лѣска выглядывала колокольня деревенской церкви. Крестъ ея, какъ звѣздочка, горѣлъ на солнцѣ. Но все это нисколько не плѣняло Петра Васильева. Онъ даже не обратилъ никакого вниманія на рѣку, на птицъ, рѣющихъ надъ водой, и только жадно пожиралъ глазами усадьбу.

Большой двухэтажный господскій домъ представлялъ до-нельзя печальную картину. Когда-то около него былъ садъ и прекрасная рѣшотка. Теперь отъ этой рѣшотки остались только слѣды. Въ саду, вмѣсто деревьевъ, торчали пни. Самый домъ былъ въ состояніи полнаго разрушенія. Желѣзо съ крыши во многихъ мѣстахъ исчезло. Въ окнахъ ставни, по большей части, висѣли на одной петлѣ, у другихъ совсѣмъ ставенъ не было. Доски, которыми былъ обшитъ домъ, кто-то ободралъ и, должно быть, пустилъ на какое-нибудь дѣло, благоразумно разсудивъ, что домъ можетъ стоять и безъ обшивки. Только одинъ изъ флигелей, которые выступали впередъ по обѣ стороны дома, видимо былъ нетолько обитаемъ, но даже выглядѣлъ весело. Въ окнахъ его висѣли занавѣски, а на крышѣ, неизвѣстно для чего, былъ во-

друженъ на огромномъ шестѣ большой красный флагъ, который такъ и метался во всѣ стороны.

Около флигеля виднѣлся народъ. Молодой парень въ красной рубахѣ и плисовыхъ штанахъ, слегка покачиваясь на ногахъ и сильно наклонивъ на бокъ голову, наигрывалъ что-то очень веселое на гармоніи. Совсѣмъ пьяный мужикъ въ драномъ кафтанѣ силился плясать, но это ему не давалось, и онъ только семенилъ на одномъ мѣстѣ. Въ сѣняхъ кто-то громко хохоталъ.

Петра Васильева преимущественно заинтересовала женщина, которая сидѣла на крыльцѣ и съ самымъ равнодушнымъ видомъ грызла подсолнухи. Что-то знакомое было въ этой женщинѣ, но узнать ее Петръ Васильевъ не могъ. Она сидѣла къ нему почти спиной и онъ могъ только любоваться на ея отличное изъ шерстяной матеріи платье, съ высунувшеюся изъ-подъ него босой ногою. Наконецъ, женщина повернулась, крича что-то парню съ гармоніей, и Петръ Васильевъ чуть не вскрикнулъ отъ радости. Онъ узналъ свою старую знакомую, Ирину, съ которой вмѣстѣ жилъ у одного барина, узналъ, несмотря на то, что она раздобрѣла, расплылась съ того времени. У нея и тогда было полное, бѣлое лицо, точно кистью выведенныя брови и румянецъ чуть не во всю щеку, но тогда она ходила замарашкой, теперь же походила на купчиху. Лицо стало еще полнѣе, еще румянѣе, даже руки были, какъ у купчихи, бѣлыя, пухлыя.

Петръ Васильевъ мгновенно засіялъ, какъ-будто увидѣлъ сестру, которую давнымъ-давно считалъ умершей.

Но Ирина не обнаруживала особенной радости и, по прежнему, продолжая заниматься подсолнухами, только изрѣдка удостоивала его какимъ-нибудь вопросомъ. Мало того, она вдругъ почему-то вздумала чисто по-барски напуститься на плясавшаго мужика, который сдѣлалъ какое-то безобразіе, но тотъ, впрочемъ, не обратилъ на нее никакого вниманія, и Ирина обрушилась на работника.

Этотъ только что выволокъ откуда-то огромную съ отличнѣйшей рѣзьбой дверь и, крякая при каждомъ взмахѣ топора, съ яростью принялся рубить ее.

— Вишь, чортъ, въ лѣсъ-то идти лѣнь! звонко кричала Ирина.

— Ну, ну... огрызался работникъ и все энергичнѣе, и энергичнѣе махалъ топоромъ.

Впрочемъ, черезъ пять минутъ, Ирина и сама совершенно равнодушно смотрѣла на это разрушеніе... Ей просто только хотѣлось задать тону передъ старымъ знакомымъ.

На крыльцѣ флигелька показался заспанный мужчина, лѣтъ сорока съ чѣмъ-нибудь. Впрочемъ, о лѣтахъ его было мудрено су-

дить. Все лицо его отекло, глаза были красны, какъ у кролика, а голова до того сильно облѣплена пухомъ, что волосъ почти вовсе не было видно. На мужчинѣ была затасканная ситцевая рубаха съ косымъ, разстегнутымъ воротомъ, и широчайшіе тиковые шаровары; ноги красовались въ стоптанныхъ бурыхъ сапожныхъ опоркахъ.

Петръ Васильевъ не обратилъ на мужчину особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что его интересовалъ вопросъ: при чемъ состоитъ въ Лужкахъ Ирина? Онъ видѣлъ, что надъ крыльцомъ флигелька прибита доска, на которой, подъ лаконической надписью: «питейный домъ», былъ нарисованъ баринъ въ желтыхъ брюкахъ, синемъ сюртукѣ и красномъ жилетѣ. Въ зубахъ баринъ держалъ трубку, а правой рукой высоко поднималъ огромной величины рюмку. Впрочемъ, и самъ баринъ, и огромная рюмка были ничто передъ той огромной посудиной, которая стояла на столѣ, подлѣ барина.

Петръ Васильевъ только было порѣшилъ, что Ирина, должно быть, сидитъ въ кабакѣ, какъ тотчасъ же долженъ былъ отказаться отъ своего предположенія.

Стоявшій на крыльцѣ заспанный мужчина какъ-то особенно таинственно хотѣлъ прошмыгнуть въ дверь, изъ которой только что вышелъ пьяный мужикъ; но этотъ маневръ не укрылся отъ Ирины. Съ быстротою молніи она такъ сильно толкнула его отъ кабачной двери, что онъ закачался и едва устоялъ на ногахъ.

— Что̀, что̀? Эхъ, ты! укоризненно заговорилъ было онъ, но Ирина опять налетѣла на него и на этотъ разъ толкнула въ дверь, противоположную той, куда онъ пробирался.

Вте это доставило такое удовольствіе парню съ гармоніей, что онъ даже пересталъ играть и только подмигивалъ Петру Васильеву.

— Барина-то, а! Вотъ она какая у насъ! весело кричалъ онъ.

Только теперь Петръ Васильевъ догадался, что мужчина въ опоркахъ былъ не кто иной, какъ самъ лужковскій баринъ.

— Она у насъ... Ирина Семеновна, а? продолжалъ между тѣмъ радоваться парень, обращаясь на этотъ разъ ужь къ самой Иринѣ, которая опять появилась на крыльцѣ.—Какъ ты его...

— Да что въ самомъ дѣлѣ... Только пьянствовать! отвѣчала та.

— Ловко, ловко!

— На васъ глядѣть...

Послѣднія слова были произнесены такимъ тономъ, который какъ нельзя лучше показывалъ, что Ирина въ Лужкахъ немало-

значительная персона. Парень не унимался, увѣряя, что баринъ непремѣнно задастъ ей.

— Вотъ только дай ему проспаться.

— Нѣтъ, видно, руки коротки.

И, не продолжая спора, она направилась во флигелекъ, пригласивъ съ собой Петра Васильева.

Какъ оказалось, она помѣщалась вмѣстѣ съ бариномъ въ двухъ-трехъ маленькихъ комнаткахъ, расположенныхъ на однихъ сѣняхъ съ кабакомъ. Убранство этихъ комнатокъ было замѣчательно. Въ маленькихъ окошкахъ, съ выгорѣвшими отъ солнца стеклами, висѣли великолѣпныя шелковыя сторы. Онѣ были настолько велики сравнительно съ окошками, что концы ихъ чуть не на аршинъ лежали на грязномъ полу. Рядомъ съ простымъ некрашеннымъ диваномъ помѣщались дорогія, краснаго дерева кресла. Они были обиты когда-то штофомъ, но обивка была залита масломъ и продрана. Огромное зеркало нетолько упиралось въ полъ и потолокъ, но его пришлось еще сильно наклонить, чтобы какъ нибудь втиснуть въ низенькую комнатку. На подзеркальномъ дубовомъ столикѣ красовалась глиняная чашка съ огурцами и притомъ чуть не весь бокъ этой чашки былъ выломленъ. Все остальное было въ томъ же родѣ. Очевидно, мебель была перетащена изъ большого дома, и представляла остатки прежняго величія, на которые скорбно смотрѣли со стѣны два портрета предковъ лужковскаго барина: мужчины въ высокомъ бѣломъ галстухѣ, въ сюртукѣ съ огромными буфами на плечахъ и барыни съ очень короткими рукавами, волосами, причесанными въ видѣ корзинки и съ цвѣткомъ въ рукѣ. Портреты эти висѣли какъ разъ подъ большой великолѣпной кроватью съ пышнымъ тюфякомъ, покрытымъ затасканнымъ одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ треугольниковъ.

На этой кровати лежалъ и стоналъ самъ баринъ.

— Что̀, братъ, отъ Мочалкина? радостно воскликнулъ-было онъ при видѣ Петра Васильева.

Но Ирина принялась кричать:

— Мочалкинъ! Придетъ онъ къ вамъ, дожидайтесь! Итакъ мало надулъ васъ.

Барину было очень тяжело съ перепоя. Онъ заложилъ подъ голову руки и тоже сталъ ругать Мочалкина.

— Ириша! немного погодя, взмолился онъ. — Вѣдь есть же гдѣ-нибудь мнѣ хоть окурочекъ.

Но прежде, чѣмъ Ирина собралась отвѣтить, Петръ Васильевъ, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, держалъ передъ бариномъ свой портсигаръ.

Баринъ былъ такъ радъ папироскѣ, что даже сѣлъ на кровати, но закурить не могъ. Руки его плясали, спичка далеко отскакивала отъ папироски. Петръ Васильевъ помогъ.

Онъ былъ чуть не на седьмомъ небѣ. Обстоятельства сложились до нельзя благопріятно. Ему нетолько съ первой же минуты пришлось познакомиться съ бариномъ, но, кромѣ того, попасть въ Лужки въ такое время, когда денежныя дѣла тамъ находились въ самомъ плачевномъ положеніи. Въ домѣ не было даже крошки табаку. Объ этомъ заявлялъ самъ баринъ.

— Вотъ что значитъ въ деревнѣ, разсуждалъ онъ, наслаждаясь папироской.—Вышло, и сиди безо всего.

Петръ Васильевъ соглашался. Онъ былъ поглощенъ созерцаніемъ барина и все больше и больше удивлялся, глядя на всклокоченную бороду, нечесанную, покрытую пухомъ голову, и грязныя, свѣшанныя съ кровати босыя ноги своего собесѣдника, а тотъ нисколько, повидимому не интересуясь, какое впечатлѣніе онъ производитъ на гостя, болталъ ногами, разсуждая о деревенской жизни.

Между тѣмъ, Ирина хлопотала около самовара. На маленькомъ квадратномъ столикѣ опять явилась цѣлая выставка непримиримыхъ противоположностей: огромная, предназначавшаяся когда-то для званыхъ обѣдовъ скатерть, которую надо было свернуть чуть не въ двадцать разъ для того, чтобы она хоть сколько-нибудь подходила къ столу; чайникъ отъ дорогого сервиза, а рядомъ зелёный, давнымъ-давно нечищенный самоваръ, чашки съ отбитыми ручками и разнокалиберными блюдечками.

— Ириша! Ты бы хоть передъ чаемъ! взмолился баринъ, когда Ирина, высоко поднявъ чайникъ, стала наливать чашки

— Будетъ съ васъ! И такъ...

— Смерть голова болитъ.

Но Ирина ничего не хотѣла слушать.

— У насъ тутъ въ кабакѣ не торговля, а сами больше пьемъ, жаловалась она Петру Васильеву.—Все выпили.

Бутылка однако явилась. Мгновенно просвѣтлѣвшій баринъ наливалъ рюмку за рюмкой и только удивлялся тому, что гость не пьетъ вовсе. Петръ Васильевъ вздыхалъ и ссылался на свое нездоровье. Разговоръ былъ самый разнообразный. Баринъ хохоталъ, шутилъ надъ Ириной, ругалъ Мочалкина, который, какъ оказалось, купилъ недавно мебель, обѣщалъ пріѣхать снова, но обманулъ. Петръ Васильевъ выходилъ изъ себя, стараясь какъ можно больше обворожить хозяевъ. Онъ вмѣстѣ съ ними ругалъ Мочалкина и приходилъ въ такой ужасъ отъ цѣнъ, за которыя

онъ купилъ мебель, какъ будто дѣло шло объ его собственномъ карманѣ.

— Ахъ, баринъ. Павелъ Викторовичъ! да я бы вамъ... Можно сказать, не то, что втрое! восклицалъ онъ и даже прикладывалъ къ груди руку.

— У меня много чего найдется, братецъ. Вотъ зеркала, еще мебель, предлагалъ Павелъ Викторовичъ, языкъ котораго ужь сильно заплетался.

— Будьте покойны! Я хотя маленькій человѣкъ, но у меня совѣсть... Ахъ, Боже мой, да развѣ такъ можно?

Бутылка была кончена живо, но Петръ Васильевъ убѣдительно просилъ выпить и отъ него для знакомства, и самъ, какъ стрѣла, слеталъ въ кабакъ.

Кончилось тѣмъ, что Павелъ Викторычъ опять храпѣлъ подъ портретами своихъ предковъ, а Петръ Васильевъ дружелюбно бесѣдовалъ съ Ириной и долго умилялся по поводу того, какое ей Господь послалъ счастье.

VI.

Прошло немного времени и Петръ Васильевъ сдѣлался чуть не ежедневнымъ посѣтителемъ Лужковъ. И Павелъ Викторычъ и Ирина не могли имъ нахвалиться. Этому больше всего, конечно, способствовало то обстоятельство, что Петръ Васильевъ никогда не являлся съ пустыми руками. Съ нимъ всегда была бутылка рому или какой-нибудь такой водки, которая приводила барина въ необычайный восторгъ и живо укладывала его подъ разноцвѣтное одѣяло.

Ирина тоже не была забыта. Для нея Петръ Васильевъ отыскалъ въ своемъ хламѣ сережки съ такими огромными и яркими камнями, что она, смотря на нихъ, только безсмысленно хлопала отъ восхищенія глазами. Другой разъ онъ презентовалъ ей перстень, брилліантъ на которомъ равнялся по величинѣ чуть не воробьиному яйцу. Мало того, Петръ Васильевъ простиралъ свою любезность до того, что неоднократно ссужалъ Павла Викторыча небольшими суммами. Въ деньгахъ въ Лужкахъ была постоянная нужда, несмотря на то, что тамъ ежедневно чуть не съ ранняго утра шла самая оживленная торговля. Около барина ютилось безчисленное множество всевозможныхъ проходимцевъ. Сегодня являлся желающій скупить въ барскомъ домѣ всѣ вьюшки у печей и, сторговавъ ихъ, выламывалъ вмѣстѣ съ ними и заслонки. Завтра продавались мѣдныя ручки и задвижки отъ

дверей. Одинъ разъ богатый купецъ, воздвигавшій себѣ домъ, выломалъ даже великолѣпный паркетъ изъ всѣхъ комнатъ и тѣмъ почти довершилъ давно начатое расхищеніе. Дѣйствительно, домъ выглядѣлъ и внутри не лучше, чѣмъ снаружи. Все, что можно было отодрать и продать, давнымъ-давно было отодрано и продано.

Покупатели, конечно, клятвенно увѣряли Павла Викторыча, что заплатили такъ дорого, что неминуемо должны совсѣмъ раззориться. Но сколько ни получалось за остатки прежняго величія, всѣ деньги исчезали какъ въ прорвѣ и часто, черезъ часъ-два послѣ какой-нибудь продажи, Павелъ Викторычъ начиналъ ломать голову, что̀ бы спустить снова.

Иначе и не могло быть. Большая часть вырученныхъ денегъ всегда немедленно отбиралась Ириной и запиралась въ ея собственный большой окованный желѣзомъ сундукъ. Только остатки вручались барину. Эти остатки никогда не были велики, но когда у барина были деньги, онъ швырялъ ими направо и налѣво. Въ кабакѣ въ это время гремѣла гармоника, пѣлись самыя веселыя пѣсни. Передъ крыльцомъ флигелька нѣсколько человѣкъ лежали въ лоскъ, другіе силились плясать. Самъ Павелъ Викторычъ возсѣдалъ на стойкѣ и, дико взвизгивая подъ звуки гармоники, кричалъ неистовымъ голосомъ:

— Иванъ, подходи! Корнило, наливай дядѣ Ивану!

— Братцы! Да что это у насъ за баринъ! умилялся обыкновенно дядя Иванъ и выпивалъ стаканъ за стаканомъ.

— Ну, баринъ, баринъ! слышалось отовсюду.

А Павелъ Викторычъ поминутно бросалъ на стойку деньги и вызывалъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе восторги. Но эти восторги нисколько не мѣшали тому же самому дядѣ Ивану часто на другой же день всячески ругать въ глаза Павла Викторыча, а иногда, по приказанію Ирины, выталкивать его изъ кабака въ шею.

Когда деньги выходили, Павлу Викторычу оставалось только одно: валяться на постели и охать. Брать въ кабакѣ вино даромъ Ирина строго запрещала, на томъ основаніи, что тамъ и безъ того почти все выпито сидѣльцемъ и бариномъ. Сначала, Павелъ Викторычъ пробовалъ было указывать, что кабакъ его собственный, но это нисколько не убѣждало Ирину и она угрожала, въ случаѣ неповиновенія, немедленно оставить Лужки. Впрочемъ, она могла и не прибѣгать къ этимъ угрозамъ. Сидѣлецъ Корнило былъ вполнѣ на ея сторонѣ, и Павлу Викторычу оставался одинъ исходъ: занять гдѣ-нибудь, если не представлялось возможности пустить въ ходъ замки или вьюшки.

На случай безденежья, Петръ Васильевъ былъ просто неоцѣненный человѣкъ. У него баринъ нетолько никогда не встрѣчалъ отказа, но, наоборотъ, деньги выдавались чуть не съ радостью.

— Я, братецъ, тебѣ процентовъ сколько угодно, обыкновенно предлагалъ Павелъ Викторычъ.

Но о процентахъ, которые брали другіе, Петръ Васильевъ не хотѣлъ и слышать.

— Павелъ Викторычъ! Да развѣ я... ахъ, Боже мой... да развѣ я жидъ какой!

— Я, братецъ, вотъ только будутъ деньги...

— Да развѣ я не понимаю? да кто я передъ вами!!

Конечно, Петръ Васильевъ своего не упускалъ, несмотря на всю свою добродѣтель. Хотя большихъ дѣлъ ему устроить не удавалось, но все-таки кое-какія дѣла были. Впрочемъ, слишкомъ ужь большія предпріятія Петръ Васильевъ обдѣлывать и не особенно покушался. Слухи о пропажѣ векселя и денегъ у Серафимы Давыдовны уже держались довольно устойчиво. Обнаруживать капиталецъ было не совсѣмъ безопасно... Да и къ чему было его обнаруживать. Всѣхъ тѣхъ людей, которые сновали около Павла Викторыча, Петръ Васильевъ оттеръ, то и дѣло снабжая барина разными мелкими суммами. Движимости въ Лужкахъ не нашлось бы и на пятьсотъ, шестьсотъ рублей. Къ Петру Васильеву перешли ужь и шелковыя сторы, и двѣ-три серебрянныя ложки, которыя Павелъ Викторычъ оставилъ для собственнаго обихода. Въ его же рукахъ немедленно оказались и золотые часы, которые, собственно говоря, давнымъ давно лежали гдѣ-то въ закладѣ, но которые Петръ Васильевъ посовѣтовалъ выкупить.

— Десять рублей... за такіе часы! Ахъ, Боже мой... Вѣдь тутъ золота одного... Ирина Семеновна!

— Вишь онъ какой! отвѣтствовала Ирина.

— Конечно, ихъ только въ ломъ, но все же... Я вамъ двадцать пять....

Но, собственно говоря, Петра Васильева плѣняли ни часы, ни сторы, ни даже холмогорскія коровы, которыхъ онъ послѣдовательно одну за другой перетаскалъ въ городъ и тамъ перепродалъ, получивъ чуть не по девяти рублей на каждый рубль. Ему въ особенности нравилось то, что Павелъ Викторычъ до того ввѣрился въ него, что даже не сталъ требовать назадъ своихъ росписокъ. Впрочемъ, тутъ и особеннаго довѣрія не было. Росписки выдавались Павломъ Викторычемъ такъ часто, что онъ совсѣмъ потерялъ въ нихъ счетъ. Долговъ, роспи-

сокъ было такъ много, они дѣлались и выдавались такъ часто, что могъ потеряться всякій другой человѣкъ, не говоря о пьяномъ съ утра до ночи Павлѣ Викторычѣ.

Но Петръ Васильевъ, кажется, даже любилъ давать деньги барину въ то время, когда тотъ нетолько клевалъ носомъ, но даже не въ силахъ былъ донести ихъ до кармана и, засыпая гдѣ ни попало, ограничивался только тѣмъ, что зажималъ деньги въ своемъ кулакѣ. На другой день въ такихъ случаяхъ денегъ у Павла Викторыча не оказывалось ни полушки, и онъ долженъ былъ снова прибѣгать къ Петру Васильеву, который, повидимому, приходилъ въ крайнее изумленіе.

— Развѣ бралъ вчера? недоумѣвалъ баринъ.

— Какъ же, помилуйте... сорокъ рублей!

Павелъ Викторычъ дѣлалъ таинственные знаки. Надо было говорить тише. Ирина могла услышать — и тогда...

— Украли, видно, украли, умозаключалъ Павелъ Викторычъ.— Кто бы это?

— Ахъ, баринъ, баринъ! сокрушался Петръ Васильевъ.

— Молчи, молчи. Вѣрно Корнило. Его бы давно надо было въ шею. Ну, да я...

— Ужь такъ вы добры, такъ добры!

И Петръ Васильевъ молчалъ, тѣмъ болѣе, что онъ отлично зналъ, куда дѣвались выпавшія у барина во время сна деньги. Онъ не разъ видѣлъ, какъ Ирина ползала около кровати, на которой спалъ пьяный Павелъ Викторычъ, а потомъ совала что-то по разнымъ угламъ своего сундука.

Ирина съ своей стороны благоволила къ старому знакомому. Да она и не могла не благоволить. Безпрестанно увѣряя ее, что отъ него она не можетъ быть въ накладѣ, Петръ Васильевъ свято исполнялъ свое слово. У Ирины ужь чуть не всѣ пальцы были покрыты дорогими, по ея мнѣнію, перстнями. На шеѣ ея каждый день красовалась новая косынка. Даже Павелъ Викторычъ находилъ, что баловать такимъ образомъ бабу нельзя, но Петръ Васильевъ не унимался.

Впрочемъ, если эти подарки подкупали сердце Ирины, то чуть ли не больше подкупали ее и безпрестанныя увѣренія Петра Васильева въ томъ, что пожелай только она, Ирина Семеновна, и на ней женится всякій.

— Конечно, баринъ... онъ... Ахъ, какой баринъ! разсуждалъ Петръ Васильевъ.—Вѣдь еслибы у него не жена.

Петръ Васильевъ даже вздыхалъ, какъ будто сокрушаясь о томъ, что только ничтожное обстоятельство лишаетъ Ирину возможности сдѣлаться барыней; но скоро переходилъ на другую тэму.

— А что же! иной и не господинъ, а все же... У васъ, слава Богу... Кто угодно...

Ирина окончательно размягчалась и долго перечисляла, сколько у нея шерстяныхъ платьевъ, какая у нея шубка. Слушая Петра Васильева и видя, какое сладкое выраженіе онъ придаетъ своимъ узенькимъ глазкамъ, она нисколько не сомнѣвалась въ томъ, что пожелай только она, и Петръ Васильевъ сейчасъ же пойдетъ съ нею подъ вѣнецъ, но, собственно говоря, ее не плѣнялъ этотъ, по ея выраженію, «дохлый». Гораздо больше ея жирное сердце лежало къ толстому, краснощекому сидѣльцу Корнилѣ. Въ прежнее время, когда она не забрала еще власти, да и Павелъ Викторычъ не такъ-то часто спалъ непробуднымъ сномъ подъ портретами своихъ предковъ, ей даже не разъ сильно доставалось отъ барина изъ-за этого Корнилы. Сидѣльца чуть было не постигло изгнаніе; но теперь все измѣнилось.

Подъ неустанный храпъ барина она проводила цѣлыя ночи съ своимъ милымъ другомъ и, часто сидя съ нимъ на крылечкѣ, визгливо выводила чувствительныя пѣсни. Одно только сокрушало ее: это безъисходная глупость Корнилы.

— Другой бы на твоемъ мѣстѣ... А тебѣ только одно: налилъ шары и кончено! часто укоряла она его и въ азартѣ даже плевала въ его широкое красное лицо.

Гнѣвъ Ирины былъ понятенъ. Глупость Корнилы поражала и многихъ другихъ. Въ Лужкахъ, гдѣ не тащилъ что попало только лѣнивый, онъ ограничивался единственно тѣмъ, что воровалъ какіе-нибудь гроши изъ выручки и пьянствовалъ немилосердно, добавляя водой опустошенныя посудины.

VII.

Какъ ни были настойчивы толки объ исчезновеніи денегъ и документовъ по смерти Серафимы Давыдовны, они не могли держаться очень долго. Жизнь шла своимъ обычнымъ порядкомъ и выдвигала болѣе важныя и животрепещущія новости. Въ теченіи того времени, которое Петръ Васильевъ проводилъ около Лужковскаго барина, было разворовано нетолько безчисленное количество всякихъ документовъ, но, прогрессируя все болѣе и болѣе, ловкіе люди въ одинъ прекрасный день удивили N даже тѣмъ, что начисто ограбили цѣлыхъ два банка. Кражи были совершены такимъ искуснымъ образомъ, что нетронутыми оказались только печати и замки, которые должны были охранять непри-

косновенность сокровища. Исчезли даже и два двугривенныхъ, которые лежали въ карманѣ сторожа.

Стоило ли послѣ этого заниматься и чесать языкъ по поводу такихъ пустяковъ, какъ ничтожный векселишка, стянутый по смерти Серафимы Давыдовны? Да и кто бы сталъ хлопотать съ этимъ дѣломъ? Наслѣдникъ, немедленно по принятіи наслѣдства, укатилъ обратно въ Питеръ и, странствуя тамъ по разнымъ островамъ и ресторанамъ, и безъ того имѣлъ достаточно хлопотъ на своей шеѣ.

Петръ Васильевъ рѣшилъ развернуться и могъ это сдѣлать, потому что операціями въ Лужкахъ нетолько не уменьшилъ, но даже пріумножилъ то, что благодѣтельный случай послалъ въ его руки.

И по внѣшнему виду это былъ уже не прежній Петръ Васильевъ, худенькій, маленькій человѣкъ въ сѣренькомъ пиджачкѣ и коричневыхъ, короткихъ по его росту брюкахъ. Отъ прежняго Петра Васильева осталась только необычайная юркость, необыкновенная сладость, написанная на лицѣ, и готовность угодить всѣмъ и каждому, хотя уже не за двугривенный, какъ это было во время оно. Онъ даже растолстѣлъ не много, самые слѣды оспы на его лицѣ какъ будто заплыли. Пиджачекъ былъ замѣненъ чернымъ сюртукомъ, черезъ шею протянулась длинная цѣпочка съ передвижкой, на которой поблескивалъ какой-то камешекъ; нѣсколько колецъ и въ томъ числѣ перстень, съ именнымъ вензелемъ Петра Васильева, украшали его пальцы. При разговорѣ онъ безпрестанно занимался передвижкой на цѣпочкѣ и хотя при этомъ хихикалъ, но въ этомъ хихиканьи появилась какая-то особенная нотка, довольно ясно говорившая, что хотя онъ, Петръ Васильевъ и маленькій человѣкъ, но все же...

Въ одно прекрасное утро, онъ еще съ большимъ, чѣмъ прежде, умиленіемъ кинулся къ рукѣ Владиміра Николаича и чуть не потопилъ ее въ цѣлой рѣкѣ слезъ.

— Благодѣтель! Во вѣки, передъ истиннымъ Богомъ! только и можно было разобрать изъ его лепета.

— Что-жъ, что-жъ. Дай Богъ! отвѣчалъ растроганный Владиміръ Николаичъ.—Когда заходи!

— По гробъ жизни... ахъ! Клавдія Владиміровна!

И Петръ Васильевъ кидался изъ стороны въ сторону, увѣрялъ своихъ хозяевъ въ чемъ-то и не отрывался отъ ихъ рукъ. Онъ оставлялъ свою коморку, намѣревясь поселиться въ только-что отстроенномъ имъ свѣтленькомъ домикѣ, половина котораго была отведена подъ заведеніе съ торговлею распивочно и на выносъ.

Заведеніе это было воздвигнуто на такомъ бойкомъ мѣстѣ, что

положительно уподоблялось паутинѣ, которую паука удалось раскинуть на единственномъ окнѣ какой-нибудь хаты. Пожелай муха вылетѣть, пожелай влетѣть, все равно она должна запутаться. Заведенія Петра Васильева не могъ миновать ни конный, ни пѣшій. Оно рѣшительно у всѣхъ было на виду и назойливо лѣзло въ глаза отлично нарисованной вывѣской, заманчивыми посудинами на окнахъ.

Дѣла Петра Васильева должны были процвѣсти, и они процвѣли, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не былъ такимъ человѣкомъ, который ограничился бы одной какой-нибудь отраслью дѣятельности. Къ торговлѣ распивочно и на выносъ у него немедленно было присоединено безчисленное множество всевозможныхъ операцій, такъ что даже опытному въ житейскихъ дѣлахъ человѣку было довольно трудно смекнуть, чѣмъ собственно занимаются въ этомъ заведеніи. Тутъ можно было и деньги занять подъ обезпеченіе, и продать что угодно. Къ заведенію, робко озираясь по сторонамъ, постоянно направлялись какіе-то оборванныя, пропахшія на сквозь водкой личности и старательно скрывали что-то подъ полой своего одѣянія. Въ заведеніи, эти посѣтители, вмѣсто того, чтобы подойти къ стойкѣ и бойко бросить на нее звенящую на весь кабакъ монету, начинали дѣлать хозяину таинственные знаки...

Случалось, чуть не вслѣдъ за этими личностями, въ кабакѣ появлялась полиція. Пришедшая съ нею баба или какой-нибудь мужчина въ поддевкѣ, клялись всѣми святыми, что «ворище» только-что прошелъ сюда. Производился обыскъ, но единственнымъ результатомъ его было то, что Петръ Васильевъ принимался стыдить доказчика и, отворяя всѣ свои сундуки, приглашалъ хоть десять разъ перерыть его вещи.

— Купецъ, а купецъ! обращался онъ къ поддевкѣ. — Да вы кого угодно спросите. Господинъ кавалеръ! вы довольно знаете!

Сопровождавшій поддевку въ числѣ прочихъ кавалеръ заявлялъ, что въ другихъ заведеніяхъ точно случалось, а здѣсь— какъ можно!

Какъ ни были разнообразны тѣ операціи, которыя производились въ заведеніи, все-таки дѣятельность Петра Васильева не ограничивалась ими. Онъ, кромѣ того, прасолилъ, посѣщалъ аукціоны въ окружномъ судѣ, и не забывалъ Лужковскаго барина. Теперь у него была чисто купеческая тележка, запряженная бойкой гнѣдой лошадкой, которую онъ вымѣнялъ на какое-то количество водки у того же Павла Викторыча.

Однажды, еще не доѣхавъ до Лужковъ, Петръ Васильевъ былъ крайне удивленъ, и тотчасъ же заключилъ, что у Павла Викто-

рыча должно непремѣнно случиться что-нибудь далеко необыкновенное. Ему попалась на встрѣчу крестьянская телега, которая была нагружена всевозможнымъ добромъ. Среди перинъ, подушекъ, одѣялъ и чистѣйшаго хлама, зоркіе глаза Петра Васильева открыли вдругъ давно знакомый ему сундукъ Ирины. Да, это былъ онъ, красный, крѣпко окованный сундукъ, а на немъ лежало то одѣяло изъ ситцевыхъ треугольниковъ, на которомъ всегда покоился Павелъ Викторычъ.

На вопросъ Петра Васильева, владѣлецъ телеги подтвердилъ, что имущество дѣйствительно везетъ изъ Лужковъ въ другую деревню, Погорѣловку, но больше ничего не знаетъ.

— Похоже, что уѣзжаетъ, только и добавилъ онъ, когда Петръ Васильевъ сталъ распрашивать объ Иринѣ.

— А баринъ?

— Что̀ баринъ—спитъ!

Петръ Васильевъ погналъ въ Лужки. Павелъ Викторычъ дѣйствительно спалъ на совсѣмъ оголенной кровати. Онъ былъ пьянъ до того, что ему рѣшительно было все равно, на чемъ бы ни спать.

На Иринѣ не было лица. Съ самымъ отчаяннымъ видомъ она кидалась изъ угла въ уголъ, выносила на крыльцо разныя вещи, нагружала ихъ на стоявшую у флигелька телегу. Въ комнатахъ былъ полнѣйшій безпорядокъ. Платья, сарафаны, юбки, сюртуки валялись по полу, сундуки, шкафъ были отворены. Помогавшій Иринѣ мужикъ громко кричалъ, стучалъ сапогами и, видимо, былъ сильно пьянъ.

На вопросы Петра Васильева, Ирина только махала руками и издавала такіе вопли, какъ будто для нея рѣшительно все пропало.

— Барыня! барыня! только и кричала она.

— Да говори толкомъ.

Но Петръ Васильевъ взывалъ совершенно напрасно. Изъ отдѣльныхъ, безсвязныхъ восклицаній, сопровождаемыхъ притомъ слезами и воплями, можно было понять только, что въ N пріѣхала барыня, т. е. жена Павла Викторыча, и что съ этой стороны неминуемо должно послѣдовать что-то ужасное. Дальше шла такая чепуха, разобраться въ которой не представлялось никакой возможности. Упоминалось о тюрьмѣ, о сумасшедшемъ домѣ, о томъ, что еслибы она, Ирина, могла все это знать раньше...

— Да, кажется, обсыпь ты меня чистымъ золотомъ, да я бы и тогда...

А потомъ опять вой и стоны.

Петръ Васильевъ кинулся въ кабакъ. Корнило испуганно ко-

пался въ своемъ сундучишкѣ и, противъ обыкновенія, былъ только слегка выпивши.

— Всѣхъ въ острогъ! тоже объявилъ онъ.—Кузьма Иванычъ Мочалкинъ сказывалъ. Барыня, Анна Михайловна пріѣхала... Всѣхъ...

— За что въ острогъ?

— Такъ говорятъ; изъ-за барина. Нѣтъ я... меня хоть сейчасъ гляди!

И Корнило приподнялъ и показалъ свой сундучишко, въ которомъ дѣйствительно ничего не было, кромѣ затасканнаго вѣсенника, да красной рубахи, еще не такъ давно сшитой Ириной.

Разъяснилъ дѣло самъ Павелъ Викторычъ, котораго Ирина такъ усердно принялась тыкать подъ бока, что онъ вскочилъ и дикими испуганными глазами началъ озираться по сторонамъ. Должно быть, со сна онъ вообразилъ Богъ вѣсть какіе ужасы, но, замѣтивъ Петра Васильева, успокоился.

Оказалось, что въ N дѣйствительно пріѣхала барыня и энергично хлопочетъ о томъ, чтобы отобрать у Павла Викторыча всѣ имѣнія, его объявить сумасшедшимъ, а Петра Васильева и всѣхъ прочихъ, которые поживились около Лужковъ, упрятать въ тюремный замокъ.

— Это, Павелъ Викторычъ, что̀ же! Въ острогъ-то вѣдь только воровъ да грабителей сажаютъ! даже обидѣлся Петръ Васильевъ.

— Ты, братецъ, ее не знаешь, убѣдительно съ испуганнымъ лицомъ разсуждалъ баринъ.—У нея знакомыхъ здѣсь, въ Петербургѣ... Того попроситъ, другого!

Но Петръ Васильевъ не особенно боялся. За что̀ въ самомъ дѣлѣ посадить его въ острогъ? Нѣтъ, теперь на этотъ счетъ не прежнее время: захотѣлъ—посадилъ...

Однако, пріѣздъ барыни все-таки не могъ быть пріятнымъ сюрпризомъ ужь по одному тому, что у нея, какъ оказалось изъ дальнѣйшихъ объясненій Павла Викторыча, было два очень крупныхъ векселя на мужа.

— Ахъ, баринъ, баринъ! Зачѣмъ вы давали? скорбѣлъ Петръ Васильевъ.

— Ну, вотъ поди же... Пристала тогда ко мнѣ.

— Этакъ, пожалуй, она васъ и дѣйствительно обремизитъ и даже очень обремизитъ.

— Продастъ, все продастъ. Она такъ и говоритъ... Да мнѣ имѣніе что̀!.. Чортъ съ нимъ, а вотъ она съ нею разлучить меня хочетъ.

И, указывая на Ирину, Павелъ Викторычъ заплакалъ.

По мнѣнію Петра Васильева, слѣдовало немедленно обратиться къ адвокату. Онъ зналъ такого, который, если что скажетъ, и кончено. Цѣлымъ рядомъ разсказовъ было удостовѣрено необыкновенное искуство адвоката. Многое множество лицъ готово было, кажется, на вѣки вѣчные погрязнуть въ пучинахъ житейскаго моря, но едва они прибѣгали къ Мутовкину, какъ нетолько не погрязали, а получали, наоборотъ, полнѣйшую возможность топить своихъ противниковъ.

Надо было обратиться къ Мутовкину, но о поѣздкѣ въ городъ Павелъ Викторычъ не хотѣлъ и слышать. Онъ можетъ столкнуться тамъ съ женой, его могутъ задержать и не отпустить домой...

Петръ Васильевъ согласился принять на себя всѣ хлопоты, а такъ какъ адвокату надо было платить, а денегъ у Павла Викторыча, по обыкновенію, не было, то въ собственность Петра Васильева перешло зеркало, и въ то же время покончено было и дѣло о пяти десятинахъ луга. Только часть денегъ досталась Павлу Викторычу; остальное предназначено было адвокату за совѣтъ.

Разсказъ Петра Васильева объ искуствѣ Мутовкина подѣйствовалъ на барина такимъ благотворнымъ образомъ, что онъ почти совсѣмъ развлекся. На столѣ, конечно, явилась бутылка и, немного погодя, Павелъ Викторычъ коснѣющимъ языкомъ ободрялъ Ирину.

VIII.

Адвокатъ Мутовкинъ былъ дѣйствительно знаменитъ не на одну губернію. Къ нему отовсюду стекались кліенты, желавшіе какъ можно чище устроить несостоятельность, скрыть имущество, и вообще подвести такую штуку, чтобъ жаждущіе удовлетворенія кредиторы только ахнули и развели руками.

— Иглы не подточишь! Вотъ какъ онъ устроитъ! отовсюду неслись восторженные отзывы.

Онъ плѣнялъ, кромѣ того, купцовъ и простотой своего обхожденія, его можно было драть за бороду, тыкать въ животъ, называть Ганей, а онъ нетолько не сердился, но какъ будто оставался даже доволенъ и на короткость отзывался короткостью. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, Мутовкинъ началъ свою карьеру въ ратушѣ и прямо оттуда выступилъ на общественное поприще въ качествѣ устроителя всевозможныхъ казусныхъ дѣлъ.

Въ очень короткое время его ужь судили разъ двадцать и съ присяжными и безъ присяжныхъ, но не могли осудить ни на какой манеръ. Эта безпрерывная судимость нетолько не умень-

шила, но даже увеличила славу Мутовкина. Послѣ каждаго судьбища его фонды поднимались выше и выше.

— Голова! восклицали приведенные въ окончательный восторгъ кліенты.—Никакъ его теперь по четыремъ дѣламъ сразу судили.

— Да. На будущее время неиначе, какъ подъ военный. Вотъ тамъ развѣ...

— Военный! Что̀ ему военный... Его никакимъ судомъ не осудишь!

Благоденствовали безчисленные кліенты Мутовкина, уплачивая кредиторамъ по 10 копеекъ за рубль, переводя на имя жены дома, магазины, но еще болѣе благоденствовалъ ихъ адвокатъ. Его угощалъ, за нимъ ухаживалъ не одинъ какой-нибудь Савелій Карпычъ, желавшій спустить какъ можно лучше своихъ кредиторовъ, но и эти послѣдніе, потому что они сами имѣли твердое намѣреніе въ очень недалекомъ будущемъ устроить тоже, что̀ продѣлывалъ надъ ними Савелій Карпычъ.

— Только какъ это ты, братецъ, противъ меня пошелъ? шутилъ какой-нибудь купчина, потрепывая по плечу Мутовкина.— А еще сватъ...

— А Савелій-то Карпычъ — кумъ! отшучивался адвокатъ.

— Вѣрно!.. Да тебѣ теперь и денегъ много надо, намекалъ купецъ на «штучку» въ бархатѣ и шелкѣ, которую Мутовкинъ, ѣздя по дѣламъ въ Москву, вывезъ недавно въ N.

Благоденствіе Мутовкина вызывало сильнѣйшую зависть другихъ адвокатовъ.

— Писать правильно не умѣетъ, говорили они, разбирая удивительныя писанія купеческаго адвоката: — а къ нему такъ и валятъ.

— И за что только его притѣсняютъ! думалъ Петръ Васильевъ, выѣзжая изъ Лужковъ послѣ бесѣды съ Павломъ Викторычемъ о̀ знаменитомъ адвокатѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, не имѣя возможности осудить Мутовкина на законномъ основаніи, N—скій судъ измѣнилъ тактику. Мутовкину не выдавали необходимаго для веденія дѣлъ свидѣльства и этимъ думали положить предѣлъ его адвокатскимъ подвигамъ. Но ловкому человѣку никто не мѣшаетъ лазить черезъ заборъ, если ворота заперты, и Мутовкинъ лазилъ, являясь на судѣ собственникомъ всѣхъ поддерживаемыхъ имъ дѣлъ. Въ иные дни, въ его пользу присуждались чуть не сотни тысячъ.

— И жиганетъ же онъ ихъ какъ-нибудь! сладостно надѣялись адвокаты.

Но ничего подобнаго не случалось. Документы массами пере-

водились на имя Мутовкина; но легкомысленнаго желанія украсть сто рублей и убѣжать у него не являлось. Напротивъ, кліенты не могли нахвалиться его «честностью» при дѣлежѣ добычи.

Притѣсненія, которыя дѣлалъ судъ, все-таки не могли не раздражать Мутовкина и его поклонниковъ ужь по одному тому, что это были притѣсненія.

Однако, обстоятельства измѣнялись. Если въ N-скомъ судѣ и оказались у Мутовкина недоброжелатели, то были и друзья, которыхъ онъ снискалъ себѣ многоразличными способами. Онъ самъ служилъ когда-то, а потому не прочь былъ дѣлать тѣ «одолженія», которыя пріобрѣтаютъ особенное значеніе теперь, когда все становится такъ дорого, что дожидаться двадцатаго числа очень трудно... Сдѣлавши одолженіе, онъ, кромѣ того, имѣлъ похвальную способность забывать о немъ. Сверхъ того, онъ постоянно игралъ въ клубѣ, въ частныхъ домахъ... Да мало ли, наконецъ, какими путями можно пріобрѣсти себѣ друзей? Кромѣ враговъ и друзей въ судѣ, конечно, могли быть и такіе люди, которые гнались только за тѣмъ, чтобы ихъ поскорѣе отпускали домой.

Въ то самое время, какъ Петръ Васильевъ скорбѣлъ о притѣсненіяхъ, выпавшихъ на долю Мутовкина, въ N-скомъ судѣ происходило слѣдующее важное событіе.

Было назначено общее собраніе суда. Самымъ главнымъ вопросомъ, предстоявшимъ разрѣшенію, было разсмотрѣніе едва ли не десятаго прошенія, которымъ Мутовкинъ добивался ничѣмъ не стѣсняемаго права способствовать отправленію правосудія. (Девять прошеній, поданныхъ имъ по тому же предмету раньше, были отвергнуты на томъ основаніи, что, какъ значилось въ постановленіяхъ, хотя Мутовкина и нельзя было осудить съ присяжными и безъ присяжныхъ, но все-таки множество безнравственныхъ, безчестныхъ фактовъ, допущенныхъ имъ, не были ничѣмъ опровергнуты). Въ кабинетъ, гдѣ должно было происходить засѣданіе, одинъ за другимъ входили судьи. Между ними были и люди совершенно новой судебной формаціи и представители формаціи допотопной. Первые цвѣли и блистали олимпійской величавостью, послѣдніе на своихъ лицахъ носили ясные слѣды долговременнаго сидѣнія въ управахъ благочинія и разныхъ приказахъ. Были и такіе жрецы Ѳемиды, которые, собственно говоря, не принадлежали ни къ одной формаціи. Эти происходили изъ отставныхъ подпрапорщиковъ, полагавшихъ, что они съ одинаковымъ искуствомъ могутъ владѣть и перомъ и шпагой.

Старшій членъ, видимо, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые однимъ своимъ видомъ свидѣтельствуютъ о способности пролѣзть въ какую угодно скважину. Дергая всѣми членами

своего тонкаго тѣла и сладко улыбаясь, онъ не ходилъ, а семенилъ по кабинету. Каждому вновь прибывшему судьѣ онъ кидался на встрѣчу, нѣкоторое время юлилъ, вертѣлся около него, разговаривая о самыхъ обыденныхъ предметахъ, и потомъ незамѣтно оттискивалъ его въ сторону.

— Ну, что̀, какъ? улыбаясь, начиналъ онъ допрашивать.

— Я—что-жь!.. Какъ другіе!.. отвѣчалъ, по большей части, вопрошаемый.

— Вы только одно, Петръ Иванычъ, возьмите. Вѣдь мы и такъ девять разъ отказывали.

— Да, да...

— Вѣдь это, положительно, неправильно! Какія у насъ основанія для отказа? Безнравственно, предосудительно...

— Помню, помню. Я и тогда еще...

— Но съ какой точки зрѣнія безчестно?.. Онъ, говоритъ, хочетъ жаловаться. Пойдутъ опять эти переписки. Вотъ и тогда, когда Сергѣй Сергѣичъ пріѣзжалъ на ревизію, онъ говорилъ, что на насъ ужь много жалобъ. Нѣтъ, я того мнѣнія: надо выдать. Не желаютъ его, находятъ его безчестнымъ — пусть не обращаются къ нему... А то какъ будто въ самомъ дѣлѣ мы пристрастны... Вы, значитъ, согласны со мной?.

— Да, да... Богъ съ нимъ!

— Я за него, непремѣнно за него. Пусть другіе какъ хотятъ. Это тогда Александръ Максимычъ, Иванъ Иванычъ. Имъ что... Они ушли..

Въ такомъ родѣ разговоръ шелъ почти съ каждымъ членомъ. Наконецъ, приступили къ занятіямъ.

Прошеніе Мутовкина, сверхъ всякаго ожиданія, было разсмотрѣно очень скоро. Семь изъ десяти членовъ объявили, что свидѣтельство слѣдуетъ выдать. Только немногіе стояли за то, что общечеловѣческую мораль все-таки нельзя выбрасывать за бортъ.

— Ну, что, господа, Богъ съ нимъ! мягко заявилъ было тихонькій старичокъ, безмятежно рисовавшій все время какой-то орденъ на лежавшемъ передъ нимъ листѣ бумаги.

— Помилуйте!.. Такого человѣка! Ему нетолько свидѣтельства не слѣдуетъ, его снова подъ судъ надо! раздалось съ другого конца стола.

Но вдругъ старенькій, тихонькій судья выронилъ изъ рукъ карандашъ. Старшій членъ былъ совершенно согласенъ съ тѣмъ судьей, который нетолько былъ противъ выдачи свидѣтельства, но даже стоялъ за то, чтобы Мутовкина судить снова.

— Степанъ Степанычъ! Да вы меня вѣдь... даже вскрикнулъ

старичокъ и сталъ было указывать пальцемъ на тотъ уголъ, гдѣ не такъ давно происходили таинственныя бесѣды. — Да вѣдь и вчера...

Но обличаемый юлилъ и улыбался, перекладывая съ мѣста на мѣсто бумаги.

— Ну, что-жь, все же насъ, господа, меньшинство! обращался онъ къ протестовавшимъ противъ выдачи свидѣтельства.

Дѣло было кончено. Правда, вотировавшіе въ пользу Мутовкина въ недоумѣніи переглядывались; противная сторона хохотала и подмигивала, но всѣмъ оставалось только одно—пожимать плечами, глядя на Степана Степаныча, который отдавалъ секретарю приказаніе объ изготовленіи свидѣтельства для Мутовкина.

— Ну, что же, господа, нашъ винтъ? Сегодня у меня?

И онъ, какъ на зло, любезно подхвативъ подъ локоть тихонькаго старичка, ласково смотрѣлъ ему въ глаза.

Старичокъ съ кислой улыбкой бормоталъ что-то. Онъ все еще не могъ придти въ себя. Кромѣ того, до кабинета доносился смѣшанный шумъ голосовъ, который, все увеличиваясь и увеличиваясь, очевидно, приближался ближе да ближе и, наконецъ, превратился въ чистѣйшій ревъ. Можно было разслышать: «ура!» «браво!», выкрикаемые неистовымъ образомъ. Въ кабинетѣ ужъ слышались голоса, что это неприлично, особенно въ судѣ. Послали курьера. Но возстановить порядокъ было трудно. На лѣстницѣ, на крыльцѣ, въ корридорахъ собралась вся канцелярія, просители съ бумагами въ рукахъ, адвокаты. Кромѣ того, съ улицы вбѣгали все новыя и новыя лица. Среди этой ревущей, машущей руками толпы стоялъ ужь пожилой, невысокій, лысый, мужчина съ черной бородой и раскланивался на всѣ стороны. Это и былъ герой дня Мутовкинъ, котораго поздравляли съ побѣдой.

IX.

Петръ Васильевъ очень желалъ первымъ попасть къ адвокату, но когда онъ пришелъ, ужь тамъ былъ народъ. Обстановка квартиры Мутовкина была очень хороша. Дорогія зеркала, прекрасныя хотя и очень соблазнительныя картины, бархатная мебель, цвѣты. У окна сидѣлъ одинъ изъ очень видныхъ коммерсантовъ и озабоченно покручивалъ усы; въ дверяхъ стояла пожилая женщина, должно быть, тоже купчиха изъ небогатыхъ, или мѣщанка, въ черной шелковой повязкѣ и большой шали съ пестрыми разводами. Держа въ рукахъ аккуратно сложенный пла-

токъ, она громко вздыхала, разсказывая что-то адвокату, который стоялъ противъ нея, заложивъ въ карманъ руки и, повидимому, находился въ самомъ веселомъ настроеніи духа.

— Неужели сошлютъ? спрашивала женщина.

— Сошлютъ-не сошлютъ, весело отвѣчалъ Мутовкинъ: — а посидѣть придется.

— Ужь это что! Пусть!

Противъ «высидки» женщина ничего особеннаго не имѣла. По крайней мѣрѣ, такъ можно было заключить изъ ея тона.

— Ну, всѣхъ особенныхъ правъ лишатъ, прибавилъ адвокатъ.

Испуганное выраженіе появилось на лицѣ женщины. Она опять завздыхала и потомъ освѣдомилась о томъ, какія такія права.

— Какъ какія! Вотъ записываться въ гильдію нельзя.

— Ужь гдѣ ему, Иванъ Васильичъ!

— Не можетъ быть свидѣтелемъ...

— И слава Богу. Ныньче свидѣтелемъ-то, ахъ...

— Повѣреннымъ нельзя.

— Да кто ему довѣритъ! и свои-то дѣла... Что ужь тутъ...

Женщина махнула рукой, но лицо ея значительно прояснилось, а когда Мутовкинъ объявилъ, что лишеннаго особенныхъ правъ нельзя принимать на службу, выбирать въ общественныя должности, она оборотилась къ образу и такъ усердно принялась креститься, что адвокатъ даже подмигнулъ купцу. Тотъ не совсѣмъ охотно, но все-таки улыбнулся.

— Ну, если это, чуть уже не пѣла отъ радости женщина: — что-жь! Много вамъ, Иванъ Васильичъ, благодарны. Пусть посидитъ, ничего. Это ему, можетъ, еще на пользу.

Обрадованная женщина ушла. Адвокатъ началъ было разсказывать, что кого-то изъ ея родственниковъ должны непремѣнно осудить за что-то, но купецъ плохо слушалъ и, наконецъ, указалъ на сосѣднюю комнату. Оба удалились туда и даже заперлись. Но у Петра Васильева были очень хорошія уши. Порой до него кое-что долетало. Слышно было, что адвокатъ нѣсколько разъ принимался хохотать и въ чемъ-то успокоивалъ купца.

— Хочетъ свидѣтелей выставить! тревожно говорилъ тотъ.— Говоритъ: видѣли, какъ товаръ вывозили.

— Пусть... Ну, правду скажи, сколько прикарманить хочешь?

— Полно, пожалуйста!

Наконецъ, купецъ вышелъ съ значительно просвѣтлѣвшимъ лицомъ. Мутовкинъ шелъ за нимъ и, лукаво подмигивая, трепалъ его по плечу.

Знаменитому адвокату не могло быть неизвѣстно о томъ, ка-

кое дѣло затѣвается противъ лужковскаго барина. Онъ зналъ также, что Петръ Васильевъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые трудились около Павла Викторыча. Нѣкоторое время онъ былъ даже увѣренъ, что Анна Михайловна поручитъ ему вести дѣло противъ мужа и приготовлялся дѣятельно громить Петра Васильева. Но стало извѣстно, что барыня думаетъ обратиться къ другому адвокату, а потому Мутовкинъ былъ радъ помогать Петру Васильеву. Дѣло, такъ или этакъ, не миновало его все-таки. Весело потирая руки, онъ смотрѣлъ на шныряющаго во всѣ стороны глазами посѣтителя, но тотъ вовсе не думалъ распространяться о дѣлѣ лужковскаго барина, а, напротивъ, торопясь и глотая слова, несъ какую-то околесицу. По словамъ его выходило, что какой-то его родственникъ выдалъ «не въ своемъ видѣ» вексель и теперь его грозятъ пустить по міру. Петръ Васильевъ хотѣлъ знать, нельзя ли устроить такъ, чтобы не платить по этому документу.

Адвокату, конечно, было все равно, по какому бы дѣлу ни подавать совѣты, тѣмъ болѣе, что ему нетолько было заявлено, чтобы онъ насчетъ благодарности не сомнѣвался, но на столъ были даже выложены двѣ четвертныя.

— Не платить вовсе нельзя, а немножко заплатить можно... Пусть выдастъ векселей еще кому-нибудь... Вотъ тогда! объявилъ адвокатъ.

— А если опровергнутъ?

Но Мутовкинъ только слегка свиснулъ и потомъ кратко присовокупилъ, что все будетъ зависѣть отъ того, какъ повести дѣло.

— У того на тысячу, примѣрно, а у другихъ будетъ на сто тысячъ. Что̀ онъ возьметъ! Только надо бумаги не жалѣть, надо совсѣмъ убить тѣ документы, чтобы тому—ну, копеечки по двѣ, по три.

— А какъ же потомъ съ тѣмъ, кому выдастъ? допрашивалъ Петръ Васильевъ.

Въ его головѣ начали роиться сотни мыслей, и онъ едва говорилъ отъ волненія, уставивъ глаза на лукаво подмигивающаго Мутовкина. Онъ только старался все понять и не проронить ни одного слова.

— Ну, потомъ — ха, ха... потомъ дѣло другое. Надо ужь выдавать вѣрному человѣку, а то... Пусть выдастъ вамъ! Ненадежный-то человѣкъ потомъ возьметъ, да и продастъ все.

— Да вѣдь какъ же! У меня вѣдь капиталъ не очень, чтобъ...

— Ну, что тутъ! пустое!

— Станутъ говорить, что фальшиво...

— Ха, ха, говорить! Мало ли что говорятъ... Эхъ, Петръ Васильичъ!

Совѣщаніе тянулось еще нѣсколько времени и въ концѣ-концовъ, для Петра Васильева стало ясно, какъ день, что онъ можетъ предпринять такія дѣла, которыя даже ему и во снѣ не снились.

Конечно, нельзя сказать, чтобъ то, что адвокатъ говорилъ на счетъ выдачи новыхъ векселей, было для Петра Васильева совершенной новостью. Онъ прекрасно понималъ, что всякая палка о двухъ концахъ, а слѣдовательно, если кому-нибудь предстоитъ непріятность отъ векселя, то часто еще неизвѣстно кому-именно: тому ли, кто его выдалъ, или тому, кто, по глупости, его взялъ. Онъ не могъ не знать этого ужь по одному тому, что чуть не каждый день слышалъ, какъ всѣ хохотали надъ тѣми, кто возлагалъ очень большія надежды на писанную бумагу съ столбиками по бокамъ.

— Вексель! Да онъ, должникъ-то твой, фальшивыхъ столько надаетъ, что ахнешь, кричали одни.

— Вексель! Имѣніе опишешь! Да пока ты собираешься, онъ десять купчихъ на свое имѣніе выдастъ! возглашали другіе.

Конечно, возлагавшій надежды на бумагу со столбиками, упоминалъ о судѣ, но и самъ былъ не радъ. Его окончательно поднимали на смѣхъ.

— Судъ! Судомъ онъ возьметъ... ха, ха! Ахъ, братецъ, братецъ!

Все это было отлично извѣстно Петру Васильеву, но все-таки онъ ни разу еще не приходилъ къ такимъ блистательнымъ выводамъ, къ какимъ пришелъ, слушая знаменитаго адвоката.

X.

Черная туча, висѣвшая надъ Лужками, разсѣялась, точно по мановенію волшебнаго жезла. Едва Петръ Васильевъ прискакалъ туда послѣ совѣщанія съ знаменитымъ адвокатомъ, какъ все приняло свой прежній видъ. Ирина опять сидѣла на крылечкѣ и, грызя подсолнухи, смотрѣла на парня, который, съ гармоніей въ рукахъ, плясалъ съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто хотѣлъ вознаградить себя за кратковременную скуку. Корнила пьянствовалъ. Даже флагъ, уныло висѣвшій вчера надъ крышей кабака, теперь такъ и леталъ изъ стороны въ сторону. Веселье, казалось, коснулось и его.

Только Павелъ Викторычъ, какъ будто, хотя и немного, измѣнилъ своему обыкновенію. Правда, онъ былъ пьянъ, и пьянъ

въ достаточной степени, но все-таки не лежалъ, какъ всегда, подъ портретами своихъ предковъ. У него еще хватало силы, чтобы сидѣть у стола и держать въ рукѣ перо. Подлѣ него помѣщался Петръ Васильевъ и, безпрестанно вытаскивая изъ кармана листки вексельной бумаги, выкладывалъ ихъ на столъ.

— Теперь пишите на три тысячи, предлагалъ онъ.

Павелъ Викторычъ глядѣлъ въ лежащій передъ нимъ образецъ векселя.

— Какое число выставлять? спрашивалъ онъ,

— Ну, хоть пятое... февраля же... Да, пятое февраля, отвѣчалъ Петръ Васильевъ, справившись въ готовыхъ уже векселяхъ, которые кучею лажали у него подъ рукою.

Павелъ Викторычъ до того отвыкъ писать, что еле-еле двигалъ перомъ, которое къ тому же до-нельзя заржавѣло и выводило только какія-то каракули. Чернила тоже не отличались особенными достоинствами, но Петръ Васильевъ увѣрялъ, что все это пустяки.

— Только по формѣ надо, успокоивалъ онъ. — Ну, еще, Павелъ Викторычъ, на десять.

— Давай, братецъ, на двадцать сразу.

— Ну, на двадцать. Адвокатъ говоритъ, чтобы ея векселя убить. У насъ сколько теперь? Сорокъ тысячъ.

Павелъ Викторычъ въ это время наливалъ полную чайную чашку водки и залномъ выпивалъ ее.

— Хватимъ, братецъ, еще! воодушевлялся онъ:—чтобы круглое число было.

По мнѣнію Петра Васильева, можно было написать и круглое число.

— Намъ только бы, баринъ, ея векселя убить, опять повторялъ онъ. — Это слово «убить» ему до того понравилось, что онъ повторялъ его чуть не каждую секунду и притомъ съ какимъ-то даже сердечнымъ умиленіемъ.

— Да, да! Мы ее, братецъ, прожучимъ.

— Вы, баринъ, не сомнѣвайтесь, немного погодя возглашалъ Петръ Васильевъ, стрѣляя во всѣ стороны глазами:—все будетъ въ прежнемъ видѣ. Развѣ мнѣ... у меня, слава Богу!

— Спасибо тебѣ!

Охмѣлѣвшій баринъ принимался вытирать глаза, а на Петра Васильева сходило крайнее умиленіе.

— Ахъ, Боже мой... Да развѣ я вашу добродѣтель не помню? Мнѣ на что! вѣдь я одинъ... Кушайте!

Павелъ Викторычъ кушалъ и вдругъ приходилъ въ крайній азартъ.

— Ей, братецъ, надо показать. Пусть она... Нѣтъ, попробуйка она теперь! восклицалъ онъ, махая руками.

Лужки обратились просто въ фабрику, на которой съ такой быстротой приготовлялись долговые документы, какъ будто бы для этого была изобрѣтена машина, дѣйствующая неизвѣстнымъ до сихъ поръ способомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ существующія машины ломаются, останавливаются; есть какіе-то законы тренія, парализирующіе ихъ способность вертѣться, двигаться. Въ Лужкахъ все было иначе. Стоило поставить на столъ бутылку водки, подлить въ чернильницу воды и дѣло шло, какъ по маслу. Павелъ Викторычъ навыкъ до того, что, кажется, растолкай его соннаго, вложи въ руку перо и онъ, не очнувшись какъ слѣдуетъ, былъ способенъ выводить: отъ сего вышеписаннаго числа впредь черезъ столько-то мѣсяцевъ повинненъ я... и т. д.

Нѣкоторое время дѣла въ Лужкахъ шли такъ, что даже трудно было предугадать, чѣмъ все это кончится. Едва уѣзжалъ Петръ Васильевъ, какъ къ флигельку подкатывала другая тележка, до того похожая на тележку Незабудкина, что ихъ трудно было отличить одну отъ другой. Но въ Лужкахъ ихъ нетолько различали издали, но угадывали, кто ѣдетъ, потому или другому стуку колесъ. Изъ вновь подкатившей тележки вылѣзалъ Мочалкинъ и, кряхтя, поднимался на крыльцо. Въ рукахъ его, какъ и у Петра Васильева, была бутылка, которая немедленно презентовалась барину. Всякій разъ оказывалось изъ первыхъ же словъ Мочалкина, что онъ пробирается куда-нибудь по дѣлу и заѣхалъ въ Лужки случайно. Привезенная бутылка выставлялась на столъ, начиналась выпивка, во время которой Кузьма Иванычъ не могъ надивиться, какъ это Павелъ Викторычъ допускаетъ къ себѣ такого разбойника, какъ Петръ Васильевъ.

Выпивка продолжалась довольно долго, но кончалась обыкновенно тѣмъ, что баринъ начиналъ просить у Мочалкина четвертную или что либо въ родѣ этого. Козьма Иванычъ сначала кобенился, но потомъ вдругъ въ его карманѣ гербовая бумага оказывалась.

— Ну, ужь видно счастье ваше, Павелъ Викторычъ! а я думалъ и бумаги нѣтъ, говорилъ онъ.

И, получивъ четвертную, баринъ писалъ вексель на сто, полтораста рублей «для вѣрности».

Мочалкинъ иногда привозилъ съ собой маленькаго, плюгавенькаго купчика, рекомендуя его своимъ зятемъ. Павелъ Викто-

рычъ видѣлъ его въ первый разъ, но тѣмъ не менѣе писалъ вексель и на его имя. Кузьма Иванычъ говорилъ, что такъ было надо, не объясняя, почему именно. На самомъ дѣлѣ онъ просто боялся, какъ бы не подтянули его, въ случаѣ возбужденія барыней преслѣдованія противъ тѣхъ, которые орудовали около Павла Викторыча. Барину же было рѣшительно все равно, на чье бы имя ни выдавать документъ. Онъ бился только о томъ, чтобы получить какимъ бы то ни было образомъ одну-двѣ красныхъ.

Визиты Мочалкина совершались тайкомъ, но Петръ Васильевъ провѣдалъ о нихъ. Онъ прилетѣлъ въ Лужки просто не въ своемъ видѣ. Узенькіе глаза его метали молніи, визгливые возгласы раздавались по всему флигельку. Всегда почтительный, сладкій до приторности, онъ на этотъ разъ такъ кричалъ на барина, какъ будто тотъ дѣйствительно былъ только его управляющимъ... Но Павла Викторыча въ особенности проняло то, что Петръ Васильевъ грозилъ предоставить Лужки ихъ собственный судьбѣ и отказаться отъ всякаго участія въ дѣлѣ съ барыней.

Визиты Кузьмы Иваныча прекратились, но за то Петръ Васильевъ, можно сказать, удесятерилъ свою дѣятельность. Теперь ужь дѣло не ограничивалось тѣмъ, что документы безпрестанно фабриковались въ Лужкахъ. Иногда Петръ Васильевъ завладѣвалъ Павломъ Викторычемъ, взваливалъ его, какъ какой-нибудь мѣшокъ съ картофелемъ, въ свою тележку и увозилъ въ городъ.

Что они тамъ дѣлали, для чего былъ нуженъ баринъ въ N, никто этого не зналъ, а Павелъ Викторычъ, по возвращеніи въ Лужки, не могъ объяснить рѣшительно ничего. Онъ помнилъ только, что Петръ Васильевъ привезъ его въ свой домъ, угощалъ ромомъ, водкой до тѣхъ поръ, пока онъ не терялъ сознанія. Потомъ они ѣздили куда-то, росписывались въ какихъ-то огромныхъ книгахъ, но для чего, почему—это Павлу Викторычу было совершенно неизвѣстно. Осталось въ головѣ его сравнительно болѣе ясное воспоминаніе о томъ, что онъ былъ у Мутовкина, что адвокатъ предостерегалъ отъ Мочалкина, а совѣтовалъ во всемъ слушаться Петра Васильева.

Однако, Ирина стала смутно предчувствовать что-то неладное. Денегъ у барина съ тѣхъ поръ, какъ имъ окончательно завладѣлъ Петръ Васильевъ, становилось все меньше и меньше. Юркому человѣку ужь незачѣмъ было особенно сильно задабривать ее. Она должна была подумать о себѣ, и вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ Павелъ Викторычъ сидѣлъ опять передъ столомъ, на которомъ лежала вексельная бумага. Корнило бдительно караулилъ на крыльцѣ на случай нечаяннаго пріѣзда Петра Васильева. На этотъ разъ баринъ писалъ вексель на имя

Ирины въ десять тысячъ рублей. Кромѣ того, ей же была выдана купчая на пятнадцать десятинъ земли. Такъ какъ на совершеніе этого документа у нотаріуса потребовались бы деньги, и кромѣ того, поѣздка въ городъ не могла укрыться отъ Петра Васильева, то ограничились тѣмъ, что подъ актомъ по уступкѣ Иринѣ земли и векселями подписались два свидѣтеля: цѣловальникъ Корнило и тотъ парень, который игралъ на гармоніи. И баринъ, и Ирина были вполнѣ увѣрены, что этихъ формальностей за глаза довольно.

XI.

Петра Васильева очень непріятно покоробило, когда онъ узналъ, что Анна Михайловна вручила свое дѣло въ руки такого опытнаго адвоката, какимъ былъ Козловъ. Это было свѣтило, которое только недавно засіяло на N — скомъ горизонтѣ, но сіяло такимъ блескомъ, что грозило затмить всѣхъ.

Правда, Козловъ уступалъ кое въ чемъ Мутовкину. Онъ не могъ указать на такое блестящее прошлое, какъ судимость по двадцати слишкомъ дѣламъ; у него не было и другой очень важной способности. Мутовкинъ, какъ извѣстно, съ большимъ удовольствіемъ позволялъ тыкать себя въ животъ, трепать по лысинѣ, пьянствовалъ и распивалъ чаи съ своими довѣрителями по трактирамъ, катался съ ними по разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ—и за одно это купцы чуть не носили его на рукахъ. Козловъ, напротивъ, очень нелюбезно отвѣчалъ на намеки относительно чаепитія и отходилъ въ сторону, когда кліентъ протягивалъ руку для дружественныхъ изліяній.

Изящный видъ, важныя манеры и холодная величавость Козлова были совершенно понятны. Еще не такъ давно онъ съ честью подвизался въ рядахъ N—ской прокуратуры, и какъ-то вдругъ, можно сказать, однимъ прыжкомъ перешелъ отъ обвиненій къ защитѣ.

Нѣкоторые пробовали объяснять этотъ скачекъ столкновеніемъ съ начальствомъ и видѣли въ немъ даже своего рода демонстрацію, но благоразумное большинство смотрѣло на дѣло иначе. Всякому было понятно, что, возсѣдая на прокурорской трибунѣ, довольно мудрено удовлетворять тѣмъ широкимъ требованіямъ, которыя Козловъ предъявлялъ относительно поваровъ, лошадей и проч., а требованія эти были довольно широки. Его квартира постоянно блистала огнями. У него или обѣдали, или ужинали, или играли въ карты. На его конюшнѣ то и дѣло перемѣня-

лись лошади. Громкій голосъ и борода его кучера славились по всему городу. Всѣ говорили о тѣхъ шальныхъ деньгахъ, которыя онъ платитъ своему повару.

Богинѣ правосудія можно служить всякими путями. Прежде, какъ это и подобало, Козловъ металъ громъ и молнію на голову подсудимыхъ и, потрясая своей маленькой рукой, къ которой такъ шло золотое шитье мундира, говорилъ, что только посредствомъ змѣй и скорпіоновъ можно пересоздать человѣчество. Онъ приглашалъ присяжныхъ какъ слѣдуетъ отнестись къ тому человѣку, который будетъ утверждать противное за вознагражденіе по таксѣ, для присяжныхъ повѣренныхъ установленной... Глаза его искрились отъ негодованія, а грозные перекаты голоса заставляли трепетать публику.

Теперь—а развѣ опять могло быть иначе?—онъ сладко пѣлъ о милосердіи и всепрощеніи, говорилъ о развращающемъ вліяніи среды, приходилъ въ ужасъ отъ жестокосердности своихъ прежнихъ товарищей, которые все еще продолжали разсыпать змѣй и скорпіоновъ, а одинъ разъ, когда ему публично намекнули объ его прежнемъ отношеніи къ «таксѣ»—негодованію его не было границъ. Онъ язвительно и тонко намекнулъ на то, почему прокуроръ долженъ выходить изъ себя при видѣ нарушенія закона, началъ говорить что-то о числахъ каждаго мѣсяца, но былъ остановленъ.

Безспорно, это былъ самый блестящій ораторъ во всемъ N, ораторъ, таланту котораго удивлялись даже адвокаты. И понятно. Разъ праздновалось товарищескимъ обѣдомъ открытіе новыхъ судовъ, произносились рѣчи. Развеселившійся Козловъ вдругъ, тотчасъ же одну за другой, произнесъ двѣ импровизаціи, изъ которыхъ въ одной какъ нельзя лучше оплевалъ то, что превознесъ выше неба въ другой. Онъ говорилъ такъ убѣдительно и горячо, что одинъ изъ праздновавшихъ, который прослушалъ только послѣднюю рѣчь, вступилъ было въ серьёзный споръ съ ораторомъ и долго никакъ не могъ понять смѣха своихъ товарищей. Пришлось разъяснять, что все это такъ только, шутка...

Въ этомъ отношеніи, Мутовкинъ не могъ даже хоть сколько-нибудь сравниваться съ Козловымъ. Проведя всю свою жизнь за обдѣлываніемъ купеческихъ дѣлъ, онъ не могъ пріобрѣсти блестящаго ораторскаго таланта, да пожалуй обходился и безъ него. Его дѣла рѣдко доходили до уголовнаго суда, а если когда это и случалось, всегда можно было найти человѣка, у котораго языкъ привѣшенъ какъ слѣдуетъ, хоть того же Козлова...

Петръ Васильевъ давно зналъ и Козлова, и «для бо̀льшей вѣрности» побывалъ у него тотчасъ же послѣ того, какъ сдѣлалъ

свой первый визитъ къ Мутовкину. Нельзя сказать, чтобы онъ не вѣрилъ послѣднему, но ему хотѣлось изъ другихъ устъ услышать подтвержденіе того, что̀ такъ взволновало и наполнило его душу такими блестящими надеждами.

Обстановка квартиры Козлова была еще болѣе поразительна. Ковровъ, картинъ, цвѣтовъ было, пожалуй, не больше, чѣмъ у Мутовкина, но за то все это отличалось высшимъ изяществомъ. Сейчасъ же видно было, что тутъ распоряжалась не какая-нибудь разжирѣвшая приказная крыса, стащившая въ одну кучу массу дорогихъ вещей и воображавшая, что она превратила какую-нибудь грязную дыру въ великолѣпное палаццо.

Козловъ свысока смотрѣлъ на сладко-улыбающагося и немилосердно-юлившаго кліента, который, очевидно, былъ какой-нибудь лавочникъ или прасолъ, желавшій посовѣтоваться по ничтожному дѣльцу. Съ нимъ можно было покончить тутъ же, чуть не на порогѣ, но Петръ Васильевъ шепталъ такъ таинственно и такъ робко смотрѣлъ по сторонамъ, что его пришлось пригласить въ кабинетъ.

Здѣсь только, и то предварительно увѣрившись, что двери какъ слѣдуетъ заперты, онъ изложилъ свою исторію о другѣ, выдавшемъ по глупости векселя. Лицо адвоката прояснилось. Онъ даже указалъ на стулъ Петру Васильеву.

— И на большую сумму? полюбопытствовалъ Козловъ.

Петръ Васильевъ хватилъ какъ можно больше. Онъ слышалъ, что Козловъ маленькихъ дѣлъ не беретъ.

— Такъ вы желаете спорить? продолжалъ допрашивать все болѣе и болѣе свѣтлѣющій адвокатъ.

— Да, опровергнуть; потому... сами изволите видѣть...

— Это можно.

Петръ Васильевъ пожелалъ узнать, какъ все это «оформить», но адвокатъ вдругъ замкнулся въ самого себя и произнесъ довольно холодно:

— Ужь это я знаю, какъ. Вамъ нуженъ совѣтъ или вы желаете поручить мнѣ это дѣло? немного спустя, спросилъ онъ.

Кліентъ бормоталъ что-то не совсѣмъ понятное.

— Если вы пожелаете, чтобы я велъ это дѣло—условіе одно... Совѣтъ же стоитъ тысячу рублей. Даромъ я совѣтовать не могу. Иначе, можетъ случиться, что кліентъ получитъ совѣтъ и передастъ дѣло другому адвокату.

Петръ Васильевъ вертѣлся на стулѣ, но Козловъ продолжалъ смотрѣть, по прежнему, холодно. Онъ съ ненавистью вспоминалъ, какъ его поддѣли на первыхъ порахъ. Тогда къ нему явился богатый еврей, имѣвшій, по его словамъ «аграма̀тное»

дѣло и желавшій узнать, какимъ путемъ вести его. Козловъ размякъ въ виду очень крупнаго гонорара и открылъ планъ кампаніи, а черезъ нѣсколько дней имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ жидъ орудовалъ при помощи ничтожнаго адвокатика, нанятаго за гроши. Скрипѣть еще разъ зубами отъ безсильной злобы вовсе не было въ его расчетахъ.

Но Петръ Васильевъ тоже не имѣлъ никакого желанія кидать на вѣтеръ тысячу рублей. Онъ объявилъ, что долженъ непремѣнно посовѣтоваться съ тѣмъ, чье дѣло, прибавилъ, что непремѣнно придетъ, но, выйдя на крыльцо, только сильно качалъ головой и недоумѣвалъ.

— Тысяча рублей! Вишь ты! за два-то слова. Нѣтъ, видно, у него деньги-то дешевы!

Въ это самое время на крыльцѣ адвокатской квартиры происходила чуть не драка. Молодой, вертлявый малый, судя по костюму, прикащикъ изъ какого нибудь магазина, всячески старался проскочить въ дверь, которую слуга Козлова запиралъ передъ его носомъ, сердито крича, что барина нѣтъ дома.

— Я не уйду... велѣно! Тутъ и останусь, грозилъ приказчикъ; однако, не привелъ своей угрозы въ исполненіе и черезъ нѣсколько секундъ догналъ Петра Васильева.

— Ужь который это разъ: нѣтъ дома — да и только! жаловался онъ.—Больше тысячи рублей долженъ хозяину, да намъ ли однимъ? Кого ни спросишь, всѣмъ.

— Широко живетъ.

— Ужь такъ широко, такъ широко, а все въ долгъ... Вонъ вчера трое вмѣстѣ со мной приходили... кому пятьсотъ, кому больше.

На площади мимо ихъ пронесся самъ Козловъ въ великолѣпной коляскѣ на парѣ вороныхъ. Толстый съ огромной бородой кучеръ съ необыкновенной важностью возсѣдалъ на козлахъ.

— Какъ тутъ не задолжать? Сегодня у него обѣдъ, завтра ужинъ, два повара, продолжалъ приказчикъ.

Но Козловъ безпечно лежалъ на подушкахъ своего экипажа и, какъ вихрь, несся впередъ. Онъ только что получилъ приглашеніе одной барыни по важному дѣлу.

— Я знаю васъ, ваше сердце, волновалась барыня, встрѣтивъ его:—вы должны помочь одной несчастной... Ахъ, непремѣнно! Она... Но я не могу говорить... вы сами увидите.

Несчастная, которой слѣдовало помочь, оказалась жена Павла Викторыча, Анна Михайловна. Это была высокая, изящная барыня, такъ томно смотрѣвшая большими сѣрыми глазами, что, казалось, окончательно изнемогала подъ гнетомъ судьбы.

— Мнѣ не хотѣлось начинать этого дѣла, но у меня дѣти, говорила она.—Вы, можетъ быть, знаете моего мужа. Около него такіе люди.

Дѣло съ Анной Михайловной было покончено живо. На другой же день Козловъ получилъ очень крупную сумму «на расходы». Барыня нетолько не торговалась, подобно Петру Васильеву, но прямо объявила, что она готова отдать все, лишь бы Лужки были спасены для ея дѣтей.

— Я объ одномъ прошу: чтобы мнѣ только не видѣть мужа... Я не могу его видѣть.—Онъ можетъ жить гдѣ угодно, говорила она, танцуя съ Козловымъ черезъ нѣсколько дней на одномъ очень веселомъ пикникѣ.

XII.

Петръ Васильевъ не унывалъ. Онъ только чаще и чаще сталъ погружаться въ продолжительныя и крайне таинственныя совѣщанія со своимъ адвокатомъ, и во время этихъ совѣщаній такъ сіялъ и радовался, какъ будто открылъ секретъ, посредствомъ котораго въ самое короткое время можно было обездолить весь міръ.

Тайнъ по отношенію къ адвокату у него теперь уже не было. Дѣло велось на чистоту и даже былъ заключенъ формальный договоръ, которымъ точно опредѣлялась доля въ добычѣ, ожидаемой отъ задуманнаго предпріятія.

Въ результатѣ таинственныхъ совѣщаній получалось рѣшеніе дѣйствовать до конца. Ждать больше было нечего. У Петра Васильева накопилось такое количество векселей, заемныхъ писемъ и всякаго рода долговыхъ обязательствъ, что владѣй Павелъ Викторычъ территоріей двухъ-трехъ уѣздовъ, его владѣній едва ли бы хватило на покрытіе долговъ Петру Васильеву.

Разъ, крайне знакомая въ Лужкахъ тележка остановилась около флигелька и, черезъ нѣсколько минутъ, въ нее покорно усаживался, кромѣ ея хозяина, самъ Павелъ Викторычъ. Петръ Васильевъ объявилъ, что они поѣдутъ въ городъ, но по направленію къ N тележка катилась не долго. Она вдругъ круто свернула на проселочную дорогу и стала скакать изъ ямы въ яму, съ бугорка на бугорокъ.

Между путешественниками происходилъ оживленный разговоръ.

— Вы, Павелъ Викторычъ, только одно: согласенъ, молъ, долженъ, поучалъ Петръ Васильевъ.—Больше ничего.

Но баринъ имѣлъ видъ школьника, который, положимъ, хотя

и идетъ на экзаменъ, но тѣмъ не менѣе сильно сомнѣвается въ томъ, чтобы ему удалось отвѣтить тамъ какъ слѣдуетъ.

— Какъ бы чего? говорилъ онъ. — Никогда я, братецъ, не судился...

— Будьте покойны! Согласенъ, молъ, долженъ—и только. Вы думаете что̀! Судья мнѣ очень хорошо знакомы. Къ тому же у насъ съ ними дѣла на счетъ хлѣба, прочаго.

— А вдругъ я какъ нибудь.

Павелъ Викторычъ задумался.

— И какой сегодня воздухъ пріятный! вдругъ провозгласилъ Петръ Васильевъ, чтобы отвлечь барина отъ печальныхъ размышленій, а для бо̀льшаго успѣха этого предпріятія немедленно запустилъ въ тележку руку, которая показалась обратно на свѣтъ Божій съ бутылкой чего-то очень крѣпкаго.

— На дорожку пожалуйте! Хи, хи...

Тележка наконецъ вкатилась въ какую-то деревушку съ маленькими, покосившимися на сторону, черными избушками а затѣмъ остановилась на дворѣ барской усадьбы. На этомъ дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ крѣпкими анбарами и другими хозяйственными постройками, бойко повертывался во всѣ стороны маленькій, кругленькій старичокъ въ халатѣ и фуражкѣ съ кокардой. Онъ бесѣдовалъ съ худымъ мужиченкомъ, одѣтымъ въ донельзя драный кафтанъ, и внушительно помахивалъ передъ нимъ большимъ клѣтчатымъ платкомъ.

— Ты долгу не отдавалъ, а? не отдавалъ вѣдь? говорилъ онъ.

— Время-то, Александръ Гаврилычъ... Сами изволите видѣть... Ахъ, время!

И мужиченко закрутилъ головой, желая сильнѣе выразить, какое теперь время.

— А въ условіи-то что̀ сказано? продолжалъ старикъ.—Не отдалъ къ сроку—штрафъ вдвое, черезъ мѣсяцъ втрое... Помнишь?

— Нужда-то наша...

— Что же мнѣ, судиться съ тобой?

— На что судиться! Мы и такъ.

— Теперь опять подъ работу говоришь? Нѣтъ, ты мнѣ за старое отработай.

Въ это самое время расходившійся старичокъ замѣтилъ тележку и, прикрывъ глаза ладонью, сталъ всматриваться въ гостей.

— Самъ, самъ... судья! шепталъ Петръ Васильевъ и радуясь, точно свиданію съ отцомъ, котораго не видалъ несчетные годы, спѣшилъ старичку навстрѣчу.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ были уже въ большой залѣ,

по срединѣ которой, на небольшомъ возвышеніи стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Передъ столомъ въ два-три ряда тянулись скамейки; на стѣнѣ висѣлъ портретъ. Все говорило, что залъ былъ не что иное, какъ камера мирового судьи. Старичокъ, успѣвшій смѣнить халатъ на что-то среднее между пальто и балахономъ, стоялъ за столомъ и, видимо, находился въ сильнѣйшемъ затрудненіи. Онъ держалъ въ рукѣ судейскую цѣпь, но надѣть ее не рѣшался. Петръ Васильевъ, замѣтно, употреблялъ все свое краснорѣчіе, стараясь убѣдить судью.

— Не бывало у меня такого дѣла, недоумѣвалъ тотъ и возился съ цѣпью.

— Александръ Гаврилычъ! Да развѣ я! такъ и извивался Петръ Васильевъ.—Развѣ я могу противъ васъ?

— Пятьсотъ рублей—это такъ! продолжалъ Александръ Гаврилычъ.—А тутъ вдругъ—сто девять тысячъ...

— Извольте посмотрѣть, законъ, тридцатая статья, надрывался юркій человѣкъ.

Судья бралъ со стола книгу, рылся въ ней, читалъ, но погружался все въ большее и большее сомнѣніе.

— Какъ будто и такъ. А опять какъ же тамъ сказано прямо: до пятисотъ рублей? Право, Петръ Васильичъ, обратились бы вы къ кому нибудь другому, просительно закончилъ онъ.

— Мы у васъ желаемъ, у васъ, Александръ Гаврилычъ, потому довѣріе... Павелъ Викторычъ! баринъ! вѣдь такъ по обоюдному согласію?

Но баринъ только хлопалъ глазами и бормоталъ что то не совсѣмъ понятное.

— Другой бы васъ разобралъ живо, продолжалъ судья.—Ни минуточки не задержалъ бы... Вотъ хоть бы Николай Евгеньичъ. Далеко ли до него?

— Александръ Гаврилычъ! даже прикладывая руку къ сердцу, возглашалъ Петръ Васильевъ.—Неужели же я противъ васъ? Можно сказать, я столько отъ васъ добра видѣлъ.

Но судья, повидимому, нашелъ если не исходъ изъ затруднительнаго положенія, то, по крайней мѣрѣ, что-то въ родѣ этого.

— А вотъ что, господа, предложилъ онъ, къ крайнему огорченію Петра Васильева, кладя на столъ цѣпь и законы.—Закусимъ сначала, а тѣмъ временемъ я подумаю.

Пришлось согласиться. Во время завтрака судья то разговаривалъ съ Петромъ Васильевымъ, предлагая ему купить то рожь, то овесъ, то погружался опять въ юридическія изслѣдованія и рылся въ законахъ. Былъ приглашенъ даже письмоводитель, тоже старичокъ, очевидно, какой-нибудь отставной чиновникъ;

Александръ Гаврилычъ совѣтовался съ нимъ, значительно приподнявъ брови, и наконецъ рѣшился.

— Только ты смотри, грозилъ онъ Петру Васильеву: — если подведешь меня, старика...

Началось разбирательство. Хотя во время завтрака, Александръ Гаврилычъ неразъ вспоминалъ о томъ, что онъ служилъ гдѣ-то вмѣстѣ съ отцомъ Павла Викторыча, а этого послѣдняго зналъ чуть не съ пеленокъ, но обращался, при разсмотрѣніи дѣла, только къ Петру Васильеву. Дѣятельность барина ограничивалась тѣмъ, что онъ бормоталъ: «согласенъ, долженъ», когда ему подмигивалъ Петръ Васильевъ.

Въ то время, какъ судья приготовился было писать рѣшеніе, Петръ Васильевъ началъ совать ему какую-то бумагу. Оказалось, что это проэктъ рѣшенія, заранѣе изготовленный Мутовкинымъ. Александръ Гаврилычъ взглянулъ на Павла Викторыча, но тотъ смотрѣлъ по сторонамъ такъ безучастно, какъ будто дѣло его вовсе не касалось.

— Все равно... Вѣдь по согласію? разсудилъ судья и сталъ писать съ черняка.

Послѣ судоговоренія обѣдали, а письмоводитель составлялъ исполнительный листъ, которымъ предписывалось всѣмъ мѣстамъ и лицамъ оказывать Петру Васильеву надлежащее содѣйствіе при взысканіи имъ съ имѣнія дворянина Глотова ста девяти тысячъ съ процентами, издержками и вознагражденіемъ за веденіе дѣла.

XIII.

Въ то самое время, какъ Петръ Васильевъ судился съ бариномъ у мирового, въ Лужкахъ были гости. Пріѣхали два господина: одинъ почтенныхъ лѣтъ, толстый, съ большой рыжей бородой и маленькими заплывшими жиромъ глазками; другой еще очень молодой съ едва пробивающейся бородкой, крайне подвижный, веселый.

Гости, очень жалѣя объ отсутствіи Павла Викторыча, изъявили желаніе подождать его, но отъ чаю и прочихъ угощеній отказались.

Толстый точно далъ обѣтъ молчать и, сидя у окна, внимательно разсматривалъ барскій домъ. Дожно быть, и на его глаза, домъ этотъ выглядѣлъ не особенно хорошо; по крайней мѣрѣ, баринъ то и дѣло покачивалъ головой. Молодой все время ходилъ по комнатѣ и какъ будто искалъ что-то. Глаза его пытливо

бѣгали туда и сюда, а когда останавливались на какомъ-нибудь сундукѣ или комодѣ, то начинали смотрѣть до того пристально, какъ будто хотѣли просверлить стѣнки и, проникнувъ внутрь сундука, узнать, что̀ тамъ находится. Онъ то крайне дружелюбно, весело шутилъ съ Ириной, дѣлалъ предположенія, что ей должно быть весело жить въ Лужкахъ, то вдругъ съ самымъ невиннымъ видомъ принимался задавать ей самые хитрые вопросы. Повидимому, его сильно интересовало, кто особенно часто бываетъ въ Лужкахъ, что̀ тутъ вообще дѣлаетъ Петръ Васильевъ, прочіе...

— Вотъ этакія узенькія, длинныя бумажки, должно быть, все пишутъ, а? закидывалъ онъ, сгибая листъ въ формѣ векселя, и начиналъ опять любезно смотрѣть на Ирину.

— А шутъ ихъ знаетъ!

— Ну, какъ же, а? Пишутъ вѣдь? А что баринъ, часто выпивши бываетъ?

Хотя Ирина и не была особенно расположена къ откровенности, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ ея отвѣтовъ понравились веселому барину. Онъ начиналъ хохотать съ самымъ безпечнымъ видомъ, но въ тоже время значительно посматривалъ на своего спутника и даже подмигивалъ ему.

Такъ прошло довольно много времени. Молодой баринъ все чаще и чаще поглядывалъ въ окно, точно ждалъ кого-то. Ирина стала-было снова предлагать гостямъ напиться чаю, но въ комнату вдругъ вошелъ староста съ бляхой на кафтанѣ и съ нимъ нѣсколько мужиковъ. Веселый баринъ мгновенно преобразился. Онъ остановился противъ Ирины и, не кончивъ еще какой-то шуточки, строго объявилъ, что онъ судебный слѣдователь и долженъ произвести въ ея имуществѣ обыскъ.

Ирина обмерла до того, что едва могла вымолвить что-нибудь. Въ душѣ ея была смутная радость, что она успѣла заблаговременно отослать все въ Погорѣловку, но надежда эта оказалась напрасной. Судебному слѣдователю было извѣстно все, и онъ только принялся смѣяться, когда Ирина попробовала увѣрить его, что у нея ничего нѣтъ, кромѣ того маленькаго сундучишка, который она показывала.

— А въ Погорѣловку-то что же увезено недавно? Полно, матушка, лучше меня не обманывай, посовѣтовалъ онъ.

Ирина опустила голову.

— Хуже будетъ, продолжалъ слѣдователь. — Мы все знаемъ. Туда ужь мы послали.

Въ маленькомъ сундучишкѣ не нашли ничего, но зато въ чуланѣ одинъ изъ понятыхъ вытащилъ изъ щели какія-то бумаги, завернутыя въ нѣсколько тряпокъ. Тутъ оказался и вексель, вы-

данный Иринѣ Павломъ Викторычемъ, и актъ на уступку ей пятнадцати десятинъ земли. Между бумагами лежало тридцать-сорокъ рублей, которые Ирина не такъ давно подобрала около кровати барина.

— Ого, матушка, какіе капиталы! восторгался слѣдователь, тогда какъ его толстый спутникъ, оказавшійся письмоводителемъ, посмѣивался.

На Иринѣ не было лица. Она ничего не сказала объ этихъ бумагахъ уже по одному тому, что со страха едва ли не забыла о нихъ. Кромѣ того, она не придавала имъ никакого преступнаго значенія. Развѣ не постоянно писались здѣсь всевозможные документы чуть не на виду у всѣхъ? Вотъ деньги, да большія ли это деньги? и опять, не подбери ихъ она, развѣ не ушли бы онѣ такъ, зря?

Ирина смутно слышала, какъ слѣдователь отдавалъ приказаніе ни на секунду не выпускать ее изъ виду, и заливалась горькими слезами.

Въ кабакѣ, между тѣмъ, сидѣлъ десятскій и строго наблюдалъ, чтобы сидѣлецъ не скрылъ чего-либо. Впрочемъ, въ сундучишкѣ Корнилы было до того пусто, что судебный слѣдователь пересталъ смѣяться и видимо опечалился. Онъ опасался, что для ареста Корнилы, пожалуй, не будетъ никакихъ основаній, но подъ стойкой отъискали золотое кольцо, потомъ гдѣ-то подъ поломъ старую, сломанную серебрянную спичечницу.

Корнила мялся подъ веселыми взглядами слѣдователя и, наконецъ, объявилъ, что онъ вытащилъ эти вещи у барина, когда тотъ пьяный какъ-то свалился въ кабинетѣ.

Обыскъ производили долго, тщательно; кой-гдѣ поднимали полъ, осматривали всѣ щели, но, кромѣ кольца и спичечницы, въ кабакѣ ничего не нашли. Впрочемъ, и этого было довольно.

Когда вечеромъ Павелъ Викторычъ подкатилъ къ флигельку, радуясь, что онъ ничего не наболталъ у мирового, во флигелькѣ было пусто. Ирину увезли въ Погорѣловку присутствовать при обыскѣ, который долженъ былъ производиться въ отосланныхъ туда сундукахъ. Корнило сидѣлъ подъ замкомъ въ волостномъ правленіи. Около кабака не было ни одного человѣка, да и самый кабакъ былъ запертъ на замокъ.

Горю Павла Викторыча не было границъ. Онъ ревѣлъ на весь домъ, хотѣлъ тотчасъ же летѣть къ слѣдователю, неизвѣстно для чего, не слушалъ никакихъ увѣщаній.

— Пусть и меня берутъ! кричалъ онъ.—Куда она, туда и я.

— Эхъ, баринъ! можетъ и дастъ Богъ! успокоивалъ его сот-

скій, принесшій повѣстку, которою баринъ вызывался на завтра къ судебному слѣдователю.—Можетъ, спросятъ и отпустятъ.

— Нѣтъ, сошлютъ ее, сошлютъ! Петръ Васильевъ! да какъ же это, братецъ?

Слезы потоками бѣжали по его лицу. Даже Петръ Васильевъ не могъ его успокоить. Впрочемъ, Петру Васильеву было не до барина. Онъ спѣшилъ въ городъ.

XIV.

Прошло только три дня, но дѣло «о вовлеченіи дворянина Павла Викторовича Глотова путемъ обмана въ невыгодныя по имуществу сдѣлки» разрослось уже до громадныхъ размѣровъ. Судебный слѣдователь, несмотря на свою молодость, былъ рьяный представитель той богини, которую изображаютъ съ повязкой на глазахъ и съ мечемъ въ одной рукѣ, между тѣмъ, какъ другая старается удерживать въ равновѣсіи колеблющіеся вѣсы. Чуть начиналось какое-нибудь дѣло, онъ испытывалъ зудъ во всемъ тѣлѣ и не успокоивался до тѣхъ поръ, пока ему не удавалось прибавить двухъ или трехъ новыхъ обитателей въ вѣчно и безъ того полный острогъ.

Ту же необыкновенную энергію судебный слѣдователь проявилъ и по дѣлу Глотова. Чуть не на другой день послѣ арестованія Корнилы и Ирины онъ уже показывалъ цѣлую стопу мелко исписанной бумаги и, съ торжествомъ ударяя по ней рукою, говорилъ, что не то еще будетъ.

Всѣ эти дни и на крыльцѣ, и у воротъ слѣдовательской камеры цѣлыми группами лежали и сидѣли лужковскіе мужики и бабы. Но эти свидѣтели могли скорѣе вогнать въ гробъ самого судебнаго слѣдователя, чѣмъ доставить ему самое небольшое удовольствіе, т. е. прибавить хотя ничтожную тяжесть на шею тѣхъ, кого слѣдовало утопить какъ можно глубже. Очутившись передъ заваленнымъ бумагами столомъ, свидѣтели умѣли только мяться, переступать съ ноги на ногу, или вдругъ погружались въ такое внимательное созерцаніе своихъ лаптей, что, казалось, видѣли передъ собою какой-то до необычайности диковинный предметъ и никакъ не могли постичь его назначенія. Имъ задавались самые разнообразные вопросы, предлагалось подумать, съ ними шутили, но свидѣтели продолжали мяться и только обливались потомъ. Судя по ихъ словамъ, они и въ глаза не видали Ирины, а о существованіи Петра Васильева не имѣли никакого понятія.

— У насъ своихъ дѣловъ... Кто же ихъ знаетъ! равнодушно заявляли они.

— Да вѣдь въ кабакѣ вы бывали? горячился слѣдователь.

— Въ кабакѣ... Какъ не бывать въ кабакѣ! Придешь—выпьешь, а чтобъ чего прочаго...

И чѣмъ болѣе старался слѣдователь, тѣмъ чаще и чаще слышалъ: «Намъ что! Господь ихъ знаетъ! Что-жь баринъ? извѣстно, баринъ!»

И только. Судебный слѣдователь готовъ былъ рвать на себѣ волосы.

— Можете себѣ представить, а? то и дѣло восклицалъ онъ, обращаясь къ наблюдавшему за ходомъ дѣла товарищу прокурора, и презрительно указывалъ на заплатанный кафтанъ удаляющагося свидѣтеля.

Товарищъ прокурора, молоденькій, чистенькій субъектъ изъ правовѣдовъ поднималъ на минуту голову съ удивительными завитками, начесанными на низенькій лобикъ, иногда надѣвалъ пенснэ, пожималъ плечами, а потомъ тотчасъ погружался въ охорашиваніе своихъ ногтей. Въ этомъ занятіи, собственно говоря, и заключалось то наблюденіе, которому онъ съ ранняго утра и до поздней ночи предавался въ теченіи трехъ дней.

— Ну, не ослы ли! Вѣдь это ужасно! продолжалъ волноваться слѣдователь, со злостью всматриваясь въ новый кафтанъ, который появлялся на смѣну только-что ушедшаго.—Хоть бы что-нибудь!

Но утѣшиться ему пришлось только тогда, когда послѣдній кафтанъ бытъ смѣненъ удивительно почтеннымъ на видъ, сѣдобородымъ «батюшкой», ежеминутно кашлявшимъ въ руку и внимательно глядѣвшимъ въ глаза представителя правосудія. Самъ батюшка еще не былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, чья возьметъ, а потому показывалъ до крайности осторожно. Онъ сообщилъ только—и то съ разными оговорками—кое-что касательно «легковѣрности» Павла Викторыча; повздыхалъ по поводу его отношеній къ Иринѣ. Но такъ какъ въ городѣ ходили упорные слухи о томъ, что Лужки непремѣнно должны поступить къ барынѣ, то послѣ допроса батюшка съумѣлъ намекнуть, кого бы слѣдовало допросить для того, чтобы добыть какъ можно больше данныхъ. Онъ только желалъ, чтобы на него, батюшку, не было никакихъ указаній.

— Я такъ, частно, шепталъ онъ, наклонившись почти къ самому уху судебнаго слѣдователя.—А то, сами посудите...

Тѣ люди, на которыхъ указалъ батюшка, были драгоцѣнны. Первое мѣсто между ними занималъ Ветошкинъ, о которомъ

батюшка еще раньше и тоже «подъ рукой» сообщилъ повѣренному барыни, а тотъ въ теченіи нѣсколькихъ дней до крайности усердно ухаживалъ за драгоцѣннымъ человѣкомъ.

Ветошкинъ былъ чистокровный дворянинъ, у котораго прежде было даже порядочное состояніе, но изъ всего онъ успѣлъ сохранить только фуражку съ краснымъ околышемъ, да ружье съ собакой. Онъ едва ли даже имѣлъ какое-нибудь постоянное мѣсто жительства. Еще зимой, по необходимости, онъ привиталъ гдѣ-то на краю своей деревни въ хатѣ одного изъ прежнихъ подданныхъ, а лѣтомъ, въ сопровожденіи вѣрнаго Трезора, странствовалъ по всѣмъ окрестностямъ. Охота была для него самымъ подходящимъ занятіемъ, хотя у этого Немврода часто не было съ собой ни крупинки пороха. Она плѣняла его потому, что давала полнѣйшую возможность сегодня сидѣть въ кабакѣ какой-нибудь Дубровки, а завтра вдругъ перенестись въ погорѣловское заведеніе. Но особенно часто Ветошкинъ посѣщалъ Лужки, гдѣ, какъ извѣстно, шелъ постоянный пиръ до тѣхъ поръ, пока не разразилась гроза. Нельзя сказать, чтобы Ирина очень любезно относилась къ его посѣщеніямъ. Напротивъ, еще издали завидѣвъ бѣгаго Трезорку, за которымъ, весело посвистывая, шагалъ его длинноногій, всегда и во всякое время успѣвшій ужь выпить, хозяинъ, Ирина начинала ругаться. Она даже и въ лицо иначе не называла Ветошкина, какъ шаромыгой, и очень часто кидалась на него съ голикомъ въ рукахъ, но Ветошкинъ не обращалъ на это вниманія. Иногда, тотчасъ послѣ того, какъ Ирина успѣвала ловко огрѣть его по спинѣ и довольная садилась на крыльцѣ, онъ незамѣтно подкрадывался къ ней сзади и за ногу сдергивалъ ее на землю. Послѣ этого долго раздавалась по всей усадьбѣ ругань, Ирина опять вооружалась голикомъ или метлой и бѣгала, переваливаясь, какъ утка, но Ветошкинъ обладалъ такими длинными ногами, такъ безучастно относился къ брани и такъ громко хохоталъ, что Иринѣ приходилось, наконецъ, плюнуть.

Павелъ Викторычъ съ Ветошкинымъ находился въ большой пріязни ужь по одному тому, что никто лучше послѣдняго не умѣлъ сбыть какую-нибудь вещь, ловко протащивъ ее подъ полой, чтобы не замѣтила Ирина; никто быстрѣе не могъ сообразить, чѣмъ бы отвлечь изъ дому Ирину, а въ ея отсутствіе, занявъ цѣловальника, стащить съ полки одну-двѣ бутылки. Потомъ, Ветошкинъ зналъ такое безчисленное количество пикантныхъ анекдотовъ, что могъ развеселить даже мертваго.

Благодаря своему постоянному общенію съ Павломъ Викторычемъ, Ветошкинъ зналъ многое изъ того, что происходило въ

Лужкахъ. Иногда ему приходилось даже подслушивать кое что изъ бесѣдъ барина съ Петромъ Васильевымъ. Кромѣ того, если Павелъ Викторычъ разсказывалъ многое даже мужикамъ, то, несомнѣнно, съ Ветошкинымъ былъ еще больше откровененъ.

Понятно поэтому, что повѣренный Анны Михайловны ухаживалъ за такимъ драгоцѣннымъ свидѣтелемъ. Немедленно послѣ того, какъ батюшка намекнулъ о Ветошкинѣ, былъ командированъ для отысканія его особый посланный. Розыскать его удалось не скоро, но все-таки удалось. Теперь, онъ уже нѣсколько дней жилъ въ городѣ, гдѣ для него въ гостинницѣ наняли номеръ, ухаживали за нимъ, ублажали. Кромѣ того, онъ могъ надѣяться на кое-что потомъ послѣ показанія.

И онъ не остался неблагодаренъ.

— Ну, теперь держись, Петръ Васильевъ! весело восклицалъ судебный слѣдователь, любуясь на показанія Ветошкина.—Теперь у насъ улики...

— Что̀, довольны, Александръ Иванычъ? обращался онъ къ Козлову.

Тотъ, конечно, отвѣчалъ утвердительно.

— Вотъ еслибы намъ еще самого Глотова сбить, говорилъ онъ.—Но какъ?

— О, этотъ идіотъ! (судебный слѣдователь не могъ даже слышать хладнокровно о Павлѣ Викторычѣ). Помилуйте! онъ утверждаетъ, что никто его не обманывалъ, что онъ подарилъ Иринѣ ложки, и самъ вызвался дать ей вексель.

— Кто-жь ему повѣритъ на судѣ?

— Нѣтъ, я ему покажу. Я его непремѣнно освидѣтельствую въ состояніи умственныхъ способностей... Непремѣнно. Надо показать, какой вѣры заслуживаютъ его слова! Вѣдь еслибы онъ помогъ намъ, мы бы теперь... Ничего! Я доберусь-таки до Петра Васильева.

Часы Петра Васильева, повидимому, дѣйствительно были сочтены. Ирина и Корнило давнымъ-давно обрѣтались въ острогѣ, несмотря на то, что Павелъ Викторычъ всячески стоялъ за нихъ и приводилъ слѣдователя въ такое отчаяніе, что тотъ часто презрительно кидалъ на столъ перо и долго-долго пожималъ плечами.

Баринъ упорно стоялъ на томъ, что никакихъ векселей у него никто не выманивалъ, утверждалъ, что онъ дѣйствительно занималъ деньги у Петра Васильева. Правда, при этомъ онъ нетолько не могъ, хотя бы и приблизительно опредѣлить цифру своихъ долговъ, но не умѣлъ даже указать, когда истрачены имъ хоть бы двѣ-три тысячи.

Глотовъ страдалъ едва ли не больше всѣхъ. Его подвергали такимъ продолжительнымъ допросамъ, такъ часто таскали въ городъ, что онъ давнымъ-давно бѣжалъ бы куда-нибудь, еслибы только его не удерживала мысль о томъ, что̀ будетъ съ Ириной. Къ допросамъ у слѣдователя скоро прибавилось другое мученье. Павла Викторыча нѣсколько разъ таскали въ какое-то присутственное мѣсто, гдѣ задавали ему странные вопросы и осматривали такъ, какъ будто намѣревались немедленно отдать въ солдаты. Онъ бы перенесъ все, еслибы только могъ время отъ времени видѣться съ Ириной, но это было невозможно. Въ Лужкахъ поселился какой-то неизвѣстный ему человѣкъ, который, кажется, ни на одну секунду не упускалъ его изъ виду. Это былъ управляющій, посланный Анной Михайловной. Барину было объявлено, что безъ разрѣшенія жены онъ не можетъ ничего ни продавать, ни покупать, такъ какъ его отдали подъ опеку за расточительность, и опекуншей была сдѣлана барыня.

Это было довершеніемъ всѣхъ мукъ. Окончательно убитый, Павелъ Викторычъ грустно бродилъ по своему флигельку, съ тоской вспоминая о прошломъ. Онъ чуть ли не совсѣмъ лишился единственнаго своего удовольствія—посидѣть за бутылкой и потомъ завалиться подъ портреты предковъ.

Кромѣ векселя и купчей, Ирину погубилъ тотъ сундукъ, который она отослала изъ Лужковъ въ Погорѣловку. Когда открыли этотъ сундукъ въ присутствіи слѣдователя и понятыхъ, представилась довольно интересная картина. Прежде всего, онъ былъ до того туго набитъ, что едва повернули въ замкѣ ключъ, какъ крышка отскочила такъ быстро, какъ будто сундукъ былъ снабженъ Богъ вѣсть какимъ механизмомъ. Потомъ, его содержимое.. Чего только не было въ немъ! Рядомъ со старымъ распоротымъ платьемъ барыни, лежалъ жилетъ, кружева, серебрянныя ложки, ножи, вилки, потомъ опять какое-нибудь старое платье, наряды самой Ирины, опять жилетъ, брюки и т. д., и т. д. Между этими вещами, по мѣрѣ того, какъ ихъ вынимали, оказывались деньги. Тамъ десять рублей, тамъ тридцать. Деньги валялись просто между рухлядью, были завернуты въ какой-нибудь лоскутокъ бумаги или въ тряпку. Очевидно, сундукъ наполнялся постепенно, урывками. Сегодня удавалось сунуть въ него одно, завтра что-нибудь другое, сунуть, какъ попало, потому что, каковъ бы ни былъ Павелъ Викторычъ, все же таки было неловко перебирать и перекладывать при немъ всѣ эти вещи. Нѣкоторыя вещи были до того плохи, что трудно было понять, на что онѣ могли понадобиться Иринѣ.

Но арестъ Ирины и Корнилы не совсѣмъ утѣшилъ судебнаго

слѣдователя. Ему непремѣнно хотѣлось добраться до Петра Васильева и Мочалкина. Теперь, послѣ показанія Ветошкина, на это можно было вполнѣ разсчитывать. Это показаніе было до того длинно, что счастливая улыбка не сходила съ лица слѣдователя.

— Теперь мы этихъ гусей допечемъ! чуть не въ сотый разъ повторялъ онъ, весело глядя на товарища прокурора.

Но «гуси» не особенно трусили. Мочалкинъ былъ въ большомъ горѣ. Немедленно по полученіи извѣстія объ арестахъ и обыскѣ въ Лужкахъ, онъ сжегъ всѣ векселя, выданные ему Павломъ Викторычемъ и теперь искалъ утѣшенія въ водкѣ. Съ нимъ вмѣстѣ пьянствовалъ и адвокатъ его, худой, высокій, угреватый мужчина изъ отставныхъ чиновниковъ, котораго кліентъ, смотря по обстоятельствамъ то до одуренія накачивалъ водкой, то таскалъ за волосы и билъ своими увѣсистыми сапогами.

— Все равно, Кузьма Иванычъ, не много бы получили, утѣшалъ адвокатъ.

— Обидно, братецъ. Старался, старался, а вотъ...

Юридическія познанія отставного чиновника были мизерны и не соотвѣтствовали его положенію. Онъ только нагонялъ страхъ на своего довѣрителя.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находился Петръ Васильевъ. Онъ тоже не разлучался съ своимъ адвокатомъ, но въ ихъ бесѣдахъ не было ни малѣйшей тѣни унынія.

— Ну что, какъ? спрашивалъ Мутовкинъ.

— Учу, Иванъ Васильичъ. Теперь знаю, отвѣчалъ кліентъ.

Петръ Васильевъ почти не выпускалъ изъ рукъ въ теченіи нѣсколькихъ дней бумажку, на которой былъ написанъ длинный рядъ цифръ, номера рѣшеній разныхъ судебныхъ мѣстъ. Петръ Васильевъ долженъ былъ заявить слѣдователю, что, на основаніи этихъ рѣшеній, его не имѣютъ права подвергать допросу, ибо дѣло его должно разбираться гражданскимъ порядкомъ.

Мутовкинъ предлагалъ сдѣлать репетицію. Оказывалось, что Петръ Васильевъ дѣйствительно зналъ какъ нельзя лучше.

— Ка̀къ-то Кузьма Иванычъ? интересовался Петръ Васильевъ.

Адвокатъ смѣялся. Онъ вполнѣ увѣренъ, что дѣло Мочалкина плохо.

— Ему дешевыхъ адвокатовъ надо... Пусть-ка онъ... Ха, ха!

— А что̀, еслибы у него купить? проэктировалъ Петръ Васильевъ.—Вѣдь у него векселей-то много, а онъ бы, пожалуй, дешево.

Глаза Петра Васильева блестѣли. Мутовкинъ одобрялъ проэктъ, но оказалось, что они опоздали.

Кузьма Иванычъ даже разсердился, когда къ нему явился Петръ Васильевъ и объявилъ о причинѣ своего визита.

— Откуда у меня его векселя? Я никакихъ съ нимъ дѣлъ не велъ...

Мутовкинъ такъ и залился звонкимъ смѣхомъ, когда ему все стало извѣстно. Его предположеніе объ окончательной негодности дешеваго адвоката вполнѣ подтверждалось.

— Ахъ, дураки, дураки!

Но черезъ нѣсколько дней торжествовать пришлось Мочалкину. Его адвокатъ только-что принесъ вѣсть о томъ, что Петръ Васильевъ въ острогѣ.

Бумажка, на которой былъ написанъ цѣлый рядъ цифръ и которую Петръ Васильевъ во время допросовъ постоянно держалъ передъ своими глазами, не вывезла. Но все-таки перечисленныя Петромъ Васильевымъ рѣшенія не давали покоя судебному слѣдователю и не разъ среди полнаго торжества вызывали грусть на его счастливую физіономію.

— Вотъ только палата! восклицалъ онъ въ такихъ случаяхъ. — А что̀, если она затормозитъ?

— А развѣ есть основанія?

— Если хотите, да... Чего добраго, вдругъ...

И слѣдователь выходилъ изъ себя, волнуясь и опасаясь за судьбу дѣла, которое онъ довелъ до необычайныхъ размѣровъ. Теперь на его столѣ красовалась ужь не одна стопа мелко исписанной бумаги. Больше всего у него надеждъ было на Анну Михайловну. У нея такія обширныя знакомства, связи.

— Она ужь хлопочетъ тамъ, сообщалъ онъ конфиденціально.

— Конечно, кому другому бы не удалось, а ей... Я тоже писалъ кой-кому. Впрочемъ, вы вѣдь знакомы съ Ѳедоромъ Иванычемъ... Пожалуйста, напишите, попросите. Николай Николаичъ, Илья Павлычъ писали...

Въ палатѣ, дѣйствительно, дѣятельно хлопотали о томъ, чтобы обвинительный актъ по дѣлу Глотова прошелъ, хотя этому и должны были помѣшать кой-какія изъ тѣхъ рѣшеній, которыя были записаны на бумажкѣ у Петра Васильева. Но въ тоже время не менѣе дѣятельныя хлопоты шли объ освобожденіи Петра Васильева изъ замка. Мутовкинъ завалилъ судъ такимъ громаднымъ количествомъ всевозможныхъ просьбъ и жалобъ, что, когда ихъ выложили на столъ, судьи только ахнули.

— Вы посмотрите, одна эта на шести листахъ, а тутъ цѣлыхъ десять! въ ужасѣ восклицалъ одинъ.—Вѣдь если ихъ читать...

— Мнѣ, господа, въ деревню до зарѣзу надо. Я къ поѣзду

опоздаю, представлялъ другой.—Нельзя ли безъ меня? Мнѣ все равно, подпишу потомъ.

— Взять съ него залогъ.

— Да, да... А то онъ намъ не дастъ покоя. Что день, то просьба.

Петръ Васильевъ былъ освобожденъ, къ величайшему огорченію судебнаго слѣдователя, который усмотрѣлъ въ этомъ фактѣ чуть не личную обиду. Онъ рвалъ, металъ и не могъ хладнокровно говорить о дѣлѣ Лужковскаго барина, а говорить приходилось. Находились люди, которые никакъ не могли понять, на какомъ основаніи Ирина и Корнило будутъ сидѣть въ острогѣ въ то время, какъ Петръ Васильевъ разгуливаетъ на свободѣ. Это было тѣмъ болѣе непонятно, что Ирина на первомъ же допросѣ отказалась и отъ векселя, и отъ купчей, выданныхъ ей Павломъ Викторычемъ.

— Ну, что-жь посидятъ! только и отвѣчалъ слѣдователь.

— Помилуйте, обвинять ихъ въ томъ, что они помогали Петру Васильеву обманывать Глотова! Вѣдь ихъ въ этомъ обвиняютъ?

— Да, въ этомъ, былъ недовольный отвѣтъ.

— Но... присяжные ихъ навѣрняка оправдаютъ...

— Оправдаютъ... Ну, что-жь изъ этого! Я, можетъ быть, нарочно и посадилъ ихъ, что присяжные оправдаютъ. Пусть хоть теперь посидятъ немного. Присяжные! Мало ли кого оправдываютъ присяжные!

Иногда судебному слѣдователю намекали на то, что за это, пожалуй, можетъ и достаться, но онъ только хохоталъ. Въ самомъ дѣлѣ, формальности были соблюдены, постановленіе объ арестѣ объявлено подсудимымъ въ опредѣленный срокъ, кому слѣдуетъ сообщено. Чего еще надо!..

— Постойте! Козловъ имъ еще покажетъ... Онъ этого Петра Васильева проберетъ... Замѣчательный талантъ!

Но однажды, какъ разъ во время разсужденій о талантѣ Козлова, въ камеру слѣдователя вбѣжалъ тотъ самый товарищъ прокурора, который наблюдалъ за производствомъ слѣдствія по дѣлу Глотова.

— Новость! новость! кричалъ онъ, показывая цѣлый ворохъ бумагъ и, повидимому, находясь въ самомъ сильномъ волненіи.— Угадайте?

Огорченный слѣдователь недовольно повернулся на своемъ креслѣ и отгадывать не сталъ.

— Козловъ бѣжалъ, объявилъ обвинитель; все лицо его сіяло.

— Какъ Козловъ... куда!? Помилуйте!

— Куда!.. Конечно, неизвѣстно, а вотъ смотрите... Земская управа заявляетъ, что по ея довѣренности онъ получилъ десять тысячъ и не отдалъ. У Кроликова увезъ—пять, у Иванова—восемь. Третьяго дня одно самое вѣрное дѣло кончилъ миромъ и получилъ немного больше половины того, что слѣдовало довѣрителю.

— Да онъ, можетъ быть, такъ... уѣхалъ куда-нибудь по дѣлу?

Но побѣгъ Козлова не подлежалъ сомнѣнію. Изъ его квартиры исчезли всѣ цѣнныя вещи, его видѣли уже подъ Москвой на желѣзной дорогѣ, обритаго, въ огромныхъ синихъ очкахъ и какомъ-то странномъ костюмѣ.

— А еще, помните, третьяго дня въ клубѣ вмѣстѣ ужинали? вспомнилъ судебный слѣдователь.—Ловко! Ну, да мы, авось, сцапаемъ.

И немного времени спустя, телеграммы, съ описаніемъ примѣтъ Козлова летѣли по всѣмъ трактамъ. Судебный слѣдователь горѣлъ самымъ сильнымъ желаніемъ пробрать того, съ кѣмъ еще не такъ давно онъ ужиналъ въ клубѣ и совѣтовался на счетъ того, какъ бы почище доѣхать Петра Васильева.

XV.

Наконецъ, насталъ день, въ который Петръ Васильевъ долженъ былъ или убѣлиться какъ снѣгъ, или, какъ полагали нѣкоторые легкомысленные обыватели N, воспріять должное.

Зала суда была полнымъ-полна съ самаго ранняго утра. Публика состояла изъ представителей всевозможныхъ слоевъ общества, начиная отъ насквозь пропитаннаго спиртнымъ запахомъ кабачнаго завсегдатая, до элегантнѣйшей изъ элегантныхъ дамъ N. Кабачный завсегдатай, какъ человѣкъ, имѣвшій очень частыя сношенія съ Петромъ Васильевымъ, во чтобы-то ни стало хотѣлъ посмотрѣть на то, какъ будутъ судить этого выжигу. Дамамъ, напротивъ, до Петра Васильева не было никакого дѣла. Ихъ плѣняло то, что молоденькій, веселый адвокатикъ, казенный защитникъ Корнилы, обѣщалъ устроить самую интересную экскурсію въ область прошлаго Анны Михайловны, что не могло не быть очень любопытно. Кромѣ того, на судѣ должны были коснуться и отношеній Павла Викторыча къ Иринѣ. Но и дамы и кабачные завсегдатаи совсѣмъ тонули въ цѣломъ морѣ купцовъ и юркихъ субъектовъ въ синихъ чуйкахъ, со шныряющими по сторонамъ глазами и хитрой лисьей физіономіей. Эта часть публики, конечно, не была настолько легкомысленна, чтобы плѣняться

какой-нибудь Ириной или Анной Михайловной. Ее привлекало самое дѣло, въ которомъ она усматривала нѣчто въ родѣ перваго опыта, и очень хорошо понимала, что, удайся этотъ опытъ, для дѣятельности «умственныхъ» людей открывались такія обширныя поприща, отъ одной мысли о которыхъ ужь захватывало дыханіе. Каждый изъ купцовъ и синихъ чуекъ непремѣнно зналъ какого-нибудь Прокла Семеныча, Клавдія Петровича, подъ которыхъ, если это будетъ одобрено, можно запустить такую мину, что положенію Павла Викторыча, пожалуй, можно будетъ еще и позавидовать.

Длинная, неуклюжая зала суда была таже, что и всегда. Столъ съ полинявшимъ позументомъ на зеленомъ сукнѣ, прокурорская трибуна направо, загородка для подсудимыхъ и скамья защиты налѣво, засаленныя спинами усердныхъ посѣтителей стѣны съ прорванными обоями и громадными гирляндами паутины; олимпійски величественные судьи въ бѣлыхъ галстухахъ и расшитыхъ золотомъ мундирахъ. Пыль, вонь, спертый воздухъ. Вообще, все тоже, что можно встрѣтить каждый день и въ каждомъ изъ провинціальныхъ храмовъ Ѳемиды. Но тѣмъ не менѣе, какое-то особенное, можно сказать, праздничное настроеніе царило въ судѣ. Повсюду виднѣлись веселыя, оживленныя лица, слышались радостный смѣхъ, радостныя восклицанія. Точно всѣ собрались смотрѣть не на то, какъ человѣку будутъ воздавать должное за то, что онъ зарвался далѣе положенныхъ предѣловъ, а присутствовать при славословіи таланта, который нетолько слѣдовало поощрить, но отъ котораго можно многому и поучиться.

Судебное слѣдствіе кончилось къ великому удовольствію публики. Крайне весело было слушать показаніе Ветошкина, который и самъ, повидимому, испытывалъ величайшее наслажденіе, разсказывая, какъ Ирина била и ругала Павла Викторыча, какъ съ нимъ обращались въ кабакѣ. Но за Ветошкинымъ пошли мужики, которые только мялись и встряхивали волосами, не сообщая ничего путнаго; затѣмъ потянулся длинный рядъ свидѣтелей со стороны защиты и окончательно наскучилъ всѣмъ. Всѣ эти свидѣтели были до крайности однообразны. Они должны были удостовѣрить, что Петръ Васильевъ нетолько не обманывалъ Павла Викторыча, но едва ли самъ не былъ обманутъ. Одинъ свидѣтель собственными ушами слышалъ, какъ баринъ упрашивалъ подсудимаго дать ему денегъ, другой могъ подтвердить, что барину была вручена не разъ пачка ассигнацій. Третій распространялся о томъ, какъ сильно, вслѣдствіе привлеченія Петра Васильева къ суду, пострадали его дѣла, и съ сердечнымъ умиленіемъ говорилъ объ его добродѣтели и т. д. Публика только

удивлялась и посмѣивалась, ибо чуть не весь городъ зналъ, что за люди эти свидѣтели, а нѣкоторые собственными глазами видѣли, какъ они въ теченіи послѣднихъ дней не выходили изъ заведеній Петра Васильева.

Шли пренія. По существу это были тѣже самыя пренія, которыя изо-дня-въ-день оглашаютъ стѣны всѣхъ судовъ нашего отечества. Прокуроръ, высокій, худой человѣкъ, съ нервнымъ лицомъ и золотыми очками на большомъ носѣ, металъ громъ и молнію. Онъ съ такой яростью обрушился на подсудимыхъ и выставлялъ ихъ въ такомъ видѣ, что, казалось, всѣхъ поименованныхъ въ уложеніи наказаній, если ихъ сложить въ одну кучу, было бы мало для возданія такимъ извергамъ.

Несчастный Павелъ Викторычъ не могъ еще какъ слѣдуетъ оправиться отъ пытки, которую ему пришлось вынести во время судебнаго слѣдствія. Тогда прокуроръ то и дѣло приглашалъ его подойти поближе къ своей трибунѣ и затѣмъ язвительно начиналъ допрашивать о томъ, куда онъ могъ въ такое короткое время истратить чуть не двѣсти тысячъ. Павелъ Викторычъ пробовалъ что-то бормотать о коровѣ, о лошади, которыхъ онъ купилъ, но въ публикѣ слышался презрительный смѣхъ и веселый шопотъ.

— Да вѣдь это тридцать, сорокъ рублей, насмѣхался обвинитель:—а остальные? Вѣдь поймите, сто девять тысячъ.

— Вы знаете ли, что̀ такое сто тысячъ? вставилъ, въ свою очередь, новый повѣренный Анны Михайловны, до-нельзя изящный молодой человѣкъ, съ черными усиками, которые онъ то и дѣло покручивалъ.

Приходилось молчать, но отъ этого не было лучше.

— Правда ли, что Ирина Семенова такъ обращалась съ вами, какъ разсказываетъ свидѣтель Ветошкинъ? слышалось снова.

Павелъ Викторычъ только блѣднѣлъ, краснѣлъ и безпомощно смотрѣлъ въ землю. Онъ очень обрадовался, когда прокуроръ, презрительно пожавъ плечами, объявилъ, что не желаетъ больше допрашивать. Но теперь, когда начались пренія—опять! съ невозможной рельефностью предъ присяжными была возстановлена картина той благодатной жизни, которая такъ долго тянулась въ Лужкахъ и о которой такъ жалѣлъ Павелъ Викторычъ. Каждый изъ присутствующихъ, слушая обвинителя, какъ будто собственными глазами видѣлъ, какъ Ирина била барина, какъ кабачные посѣтители толкали его въ шею и всячески измывались надъ нимъ, какъ баринъ пьяный валялся на кровати, а кругомъ его шелъ грабежъ, пьянство.

Павелъ Викторычъ опять не смѣлъ поднять глаза и врядъ

ли особенно удивился бы, еслибы кому-либо изъ присутствующихъ вдругъ вздумалось подойти и плюнуть ему въ лицо. Онъ скорѣе походилъ на подсудимаго, чѣмъ на свидѣтеля, котораго призвали для того, чтобы онъ помогалъ правосудію. Дѣйствительно, между имъ, Ириной и Корнилой было много сходства. Тѣхъ не красило одно ужь то, что они сидѣли за рѣшоткой и около нихъ то и дѣло бряцали ружья конвойныхъ. Кромѣ того, долговременное содержаніе въ тюрьмѣ не могло пройти безслѣдно: Ирина похудѣла, позеленѣла и такъ же, какъ баринъ и Корнила, упорно смотрѣла въ землю, слыша язвительныя рѣчи прокурора и гражданскаго истца.

Совсѣмъ иную картину представлялъ Петръ Васильевъ. Онъ помѣщался рядомъ съ Мутовкинымъ и знаменитымъ столичнымъ адвокатомъ, которому Мутовкинъ поручилъ вести дѣло. Перебирая свою цѣпочку, Петръ Васильевъ даже слегка улыбался въ тѣхъ случаяхъ, когда публика, слушая показанія Ветошника или объясненія Глотова, оглашала стѣны суда безшабашнымъ хохотомъ. Рѣзкія выходки прокурора, правда, коробили его, но коробили такъ, какъ несправедливое обвиненіе коробитъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Петръ Васильевъ даже вздыхалъ въ такихъ случаяхъ и скорбно, какъ бы жалуясь, смотрѣлъ на своего защитника.

— Ну, и каналья! Этакую канальню, кажется бы, ахъ! говорили кое-кто изъ публики.—Молодецъ прокуроръ! обвинятъ!

— Обвинятъ — держи карманъ! Ему что! У него, я думаю, сколько награблено... Съ деньгами вездѣ хорошо. Хоть бы въ той же Сибири.

— Вѣрно, вѣрно.

Но большинство публики несомнѣнно было на сторонѣ Петра Васильева и это какъ нельзя лучше обнаружилось во время защитительной рѣчи. Хотя прокуроръ негодовалъ и горячился, но едва ли не больше негодовала защита.

Приглашенный адвокатъ вообще славился своимъ краснорѣчіемъ, но такъ какъ на этотъ разъ ему была обѣщана сумма, которая прельщала даже этого привыкшаго рвать крупные куски адвоката, то онъ превзошелъ самого себя. Защитительная рѣчь была самымъ страстнымъ, самымъ энергическимъ протестомъ противъ той несправедливости, которой подвергся Петръ Васильевъ. Простирая руку къ вытканному на сукнѣ судейскаго стола изреченію: «да правда и милость царствуетъ въ судахъ», адвокатъ приглашалъ эту правду полюбоваться на положеніе его кліента. Въ чемъ его обвиняютъ? за что его посадили рядомъ съ тѣми, которые сами сознаются въ кражѣ такихъ ничтожныхъ

тожныхъ предметовъ, какъ кольцо и спичечница? Говорять, что онъ вовлекъ Павла Викторыча въ невыгодныя по имуществу сдѣлки, но развѣ цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній не удостовѣрено, что Петра Васильева чуть не на колѣняхъ упрашивали о деньгахъ? Онъ виноватъ только въ томъ, что послушался своего сердца, помогъ тому, кто упрашивалъ его о помощи. Невыгодныя сдѣлки! Но для кого онѣ невыгодны: для Глотова ли, который получилъ громадную сумму, или для Петра Васильева, который отдалъ свои послѣднія, тяжкимъ трудомъ нажитыя деньги, имѣетъ въ настоящее время въ своихъ рукахъ только клочки бумагъ и не знаетъ, что̀ ему дадутъ въ замѣнъ этихъ клочковъ?

Чуйки и купеческіе сюртуки таяли отъ восторга и значительно переглядывались между собою. Лица ихъ сіяли, а когда адвокатъ объявилъ, что онъ, только уступая просьбамъ своего кліента, желавшаго показать свою ничѣмъ незапятнанную чистоту, рѣшился затруднять господъ присяжныхъ такимъ громаднымъ числомъ свидѣтелей, какое выставлено ими; что дѣло на столько чисто, что его можно рѣшать безъ всякихъ свидѣтелей—восторгъ публики дошелъ до апогея.

Не апплодировали единственно потому, что огромная часть публики была, какъ извѣстно, на столько солидна, что не находила нужнымъ прибѣгать къ такому легкомысленному способу выражать свои чувства.

Присяжные ушли совѣщаться.

Въ залѣ поднялся шумъ, говоръ. Дамы щебетали, какъ ласточки, окружая веселаго молодого защитника Корнилы, но все-таки недовольство ясно читалось на ихъ лицахъ.

— Зачѣмъ же васъ такъ часто останавливали? говорила одна.

— Но это невозможно! восклицала другая.

Причина ихъ недовольства заключалась въ томъ, что эксурсіи въ прошлое Анны Михайловны, несмотря на всѣ старанія адвоката, сдѣлать неудалось. Адвокатикъ съ сожалѣніемъ пожималъ плечами и игралъ пенснэ. Во всякомъ случаѣ онъ не вовсемъ былъ несчастливъ. Его рѣчь удалась, а такъ какъ онъ защищалъ чуть не въ первый разъ, то это ему льстило.

Это была самая легкомысленная изъ всѣхъ группъ, наполнявшихъ залу. Тутъ упивались мишурой. Совсѣмъ не то было въ другихъ кучкахъ.

На возвышеніи, около своей трибуны, прокуроръ разговаривалъ съ гражданскимъ истцомъ.

— Непремѣнно должны обвинить, говорилъ онъ.—Иначе... помилуйте, что̀ же тогда будетъ!

Гражданскій истецъ соглашался, что иначе будетъ плохо.

— Однако, и мошенникъ же этотъ Петръ Васильевъ! продолжалъ обвинитель.—Просто разбойникъ съ большой дороги. Его, кажется, повѣсить мало.

— Да, да... Вѣрно.

— А что̀, вдругъ какимъ-то особеннымъ голосомъ воскликнулъ прокуроръ, указывая на стоявшаго вдали пріѣзжаго защитника.—Я думаю, тысячи двѣ-три...

Гражданскій истецъ только улыбнулся.

— Двѣ-три... помилуйте! Нѣтъ тутъ, вѣроятно, двадцатью или тридцатью пахнетъ!

— А, а! заволновался прокуроръ.—Двадцать тысячъ! Я завидую вамъ, господа. Еслибы мнѣ одно такое дѣльце, только одно, я бы это тотчасъ по боку.

Говоря эти слова, онъ рванулъ рукавъ своего мундира.

— Теперь такія дѣла рѣдки. Вотъ прежде! Вы не можете себѣ представить, что было прежде: за какое-нибудь ничтожное прошеніе въ десять, пятнадцать строчекъ брали тысячи. Никто ничего не зналъ, за всѣмъ лѣзли къ адвокатамъ. Теперь всѣ научились.

— Но вѣдь одно такое дѣло попадетъ — и, можно сказать, на всю жизнь. А у насъ на службѣ что̀?

— Вы будете прокуроромъ, предсѣдателемъ суда.

Обвинитель улыбнулся.

— Три, четыре тысячи... Нѣтъ! предложи мнѣ такое дѣло— и довольно. Тридцать тысячъ!

— Что̀, о Козловѣ ничего не слышно? спросилъ, немного спустя, гражданскій истецъ.

— Ничего, какъ въ воду канулъ. Говорятъ, гдѣ-то опять поступилъ на службу, конечно, подъ чужимъ именемъ. Ищутъ, не могутъ найти. Недавно гдѣ-то въ Малороссіи арестовали одного чиновника, полагая, что это Козловъ. Оказалась ошибка.

— А много онъ съ собой денегъ увезъ?

— И даже очень. А долговъ здѣсь сколько осталось!

Мутовкинъ, веселый, безпечный, стоялъ въ цѣлой толпѣ купцовъ. На его лицѣ не было ни капли той легкомысленности, въ которой плавалъ въ разговорѣ съ дамами защитникъ Корнилы.

— Положимъ, этотъ баринъ, Ветошкинъ что ли, будто все видѣлъ, да и у васъ тоже свидѣтелей—мое почтеніе! лукаво восклицалъ какой-то купецъ.—Тоже...

Всѣ прониклись весельемъ и даже самъ Мутовкинъ улыбался.

— И гдѣ это ты, Иванъ Васильичъ, столько этихъ свидѣтелей набралъ? спрашивалъ кто-то.

— Какъ гдѣ! Такъ вышло, случились при томъ, какъ деньги Петръ Васильичъ давалъ.

И на лицѣ Мутовкина явилось такое выраженіе, которое каждый могъ понимать. Съ одной стороны, по своему какъ будто онъ дѣйствительно не лгалъ, а съ другой... Ахъ, да развѣ вы плохо знаете меня, какъ будто говорило его лицо. Свидѣтели! Да мнѣ только захотѣть!

— Свидѣтелей! какъ не найти свидѣтелей... Вотъ бѣда, когда иной разъ и не надо ихъ, а они тутъ какъ тутъ, сказалъ кто-то.—Ха, ха.

Хвалилъ и пріѣзжій адвокатъ, хлопалъ Мутовкина по плечу. Подошелъ Петръ Васильевъ. Ему обрадовались.

— Ну, какъ, что̀? слышалось со всѣхъ сторонъ.

Петръ Васильевъ конфузился.

— Засудятъ тебя, братецъ, а?

— Что̀ Господь! Ахъ, Семенъ Петровичъ! за свои деньги!

— Адвокатъ у тебя молодецъ! Съ этакимъ небось...

— Надѣюсь.

— Ха, ха. Какихъ онъ только свидѣтелей подобралъ!

— Нѣтъ, помилуйте, какъ же тутъ обвинить! слышалось въ другой группѣ, гдѣ собрались, по преимуществу, чуйки.—Вѣдь этакъ далъ денегъ, а онъ сейчасъ начнетъ: пьянъ былъ, то, другое.

— Этакъ всякій вексель обраковать можно. Съ нынѣшнимъ народомъ особенно.

— Ныньче народъ. Эгакъ какія будутъ дѣла! Ложись, да умирай—одно!

Говорившіе волновались и глаза ихъ блестѣли.

— А эта поскуда! гляди-ка—десять тысячъ! съ необыкновенною горячностью восклицала одна изъ чуекъ, и въ толпѣ ея необыкновенно отчетливо слышалось убѣжденіе, что Ирина нетолько не могла простирать своихъ рукъ къ тысячамъ, но даже и думать объ этомъ.

— Имъ только поддайся. Десять тысячъ? а сама сотни сосчитать не умѣетъ.

— Ей вся цѣна двугривенный. Вотъ тоже въ нашихъ мѣстахъ помѣщикъ одинъ. Такъ тоже вотъ этакая же обобрала его.

— Нынѣ дураковъ учатъ! ха ха...

— Ну, и баринъ. Вотъ баринъ!

А Павелъ Викторычъ все еще не могъ придти въ себя, по-

терянно ворочался на своемъ мѣстѣ, съ безпокойнымъ видомъ перекладывая изъ одной руки въ другую старую потертую шапку.

— А прежде что было! продолжались разговоры въ группѣ чуекъ.—Лошади не лошади, кареты не кареты...

— Что-жъ Петръ Васильевъ! Не Петръ Васильевъ, такъ кто-нибудь другой—все равно. Развѣ онъ можетъ своимъ имѣніемъ управить. Теперь не прежнее время. Тогда все готово...

— Да.

Но особенно шумно и весело было въ буфетѣ, маленькой, узенькой комнаткѣ, на-двое перегороженной большимъ столомъ, на которомъ стоялъ самоваръ, и разныя холодныя закуски. Цѣлая толпа тѣснилась въ буфетѣ. Пили, ѣли. Нѣкоторые, значительно подмигивая буфетчику, просили «водицы», и тотъ при всякомъ такомъ требованіи, подлѣзая подъ столъ, наливалъ водицу. Всѣ адвокаты были здѣсь на лицо.

— Обвинятъ! говорилъ одинъ изъ нихъ, толстый мужчина съ громовымъ голосомъ.

— Ну, нѣтъ, едва ли! возражалъ другой, стараясь говорить такъ, чтобы всѣ его слышали.

— Вотъ еслибы присяжные были купцы, тогда бы, конечно, сейчасъ: невиновенъ!—а то чиновники.

— Напрасно защитники Валерьяна Алексѣича не отвели, слышалось съ одной стороны.

— Я бы на мѣстѣ Петра Васильева вовсе на этотъ составъ не явился, разсуждалъ кто-то. — Пусть приводятъ слѣдующій разъ хоть съ полиціей. Экая важность! Можно было такъ устроить, чтобы все купцы были...

— Да, купцы въ этихъ случаяхъ прелесть! А, все-таки... ну, если и обвинятъ! Сдѣлайте одолженіе! этакое рѣшеніе можно сейчасъ уничтожить, стоялъ на своемъ адвокатъ.

— Но какъ же уничтожить? Вѣдь Петръ Васильевъ обманулъ Глотова, говорилъ какой-то непосвященный въ юридическую мудрость.

— Обманулъ... да, конечно. Но что же изъ этого?

— Вѣдь онъ обѣщалъ, что векселя жены будутъ убиты.

— Ну, въ этомъ, положимъ, не обманулъ... Ха, ха. Объ этомъ не безпокойтесь: будутъ убиты, вполнѣ убиты. Что она получитъ... по двѣ копейки? Вы скажете, что Глотовъ выдавалъ векселя, надѣясь оттереть жену и потомъ самому быть управляющимъ?

— Конечно. Развѣ это не обманъ? горячился непосвященный.

— А можетъ быть Петръ Васильевъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаетъ его управляющимъ, а потомъ и совсѣмъ передастъ имѣнье?

Ха, ха! надрывался адвокатъ. — Григорій Никитичъ, вы какъ думаете?

— Можетъ быть, очень можетъ быть... Ха, ха!

— Да, да. Кто знаетъ? А все-таки если онъ и не сдѣлаетъ этого—онъ правъ. Обманъ бываетъ двоякаго рода: уголовный и простой. Только за первый человѣкъ можетъ подвергнуться наказанію.

Объ этихъ двухъ обманахъ адвокатъ прочелъ цѣлую лекцію, но неадвокаты все-таки поняли очень мало. Выходило дѣйствительно что-то мудреное. Петръ Васильевъ только обѣщалъ, но не обманывалъ. Если онъ не исполнитъ этого обѣщанія, его можно преслѣдовать гражданскимъ порядкомъ. Уголовнымъ обманомъ называется только такой, отъ котораго нельзя уберечься при обыкновенной житейской опытности и предусмотрительности.

— А то я скажу, что луну сейчасъ сниму съ неба, если вы мнѣ тысячу рублей дадите, а вы и повѣрите? Что̀-жь, судить меня за это? вопрошалъ адвокатъ, пожимая плечами.—Глотовъ долженъ былъ не вѣрить. Повѣрилъ, ну, самъ на себя и пеняй!

— Значитъ, все-таки Глотовъ можетъ гражданскимъ порядкомъ?

Адвокаты хохотали.

— Конечно... Кто же мѣшаетъ! Но только выиграть это дѣло гражданскимъ порядкомъ нѣтъ возможности. Противъ векселей только и есть возраженіе, что онъ подложенъ, или что по немъ уплачено. Притомъ, вѣдь онъ самъ призналъ ихъ у мирового. Кончено.

— Такъ какъ же?

— А такъ... Если присяжные оправдаютъ или уголовное вообще почему либо не выгоритъ, тогда надо положиться на милость Петра Васильева. Захочетъ простить — проститъ всѣ сто девять тысячъ; захочетъ—взыщетъ сполна.

Чуйки и купеческіе сюртуки, слушавшіе этотъ разговоръ съ крайнимъ вниманіемъ, повидимому, остались очень довольны. Образовалось нѣсколько группъ. Повсюду слышались восклицанія: «Нѣтъ, нынѣ дураковъ учатъ!» «Теперь все по закону». «Этакъ всякій скажетъ то-другое». «Нѣтъ, братъ, видно, плати». Шумъ и говоръ опять царили въ буфетѣ. Многіе, говоря о Петрѣ Васильевѣ, такимъ тономъ произносили: «Плутъ!»—какъ будто бы въ этомъ титулѣ былъ не позоръ, а величіе.

Только извѣстіе о томъ, что присяжные кончили совѣщаніе, положило предѣлъ восторгамъ. Буфетъ опустѣлъ.

Мертвая тишина царила въ залѣ. Присяжные засѣдатели, одинъ за другимъ выходили изъ совѣщательной комнаты. Только

шумъ ихъ шаговъ и нарушалъ благоговѣйное молчаніе. Петръ Васильевъ слегка покашливалъ.

— «Доказано ли вовлеченіе дворянина Павла Викторова Глотова путемъ обмана»? читалъ старшина, высоко поднимая голосъ на послѣднихъ словахъ вопроса, а потомъ, точно обрѣзавъ: «да, доказано», перешелъ къ слѣдующему. Вопросовъ было много и относительно обмана Павла Викторыча, относительно кражи Корнилой спичечницы и прочаго. Отвѣты были на всѣ утвердительные.

Публика волновалась. Тотъ баринъ, который, разсуждая въ буфетѣ съ адвокатами, никакъ не могъ понять теорію уголовнаго обмана, теперь весело шептался съ своими единомышленниками и съ торжествомъ поглядывалъ на Петра Васильева. Купцы и чуйки чувствовали себя не совсѣмъ хорошо и растерянно переглядывались. Мутовкинъ глядѣлъ по прежнему смѣло и беззаботно и, улыбаясь, кивалъ Петру Васильеву на судей, которые, не уходя въ свою совѣщательную комнату, тутъ же передъ публикой быстро одинъ за другимъ подписывали резолюцію.

Это послѣднее обстоятельство, видимо, имѣло большое значеніе въ глазахъ и другихъ адвокатовъ.

— Ну, вотъ увидите! говорилъ тотъ, который проповѣдывалъ въ буфетѣ объ уголовномъ обманѣ.—Даже совѣщаться не пошли.

— Неужели? неужели? кивалъ головой собесѣдникъ адвоката.—Быть не можетъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ резолюція была готова. Только Корнила подвергся наказанію за то, что укралъ кольцо и спичечницу. Въ остальныхъ подвигахъ подсудимые были вполнѣ оправданы, ибо, какъ значилось въ приговорѣ, хотя присяжные засѣдатели и признали ихъ виновными въ томъ, что они путемъ ложныхъ увѣреній вовлекли дворянина Глотова въ невыгодныя на имущества сдѣлки, а именно: выманили у него безденежные векселя, но въ этихъ дѣйствіяхъ не заключается ни уголовнаго обмана, ни другого какого-либо дѣянія, запрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія.

Теперь между большинствомъ публики шло ужь просто ликованіе. Хохотъ, веселые возгласы неслись отовсюду.

— Помилуйте! За что же насъ въ такомъ случаѣ въ судѣ столько времени держали? приставалъ къ кому-то одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей.—Вѣдь у насъ тоже свои дѣла.

Вопрошаемый только пожималъ плечами.

— Ну, нѣтъ ничего, такъ и не суди, не унимался присяжный.—А то сиди, слушай—и все даромъ, по пусту.

— Что̀ я говорилъ вамъ, ехидничалъ Мутовкинъ, обращаясь

къ прокурору, который сердито пробирался черезъ публику и не могъ не замѣчать, это на него отовсюду кидаются насмѣшливые взгляды.—Я говорилъ вамъ.

— Еще посмотримъ, огрызнулся обвинитель.

— Протестъ? Ха, ха! залился Мутовкинъ.—Я тоже кассаціонную жалобу.

— Вы на что?

— А какъ же. За что же насъ суду предавали? Мы все опредѣленіе о преданіи суду уничтожимъ.

Прокуроръ только молча злился.

— Что̀-жь вы теперь... гражданскимъ порядкомъ? спрашивалъ онъ гражданскаго истца.

Но этотъ только махнулъ рукой.

— Еще судебныя издержки заплатить имъ, а со ста-девяти тысячъ это не мало. Нѣтъ, лучше валяйте-ка протестъ скорѣе. Авось...

Со всѣхъ сторонъ доносились восторженные возгласы. Это публика поздравляла Петра Васильева и его адвокатовъ.

— Теперь послѣ трудовъ—и въ коммерческій! Самое время.

— Петръ Васильевъ... Поздравляемъ, поздравляемъ! Дай Богъ

Петръ Васильевъ даже не могъ говорить: къ нему отовсюду тянулись руки, онъ пожималъ ихъ и сладко-сладко хихикалъ.

Только на Мочалкинѣ не было лица. Онъ постарался незамѣтно проскользнуть мимо толпы, окружавшей побѣдителей, и среди ея замѣтилъ своего адвоката.

— Научилъ, разбойникъ! Всѣ ребра переломать бы тебѣ, канальѣ! утѣшался онъ, но увы! это было плохое утѣшеніе.

Петръ Васильевъ слышалъ, что прокуроръ хочетъ подать протестъ и надѣется, что, благодаря хлопотамъ Анны Михайловны, протестъ этотъ разсмотрятъ скоро. Это безпокоило его, но Мутовкинъ хохоталъ.

— Намъ же лучше, говорилъ онъ. — Еслибы этакъ черезъ мѣсяцъ, черезъ два... Прелесть! Мы и сами будемъ жаловаться. За что̀ судили!

Протестъ былъ, дѣйствительно, поданъ, но нетолько не уменьшилъ, а еще увеличилъ торжество Петра Васильева. Павелъ Викторычъ тоже ликовалъ. Теперь онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что Анна Михайловна по своимъ векселямъ получитъ пустяки, а онъ будетъ управлять Лужками, которые, несомнѣнно, достанутся Петру Васильеву.

Но ликовать пришлось недолго, хотя барынѣ, дѣйствительно, вмѣсто тысячъ достались гроши. За Лужками Петръ Васильевъ

не погнался, и они были куплены на аукціонѣ какимъ-то Аристархомъ Касьянычемъ.

Несчастный баринъ, ничего не понимая, кинулся съ разспросами къ своему благодѣтелю, но тотъ испускалъ только отчаянные вздохи.

— Ахъ, баринъ, баринъ! Да развѣ я теперь могу? Что̀ же я теперь?

Изъ словъ Петра Васильева выходило, что хоть изъ денегъ, вырученныхъ за Лужки, на его исполнительный листъ придется довольно крупная сумма, но ее недостаточно будетъ даже на то, чтобы раздѣлаться съ Мутовкинымъ.

— А другихъ у меня долговъ сколько, а все отчего? Ахъ, барыня, барыня! Раззорили онѣ меня совсѣмъ!

Но на самомъ дѣлѣ, «заведенія» Петра Васильева росли, какъ грибы, и скоро раскинулись и по всей губерніи. Тѣ самые поля и лѣса, гдѣ во время оно̀ Петръ Васильевъ пасъ свиней и состязался въ быстротѣ бѣга съ господскими собаками, сдѣлались свидѣтелями его славы.

Баринъ, которому принадлежали земли, желѣзнымъ кольцомъ охватывавшія надѣлы крестьянъ деревни Сосновки, мѣста, гдѣ Петръ Васильевъ увидѣлъ свѣтъ Божій, замотался. Имѣніе пошло на аукціонъ, и Петръ Васильевъ пріобрѣлъ его.

Солнце ярко свѣтило, жаворонки высоко пѣли въ воздухѣ, желтая, совсѣмъ созрѣвшая рожь колыхалась отъ легкаго вѣтерка и точно привѣтствовала купеческую тележку, которую бойко тащила очень извѣстная Лужкамъ гнѣдая лошадка. Петръ Васильевъ, постегивая возжей лошадку и обозрѣвая Сосновскія избы, соображалъ, какія дѣла тутъ можно пустить въ ходъ...

Кости Матрены, подарившей міру этого гражданина, въ этотъ моментъ, можетъ быть, радостно играли въ гробу, но Сосновскіе мужики, которымъ и прежде некуда было выгнать курицы, уныло чесали затылки, разсматривая купеческую тележку.

Н. Яковлевъ.

27 ФЕВРАЛЬ
ЧЕТВЕРГ

☉ Восх. 7.29
Зах. 17.58
Долг. дня 10.29

Прочтите ДЕТЯМ

Человеку книга служит,
С человеком книга дружит,
Человеку книга-друг
Объясняет все вокруг.

Соберу я строчки эти,
В книгу толстую впишу:
Все, что есть на белом свете,
Растолкую малышу.

Дети, вам и книги в руки!
Но нужны они и взрослым:
Книги учат их ремеслам,
Посвящают их в науки!

Напечатаны для вас
И картинки и рассказ.
Не постигнешь книгу мигом:
Книгу бережно листай,
Книгу медленно читай,
Привыкай к хорошим книгам!

Искандер аль Хури, египетский поэт

ПОМИДОРЫ В КОМНАТЕ

Как приятно до самой зимы снимать с куста красные, спелые помидоры! Да еще в условиях сурового уральского климата!

В конце марта я высеяла семена помидоров сорта „грибовский“ в ящик. После пикировки одно растение высадила в 6-литровый горшок и поставила его на окно, выходящее на юг. Вместо пасынкования проводила несколько раз подкормку. Первую подкормку (5,5 *г* суперфосфата и 1,2 *г* калийной соли) внесла через 2 недели после высадки рассады, вторую (11 *г* суперфосфата и 7 *г* калийной соли) — через 15—20 дней после первой. Затем вносила через каждые 15—20 дней по 5 *г* суперфосфата и по 3 *г* аммиачной селитры (последнюю — не каждый раз). Ежедневно поливала.

К 20 июля плоды были уже красные а на грядках помидоры только цвели. В начале сентября я сняла с куста 75 помидоров. В середине октября на кусте было 10 красных помидоров и 10 зеленых. Последнюю партию я сняла к новому году, а в марте куст снова начал плодоносить.

На вкус мои „оконные“ помидоры значительно слаще, чем с грядок.

А. Дьяконова
Поселок ИС, Свердловской области

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

XLIV.

Какъ настоящая, такъ и нижеслѣдующія главы будутъ посвящены нами отношеніямъ къ цензурѣ корифеевъ нашей словесности—Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова и Гоголя.

Въ XXXI главѣ [1] мы оставили Пушкина въ селѣ Михайловскомъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ событія 14-го декабря, едва не побудившимъ его къ ослушанію волѣ начальства и къ самовольному удаленію изъ мѣста ссылки. Когда послѣдствія этого событія разъяснились, естественно, что Пушкинъ долженъ былъ придти въ еще болѣе смятенное состояніе духа. Съ одной стороны его ободряло то, что подсудимые при всѣхъ допросахъ ни разу не упомянули его имени. Но въ тоже время его крайне смущало, что онъ находился съ вождями заговора въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, велъ съ ними до послѣдняго времени переписку...

И вотъ подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ надеждъ и опасеній, въ началѣ 1826 года, Пушкинъ препроводилъ къ псковскому губернатору Адеркасу прошеніе на Высочайшее имя о дозволеніи ему ѣхать въ Петербургъ, Москву или чужіе края для излеченія, при чемъ приложилъ медицинское свидѣтельство и слѣдующаго рода обязательство:

«Я, нижеподписавшійся, обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу и никогда не зналъ о нихъ», 10-го класса Александръ Пушкинъ, 11 мая 1826 г.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражаетъ въ письмѣ къ Жуковскому слѣдующаго рода опасенія:

---

[1] См. «Отеч. Зап.» 1882 г. № 12, стр. 403.

«...Мудрено мнѣ требовать твоего заступленія передъ Государемъ; я не хочу охмѣлить тебя на этомъ пиру. Вѣроятно правительство удостовѣрилось, что я къ заговору не принадлежу и съ возмутителями 14-го декабря связей политическихъ не имѣлъ; но они въ журналахъ объявили опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія-нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто же, кромѣ полиціи и правительства, не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки я отъ жандарма еще не ушелъ; легко можетъ, уличатъ меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ-нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно... Теперь, положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы), но вамъ рѣшительно говорю — не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства и т. д. [1]

Вскорѣ послѣдовало освобожденіе поэта отъ надзора губернатора. Неизвѣстно было ли это распоряженіе отвѣтомъ на просьбу Пушкина, во всякомъ случаѣ, о главномъ предметѣ просьбы, о дозволеніи выѣхать изъ Михайловскаго, не было и помину. Пушкинъ провелъ всю весну и лѣто 1826 года въ полной неизвѣстности о своей участи, и лишь въ первыхъ числахъ сентября въ Михайловское прискакалъ фельдъегерь и объявилъ Пушкину повелѣніе немедленно ѣхать съ нимъ въ Москву. Пушкинъ успѣлъ только взять деньги, накинуть шинель, и черезъ полчаса его уже не было.

Вотъ какъ разсказывалъ впослѣдствіи Пушкинъ Ан. Гр. Хомутовой о своемъ представленіи императору Николаю:

«Фелдъегерь подхватилъ меня изъ моего насильственнаго уединенія и на почтовыхъ привезъ въ Москву, прямо въ Кремль, и всего покрытаго грязью, меня ввели въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ:

— Здравствуй, Пушкинъ, доволенъ ли ты своимъ возвращеніемъ?

Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною, потомъ спросилъ:

— Пушкинъ, принялъ ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, еслибъ былъ въ Петербургѣ?

— Непремѣнно, государь, всѣ друзья мои были въ заговорѣ, и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что̀ я благодарю Бога!

---

[1] «Р. Стар.» 1879, № 11, стр. 520, 521.

— Довольно ты надурачился, возразилъ императоръ:—надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что̀ сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ [1].

М. М. Поповъ, авторъ статьи «Новые матеріалы къ біографіи А. С. Пушкина», сверхъ того, разсказываетъ еще о слѣдующей подробности свиданія Пушкина съ императоромъ Николаемъ:

«Поэтъ и здѣсь вышелъ поэтомъ. Ободренный снисходительностью государя, онъ дѣлался болѣе и болѣе свободенъ въ разговорѣ; наконецъ, дошелъ до того, что онъ незамѣтно для себя самого, приперся къ столу, который былъ позади его, и почти сѣлъ на этотъ столъ. Государь быстро отвернулся отъ Пушкина, и потомъ говорилъ: «съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ!» [2]

Милость царя, однако, не отвернулась отъ поэта, но онъ вскорѣ успѣлъ нажить себѣ немилосердаго врага въ лицѣ всесильнаго гр. Бенкендорфа. Упоенный ласковымъ пріемомъ Государя, Пушкинъ вообразилъ, что онъ вполнѣ свободенъ отъ всякихъ отношеній къ полиціи и можетъ безпрепятственно наслаждаться жизнію, не справляясь о каждомъ сдѣланномъ шагѣ. Между тѣмъ гр. Бекендорфъ каждый день ждалъ отъ него визита, но, не дождавшись, обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ отъ 30-го сентября:

«Милостивый государь, Александръ Сергѣевичъ! *Я ожидалъ* пріѣзда Вашего, чтобы объявить высочайшую волю по просьбѣ вашей; но отправляясь теперь въ С.-Петербургъ *и не надѣясь видѣть здѣсь*, честь имѣю увѣдомить, что государь императоръ нетолько не запрещаетъ пріѣзда вамъ въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобъ предварительно испрашивали разрѣшенія черезъ письмо.

«Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя Ваше. Въ сей увѣренности, его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода—когда и какъ представить ваши мысли и соображенія, и предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, *что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія.*

«Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ

---

[1] «Р. Стар.» 1880 г. № 1 стр. 132.
[2] «Р. Стар.» 1874 т. X, стр, 691.

нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ. Объявляя вамъ его монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія ваши, такъ и письма, можете для представленія его величеству доставлять ко мнѣ; но, впрочемъ, отъ васъ зависитъ и прямо адресовать на высочайшее имя» [1].

Пушкина, повидимому, нисколько не смутилъ прозрачный намекъ гр. Бенкендорфа въ началѣ письма на то, что поэтъ не удостоилъ его посѣщенія. Напротивъ того, онъ былъ въ восхищеніи отъ письма графа и показывалъ его всѣмъ и каждому, какъ выраженіе лестной для него царской милости. Онъ воображалъ, что въ подчиненіи его высочайшей цензурѣ самого государя заключается такое же довѣріе къ нему, какимъ пользовался нѣкогда Карамзинъ. Но онъ не замедлилъ горько разочароваться въ этомъ. Въ письмѣ гр. Бенкендорфа не было договорено самаго главнаго: именно, что Пушкинъ нетолько не могъ ничего печатать, не представивъ предварительно на высочайшій просмотръ, но и показывать кому-либо вновь написанное. Между тѣмъ, Пушкинъ, увлекшись свободою послѣ пятилѣтней ссылки и шумомъ московской жизни, только что отпраздновавшей коронацію, радушно принятый въ кругъ московской знати, также ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, очарованный блескомъ, роскошью, нѣжнымъ вниманіемъ многочисленныхъ и восторженныхъ поклонниковъ, не могъ утерпѣть и не прочесть многихъ изъ своихъ нецензурныхъ стихотвореній въ пріятельскихъ кружкахъ. То было жаркое литературное время въ Москвѣ: на безпрерывныхъ и многочисленныхъ литературныхъ сходкахъ обсуждались животрепещущіе вопросы литературные и философскіе, начиная съ судебъ русской словесности, до судебъ самой Россіи. Пушкинъ все болѣе и болѣе сходился съ молодыми московскими литераторами: былъ на обѣдѣ у Хомякова въ честь основанія «Московскаго Вѣстника», не могъ утерпѣть, чтобы не подѣлиться со своими литературными друзьями и только-что написаною имъ драмой «Борисъ Годуновъ». Онъ читалъ свою драму на двухъ собраніяхъ, сначала у С. А. Соболевскаго, потомъ у Веневитинова. На первомъ чтеніи слушатели состояли изъ тѣснаго, интимнаго кружка близкихъ знакомыхъ хозяина: П. Я. Чаадаева, Д. В. Веневитинова, гр. М. Ю. Вьельгорскаго и И. В. Кирѣевскаго. Второе же чтеніе, 12-го сентября, происходило при многочисленномъ собраніи ученыхъ и литераторовъ; здѣсь, кромѣ братьевъ Веневитиновыхъ, присутствовали братья Хомяковы, Кирѣевскіе, Мицкевичъ, Бара-

[1] «Рус. Стар.» 1880 г., № 1, стр. 134.

тынскій, Шевыревъ, Погодинъ, Раичъ, Соболевскій и др. Чтеніе это кончилось шумными оваціями. «Мы смотрѣли другъ на друга долго, вспоминаетъ объ этомъ чтеніи Погодинъ:—и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія... Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ, намъ поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ; предисловіе къ «Руслану и Людмилѣ»; началъ разсказывать о планѣ для «Дмитрія Самозванца»: о палачѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на красной площади въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ — сцену, которую написалъ онъ, гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ вполовину, о чемъ глубоко сожалѣлъ. О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь! Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ».

И вдругъ послѣ всѣхъ этихъ овацій, Пушкинъ получаетъ 22 ноября слѣдующаго рода строгое внушеніе отъ гр. Бенкендорфа.

«Милостивый государь, Александръ Сергѣевичъ! При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія и распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ, или черезъ посредство мое, или даже и прямо его императорскому величеству.

«Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ, однако же, заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ.

«Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Сіе меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе, или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго» [1].

Можете себѣ представить, какое подавляющее впечатлѣніе должно было произвесть на Пушкина это письмо. Онъ сразу почувствовалъ себя въ положеніи школьника, не смѣющаго даже

---

[1] Ibid, стр. 135.

сочиненія своего прочитать другу. Въ тоже время онъ долженъ былъ убѣдиться, что участь его чуть ли не въ большей степени находится въ зависимости отъ всебдящаго гр. Бенкендорфа, чѣмъ отъ самого Государя. Даже М. М. Поповъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ, при всей своей строго административной точки зрѣнія на поэта, замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: «государь былъ чрезвычайно милостивъ къ поэту, встрѣчалъ сочиненія его съ величайшимъ одобреніемъ и, судя по тѣмъ задачамъ, которыя предлагалъ молодому писателю, надобно думать, что готовъ былъ оказывать ему полную довѣренность. Бенкендорфъ же и его помощникъ, фонъ-Фокъ, не восхищавшіеся ничѣмъ въ литературѣ и не считавшіе поэзію дѣломъ важнымъ, передавали царскую волю Пушкину всегда пополамъ со строгостью, хотя въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Они какъ бы безпрестанно ожидали, что вольнодумецъ ихъ предприметъ какой-либо вредный замыселъ, или сдѣлается коноводомъ возмутителей» [2].

Пушкинъ былъ въ Михайловскомъ, когда получилъ письмо гр. Бенкендорфа. Оно такъ смутило его, что онъ тотчасъ же написалъ въ Москву къ М. П. Погодину, съ которымъ онъ условился участвовать въ его новомъ журналѣ, чтобы тотъ остановилъ печатаніе его произведеній: «Милый и почтенный, писалъ онъ:—ради Бога, какъ можно скорѣе остановите въ московской цензурѣ все, что носитъ мое имя. Покамѣсть не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ—но все перемелется и будетъ мука, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до свиданья скораго. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся» [2].

Въ тотъ же день (29 ноября), онъ послалъ гр. Бенкендорфу слѣдующее извинительное письмо:

«Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе государя императора, также какъ снисходительную благосклонность вашего превосходительства. Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ—конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя, то поставляю за долгъ препроводить ее вашему превосходительству въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы вы сами изво-

---

[1] «Рус. Стар.» 1874 г. № 8, стр. 694.

[2] Сочин. Пушк. изд. Анненкова, т. VII, стр. 301.

лили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другого списка у меня не находится, то пріемлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить.

«Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями человѣка государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ издателей. Прошу отъ вашего превосходительства разрѣшенія сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ. Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства, всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ» [1].

Въ отвѣтъ на это письмо гр. Бенкендорфъ потребовалъ, чтобы Пушкинъ прислалъ къ нему всѣ остальныя мелкія произведенія, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ. Пушкинъ такъ и сдѣлалъ. Это были «Ангелъ», «Стансы», 3-я глава Онѣгина, «Фаустъ», «Друзьямъ» и «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ». Всѣ эти произведенія, кромѣ двухъ послѣднихъ были разрѣшены. Лишь изъ «Фауста» были выкинуты два стиха:

Да модная болѣзнь: она
Недавно къ намъ занесена.

Относительно же «пѣсней о Стенькѣ Разинѣ» Бенкендорфъ писалъ Пушкину, что онѣ, «при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанію своему неприличны къ напечатанію, и что сверхъ того, церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева». Пѣсни эти не были возвращены Пушкину, и онѣ до сихъ поръ не отыскиваются ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ.

Что же касается драмы «Борисъ Годуновъ», то въ декабрѣ 1826 года послѣдовалъ докладъ о ней гр. Бенкендорфа государю. Императоръ, прочитавъ драму, замѣтилъ лишь нѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и то, что цѣль была бы болѣе выполнена, еслибы сочинитель передѣлалъ свою комедію въ историческій романъ, на подобіе романовъ Вальтера Скотта.

Пушкинъ отвѣчалъ гр. Бенкендорфу на извѣщеніе его объ этомъ: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего превосходительства, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества, касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь импера-

---

[1] «Рус. Стар.», 1880 г. № 1, стр. 137—138.

торъ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное».

Принявъ этотъ высочайшій отзывъ за неблагопріятный, Пушкинъ положилъ свою драму въ портфель, гдѣ она пролежала еще нѣсколько лѣтъ, пока онъ рѣшился вновь представить ее на высочайшее благоусмотрѣніе.

Въ концѣ того же 1826 года, Пушкинъ представилъ графу Бенкендорфу, согласно возложенному на него порученію, «Записку о народномъ воспитаніи». Въ запискѣ этой ясно отражается вся та паника, которую пережилъ поэтъ въ то время. Вы видите въ ней поразительное сплетеніе подчиненія взглядамъ государственныхъ сановниковъ, въ родѣ графа Бенкендорфа, съ стремленіемъ провести либеральную тенденцію; нѣсколько свѣтлыхъ мыслей рядомъ съ мнѣніями во всѣхъ отношеніяхъ обскурантными. Такъ, словно, соглашаясь съ оскорбительнымъ намекомъ гр. Бенкендорфа, что Пушкинъ самъ на опытѣ видалъ совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія, поэтъ находитъ, что лѣтъ 15 тому назадъ молодые люди занимались только военною службою, старались отличиться одною свѣтскою образованностью или шалостями, литература не имѣла никакого направленія, а 10 лѣтъ спустя, «мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій, литературу (подавленную самою своенравною цензурою), превратившуюся въ рукописные пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни; наконецъ, и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавые и безумные»... Главную причину всего этого поэтъ видитъ въ недостаткѣ просвѣщенія. «Одно просвѣщеніе. говоритъ онъ:— въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія». Далѣе затѣмъ поэтъ настаиваетъ, что воспитаніе юношества должно быть казенное, а отнюдь не частное и семейное. «Въ Россіи, говоритъ онъ: — домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно кончается на 16-ти-лѣтнемъ возрастѣ воспитанника».

«Что касается до воспитанія заграничнаго, то, по мнѣнію Пушкина:—запрещать его нѣтъ никакой надобности. *Довольно*

будетъ опутать его однѣми невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ. Ибо 1) весьма немногіе станутъ пользоваться симъ позволеніемъ; 2) воспитаніе иностранныхъ университетовъ, несмотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитавшійся въ геттингенскомъ университетѣ, несмотря на свои заблужденія и свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностью и умѣренностью правилъ, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ знаній».

«Такимъ образомъ, говоритъ далѣе Пушкинъ:—уничтоживъ или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго». При этомъ особенное вниманіе обращаетъ поэтъ на корпуса:

«Кадетскіе корпуса, говоритъ онъ: — разсадникъ офицеровъ русской арміи, требуютъ физическаго преобразованія, бо̀льшаго присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. *Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію. Черезъ сію полицію должны будутъ доходить до начальства и жалобы. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденнную похабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную—исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ:* наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока — есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное. Уничтоженіе тѣлеснаго наказаніе необходимо» и т. д.

Казалось бы, что трудно было бы представить проэктъ воспитанія, наиболѣе соотвѣтствующій видамъ тогдашнихъ дѣятелей воспитанія; основою проэкта, хотя и ставилось громкое слово просвѣщеніе, но у этого просвѣщенія заграждались тѣ единственные пути, которыми оно до тѣхъ поръ проникало въ наше отечество, такъ какъ Пушкинъ, совѣтуя опутать заграничное воспитаніе различными невыгодами и тѣмъ стѣснить его примѣненіе, въ тоже время проэктируетъ ограничить и изученіе иностранныхъ языковъ, на томъ основаніи, что «позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?» Но тѣмъ не менѣе правительство все-таки осталось не совсѣмъ довольно тѣмъ, что Пушкинъ главнымъ оплотомъ противъ всѣхъ заблужденій юношества считаетъ просвѣщеніе, хотя бы и со всѣхъ сторонъ урѣзанное. По крайней

мѣрѣ, графъ Бенкендорфъ, 23-го декабря 1826 года, извѣщая Пушкина, что государь съ удовольствіемъ читалъ разсужденіе его и изъявляетъ ему высочайшую признательность, прибавилъ:

«Его величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, *завлекшее васъ самихъ на край пропасти* и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе—предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ» [1].

XLV.

Все вышеприведенное въ достаточной мѣрѣ показываетъ намъ, какими подозрительными глазами продолжали смотрѣть на Пушкина и какъ тѣсенъ былъ тотъ кругъ свободы, которая была разрѣшена ему въ 1826 году. Отеческія внушенія гр. Бенкендорфа преслѣдовали поэта нетолько за каждый мало-мальски неосторожный шагъ, но и безъ всякаго повода, въ зачетъ, такъ сказать, будущаго. Такъ, напримѣръ, стоило ему въ началѣ 1827 года обратиться съ просьбою о разрѣшеніи пріѣзда въ Петербургъ по семейнымъ обстоятельствамъ, и хотя разрѣшеніе это было ему дано, но гр. Бенкендорфъ не преминулъ при этомъ внушить поэту въ письмѣ къ нему: «Его величество не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно, будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано».

Но политическая благонадежность Пушкина еще болѣе поколебалась въ глазахъ полиціи, когда въ 1827 году возгорѣлось знаменитое дѣло о стихотвореніи «Андрей Шенье». Стихотвореніе это, посвященное Н. Н. Раевскому, было переведено Пушкинымъ въ 1825 году и помѣщено въ первомъ собраніи стихотвореній его, изданномъ въ 1826 году. Цензура, разсмотрѣвъ это стихотвореніе 8-го октября 1825 года (слѣдовательно за два мѣсяца слишкомъ до 14-го декабря), выпустила изъ него 44 стиха, все мѣсто, начиная со стиха «Привѣтствуя тебя, мое свѣтило!» и до стиха «И буря мрачная минетъ». Впер-

---

[1] «Рус. Стар.», 1874 г., № 8, стр. 69.

вые это мѣсто появилось въ печати лишь въ исаковскомъ изданіи 1870 года. Оно заключаетъ въ себѣ картину французской революціи, причемъ несчастный авторъ этой предсмертной пѣсни, писанной наканунѣ казни, говоритъ, между прочимъ:

О, горе, о, безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей! Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари. О, ужасъ! о, позоръ!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая. Нѣтъ—невиновна ты... и т. д.

Казалось бы, что въ этомъ отрывкѣ ни малѣйшаго примѣненія не могло быть по отношенію къ 14-му декабря; между тѣмъ, злополучный отрывокъ распространился по Москвѣ въ многочисленныхъ спискахъ, какъ стихотвореніе, написанное будто бы Пушкинымъ спеціально по поводу 14-го декабря. Между прочимъ, попало оно въ руки нѣкоему штабсъ-капитану конно-егерскаго полка Александру Алексѣеву; тотъ передалъ стихи кандидату московскаго университета Андрею Леопольдову. Списокъ пока былъ безъ всякаго заглавія; Леопольдовъ же выставилъ на немъ заголовокъ: «По поводу 14-го декабря 1825 года», и въ такомъ видѣ передалъ его чиновнику Коноплеву, который былъ тайный агентъ генерала Скобелева, употреблявшагося тогда по дѣламъ секретной полиціи. Коноплевъ не замедлилъ передать стихи своему начальнику. А что такое былъ Скобелевъ, и какъ велика была ненависть его къ Пушкину, объ этомъ можно судить по нижеслѣдующему.

До 1822 года Ив. Ник. Скобелевъ былъ генералъ-полиціймейстеръ 1-й арміи, и когда случился бунтъ семеновскаго полка, онъ подалъ главнокомандующему 1-й арміи рапортъ, въ которомъ, вопреки мнѣнію правительства о политической подкладкѣ этого бунта, выступилъ заступникомъ за благонадежность войскъ, и особенно гвардіи. Вслѣдствіе этого поступка, шедшаго въ разрѣзъ господствующему мнѣнію, онъ впалъ въ немилость и лишился мѣста. Это такъ его потрясло, что онъ захворалъ и въ то же время раскаялся. И вотъ, чтобы заявить о своемъ раскаяніи и вновь снискать милость начальства, онъ написалъ 17-го января 1824 года изъ Москвы къ тому же главнокомандующему 1-й арміи доносъ, въ которомъ, собравъ нѣкоторыя ходившія по рукамъ нецензурныя стихотворенія Пушкина (напримѣръ, «Мысль о свободѣ», «Посланіе къ другу»), между прочимъ, вотъ что говоритъ въ заключеніи своего письма:

«Еслибъ сочинитель вредныхъ пасквилей (Пушкинъ) немедленно, въ награду, лишился нѣсколькихъ клочковъ шкуры—было

бы лучше. На что снисхожденіе человѣку, надъ коимъ общій гласъ благомыслящихъ гражданъ дѣлаетъ строгій приговоръ? Одинъ примѣръ больше бы сформировалъ пользы; но сколько же, напротивъ, водворится вреда — неумѣстною къ негодяямъ нѣжностью! Можно смѣло ручаться, что многіе изъ порядочныхъ людей безъ соболѣзнованія рѣшились бы удавить дѣтей равномѣрно развратныхъ, слѣдовательно, бо̀льшій перевѣсъ на сторонѣ благочестія — надобно только зло умерщвлять въ рожденія его. Простите смѣлости; это мысль бо̀льшей части людей и моя вмѣстѣ» [1].

Вотъ къ этому-то фанатику попался въ руки отрывокъ изъ стихотворенія Андрея Шенье. Заварилось сейчасъ же дѣло. Алексѣевъ, Молчановъ и Леопольдовъ были посажены въ тюрьму, и послѣ слѣдствія преданы суду, первые два — военному, послѣдній — гражданскому-уголовному. Дѣло это тянулось два года и кончилось тѣмъ, что Алексѣева присудили выдержать одинъ мѣсяцъ въ крѣпости и потомъ выписать изъ гвардіи въ армейскіе полки тѣмъ же чиномъ, прапорщика Молчанова, по вмѣненіи ему въ наказаніе тюремнаго заключенія и содержанія подъ арестомъ, тоже перевести въ армію тѣмъ же чиномъ. Что же касается Леопольдова, то правительствующій сенатъ, разсматривавшій дѣло его, отнесся къ нему гораздо строже: именно приговорилъ его, лишивъ кандидатскаго званія и всѣхъ сопряженныхъ съ онымъ преимуществъ, отдать въ солдаты, а въ случаѣ негодности, сослать въ Сибирь на поселеніе. Курьёзнѣе всего то, что этотъ строгій приговоръ былъ основанъ на 129-й ст. воинскаго артикула, гласящей: «Если кто увѣдаетъ, что единъ или многіе нѣчто вредительное учинить намѣрены, или имѣетъ вѣдомость о шпіонахъ или иныхъ подозрительныхъ людяхъ, въ обозѣ или гарнизонахъ обрѣтающихся, и о томъ въ удобное время не объявитъ, тотъ имѣетъ, по состоянію дѣла, на тѣлѣ или животомъ наказанъ быть».

Очень понятно, что когда дѣло перешло въ государственный совѣтъ, послѣдній никакъ не могъ согласиться съ подобнымъ отождествленіемъ Пушкина со «шпіономъ въ обозѣ обрѣтающимся», и значительно смягчилъ приговоръ сената, именно положилъ (22-го августа 1828 г.) вмѣнить Леопольдову въ наказаніе содержаніе болѣе года въ острогѣ и подтвердить, чтобъ впредь въ поступкахъ своихъ былъ основательнѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ поручить начальству, въ вѣдомствѣ котораго Леопольдовъ

---

[1] «Русская Старина», 1871 г., № 12, стр. 667—673.

будетъ служить, чтобъ оно обращало особенное вниманіе на его поведеніе [1].

Пушкинъ, въ свою очередь, былъ неоднократно призываемъ по этому дѣлу. Онъ доказывалъ, что стихи изъ А. Шенье переведены имъ гораздо прежде 14-го декабря 1825 года, что они явно относятся къ французской революціи, въ которой Шенье погибъ, и никакъ, безъ совершенной безсмыслицы, не могутъ быть относимы къ 14-му декабря; что онъ не знаетъ, кѣмъ надъ этими стихами поставлено ошибочное заглавіе, и не помнитъ, кому онъ могъ передать элегію. Далѣе же объясняя, что въ этомъ отрывкѣ Шенье говоритъ о взятіи Бастиліи, о клятвѣ въ jeu de paume, о перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства, объ уничтоженіи царей, Пушкинъ заключилъ вопросъ: «Что же тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14-го декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?»

На вопросъ суда, какимъ образомъ не пропущенный цензурою отрывокъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки, Пушкинъ отвѣчалъ, что элегія его «Андре Шенье» была всѣмъ извѣстна вполнѣ еще до напечатанія, и онъ не думалъ дѣлать изъ нея тайны.

Правительствующій сенатъ, соображая духъ этого творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое оно выпущено въ публику, призналъ это сочиненіе «соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ», и постановилъ, что «хотя Пушкина надлежало бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но какъ преступленіе сдѣлано имъ до всемилостивѣйшаго манифеста 22-го августа 1826 года, то, избавя его отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою, чтобы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливался выпускать въ свѣтъ, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія».

Государственный совѣтъ прибавилъ къ этому, чтобы «за Пушкинымъ, по неприличному выраженію его въ отвѣтахъ насчетъ происшествія 14-го декабря 1825 года и по духу самаго сочиненія его, въ октябрѣ мѣсяцѣ того года напечатаннаго, имѣлся секретный надзоръ» [2].

Замѣчательно, что это опредѣленіе государственнаго совѣта,

---

[1] «Русская Старина», 1874 г., № 11, стр. 584—588.

[2] «Русская Старина», 1874 г., № 8, стр. 690—694.

состоявшееся 29-го августа 1828 года, при постоянныхъ разъѣздахъ Пушкина, не могло быть объявлено ему въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ, несмотря на то, что оно препровождалось изъ губерніи въ губернію по пятамъ поэта и, наконецъ, московской полиціи удалось сообщить поэту эту пріятную и, вѣроятно, уже давно извѣстную ему новость, лишь въ концѣ января 1831 г., за нѣсколько дней до его свадьбы.

По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ въ 1827 году, Пушкинъ имѣлъ новое непріязненное столкновеніе съ гр. Бенкендорфомъ. На этотъ разъ дѣло касалось вопроса о литературной собственности. Послѣдняя была ограждена отъ контрфакцій, подлоговъ и всякаго рода злоупотребленій лишь законами, изданными 8-го января 1830 года; до того же времени она существовала номинально, болѣе по укоренившемуся обычаю, чѣмъ на основаніи какихъ-либо узаконенныхъ правъ, и авторы въ случаяхъ какихъ-либо тяжебъ съ посягателями на ихъ произведенія, принуждены были прибѣгать къ статьямъ закона, имѣвшимъ лишь случайныя совпаденія съ ихъ исками и которыя съ большими натяжками приходилось примѣнять къ вопросамъ о литературной собственности. Этимъ литературнымъ безправіемъ воспользовался одинъ подчиненный гр. Бенкендорфа, статскій совѣтникъ Ольдекопъ, занимавшійся между прочимъ переводами русскихъ романовъ, повѣстей и стихотвореній на нѣмецкій языкъ. Онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина и, не спрашивая согласія автора, издалъ свой переводъ параллельно съ подлинникомъ.

По этому поводу, 20-го іюля 1827 года, Пушкинъ писалъ къ гр. Бенкендорфу:

«Въ 1824 году г., статскій совѣтникъ Ольдекопъ, безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое «Кавказскій плѣнникъ», и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ втораго изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3,000 рублей. Вслѣдствіе сего, родитель мой, статскій совѣтникъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему, что Ольдекопъ перепечаталъ-де «Кавказскаго плѣнника» для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ; что къ тому же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣетъ онъ, статскій совѣтникъ Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа, токмо развѣ, яко мошенника; на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасаясь заплатить за безчестіе. Не имѣя другого способа къ обезпеченію своего состоянія, кромѣ выгодъ отъ посиль-

ныхъ трудовъ моихъ, и нынѣ лично одобренный вашимъ превосходительствомъ, осмѣливаюсь, наконецъ, прибѣгнуть къ вашему покровительству, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность».

Гр. Бенкендорфъ не замедлилъ, конечно, встать на сторону своего подчиненнаго и отвѣчалъ Пушкину, что «перепечатаніе «Кавказскаго плѣнника», вмѣстѣ съ переводомъ послѣдовало съ дозволенія цензуры, которая имѣетъ на то свои правила; и что, впрочемъ, даже тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками».

Пушкинъ, уже изъ Опочки, 10-го сентября 1827 года писалъ къ гр. Бенкендорфу: «Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы насчетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ и умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности, вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ» [1].

Но никакого болѣе отвѣта на это письмо Пушкина со стороны гр. Бенкендорфа не послѣдовало, и Ольдекопу, такимъ образомъ, предоставлена была свобода издавать, если пожелаетъ, хотя бы и всѣ сочиненія Пушкина.

Непріязненныя отношенія гр. Бенкендорфа къ Пушкину продолжались до самой смерти послѣдняго. Послѣ каждаго путешествія поэта, въ родѣ поѣздки на Кавказъ въ 1829 году, или переѣзда изъ Петербурга въ Москву въ мартѣ 1830 года, слѣдовали выговоры за самовольные переѣзды безъ испрошенія дозволенія начальства, при чемъ въ 1830 году гр. Бенкендорфъ писалъ Пушкину, что «всѣ непріятности, которымъ можетъ подвергнуться за своевольные поступки, онъ долженъ будетъ отнести *къ собственному своему поведенію*».

Удрученный этимъ письмомъ, Пушкинъ отвѣчалъ, что съ 1826 года, когда ему высочайше дозволено жить въ Москвѣ, онъ каждую зиму проводилъ тамъ, а осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительнаго разрѣшенія и не получая ника-

---

[1] «Русская Старина», 1874 г., № 8, стр. 699—700.

кого замѣчанія; что это отчасти было причиной и невольнаго проступка его, поѣздки въ Арзерумъ, за которую онъ навлекъ на себя неудовольствіе начальства. Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ выразилъ горесть, которую приносятъ ему выговоры, и описывая себя въ гоненіи, говоритъ, что другіе еще болѣе зложелательствуютъ ему, и что гр. Бенкендорфъ *остается единственнымъ его защитникомъ* (!). «Если завтра, прибавилъ онъ: — вы не будете министромъ, то послѣ-завтра меня посадятъ въ тюрьму». При этомъ поэтъ жаловался на Булгарина, который хвалился близостью къ гр. Бенкендорфу, и, злобясь на него, по словамъ поэта, за критики, впрочемъ, не имъ писанныя, готовъ въ остервененіи своемъ рѣшиться на все.

Гр. Бенкендорфъ успокоивалъ Пушкина, увѣряя, что Булгаринъ никогда не говорилъ ему ничего дурнаго о немъ; что журналистъ этотъ вовсе не близокъ къ нему, и если бывалъ у него, то развѣ одинъ или два раза въ годъ; что въ послѣднее время онъ призывалъ къ себѣ Булгарина только для того, чтобы обуздать его [1].

Принимая во вниманіе всѣ эти гоненія, доводившія поэта до лести передъ своимъ гонителемъ, становится какъ нельзя болѣе ясно, что стихотворенія «Клеветникамъ Россіи» и «Бородино» были написаны Пушкинымъ съ предвзятымъ намѣреніемъ избавиться отъ полицейскихъ преслѣдованій. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и тѣ обстоятельства, которыя непосредственно вызвали эти стихотворенія. Такъ мы видимъ, что во время польскаго возстанія, одинъ изъ членовъ временнаго правительства въ Варшавѣ, Іоахимъ Лелевель, въ рѣчи, произнесенной имъ въ національномъ собраніи, выразилъ свое сочувствіе къ Пушкину, какъ къ поэту, произведенія котораго проникнуты свободолюбіемъ и доброжелательствомъ полякамъ. Рѣчь эта дошла до свѣдѣнія правительства, о чемъ Пушкину сообщилъ дальній родственникъ семейства Гончаровыхъ, гр. Строгановъ. Репутація Пушкина въ глазахъ полиціи могла сдѣлаться еще болѣе сомнительною. «Графъ! отвѣчалъ Пушкинъ гр. Строганову на его сообщеніе: — печально приходится мнѣ искупать мечты моей молодости. Объятія Лелевеля кажутся мнѣ жестче ссылки въ Сибирь. Однако же, весьма вамъ благодаренъ за то, что вы изволили сообщить мнѣ упомянутую статью; она послужитъ текстомъ для моей отповѣди...» [2].

Но ни патріотическія стихотворенія, ни женитьба, ни при-

---

[1] «Русская Старина», 1874 г., № 8, стр. 704—705.
[2] «Русская Старина», 1880 г., № 5, стр. 70.

ближеніе ко двору, не избавили Пушкина отъ строгаго полицейскаго надзора. По прежнему, относительно всѣхъ своихъ своихъ занятій и каждаго шага, онъ долженъ былъ испрашивать предварительное разрѣшеніе, по прежнему прочитывалась его переписка, и гр. Бенкендорфъ дѣлалъ ему выговоры. Такъ въ январѣ 1832 года, гр. Бенкендорфъ спрашивалъ его, «почему стихотвореніе его «Древо яда» (Анчаръ) было напечатано въ «Альманахѣ» безъ предварительнаго разсмотрѣнія государя императора?»

Пушкинъ отвѣчалъ на это, 7-го января: «Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, коей нежданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры. Въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ, во всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Далѣе я, совѣстясь безпокоить поминутно его величество, раза два обратился къ вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ честь найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней».

Чтобы избавиться отъ подобныхъ придирокъ гр. Бенкендорфа, въ слѣдующемъ 1833 году, 6-го декабря, Пушкинъ обратился съ просьбою, въ которой излагалъ, что книгопродавецъ Смирдинъ, приступая къ изданію «Библіотеки для чтенія», просилъ и его участвовать въ этомъ журналѣ; но онъ, стараясь какъ можно рѣже пользоваться драгоцѣннымъ дозволеніемъ—утруждать вниманіе государя императора, можетъ согласиться на это въ такомъ только случаѣ, если сочиненія его будутъ представляемы Смирдинымъ въ цензуру, наравнѣ съ сочиненіями другихъ писателей. На просьбу эту было получено Пушкинымъ разрѣшеніе вполнѣ спеціальнаго характера, т. е. ему позволено было отдавать на разсмотрѣніе цензурою сочиненія, предназначенныя для «Библіотеки для чтенія».

Тотъ же 1833 годъ ознаменовался для Пушкина, въ цензурномъ отношеніи, недопущеніемъ къ печати его поэмы «Мѣдный всадникъ», которую ему такъ и не пришлоъ при жизни увидѣть напечатанною.

Около того же времени одна великосвѣтская дама передѣлала въ драму «Капитанскую дочку» Пушкина, но цензура не допустила пьесы къ постановкѣ на сцену, на томъ основаніи, что въ ней выведенъ на сцену Пугачевъ.

Вообще, благодаря гр. Бенкендорфу, отъ котораго безусловно зависѣло допущеніе пьесъ на сцену, Пушкину не удалось ви-

дѣть ни одной своей драматической пьесы на сценѣ. Такъ, по словамъ А. М. Каратыгиной, Пушкинъ очень желалъ, чтобы она съ мужемъ своимъ прочитала на театрѣ сцену у фонтана Дмитрія съ Мариною. Несмотря, однако же, на многочисленныя личныя просьбы Каратыгиныхъ, гр. Бенкендорфъ съ обычною своею любезностью и извиненіями отказалъ имъ въ своемъ согласіи. Послѣ того Пушкинъ подарилъ Каратыгину для бенефиса «Скупого рыцаря», но и эта пьеса не была играна при жизни автора, по какимъ-то цензурнымъ недоразумѣніямъ [1].

Наконецъ, въ томъ же 1833 году, министромъ народнаго просвѣщенія былъ сдѣланъ графъ Уваровъ, заклятой врагъ Пушкина, и это не замедлило отразиться на отношеніяхъ поэта къ цензурѣ. Мы только-что сейчасъ видѣли, что поэтъ самъ обращался къ правительству съ просьбою подвергнуть общей цензурѣ сочиненія его, предназначенныя для «Библіотеки для чтенія». Но разрѣшеніе этой просьбы не отнимало у Пушкина права ограничиваться одною высочайшею цензурою для всѣхъ прочихъ его произведеній. Между тѣмъ, графъ Уваровъ вознамѣрился всѣ сочиненія Пушкина безъ исключенія подвергать, сверхъ высочайшей, общей цензурѣ.

И вотъ вслѣдствіе этого притязанія гр. Уварова, Пушкинъ принужденъ былъ въ 1835 году обратиться въ цензурный комитетъ съ слѣдующимъ заявленіемъ:

Честь имѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій. Въ 1826 году, Государь Императоръ изволилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Вслѣдствіе Высочайшей воли, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставляемо было мнѣ прямо отъ Его Величества изъ 3-го отдѣленія Собственной Его канцеляріи, при подписи одного изъ чиновниковъ «Съ дозволенія правительства». Такимъ образомъ, были напечатаны: «Цыганы»—повѣсть (1827 г.), 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгенія Онѣгина» — романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833 гг.), «Полтава» (1829 г.), 2-я и 3-я часть «Мелкихъ Стихотвореній», 2-е исправленное изданіе поэмы «Русланъ и Людмила» (1828 г.), «Графъ Нулинъ» (1828 г.), «Исторія Пугачевскаго бунта» и проч.

«Нынѣ, по случаю второго исправленнаго изданія «Анджело», перевода изъ Шекспира (неисправно и съ своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель спб. учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ

---

[1] «Русск. Стар.», 1880 г., № 6, стр. 571.

болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. съ подписью чиновника Собственной Его Величества канцеляріи. Между тѣмъ, никакого новаго распоряженія не воспослѣдовало, и, такимъ образомъ, я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ Государемъ Императоромъ.

«Въ прошломъ мѣсяцѣ Государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ Собственную канцелярію Его Величества, и принужденъ утруждать комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволилъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію? Титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ».

25-го сентября 1835 года, Уваровъ препроводилъ копію съ этого прошенія Пушкина къ управляющему 3-мъ отдѣленіемъ С. Е. И. В. канцеляріи Александру Николаевичу Мордвинову и увѣдомилъ, «что главное управленіе цензуры опредѣлило объявить г. Пушкину, въ отвѣтъ на его прошеніе, что рукописи, издаваемыя съ особаго высочайшаго разрѣшенія, печатаются независимо отъ цензуры министерства народнаго просвѣщенія, но всѣ прочія изданія, назначенныя въ печать, должны, на основаніи высочайше утвержденнаго въ 22-й день апрѣля 1828 года устава о цензурѣ, быть представляемы въ цензурный комитетъ, которымъ разсматриваются и одобриваются по общимъ цензурнымъ правиламъ» [1].

Это распоряженіе министра еще болѣе раздражило Пушкина противъ Уварова, и чаша гнѣва его окончательно переполнилась, когда однажды на вечерѣ у Карамзиныхъ къ нему подошелъ Уваровъ и по поводу ходившей въ то время по рукамъ эпиграмы:

«Въ академіи наукъ
Засѣдаетъ» и проч.

свысока и внушительно началъ выговаривать, что онъ роняетъ свой талантъ, осмѣивая почтенныхъ и заслуженныхъ людей такими эпиграмами!

— Какое право имѣете вы дѣлать мнѣ выговоръ, когда не смѣете утверждать, что это мои стихи? возразилъ Пушкинъ, выйдя изъ себя.

— Но всѣ говорятъ, что ваши?

— Мало ли, что всѣ говорятъ! а я вамъ вотъ что скажу: — я на васъ напишу стихи и напечатаю ихъ съ мою подписью.

---

[1] «Русск. Стар.», 1881 г., № 5, стр. 101.

И вотъ когда Уваровъ опасно захворалъ, а наслѣдникъ его, предполагая близкую смерть министра, позаботился заранѣе опечатать его имущество и осрамился на всю столицу при неожиданномъ его выздоровленіи, Пушкинъ на эту скандальную исторію написалъ стихи подъ заглавіемъ «На выздоровленіе Лукула» (съ латинскаго). Ни одинъ петербургскій журналъ не согласился напечатать эти стихи. Тогда Пушкинъ послалъ ихъ въ Москву, и тамъ ода была напечатана во 2-й сентябрьской книжкѣ «Московскаго наблюдателя» 1835 года. Появленіе оды вызвало большую сенсацію въ придворныхъ сферахъ, и привело за собою немало непріятностей Пушкину, начиная съ оскорбительной переписки съ кн. Репнинымъ, дурно отзывавшемся о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, въ салонѣ Уварова, и кончая неудовольствіемъ самого государя. Пушкинъ былъ тотчасъ же вызванъ къ гр. Бенкендорфу. Вотъ какъ самъ онъ разсказывалъ этотъ свой визитъ къ шефу жандармовъ:

«Вхожу. Графъ съ серьёзной, даже съ строгой миной, впрочемъ, учтиво отвѣтивъ на мой поклонъ, пригласилъ меня сѣсть у стола vis-à-vis. Журналъ съ развернутой страницей моихъ стиховъ лежалъ передъ нимъ и онъ сейчасъ же предъявилъ мнѣ его, сказавъ: «Александръ Сергѣевичъ! Я обязанъ сообщить вамъ непріятное и щекотливое дѣло по поводу вотъ этихъ вашихъ стиховъ. Хотя вы и назвали ихъ Лукуломъ и переводомъ съ латинскаго, но согласитесь, что мы, да и все русское общество въ наше время настолько просвѣщено, что умѣемъ читать между строкъ и понимать настоящій смыслъ, цѣль и намѣреніе сочинителя?

— «Совершенно согласенъ и радуюсь за развитіе общества...»

— «Но позвольте замѣтить (строго перебилъ онъ меня), что подобное произведеніе недостойно вашего таланта, тѣмъ болѣе, что осмѣянная вами личность—особа значительная въ служебной іерархіи...

«Тутъ я перебилъ его:

— «Но позвольте же узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнали въ моей сатирѣ?

— «Не я узналъ, а Уваровъ самъ себя узналъ, принесъ мнѣ жалобу и просилъ обо всемъ доложить Государю! и даже то, какъ вы у Карамзиныхъ сказали ему, что напишете на него стихи и не отопретесь, то есть подпишитесь подъ ними?

— «Сказалъ, и теперь не отпираюсь... только вотъ эти-то именно стихи я написалъ совсѣмъ не на него».

— «А на кого же?»

— «На васъ.

«Бенкендорфъ, пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ, опрокинулся на спинку кресла, такъ что оно откатилось отъ стола, и, вытаращивъ на меня глаза, вскрикнулъ:

— «Что? на меня?..

«А я, заранѣе восхищаясь развязкой, вскочилъ съ мѣста и быстро дѣлая по четыре шага передъ столомъ или передъ его носомъ, три раза оборачиваясь къ нему лицомъ, повторялъ: «На васъ, на васъ, на васъ!»

«Тутъ ужъ Александръ Христофоровичъ, во всемъ величіи власти, громовержцемъ поднимаясь съ кресла, схватилъ журналъ и, подойдя ко мнѣ, дрожащей отъ злобы рукой тыкая на извѣстныя мѣста стиховъ, сказалъ: «Однако, послушайте, г. сочинитель! Что же это такое! Какой-то пройдоха наслѣдникъ... (читаетъ):

«Теперь ужъ у вельможъ
Не стану няньчить ребятишекъ»...

— «Ну, это ничего... (продолжаетъ читать):

«Теперь мнѣ честность—трынь-трава,
Жену обманывать не буду!»...

— «Ну, и это ничего, вздоръ... но вотъ, вотъ ужасное, невозволительное мѣсто (читая):

«И воровать уже забуду
Казенныя дрова!»

— «А? что вы на это скажете?»

— «Скажу только, что вы не узнаете себя въ этой личности!»

— «Да развѣ я воровалъ казенныя дрова?»

— «Такъ стало быть Уваровъ воровалъ, когда подобную улику принялъ на себя!

«Бенкендоръ понялъ силлогизмъ, сердито улыбнулся и промычалъ: «Гм! да! самъ виноватъ.

— «Вы такъ и доложите государю. А за симъ имѣю честь кланяться вашему сіятельству» [1].

---

[1] «Русск. Стар.» 1881 г. № 8, стр. 616—618. Очерки и воспоминанія Куликова.

Между прочимъ Куликовъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ мелкій эпизодъ изъ жизни Пушкина, показывающій до какихъ непостижимыхъ строгостей доходила въ то время полиція въ цензурномъ отношеніи, предавая запрещенію даже ни въ чемъ неповинные музыкальные инструменты. Вотъ этотъ эпизодъ:

«Боголюбовъ объявилъ новость, что сегодня утромъ изъ-за границы черезъ Кронштадтъ пріѣхалъ музыкантъ *съ запрещеннымъ инструментомъ*, въ родѣ эоловой арфы, а администрація распорядилась *выслать его обратно тою же дорогой въ 24 часа*. Эта новость въ высшей степени возбудила общее любопытство и всѣ пристали къ Пушкину, чтобы онъ сейчасъ же ѣхалъ просить кого слѣдуетъ изъ властей—о дозволеніи нынѣшнимъ вечеромъ въ нумерѣ

Но этимъ не исчерпалась еще исторія съ одою Пушкина. Въ это время въ Петербургѣ существовалъ нѣкій педагогъ французъ Жобаръ. Онъ родился въ 1793 году во Франціи, воспитывался сначала въ Лангрѣ, потомъ въ митавской гимназіи, по окончаніи курса которой сдѣлался учителемъ французскаго языка въ рижской гимназіи. Затѣмъ въ 1820 году, онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, въ Смольный монастырь и за службу свою удостоился получить золотую табакерку отъ императрицы Маріи Ѳедоровны. Познакомившись съ Магницкимъ, онъ былъ назначенъ въ 1822 году въ казанскій университетъ профессоромъ словесности греческой, латинской и французской съ удвоеннымъ окладомъ жалованья. Человѣкъ безукоризненно честный и строгаго образа жизни во всѣхъ отношеніяхъ, это былъ въ тоже время сангвиникъ, обладавшій самыми пылкими и необузданными страстями. «Лицо Жобара, вспоминаетъ о немъ одинъ современникъ: — и въ спокойномъ состояніи всегда красное, горѣло; глаза были мутны, какъ у человѣка, готовящагося къ битвѣ, а голосъ гремѣлъ, какъ у оратора въ народномъ собраніи». Принятый сначала съ величайшимъ почетомъ, какъ лицо, близкое къ попечителю, Жобаръ скоро разошелся и съ товарищами по университету, и съ самимъ попечителемъ. Послѣ ревизіи астраханской гимназіи, гдѣ Жобаръ обнаружилъ вопіющія злоупотребленія, началась его ожесточенная и безконечная борьба, сначала съ Магницкимъ, а по-

---

гостинницы Демута послушать необыкновенный инструментъ, говоря: «тебѣ одному въ подобной просьбѣ не откажутъ». И дѣйствительно, не отказали. Вечеромъ собралось все общество и привезли артиста съ большимъ ящикомъ, т. е. его инструментомъ. По поднятіи крышки, въ ящикѣ оказался валъ, на которомъ отъ правой руки къ лѣвой насажены изъ толстаго стекла круги, въ формѣ тѣхъ, что ставятся подъ цвѣточные горшки: справа очень большіе и уменьшающіеся до самыхъ мелкихъ размѣровъ къ лѣвой сторонѣ. Артистъ, спросивъ стаканъ воды, намочилъ губку и воткнулъ ее на шпинекъ; отъ давленія ногою педали завертѣлся валъ; тогда артистъ, омочивъ о губку оконечности пальцевъ, и чуть-чуть касаясь ими вертящихся круговъ, началъ играть симфоніи, аріи всѣхъ знаменитыхъ композиторовъ старой и новой школы.

Что за гармонія! что за волшебные звуки! по истинѣ что-то неземное! Рояли, арфы и другіе подобные инструменты обыкновенно въ басахъ и дискантахъ теряютъ полноту звуковъ, а тутъ—басъ звучитъ какимъ-то страшнымъ гуломъ, сильнѣе и полнѣе дребезжащей струны контрбаса, также ровно и сильны, и сладкозвучны маленькіе кружки до послѣдняго!

А еще главное преимущество этихъ воздушныхъ колокольцевъ—это піано и фортэ, зависящія отъ легкаго или тяжелаго давленія перстовъ искуснаго артиста. Ну, ужь и искусникъ же попался къ намъ! Нетолько всѣ были въ восторгѣ, но даже поражены, ошеломлены... а Пушкинъ, лежа на диванѣ, заложивъ руки подъ голову и закрывъ глаза, повторялъ: и замереть, и умереть можно!» Ibid., стр. 612.

томъ послѣдовательно со всѣми министрами народнаго просвѣщенія: кн. Ливеномъ, Уваровымъ. Неизвѣстно, какія особенныя причины предубѣждали Уварова противъ Жобара, но именно Уварова послѣдній считалъ своимъ величайшимъ врагомъ. Еще Магницкій пустилъ въ ходъ мысль о «разстройствѣ идей» Жобара; этою мыслію воспользовался и Уваровъ, когда Жобаръ 2-го мая 1835 года, успѣлъ, гдѣ-то на улицѣ Петербурга, подать императору Николаю слѣдующую записку: «Sire, Daignez m'entendre. Jobard». Арестованный Жобаръ былъ препровожденъ въ Москву, гдѣ подвергся освидѣтельствованію умственныхъ способностей въ московскомъ губернскомъ присутствіи, которое 20-го іюля 1835 года, признало его «совершенно въ здравомъ состояніи разсудка».

Послѣ этого ожесточеніе Жобара не знало предѣловъ. Къ пасхѣ 1836 года, онъ послалъ Уварову и распространилъ въ публикѣ письмо, подъ заглавіемъ: «Mon oeuf de Paques», въ которомъ пытался доказать, что ученые труды Уварова, какъ-то: Изслѣдованіе объ элевзинскихъ таинствахъ и др., принадлежали не ему, а профессору Грефе. Послѣ того, едва появилась въ печати ода Пушкина «На выздоровленіе Лукула», Жобаръ тотчасъ же перевелъ ее на французскій языкъ и послалъ свой переводъ, вмѣстѣ съ витіеватымъ «посланіемъ къ господину Уварову, министру народнаго просвѣщенія, президенту академіи наукъ, автору ученыхъ примѣчаній къ древнимъ классикамъ, переводчику оды: Клеветникамъ Россіи и проч., и проч., и проч.»

...«Восторгъ овладѣлъ, душой моей, пишетъ онъ между прочимъ въ своемъ письмѣ:—когда я прочиталъ прилагаемое стихотвореніе, которымъ вашъ любимецъ Пушкинъ только-что обогатилъ русскую словесность, и хотя я ужь давно отвыкъ влагать въ стѣсненные размѣры свою рѣчь, тѣмъ не менѣе, я не могъ удержаться и не переложить во французскіе стихи эту удивительную оду, внушенную, безъ сомнѣнія, тѣмъ особымъ покровительствомъ, какимъ ваше превосходительство удостоиваете чтить сыновъ Аполлона.

«Желая привлечь и на мою невѣдомую музу благосклонный взоръ сѣвернаго мецената, я осмѣливаюсь почтительно сложить у подошвы Геликона, его недоступной обители, французскій переводъ послѣдней пѣсни русскаго Пиндара, этого баловня музъ.

«Смѣю надѣяться, что ваше превосходительство, который недавно сами удостоили перевести на французскій языкъ: «Клеветникамъ Россіи», соблаговолите принять это приношеніе почтительнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ вашихъ подчиненныхъ.

«Твердо рѣшившись познакомить Европу съ этимъ необыкно-

веннымъ произведеніемъ, я предполагаю переслать въ Брюссель моему брату, литографу, типографу, издателю и редактору «Индистріеля», этотъ переводъ съ примѣчаніями, какихъ можетъ потребовать уразумѣніе текста; но. прежде, чѣмъ это сдѣлать, я счелъ долгомъ подвергнуть мой переводъ сужденію вашего превосходительства и испросить на это вашего разрѣшенія.

«Позволяю себѣ надѣяться, что ваше превосходительство оцѣните чистоту моихъ намѣреній, соблаговолите почтить меня благопріятнымъ отвѣтомъ, а, можетъ быть, удостоите и личнаго свиданія почтительнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ своихъ подчиненныхъ. А Жобаръ»...

Какую жолчь должно было поднять въ Уваровѣ это письмо, можно судить по тому, что даже Пушкину, при всемъ его нерасположеніи къ Уварову, оно показалось хватившимъ чрезъ край. По крайней мѣрѣ, когда Жобаръ сообщилъ Пушкину переводъ оды и копію съ письма къ Уварову, поэтъ отвѣчалъ ему слѣдующее:

«М. Г. Съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ я вашъ прелестный переводъ Оды къ Лукулу и лестное письмо, которое вы къ нему приложили. Ваши стихи на столько же милы, на сколько злы, а это много значитъ. Если справедливо, какъ вы разсказываете въ своемъ письмѣ, что васъ хотѣли объявить лишеннымъ разсудка, то надо признать, что послѣ того вы воротили его въ чертовской степени.

«Расположеніе, которое повидимому, вы ко мнѣ питаете и которымъ я горжусь, даетъ мнѣ право съ полною откровенностью говорить съ вами. Въ письмѣ къ г-ну министру народнаго просвѣщенія вы, кажется, изъявляете намѣреніе напечатать свой переводъ въ Бельгіи съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, необходимыхъ, по вашему мнѣнію, для пониманія стихотворенія: осмѣливаюсь умолять васъ, М. Г., отнюдь этого не дѣлать. Мнѣ самому досадно, что я напечаталъ произведеніе, написанное въ минуту раздраженія. Опубликованіе его вызвало неудовольствіе одного лица, котораго мнѣніемъ я дорожу и которымъ пренебрегать я не могу, не оказавшись неблагодарнымъ и безумцемъ. Будьте добры: удовольствіемъ гласности пожертвуйте мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте своимъ талантомъ произведеніе, которое само по себѣ впадетъ въ заслуженное забвеніе. Позволяю себѣ, надѣяться что вы не откажете мнѣ въ любезности, о которой я прошу. Примите увѣреніе и т. д.»

Но конечно, это письмо Пушкина не могло поправить дѣла: жестокій ударъ былъ уже нанесенъ Уварову одною посылкою ему посланія Жобара и оды; печатаніе же ея въ Бельгіи не много

прибавляло къ боли отъ этого удара. Взбѣшенный Уваровъ тотчасъ же употребилъ всѣ усилія, чтобы Жобаръ былъ изгнанъ изъ Россіи. Высланный Жобаръ тотчасъ же заказазъ себѣ визитныя карточки съ надписью «A. Jobard exilé de Russie», и карточки эти раздавалъ при случаѣ русскимъ вельможамъ.

Ненависть Уварова къ Пушкину послѣ этого эпизода не имѣла предѣловъ. По крайней мѣрѣ, многіе весьма прозрачные намеки въ запискахъ современниковъ ставятъ трагическій эпизодъ смерти Пушкина въ непосредственную связь съ эпизодомъ оды на выздоровленіе Лукула [1]...

Другой непріятель Пушкина, гр. Бенкендорфъ, былъ въ свою очередь на сторонѣ враждебной партіи, сгруппировавшейся вокругъ Д'Антеса. «Однимъ только этимъ нерасположеніемъ, говоритъ Данзасъ въ своихъ воспоминаніяхъ:—и можно объяснить, что дуэль Пушкина не была остановлена полиціей. Жандармы были посланы въ Екатерингофъ, будто бы по ошибкѣ, думая, что дуэль должна была происходить тамъ, а она была за Черной рѣчкой, около камендантской дачи»... [2]

Извѣстіе объ исходѣ дуэли и затѣмъ о смерти Пушкина подняло на ноги весь городъ. «Въ городѣ, по словамъ И. И. Панаева въ его воспоминаніяхъ (стр. 125) сдѣлалось необыкновенное движеніе. На Мойкѣ у Пѣвческаго моста (Пушкинъ жилъ тогда въ первомъ этажѣ стариннаго дома княгини Волконской) не было ни прохода, ни проѣзда. Толпы народа и экипажи съ утра до ночи осаждали домъ; извощиковъ нанимали, просто говоря: «къ Пушкину», и извощики везли прямо туда. Всѣ классы петербургскаго народонаселенія, даже люди безграматные, считали какъ бы своимъ долгомъ поклониться тѣлу поэта. Это было уже похоже на народную манифестацію, на очнувшееся вдругъ общественное мнѣніе. Университетская и литературная молодежь рѣшила нести гробъ на рукахъ до церкви; стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, перечитывались и выучивались наизустъ всѣми».

Возникли опасенія, и тѣло поэта изъ квартиры въ Конюшенную церковь было препровождено вечеромъ; при отпѣваніи, 1-го февраля, присутствовали одни лишь приглашенные по билетамъ. Послѣ отпѣванія, гробъ заперли въ подвалъ церкви, гдѣ онъ оставался до 3-го февраля, и въ этотъ день

---

1 «Руск. Стар.» 1880 г. № 6 стр. 327, № 7 стр. 538; также «Руск. Стар.» 1881 г. № 8, стр. 618 и пр.

2 «Руск. Стар.» 1880 г. № 7 стр. 515.

поздно ночью гробъ былъ отправленъ тайкомъ въ Святогорскій Успенскій монастырь, въ сопровожденіи жандармовъ и А. И. Тургенева, которому было поручено совершить погребеніе праха поэта.

Печать во все это время безмолвствовала. Нигдѣ не появлялось ни некрологовъ, ни какихъ бы то ни было самыхъ невинныхъ выраженій общенароднаго горя. Одинъ только редакторъ «Литературныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду», рѣшился отозваться на невозвратную потерю. Въ № 5 за 1737 годъ «Литературныхъ прибавленій» появились обведенныя черною каемкою слѣдующія нѣсколько теплыхъ фразъ:

«Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!.. Болѣе говорить о семъ не имѣемъ силы; да и не нужно; всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава!.. Неужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ уже у насъ Пушкина! Къ этой мысли нельзя привыкнуть! 29-го января, 2 ч. 45 м. по полудни».

Но и это скромное заявленіе не обошлось даромъ г. Краевскому. Надо замѣтить при этомъ, что г. Краевскій состоялъ въ то время на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, именно помощникомъ редактора журнала министерства народнаго просвѣщенія и членомъ археографической комиссіи. Еще ранѣе смерти Пушкина, онъ имѣлъ столкновеніе съ гр. Уваровымъ по поводу отношеній его къ Пушкину. Послѣдній далъ г. Краевскому свое стихотвореніе «Аквилонъ» для помѣщенія его въ первый нумеръ «Литературныхъ прибавленій», вышедшій 4-го января 1837 г. Когда г. Краевскій, по выпускѣ перваго нумера своей газеты, представилъ его Уварову, какъ своему начальнику, тотъ принялъ его крайне сухо, и, по выходѣ изъ кабинета г. Краевскаго, сказалъ бывшему при этомъ кн. М. А. Дундукову-Корсакову (попечителю С. П. У. округа и предсѣдателю цензурнаго комитета):

— «Развѣ г. Краевскій не знаетъ, что Пушкинъ состоитъ подъ строжайшимъ присмотромъ тайной полиціи, какъ человѣкъ неблагонадежный? Служащему у меня въ министерствѣ не слѣдуетъ имѣть сношеніе съ людьми столь вреднаго образа мыслей, какимъ отличается Пушкинъ».

Послѣ такихъ словъ министра можно было ожидать, что и заявленіе г. Краевскаго не оставится Уваровымъ безъ вниманія. И дѣйствительно на другой же день послѣ выхода нумера газеты, г. Краевскій былъ вызванъ къ кн. Дундукову-Корсакову.

— «Я долженъ вамъ передать, сказалъ попечитель г. Краевскому:—что министръ крайне недоволенъ вами! Къ чему эта публикація о Пушкинѣ? Что эта за черная рамка вокругъ извѣстія о кончинѣ человѣка не чиновнаго, не занимавшаго никакого положенія на государственной службѣ? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выраженія? «Солнце поэзіи!!» помилуйте, за что такая честь? «Пушкинъ скончался... въ срединѣ своего *великаго поприща*»! Какое это такое поприще? Сергѣй Семеновичъ (Уваровъ) именно замѣтилъ: развѣ Пушкинъ былъ полководецъ, начальникъ, министръ, государственный мужъ?!. Наконецъ, онъ умеръ безъ малаго сорока лѣтъ! Писать стишки не значитъ еще, какъ выразился Сергѣй Семеновичъ, проходить *великое поприще*! Министръ поручилъ мнѣ сдѣлать вамъ, Андрей Александровичъ, строгое замѣчаніе и напомнить, что вамъ, какъ чиновнику министерства народнаго просвѣщенія, особенно слѣдовало бы воздержаться отъ таковыхъ публикацій» [1].

XLVI.

Мы говорили уже выше, что Грибоѣдову не пришлось видѣть свою піесу въ печати; не удалось ему поставить ее и на сцену. Начальство, судя по выраженію московскаго генералъ-губернатора кн. Голицына, было о ней того мнѣнія, что Грибоѣдовъ «на всю Москву написалъ пасквиль». Единственное утѣшеніе, доставшееся на долю автора, заключалось въ томъ, что піеса была играна въ 1827 году, въ его присутствіи, офицерами въ крѣпости Эривани, въ одной изъ комнатъ сердарскаго дворца; такимъ образомъ первое представленіе безсмертной комедіи произошло въ домѣ персидскаго сатрапа. Но кн. Паскевичъ-Эриванскій прекратилъ и эти любительскіе спектакли.

Хлопоча о постановкѣ піесы и введеніи ея въ рамки тогдашней цензуры, Грибоѣдовъ самъ былъ первымъ ея цензоромъ, и по тому, какой это былъ строгій и придирчивый цензоръ, можно судить, какъ велико было желаніе автора увидѣть свою піесу на сценѣ или въ печати. Такъ до насъ дошло извѣстіе о поправкахъ, сдѣланныхъ рукою самого Грибоѣдова, въ одной изъ рукописей «Горе отъ ума». Многіе изъ этихъ поправокъ носятъ явные слѣды желанія избѣжать придирокъ и подозрѣній въ умышленномъ оскорбленіи личностей. Такъ, напримѣръ, въ из-

1 «Руск. Стар.» 1880 г. № 7, стр. 536—538.

вѣстномъ монологѣ Фамусова въ явленіи II, дѣйствія II-го (стр. 63, Гербелевскаго изданія) первоначально было такъ:

«Тогда не то, что нынѣ
При государынѣ служилъ Екатеринѣ.
Лѣтъ за сорокъ назадъ все было, братъ, чинъ-чиномъ
Тогда не всякій могъ быть знатнымъ господиномъ;
Но всякій важностью особенной надутъ,
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ.

Напечатанныя курсивомъ три строки, Грибоѣдовъ замѣнилъ лишь одною:

А въ тѣ поры всѣ важны—въ сорокъ пудъ.

Въ V явленіи того же дѣйствіи (стр. 71) Скалозубъ говоритъ:

За третье августа; засѣли мы въ траншею:
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ—на шею.

Первоначально же Скалозубъ гораздо рельефнѣе выражалъ незаслуженность полученнаго имъ знака отличія:

«За третье августа: *теперь я не съумѣю*
Сказать вамъ именно за что,
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ—на шею!

На слѣдующей страницѣ Скалозубъ говоритъ:

У насъ *въ пятнадцатой* дивизіи не далѣ...

Грибоѣдовъ вычеркнулъ словъ въ пятнадцатой, опасаясь, чтобы стихи эти не были приняты за личный намекъ.

На 75 стр. вмѣсто:

Его величество король былъ прусскій здѣсь:

Грибоѣдовъ написалъ:

Его высочество какой-то принцъ былъ здѣсь.

Въ явленіи V, дѣйствія III стихъ:

«Конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ

Грибоѣдовъ измѣнилъ такъ:

Конечно гдѣ-нибудъ онъ былъ бы комендантомъ.

Въ явленіи XXI того же дѣйствія Фамусовъ говоритъ (стр. 130):

Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,
Хоть предъ монаршіимъ лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ.

Грибоѣдовъ измѣнилъ во второмъ стихѣ слово *монаршимъ* на *извѣстнѣйшимъ лицомъ*.

На слѣдующей страницѣ Хлестова говоритъ:

По-христіански, такъ онъ жалости достоинъ!

Поправка:

По человѣчеству онъ жалости достоинъ!

Наконецъ въ явленіи XXII (стр. 137) даже слѣдующее невинное выраженіе Чацкаго:

Во всѣхъ княжонъ вселять участье

Грибоѣдовъ нашелъ нужнымъ смягчить:

«Во всякомъ возбуждать участье. [1]

---

[1] «Р. Стар.» 1874, № 7, стр. 610—614.

Впервые въ печати былъ помѣщенъ отрывокъ изъ «Горе отъ ума» въ 1825 году въ альманахѣ, изданномъ Ѳ. Булгаринымъ, «Талія». Здѣсь были напечатаны 8-е, 9-е и 10-е явленія 1 дѣйствія и все третье дѣйствіе; конечно съ большими пропусками. Такъ, напримѣръ, въ знаменитомъ монологѣ Чацкаго въ III дѣйствіи, выпущены 15 стиховъ, которые появлялись во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, именно, начиная со стиха:

«Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой»:

и до стиха:

«Какъ платья, волосы, такъ и умы коротки»!

Однимъ словомъ, цензору очевидно не понравились славянофильскія тенденціи Чацкаго, который заявляетъ, что

...Хуже для меня нашъ Сѣверъ во-сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ—
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду, на другую,
По шутовскому образцу, и т. д.

Конечно, цензоръ могъ сообразить и то, что свѣтскія и высокопоставленныя особы могутъ принять на свой счетъ насмѣшки Чацкаго надъ фраками и «смѣшными, бритыми, сѣдыми подбородками».

Впервые на сценѣ появилась комедія лишь 26-го января 1831 года. Большихъ усилій стоило покойному артисту Брянскому поставить ее на петербургскую сцену въ свой бенефисъ. Игралась она по рукописи бенефиціанта, который долженъ былъ заплатить 1000 рублей Булгарину за то только, что тотъ далъ Брянскому хранившуюся у него грибоѣдовскую рукопись для провѣрки. Затѣмъ 25-го февраля того же года піеса была поставлена и на московскую сцену. Замѣчательно при этомъ, что, несмотря на всю строгость театральной цензуры, на сценѣ прошли многія мѣста въ комедіи, которыя выбрасывались въ печати.

Наконецъ въ 1833 году, появилось въ Москвѣ первое изданіе комедіи Грибоѣдова, подписанное цензоромъ Л. Цвѣтаевымъ. Публика, знакомая съ комедіей по многочисленнымъ спискамъ, ходившимъ по всей Россіи и изучившая ее наизусть, почти не узнала ее въ этомъ изданіи. Всѣ мало-мальски рѣзкіе монологи Чацкаго и Фамусова были изъ нея выкинуты. Искаженіямъ отдѣльныхъ стиховъ и урѣзкамъ не было числа. Вотъ для примѣра наиболѣе курьёзныя изъ цензурныхъ измѣненій.

На стр. 46-й вмѣсто:

Онъ вольность вздумалъ проповѣдать».

цензоръ исправилъ:

Вотъ что онъ вздумалъ проповѣдать.

вмѣсто:

Да онъ властей не признаетъ

исправлено:

Онъ ничего не признаетъ

На стр. 49-й

А? Бунтъ? Ну такъ и жду садома!

исправлено:

А? Что? Ну такъ и жду садома!

На стр. 89-й стихъ:

Съ министрами про вашу связь

исправленъ такъ:

Съ иными важными людьми про вашу связь,

потому что всякій даже невинный намекъ на служебное положеніе какого бы то ни было государственнаго соновника считается недозволительнымъ въ драматическихъ произведеніяхъ. Тогда нельзя было надѣвать на сцену дѣйствительныхъ орденовъ а компонировались они изъ подходящихъ матеріаловъ; на эполетахъ не употреблялось даже значковъ. И такъ какъ чины утверждались высочайшимъ указомъ, то стихи:

Вѣдь надобно-жь зависѣть отъ другихъ...
Въ чинахъ мы небольшихъ.

цензоръ замѣнилъ слѣдующими:

Вѣдъ надобно-жь другихъ имѣть въ виду,
Чтобъ не попасть въ бѣду.

На этомъ же основаніи и слова Чацкаго:

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться

были признаны, какъ направленныя къ колебанію довѣрія къ высшей власти.

На стр. 107-й стихъ:

Отъявленный мошенникъ, плутъ,

сокращенъ такъ:

Извѣстный плутъ.

По тогдашнимъ цензурнымъ соображеніямъ казалось неприличнымъ публично въ обществѣ произносить слово *мошенникъ*.

На стр. 111-й вмѣсто

Въ его высочества, хотите вы сказать,
Въ новоземлянскомъ мушкатерскомъ?

напечатано:

То-есть хотите вы сказать:
Въ Новоземлянскомъ мушкатерскомъ?

Это было сдѣлано по тѣмъ соображеніямъ цензуры, что нетолько произношеніе словъ: величество, высочество со сцены, но и появленіе ихъ въ драматическомъ сочиненіи принималось, какъ знакъ неуваженія къ власти предержащей.

На стр. 141 вмѣсто

Но государственное дѣло;

было поправлено:

Литературное есть дѣло.

по тѣмъ, вѣроятно, соображеніямъ, чтобы не возбуждать повода къ воспоминаніямъ о 14 декабря.

По выходѣ изданія журналы и газеты не замедлили встрѣтить комедію Грибоѣдова сочувственными рецензіями, изъ которыхъ особенно выдавалась помѣщенная на страницахъ «Библіотеки для Чтенія», въ I томѣ 1834 года.

«Наконецъ «Горе отъ ума» вышло въ печати!.. говорилось въ этой рецензіи.—Здѣсь не мѣсто разбирать это прекрасное твореніе: сверхъ того, разбирая его, пришлось бы разбирать не сочиненіе умнаго и несчастнаго Грибоѣдова, но пристрастіе $^{9}/_{10}$ частей Россіи къ этому сочиненію, и отвращеніе, обнаруживаемое $^{1}/_{10}$ части. «Горе отъ ума» имѣетъ повсюду столь же пламенныхъ обожателей, какъ враговъ. И самое то обстоятельство, что оно заслужило себѣ пламенныхъ противниковъ, уже неоспоримо доказываетъ высокое его достоинство... Когда книга удостоивается сильной вражды, будьте увѣрены, что она необыкновенная во всѣхъ отношеніяхъ... Кто безусловно поноситъ «Горе отъ ума», тотъ оскорбляетъ вкусъ всего народа и судъ, произнесенный всею Россіею. Это народная книга: нѣтъ русскаго, который бы не зналъ наизусть, по крайней мѣрѣ, десяти стиховъ изъ этой комедіи... «Горе отъ ума» занимаетъ въ нашей словесности, по своему роду и духу, именно то мѣсто, которымъ «Свадьба Фигаро», извѣстная комедія Бомарше, овладѣла во французской. Подобно «Свадьбѣ Фигаро», это комедія политическая: Бомарше и Грибоѣдовъ, съ одинаковыми дарованіями и равною колкостью сатиры, вывели на сцену политическія понятія и привычки обществъ, въ которыхъ они жили, мѣряя гордымъ взглядомъ народную нравственность своихъ отечествъ... Въ этомъ изданіи примѣчаются нѣкоторые маловажные (!) пропуски противъ рукописныхъ экземпляровъ, которыми наводнена Россія: память нынѣшнихъ читателей легко пополнитъ подобныя мѣста при чтеніи».

При всей благосклонности и кажущемся своемъ либерализмѣ, отзывъ этотъ тѣмъ не менѣе былъ въ высшей степени безтактенъ и оказалъ комедіи Грибоѣдова вполнѣ медвѣжью услугу.

Противъ комедіи продолжало негодовать все московское барство, масса чиновниковъ, начиная съ высшихъ и до самыхъ маленькихъ видѣли въ ней приниженіе своего чиновнаго достоинства. И вотъ едва правительство рѣшилось допустить комедію

къ печати, какъ «Библіотека для чтенія» не замедлила обозвать ее *политической* и поставить рядомъ съ «Свадьбой Фигаро» Бомарше. Это побудило цензуру обратить на комедію еще болѣе строгое вниманіе, и въ слѣдующихъ изданіяхъ 40-хъ и 50-хъ годовъ — явилось еще болѣе пропусковъ, передѣлокъ и всякаго рода искаженій [1].

Безцеремонность, съ какою цензура отнеслась къ безсмертной комедіи Грибоѣдова, равно какъ недовольство печатными текстами со всѣми ихъ урѣзками и искаженіями, повели къ тому, что въ половинѣ 30-хъ годовъ появилось изданіе «Горе отъ ума» безцензурное, напечатанное неизвѣстно въ какой типографіи. По нелишонной основанія догадкѣ редакціи «Русской Старины», изданіе это принадлежитъ А. А. Закревскому, впослѣдствіи генералъ-губернатору московскому, который имѣлъ обыкновеніе порою печатать безъ цензуры для себя самого, пользуясь казенною типографіею. Такъ онъ издалъ двѣ тетради приказовъ императора Павла. Но такъ какъ печатаніе производилось по рукописи, писанной, судя по всѣмъ даннымъ, крайне безграматнымъ военнымъ писаремъ, самъ же Закревскій въ свою очередь не отличался граматностью, то можно судить какія искаженія текста встрѣчаются въ этомъ изданіи. Всѣ военные чины и званія начинаются въ изданіи большими буквами, слово «высочайшею» (улыбкой) напечатано вразбивъ, какъ тогда оно употреблялось въ оффиціальныхъ бумагахъ, а въ стихѣ «При государынѣ Екатеринѣ» собственное имя «Екатерина» набрано капителью. Тою же капителью напечатано «его величество король прусскій». Все что относится къ военному быту, въ изданіи напечатано вѣрно; что же требуетъ свѣдѣній, выходившихъ изъ круга военнаго канцеляризма, или искажено, или пропущено. Повсюду выброшены нетолько цѣлыя французскія фразы (А. А. Закревскій французскаго языка не зналъ), но и самыя простыя слова: мсьё, madame, mon cher и т. п. Буквы *ѣ* и *е* употребляются, какъ попало: ну кто придѣтъ, бѣремъ же, гнева, зачемъ, давичѣ, тожѣ, завѣсти и т. п. Окончаніе вторыхъ лицъ глаголовъ ъ и ь употребляются тоже, какъ Богъ на душу положитъ. Списокъ дѣйствующихъ лицъ начинается такъ:

Павѣлъ Афонасьевичъ Фамусовъ (управляющій въ казенномъ мѣстѣ).

Софья Павловна, дочь его.

Лизанька, служанка и пр.

а оканчивается:

---

[1] «Русская Старина», 1874 г., № 7, стр. 589—595.

Петрушка и нѣсколько говорящихъ слугъ.

Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакѣевъ при разъѣздѣ.

Официанты Фамусова.

Изъ наиболѣе курьезныхъ искаженій особенно поражаютъ слѣдующія:

«На весь кварталъ симоропію (вм. симфонію) гремитъ.
Вотъ подпрекать мнѣ станутъ.
Ужастны вѣкъ.
Цвѣтный лугъ я спала (вм. цвѣтистый лугъ... И я искала).
Куроѣздный вистъ (вм. курьезный)
Къ партизанамъ (вм. къ фармазонамъ) и пр.

И къ довершенію всѣхъ курьёзовъ всѣ мѣста, имѣющія хоть малѣйшій намекъ на какую-либо скабрезность, напечатаны курсивомъ [1].

XLII.

Что касается Лермонтова, то первое столкновеніе его съ цензурою было по поводу какой-то піесы, по всей вѣроятности «Маскарада». По крайней мѣрѣ, вотъ что говоритъ объ этомъ А. Н. Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Пришло ему на мысль писать комедію, въ родѣ «Горе отъ ума», рѣзкую картину на современные нравы, хотя и далеко не въ уровень съ безсмертнымъ твореніемъ Грибоѣдова. Лермонтову хотѣлось видѣть ее на сценѣ, но строгая цензура III-го отдѣленія не могла ее пропустить. Авторъ съ негодованіемъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить начальника сего отдѣленія, моего двоюроднаго брата Мордвинова, быть снисходительнымъ къ его творенію; но Мордвиновъ оставался неумолимъ; даже цензура получила неблагопріятное мнѣніе о заносчивомъ писателѣ, что̀ ему вскорѣ отозвалось непріятнымъ образомъ» [2].

Вскорѣ послѣ того, Лермонтову пришлось сдѣлаться героемъ дня во время пушкинской катастрофы. Раздѣляя негодованіе всей Россіи по поводу смерти великаго поэта, Лермонтовъ, какъ извѣстно, написалъ стихотвореніе, которое быстро разошлось въ тысячахъ спискахъ по Петербургу. Но первоначально стихотвореніе это оканчивалось стихами

Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать.

и не имѣло въ глазахъ начальства никакого криминальнаго ха-

---

[1] «Русская Старина», 1874 г., № 7, стр. 595—599.

[2] «Знакомство съ русскими поэтами», Кіевъ, 1871 г., стр. 21.

рактера. По крайней мѣрѣ, и гр. Бенкендорфъ, и Мордвиновъ читали его и ничего преступнаго въ немъ не находили. Но Лермонтовъ не могъ ограничиться этимъ стихотвореніемъ. Вращаясь въ высшемъ обществѣ, которое въ это время раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи, приверженцовъ Пушкина и Д'Антеса, Лермонтовъ наслушался массу толковъ всякаго рода, и толки эти глубоко возмущали его. Въ этомъ настроеніи онъ встрѣтился съ однимъ своимъ родственникомъ Н. А. С-мъ, свѣтскимъ человѣкомъ высшаго круга. Въ разговорѣ съ Лермонтовымъ тотъ сталъ защищать Д'Антеса; они горячо поспорили, и взволнованный Лермонтовъ тутъ же набросалъ шестнадцать заключительныхъ строкъ своего стихотворенія, которыя измѣнили характеръ всего произведенія, обратя его изъ грустной элегіи въ бичующую сатиру, исполненную грознаго непримиримаго негодованія. Стихи эти не замедлили распространиться въ свою очередь въ публикѣ, присоединясь къ предыдущимъ, и не замедлили обратить вниманіе начальства, которое взглянуло на произведеніе Лермонтова теперь уже совсѣмъ другими глазами.

Существуетъ нѣсколько разсказовъ о томъ, какъ возникло дѣло о стихахъ Лермонтова и о его арестѣ. По одному изъ разсказовъ заключительные стихи озлобили противъ Лермонтова всѣхъ приверженцевъ Д'Антеса, которые узнали себя въ этихъ стихахъ, и гр. Бенкендорфъ, когда въ обществѣ ему заговорила о нихъ одна озлобленная старуха-сплетница изъ высшаго круга, счелъ нужнымъ доложить о нихъ императору.

Но изъ подлиннаго дѣла видно [1], что стихи попали какимъ-то образомъ, вѣроятно, черезъ нѣкоего знакомаго чиновника 12-го класса, Раевскаго, въ руки Клейнмихеля, а тотъ препроводилъ ихъ къ начальству Лермонтова, въ лицѣ командующаго отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ, генералъ-адъютанта Бистрома. Послѣдній же отправилъ ихъ при рапортѣ гр. Бенкендорфу.

Гр. Бенкендорфъ тотчасъ же сдѣлалъ докладъ, вслѣдствіе котораго было поручено начальнику гвардейскаго штаба Веймарну произвести обыскъ у Лермонтова, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стоялъ лейбъ-гусарскій полкъ; но въ Царскомъ Селѣ Лермонтова не оказалось, потому что онъ жилъ обыкновенно въ Петербургѣ. Наконецъ, онъ былъ арестованъ и бумаги его задержаны.

По другимъ же разсказамъ, ареста на этотъ разъ не было, а Лермонтову было только велѣно жить, впредь до повелѣнія, въ Царскомъ селѣ, занимаясь службой, а не «сумасбродными стихами».

---

[1] «Русская Старина», 1880 г., № 7. стр. 534.

Наконецъ, 25 февраля 1837 года, было получено гр. Бенкендорфомъ слѣдующее отношеніе отъ военнаго министра гр. Чернышева:

«Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: лейбъ-гвардіи гусарскаго полка корнета Лермонтова, за сочиненіе извѣстныхъ вашему сіятельству стиховъ, перевесть тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а губернскаго секретаря Раевскаго, за распространеніе сихъ стиховъ, и въ особенности за намѣреніе тайно доставить свѣдѣніе корнету Лермонтову о сдѣланномъ имъ показаніи, выдержать подъ арестомъ въ теченіи одного мѣсяца, а потомъ отправить въ Олонецкую губернію, для употребленія на службу, по усмотрѣнію тамошняго гражданскаго губернатора» [1].

Полкъ, въ который былъ переведенъ Лермонтовъ, находился на Кавказѣ. Лермонтову позволено было пробыть еще нѣсколько времени въ Петербургѣ, откуда онъ выѣхалъ около пасхи.

«Ссылка Лермонтова на Кавказъ, по словамъ А. Н. Муравьева, надѣлала много шума; на него смотрѣли, какъ на жертву, и это быстро возвысило его поэтическую славу. Съ жадностью читали его стихи съ Кавказа, который послужилъ для него источникомъ вдохновенія».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ глазахъ начальства онъ пріобрѣлъ репутацію безпокойнаго и неблагонамѣреннаго человѣка, и въ первое время пребыванія его на Кавказѣ имя его было опальнымъ даже до нецензурности. Такъ, первымъ произведеніемъ, присланнымъ имъ съ Кавказа, въ томъ же 1837 году, была «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ». Лермонтовъ прислалъ ее г. Краевскому для помѣщенія въ «Литературныя Прибавленія». Когда оно отправлено было обыкновеннымъ путемъ къ цензору изданія, послѣдній нашелъ совершенно невозможнымъ дѣломъ напечатать стихотвореніе человѣка, только что сосланнаго на Кавказъ за свой либерализмъ. Издатель «Прибавленій» выручилъ стихотвореніе только тѣмъ, что обратился къ Жуковскому, который былъ въ великомъ восторгѣ отъ стихотворенія Лермонтова, находилъ, что его непремѣнно надо напечатать и далъ г. Краевскому письмо къ министру народнаго просвѣщенія. Уваровъ нашелъ, что цензоръ правъ въ своихъ опасеніяхъ, но разрѣшилъ печатаніе на своей отвѣтственности, не позволивъ, однако, ставить имени Лермонтова, вмѣсто котораго было подписано лишь «—въ» [2].

Когда Лермонтовъ былъ убитъ на дуэли съ Мартыновымъ, въ

---

[1] Ibid., стр. 535.

[2] Сочиненія Лермонтова, изд. Глазунова 1873 г., статья г. Пыпина «Лермонтовъ», стр. LII.

Пятигорскѣ въ миніатюрѣ разыгралось тоже самое, что происходило по смерти Пушкина. Когда въ день дуэли позднимъ вечеромъ привезли тѣло Лермонтова на квартиру, домъ и дворъ переполнился народомъ; все, что называлось въ Пятигорскѣ обществомъ, перебывало здѣсь въ теченіи трехъ дней. Городъ раздѣлился на двѣ партіи: одна защищала Мартынова, другая—болѣе многочисленная, оправдывала Лермонтова. Было слышно даже нѣсколько такихъ озлобленныхъ голосовъ противъ Мартынова, что не будь онъ арестованъ, ему грозила бы опасность. Въ тоже время враги Лермонтова, въ лицѣ нѣсколькихъ вліятельныхъ людей, находившихся въ то время въ Пятигорскѣ и не любившихъ Лермонтова за злой языкъ, внушали, что убитый на дуэли тотъ же самоубійца и что едва ли высшее начальство взглянетъ благопріятно на похороны такого человѣка. Вслѣдствіе этихъ внушеній, пятигорское духовенство затруднялось относительно погребенія Лермонтова, и только настоянія друзей Лермонтова сдѣлали то, что надъ нимъ совершенъ былъ обрядъ.

Ни о дуэли, ни о какихъ подробностяхъ смерти и похоронъ Лермонтова, конечно, не было и помину въ прессѣ того времени. Лишь въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», въ № 63, 1841 г. было помѣщено слѣдующее краткое извѣстіе изъ Пятигорска:

«15 іюля, около 5 часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ; въ это самое время, между горами Мамукою и Бештау, скончался лечившійся въ Пятигорскѣ, М. Ю. Лермонтовъ...»

Надолго послѣ смерти, лѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіи пятнадцати, на Лермонтовѣ продолжала лежать репутація опальнаго человѣка, и біографія его была невозможна въ печати... [1]

А. Скабичевскій.

---

[1] Ibid., стр, LXII—LXIV.

ПРИЗЫВЪ.

Я звалъ тебя въ тѣ дни счастливыхъ дѣтскихъ грезъ,
Чарующихъ надеждъ и свѣтлыхъ упованій,
Когда мои глаза еще не знали слезъ,
Душа еще не вѣдала страданій.
И ты явилась мнѣ въ сіяньи золотомъ,
Въ вѣнкѣ изъ алыхъ розъ, въ одеждѣ серебристой—
Вечерней звѣздочкой на небѣ голубомъ,
Голубкою невинною и чистой;
И говорила мнѣ ты, весело смѣясь:
«—Смотри, какъ чуденъ лѣсъ, какъ тихо дремлютъ низы,
Какъ съ вѣтеркомъ по ихъ изгибамъ, золотясь,
Бѣгутъ огней вечернихъ переливы...
Смотри—и плескъ ручья, и эхо дальнихъ горъ,
И кроткій лучъ звѣзды, и розъ благоуханье—
Какъ-бы сливается въ одинъ волшебный хоръ
Лучей и звуковъ, красокъ и дыханья...
Смотри, какъ тихо все и ясно вкругъ тебя,
Въ гармоніи живой, въ согласномъ, стройномъ клирѣ...
Ты посланъ въ этотъ міръ прекрасный, чтобъ, любя,
Учить любви живущихъ въ этомъ мірѣ...»
Ты лиру мнѣ дала... Съ отвагою живой
По трепетнымъ струнамъ персты зашевелились—
И струны грянули, и звонкою струей
Чарующіе звуки покатились...

Я звалъ тебя, когда въ груди моей впервой
Проснулись бурные порывы и стремленья,
Нахлынулъ мрачныхъ думъ и чувствъ зловѣщихъ рой—
И шевельнулись первыя сомнѣнья...
И ты явилась мнѣ—спокойна, но блѣдна;
Двѣ капли слезъ въ очахъ задумчивыхъ застыли;
Какой-то кроткій блескъ, святая тишина
По всѣмъ твоимъ чертамъ разлиты были...
И, голову свою склонивъ къ моей груди,
Ты говорила мнѣ, съ любовью утѣшая:
«—Чтобъ свѣтелъ былъ твой путь, ты вѣруй и люби,
Другихъ любви и вѣрѣ поучая...»
И жадно я душой ловилъ слова твои...
И новая струна на лирѣ появилась —
И зазвучала пѣснь о вѣрѣ и любви,
И сила въ ней могучая таилась...

Я звалъ тебя, когда, въ рядахъ святыхъ бойцовъ
За правду и любовь поднявъ святое знамя,
Я сталъ изнемогать подъ натискомъ враговъ—
Когда кругомъ губительное пламя,
Клокоча и шипя, сжигало все, что мнѣ
О правдѣ, о любви, о счастьи говорило...
И ты явилась мнѣ, святая—вся въ огнѣ...
Невинное чело обвито было
Вѣнкомъ изъ терній... Кровь струилась по щекамъ...
Но искрилась въ очахъ таинственная сила...
И, долгій, скорбный взоръ поднявши къ небесамъ,
Ты съ грустью затаенной говорила:
«—Ты видишь эту кровь?... О, будь-же, какъ и я,
Неустрашимъ, будь чуждъ холодному сомнѣнью
И, вѣруя, любя, страдая и терпя,
Учи другихъ страданью и терпѣнью!...»
И въ хорѣ вѣщихъ струнъ еще одной струны
Раздался звукъ—глухой, протяжный и печальный,
Какъ темной ночью плескъ объятой сномъ волны,
Какъ стонъ послѣдній въ пѣснѣ погребальной...

Съ тѣхъ поръ минули дни и годы протекли —
И все, что въ глубинѣ души моей смирялось
Волшебной силою надежды и любви
Терпѣніемъ упорнымъ подавлялось —
Все это поднялось со дна души больной
Угрюмымъ облакомъ, грозою закипая...
И я теперь опять зову тебя съ тоской,
Въ отчаяньи молясь и проклиная!
Явись, явись ко мнѣ!... Не стало больше силъ...
Неволя и вражда все сердце истерзали!...
Я вѣренъ былъ тебѣ: я искренно любилъ,
Но на любовь мнѣ смѣхомъ отвѣчали!
Я вѣрилъ—но кругомъ такъ тьма была густа...
Все чистое и все святое погибало...
И изъ груди змѣей холодной на уста
Невольное проклятье выползало!...
Въ тоскѣ тяжелой, я всѣ струны перебралъ
На лирѣ золотой, врученной мнѣ тобою—
И за струной струна рвалась, и замиралъ
Послѣдній звукъ подъ трепетной рукою...

Явись-же мнѣ теперь!—Съ словами-ли любви,
Въ терновомъ-ли вѣнцѣ, мечомъ-ли потрясая...
Явись и научи, какимъ путемъ идти...
Явись, явись, великая, святая!...

С. Фругъ.

КАТРЯ.

Очеркъ изъ жизни украинскихъ помѣщиковъ.

I.

Поѣздъ остановился на пять минутъ. Станція—Блискавки. Пассажировъ мало, никто изъ-далека не ѣдетъ. Эта вѣтвь желѣзной дороги проведена сюда, чтобъ вывозить хлѣбъ, да и то зимою, а не лѣтомъ. Лѣтомъ ходятъ поѣзда больше для виду. Кондукторы вѣжливо пробѣгаютъ по пустымъ вагонамъ, и хорошо, если въ вагонѣ найдется два-три человѣка. Это всегда лица знакомыя, давнымъ-давно примелькавшіяся кондукторамъ; еврей, помѣщикъ, попъ, богатый казакъ, гимназистъ, гимназистка. А можетъ быть, они ихъ и по фамиліямъ знаютъ, потому что въ захолустьяхъ этого нельзя не знать; захолустья кладутъ свою печать даже на желѣзную дорогу. Въ Блискавкахъ начальникъ станціи всегда сидитъ на балкончикѣ, въ рубашкѣ, красный, сквернословящій, и «дуется» въ карты. Иногда изъ вагона становой или кто-нибудь перекинется съ нимъ пріятельскимъ словомъ. Еслибы въ числѣ пассажировъ былъ при этомъ посторонній человѣкъ, *пріѣзжій*, какъ выражаются здѣсь кондуктора, то его поразило бы, что у начальника станціи голосъ не то хриплый, не то звонкій, напоминающій тромбонъ. Но ужъ изъ мѣстныхъ пассажировъ никто не удивляется ни голосу начальника станціи, ни его безцеремонности. Другая захолустная черта: вмѣсто пяти минутъ, положенныхъ по росписанію, поѣзда въ Блискавкахъ простаиваютъ нерѣдко полчаса и часъ. Тоже никого это не удивляетъ и всѣ знаютъ, что желѣзнодорожныя власти поджидаютъ пассажировъ изъ ближайшихъ деревень. Дорога эта маленькая, всего сорокъ-семь верстъ, пять сажень и три вершка съ осьмою, и надо же компаніи получать что-нибудь съ нея въ лѣтніе мѣсяцы.

Такимъ образомъ, и въ этотъ разъ поѣздъ, остановившійся на

пять минутъ, растянулъ этотъ срокъ почти на часъ, и пассажиры, какъ ни великодушно относились къ интересамъ компаніи, стали роптать.

Но оберъ-кондукторъ началъ «усовѣщивать» пассажировъ, т. е. увѣрять ихъ, что поѣздъ сейчасъ тронется. Черезъ десять минутъ онъ объявилъ, что поѣздъ тронется сію-секунду; черезъ пять минутъ — что поѣздъ уже трогается. Наконецъ, раздался сигнальный свистокъ, но поѣздъ не трогался.

Тѣмъ временемъ по проселочной дорогѣ, усаженной роскошными каролинскими тополями и ровной, какъ доска, катила коляска и серебрянныя гайки ея колесъ издали сверкали на солнцѣ, а пыль бѣлымъ облакомъ стлалась за нею. Начальникъ станціи, сидя на балкончикѣ противъ блѣднаго, проигравшагося офицера, сейчасъ же узналъ, чей это экипажъ и, распечатавъ новую колоду картъ, крикнулъ на платформу помощнику:

— Графъ Парпура!

Имя это произвело на пассажировъ самое успокоивающее впечатлѣніе: стало ясно, почему такъ долго стоитъ поѣздъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, явилась незыблемая увѣренность, что теперь стоять ужь, дѣйствительно, недолго.

Графъ Парпура выскочилъ изъ коляски легко, причемъ широкія поля его панамы всколыхнулись; проведя платкомъ по чернымъ висячимъ усамъ, онъ снисходительно отвѣтилъ на поклоны помощника и кондукторовъ и сѣлъ въ вагонъ перваго класса. Станція, съ рѣзными коньками, съ игрушечнымъ балкончикомъ, съ ландышеобразными стаканчиками телеграфныхъ столбовъ, съ платформами, стала уплывать отъ пассажировъ; машина начала пыхтѣть скорѣе и скорѣе и, наконецъ, побѣжали по обѣимъ сторонамъ зеленые луга̀, озера, хутора, деревья, залитые жгучимъ солнцемъ, и мѣрно застучали колеса вагоновъ.

Сидя въ бархатномъ купе, графъ сохранялъ нѣкоторое время то особое выраженіе—отчасти тупое, отчасти горделивое—которое свойственно богатымъ людямъ, не расходующимъ умственной энергіи на мелкія житейскія заботы. Онъ былъ здоровъ, не старъ, душа его ничѣмъ не волновалась. Онъ не служилъ; ни чиновникъ, ни земецъ, онъ просто баринъ...

Было жарко. Графъ снялъ панаму и въ черныхъ волосахъ его можно было бы замѣтить сѣдину. Глаза у него были еще молодые, темные, съ влажнымъ блескомъ; но вокругъ глазъ уже легли коричневыя легкія кольца приближающейся старости. Носъ былъ прямой, толстоватый, а крупный подбородокъ вельможно двоился. Невысокая шея уходила въ богатырскія плечи, хоть ростомъ графъ и не былъ богатырь. Большія руки были зата-

нуты въ свѣжія перчатки. На немъ не было золота; вмѣсто цѣпочки вилась по лѣтнему полотняному жилету тесемка, запонки были костяныя и только бѣлье было дорогое.

Онъ смотрѣлъ въ окно, стекло было опущено и вѣтеръ, всегда сопровождающій поѣздъ, дулъ ему въ лицо. Рожь и пшеница въ этомъ году замѣчательныя. Но когда онѣ бываютъ плохія? Въ ихъ благодатныхъ мѣстахъ неурожаи невозможная вещь; развѣ ужь градъ выбьетъ! Земля удобренія не требуетъ. Мужикъ богатъ. Его грабятъ евреи, становой, попъ, а онъ все богатѣетъ и во всякомъ случаѣ съ голоду не умираетъ. Да и паны здѣсь не бѣдный народъ, думаетъ графъ, примѣчая на горизонтѣ усадьбы мѣстныхъ помѣщиковъ, неизбѣжно украшенныя пирамидальными тополями. У каждаго домъ—полная чаша, какъ въ старое доброе время; въ глуши, гдѣ жизнь дешева, проживаютъ по десяти и по двадцати тысячъ...

Онъ вынулъ сигару, толстую гаванскую сигару, съ золотымъ вензелемъ и сталъ курить.

Въ сосѣднемъ купе послышался вздохъ.

Странный это былъ вздохъ. Парпура чуть-чуть нахмурилъ брови, и когда вздохъ повторился, почувствовалъ тревогу. Онъ не могъ дать себѣ отчета, почему производитъ на него такое дѣйствіе этотъ вздохъ. Онъ невольно сталъ прислушиваться и различилъ шорохъ женскаго платья, а затѣмъ вдругъ палисандровая дверца отворилась и въ купе вошла хорошенькая барышня, худенькая, бѣлокурая, въ странномъ, полу-украинскомъ, полу-русскомъ нарядѣ. Въ длинной золотистой косѣ пестрѣли разноцвѣтныя ленты, на груди, расшитой тончайшими узорами, былъ букетъ цвѣтовъ, а на шеѣ, вмѣсто бусъ, бархатная лента съ брильянтовымъ крестикомъ. Эта лента выдѣляла молочную бѣлизну кожи. Лицо неправильное. Сѣро-голубые глаза нѣсколько далеко разставлены; темныя красивыя брови; прямой носъ, тупой на концѣ; примѣтный пушокъ надъ верхней губой капризнаго очаровательнаго рта; на щекѣ родинка. Она улыбнулась, когда вошла; можно было подумать: «Довольно развязная молодая особа». Но вопросительный взглядъ Парпуры смутилъ ее; дѣвушка покраснѣла и сдѣлала суровые глаза.

— Прошу васъ, графъ, сказала она, вынимая папироску:— нѣтъ ли...

Графъ догадался чего ей надо, и молча протянулъ спички, съ любезнымъ жестомъ.

Она стала нервно зажигать папиросу. Наконецъ, зажгла, сильно затянулась, поперхнулась дымомъ и, возвращая спичечницу, сказала, не глядя на графа:

— Благодарю.

Уходя, она вдругъ вырвала изъ своего букета розу. Потомъ бросила ее на пустое кресло и, нахмурившись, торопливо произнесла:

— Если понравится — возьмите; я не хочу быть въ долгу у васъ.

Графъ улыбнулся и взялъ розу.

Такъ это она такъ вздыхала? Можно было подумать, что вздыхаетъ больной, совсѣмъ больной ребенокъ, а между тѣмъ, на больную эта дѣвушка не похожа. Должно быть капризна и нетерпѣлива. Она вздыхала просто отъ нетерпѣнія, рѣшилъ графъ и понюхалъ розу.

Она меня, конечно, знаетъ, думалъ онъ затѣмъ—кто не знаетъ графа Парпуру?—но онъ видитъ ее въ первый разъ. Онъ не встрѣчалъ ее раньше. Графъ долженъ былъ признаться, что еслибы онъ встрѣтилъ ее раньше хоть разъ, то не забылъ бы...

Тутъ онъ снова понюхалъ розу и, заткнувъ ее въ петличку пиджака, продолжалъ курить и глядѣть изъ окна на убѣгающіе пейзажи.

Мѣстность степная, но когда-то здѣсь протекали рѣки и отъ нихъ остались глубокія русла, въ видѣ безконечныхъ яровъ, поросшихъ липовыми и орѣховыми лѣсами. На днѣ блестятъ тамъ и сямъ продолговатыя озера. Вдругъ вынырнетъ вишневый садикъ, хуторокъ, бѣлѣющій на солнцѣ. Или громадный дубъ стоитъ и точно хмурится на поѣздъ. Курганы вырѣзываются на горизонтѣ темными буграми. По зеленѣющему склону спускается молодая козачка въ пестромъ вѣнкѣ. Увидѣвъ поѣздъ, она останавливается и долго смотритъ, приложивъ руку къ глазамъ. Стада неподвижно пасутся. Потянулись каролинскіе тополя. Графъ начинаетъ узнавать свои владѣнія. Они разсѣяны по всему уѣзду и отличительный признакъ ихъ — необыкновенная благоустроенность проселковъ.

Свистокъ раздается. Тутъ новая станція—Парпуровка. Поѣздъ остановился и графъ вышелъ изъ вагона. Лакей приблизился къ нему и объявилъ, что лошади ждутъ. Вышла изъ вагона и та дѣвушка. Графъ былъ убѣжденъ, что всѣ мѣстныя барышни мечтаютъ о немъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, не дурно выйти за барина, у котораго двѣсти тысячъ чистаго дохода. Ко всякимъ знакомствамъ онъ относился, вслѣдствіе этого, подозрительно. Но, съ другой стороны, въ качествѣ настоящаго барина, онъ и не пренебрегалъ знакомствами, ибо какое знакомство можетъ уронить его, графа Парпуру? Только выскочки, чиновные семинаристы высокомѣрны, а Парпура простъ. Онъ слегка поклонился

барышнѣ и молча указалъ на розу. Дѣвушка зардѣлась, и, неизвѣстно почему, Парпура самъ покраснѣлъ. Выйдя на крыльцо, онъ замѣтилъ, что, кромѣ его экипажа, нѣтъ другого. Тогда онъ послалъ лакея на платформу къ незнакомой дѣвушкѣ съ предложеніемъ воспользоваться его экипажемъ. Но она отказалась. Бичъ захлопалъ, графъ откинулся на подушки и коляска покатила.

На перекресткѣ, тамъ, гдѣ аллея каролинскихъ тополей перерѣзывается обыкновенною проселочною дорогою, кривою и безъ посадокъ, графъ увидѣлъ дворянина Тычину, сухого и длиннаго, скорчившагося въ двухколесномъ экипажѣ и усердно погоняющаго бѣлую громадную лошадь, очевидно, не привыкшую ходить въ упряжкѣ. На Тычинѣ была военная расшлепанная фуражка, и маленькое черное лицо его, вооруженное свирѣпыми усами, пылало гнѣвомъ. Графъ подумалъ: «Ужь не за той ли онъ барышней? Можетъ быть—его родственница?» И, обернувшись, нѣкоторое время съ улыбкой смотрѣлъ на Тычину и его гарцующаго коня, пока пыль не скрыла ихъ изъ виду. Послѣ чего, Парпура закурилъ новую сигару и пересталъ думать о хорошенькой незнакомкѣ.

II.

— Ну, Катря, садись! сказалъ Тычина, не выпуская ременныхъ возжей, которыя туго были намотаны на его длинную жилистую руку. — Прыгай скорѣе, а то мухи не даютъ покоя *Полковнику*! Онъ меня чуть не разнесъ... Такая скотина, убей его нечистая сила!

Дѣвушка пожала плечами.

— *Бѣда?* Ты всегда выдумаешь невозможный экипажъ... Кто просилъ тебя выѣзжать въ *бѣдп?* Еще и Полковника запрегъ! Вотъ такъ умный человѣкъ!

Тычина, пока говорила дѣвушка, стоялъ возлѣ лошади и смотрѣлъ изъ-подъ козырька вдаль. Онъ былъ прямъ, какъ палка. Коротчайшій пиджакъ открывалъ неимовѣрно длинныя, тонкія ноги. Шея у него тоже была длинная, съ некрасивымъ костлявымъ кадыкомъ, который принято называть адамовымъ яблокомъ. Волосы были черные и лежали на подобіе крыльевъ вòрона, а на загорѣломъ личикѣ, въ глубокихъ впадинахъ, мрачно блестѣли темные глаза.

— Садись, Катря, сказалъ онъ съ угрозой:—не то самъ уѣду

и ты останешься одна тутъ... Намучился я съ Полковникомъ, не зли хоть ты меня!

— Не сяду я! сказала Катря рѣшительно.

Всегда выходило такъ, что какъ только онъ возвыситъ голосъ, Катря начинаетъ упрямиться. Попроси онъ ласково, она, пожалуй, сѣла бы и поѣхала. Но она не выносила угрожающаго тона. Она нервно прошлась по крыльцу, стуча каблучками и губы ея были сердито сжаты.

Съ другой стороны, не разсердись Катря, Тычина самъ пришелъ бы къ убѣжденію, что *бѣда* въ данномъ случаѣ совершенно неподходящій экипажъ. Но теперь онъ былъ противнаго мнѣнія. Катря черезчуръ разнѣжилась и надо ее проучить. Было время, когда она и пѣшкомъ «трепала», а теперь не можетъ иначе, какъ въ коляскѣ или первомъ классѣ. Скажите, какая барыня! Онъ поблѣднѣлъ, скрипнулъ зубами и, прыгнувъ въ *бѣду*, сталъ поворачивать лошадь, чтобъ ѣхать назадъ.

— Оставайся же тутъ, сказалъ онъ гнѣвно:—и пускай выѣзжаетъ за тобою кто хочетъ, а я тебѣ не слуга!

Красивые глаза Катры потемнѣли.

— Не слуга? спросила она. — Ну, и пошелъ прочь! Поѣзжай одинъ! Дура я, что не послушалась графа... Да все равно, мое отъ меня не уйдетъ... Поѣзжай!

Она улыбнулась блѣдной улыбкой. Она была того мнѣнія, что покинуть ее нельзя. Она вѣрила въ обаяніе своей красоты. Другое дѣло, если она сама покинетъ. Какая-то неопредѣленная мысль о Парпурѣ служила ей точкой опоры въ этой размолвкѣ. И съ холоднымъ негодованіемъ она смотрѣла вслѣдъ удаляющемуся Тычинѣ. Но та же мысль о графѣ осѣнила и его. Онъ круто повернулъ коня и, какъ сумасшедшій, полетѣлъ назадъ къ станціи.

— Катря, садись, прошу тебя! сказалъ онъ ласково.

Она хотѣла возразить что-нибудь жосткое, чтобъ унизить Тычину и заставить его подольше попросить, но встрѣтила безмолвный, насмѣшливый взглядъ бабы, стоявшей все время на дворѣ, и торопливо сѣла въ *бѣду*; конь взвился на дыбы, потомъ загалопировалъ и, наконецъ, пошелъ рысью, покорствуя желѣзной рукѣ возницы.

Минутъ черезъ двадцать, они начали спускаться въ глубокій яръ. Надъ ними висѣли причудливыя массы красной и желтой глины, поросшія орѣшникомъ и сорными травами. Небо ярко синѣло. На озерѣ былъ островъ, сообщающійся съ берегомъ посредствомъ плотины. Издали видъ былъ красивый. Но когда *бѣда* запрыгала по плотинѣ, осѣненной старыми вербами, Катря

стала что-то проклинать. Ругнулся и Тычина. Колеса вязли въ грязи.

— Я, знаешь, встану, сказалъ Тычина.—Этакъ Полковника можно зарѣзать.

Дѣвушка вопросительно посмотрѣла на него. Ей стало жаль, что онъ полѣзетъ въ грязь.

— Сиди, сказала она кратко.

Тычина взялъ ее за руку и поцѣловалъ, а она слегка ударила зонтикомъ Полковника.

Такимъ образомъ они помирились. Тычина не понималъ, какъ у него могла явиться мысль обидѣть Катрю, и дивился своему вздорному характеру. Катря сердилась на себя, что упомянула о графѣ.

Между тѣмъ, Полковникъ дотащилъ ихъ благополучно до воротъ усадьбы, и они въѣхали въ громадный дворъ.

III.

Темная зелень пирамидальныхъ тополей гармонично вырѣзывалась на синевѣ небесъ, и черная соломенная крыша составляла рѣзкую противоположность съ безукоризненно бѣлыми стѣнами большого приземистаго дома о двухъ крыльцахъ, увитыхъ дикимъ виноградомъ. По ту сторону дома былъ садъ. Множество собакъ, поджарыхъ борзыхъ, шелковистыхъ сетеровъ и толстоногихъ гончихъ, встрѣтило молодыхъ людей радостнымъ лаемъ. Мужикъ вышелъ, лѣниво почесываясь, и принялъ лошадь. Катря съ удовольствіемъ подумала, что она дома, и побѣжала на свою половину.

Въ комнатахъ было жарко. Рои мухъ жужжали въ тепломъ воздухѣ. Серебряная лампадка казалась черной—такъ она была засижена ими. Убранство было старосвѣтское. Гравюры въ палисандровыхъ плоскихъ рамахъ, четырехногое фортепьяно, краснаго дерева мебель съ вогнутыми прямыми спинками, большое зеркало въ позолоченой рамѣ. Въ гостиной стояла, впрочемъ, дюжина современныхъ креселъ, и у многихъ изъ нихъ уже выпадали ножки. Кабинетъ Тычины можно было скорѣе назвать птичникомъ. Отъ потолка до полу были протянуты по угламъ сѣти, и за ними бились и чирикали всевозможныя пташки, наполняя комнату запахомъ перьевъ. Стѣны были увѣшаны арапниками, простыми и скорострѣльными ружьями, пороховницами и дробницами. Неизвѣстно, что писалъ дворянинъ Тычина и

вообще писалъ ли когда-нибудь; но на его письменномъ столѣ красовалась массивная бронзовая чернильница съ крышкой, изображающей горящій факелъ. Мухи не успѣли еще засидѣть бронзу. И сіяющая вещь эта вызывала чувство гордости въ ея обладателѣ. Надъ письменнымъ столомъ висѣла полка съ книгами по сельскому хозяйству и охотѣ. Эти книги были тоже предметомъ гордости Тычины. Потому что, благодаря имъ, онъ былъ первымъ хозяиномъ и первымъ охотникомъ во всемъ уѣздѣ.

Еще не такъ давно у него было шестьсотъ десятинъ превосходнѣйшей земли. Онъ отдавалъ ее въ аренду мужикамъ и получалъ аккуратно до четырехъ тысячъ въ годъ. Тогда онъ разъѣзжалъ по окрестнымъ ярмаркамъ, слушалъ цыганъ, покупалъ лошадей, собакъ. Но теперь имѣніе его заключается всего въ ста семидесяти трехъ десятинахъ и по ярмаркамъ онъ не разъѣзжаетъ. За то онъ въ аренду земли не отдаетъ, у него своя запашка и онъ надѣется, въ скоромъ времени, получать тѣ же четыре тысячи съ имѣнія, если не больше. Какъ—это его тайна.

На половинѣ Катри гораздо роскошнѣе, чѣмъ на половинѣ ея сожителя. Катря любитъ дорогія вещи. Полы и стѣны въ персидскихъ коврахъ, за которые было заплачено въ Кіевѣ на контрактахъ тысячу семьсотъ рублей. Тамъ же былъ купленъ комодикъ съ аляповатой бронзой и мраморной доской за триста рублей. На окнахъ филейныя гардины на шолковой розовой подкладкѣ. Стулья модные, съ позолотой, съ атласными голубыми сидѣньями. Въ углу гипсовая статуя Венеры, на которую, послѣ нѣкотораго колебанія, Катря надѣла искусно вырѣзанную изъ папиросной бумаги тунику. Очень много цвѣтовъ—пальмъ, кактусовъ. Они прекрасно ростутъ. Надъ узенькой постелью, одѣяло которой и подушки расшиты узорами, висятъ фотографическія карточки въ бронзовыхъ рамкахъ. Все это, вмѣстѣ съ серебрянымъ рукомойникомъ, занимающимъ почетное мѣсто, небомъ, виднѣющимся изъ окна, и зеленью сада, отражается въ большомъ орѣховомъ трюмо.

Теперь въ этомъ трюмо отражается и сама Катря. Она полулежитъ на гнутой качалкѣ. Она ждетъ, пока можно будетъ умыться. Она никогда не пропускаетъ случая найти себя хорошенькой. Она смотритъ на свои плечи, тонкую шею, бѣлое лицо съ румянымъ загаромъ, съ алымъ ртомъ, золотую косу, по которой пробѣгаютъ ея длинные красивые пальчики, и жалѣетъ о томъ времени, когда была еще лучше. Три года назадъ ей было шестнадцать лѣтъ, и она была не такая. Глупо она сдѣлала, что полюбила Тычину. Конечно, она любитъ его и теперь;

но теперь не случилось бы *того*. Ее сокрушаетъ мысль, что она тогда не сдержала себя. Она жила беззаботно въ пансіонѣ мадамъ Туранской и, несмотря на круглое сиротство, могла бы выйти замужъ. Выйти замужъ лучше, чѣмъ жить *такъ*—съ женатымъ...

Катря вздохнула и заложила руки подъ голову. Башмачекъ нервно билъ по полу и все ея тонкое тѣло качалось взадъ и впередъ.

Она подумала, что любитъ Тычину какою-то странною любовью. Эта любовь похожа на жалость. Онъ кажется ей ограниченнымъ человѣкомъ, но вѣдь любить дурака никогда не было ея идеаломъ...

И опять ея башмачокъ бьетъ по полу, а брови нахмурились. Душистый вѣтеръ дуетъ на нее изъ открытаго окна, и голова пріятно кружится.

Умывшись, она опять упала на качалку и стала курить. И когда синій дымокъ потянуло къ окну, неопредѣленная мысль о графѣ снова зашевелилась въ ея умѣ.

И ей захотѣлось убѣдиться, достаточно ли она красива. Она долго и пристально смотрѣла на себя въ зеркало.

Вдругъ она замѣтила, что глаза у ней холодные, тусклые, почти злые; такихъ глазъ у ней никогда не бывало прежде; точно какая-то другая женщина смотритъ изъ нея.

Ей стало стыдно, она отвернулась. Она вспомнила, какъ любитъ ее Тычина, какой онъ щедрый. Онъ для нея продалъ имѣніе, а много ли осталось изъ вырученныхъ денегъ? Развѣ Катря не соритъ деньгами? Вотъ и сегодня поѣхала въ городъ и истратила на пустяки сто рублей, потому что ей все надо купить — и черные шолковые чулки, и золотыя туфельки, и отвратительную серебряную брошку съ надписью «Екатерина», и шкатулку съ духами... И на чай она меньше рубля не даетъ...

Она сидѣла, съ пылающимъ лицомъ, закрывъ глаза рукой, и шептала:

— Володя! прости меня!

А когда раздался стукъ въ двери—характерный, отрывистый стукъ — и вошелъ Тычина, добродушный и милый, съ мягкой улыбкой, она быстро встала ему на встрѣчу, прижалась къ нему и сказала:

— Поцѣлуй меня!

Онъ поцѣловалъ ее, и она готова была плакать отъ умиленія.

Но потомъ это прошло вмѣстѣ съ жаромъ поцѣлуя; она забыла, что просила прощенія у Володи, и прежнее чувство не-

довольства опять сдѣлалось преобладающимъ въ ея душѣ, жаждавшей лучшей доли.

Они пообѣдали вмѣстѣ, какъ всегда. Онъ былъ разговорчивъ, она отмалчивалась. Послѣ обѣда ей захотѣлось прокатиться въ лѣсъ. Но онъ признался, что, кромѣ *бѣды*, нѣтъ другого экипажа, потому что фаэтонъ взялъ сегодня акцизникъ, давно его купившій. Катря поблѣднѣла.

— Денегъ уже, значитъ, нѣтъ? спросила она.

Тычина сидѣлъ потупившись.

— Будутъ, пробормоталъ онъ послѣ паузы.

Она нервно отодвинула стулъ и вышла въ садъ.

Садъ былъ обыкновенный, малорусскій садъ—жиденькій, вишневый. Но возлѣ дома цвѣли бѣлыя акаціи, жасмины, сирень, пестрѣли благовонные цвѣты. Островъ представляетъ какъ бы маленькую гору; широкими уступами спускался садъ къ озеру, гдѣ тихо шумѣли старыя блѣдныя вербы. Множество розовыхъ кустовъ росло на островѣ. Онъ былъ похожъ на громадную корзину цвѣтовъ.

Катря торопливо шла по узенькимъ аллеямъ. Ей было тяжело, что она раззоряетъ Володю. Если въ три года они прожили чуть не сорокъ тысячъ, и все-таки жили скверно, то чѣмъ и какъ они будутъ жить дальше? Она стала соображать, что̀ она купила за это время. Припомнила, и удивилась, что такъ мало истратила денегъ. Она не подсчитала ни многочисленныхъ дорожныхъ издержекъ, ни жизни въ гостинницахъ въ ярморочную пору, ни разныхъ мелочей, а только расходы покрупнѣе. Ей стало легче. Она не мотовка. Но куда же, въ такомъ случаѣ, ушли деньги?

Володя постоянно говоритъ, что онъ ведетъ трезвую жизнь и немного тратитъ на себя. Это правда, что на немъ бѣлья порядочного нѣтъ, и платье онъ шьетъ не въ Кіевѣ, а у захолустнаго портного Юдки. Но за то полсотни собакъ развѣ мало съѣдаютъ? А сельскохозяйственныя машины, которыми завалены сараи? А ружья? А книги? А бронзовая чернильница? Бронзовая чернильница, эта совершенно ненужная вещь, ставила внѣ сомнѣнія расточительность Володи. Катря успокоилась.

Тѣмъ не менѣе, денегъ нѣтъ. Въ хозяйствѣ она ничего не понимаетъ; но сомнѣвается, чтобъ Володя съумѣлъ когда-нибудь свести концы. Ему грозитъ полное раззореніе. Она взобралась на холмикъ, гдѣ стояла виноградная бесѣдка, и, упавъ на скамейку, думала о деньгахъ, о томъ, какъ помочь Володѣ, и какъ сдѣлать, чтобъ весело жилось на свѣтѣ.

Вечерѣло. Въ лазурномъ небѣ рдѣли облака. Солнце низко стояло и бросало спокойный золотой свѣтъ на красную глину далекихъ откосовъ, и они опрокидывались въ зеркальной глади озера. Направо кудрявился дубовый лѣсъ. Налѣво исчезали въ розовомъ туманѣ заката каролинскіе тополя. А прямо виднѣлась лиловымъ пятномъ, на которомъ горѣли искры, усадьба Парпуры. Катря привстала, раздвинула вѣтки акаціи, съ бѣлыми кистями душистыхъ цвѣтовъ, и жадно смотрѣла туда. И то, о чемъ она думала теперь, казалось ей несбыточнымъ, но чуднымъ сномъ.

IV.

Тычина заложилъ часть остального имѣнія, и деньги явились. На эти деньги Катря слетала въ Кіевъ, купила нѣсколько модныхъ вещей и взяла въ разсрочку у каретника прехорошенькій фаэтончикъ. Въ немъ она часто каталась. Любимымъ ея мѣстомъ гулянья была дорога, усаженная каролинскими тополями. Ее сопровождалъ, обыкновенно, и Володя. Но иногда она каталась одна; и тогда прогулка ее особенно привлекала. Она пристально посматривала впередъ и назадъ, не ѣдетъ ли блестящій экипажъ графа. Или, принявъ кокетливую позу, проносилась мимо усадьбы Парпуры. Домъ стоялъ на пригоркѣ, впереди парка, и красивая архитектура его привлекала глазъ Катри. Онъ былъ кирпично-розовый, съ зеркальными окнами, съ башенками, съ бѣлыми колеблющимися отъ вѣтра жалюзи. Легкая желѣзная рѣшотка служила оградой, и со двора, гдѣ пестрѣли клумбы, несся незнакомый ароматъ тропическихъ цвѣтовъ; отъ него ноздри вздрагивали у Катри и нетерпѣливый вздохъ вырывался изъ груди. Отчего ей, красивой и молодой, не суждено жить въ такомъ дворцѣ?

Ни разу она не встрѣтила Парпуру — и возвращалась домой, сердитая, капризная. Жизнь казалась ей скучной, и Володя былъ невыносимъ.

Между тѣмъ отцвѣла акація, осыпались розы, соловей давно пересталъ пѣть. Стояли жаркіе дни. Отъ лучей іюльскаго солнца побѣлѣла рожь. Начались полевыя работы. На фонѣ синяго неба, куда ни кинешь глазомъ, сверкаетъ бѣлая рубаха мужика, мѣрно размахивающаго косой. Бабы и дѣвки жнутъ, нагибаясь. По дорогамъ то и дѣло скрипятъ возы, запряженные мохнатыми сытыми лошаденками или большими серебристыми волами. Мальчикъ въ мѣховой облѣзлой шапчонкѣ, дѣвочка, въ вѣнкѣ изъ

яркихъ гвоздикъ и георгинъ, идутъ за возомъ, и на ихъ смуглыхъ личикахъ бѣлѣютъ пузыри, губы вздуты, какъ отъ обжога. Это солнце палитъ. Вечеромъ, кто возвращается домой, кто ночуетъ въ полѣ. Тогда въ лиловомъ мракѣ душной ночи по всему горизонту загораются костры, а въ воздухѣ, справа, слѣва, дрожитъ звонкая хоровая пѣсня.

Среди этого оживленія, Катрѣ было особенно не по себѣ. Сожитель ея цѣлые дни проводилъ на полѣ, а она сидѣла на своей половинѣ, полураздѣтая, праздная, качалась передъ зеркаломъ, мечтала о какой-то особой нескучной жизни, плакала, что годы ея безплодно уходятъ, что она лишняя на свѣтѣ, и во всемъ обвиняла Тычину. Иногда онъ казался ей такимъ преступнымъ, что она не пускала его къ себѣ. «Онъ заѣдаетъ мой вѣкъ!» шептала она, ломая руки. Онъ смотрѣлъ ей въ глаза, не зная, чѣмъ угодить; вернувшись съ поля, гдѣ его бѣсили машины, портившія хлѣбъ и траву, онъ долженъ былъ ухаживать за ней; онъ дѣлалъ это, скрѣпя сердце, потому что его самого все раздражало. Но нервы у ней были чуткіе. Малѣйшая дрожь въ голосѣ Володи выводила ее изъ себя. Начинались слезы, упреки. Онъ кричалъ, сѣдлалъ коня и бѣшено скакалъ по ярамъ, искренно желая сломать себѣ шею...

Ссоры случались не ежедневно, но все-таки часто. Были моменты, когда молодымъ людямъ достаточно было взглянуть другъ на друга, чтобъ поссориться. Они стали бояться другъ друга и избѣгали встрѣчъ.

Оставаясь одинъ, Тычина плакалъ, не понимая что̀ дѣлается съ Катрей. Лицо его хранило суровое выраженіе, и на усы медленно катились слезы.

V.

Въ пятнадцати верстахъ отъ усадьбы Тычины жили Чапліевскіе, въ Колядинѣ. Это было большое село, съ двумя церквами, зеленые купола которыхъ скромно возвышались надъ бѣлыми хатами, кругообразно расположенными на отлогомъ откосѣ яра, среди вишневыхъ садовъ. На самомъ верху откоса стоялъ домъ Чапліевскихъ. Виднѣлся только одинъ уголъ его, если подъѣзжать къ нему со стороны села. Вѣковѣчныя липы окружали домъ. Онъ былъ недавно выстроенъ на мѣстѣ стараго, и дерево не успѣло еще почернѣть. У Чапліевскихъ было всего четыреста десятинъ, но они вели образцово дѣла, и считались богатыми

людьми. У нихъ была винокурня, и ихъ табачная плантація давала большой доходъ. Они не были скупы, но разсчетливы. Денегъ зря не бросали, не выходили изъ разъ установленнаго бюджета, и въ этомъ заключалась тайна ихъ зажиточности. Они держали экипажи, лошадей; у нихъ былъ рояль; мебель была выписана изъ Петербурга; было много столоваго серебра. Но все это заведено не сразу, а постепенно. И они успѣли состарѣться прежде, чѣмъ увидѣли, что хозяйство ихъ процвѣтаетъ и они «не хуже другихъ».

Они были гостепріимны, и по временамъ задавали пиры, на которые съѣзжалось много сосѣднихъ пановъ. Вотъ и теперь, по поводу благополучнаго окончанія *косовицы*, они разослали пригласительныя письма, съ просьбой «откушать косарской каши». Тычина также получилъ письмо. Приглашали и его, и Катерину Ефимовну. Чапліевскіе были единственные сосѣди, которые не чуждались Катри: у нихъ не было дочерей, и люди они были либеральные и деликатные.

Катря начала собираться съ утра и долго мучилась, что̀ надѣть. Наконецъ, уже передъ вечеромъ, остановилась на сѣромъ платьѣ, отдѣланномъ кружевами. Оно было сшито въ Кіевѣ и отлично сидѣло. Свѣжія перчатки на нѣсколько пуговокъ, рубенсовская шляпка, батистовый платокъ, вспрыснутый тонкими духами, шолковые чулки и высокія съ прорѣзами прюнелевыя ботинки, два брилліанта въ ушахъ — примирили Катрю съ тѣмъ, что она называла своей горькой долей. Она улыбалась, ласково смотрѣла на Тычину, и когда они ѣхали въ Колядинъ, тихонько жала ему руку, и смѣялась, закрываясь застѣнчиво букетомъ.

Они ѣхали скоро, встрѣчая на каждомъ шагу знакомыя картины, облитыя янтарнымъ свѣтомъ заката. Въ одномъ мѣстѣ Тычина равнодушно сказалъ:

— Это были мои земли.

Но ей показалось, что на лицѣ его мелькнула тѣнь сожалѣнія. Она перестала смѣяться и нѣсколько минутъ смотрѣла въ ту сторону; она видѣла поле, копны ржи, алѣвшія подъ лучами заходящаго солнца, и думала, какъ было бы хорошо возвратить все это Володѣ. Она была полна великодушныхъ намѣреній, и Тычина опять почувствовалъ, какъ она сжала ему руку.

Открылся видъ на Колядинъ. Село было расположено амфитеатромъ. Кресты церквей горѣли рубиновыми искрами, но внизу уже легли синія тѣни вечера. Развѣсистыя ивы неподвижно стояли по обѣимъ сторонамъ плотины, и въ спокойной глади прудовъ отражались багряныя облака. Начались узкія улицы, по-

тянулись бѣлыя хаты, скрытыя до половины въ подсолнечникахъ и мальвахъ. Пыль мѣстами поднялась удушающая; идутъ плотной массой овцы, коровы мычатъ, и хозяйки крикливо сзываютъ свиней. Катря закуталась въ пледъ, и высунула лицо только тогда, когда лошади стали взбираться по откосу, усаженному липами. Тутъ было тихо, воздухъ былъ прозрачный, душистый, потянуло холодкомъ. И черезъ нѣсколько минутъ, Чапліевскіе ласково встрѣтили гостей на балконѣ, гдѣ уже сидѣли другіе сосѣди и сосѣдки, пріѣхавшіе раньше.

Хозяинъ былъ лысый, коренастый человѣкъ, съ вѣчной улыбкой на бронзовомъ, гладко выбритомъ лицѣ, съ голубыми глазами и спокойными манерами. Онъ былъ въ легкомъ драдедамовомъ сюртукѣ и бѣломъ галстучкѣ. Хозяйка—высокая, полная дама, съ двойнымъ подбородкомъ, съ загорѣлыми рабочими руками. На ней было свѣтлое кисейное платье и красивый чепчикъ. Она окинула испытующимъ взглядомъ Катрю и крѣпко поцѣловала. И Катря, покраснѣвъ, возвратила поцѣлуй. Ей было пріятно, что Чапліевская встрѣчаетъ ее такъ дружественно. Но Чапліевская поцѣловала Катрю, чтобъ гости видѣли, какъ она сердечно относится къ этой «несчастной дѣвочкѣ». Никакой дружбы къ Катрѣ она не питала.

Катря сѣла. Для дамъ были принесены изъ комнатъ гнутыя стулья, а мущинамъ были предоставлены ступеньки широкаго балкона. Хозяйка ушла, она суетилась. Дамы обмахивались вѣерами, букетами и лѣниво молчали, вдыхая свѣжій воздухъ яснаго вечера. Мущины же, покуривая папиросы и сигары, говорили объ урожаѣ, о земскихъ дѣлахъ, о томъ, какъ отецъ Митрофанъ проигралъ на ярмаркѣ экипажъ и лошадей. Послѣднее обстоятельство вызвало смѣхъ.

Тычина стоялъ посреди балкона, спиной къ дамамъ, и чувствовалъ себя неловко въ новомъ сюртукѣ, полы котораго расходились, какъ юпка. Онъ проводилъ рукой по голому красному загривку, и осѣвъ на одну ногу, другою судорожно стучалъ по полу. Катря увидѣла, что онъ смѣшонъ, и вспыхнула. Хорошаго чувства, которое она питала къ нему во время дороги, какъ не бывало. *Она*—любитъ *его*!?

Онъ нѣсколько минутъ стоялъ въ этой позѣ. Потомъ хозяинъ сказалъ:

— Подсаживайтесь къ намъ, Володиміръ Ильичъ, разскажите, какъ ваше хозяйство... Что̀ машины?

И Володя, улыбнувшись въ сторону Чапліевскаго, бережно раздвинулъ полы сюртука и сѣлъ.

Катря не слышала, что̀ онъ отвѣчалъ; она негодовала; ей казалось, что дамы насмѣшливо переглянулись, когда онъ садился, и съ сожалѣніемъ посмотрѣли на нее. Нѣсколько лепестковъ съ ея букета закружились въ воздухѣ: она тихонько обрывала цвѣты, хотя лицо у ней было спокойное.

Балконъ выходилъ во дворъ. Этотъ дворъ—поляна липоваго парка. Когда кто ѣдетъ, то за деревьями не сразу увидишь. Экипажи вдругъ выѣзжаютъ на поляну. Такимъ образомъ, вдругъ выѣхала и голубая карета, запряженная четверней; экипажъ былъ сильно наклоненъ на бокъ, и всѣ сразу узнали, что это сестры Долонины, одна худая, другая толстая. Дѣйствительно, когда карета остановилась, то изъ дверцы сначала показался массивный бѣлый локоть, потомъ часть розовой щеки, и такой станъ, что мущины не утерпѣли и подумали: «Гм!» Наконецъ, полная особа вылѣзла изъ кареты совсѣмъ. На ней былъ синій сарафанъ, съ позументами, и она была похожа скорѣе на кормилицу, чѣмъ на барышню. Бѣлокурая, черты лица неопредѣленныя, заплывшія, но юныя. Сестра ея, которую называли худой, хоть она была тоже достаточно полная, вылѣзла изъ экипажа вслѣдъ за нею. На ней былъ красный сарафанъ. Чуткая хозяйка выбѣжала на встрѣчу Долонинымъ и, расцѣловавъ, познакомила ихъ съ Катрей. Прочихъ дамъ Долонины сами хорошо знали. Катря, возлѣ которой сѣли Долонины, хотѣла завязать съ ними разговоръ и, для начала, похвалила погоду; но сестры отвѣтили односложнымъ контральтовымъ звукомъ, изъ котораго никакъ нельзя было заключить, хвалятъ они погоду, или нѣтъ. Катря замолчала, и опять съ ея букета посыпались лепестки.

Еще пріѣхали гости. Черноволосые юноши въ соломенныхъ бриляхъ (шляпахъ). Заѣзжій петербургскій франтъ, въ синей триковой парѣ, подозрительной, необыкновенно массивной золотой цѣпочкѣ, и съ развязно-вопросительнымъ выраженіемъ худого, зеленоватаго лица. Онъ говорилъ громко и повременамъ посматривалъ на дамъ пытливымъ окомъ. Пріѣхалъ отецъ Митрофанъ съ жидковатыми рыжими волосами, въ свѣтлой рясѣ, съ манерами вкрадчивыми и заискивающей улыбкой. Съ нимъ было два сына, въ парусиновыхъ блузахъ. Ихъ сѣрые глаза любовно и тупо смотрѣли на всѣхъ, ноги механически шаркали, стриженыя головы вѣжливо нагибались направо, налѣво. Опять дамы и тоже полныя. И еще дамы. Старикъ атлетическаго сложенія, крѣпкій какъ дубъ, Перебійнисъ, съ краснымъ лицомъ, бѣлыми усами и ласковымъ взглядомъ. Ему восемдесять семь лѣтъ.

На балконѣ стало тѣсно. Дамы взялись подъ руки, попарно,

и начали прохаживаться по полянѣ. Молодые люди въ бриляхъ присоединились къ нимъ. Разговорились. Слышался смѣхъ, здоровый, грудной смѣхъ. Катря завистливо смотрѣла на эту пеструю публику и очень обрадовалась, когда какая-то безцвѣтная, желтоволосая дѣвушка предложила и ей пройтись. Онѣ встали, и петербургскій франтъ, разговаривавшій въ это время съ хозяиномъ, замолчалъ на минуту и проводилъ ихъ долгимъ выразительнымъ взглядомъ; послѣ чего опять сталъ бесѣдовать.

Между тѣмъ въ свѣтломъ небѣ уже вздрагивали блѣдныя звѣзды. Было тихо. Летучія мыши описывали черные круги... Гости думали: «поздновато»... и начинали скучать. Но появилась хозяйка, и съ торопливой улыбкой стала просить ихъ пожаловать въ садъ—чай кушать. Хозяинъ тоже сталъ просить—въ тонъ женѣ. Священникъ кашлянулъ въ руку. Всѣ притихли и стѣсненной походкой потянулись вслѣдъ за хозяевами.

Огромный столъ, человѣкъ на сорокъ, былъ накрытъ подъ столѣтними липами. Лампы изъ подъ абажуровъ бросали на бѣлую скатерть блѣдно-желтые круги свѣта. Груды печеній, бутылки съ ромомъ и коньякомъ, варенья въ хрустальныхъ вазахъ, стаканы съ дымящимся чаемъ, сверкающій самоваръ, все это оживило гостей. Вдругъ громко заговорили, стали шутить, и съ аппетитомъ принялись ѣсть и пить.

Петербургскій франтъ сѣлъ возлѣ Катри.

— Что здѣсь за виды! какой восторгъ! сказалъ онъ, обращаясь къ ней, предварительно заложивъ за щеку кусокъ кренделя, отчего лицо его слегка перекосилось.

Катря подняла глаза. Передъ нею, за рѣдкими стволами высокихъ липъ, разстилалась сѣролиловая даль, гдѣ тамъ и сямъ мелькали огни. Ей не казалось это красивымъ.

— Да, сказала она неопредѣленно.

— Украйна! Украйна! произнесъ франтъ задумчиво, и проглотилъ свой крендель.

— Вы любите Украйну?

— О, чудная страна! сказалъ франтъ и посмотрѣлъ на Катрю, держа въ рукѣ стаканъ.

Она улыбнулась. Ей не понравился этотъ человѣкъ. Но Володя, сидѣвшій напротивъ, ревниво—казалось ей — глядѣлъ на нее своими впалыми, искрящимися глазами. Тогда въ ней что-то вспыхнуло, она нетерпѣливо вздохнула и ей захотѣлось наказать Володю, который цѣлый вечеръ мучилъ ее. Она повернулась къ франту и стала весело болтать съ нимъ.

Чай подходилъ къ концу. О. Митрофанъ подозвалъ сыновей и,

побѣдоносно взглянувъ на хозяина, страстнаго любителя пѣнія' сказалъ:

— А нуте, хлопцы!

— Пускай же дѣти покушаютъ сначала! вскричала хозяйка.

Дѣти съ тоскливой улыбкой посмотрѣли на отца.

— Нуте, нуте! строго сказалъ священникъ.

И, опрокинувъ въ ротъ остатки пунша, всталъ и, кашлянувъ, провелъ по воздуху рукой.

Юноши подняли подбородки, нахмурили брови, и началось пѣніе.

Чай отпили, всѣмъ захотѣлось пѣть. Вокругъ священника образовался хоръ. Къ хору постепенно пристали даже старики. Перебійнисъ подтягивалъ хриплой октавой. Молодые люди въ бриляхъ стали пѣть, сдѣлавъ серьёзныя лица. И, наконецъ, Долонины заглушили хоръ.

И Тычина подпѣвалъ. Катря, уходя подъ руку съ петербургскимъ франтомъ, видѣла, какъ Володя покачивался всѣмъ корпусомъ и басилъ, устремивъ въ одну точку глаза. Такое внезапное увлеченіе пѣніемъ разсердило Катрю больше, чѣмъ предполагаемая ревность Володи къ ея кавалеру. «Да онъ не обращаетъ на меня вниманія!» подумала она съ негодованіемъ.

Быстро темнѣло. Надъ головой небо казалось чернымъ. Деревья были слабо освѣщены снизу, и въ двухъ шагахъ отъ стола начинался почти непроглядный сумракъ. Но луна взошла. Ея блѣдные лучи робко скользили по спокойной листвѣ сада, по травѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ все ярче и таинственнѣе блестѣлъ этотъ свѣтъ, и тѣмъ не спокойнѣе становилась Катря.

— Пойдемъ назадъ! сказала она рѣзко, замѣтивъ, что кавалеръ черезчуръ жметъ ей руку.

Онъ молча посмотрѣлъ ей въ глаза, съ мольбой.

Она расхохоталась.

— Ну, сядемъ здѣсь.

Они сѣли на скамьѣ надъ обрывомъ, откуда была видна голубая даль, залитая серебряннымъ туманомъ лунной ночи. На днѣ обрыва, сплошь блестѣли круглые листья табака. Казалось, что тамъ озеро.

— У меня голова кружится отъ этой ночи! сказалъ франтъ, съ упоеніемъ глядя на табакъ.

И, послѣ паузы, сталъ небрежно подтягивать хору, который доносился сюда, гремя среди ночного молчанія. Въ тоже время рука его, какъ бы нечаянно, коснулась Катриной таліи.

Катря вскочила. Сердце у ней тревожно билось. Она пошла

быстрой походкой, не сказавъ ни слова, и скрылась за деревьями. Раза два она оглянулась. Франтъ оробѣлъ и долго сидѣлъ на скамейкѣ, съ широко раскрытыми глазами.

Хоръ внезапно смолкъ. Четыре костра освѣтили сцену. Трепетный свѣтъ упалъ на Катрю. Володя чернымъ силуэтомъ выдѣлился на яркомъ фонѣ огней. Она, слегка жмурясь, подошла къ нему.

— Послушай, сказала она ласково, въ полголоса.

Онъ оглянулся и взялъ ее за руку.

— Что̀ тебѣ?

Но она почувствовала, что нечего сказать ему.

— Ничего, произнесла она съ виноватой улыбкой, и стала обмахивать увядшимъ букетомъ пылающее лицо.—Не правда ли, онъ ужасно глупъ? сказала она вдругъ, послѣ молчанія.

— Кто?

Но она опять не отвѣтила и, нервно переведя плечами, направилась къ группѣ дамъ, полулежавшихъ на коврѣ, въ живописныхъ позахъ, и смотрѣвшихъ на огонь. Другія дамы стояли поодаль. Мущины разговаривали въ полголоса. Прозрачныя тѣни перемежались съ полосами луннаго свѣта и вздрагивающимъ отблескомъ костровъ. Фигуры на заднемъ планѣ то освѣщались, то погружались въ неясный сумракъ. Катря искала, гдѣ бы сѣсть поудобнѣе. Но коверъ былъ занятъ. Она глянула направо, быть можетъ, потому, что всѣ туда посматривали. Тамъ, на садовомъ диванчикѣ, окруженный пожилыми дворянами, сидѣлъ графъ Парпура, держа въ рукахъ свою панаму. У Катри сперлось дыханіе. Она взглянула въ другой разъ, не вѣря своимъ глазамъ. Теперь сумракъ сгустился, графа нельзя было ясно видѣть; но панама свѣтлымъ пятномъ выдѣлялась изъ красноватаго мрака. «Онъ! Онъ!» чуть не вскрикнула Катря и забыла Володю и своего недавняго кавалера, схваченная внезапнымъ радостнымъ чувствомъ; ей показалось, что графъ видитъ ее и интересуется ею. Она нахмурила брови, и стала курить, сильно затягиваясь.

Графъ, дѣйствительно, увидѣлъ Катрю. Онъ улыбнулся, вспомнивъ сцену въ вагонѣ, и черезъ нѣкоторое время, отдѣлавшись отъ скучныхъ разговоровъ съ пожилыми дворянами, попросилъ хозяина познакомить его съ Тычиной.

— Мы давно знаемъ другъ друга, если не ошибаюсь, и между тѣмъ не встрѣчались до сихъ поръ, сказалъ графъ дружески, когда Тычина усѣлся возлѣ него.

— Мы сосѣди... Очень радъ, что, наконецъ... въ свою очередь, пробормоталъ Тычина.

— Слыхалъ, вы образцовый хозяинъ, продолжалъ графъ. — Такое сосѣдство особенно пріятно... Машинами?

— Машинами.

— У меня также. Впрочемъ, Пьерро — Александръ Александровичъ, мой управляющій—находитъ, что иногда можно обойтись и безъ машинъ...

— Въ нашихъ мѣстахъ — да, скромно согласился Тычина.— Мужики портятъ... Ну, а поправить некому... Я, однако, такого мнѣнія, продолжалъ Тычина, у котораго съ недавняго времени на хозяйство установился свой особый взглядъ:—до тѣхъ поръ помѣщики будутъ страдать, пока земли у нихъ будетъ много...

— Да-а?

— Честное слово... Я объ этомъ и вашему Пьерро говорилъ... Я его знаю.

— Какое же, по вашему, должно быть нормальное количество земли у нашего брата? спросилъ графъ послѣ паузы.

— Прежде, когда у меня было шестьсотъ десятинъ, отвѣчалъ Володя:—я думалъ, что для раціональнаго хозяйства надо имѣть только двѣсти. Теперь же я пришелъ къ убѣжденію, что достаточно тридцати... Однимъ словомъ, заключилъ онъ таинственно, давно уже лелѣя въ душѣ намѣреніе продать «лишнія» десятины:—дѣло не въ машинахъ.

Разговоръ продолжался въ такомъ же родѣ еще нѣкоторое время. Графъ не могъ согласиться со многими хозяйственными воззрѣніями Володи; но онъ не могъ и не признать, что они, во всякомъ случаѣ, оригинальны. Тычина былъ польщенъ, и ему понравился графъ.

Но въ тоже время неясное предчувствіе зла, которое сдѣлаетъ ему этотъ человѣкъ, заставляло Володю быть на сторожѣ. Съ какой стати этотъ знатный баринъ такъ вѣжливъ и предупредителенъ съ нимъ?

Катря могла бы дать на этотъ вопросъ довольно опредѣленный отвѣтъ. Какъ только она увидѣла, что графъ бесѣдуетъ съ Володей, у ней сложилось сейчасъ же убѣжденіе, что это ради нея. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ, въ глубину, и подъ прикрытіемъ сумрака, подошла близко къ бесѣдующимъ. Она готова была расцѣловать Володю за то, что онъ такъ милъ съ графомъ...

Между тѣмъ предупредительная хозяйка, улучивъ удобную минуту, представила графа нѣкоторымъ дамамъ и кстати—Катрѣ, которую назвала *супругой* Владиміра Ильича. (Женой никто не называлъ ее; даже самъ Владиміръ Ильичъ не называлъ).

Графъ еще вскорѣ послѣ встрѣчи въ вагонѣ узналъ, кто эта дѣвушка. Теперь онъ изысканно вѣжливо раскланялся съ нею. Онъ сказалъ ей нѣсколько фразъ—незначительныхъ. Но ей почудился въ нихъ намекъ на что-то. Она отвѣчала сурово, вся вспыхнувъ. Яркій свѣтъ костра игралъ на ея смущенномъ лицѣ, и блескъ глазъ спорилъ съ блескомъ брилліантовъ въ ушахъ. «Въ самомъ дѣлѣ, она не дурна», подумалъ графъ съ улыбкой.

Онъ уѣхалъ передъ ужиномъ. Хозяева напрасно удерживали его: сегодня онъ самъ ждетъ гостей изъ Петербурга. Но когда графъ сѣлъ въ экипажъ и исчезъ, Чапліевскіе вздохнули съ облегченіемъ. Съ этими знатными барами всегда лишнія хлопоты!

Гости тоже почувствовали себя свободнѣе. О. Митрофанъ, посматривая на столъ, гдѣ шли приготовленія къ ужину, потиралъ руки. Дамы перестали позировать. Опять послышался непринужденный смѣхъ, веселый говоръ. Мужчины заспорили. Слышались восклицанія: «Увѣряю же васъ...» «Да и я васъ увѣряю...» Предметъ спора—состояніе графа. Всѣ, за исключеніемъ двухъ трехъ скептиковъ, преувеличивали. Каждому почему-то хотѣлось, чтобъ у Парпуры было не двѣсти тысячъ дохода, а триста, пятьсотъ, или, наконецъ, милліонъ. Катря вслушивалась въ споръ и рука ея, крѣпко пожатая на прощанье графомъ — горѣла точно отъ прикосновенія этого милліона.

За ужиномъ опять стали говорить о графѣ, объ его обстановкѣ, лошадяхъ, о томъ, что онъ разгибаетъ подковы, объ его вкусахъ—онъ, напримѣръ, пьетъ чай безъ сахару; сообщали также, что онъ «не любитъ лести». Эти независимые, болѣе или менѣе богатые люди относились къ Парпурѣ съ инстинктивнымъ подобострастіемъ и интересовались мельчайшими подробностями его жизни, точно это былъ какой-нибудь великій человѣкъ.

Впрочемъ, молодежь, за исключеніемъ Катри, вскорѣ перестала обращать вниманіе на разсказы о графѣ и затѣяла свой разговоръ. Къ концу ужина, когда захлопали пробки, и новые костры вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ парка, всѣмъ сдѣлалось необыкновенно весело. Лица раскраснѣлись, глаза горѣли, зубы сверкали и плечи тряслись отъ смѣха. И даже петербургскій франтъ, который напился до того, что сдѣлался блѣденъ и никого не узнавалъ, не испортилъ этого веселья. Правда, что когда онъ началъ бросать во всѣхъ хлѣбными шариками, то многимъ это показалось, по меньшей мѣрѣ, страннымъ и не имѣющимъ ничего общаго съ утонченнымъ обращеніемъ, какимъ, по

мнѣнію провинціаловъ, отличаются столичные жители. Но хозяинъ во-время потушилъ скандалъ, незамѣтно убравъ непріятнаго гостя. И затѣмъ пиръ продолжался безпрепятственно.

Послѣ ужина перешли въ домъ. Онъ былъ ярко освѣщенъ. Стали танцовать подъ звуки рояля, но танцовали недолго. Было уже поздно. Хозяинъ раза два вѣжливо зѣвнулъ. Постепенно гости разъѣзжались...

Володя и Катря, очутившись въ своемъ фаэтонѣ, долго молчали. Разсвѣло. Заря зажигалась, и бросала на лицо молодой женщины розовый свѣтъ. Вѣтерокъ игралъ ея волосами. Она полулежала; свѣтлый профиль красиво выдѣлялся на сѣромъ фонѣ сумрачнаго теперь запада. Володя смотрѣлъ, смотрѣлъ на Катрю, и ему захотѣлось поцѣловать ее. Но она отвернулась, сдѣлавъ гримасу.

— Вѣчно одно и тоже! сказала она брезгливо.

Онъ промолчалъ, сконфуженный. Но черезъ нѣкоторое время схватилъ ее за руку и притянулъ къ себѣ.

— Катря! прошепталъ онъ, улыбаясь.

Она пожала плечами и посмотрѣла на него. У ней были равнодушные, холодные глаза. Онъ испугался, сердце его заныло тоскливо. Ему въ первый разъ съ необыкновенной ясностью представилось, что Катря не любитъ его. Онъ выпустилъ ея руку и сталъ машинально глядѣть вдаль... Но затѣмъ сообразилъ, что невозможно, чтобъ Катря разлюбила его. Онъ опять улыбнулся и взглянулъ на Катрю. Солнце блеснуло и освѣтило ея лицо, которое также улыбалось. Тогда онъ смѣло поцѣловалъ ее.

— Графъ пригласилъ тебя? ласково освѣдомилась Катря послѣ паузы.

— Пригласилъ... «Запросто...» Да чего мнѣ къ нему! Я не поѣду...

— Володя, неловко!

Володя подумалъ и рѣшительно произнесъ:

— Мы ему не пара.

И, улыбаясь, посмотрѣлъ на Катрю тревожнымъ взглядомъ.

Она сжала губы.

— Какъ знаешь, сказала она холодно.

VI.

Черезъ нѣсколько дней, вечеромъ, когда солнце только-что зашло, и Катря и Володя расположились пить чай въ бесѣдкѣ,

послышался на дворѣ лай собакъ; кто-то пріѣхалъ. Володя не любилъ гостей. Онъ сдѣлалъ гримасу и пытливо смотрѣлъ на дорожку, терявшуюся въ кустахъ барбариса и крыжовника. Катря окинула быстрымъ взглядомъ свой туалетъ—нашла, что онъ недуренъ, простъ и къ лицу — и нетерпѣливый вздохъ вырвался изъ ея груди. «Что̀, если Парпура? мелькнуло у ней.—Самъ... первый...»

Лай приближался. Володя всталъ и пошелъ разогнать собакъ. Тѣ вдругъ стихли, и онъ вернулся въ сопровожденіи высокаго, полнаго, красиво улыбающагося старика, съ длинными волосами и большой бородой. На немъ была мягкая войлочная шляпа, и онъ держалъ толстый хлыстъ. Шелъ онъ, слегка повернувшись бокомъ къ Тычинѣ. Въ его фигурѣ было что-то щеголеватое, подкупающее, и каріе глаза его умѣли смотрѣть въ одно и тоже время насмѣшливо и угодливо. Онъ говорилъ съ Тычиной, и слышалась бѣглая русская рѣчь, съ страннымъ, какъ бы московскимъ акцентомъ. Въ этомъ полумосквичѣ, полуфранцузѣ, Катря узнала Пьерро, графскаго управляющаго, хоть раньше и не была знакома съ нимъ. Она непріятно разочаровалась, и едва протянула ему руку, когда онъ вошелъ въ бесѣдку и былъ представленъ Володей. Ей, главное, не понравился взглядъ, брошенный на нее управляющимъ. Прежде, она не уловила бы такого взгляда, да и не поняла бы. Теперь, на этотъ счетъ, у ней развилась почти болѣзненная чуткость. По мѣрѣ того, какъ умирало чувство, которое она сама называла хорошимъ, въ ней выростало желаніе казаться безукоризненной. Какъ смѣютъ оскорблять ее? За что?

Какъ бы въ отместку, она налила Пьерро самаго отвратительнаго чаю, какого и Володѣ не наливала—хозяйка она была плохая. Но вѣжливый старикъ выпилъ съ удовольствіемъ и еще попросилъ. Онъ весело болталъ, и между прочимъ объявилъ Тычинѣ, что явился по дѣлу—по порученію графа — о чемъ, конечно, еще успѣетъ поговорить. Тычина заинтересовался, Катря сдѣлалась любезна, и теперь странный взглядъ, вдругъ снова брошенный на нее Пьерро, показался ей имѣющимъ другой смыслъ...

— Да нуте же—что такое, не мучьте?! сказала она.

— Сухое дѣло, хозяйственное! отвѣчалъ Пьерро съ улыбкой, загадочно подмигнувъ Володѣ.

Тотъ сдѣлалъ большіе глаза.

— Ну?

Пьерро досталъ сигару, медленно обрѣзалъ ее, посмотрѣлъ

вдаль, гдѣ въ золотистомъ розовомъ туманѣ расплывались силуэты деревьевъ, и сказалъ:

— Въ той рукѣ у васъ, кажется, сто десятинъ?

— Да.

Пьерро закурилъ сигару и слегка ударилъ Тычину по колѣнкѣ.

— Цѣна? побѣдоносно спросилъ онъ, не вынимая изо рта сигары.

Тычина покраснѣлъ и растерялся.

— Графъ «хотятъ» купить? спросилъ онъ въ свою очередь.

— «Хотятъ», весело сказалъ управляющій.—Цѣна?

Тычина пожалъ плечами и приложилъ руку ко лбу.

— Мнѣ, признаться, жаль того куска, произнесъ онъ съ грустью.

— Какъ? воскликнулъ гость.—А ваша теорія тридцати десятинъ?

— Оно такъ... сказалъ Тычина.—Но все-таки... Онъ напряженно улыбнулся и, послѣ паузы, заключилъ:—какъ-то жалко!

Пьерро посмотрѣлъ на него и замолчалъ. Онъ выпустилъ струйку дыма и вдругъ перемѣнилъ разговоръ. Онъ съ увлеченіемъ началъ разсказъ о затѣяхъ графа. Если графу придетъ что̀ въ голову—то ужь онъ на своемъ поставитъ (выразительный взглядъ въ сторону Катри). Въ Берестовцѣ, какъ извѣстно, крестьяне сильно потерпѣли отъ града. Графъ сейчасъ же дѣлаетъ распоряженіе выдать потерпѣвшимъ десять тысячъ *мѣдной монетой*. Сегодня ему пришла идея насыпать за паркомъ гору или даже горную цѣпь—подобіе Кавказа—и завтра начнутъ насыпать; придется выбросить тысячъ пятьдесятъ; но что̀ для него пятьдесятъ тысячъ? (Володя вздыхаетъ, задумчиво перебирая пальцами). Можетъ быть, извѣстно, во сколько обошлось ему *написать мѣсами*, на протяженіи многихъ верстъ: «графъ Иванъ Парпура»?—Болѣе двухсотъ тысячъ!.. («Нелѣпо», въ полголоса замѣчаетъ Володя). Нелѣпо? Да. Но грандіозно-съ...

Пьерро еще нѣкоторое время говоритъ на эту тему. У Катри разгораются глаза. Володя погружается все въ бо̀льшую задумчивость... Потомъ гость вскакиваетъ и, взглянувъ на часы, на меркнущее небо, начинаетъ прощаться, сдѣлавъ озабоченное лицо.

— Adieu! говоритъ онъ торопливо.

Катря и Володя проводили его.

— Не забывайте!

— Всегда вашъ гость! произноситъ въ отвѣтъ Пьерро, сидя

въ своемъ красивомъ экипажѣ, съ высокими и тонкими колесами. Онъ низко кланяется.

За ужиномъ Володя весело сказалъ:

— А что, Катря, еслибъ за десятину по двѣсти рублей, съ переводомъ долга, то поправили-бъ мы дѣла?

Катря машинально кивнула головой. Мысли ея были далеко.

Пьерро снова пріѣхалъ дня черезъ три. Можно было замѣтить, что вопросъ о землѣ сильно интересуетъ его. Но теперь онъ не хотѣлъ приступать къ нему первый. Для Тычины это было ясно; хитрый французъ *выжидаетъ*. Но Тычина вознамѣрился перехитрить француза и рѣшилъ тоже молчать. Если графу очень хочется купить этотъ кусокъ земли, то прямой разсчетъ—самому принять выжидательное положеніе. Такимъ образомъ, Пьерро провелъ у нихъ опять вечеръ и уѣхалъ, повидимому, ни съ чѣмъ.

Было еще нѣсколько такихъ вечеровъ. Пьерро лукаво посматривалъ на хозяина, а хозяинъ думалъ: «ладно, ладно!» и, почесывая затылокъ, хитро улыбался. Дѣло не подвигалось, хотя мысленно Тычина давно уже продалъ землю, и не по двѣсти рублей, а по триста.

Катря между тѣмъ краснѣла каждый разъ, какъ являлся Пьерро. Еще со второго вечера онъ сталъ бесѣдовать съ ней на французскомъ языкѣ. Говорила она плохо, но онъ похвалилъ ея акцентъ, и она была рада практикѣ. Володя не понималъ по французски, однако, догадывался, что рѣчь идетъ о видахъ, потому что и Пьерро и Катря иногда внимательно посматривали вокругъ. И такъ какъ земля, которую хотѣлъ купить графъ, тоже представляла нѣкоторый видъ, то Володя сталъ бояться, чтобъ Пьерро не заговорилъ кстати объ этой землѣ и чтобъ Катря какъ-нибудь не проболталась насчетъ истинныхъ его намѣреній. Вообще, французскій языкъ, по временамъ, сильно безпокоилъ его. Однажды Катря, послѣ какой-то фразы Пьерро, нахмурилась и сердито замолчала. Въ другой разъ ушла, съ сверкающими отъ слезъ глазами. И хоть тотчасъ же вернулась и стала смѣяться, но Тычина встревожился: смѣхъ былъ нервный.

— Что съ тобою? спросилъ онъ.

— Ничего! сказала она, продолжая смѣяться.—Володя, прости меня! вскричала она, вдругъ.—Виноватъ Александръ Александровичъ...

Пьерро сдѣлалъ гримасу; онъ струсилъ.

— Ты думаешь, о чемъ мы съ нимъ говоримъ? продолжала Катря.—Да все о томъ, какъ бы тебя...

Она остановилась, приложивъ платокъ къ поблѣднѣвшему лицу. Потомъ рванулась съ мѣста и, подбѣжавъ къ Володѣ, взяла его за руку и сказала:

— Знаешь, пора съ этимъ покончить!..

Володя посмотрѣлъ на Катрю съ недоумѣніемъ. Глаза ея блестѣли.

— Съ чѣмъ покончить?

Но она не сейчасъ отвѣтила.

— Господи, какіе я пустяки болтаю! произнесла она послѣ паузы и, сѣвъ на прежнее мѣсто, стала торопливо курить.

— Надо покончить, начала она—съ этимъ вашимъ дѣломъ...

Пьерро почувствовалъ себя лучше и улыбнулся въ бороду. Володя сказалъ:

— А! ну, это, мой другъ, касается меня. Напрасно они тебя сюда путаютъ...

Онъ вѣжливо усмѣхнулся въ сторону Пьерро.

— Не бойся, не продамъ дешево! сказалъ онъ затѣмъ Катрѣ внушительно.

Пьерро, какъ и въ тотъ разъ, ударилъ его по колѣнкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, батенька, что̀ же вы—ка̀къ рѣшили? спросилъ онъ, прищуривая одинъ глазъ.

Хитрый Володя отвѣчалъ, потупившись, что еще ничего не рѣшилъ.

По отъѣздѣ гостя, онъ напустился на Катрю за вмѣшательство не въ свое дѣло. И въ первый разъ въ жизни она возражала ему ласково.

— Ты повредила мнѣ, кричалъ онъ: — я этого не даромъ боялся!..

— Тише, милый! говорила она, стараясь обнять его:—честное слово, я ничего... Все равно, они дадутъ тебѣ—что̀ запросишь...

И она такъ крѣпко и жарко цѣловала его, что онъ пересталъ, наконецъ, сердиться.

VII.

Былъ конецъ іюля. Рано всталъ Володя и, пощелкивая пальцами, ходилъ по залѣ, гдѣ солнце играло на крашеномъ полу. Онъ ждалъ Катрю къ завтраку и хотѣлъ предложить ей поѣхать вмѣстѣ въ городъ. Дѣло съ Пьерро, который сдѣлалъ еще нѣсколько визитовъ, уладилось, и сегодня у нотаріуса назначено свиданіе для составленія крѣпостного акта. Катря будетъ рада получить на булавки сотню-другую, думалъ Володя съ улыбкой.

Завтракъ простылъ, Катря не выходила. Володя тревожно посмотрѣлъ на часы, и пошелъ на Катрину половину. Онъ разбудилъ ее, и она, сверхъ обыкновенія, не разсердилась. Она открыла глаза, жмурясь на полосу золотого свѣта, падавшую изъ полуотворенной двери, и даже какъ-то испуганно улыбнулась. Володя присѣлъ на постель и объяснилъ зачѣмъ пришелъ. Но она, устремивъ глаза въ даль, покачала головой.

— Нѣтъ, не поѣду.

— А тебѣ покупки надо? сказалъ онъ.

— Въ Кіевѣ куплю. Въ Кіевъ поѣду.

Онъ помолчалъ.

— Уходи, мнѣ спать еще хочется, произнесла она и повернулась къ нему спиной.

Онъ обнялъ ее.

— Перепёлочка!..

— Ахъ, оставь!

Въ ея голосѣ послышались слезы.

— Завтракъ простылъ, сказалъ онъ послѣ паузы.

— Ну, и отлично. Ни свѣтъ ни заря завтракъ! Поѣзжай, а то опоздаешь.

— Какая у тебя тоненькая талія, Катря! снова послѣ паузы произнесъ Володя.

Отвѣта не послѣдовало.

Онъ вздохнулъ, робко поцѣловалъ ее въ плечо и вышелъ.

Возвратился Тычина изъ города поздно, съ сакъ-вояжемъ, туго набитымъ бумажками. Погода перемѣнилась, дождь лилъ весь вечеръ, и Володя промокъ. Несмотря на то, что съ нимъ было много денегъ, онъ былъ не въ духѣ. Широко шагалъ онъ по тускло освѣщенной залѣ и ругалъ погоду, въ ожиданіи рюмки водки и ужина.

— А барыня? спросилъ онъ у горничной, когда та вошла.

— Катерина Ефимовна уѣхали, отвѣчала горничная.

Тычина остановился, ошеломленный.

— Какъ уѣхали? Куда?

— Въ Кіевъ, чи що...

— А!

Онъ опять зашагалъ.

— Не утерпѣла! говорилъ онъ въ полголоса. — И на какія деньги? Что за женщина!..

Онъ пожималъ плечами, вопросительно смотрѣлъ въ черныя окна и хмурилъ брови. Но поѣлъ съ аппетитомъ, и такъ-какъ усталъ, то отправился спать. Засыпая, онъ думалъ сначала о

Катрѣ, и тосковалъ; но вскорѣ мысли его сосредоточились на томъ, какъ онъ перехитрилъ француза. И ему снилось имѣніе, которое онъ покупаетъ за двадцать пять тысячъ, полученныхъ отъ Пьерро. Сумракъ, однако, мѣшаетъ ему хорошенько осмотрѣть имѣніе. Но онъ видитъ, что на поляхъ растутъ цвѣты, точно въ саду, и дѣйствуютъ огромныя машины, стальныя части которыхъ тускло сверкаютъ. Онъ удивляется глупости Пьерро, и радъ, что у него будетъ такое имѣніе; но ему и страшно чего-то. И онъ идетъ, озираясь по сторонамъ, между тѣмъ какъ машины мѣрно шумятъ среди этого страннаго сумрака...

Онъ проснулся, сѣрый дождь билъ въ окно. День начался. Володя всталъ и, натянувъ сапоги, подошелъ къ письменному столу.

— Цѣлы ли деньги? подумалъ онъ.

Деньги были цѣлы. Онъ уложилъ ихъ обратно въ сакъ-вояжъ, и, почесывая голову, сталъ смотрѣть на дождь.

— «Машины, машины!» произнесъ онъ вслухъ, какъ бы въ отвѣтъ на свой сонъ, и зѣвнулъ.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что Катря уѣхала.

— Въ этакую погоду! подумалъ онъ съ упрекомъ и вскочилъ.—Пожалуй, калошъ не взяла, зонтика! У ней пальто есть непромокаемое—навѣрно, и его не взяла...

И онъ побѣжалъ въ Катрины комнаты.

Тамъ все было въ порядкѣ. Постель аккуратно постлана. Сѣрое пятно свѣта блеститъ въ серебряномъ рукомойникѣ. Но въ неплотно притворенное окно врывается струйка холода вмѣстѣ съ запахомъ яблокъ, и—странно—чѣмъ-то нежилымъ вѣетъ отъ этой щегольской спальни. Въ задней комнатѣ Володя наткнулся на пустой чемоданъ. Тутъ окно совсѣмъ раскрыто и на полу стоитъ лужа воды. Непромокаемое пальто виситъ на гвоздикѣ, въ углу виднѣются зонтики...

— Конечно, не взяла! вскричалъ Володя и яростно потрясъ пальто.

Оказалось, что и калошъ она не взяла. Володя чуть не плакалъ. Ему казалось, что Катря простудится, заболѣетъ. Самыя печальныя картины рисовались его воображенію. Онъ ломалъ руки и, вернувшись въ спальню, тупо глядѣлъ на вещицы, украшавшія модный письменный столикъ Катри. И постепенно на фонѣ малиноваго сукна, которое казалось полинялымъ при свѣтѣ дожливаго дня, вниманіе его стало различать какой-то маленькій плоскій предметъ. Это былъ розовый конвертъ. У Тычины страшно забилось сердце. Точно кто въ грудь ударилъ. Онъ

схватилъ конвертъ и лихорадочно вертѣлъ его въ пальцахъ. Конвертъ былъ запечатанъ, въ немъ было письмо, но адреса не стояло никакого. Тѣмъ не менѣе, Тычина былъ увѣренъ, что письмо къ нему, и очень важное, которымъ его судьба рѣшается. Не колеблясь, вскрылъ онъ его, и увидѣлъ, что, дѣйствительно, писано это письмо Катрей и къ нему. Тогда имъ овладѣлъ страхъ. Онъ колебался, не отложить ли читать письмо. Но жгучее любопытство тянуло его къ письму. Онъ машинально распахнулъ окно, точно дышать было нечѣмъ. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, прочиталъ слѣдующее:

«Милостивый Государь!

(Строчка эта была зачеркнута, но довольно тонко, такъ что можно было разобрать).

«Милый Володя!

«Я уѣзжаю въ Кіевъ, чтобъ закупить кое-что, какъ я тебя и предупреждала. У меня еще оставалось денегъ и хватитъ на все. Но, ради Бога, ты не сердись. Ты знаешь, я люблю одна ѣздить, а то ты всегда во все вмѣшиваешься и не даешь ничего купить. Я пріѣду послѣ завтра, съ ночнымъ поѣздомъ, но ты не безпокойся. Пожалуйста же, не сердись, Володя, и я увѣряю, что такъ лучше выйдетъ. Катря».

Володя шумно вздохнулъ и разсмѣялся. Ему стыдно сдѣлалось своего страха. Онъ закрылъ окно, ушелъ, напѣвая, къ себѣ, и потомъ цѣлый день провелъ на охотѣ, весело гоняясь, верхомъ, съ сворой борзыхъ, за мокрыми дрофами. Онъ забылъ о томъ, что Катря не взяла ничего отъ дождя, и пересталъ бояться, что она простудится, какъ только пересталъ бояться другой опасности, неопредѣленной, но казавшейся болѣе грозной.

На другой день, онъ снова охотился; но ужь не такъ весело. Дождь усилился и сталъ лить, какъ изъ ведра — тутъ никакая охота невозможна. Онъ торопливо вернулся домой, на-скоро пообѣдалъ и приказалъ кучеру готовиться ѣхать на станцію. Кучеръ взглянулъ на дождь, потупился и подумалъ, что авось къ вечеру погода разыграется. Но не успѣлъ раскрыть рта, чтобъ высказать это предположеніе, какъ баринъ уже набросился на него, трясясь отъ гнѣва, совершенно, повидимому, безпричиннаго.

— Не разсуждать! Убью!

Оставшись одинъ, Тычина поколотилъ собаку, прилегшую было у его ногъ, и лишь мало-по-малу успокоился. А для окончательнаго успокоенія вынулъ изъ бокового кармана письмо Катри и прочиталъ. Однако, не разсмѣялся, какъ вчера, и долго на-

свистывалъ, барабаня по окну, по которому, съ другой стороны, хлесталъ и барабанилъ холодный ливень. И по мѣрѣ того, какъ наступали сумерки — эти блѣдные сумерки дождливаго вечера, почти не дающіе тѣней—непонятная тоска начиная грызть его...

Вошелъ кучеръ, на этотъ разъ безъ зова. Онъ съ торжествомъ сказалъ:

— Нельзя ѣхать.

— Какъ нельзя? закричалъ Володя.

— Да такъ, что нельзя. Греблю размываетъ. Вотъ что! Верхомъ еще такъ-сякъ — проѣдете, Богъ дастъ, а на колесахъ парою...!?

Онъ отчаянно махнулъ рукой.

— Да и погода, заключилъ онъ:—добрый хозяинъ собаки не выгонитъ...

Тутъ онъ кстати увернулся отъ Володи, который, стиснувъ зубы, бросился къ нему съ кулакомъ, и уже изъ-за дверей крикнулъ:

— Какъ ваша воля, а ѣхать не можно... Никто теперь не поѣдетъ... И Катерина Ефимовна не поѣдутъ...

Послѣ чего надолго исчезъ.

Въ концѣ-концовъ, Володя отправился на станцію верхомъ, велѣвъ кучеру пріѣхать утромъ. Онъ сообразилъ, что, въ самомъ дѣлѣ, Катрѣ будетъ безопаснѣе провести ночь на станціи, въ дамской комнатѣ, и надѣялся, что тамъ найдется мѣстечко и для него.

Онъ явился на станцію часа за два до поѣзда, измученный, промокшій до костей. Ночь была черная и ливень все не умолкалъ.

Онъ сѣлъ въ общей залѣ. Полупритушенная лампа чадила. На стѣнахъ бѣлѣли объявленія. Володя глядѣлъ на нихъ, и думалъ о томъ, какъ пріѣдетъ Катря и какъ онъ встрѣтитъ ее.

Онъ считалъ минуты. Время тянулось долго. Наконецъ, надоѣло Володѣ сидѣть, онъ сталъ ходить. Дамская комната оказалась запертой. «Кто тамъ?» подумалъ онъ съ тревогой. Изъ темного угла, гдѣ стоялъ диванъ, торчали чьи-то ноги—одна въ сапогѣ, другая—въ носкѣ. «А это кто?» И такъ какъ въ отвѣтъ слышались только шумъ дождя за стѣной и, по временамъ, храпѣнье незнакомца, то и эта неподающаяся дверь, и эти ноги стали раздражать Володю. Въ особенности, ненавистны были ноги...

Онъ вышелъ на платформу, въ которой уныло отражались огни фонарей. Дождь гремѣлъ. Володя захлопнулъ дверь и вер-

нулся въ залу. «И надо-жь было выбрать время!» злобно шепталъ онъ, ругая Катрю.

Часы пробили двѣнадцать. Черезъ десять минутъ долженъ придти поѣздъ. Но на станціи ни малѣйшаго движенія. «Разбудить кого, что ли?» думалъ Володя.

Лишь къ половинѣ перваго мало-по-малу проснулась станція. Стало свѣтлѣе, кассу открыли и помощникъ, въ цвѣтной шапкѣ съ галунами, торопливо прошелъ по залѣ.

— Господа, билеты брать!

Но публики почти не было; и никто не ѣхалъ. Изъ дамской вышли два дюжихъ великорусскихъ мужика, въ розовыхъ сорочкахъ и кафтанахъ на распашку, босые, и, справившись какой идетъ поѣздъ, зѣвнули, почесали брюхо и снова ушли въ дамскую, несмотря на протесты Володи.

— Я ихъ потомъ уберу, сказалъ ему помощникъ въ утѣшеніе.

За стойкой буфетчикъ, съ сонной физіономіей, раскладывалъ свой товаръ. Звонокъ рѣзко билъ. Господинъ *съ ногами* вскочилъ и хриплымъ голосомъ потребовалъ рюмку водки. Поднесли. Черезъ нѣкоторое время, ему показалось, что у него пропалъ сапогъ.

— Грабятъ! закричалъ онъ неистово.

— Вы что здѣсь, господинъ, буйствуете?

— Грабятъ!

— Господинъ?!

— Граб...

Жандармъ взялъ его за плечо.

— Вотъ вашъ сапогъ...

«Господинъ», увидѣвъ жандарма, сейчасъ же стихъ и забился въ уголъ. Но, помолчавъ, онъ съ укоризной началъ, криво натягивая сапогъ:

— Украйна! Украйна!

И, обращаясь къ Тычинѣ, воскликнулъ сонно:

— Милосстивый госсуддарь...

Тычина вздрогнулъ. Онъ узналъ петербургскаго франта. И этотъ пьяный окрикъ странно прозвучалъ для его слуха. Онъ вспомнилъ строчку, зачеркнутую въ началѣ письма Катри... Иногда снится, что слышишь какое-нибудь пустое слово, которое вдругъ покажется полнымъ грозного смысла... Тоже самое случилось теперь съ Володей на яву.

Онъ поблѣднѣлъ и машинально подошелъ къ петербургскому франту; но тотъ уже спалъ, и изъ угла попрежнему торчали

только его ноги. Володя круто повернулся на каблукахъ и сталъ быстро и широко шагать съ мрачной сосредоточенностью.

Часъ.

— Чортъ! Послушайте, однако, что же поѣздъ?

Помощникъ разводитъ руками.

— Давно ужь вышелъ... говоритъ онъ.—Да скоро изъ Блискавокъ придетъ... Видите, какая погода!

И хотя до сихъ поръ поѣзда ходили неаккуратно при всякой погодѣ, тѣмъ не менѣе, прислушиваясь къ реву ливня, помощникъ дѣлаетъ озабоченное лицо.

— Терпѣніе! произноситъ онъ послѣ паузы съ вѣжливой улыбкой, и исчезаетъ.

Буфетчикъ, зѣвая, креститъ ротъ. Слышно, какъ онъ въ полголоса говоритъ молоденькому телеграфисту, прибѣжавшему «перехватить»:

— Несчастіе, чего добраго, случилось...

Телеграфистъ молча пожимаетъ плечами, и, «перехвативъ», убѣгаетъ, между тѣмъ какъ Володя торопливо подходитъ къ буфетчику.

— Несчастіе?

Лицо у него блѣдное, измученное, глаза горятъ.

— Все отъ Бога...

— Что, братъ, зря болтаешь? гремитъ жандармъ, краснѣя, какъ индюкъ. — «Отъ Бога!» Дуракъ! Извините, ваше благородіе! вѣжливо говоритъ онъ Тычинѣ и дѣлаетъ подъ козырекъ.— Все обстоитъ благополучно! Ахъ, дуракъ, дуракъ! снова обращается онъ къ буфетчику, качая головой.

Появляется начальникъ станціи—въ толстомъ пальто и форменной шапкѣ. Тычина—къ нему.

— Несчастіе?

— Звонокъ! строго кричитъ начальникъ служителю.—Поѣздъ подходитъ, говоритъ онъ Володѣ съ неудовольствіемъ. — Развѣ не слышите?

Онъ поднимаетъ палецъ. Всѣ прислушиваются. Почва начинаетъ мѣрно дрожать. Потомъ раздается вдали хриплый свистокъ паровоза...

Поѣздъ подошелъ. Окна свѣтлыми четырехугольниками смотрятъ изъ темноты. Тычина бросается на платформу, пробѣгаетъ по вагонамъ, будитъ пассажировъ... Катри нѣтъ!

. . . . . .

И хотя «несчастія» не случилось, однако, ему показалось, что отсутствіе Катри и есть самое большое несчастіе, и что именно

его онъ опасался. Онъ не подумалъ, что погода могла задержать ее въ Кіевѣ, болѣзнь, мало ли что. Онъ сразу рѣшилъ—«Катря обманула». Но не вышелъ изъ себя, не сталъ проклинать. Только чувство огромной пустоты овладѣло имъ. Подождавъ до разсвѣта, пока не стихъ, наконецъ, дождь, онъ розыскалъ Полковника, заплатилъ сторожу за сѣно, подтянулъ ремень у сѣдла и молча поскакалъ домой.

Катря, дѣйствительно, не вернулась—никогда.

Максимъ Бѣлинскій.

8-го Марта, 1883.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БОСАЯ КОМАНДА.

I.

Въ нашихъ городахъ существуетъ особый классъ людей, дошедшихъ до послѣдней ступени бѣдности, на какой только можетъ существовать человѣкъ. Вѣрнѣе сказать, классъ этотъ стоитъ на такой ступени бѣдности, при которой, казалось бы, невозможно самое существованіе. Эти паріи современнаго общества нетолько не имѣютъ буквально ничего, но и не могутъ даже расчитывать на заработокъ. Существованіе этихъ паріевъ положительно загадочно. Нашъ народъ мѣтко опредѣлилъ положеніе этихъ несчастныхъ, прозвавъ ихъ *босяками* или *босой командой*. Названіе это, впрочемъ, не повсемѣстно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣняется другими именами; чаще же всего разныя названія этихъ подонковъ городского населенія существуютъ рядомъ. Одними изъ этихъ названій характеризуется положеніе «босяковъ»; такъ, напримѣръ, въ *Темрюкѣ* они извѣстны подъ именемъ *голяковъ*, въ *Рыбинскѣ* ихъ величаютъ *зимогоры*, (такъ какъ имъ приходится *зимой горевать*) и т. п. Другія названія указываютъ на способы добыванія средствъ «босяками», на образъ жизни, на ихъ характеръ и т. д.; таковы названія—*жулябія* (въ *Ишимѣ*), *жиганы* (въ *Тобольскѣ*), *воровскіе люди* (въ *Пинегѣ* и другихъ сѣверныхъ городахъ), *ночныя птицы* (въ *Одессѣ*) и др. Иногда названіе «босой команды» происходитъ отъ предмѣстья, въ которомъ ютятся ея члены: таковы—*красноярцы* въ *Балтѣ* (отъ предмѣстья *Красный Яръ*). Нѣкоторыя названія представляютъ собою просто продуктъ народнаго остроумія: напримѣръ, *золотая рота* (*портовые города Юга*), *мартышки* (*Рыбинскъ*) и др., наконецъ, нѣкоторыя названія, совсѣмъ необъяснимы; напримѣръ, *галаховцы* (*Саратовъ*). Современи сербской войны возникло новое названіе «босяковъ» и въ

настоящее время все болѣе и болѣе распространяется: это—*добровольцы золотой роты босого батальона.*

Уже изъ предыдущихъ указаній видно, что «босая команда»—явленіе очень распространенное. И дѣйствительно, едвали въ Россіи есть какой-нибудь городъ, въ которомъ не было бы представителей этого общественнаго класса. По крайней мѣрѣ, тѣ данныя, которыя удалось собрать мнѣ относительно «босой команды», указываютъ на существованіе ея членовъ въ большей части губернскихъ городовъ и во многихъ уѣздныхъ Европейской Россіи, а также въ нѣкоторыхъ городахъ Сибири. Въ маленькихъ, глухихъ городкахъ число «босяковъ» достигаетъ всего нѣсколькихъ десятковъ; но за то въ большихъ городахъ, особенно такихъ, которые постоянно или временно требуютъ значительнаго числа рабочихъ рукъ, каковы фабричные центры, портовые города, мѣста пересѣченія желѣзныхъ дорогъ и т. п.—въ такихъ городахъ «босая команда» считаетъ своихъ членовъ тысячами.

Точныхъ цифровыхъ данныхъ о численности «босяковъ», какъ вообще въ Россіи, такъ и въ частности въ отдѣльныхъ пунктахъ, конечно, не существуетъ. Статистика наша вообще хромаетъ, а «босая команда» до сихъ поръ совсѣмъ не подвергалась серьёзному изслѣдованію и изученію [1]. Тѣмъ не менѣе, существуетъ масса данныхъ, указывающихъ на то, что численность «босой команды» чрезвычайно громадна. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, касающіяся отдѣльныхъ мѣстностей.

Прежде всего, сообщимъ цифры о количествѣ нищихъ въ нѣкоторыхъ городахъ. При этомъ замѣтимъ, что нищенство, какъ это мы увидимъ ниже, далеко не единственный промыселъ «босой команды» и количество «босяковъ» въ нѣсколько разъ больше числа собственно нищихъ (я говорю о городскихъ нищихъ).

По даннымъ особой комиссіи, состоящей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, общее число нищихъ въ 54-хъ губерніяхъ, девяти областяхъ и восьми большихъ городахъ опредѣляется, какъ передаютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», въ 293,500 человѣкъ обоего пола [2]. Очевидно, что приведенная цифра не заслуживаетъ никакого довѣрія. Всякому, кто хоть нѣсколько знакомъ съ дѣломъ, понятно, что число ниществующихъ далеко не можетъ быть уложено въ скромную цифру трехсотъ тысячъ. Грубая ошибка «особой комиссіи» (ошибка, къ слову сказать, не сознавамая самою комиссіею и не помѣшавшая ей строить разные выводы и соображенія о мѣрахъ къ искорененію нищенства) произошла отъ того, что свѣденія комиссіею получались чрезъ полицію. А какую

---

[1] Насколько извѣстно, существуетъ только одинъ небольшой трудъ, имѣющій предметомъ положеніе «босяковъ». Трудъ этотъ—докладная записка, поданная начальству и доступная публикѣ только по краткимъ выдержкамъ въ «Русскомъ Курьерѣ» за 1879 г.

[2] «Русскій Курьеръ», 1882 г., № 168.

цѣну могутъ имѣть добытыя этимъ путемъ свѣденія, наглядно видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1879 г. архангельскій тюремный комитетъ запрашивалъ кольскаго исправника о количествѣ нищихъ въ г. *Колѣ*. Исправникъ отвѣтилъ, что въ Колѣ «открытаго нищенства нѣтъ» и что вообще «нищихъ нѣтъ», потому что и дѣти, и старые, *всѣ* работаютъ около промысловыхъ шнякъ и *въ хорошіе промысловые годы заработываютъ иногда даже* (!) *по 25 р. на человѣка* въ четыре лѣтніе мѣсяца (а жить приходится на эти 25 р. цѣлый годъ), а не способные къ работѣ призрѣваются родными, родственниками и благотворителями». Надо полагать, что «особая комиссія» получила не мало свѣденій, подобныхъ доставленнымъ кольскимъ исправникомъ. Въ дѣйствительности же Кола биткомъ набита нищими: при 800 жителяхъ она имѣетъ, какъ сообщаетъ кольскій городской голова, 58 *постоянныхъ* нищихъ. Цифра эта представляетъ собою минимальную численность нищихъ, которая имѣетъ мѣсто только въ лучшіе промысловые годы; при малѣйшей же неудачѣ мурманскихъ промысловъ число нищихъ въ Колѣ страшно возрастаетъ. «Крестьяне Кемскаго уѣзда, возвращающіеся осенью съ морскихъ промысловъ, придя въ Колу, нерѣдко не имѣютъ болѣе возможности продолжать путь до мѣстъ своего жительства за отсутствіемъ денегъ и остаются въ Колѣ нищенствовать. Такъ бываетъ почти каждый годъ, разница только въ количествѣ: въ годъ съ худымъ уловомъ число такихъ *временныхъ* нищихъ сильно увеличивается, въ годы же средняго улова число такихъ нищихъ меньше, но оно рѣдко доходитъ до нуля, потому что простые рабочіе—покрутчики—всегда получаютъ очень ничтожный заработокъ. Тоже явленіе повторяется и весною; только тогда покрутчики идутъ черезъ Колу на промыслы, проѣвшись дома за зиму окончательно и не имѣя ни копейки въ карманѣ. Значительная часть ихъ остается на нѣкоторое время въ Колѣ и побирается на дорогу. Въ это время съ ними идутъ туда же—на Мурманскій берегъ—мальчики отъ 10—15 лѣтъ, такъ называемые «зуйки». Приходя сюда до ледоплава въ Кольской губѣ, они остаются въ Колѣ нерѣдко на двѣ и болѣе недѣли и побираются» [1]. А г. Кольскій исправникъ все-таки говоритъ, что нищихъ въ Колѣ «нѣтъ». Такія-то «свѣденія» собрала «особая комиссія».

Чтобы дать хоть приблизительное понятіе о количествѣ нищихъ въ нашихъ городахъ (о сельскихъ нищихъ я не говорю), возьмемъ для примѣра нѣсколько первыхъ попавшихся городовъ и поищемъ свѣденій о числѣ нищенствующихъ въ нихъ лицъ. Въ *Казани*, напримѣръ, считается оффиціально 90,000 жителей, а по обывательскому счету около 140,000; 15 лѣтъ тому назадъ здѣсь считалось около 8,000 нищихъ, а въ 1881 году число ихъ достигло 20,000 человѣкъ, что составляетъ $^1/_7$ часть общаго на-

[1] «Страна», 1881 г., № 26 и «Русскій Курьеръ», 1881 г., № 9. Корреспонденціи изъ Колы.

*

селенія города [1] (принимая даже обывательскую цифру жителей). Въ *Ставрополѣ-Кавказскомъ*, при 30,000 жителей, въ зиму 1879—80 гг. нищихъ было болѣе тысячи [2]. Въ *Ярославлѣ* нищими набита цѣлая слобода—*Ямская* [3]. Такія же извѣстія о многочисленности нищихъ получаются и изъ множества другихъ городовъ, напримѣръ, *Рязани* [4], *Харькова*, *Кіева* [5] и др. Въ столицахъ нищенство также страшно развито, несмотря на всѣ репресивныя мѣры: такъ, еще недавно старшина московскаго мѣщанскаго общества требовалъ устройства особыхъ исправительныхъ и работныхъ заведеній для нищенствующихъ [6].

Но если число однихъ только городскихъ нищихъ несравненно выше цифры, указанной «особою комиссіею», то число лицъ, стоящихъ вообще въ рядахъ «босой команды», должно быть громадно. Для нѣкоторыхъ городовъ мы имѣемъ цифровыя данныя. Въ *Кронштадтѣ* численность пролетаріата достигаетъ до 30,000» [7]. Изъ *Ростова-на-Дону*, послѣ безпорядковъ 1879 г., два раза высылали лицъ, «не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій», по нѣскольку тысячъ каждый разъ, и тѣмъ не менѣе, численность золоторотовцевъ въ Ростовѣ и теперь громадна: ими набиты госпитали, богадельни, больницы, ночлежные пріюты и т. п. Ночлежныхъ пріютовъ въ Ростовѣ оффиціально насчитывается 40 и всѣ они постоянно переполнены [8]. Кромѣ того, огромное количество ростовскихъ «босяковъ» живетъ въ Яру, расположенномъ между Ростовомъ и Нахичеванью, и на кладбищахъ. Въ *Саратовѣ*, въ теченіи 1879 года, въ двухъ городскихъ ночлежныхъ домахъ перебывало болѣе 35,000 посѣтителей (по 2 коп. за ночь) [9], но, кромѣ того, здѣсь масса частныхъ ночлежныхъ домовъ—«галаховокъ», «въѣзжихъ дворовъ» и т. п. [10]. Въ *Кіевѣ* еще въ 1879 г. было 16 ночлежныхъ домовъ и 12 «заѣзжихъ дворовъ» и всѣ они постоянно переполнены [11]. Кромѣ того, по сообщеніямъ мѣстныхъ газетъ, здѣсь масса «босяковъ» ночуетъ подъ открытымъ небомъ. Въ *Одессѣ* насчитывается до 40,000 человѣкъ, которые постоянно или временно, во время безработицы (явленія очень частаго, повторяющагося ежегодно), стоятъ въ рядахъ «босой команды» [12]. «Босая команда» въ Одессѣ представляетъ собою цѣлую армію, служащую предметомъ по-

---

[1] «Русскія Вѣдомости», 1881 г., № 247.
[2] «Русскій Курьеръ», 1880 г., № 150.
[3] «Русскія Вѣдомости», 1879 г., № 2.
[4] «Русскій Курьеръ», 1881 г., № 215.
[5] «Кіевлянинъ», 1879, № 3.
[6] «Русскій Курьеръ», 1882 г., № 144.
[7] «Русскій Курьеръ», 1882 г., № 118.
[8] «Дѣло», 1882 г., № 8. Ст. К—а, стр. 30.
[9] «Московскія Вѣдомости», 1880 г., апрѣль.
[10] «Новое Время», 1880 г., № 1566.
[11] «Кіевлянинъ», 1879 г., № 42. Ст. д-ра Н. Щербины.
[12] «Русскій Курьеръ», 1882 г., № 268 и «Недѣля», 1879, № 5.

стоянныхъ заботъ тамошняго полицейскаго и городского управленія, тщетно изыскивающихъ какія-либо мѣры противъ нея [1]. Изъ 12,500 душъ мѣщанскаго общества г. *Шлиссельбурга* «до 12,000 болтаются гдѣ-то безъ паспортовъ по матушкѣ Руси» [2]; очевидно, эти 12,000 стоятъ въ рядахъ «босой команды». Даже въ такихъ мирныхъ и глухихъ городахъ, какъ *Пенза*, «босяки» очень размножились: здѣсь «полиціи нерѣдко приходилось зимою встрѣчать скитающихся по улицамъ бездомныхъ нищихъ или наталкиваться на ночлежниковъ въ холодныхъ ларяхъ на базарной площади», а потому «городская дума ассигновала 5,000 р. на устройство ночлежнаго пріюта, примѣрно, на 100 человѣкъ» [3]. Не мало «босяковъ» и въ сибирскихъ городахъ. Такъ изъ *Томска* жалуются, что тамъ, съ закрытіемъ ночлежнаго дома, бывшаго единственнымъ пріютомъ «бездомнаго люда», «пролетаріатъ разсыпался по всему городу», число бродягъ увеличилось и начались повальныя кражи [4]. Такія же жалобы несутся изъ *Иркутска* [5].

Всѣ эти отрывочныя данныя, взятыя изъ массы цифръ и свѣденій, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, приведены для того, чтобы показать хоть приблизительно распространенность и численность «босой команды». Данныя эти, несмотря на всю ихъ случайность и безсистемность, ясно показываютъ, что «босая команда» заслуживаетъ самаго серьёзнаго вниманія.

II.

Что̀ же за люди — эти «босяки»? Что̀ это за міръ—«босая команда»?

Подъ Одессой тянутся длинными рядами катакомбы. Это такъ называемыя *ломки*, изъ которыхъ вынутъ камень и которыя затѣмъ заброшены. Значительная часть Одессы стоитъ именно надъ такими катакомбами, что̀ вызываетъ даже серьёзныя опасенія, какъ бы въ одинъ прекрасный день верхній пластъ одесской почвы не опустился и часть Одессы не рухнула. «Ломки» эти образуютъ извилистый, запутанный лабиринтъ, отдѣльныя галлереи котораго идутъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и имѣютъ множество сообщеній между собой и ходовъ. Все это представляетъ массу удобствъ для лицъ, которымъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, приходится укрываться отъ рукъ полиціи. Не удивительно, что одесская «босая команда» сдѣлала «ломки» своею штаб-квартирою и отсюда угрожаетъ мирнымъ одесситамъ.

---

[1] См., напр., «Голосъ», 1882 г., № 252.
[2] «Голосъ», 1882 г., № 100.
[3] Id., № 74.
[4] «Русскій Курьеръ», 1882 г., № 143.
[5] «Новое Время», 1882 г., № 2210.

О какихъ-либо жизненныхъ удобствахъ такихъ оригинальныхъ жилищъ, какими являются «ломки», не можетъ быть и рѣчи. И лѣто, и зиму одесскимъ «босякамъ» приходится жить въ сырыхъ, вонючихъ пещерахъ, спать на голой землѣ, мокрой весною и осенью и замерзшей зимою, и подвергаться простуднымъ и всякаго рода инымъ болѣзнямъ. Оборванные, нетолько безъ теплаго, но и безъ всякаго платья, они должны переносить трескучіе морозы, должны мокнуть и зябнуть, валяясь въ грязи, должны отогрѣвать свои коченѣющіе члены однимъ моціономъ и могутъ позволить себѣ единственную роскошь—принесть въ свое жилище украденную гдѣ-нибудь солому и ею хоть слегка прикрывать свое грѣшное тѣло. Это мѣсто, гдѣ наживаются мучащіе потомъ всю жизнь ревматизмы, гдѣ свирѣпствуетъ тифъ, гдѣ чуть не каждый обитатель страдаетъ легочными болѣзнями. Здѣсь теплые дни, когда можно отогрѣться на солнцѣ, вылѣзши изъ пещеры, являются праздниками, а день, когда можно быть сытымъ, служитъ исключеніемъ.

Но одесскія «ломки» являются роскошнымъ жилищемъ сравнительно съ тѣми дырами, въ которыхъ обитаютъ ростовскіе «золоторотовцы». Между Ростовомъ и Нахичеванью, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ «Богатый колодезь», есть яръ, въ который сваливается изъ города навозъ и всякія нечистоты, и вотъ здѣсь-то, въ этомъ навозѣ, «босяки» роютъ дыры и живутъ въ нихъ... Жизнь *собачья*, въ буквальномъ смыслѣ слова. «Мнѣ каждый день приходилось, пишетъ одинъ наблюдатель ростовской жизни:—проходить мимо одной ямки подъ набережными. Кто ее первоначально выкопалъ—не знаю, но я всегда заставалъ тамъ или спящую бродячую собаку, или рабочаго. Аналогія сама невольно напрашивается...» [1]

Умъ отказывается вѣрить, воображеніе—представить, чтобы было возможно подобное ужасное существованіе! Нужно самому видѣть эти навозныя дыры, самому наблюдать, какъ въ нихъ ворочаются и копошатся, какъ муравьи въ своихъ норахъ, обрюзглые, испитые, оборванные, загрязненные до послѣдней степени люди, чтобы не заподозрить въ фантастичности всѣ разсказы о жизни «босяковъ»...

А между тѣмъ, люди, находящіеся въ такомъ ужасномъ положеніи, встрѣчаются всюду, по городамъ. Такъ, изъ Рязани пишутъ, что тамошній пролетаріатъ имѣетъ «пристанище свое подъ открытымъ сводомъ неба» [2]. Въ Казани «босяки» живутъ въ плотахъ на Казанкѣ, подъ мостами, на пристани [3]. Рыбинскіе «зимогоры» ютятся зимой въ стогахъ, стоящихъ на поляхъ вокругъ города [4]. Въ Пензѣ, какъ мы видѣли, голь живетъ подъ

---

[1] «Дѣло», 1882, № 8. Съ низовьевъ Дона, К—ва, стр. 303.
[2] »Русскій Курьеръ», 1881, № 215.
[3] «Страна», 1881, № 132.
[4] «Русская Правда», 1879. Ноябрь.

заборами или въ базарныхъ ларяхъ. Въ *Ялтѣ* положеніе поденщиковъ таково: «Всѣ они ѣдятъ и спятъ, несмотря ни на какую погоду, подъ открытымъ небомъ. Къ этому вынуждаетъ дороговизна помѣщеній, въ которыхъ за одинъ только ночлегъ рабочій долженъ заплатить отъ 15 до 25 коп.; горячей пищи рабочіе не ѣдятъ, такъ какъ за одинъ только борщъ хозяйки берутъ 12 коп., а за горячее съ кашей—20 коп.» [1]. Для воронежской бѣдноты пристанищемъ долго служили, а, можетъ быть, служатъ и теперь, холодные, темные сараи при городскихъ вѣсахъ на Щепной площади [2]. Въ *Варшавѣ* жилищами бѣдняковъ являются бочки и брошенные старые вагоны [3]. Такую же роль играютъ во многихъ городахъ склепы на кладбищахъ [4]. Наконецъ, всюду «босяки» живутъ «у генерала Лопухова», т. е. попросту, въ какой-нибудь канавѣ подъ лопухомъ.

Людямъ, привыкшимъ къ теплымъ квартирамъ, невозможно даже представить себѣ весь ужасъ положенія несчастныхъ, живущихъ въ ломкахъ, ютящихся въ навозныхъ дырахъ, проводящихъ зиму въ стогахъ, ночующихъ въ канавахъ, подъ заборами, въ базарныхъ ларяхъ, подъ мостами и т. д. Нужно самому все это видѣть, чтобы признать все это возможнымъ, а не взятымъ изъ области фантазіи. Я и не пытаюсь поэтому нарисовать картину страданій этой самой послѣдней категоріи пролетаріевъ. Поднимемся одною ступенью выше и посмотримъ на жизнь тѣхъ счастливцевъ изъ «босой команды», которые могутъ расходовать ежедневно по 2—5 копеекъ за ночлегъ и, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, зимою, проводить ночи не подъ открытымъ небомъ. Познакомившись съ обстановкой жизни этихъ *счастливцевъ*, читатель можетъ самъ попытаться представить картину жизни менѣе счастливыхъ.

Вотъ передъ нами *ярославскіе* ночлежные дома. «Отвратительнѣе этихъ убійственныхъ клоакъ трудно себѣ что-либо представить... Плѣсень, грязь, стужа, вотъ главныя основанія этихъ помѣщеній, за которыя бѣдняки должны уплачивать 5-ти-копеечный сборъ. Мнѣ привелось взглянуть нечаянно на *лучшій* пріютъ для ночлега (въ одномъ изъ постоялыхъ дворовъ, помѣщающемся на *центральной* улицѣ). Въ небольшой грязной избѣ помѣщалось въ повалку на печи, полатяхъ и полу до 30-ти человѣкъ... Спертый воздухъ былъ весь пропитанъ испареніями сырой и прѣющей обуви, такихъ же полушубковъ и т. п. принадлежностей. Можно было свѣжему человѣку задохнуться, а это еще лучшее помѣщеніе, оплаченное 5-ти и даже 10-ти-копеечнымъ сборомъ лицами, болѣе или менѣе счастливыми, какъ обладающими и средствами уплаты, и паспортами... Что же, спра-

---

[1] «Голосъ», 1874 г., № 4.
[2] Id., февраль.
[3] «Молва», 1879.
[4] См., напр., «Дѣло», 1882 г., № 7. Съ низовьевъ Дона. *И. Кольцова.*

шивается, испытываютъ тѣ, кто лишены и того, и другого и вынуждены ютиться въ трущобныхъ пріютахъ—страшно и подумать» [1]. Ничуть не лучше ночлежные дома въ *Ростовѣ-на-Дону:* «Санитарныя условія ихъ ужасны. Помѣщенія низки и малы, отдѣленій для половъ и возрастовъ нѣтъ никакихъ, надзоръ отсутствуетъ, развратъ тамъ самый грубый» [2]. Въ *Самарѣ* ночлежными домами служатъ такъ называемые *въѣзжіе* или *въѣздные* дворы, на которые, кромѣ босяковъ, набиваются еще пріѣзжающіе въ городъ крестьяне. Обстановка этихъ въѣздныхъ дворовъ такъ же скверна и отвратительна, какъ и въ ярославскихъ и ростовскихъ ночлежныхъ домахъ, но имѣетъ и свои особенности. «Чуть-чуть мерцаетъ висящая на потолкѣ лампа съ опущеннымъ фитилемъ и тускло освѣщаетъ лежащія въ повалку фигуры, безъ различія пола и возраста, на полу, на лавкахъ, на печкѣ, полатяхъ—словомъ, вездѣ, гдѣ только можно человѣку приткнуться, хотя бы и въ полусогнутомъ положеніи. Вотъ лежатъ подъ полушубками — это пріѣзжіе съ хлѣбомъ и овсомъ крестьяне; тамъ расположились подъ кучами неопредѣленнаго цвѣта тряпья—значитъ, здѣшніе, самарскіе пролетаріи. Запахъ невыносимъ и положительно ошибаетъ свѣжаго человѣка. Слышатся порою стоны, скрежетъ зубовъ, храпъ. По потолку и стѣнамъ разгуливаютъ тучи таракановъ, нерѣдко сваливаясь и падая на спящихъ, на ихъ лица. Клопы повылѣзли изъ своихъ убѣжищъ и отправились на мародерство, но ихъ кусанье мало кого безпокоитъ; трезвые обтерпѣлись и привыкли къ нимъ и другимъ паразитамъ, развѣ-развѣ только почешется кто, не просыпаясь, а о пьяныхъ и говорить нечего». Забираются ночлежники въ избу обыкновенно часовъ съ 8-ми вечера; «въ избѣ въ это время стонъ стоитъ отъ собравшейся толпы — сразу и не поймешь, что̀ это такое: крикъ, гулъ, пѣсни, ругань такъ и слились въ одинъ сплошной неумолчный шумъ, и только привычный къ такому дикому шабашу на въѣздныхъ дворахъ кое-какъ еще можетъ оріентироваться въ этомъ дьявольскомъ крикѣ и гамѣ. Часть присутствующихъ закусываетъ за столомъ, остальные, дожидаясь своей очереди, сгрудились по лавкамъ, усѣлись, гдѣ можно, даже на полу; нѣкоторые стоятъ кучками, а кто успѣлъ уже улечься на печь и полати, и жадно слѣдитъ оттуда за ужинающими, не имѣя возможности предаться, съ своей стороны, такой роскоши. Чадъ и дымъ отъ тютюна съ махоркой, выкуриваемыхъ изъ трубокъ и носогрѣекъ, свернутыхъ изъ бумаги, зловоніе отъ прѣющей одежды, отъ портянокъ переобувающихся... Наконецъ, всѣ отъужинали и, охая, ухая, почесываясь и позѣвывая, приготовляются ко сну; въ это время изъ хозяйской боковушки и небольшой, темной комнатки противъ нея, выползаетъ хозяйская семья и постояльцы, занимающіе въ комнаткѣ кро-

---

[1] «Новое Время», 1882 г., № 2187.

[2] «Русскій Курьеръ», 1882 г., № 95.

вати, съ платой отъ 1 р. до 1 р. 50 к. и 2 р. въ мѣсяцъ, смотря по тому, стоитъ ли кровать у окна или въ темномъ углу. Такихъ кроватей полагается на комнатку отъ 5-ти до 6-ти». Занимаетъ эти кровати «аристократія общественныхъ подонковъ», живущая обыкновенно съ «сожительницами». Теперь эта «аристократія» приступаетъ къ ужину. Не казистъ, однако, оказывается и «аристократическій» ужинъ въ ночлежныхъ трущобахъ: водянистыя щи съ «бараньими башками», продуктомъ весьма дешевымъ, или съ «гусакомъ»; иногда то и другое замѣняется отвратительной солониной съ «душкомъ»; изрѣдка за этимъ кушаньемъ слѣдуетъ каша. Послѣ ужина пьютъ чай изъ громаднаго самовара; чаевничать *могутъ* и ночлежники, если въ состояніи заплатить 3 к. с., за что имъ полагается отъ хозяевъ кусокъ сахару и жиденькій чай мерзѣйшаго достоинства. Пьютъ много и долго, добавляя самоваръ по нѣскольку разъ. Послѣ чая всѣ укладываются, свѣтъ въ лампахъ уменьшаютъ и все успокоивается, впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока кто-либо не вздумаетъ прогуляться изъ избы или же взглянуть на лошадей и подбавить имъ корму. Какъ ни ухитряются эти люди пробраться между сплошной массой спящихъ какъ можно осторожнѣе, не задѣвая никого—это имъ рѣдко удается: то ногу отдавитъ кому, то въ рыло заѣдетъ. Поднимается ругань, просыпаются болѣе чуткіе и порою, въ пылу раздраженія, бьютъ ругающихся или разнимаютъ ихъ, если они разодрались, и опять все стихаетъ до новаго приключенія подобнаго рода» [1]. Такова жизнь въ самарскихъ въѣзжихъ дворахъ.

Еще хуже положеніе обитателей кіевскихъ ночлежныхъ домовъ. Въ 1879 г., ночлежные дома Кіева были осмотрѣны медиками и то, что они видѣли тамъ, превосходитъ по своему ужасу все, что можетъ создать самая пылкая фантазія. Вотъ обращикъ *лучшаго* кіевскаго ночлежнаго дома—еврейки Мощихи: «Комната, гдѣ спали босяки, буквально была биткомъ набита ими. Лежали босяки и въ повалку на голомъ полу одинъ возлѣ другого, и на диванчикахъ и скамьяхъ, и подъ ними. Было до того тѣсно, что, прежде чѣмъ ступить, приходилось сперва искать мѣста для ноги, опасаясь въ противномъ случаѣ наступить на носъ или руку спавшаго. Диванчики и скамьи были крайне узки и коротки. Особенно скамьи: спавшіе на нихъ могли лежать только въ положеніи покойника, на спинѣ, вытянувшись и скрестивъ руки на груди, ноги же ихъ, начиная съ верхней трети голеней торчали въ воздухѣ. При такомъ неестественномъ положеніи врядъ ли возможенъ отдыхъ для тѣла. Воздухъ въ пріютѣ спертый, тяжелый и зловонный». А вотъ образчикъ *худшаго* ночлежнаго дома—Яцунова: «Дворъ—это слои искони невывозимаго навоза и зловонной грязи. Возлѣ входной двери пріюта—мѣсиво изъ грязи и клоачной жидкости, такъ что пробираться въ

[1] «Волга», 1882 г., № 572.

пріютъ приходится съ большой осторожностью по проложенной доскѣ. По крутой лѣстницѣ, ступени которой покрыты слоемъ несходящей съ нихъ грязи, вы спускаетесь въ глубокій погребъ, на 4 аршина ниже поверхности земли. Погребъ довольно обширный, но низкій (вышина 3 аршина). На улицу два узкихъ окошечка; верхніе края оконныхъ рамъ на одномъ уровнѣ съ тротуаромъ улицы. У внутренней стѣны русская печь, посрединѣ погреба — печь желѣзная. Стѣны сыры, мокрый земляной полъ покрытъ грязью. Вокругъ стѣнъ сплошныя нары. Воздухъ тяжелый, спертый, чувствуется гниль и сырость, рѣзкій запахъ человѣческаго пота, разопрѣвшаго грязнаго тѣла, сапогъ, махорки и всякой нечисти. Однимъ словомъ, духъ захватываетъ у непривычнаго человѣка при входѣ и позываетъ на рвоту. И не мудрено, если вспомнимъ, что здѣсь къ порчѣ воздуха нормальными выдѣленіями легкихъ и кожи жильцовъ, а равно къ запаху ихъ неопрятной одежды примѣшивается и почвенный воздухъ усадьбы Яцуновыхъ, естественно проникающій черезъ земляной полъ и въ самый погребъ. Погребъ тускло освѣщается какимъ-то огаркомъ, подлѣ худой человѣческой фигуры, перебирающей лохмотья. На нарахъ, безъ всякой подстилки, и подъ ними, на голомъ мокромъ полу, положивъ подъ голову ветхую одежонку, спятъ босяки. Мѣстами видны фигуры сидящихъ и бесѣдующихъ ночлежниковъ, разбросанныя котомки, голенища сапоговъ, лапти и т. п. Всѣхъ босяковъ было 30 человѣкъ. Бездомность, крайняя нищета и тяжелый трудъ такъ и бьютъ въ глаза въ этомъ пріютѣ. Одежда на всѣхъ ветхая; лица блѣдныя, исхудалыя. На разспросы наши отозвавшіеся голоса босяковъ были хриплые, глухіе: такъ и слышался въ нихъ ларингитъ или хроническое страданіе легкихъ. Несмотря на это, они заявляли, что здоровы и здѣсь имъ «ничего». Кто-то изъ насъ, врачей, сказалъ, что такой ночлежный домъ немыслимъ и его слѣдуетъ закрыть. Точно электрическая искра пробѣжало послѣднее слово по босякамъ. Даже иные изъ лежавшихъ до того неподвижно повскакали. Раздались хриплые, полу-гнѣвные, полуизумленные возгласы: «Закрыть... А куда мы дѣнемся!? На улицу насъ, что ли, выбросить?..» Имъ предложили перейти въ другіе пріюты. «Всѣ переполнены, былъ отвѣтъ босяковъ: — а то развѣ лежали бы мы здѣсь? Въ другихъ хоть и тѣсно, да не такъ сыро...» До какой степени набиты ночлежные пріюты босяками, видно изъ того, что въ нихъ чаще всего приходится на ночлежника $^1/_3$ куб. саж. воздуха, нерѣдко $^1/_4$, въ двухъ пріютахъ $^1/_5$ и $^1/_6$, а въ одномъ (д. Иващенко) всего немного болѣе $^1/_9$ куб. саж. на человѣка» [1].

Не въ лучшемъ положеніи находятся и столичные ночлежные дома. Въ *московскихъ* ночлежныхъ пріютахъ иногда «приходится на человѣка всего $^1/_6$ кубическая сажень воздуха, а если вы-

[1] «Кіевлянинъ», 1879 г., № 44. Ст. д-ра И. Щербины.

честь мѣсто, занимаемое тѣлами людскими, то придется еще менѣе». Въ *петербургскихъ* ночлежныхъ домахъ иногда приходится 5—6 куб. метровъ пространства на человѣка, а въ большинствѣ случаевъ 3—4 куб. метровъ. «Въ иныхъ же помѣщеніяхъ рабочіе живутъ до того тѣсно, что на каждаго приходится не болѣе 2 куб. метр. пространства или 1/5 куб. саж.»

Образцомъ трущобъ, въ которыхъ ютится столичная голь, можетъ служить знаменитый домъ князя Вяземскаго. Представьте себѣ въ центрѣ, въ одномъ изъ бойкихъ мѣстъ Петербурга (по Обуховскому проспекту № 4, въ двухъ шагахъ отъ Сѣнной площади) обширный, до 3,500 кв. саж. величины, дворъ, полузамощенный, грязный и мѣстами загаженный всякой дрянью, черезъ который проходятъ Большой и Малый Полторацкіе переулки, наполненный въ большинствѣ случаевъ ветхими, полуразрушающимися или крайне запущенными зданіями — это и есть пресловутый домъ князя Вяземскаго. Это словно цѣлый равелинъ старинныхъ полуразрушенныхъ казармъ какой-то давно упраздненной крѣпости. Всѣхъ корпусовъ, составляющихъ такъ сказать городокъ князя Вяземскаго, 13, изъ нихъ подъ жильемъ находится 7. Каждый корпусъ имѣетъ свое названіе: четвертаковый, полтинный, большой полторацкій, малый полторацкій, корзинкинъ, обуховскій и 7-й безъ названія, въ нижнемъ этажѣ котораго находятся бани, упраздненныя въ ноябрѣ 1881 года. Эти знаменитыя нѣкогда полторацкія бани содержались до такой степени грязно, что въ мыльняхъ отъ гнилости и грязи завелись громадные черви. Такою же чистотою отличается и весь домъ. Лицевой флигель, выходящій на Обуховскій проспектъ, занятъ сравнительно болѣе зажиточными жильцами; но и онъ представляетъ собою неописуемо-безобразное зрѣлище. Жильцы набиты въ квартиры, какъ сельди въ бочкѣ, особенно въ третьемъ этажѣ. Стѣны пропрѣли и сыры, какъ внутри, такъ и снаружи. Все въ какомъ-то хаотическомъ запустѣніи. Вонь ужасная, несмотря на то, что окна или повыбиты или открыты. Въ подворномъ флигелѣ, выстроенномъ въ pendant къ лицевому, въ верхнихъ трехъ этажахъ никто не живетъ, такъ-какъ тамъ нѣтъ половъ и этажи отдѣляются другъ отъ друга однѣми балками. Въ нижнемъ этажѣ этого флигеля помѣщается зловонное *гусачное* заведеніе. Кромѣ того, въ домѣ Вяземскаго есть еще одно подобное же заведеніе; въ обоихъ варятся и приготовляются требуха, рубцы, печенка—продукты, которые потомъ продаются по всему городу на лоткахъ. Приготовленіе этихъ съѣдобныхъ продуктовъ производится въ невѣроятной грязи и въ такой отвратительно вонючей атмосферѣ, что съ нѣкоторыми членами комиссіи, осматривавшей руины Вяземскаго 12 января 1882 года, дѣлалось дурно. Въ слѣдующемъ флигелѣ, вверху, живетъ не менѣе 300 душъ, а лѣстница — одна: по мнѣнію г. Латкина, члена комиссіи, осматривавшей домъ Вяземскаго 20-го марта 1882 года, въ случаѣ пожара въ этомъ флигелѣ, жильцамъ его

нѣтъ спасенія. Слѣдующій, малый полтарацкій флигель, или такъ называемая «стеклянная галлерея», «пропрѣлъ, провонялъ и проржавѣлъ насквозь» (слова г. Латкина). Во всѣхъ этихъ флигеляхъ занятыхъ квартиръ сто съ небольшимъ, въ которыхъ помѣщаются болѣе 3000 человѣкъ. Квартиры состоятъ или изъ одной комнаты или изъ двухъ; въ однокомнатныхъ скучено отъ 16 до 30 человѣкъ, въ двухкомнатныхъ—отъ 25 до 40. Иногда набивается и вдвое болѣе указанной цифры. Каждый жилецъ занимаетъ крайне ничтожное пространство, дыша сырой, промозглой и зараженной міазмами атмосферой. Промозглость эта слышна уже на «чистомъ воздухѣ», когда вы входите во дворъ, а о лѣстницахъ и вспоминать трудно безъ омерзенія, до того пропитались онѣ вонью, которая, благодаря сырости, въѣлась въ стѣны и скользкіе, неровные и изрытые ступеньки. Внутренность квартиръ представляетъ крайне непривлекательный видъ. По обѣимъ сторонамъ комнаты находятся нары, на которыхъ лежитъ нѣчто, напоминающее комокъ грязи, вмѣсто подушки, рогожка вмѣсто тюфяка, какія-то разноцвѣтныя тряпки и то не вездѣ, вмѣсто одѣяла. Подъ нарами протянуты тонкія веревки, на которыхъ виситъ кое-что, а что именно — разобрать трудно, такъ ветхо, изношено, загрязнено. А вотъ и самые обитатели: на ихъ лицахъ лучше всякихъ словъ изображаются безконечная нужда, отчаяніе, а чаще — полная апатія. Объ ихъ костюмахъ говорить много не приходится, такъ-какъ они едва прикрыты. Спятъ и на нарахъ, и подъ нарами: подъ нарами спать дешевле. Вообще плата за ночлегъ колеблется отъ 3 к. до 10. Квартиры содержатся хозяйками, изъ которыхъ большинство—крестьянки Смоленской губерніи. Хозяйки платятъ домовладѣльцу по 20 р. въ мѣсяцъ за квартиру въ одну комнату и по 40 р.—въ двѣ. Платя такія неслыханныя цѣны за вонючія конуры, хозяйки стараются всячески выжать затраченныя деньги, и конечно, съ барышемъ, изъ жильцовъ; онѣ набиваютъ какъ можно болѣе квартиры жильцами, заставляютъ жильцовъ покупать обязательно у нихъ—и, конечно, за тройную цѣну—выпиваемую въ квартирахъ водку, отбираютъ или покупаютъ за безцѣнокъ все, что имъ понравится у жильцовъ, а въ случаѣ отказа избиваютъ строптивыхъ или самолично, или чрезъ своихъ сожителей и т. п. Тяжесть, налагаемая домовладѣльцемъ на содержательницъ квартиръ, перелагается ими, разумѣется, на жильцовъ, и въ концѣ концовъ за все про все отдуваются послѣдніе. Хозяйки являются аристократическимъ элементомъ населенія. Въ каморкахъ, которыя онѣ отгораживаютъ для себя въ квартирахъ, можно видѣть образа въ ризахъ, самовары и многое другое, свидѣтельствующее о зажиточности. Въ противоположность жильцамъ, хозяйки — бабы тучныя, здоровыя, бойкія. Но жильцы и жилички имѣютъ жалкій, испитой видъ. Особенно ужасно положеніе дѣтей, которыхъ здѣсь довольно обоего пола и всѣхъ возрастовъ, начиная съ грудныхъ. И этимъ несчастнымъ малюткамъ приходится рости въ такой

ужасающей атмосферѣ (физической и нравственной), въ такой разрушающей обстановкѣ, въ такой адской ямѣ, въ которую зачастую не проникаетъ даже лучъ солнечный: есть квартиры, въ которыхъ нѣтъ оконъ и онѣ освѣщаются днемъ и ночью огнемъ [1]...

А между тѣмъ, домъ Вяземскаго, сравнительно съ другими петербургскими ночлежными трущобами, считается еще находящимся въ лучшихъ условіяхъ!..

Надо замѣтить вообще, что «босяки» платятъ за право переночевать въ отвратительныхъ трущобахъ далеко не дешево. Въ Кіевѣ съ ночлежниковъ берутъ за ночлегъ на полу, на нарахъ или подъ нарами, безъ подстилки—2—3 коп., съ подстилкою пучка соломы 5 к., за диванчикъ 10—15 к. и за кровать въ комнатѣ для привилегированныхъ 12 — 30 к. Цѣны очень высокія, если принять во вниманіе, что онѣ платятся за $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_6$ и даже $^1/_9$ куб. саж. пространства. Въ концѣ концовъ, босяку ночлегъ обходится въ мѣсяцъ около 1 р. 50 к, а хозяинъ, владѣлецъ какого-нибудь погреба въ 10 куб. саж. или комнаты въ 7—8 куб. саж., получаетъ отъ 30 до 35 р. въ мѣсяцъ, т. е. не менѣе 300 р. въ годъ. Понятное дѣло, что такою суммою вполнѣ можетъ окупиться содержаніе ночлежнаго дома, устроеннаго въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ и съ несравненно большими удобствами—на общественный счетъ. Къ сожалѣнію, объ устройствѣ подобныхъ домовъ что-то мало слышно; да и тѣ немногіе ночлежные дома, которые кое-гдѣ устроены городскими думами, содержатся ни чуть не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ то, въ какомъ находятся домъ Вяземскаго и ему подобные. Но за то нерѣдко приходится слышать о закрытіи существующихъ ночлежныхъ домовъ. Такъ, недавно былъ закрытъ ночлежный домъ въ Томскѣ; хотѣли было въ началѣ настоящаго года закрыть домъ Вяземскаго, хотя помѣщеніе, куда было бы можно перевести 3000 слишкомъ обитателей этого дома, не было приготовлено; въ Одессѣ, въ ноябрѣ прошлаго года, полицмейстеръ приказалъ всѣмъ приставамъ обязать хозяевъ частныхъ ночлежныхъ пріютовъ подписками въ томъ, что они не будутъ пускать къ себѣ ночлежниковъ, такъ какъ общественныхъ ночлежныхъ пріютовъ очень много (?!) [3], и т. д.

Чѣмъ же питаются завсегдатаи ночлежныхъ пріютовъ? Читатель уже самъ можетъ представить себѣ, какая мерзость идетъ въ пищу обитателей такихъ трущобъ, какъ домъ Вяземскаго или кіевскіе ночлежные дома, и потому я не буду входить въ подробности по этому предмету, а ограничусь сообщеніемъ одного факта. Во время ветлянской эпидеміи въ газетахъ нерѣдко встрѣчались извѣстія въ родѣ слѣдующихъ: «на бориспольскую ярмарку была привезена въ большомъ количествѣ рыба, которая

---

[1] «Новое Время», 1882 г., № 2085, и 1882 г., № 2111. «Голосъ», 1882 г., № 75.

[2] «Страна», 1881, № 149. Изъ «Одесскаго Вѣстника».

почти вся оказалась испорченной; по распоряженію становаго пристава она вся была облита керосиномъ и зарыта въ землю. Но нашлись люди, которые отрыли облитую керосиномъ рыбу и хотѣли ее стащить. Эти любители рыбы пойманы и преданы суду». Я помню, какое изумленіе вызывали тогда извѣстія такого рода. «Какъ это можно рѣшиться ѣсть завѣдомо гнилую рыбу?» удивлялись всѣ. Между тѣмъ, такіе факты вовсе не являются чѣмъ-либо исключительнымъ, а представляютъ собою постоянное явленіе: всѣ съѣстные продукты, оказавшіеся по полицейско-медицинскому осмотру вредными для употребленія и выброшенные куда-нибудь въ яръ, въ мѣсто свалки нечистотъ, подбираются и потребляются въ пищу. Мнѣ пришлось довольно близко ознакомиться съ этимъ предметомъ въ *Ставрополѣ-Кавказскомъ*; здѣсь многіе бѣдняки прямо говорятъ, что прежде они «совсѣмъ не знали, какой вкусъ у рыбы», а теперь, познакомившись ближе съ мѣстами свалки негодныхъ продуктовъ, они «часто бываютъ съ рыбкой». Вообще собираніе гнилыхъ, испорченныхъ выбросовъ—фактъ, очень распространенный среди босяковъ. Его можно наблюдать и въ Петербургѣ, въ мѣстахъ свалки сгнившихъ фруктовъ и многихъ другихъ продуктовъ.

Неудивительно, что, живя въ такой невозможной обстановкѣ и питаясь всевозможною гадостью, босяки страшно болѣютъ и страшно мрутъ. Къ сожалѣнію, точныхъ цифровыхъ данныхъ о смертности въ ночлежныхъ домахъ нѣтъ. Приходится, поэтому, довольствоваться отрывочными заявленіями медиковъ, которыя, тѣмъ не менѣе, очень характерны. Привожу одно изъ такихъ заявленій. Докторъ Мачушковскій свидѣтельствуетъ, что одесскіе ночлежные дома «служатъ однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ распространенія тифозной эпидеміи въ городѣ»; на 31 случай тифозныхъ больныхъ, поступившихъ въ теченіи одной недѣли въ городскую больницу. «24 падаетъ на ночлежные дома, т. е. 77% тифозныхъ больныхъ получилось за сказанную недѣлю изъ пріютовъ, а остальные 23% изъ цѣлаго города съ двухсотъ тысячнымъ почти населеніемъ». [1]

III.

Чѣмъ же живетъ «босая команда»? Какъ ни скромно ея существованіе, какъ ни мало она тратитъ и потребляетъ, все же ей приходится пить, ѣсть, приходится платить за ночлегъ, приходится носить хоть какія-нибудь лохмотья; откуда же она беретъ средства для всего этого?

Способы добыванія средствъ къ жизни въ средѣ «босяковъ» крайне разнообразны. Здѣсь встрѣчаются всевозможныя профес-

---

[1] «Одесскій Вѣстникъ», 1879 г., № 40.

сіи и даже такія, которыя на первый взглядъ кажутся совершенно невозможными. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ этихъ профессіяхъ, а коснемся только важнѣйшихъ.

Прежде всего отмѣтимъ *нищенство*. Выше мы уже приводили данныя о численности лицъ, занятыхъ этимъ промысломъ. Теперь замѣтимъ только, что нищіе, занимающіеся исключительно одною этою профессію, самая жалкая часть «босой команды»: это или люди совершенно безпомощные, калѣки, дряхлые старики (преимущественно изъ старыхъ отставныхъ солдатъ и солдатокъ-вдовъ), сироты-дѣти и т. п., или люди безъ всякаго сознанія личнаго достоинства, тряпки, лѣнтяи. Люди болѣе самостоятельные изъ «босяковъ» ищутъ работы, а при отсутствіи ея—воруютъ. Чаще всего нищенство является подсобнымъ промысломъ къ другимъ занятіямъ. Такъ, напримѣръ, въ Самарѣ мѣщане, занимающіеся поденными работами, осенью, съ прекращеніемъ работъ на Волгѣ и Самаркѣ, обращаются къ нищенству. Зимою 1881—2 г. нищенство здѣсь до такой степени развилось, что по улицамъ, какъ сообщали «Русскія Вѣдомости», ходили толпы въ 100 — 150 человѣкъ, толпились у папертей церквей, осаждали дома и магазины богатыхъ купцовъ. Но по городу ходитъ только небольшая часть самарскихъ мѣщанъ-нищихъ; большинство же устремляется въ уѣзды. Какъ только осенью наступаетъ безработица, сотни самарскихъ обывателей выѣзжаютъ на подводахъ и отправляются пѣшкомъ въ уѣзды Самарской губерніи, пробираются въ хлѣбородные уѣзды — Челябинскій, Оренбургской губерніи, Шадринскій, Пермской губерніи, и въ Зауралье. Тамъ, выдавая себя за погорѣльцевъ, «конные «нищіе получаютъ изобильныя подачки хлѣбомъ, который и продаютъ нуждающимся въ немъ киргизамъ и башкирамъ. Конный нищенскій промыселъ иногда даетъ за зиму промышленнику рублей 100 — 150. Нищій этого рода отправляется обыкновенно съ женою и взрослыми дѣтьми. Менѣе выгоденъ «пѣшій» нищенскій промыселъ. «Пѣшій» нищій за зиму можетъ насбирать никакъ не болѣе 60 р. Еще менѣе выгоденъ промыселъ нищихъ, побирающихся въ городѣ: они рады, если проживутъ зиму подаяніемъ.

Въ портовыхъ городахъ, каковы Одесса, Ростовъ, Рыбинскъ, Саратовъ и др., гдѣ «босяковъ» всего болѣе, главнымъ источникомъ, доставляющимъ «босой командѣ» средства къ жизни, являются работы на пристаняхъ, по нагрузкѣ и разгрузкѣ судовъ, а также вагоновъ. Съ началомъ весны въ этихъ городахъ начинаются жизнь и движеніе, о которыхъ нельзя имѣть никакого понятія, глядя на нихъ во время зимней спячки. Тысячи судовъ разныхъ типовъ, конструкцій и размѣровъ спускаются къ нимъ по рѣкамъ со всевозможными товарами, а главнымъ образомъ съ хлѣбомъ, этимъ столпомъ нашей внутренней и внѣшней торговли. Въ тоже время является масса судовъ изъ-за границы, привозящихъ къ намъ разные заморскіе товары и

забирающіе отъ насъ наше сырье. По желѣзнымъ дорогамъ идетъ безпрерывная цѣпь поѣздовъ все съ тѣмъ же сырьемъ и, главнымъ образомъ, опять-таки съ хлѣбомъ. Начинается работа. На протяженіи двухъ или трехъ верстъ идетъ безконечная суетня, толкотня, шумъ, гамъ. Тысячи рабочихъ разгружаютъ судна и нагружаютъ ихъ. По доскамъ, положеннымъ съ судовъ на берегъ, безпрерывно пробѣгаютъ рабочіе съ нагруженными тачками или съ кулями на плечахъ. На самомъ берегу выгружаютъ вагоны. Тутъ же, невдалекѣ, на гигантскихъ ситахъ просѣвается и очищается зерно. На огромныхъ ряднахъ разсыпанъ подмокшій хлѣбъ и сушится на солнцѣ. Цѣлыя горы или «бунты» шерсти возвышаются немного въ сторонѣ. Подъѣзжаютъ и уѣзжаютъ тысячи повозокъ, подвозя и сваливая, или наоборотъ, забирая и увозя всевозможные товары. Въ этой суетнѣ идутъ безпрерывныя спекуляціи, торги, продажа и купля, наживаются тысячи и милліоны, и все это въ концѣ-концовъ выражается въ цифрѣ 150 милліоновъ рублей годового оборота порта, какъ это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ *Ростовѣ-на-Дону*. [1]

Въ это время на пристаняхъ бываютъ заняты тысячи и даже десятки тысячъ рабочихъ. Въ *Самарѣ*, напримѣръ, въ прошломъ году пристань привлекла болѣе 6,000 рабочихъ, хотя самарская пристань не изъ важныхъ [2]; въ *Рыбинскѣ* однихъ лоцмановъ, представляющихъ собою высшую категорію судовыхъ рабочихъ, собирается до 7,000 человѣкъ [3], и т. д. Значительную часть этой рабочей массы составляютъ люди, принадлежащіе именно къ тому классу, который называется «босой командой». Въ прежніе годы заработки портовыхъ рабочихъ были очень значительны. Такъ, напримѣръ, въ *Самарѣ*, лѣтъ восемь тому назадъ, рабочій, таскающій кули, заработывалъ 2—3 рубля въ день; въ Рыбинскѣ, двадцать лѣтъ тому назадъ, крючники получали иногда до 15 к. съ куля и всегда не менѣе 6 к., и заработывали до 5 рублей въ сутки [4]. Трудъ рабочихъ на пристаняхъ крайне тяжелъ и потому вполнѣ заслуживаетъ такого высокаго вознагражденія. Вотъ слова одного крючника о своемъ трудѣ: «тяжеле нашей работы нѣтъ! Лошадь возьми, и та не вынесетъ... Посчитайте сами: въ кулѣ девять, не то и цѣлыхъ десять пудовъ; нужно его сперва вызволить изъ нутра суда, потомъ взвалить на плечи и нести въ гору по досочкѣ, сколько, тамъ саженъ... Пока несешь, кость въ тебѣ хруститъ, плечъ и шеи не чувствуешь — занѣмѣютъ, ровно отшибетъ ихъ, въ рукахъ и ногахъ—ломъ... Теперечa, какъ отмахаешь за день сто эдакихъ-то поносокъ — останешься вполнѣ доволенъ. Вѣдь это

---

[1] «Вѣдом. Ростов. на Дону Городск. Упр.» 1879 г., № 35.

[2] «Русскій Курьеръ», 1882, № 122.

[3] *В. П. Безобразовъ*: «Народное хозяйство Россіи», стр. 132.

[4] «Голосъ», 1882, № 106; Безобразовъ, стр. 131: «Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ», т. 1.

безъ малаго по тысячѣ пудовъ на брата придется... Послѣ такой работы, только дай Богъ до койки добраться»... [1] Въ послѣдніе годы вознагражденіе за этотъ трудъ стало сильно понижаться и теперь стоитъ на такой ничтожной цифрѣ, при которой не оплачивается даже существованіе работающихъ. Правда, и теперь возможны на пристаняхъ очень большіе заработки. Такъ, напримѣръ, въ настоящемъ году въ *Ростовѣ* весною рабочій на тачкѣ получалъ 1 р. 50 к., подавальщикъ — отъ 2 р. до 3 р. 50 к., а на второй день Пасхи одинъ комерсантъ, торопясь нагрузкой, платилъ по 5 р. Но послѣдній фактъ—исключительное явленіе, и на другой же день цѣна была понижена до нормы; вообще весеннія цѣны держались не долго и скоро пали очень низко [2]. Въ *Самарѣ* лѣтомъ 1882-го года поденщику, работающему на пристани, платили всего 50 к. въ день; крючники, таскающіе пятипудовые мѣшки, получали только четыре рубля съ тысячи [3]. Въ *Могилевѣ-Подольскомъ* заработная плата въ апрѣлѣ того же года понизилась до 30 коп. въ день (при собственныхъ харчахъ работника, какъ и во всѣхъ приводимыхъ случаяхъ) [4]. Въ *Рыбинскѣ* въ 1881-мъ году платили крючникамъ 2 и даже 1½ коп. съ куля, такъ что рабочіе проѣдали болѣе, чѣмъ зарабатывали [5]. Причина такого страшнаго паденія цѣнъ заключается въ томъ, что предложеніе рабочихъ рукъ повсюду въ городахъ превосходитъ спросъ на нихъ. Откуда произошло такое несоотвѣтствіе между предложеніемъ труда и спросомъ на него, мы это разсмотримъ въ другой разъ; теперь же отмѣтимъ только фактъ *повсемѣстности* этого несоотвѣтствія. Такъ, по словамъ «Одесскаго Вѣстника», въ *Одессѣ* прошлымъ лѣтомъ наблюдалось слѣдующее: «рабочая биржа около толкучаго рынка переполнена рабочими, прибывшими изъ окрестныхъ мѣстностей; въ особенности громадное количество прибыло деревенскихъ женщинъ, разсчитывающихъ на полевыя работы; малая часть ихъ за ничтожную плату нанимается для работъ на мѣстныхъ баштанахъ. Каменьщики и плотники тоже ходятъ безъ дѣлъ, вслѣдствіе малаго числа построекъ въ городѣ». Изъ *Могилева-Подольскаго* въ «Новое Время» сообщали прошлогоднею весною, что тамъ «крайне трудно приходится существовать рабочему люду, который не находитъ совсѣмъ работы». Въ *Ростовѣ* въ прошломъ году «стеченіе рабочихъ было чрезвычайно велико», а «нагрузка шла вяло»: годъ «очень плохъ въ отношеніи заработковъ [6]. Изъ *Самары* писали, что «неурожаи и безработица согнали къ Волгѣ столько голоднаго люда, что спросъ

---

[1] «Русскій Курьеръ». 1882. № 183. Перепеч. изъ «Новостей».
[2] «Дѣло», 1882, № 9. Съ низовьевъ Дона, *Кольцова*, стр. 79.
[3] «Голосъ», 1882, № 106.
[4] «Русскій Курьеръ», 1882, № 122. Изъ «Новаго Времени».
[5] «Русская Мысль», 1882, № 8, Эксплуатація артелей. Г. С.
[6] «Дѣло», 1882, 9, стр. 78.

превышается, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколько разъ предложеніями». Пришлымъ рабочимъ пришлось нищенствовать. «Цѣлыми семьями, иногда человѣкъ до двадцати, ходятъ они, собирая милостыню. Всѣ улицы запружены голоднымъ людомъ. Блѣдныя, худыя лица не говорятъ въ пользу ихъ здоровья. Многіе желали бы наняться въ дворники, лишь бы прокормиться». [1] Работы было мало и лѣтомъ, въ самый разгаръ навигаціи. Положеніе рабочихъ было таково: они, «не имѣя удобныхъ квартиръ, живутъ или на тѣсныхъ и грязныхъ постоялыхъ дворахъ, или же ночуютъ подъ открытымъ небомъ на берегу Волги. При дороговизнѣ мясной пищи, они питаются большею частью сухоядѣніемъ или ѣдятъ разную попорченную мясную пищу, сваренную изъ внутренностей животныхъ и продаваемую въ «обжорномъ» ряду. Бо̀льшею же частью, рабочій классъ, особенно во время постовъ, питается только хлѣбомъ, квасомъ и фруктами. Такая пища, конечно, вліяетъ неблагопріятно на состояніе здоровья, и весьма многіе рабочіе заболѣваютъ диссентеріей и холериной». [2]

Тяжелое положеніе портовыхъ рабочихъ, обусловливаемое низкою заработною платою, иногда заставляетъ ихъ принимать нѣкоторыя мѣры самозащиты. Такъ въ 1881 г. рыбинскіе крючники устроили стачку съ тѣмъ, чтобы не брать за работу менѣе 6 коп. за куль. Стачка удалась, и батыри, берущіе подряды отъ хозяевъ товаровъ и судовщиковъ и потомъ передающіе эти подряды артелямъ крючниковъ, принуждены были поднять плату до 6 коп. Но вскорѣ цѣны были опять понижены, и чрезъ нѣсколько недѣль крючники снова получали по 2 коп. Въ *Самарѣ* въ 1882-мъ году имѣлъ мѣсто кровавый эпизодъ, вызванный все тою же безработицею. Въ виду страшнаго паденія цѣнъ, рабочіе-поденьщики условились не брать менѣе 80 коп. Подряжалась толпа рабочихъ грузить хлѣбъ. Рабочихъ было гораздо болѣе, чѣмъ требовалось. Прикащикъ выбиралъ только самыхъ здоровыхъ на видъ и сильныхъ. Двое забракованныхъ татаръ просили принять ихъ за полцѣны. Это предложеніе голодающихъ бѣдняковъ оказало вліяніе на пониженіе условленной съ прикащикомъ платы. Русскіе рабочіе съ остервененіемъ кинулись на виновниковъ сбавки и избили ихъ; одинъ татаринъ умеръ на пути въ больницу [3]. Нѣчто подобное имѣло мѣсто въ 1881-мъ году въ *Таганрогѣ*. «Въ былое время въ здѣшнемъ портѣ находили работу тысячи пѣшихъ и конныхъ рабочихъ-мѣщанъ; теперь же, съ проведеніемъ вѣтви желѣзной дороги и съ учрежденіемъ рабочихъ артелей, работы въ портѣ для поденьщика совсѣмъ не стало. Къ этому присоединилось то обстоятельство, что арестанты мѣстныхъ арестантскихъ ротъ оказались опасными

---

[1] «Русскій Курьеръ», 1882, № 122.
[2] «Голосъ», 1882 г., № 231.
[3] «Русскій Курьеръ», 1882, № 122 и «Голосъ», 1882, № 106.

конкуррентами мѣщанъ и понизили поденную плату до такой степени, что вольному человѣку стало совсѣмъ трудно. 26-го мая прошлаго года арестанты явились въ гавань въ числѣ, приблизительно, человѣкъ пятидесяти. Мѣщане, видя такую массу конкуррентовъ, стоящихъ притомъ въ лучшихъ сравнительно условіяхъ, такъ какъ арестанты пользуются казеннымъ помѣщеніемъ и казеннымъ содержаніемъ, начали ихъ упрекать; арестанты отвѣтили тѣмъ же; попреки перешли въ ругань, а ругань окончилась дракой. Дѣло приняло такой серьёзный оборотъ, что полиція одна ничего не могла подѣлать и пришлось прибѣгнуть къ помощи войскъ, и только съ содѣйствіемъ военной силы удалось разогнать бушующихъ и возстановить порядокъ» [1]...

Но если такъ неудовлетворительны заработки городского пролетаріата лѣтомъ, то осенью, а въ особенности зимою, и вовсе нѣтъ никакихъ заработковъ. Вотъ что, напримѣръ, дѣлалось осенью 1880 г. въ *Саратовѣ*: «Цѣны на рабочія руки падаютъ съ каждымъ днемъ. Не далѣе, какъ недѣли двѣ тому назадъ, чернорабочіе нанимались на винокуренные и маслобойные заводы по 4—5 рублей въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ изъ щей и каши, а теперь поступаютъ за 2 рубля въ мѣсяцъ. Нѣкоторые же, прожившись въ городѣ, поступаютъ на масленки *безъ жалованья, лишь бы имѣть хлѣбъ и жить въ теплѣ*. Въ виду этого, заводчики понизили цѣну нанятымъ ранѣе рабочимъ и ухудшили харчи, замѣнивъ кашу картофелемъ» [2]. Но и безъ жалованья, изъ-за одного хлѣба и тепла могутъ пристроиться далеко не всѣ пролетаріи; оставшимся безъ хлѣба и безъ тепла приходится или изобрѣтать самые невѣроятные промыслы, или прибѣгать къ воровству.

Въ числѣ промысловъ, которые я назвалъ невѣроятными, первое мѣсто занимаетъ собираніе всякой дряни, всякихъ негодныхъ отбросовъ. Самый большой заработокъ доставляетъ собираніе костей и тряпья, изъ которыхъ первыя идутъ на сахарные заводы, а второе—на писчебумажныя фабрики. Промыселъ этотъ кормитъ очень многихъ «босяковъ». Такъ, напримѣръ, въ *Кіевѣ* число занимающихся этимъ промысломъ доходило въ 1880 г. до 1,000 человѣкъ. Это были преимущественно вдовы-солдатки, мѣщанки, отставные немощные солдаты, все дряхлый или больной народъ, и ихъ дѣти. За пудъ костей въ складахъ, куда онѣ сбываются, платится отъ 25 до 40 коп., за пудъ тряпья отъ 25 до 35 к. и за пудъ битаго стекла, которое собирается вмѣстѣ съ костями и тряпьемъ—6 коп. Какой заработокъ получаютъ кустарники и тряпичники, можно видѣть изъ того, что взрослый человѣкъ никакъ не можетъ собрать въ день болѣе пуда костей [3].

Кромѣ костей, тряпокъ и битаго стекла, «босяки» собираютъ

---

[1] «Русскій Курьеръ», 1881, № 153.

[2] «Саратовскій Дневникъ», 1880, октябрь.

[3] «Кіевлянинъ», 1880, февраль.

много другой, весьма разнообразной дряни, для которой, съ перваго взгляда, невозможно придумать и назначенія. Въ *Ставрополѣ-Кавказскомъ* мнѣ пришлось познакомиться съ тремя промыслами, направленными на собираніе углей, скотскаго помета и сѣна. Угли выбираются изъ выброшенной въ яры золы; трудъ этотъ копотливый и весьма непріятный: поднимающаяся изъ золы пыль набивается въ ротъ и носъ, заставляетъ чихать и разъѣдаетъ глаза. Особенно плохо собирателямъ угольковъ зимою, когда приходится въ страшные морозы, по нѣскольку часовъ, рыться голыми руками въ снѣгу, отрывая золу, и потомъ копаться въ промерзшей золѣ. Собранные угли продаются чуть не за грошъ въ слесарныя заведенія. Скотскій пометъ собирается на рыночной площади, сушится и продается на топливо бѣднѣйшимъ жителямъ, а чаще идетъ на отопленіе тѣхъ рублевыхъ (въ мѣсяцъ) «квартиръ», которыя нанимаются самими пролетаріями, собирающими навозъ. Сѣно собирается тоже на рыночной площади, послѣ базарныхъ дней, собирается по клочкамъ, упавшимъ съ возовъ, и затѣмъ продается.

Есть и еще множество промысловъ, посредствомъ которыхъ «босяки» стараются поддержать свое существованіе; но они занимаютъ сравнительно ничтожное число рукъ и потому распространяться объ нихъ мы не будемъ.

Всѣ упомянутые промыслы суть, такъ сказать, промыслы низшаго разряда, не требующіе никакихъ спеціальныхъ знаній. Но «босяки» занимаются и такими промыслами, которыя требуютъ, по-крайней-мѣрѣ, граматности, а часто и извѣстной суммы знаній. Такъ, во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ около «присутствій» постоянно трутся испитыя, позеленѣвшія, но съ сизымъ или багровымъ носомъ личности; онѣ ждутъ безграматнаго, которому нужно почему-либо расписаться въ какой-нибудь оффиціальной бумагѣ, и который за пятакъ найметъ ихъ расписаться за себя. Подобныя же личности держатся каждымъ нотаріусомъ, но только болѣе приличныя по внѣшнему виду — въ сюртукѣ, при галстухѣ и бѣлой рубашкѣ, къ которой, впрочемъ, естественнѣе приложить слово «черная». Надъ этими личностями возвышаются босяки-адвокаты, которые такъ и извѣстны подъ именемъ «подпольныхъ» адвокатовъ. Они дѣлятся на два разряда: одни повыше, поважнѣе, рыщутъ по трактирамъ и по камерамъ мировыхъ судей и ловятъ мужика, которому нужно просьбу написать. Другіе, пониже, помельче, сидятъ постоянно въ кабакѣ и здѣсь же сочиняютъ кляузы. Въ *Ставрополѣ-Кавказскомъ* я узналъ о существованіи особаго союза изъ четырехъ «подпольныхъ» адвокатовъ низшаго разряда. Ихъ постоянной резиденціей служитъ одинъ и тотъ же кабакъ (на Верхнемъ базарѣ). Сюда къ нимъ приводятъ ихъ товарищи-босяки лицъ, которымъ нужно написать просьбу или получить юридическій совѣтъ. Прежде всего «кліентъ» требуетъ полуштофъ «проствейну». Весь синклитъ присаживается вокругъ полуштофа и, выпивъ

«по одной», придумываетъ, «какую бы закорючку пустить, чтобъ было позаконнѣе». Гонораръ за «закорючку» (обыкновенно 20, 30 коп. и очень рѣдко полтинникъ, сверхъ полуштофа) мирно дѣлится между членами союза.

IV.

Какъ ни разнообразны промыслы, къ которымъ прибѣгаетъ пролетарій, все же они могутъ прокормить только немногихъ членовъ «босой команды»; огромному же большинству осенью и зимою приходится прибѣгать къ воровству. И дѣйствительно, въ городахъ лѣтомъ кражи довольно рѣдки, а о грабежахъ почти совсѣмъ не слыхать; затѣмъ, осенью кражи и грабежи учащаются и число ихъ растетъ crescendo всю осень и зиму, до первыхъ весеннихъ дней, и тогда сразу падаетъ. Связь между безработицей и воровствомъ замѣчается повсюду. Такъ, относительно рыбинскихъ зимогоровъ, пишутъ слѣдующее: «зимогоры прошедшимъ лѣтомъ (1878 г.) остались безъ работы, потому что доставки хлѣба снизу не было». «Между тѣмъ наступили холода, а у «зимогоровъ» ни хлѣба, ни денегъ—вотъ они и принялись за новое, легчайшее ремесло. Оборванные, голодные, «какъ волки», они цѣлыми толпами ходятъ въ Рыбинскѣ по улицамъ и тащутъ все, что подъ руку попадется. Не проходитъ дня, чтобы гдѣ-нибудь не произошло воровства; смѣлость ихъ въ этомъ отношеніи доходитъ до дерзости» [1]. Въ *Ивановѣ-Вознесенскѣ*, осенью 1880 года, вслѣдствіе неудачнаго для мѣстныхъ фабрикантовъ исхода Нижегородской ярмарки, многіе изъ нихъ сократили производство, заработная плата значительно пала и большое число рабочихъ осталось безъ работы; тотчасъ же «число кражъ, и притомъ самыхъ дерзкихъ, значительно увеличилось» [2]. «Въ *Иркутскѣ* спросъ на рабочій трудъ значительно уменьшился... Нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ печальнымъ явленіемъ тѣсно связаны часто повторяющіеся въ послѣднее время грабежи и убійства» [3]. Изъ *Рязани* въ *ноябрѣ* 1881-го года писали: «здѣшній пролетаріатъ, имѣвшій лѣтомъ и осенью пристанище подъ открытымъ сводомъ неба, теперь занялся воровствомъ и въ городѣ происходятъ нерѣдко даже случаи открытаго разбоя» [4]. «Изъ *Ярославля* сообщаютъ, что «нищенство и воровство развиты здѣсь если не больше, такъ ужь никакъ не меньше самыхъ тяжелыхъ по условіямъ мѣстностей Россіи... Главнымъ поводомъ почти всѣхъ преступленій у насъ служитъ безвыходная нужда

---

[1] «Русскія Вѣдомости», 1879 г., № 2.
[2] Id., 1880, сентябрь.
[3] «Новое Время», 1882, № 2210.
[4] «Русскій Курьеръ», 1881, № 215.

и борьба за существованіе» [1]. «Въ *Тулѣ*, прошлый годъ, произошло сильное сокращеніе работъ на казенномъ оружейномъ заводѣ, такъ что слишкомъ 3,000 мастеровъ оказались вдругъ внѣ всякой возможности добыть кусокъ хлѣба; тотчасъ же нищенство и воровство достигли такихъ размѣровъ, что противъ перваго тульскій губернаторъ нашелъ нужнымъ принять особыя полицейскія мѣры, а отъ второго плачется весь городъ [2].

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ воровство и грабежи, обусловливаемые недостаткомъ работы, принимаютъ такіе громадные размѣры, что вопросъ о принятіи мѣръ для уменьшенія воровства становится главнымъ общественнымъ вопросомъ, поглощающимъ все вниманіе какъ обывателей, такъ и общественнаго управленія. Такъ, напримѣръ, изъ *Николаева*, Херсонской губерніи, писали въ «Южный Край»: «57 гражданъ города подали заявленіе въ думу, прося избавить ихъ отъ повальныхъ грабежей, которые «упразднили» въ теченіи 1½ недѣли 19 лавокъ на базарѣ... При этомъ грабежи поражаютъ какъ своею дерзостью, такъ и безбоязненностью, доходящею до шутливой нахальности дѣйствующихъ лицъ. Напримѣръ, вынимаютъ рамы изъ оконъ, разбираютъ стѣны, крыши, распоряжаются на почтовомъ дворѣ, гдѣ предполагается и много народа, и постоянная бдительность. Мало того: наберутъ, напримѣръ, «добра» на возъ, увезутъ куда-то, потомъ пріѣзжаютъ за новымъ транспортомъ; или заберутъ часть имущества и оставляютъ записочку: «не безпокойтесь, мы придемъ еще»; или если неудастся проникнуть въ домъ въ одну ночь, они приходятъ на другую, на третью... Въ виду такихъ «повальныхъ обысковъ», многіе обыватели чередуются въ дежурствахъ и не спятъ часовъ до трехъ-четырехъ утра» [3]... «Въ *Одессѣ* кражи и грабежи ростутъ съ каждымъ годомъ. «Воровской» вопросъ здѣсь настолько важенъ, что для разрѣшенія его думою избрана даже особая «комиссія о мѣрахъ къ предупрежденію воровства». [4] Какимъ характеромъ отличается воровская дѣятельность одесскихъ «босяковъ», можно видѣть изъ слѣдующаго сообщенія «Одесскаго Вѣстника»: «въ окрестностяхъ Одессы съ наступленіемъ темныхъ ночей весьма часто стали повторяться случаи нападенія на проходящіе по вечерамъ вагоны конножелѣзной дороги. Обыкновенно «бандиты» выскакиваютъ изъ-за скалъ, гдѣ они устраиваютъ засады, останавливаютъ вагоны и вступаютъ въ препирательства съ кондукторомъ, чтобы имѣть возможность воспользоваться удобнымъ моментомъ и сорвать съ кондуктора сакъ-вояжъ съ дневной выручкой. Если пассажировъ въ вагонѣ много, «бандиты» остаются въ приличномъ разстояніи; если же число проѣзжающихъ незначительно, «бандиты»

---

[1] «Новое Время», 1882, № 2187.
[2] «Русскій Курьеръ», 1882. № 159 и 220.
[3] «Голосъ». 1882, № 137.
[4] Id., № 252.

дѣлаются очень дерзки: нерѣдко, вѣроятно, съ цѣлью произвести переполохъ между пассажирами, герои каменоломенъ подкладываютъ большіе камни на рельсы. По всей вѣроятности, замѣчаетъ газета, дирекціи «конки» придется хлопотать о разрѣшеніи вооружить кондукторовъ и кучеровъ на этой линіи револьверами, да и пассажирамъ не мѣшаетъ позаботиться объ этомъ» [1]. «Въ *Казани*, гдѣ масса рабочихъ лишена работы и перебивается изо дня въ день, чѣмъ Богъ послалъ, мелкія кражи—явленіе заурядное. Но печальнѣе всего, что для преступныхъ цѣлей эксплуатируются дѣти отъ 7 (даже 5 лѣтъ) и до 15-тилѣтняго возраста; изъ нихъ организуются шайки въ 10 человѣкъ и даже въ 40. Одна изъ такихъ громадныхъ шаекъ дѣтей воровъ практикуетъ на такъ называемыхъ 1-й и 2-й горахъ въ Казани, которыя держитъ она буквально въ осадномъ положеніи. Большинство членовъ этой шайки перебывало уже у судебнаго слѣдователя, у мирового судьи, отдававшаго ихъ по приговору «на исправленіе родителямъ». Но родителямъ, очевидно, не до исправленія». [2] Относительно *Ростова-на-Дону* одинъ наблюдатель пишетъ, что онъ, «за исключеніемъ Троицы-Сергія, не видѣлъ города, гдѣ грабежи были бы такъ смѣлы и нахальны. Сейчасъ за городомъ, у тюремнаго замка, есть здѣсь кладбище; это, такъ сказать, резиденція жуликовъ. Они тамъ днюютъ и ночуютъ, не брезгаютъ обирать покойниковъ и, съ наступленіемъ ночи, не даютъ проходу живымъ». «Кладбище отстоитъ отъ города всего шаговъ на 200, но ни одинъ извощикъ не возьмется васъ везти мимо позже 10—11 часовъ. Одинъ извощикъ разсказывалъ мнѣ, какъ его товарища здѣсь зарѣзали и обобрали. Крики о помощи—безполезны, потому что жулики никогда не задумаются пырнуть ножомъ всякаго, кто сунется на выручку. Народъ вообще отчаянный. Однажды, при мнѣ, пастухъ погналъ стадо коровъ къ кладбищу; дѣло было часовъ въ 5 утра. Черезъ нѣсколько времени, пастухъ прискакалъ какъ угорѣлый за помощью. Оказалось, что жулики отняли у него корову и потащили къ себѣ, на кладбище. Вотъ каковы здѣсь нравы. Но жулики, разумѣется, не ограничиваются добычей, которая сама идетъ къ нимъ въ руки. Они организуютъ цѣлыя экспедиціи въ городъ. Объ одной такой экспедиціи я слыхалъ отъ знакомыхъ. Жулики подъѣхали къ ихъ дому съ нѣсколькими возами, ночью, разумѣется, и, очевидно, предполагали весьма свободно заняться промысломъ. Но только что они принялись за нагрузку, во дворѣ проснулись, поднялась тревога, побѣжали за полиціей. Жулики пустились бѣжать на своихъ возахъ. За ними погнались. Къ погонѣ скоро присоединилась и полиція, но жулики все-таки ушли благополучно» [3]. «Въ *Рязани*, въ 1881

---

[1] «Новое Время», 1882, отъ 21-го августа.

[2] «Страна», 1881, № 132.

[3] «Дѣло» 1882 г., № 9. «Съ низовьевъ Дона» Кольцова, стр. 81.

году, кражи страшно размножились и вызвали особыя «мѣры». Кражи совершались чрезвычайно дерзко и необыкновенно остроумно. Такъ, «въ верхнемъ этажѣ дома Кондаковой, на «Скоморошей горѣ» были заперты ворами ночью квартиранты обѣихъ половинъ дома и мошенники, вслѣдствіе такой ловкой продѣлки, безбоязненно стали ломать замки на кладовыхъ, находящихся между квартирами, но разбуженные сильнымъ стукомъ постояльцы выломали скоро двери у своихъ квартиръ; тогда мошенники съ хохотомъ убѣжали... На Пѣвческой улицѣ былъ ограбленъ въ своемъ домѣ чиновникъ, а на Липецкой, изъ лавки Ларцева, утромъ былъ выкраденъ черезъ взломъ конторскій ящикъ и сундукъ за стойкой съ выручкой 150 р.; послѣдняя кража совершена была посредствомъ взлома толстаго ставня, снаружи, въ окнѣ, запертомъ двумя прочными замками, на глазахъ полицейскаго и 2 ночныхъ сторожей, такъ какъ лавка эта находится на перекресткѣ двухъ улицъ. Въ виду малочисленности штата здѣшней полиціи, городъ ассигновалъ уже значительную сумму на наемъ полицейскихъ служителей, въ добавокъ къ имѣющимся, и на устройство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ города новыхъ постовыхъ будокъ»... [1]

Что всѣ эти кражи, грабежи и даже убійства, совершаемыя «босяками», дѣйствительно являются продуктомъ голода, лучше всего доказывается многочисленными случаями кражъ, совершаемыхъ единственно для того, чтобы попасть въ тюрьму. Такъ въ той самой *Рязани*, о сильномъ развитіи воровства въ которой только что говорилось, воры «не стараются хоронить концы проступка и откровенно заявляютъ, что воруютъ собственно для того, чтобы попасть на зиму въ «казенную палату» [2]. Въ *рыбинскомъ* окружномъ судѣ, 6-го сентября 1879 г., разсматривалось «дѣло о 12 подсудимыхъ, обвинявшихся въ кражѣ со взломомъ: одинъ—двухъ колесъ, другой—боченка съ гвоздями, третій—2-хъ ложекъ, четвертый—куля овса, остальные въ столь же незначительныхъ, по суммѣ, присвоеніяхъ чужой собственности. 6 подсудимыхъ, содержавшихся до суда подъ стражей, были въ арестантской одеждѣ, а 6, бывшіе на свободѣ—костюмировались болѣе чѣмъ легко: на иномъ рубаха, порты и—только, несмотря на суровую осеннюю погоду... Большая часть этихъ кражъ совершена въ августѣ и сентябрѣ прошлаго года, какъ разъ въ то время, съ котораго на рыбинскихъ пристаняхъ прекращается работа, а крестьяне изъ бездомныхъ или безземельныхъ, пришедшихъ весною на заработки, еще продолжаютъ оставаться въ Рыбинскѣ, гдѣ, кромѣ того, постоянно находится до 300 человѣкъ подъ надзоромъ полиціи, высланныхъ сюда изъ арестантскихъ ротъ года на 2—3. До какой крайности доходятъ подобные люди можетъ служить доказательствомъ слѣдующій случай:

---

[1] «Русскій Курьеръ», 1881 г., № 215.
[2] Id.

мѣсяцъ тому назадъ, «одинъ» сотскій привелъ «семерыхъ» человѣкъ въ городъ, взявъ ихъ, безъ всякаго сопротивленія съ ихъ стороны, въ полѣ, гдѣ они, въ стогахъ сѣна, устроили себѣ мѣстопребываніе, не имѣя пристанища въ городѣ; чѣмъ они питались—объяснить затрудняются» [1]. Вотъ еще одинъ фактъ, имѣвшій мѣсто въ Петербургѣ. Не такъ давно, въ здѣшнемъ окружномъ судѣ слушалось дѣло дворянина Михневича, обвинявшагося въ кражѣ. Обстоятельства дѣла состояли въ томъ, что обвиняемый, войдя въ кухню одного дома, похитилъ стѣнные часы, которые продалъ въ ближайшемъ кабакѣ, а затѣмъ, дней десять спустя, изъ швейцарской другого дома укралъ чернильницу, перо и снялъ уже стѣнное зеркало, но былъ захваченъ на мѣстѣ преступленія. На судѣ Михневичъ объяснилъ, что «онъ—дворянинъ Витебской губерніи, оставшись сиротою, не получилъ никакого воспитанія, только научился полуграматно читать и писать. Съ ранней молодости онъ поступилъ въ писаря по вольному найму, но, какъ плохо пишущаго, его неохотно держали и ему приходилось часто мѣнять мѣста. Сначала, пока на писарскій трудъ былъ большой запросъ, онъ кое-какъ, впроголодь, кормился, а когда пошли сокращенія, такъ ему совсѣмъ стало плохо. Ремесла онъ никакого не знаетъ, въ писаря не берутъ, вездѣ протекція, знакомство, родство, а у него никого нѣтъ. Пробовалъ сдѣлаться чернорабочимъ, дворникомъ; но нигдѣ не берутъ—дворянинъ, говорятъ. Пробовалъ работать въ порту и т. п., но тяжелый трудъ превосходилъ его силы и наниматели неохотно брали его, находя слабымъ. Пробовалъ рубить камни, но отъ перваго удара молотомъ, у него сдѣлалось воспаленіе надкостной плевы. Положеніе ухудшилось, съ этою болѣзнью въ больницу не брали, приходилось лечиться дома, а дома-то у него не было. Строчилъ иногда жалобныя просьбы разному люду, но эта работа случалась не часто, да и то давала только рюмку водки и пятачекъ на ночлегъ. «Пьяницей я никогда не былъ, говорилъ подсудимый: но въ моемъ положеніи водки можно достать скорѣе, чѣмъ хлѣба. За трудъ водку даютъ, встрѣтится товарищъ—изъ сожалѣнія дастъ водки, и пьешь поневолѣ, съ голоду да холоду — такъ и запьешь, да и пускаютъ-то только въ кабакъ, да въ ночлежный домъ, да и то если есть пятакъ, иначе замерзай на улицѣ. Я много разъ замерзалъ—и отдохнулъ только въ тюрьмѣ» [2].

Иногда такіе «воры», совершивъ преступленіе, *доносятъ сами на себя*. Такъ, недавно разбиралось въ одесскомъ окружномъ судѣ дѣло еврея Верника, обвинявшагося въ *кражѣ со взломомъ*. Подсудимый, не имѣя средствъ къ существованію, отправляется въ первый попавшійся домъ, выдергиваетъ въ дверяхъ квартиры кольцо, похищаетъ оттуда пару чулокъ и затѣмъ от-

---

[1] «Русская Правда», 1879.

[2] «Новое Время», 1882, № 2181.

правляется съ поличнымъ въ полицейскій участокъ, заявляетъ о совершенномъ имъ преступленіи и проситъ его арестовать. Верникъ былъ чрезвычайно доволенъ, когда его отправили въ тюрьму. На судѣ онъ заявилъ, что «лучше перезимовать въ грязной тюрьмѣ, чѣмъ умереть отъ голода и холода подъ открытымъ небомъ». Представитель обвинительной власти констатировалъ на судѣ, что желающихъ попасть «на казенную квартиру» не мало. Большею частью они объявляютъ себя бродягами и упорно скрываютъ свое настоящее званіе; такимъ образомъ трудное зимнее время они сидятъ въ тюрьмѣ, а съ наступленіемъ весны сообщаютъ свое настоящее званіе и ихъ освобождаютъ [1].

Но за кражу держатъ сравнительно не долго. И вотъ несчастные, чтобы дольше пользоваться «казенной квартирой», прибѣгаютъ къ совершенію другихъ, болѣе тяжкихъ преступленій. Для примѣра можно указать на случай, имѣвшій мѣсто въ началѣ 1882 года въ Рыбинскѣ. Былъ произведенъ поджогъ лавки, наполненной кульемъ, рогожами, канатами, куделей и т. п. Пожаръ былъ замѣченъ въ началѣ и скоро потушенъ. Поджигатель, какой-то рабочій, явился послѣ пожара и отдалъ себя въ руки правосудія, объясняя, что онъ поджогъ лавку, чтобы попасть за этотъ поступокъ въ тюрьму и тѣмъ избавиться отъ безвыходнаго бѣдственнаго положенія, такъ какъ онъ, не имѣя никакихъ заработковъ, буквально голодалъ и не зналъ, гдѣ приклонить голову [2].

Какъ ни тяжелы условія существованія босяковъ, есть между ними люди, которые ни къ какомъ случаѣ не могутъ совершить кражи или какого-нибудь другого преступленія. Отсюда—случаи голодной смерти. Какой-либо статистики голодныхъ смертей, само собою разумѣется, не существуетъ, и вообще наше общество смотритъ на эти случаи, какъ на нѣчто крайне исключительное. Я помню, сколько удивленія вызвало пять лѣтъ тому назадъ то обстоятельство, что въ Одессѣ однажды утромъ въ одной изъ полицейскихъ будокъ былъ найденъ мертвый человѣкъ, при вскрытіи котораго въ желудкѣ оказалась *абсолютная пустота*, а въ пищеводѣ были найдены *кусочекъ подошвы* и *небольшой уголекъ* [3]. Въ дѣйствительности же, подобные случаи нерѣдко попадаютъ въ газеты, въ хронику происшествій. Кому изъ насъ не приходилось встрѣчать въ газетахъ замѣтокъ, въ родѣ слѣдующей: «Городовой поднялъ на тротуарѣ въ болѣзненномъ состояніи неизвѣстнаго званія человѣка, одѣтаго въ рубище. По доставленіи его въ пріемный покой, неизвѣстный вскорѣ умеръ. Къ открытію имени и званія неизвѣстнаго приняты мѣры». Но едвали такія замѣтки привлекаютъ къ себѣ вниманіе. Бываютъ случаи и самоубійства. Вотъ что, напримѣръ, писали изъ Ко-

---

[1] «Русскій Курьеръ», 1882, № 137. Изъ «Голоса».
[2] «Голосъ», 1882, № 18.
[3] «Недѣля», 1878, № 5.

стромы въ прошломъ году: «Въ сентябрѣ, когда рѣка готовилась уже замерзнуть, къ группѣ рабочаго народа, толпившагося на берегу Волги, подошелъ тоже рабочій, знакомый, Манулѣевъ. Оборванный, босой, дрожа отъ холода, онъ обратился къ товарищамъ съ просьбой поднести косушку, «а то вѣдь холодно, братцы, умирать, вода-то посмотри какая»... Рабочіе смѣются, косушки никто не подноситъ. Манулѣевъ еще разъ обращается къ нимъ, еще разъ заявляетъ, что умирать онъ надумалъ «въ серьёзъ—все равно, вѣдь, съ голоду, да съ холоду закоченѣешь зимой», и, поклонясь на всѣ четыре стороны, перекрестился и вошелъ въ воду. Смѣхъ продолжается, никто не придаетъ серьёзнаго значенія тому, что происходитъ на глазахъ, а Манулѣевъ все идетъ, да идетъ по страшно обмелѣвшей Волгѣ... Но вотъ и глубокое мѣсто—онъ опустился, но черезъ нѣсколько мгновеній вынырнулъ... Еще разъ оборачиваясь, бросилъ онъ взглядъ на берегъ, нырнулъ и... уже больше не показывался... Рабочіе бросились на лодки, начали искать несчастнаго, но все было напрасно. Только черезъ полтора часа удалось отыскать самоубійцу саженъ за 700 ниже»... [1]

V.

Какъ ни тяжелы жизненныя условія, доводящія босяковъ до кражъ, грабежей и даже убійствъ, «босая команда» далеко не представляетъ собою собранія какихъ-то звѣрей, какъ это принято думать. Въ этой средѣ отверженцевъ, отщепенцевъ общества, возможны люди, которые, благодаря своему закаленому характеру дѣлаются героями народной массы и попадаютъ въ народныя легенды. Для примѣра можно указать на Григорія Николаева, судившагося въ началѣ 1882-го года въ тульскомъ окружномъ судѣ. Григорій Николаевъ объявилъ себя непомнящимъ родства и назвался Николаевымъ, лишь бы называться какъ-нибудь. Онъ еще очень молодой человѣкъ. Обвинялся въ совершеніи 28 кражъ, большею частью со взломомъ и при помощи организованной шайки. «Несмотря на его запирательство въ показаніяхъ о своемъ происхожденіи, онъ, видимо, человѣкъ не простой среды: при всей напускной его грубости, въ немъ проглядываютъ весьма часто манеры и рѣчь образованнаго человѣка. Николаевъ неоднократно сидѣлъ въ острогѣ, но все дѣлалъ побѣги, такъ что въ послѣдній разъ его заключили въ особенно приготовленномъ для него зданіи изъ шпалъ, въ родѣ клѣтки, устройство которой обошлось въ 840 рублей. Послѣднимъ его подвигомъ была грандіозная кража 180,000 руб. у тульскаго купца Добрынина. Замѣчательно отношеніе къ нему

[1] «Русскій Курьеръ», 1882 г., № 297.

массы тульскихъ мѣщанъ-«казюковъ» и вообще низшаго класса. Всѣ они очень сожалѣютъ «Гришку», такъ-какъ онъ дѣлалъ много благодѣяній бѣднякамъ: на свой счетъ выдавалъ бѣдныхъ невѣстъ замужъ и гарантировалъ ихъ соотвѣтствующимъ приданнымъ; помогалъ убогимъ, впавшимъ въ крайность рабочимъ. О немъ уже и теперь ходитъ много легендъ и разсказовъ, въ которыхъ «Гришка» является какимъ-то добрымъ геніемъ, а отнюдь не злымъ «воромъ-мошенникомъ». По словамъ этихъ легендъ, «Гришка» никогда не обидѣлъ бѣдняка и не загубилъ чужой души» [1].

Но если даже не брать такихъ исключительныхъ личностей, а обратить вниманіе лишь на заурядныхъ членовъ «босой команды», то и въ нихъ мы найдемъ чрезвычайно много любопытныхъ чертъ. Зная по ежедневному опыту, что̀ такое горе и нужда, «босяки» симпатично относятся ко всякому новому человѣку, попавшему въ тоже бѣдственное положеніе, въ какомъ находятся они сами. Только благодаря той симпатіи, съ которою «босая команда» встрѣчаетъ новаго члена, и той поддержкѣ, которую она оказываетъ ему, и возможно на первыхъ порахъ существованіе человѣка, очутившагося вдругъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, на мостовой, безъ крова и пищи, безъ гроша въ карманѣ и безъ всякой связи съ обществомъ; только благодаря помощи «босой команды», онъ не гибнетъ, не умираетъ съ голоду, не замерзаетъ на морозѣ. Многаго «босая команда» не имѣетъ сама и многаго она не въ состояніи дать. Но все, что находится въ ея распоряженіи, она раздѣлитъ съ пришлецомъ. Она накормитъ его, конечно, тою дрянью, которою сама питается она приведетъ его съ собою въ ночлежный домъ и тамъ выпроситъ для него у хозяина право переночевать нѣсколько ночей въ кредитъ. За все эта «босая команда» не потребуетъ отъ новичка никакого вознагражденія и обяжетъ его только соблюдать тѣ обычаи и правила, которыя являются закономъ въ средѣ босяковъ. Такое отношеніе босяковъ къ бѣдствующимъ распространяется и на животныхъ. Такъ, въ домѣ Вяземскаго, на большой галлереѣ одного изъ корпусовъ, постоянно можно видѣть цѣлую стаю бездомныхъ собакъ, которыхъ приводятъ сюда изъ жалости завсегдатаи дома и съ которыми они дѣлятся послѣднимъ кускомъ хлѣба.

Тамъ, гдѣ босяковъ мало, всѣ босяки города составляютъ одну общину; въ городахъ же, имѣющихъ значительное число босяковъ, такую общину составляетъ каждый отдѣльный ночлежный домъ, каждый притонъ. Вотъ для примѣра *тамбовская* община «босой команды». «Это чрезвычайно любопытная корпорація, существующая на общинныхъ началахъ. Доходы и заработки каждаго члена поступаютъ въ общую кассу къ казначею, избираемому всѣмъ наличнымъ составомъ этой общины. Изъ

[1] «Голосъ», 1882, № 98. Перепеч. изъ «Рус. Вѣдом.»

кассы производится расходъ на содержаніе и квартиру всѣхъ членовъ, независимо отъ доходовъ каждаго. Больные лечатся и содержатся на счетъ общей кассы. Въ составъ этой разнохарактерной, но сплоченной образцовой солидарностью и дисциплиною общины входятъ: спившіеся чиновники, выгнанные изъ службы, раззорившіеся купцы и мѣщане и т. п. людъ, потерявшій почему-либо подъ собою почву осѣдлой гражданственности» [1]. Во главѣ такихъ общинъ часто стоятъ выборные старосты. Въ общинѣ царятъ свои особые законы, нарушать которые не дозволяется никому.

Что же касается общинъ босяковъ въ ночлежныхъ домахъ, то одинъ наблюдатель сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ одной изъ такихъ общинъ (въ московскомъ городскомъ ночлежномъ домѣ). «Уваженіе къ порядку въ палатахъ между ночлежниками замѣчательное. Вся эта клика бродягъ и безпаспортныхъ бездомниковъ слѣдитъ за порядкомъ и тишиной въ палатахъ чуть ли не лучше любого домовитаго рабочаго. Въ каждой палатѣ выбранъ изъ ночлежниковъ же старшина—званіе, считающееся въ высшей степени почетнымъ и отвѣтственнымъ; старшина долженъ умѣть во-время прекратить всякое поползновеніе къ безпорядку, долженъ услѣдить, чтобы въ палатѣ не оказалось пьянаго, чтобы ничего не пропало изъ нея». Какъ сами ночлежники смотрятъ на дѣло «старшинствованія», можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Попалъ въ старшины разстриженный попъ и долго старшинствовалъ, всѣ были довольны имъ. Только вдругъ онъ, при столкновеніи общины съ сторожемъ ночлежнаго дома, принялъ сторону сторожа, въ ущербъ интересамъ общины. Тотчасъ же попа смѣнили изъ старшинъ и кромѣ того легонько высѣкли, «для сраму» [2]...

Вообще въ ночлежныхъ домахъ царитъ свое особое законодательство. Комиссія, осматривавшая 12-го января настоящаго года домъ Вяземскаго, встрѣтила въ одной изъ квартиръ полупьяную, оборванную, плачущую женщину. На вопросъ, о чемъ она плачетъ, сосѣди ея отвѣтили, что ее побила квартирная хозяйка за то, что она украла булку у какой-то Аксиньи, у которой есть паренекъ, и для него-то и была приготовлена булка. «Воруй гдѣ хошь, только не здѣсь, не промежъ своихъ», наставительнымъ тономъ пояснилъ одинъ ночлежникъ [3].

Такова «босая команда».

Я. Абрамовъ.

---

[1] «Молва», 1880, январь.
[2] «Русскій Курьеръ», 1880.
[3] «Новое Время», 1882, № 2111.

ПО ПОВОДУ ВОПРОСА

О

МЕЛКОМЪ ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ КРЕДИТѢ.

IV.

Разсмотримъ теперь вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія съ другой точки зрѣнія — чисто промышленной. Разсмотримъ, въ какомъ соотношеніи находится развитіе промышленности и размѣръ крестьянскаго землевладѣнія. Выше мы уже видѣли, что, напримѣръ, казанская губ. зем. управа высказалась въ томъ смыслѣ, что бюджетъ крестьянина долженъ слагаться изъ двухъ статей: дохода отъ земли и дохода отъ отхожихъ и кустарныхъ промысловъ. Всякій знаетъ, что такимъ образомъ у насъ существуютъ цѣлыя мѣстности—лѣтомъ за сохой, зимой на промыслахъ. Каждое земство можетъ надѣяться, что если у его мужиковъ земли и хлѣба мало, то они могутъ идти куда-нибудь на заработки и добыть себѣ хлѣба. Всѣ такимъ именно образомъ и разсуждаютъ, когда смотрятъ съ точки зрѣнія своихъ мѣстныхъ интересовъ; но какъ только мы попробуемъ приложить такой взглядъ ко всей экономической жизни, тотчасъ же почувствуемъ его ложность. Что это значитъ, что бюджетъ крестьянина долженъ слагаться изъ двухъ частей — дохода отъ земли и дохода отъ промысловъ? Это значитъ, что надѣлъ долженъ крестьянина не обезпечивать, а только прокармливать во время работы; зиму же онъ долженъ быть на заработкахъ; на заработанныя деньги онъ купитъ хлѣба, и такимъ образомъ проколотится цѣлый годъ. Такъ какъ упомянутое разсужденіе прилагается ко всѣмъ крестьянамъ, то являются два вопроса: 1) откуда явится тотъ хлѣбъ, которымъ питается на заработкахъ крестьянинъ? и 2) кто будетъ покупать продукты зимней работы, если всѣ или большинство крестьянъ проѣли свой хлѣбъ лѣтомъ? Очевидно, что кто-нибудь да долженъ имѣть избытокъ хлѣба надъ личнымъ потребленіемъ, чтобы содержать зимнихъ работниковъ. Очевидно, что прилагать къ крестьянамъ такое разсужденіе противорѣчитъ самымъ элемен-

тарнымъ соображеніямъ. Если мы введемъ третій элементъ— частное землевладѣніе, то вещи представляются въ такомъ видѣ: крестьяне, имѣя малый надѣлъ, обработываютъ въ тоже время и землю частныхъ владѣльцевъ; въ лучшемъ случаѣ, ихъ положеніе будетъ сносно. Часть же крестьянъ и другіе, не успѣвшіе запастись хлѣбомъ на зиму даже путемъ работы на чужой землѣ, работая на фабрикахъ зиму, будутъ питаться именно помѣщичьимъ хлѣбомъ, а рынкомъ для продукта ихъ зимняго труда будутъ потребности помѣщика и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя прямо или косвенно имъ служатъ. Наконецъ, четвертый элементъ, государство, взимая часть хлѣба съ народа, можетъ извѣстную часть народа содержать на этотъ хлѣбъ во время зимы на работѣ для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя служатъ государству. Такимъ образомъ, фабричная и заводская дѣятельность можетъ имѣть цѣлью удовлетвореніе нуждъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя сами не занимаются земледѣліемъ; сами же земледѣльцы не составляютъ рынка для продуктовъ фабрикъ и заводовъ, не составляютъ потому, что у нихъ не на что купить; напротивъ, при такомъ взглядѣ на дѣло, они сами идутъ на фабрику для собственнаго прокормленія. Отвѣтъ на поставленные выше два вопроса будетъ, слѣдовательно, таковъ: хлѣбъ является съ помѣщичьихъ земель, обработанныхъ крестьянами, получившими за ихъ обработку въ самомъ лучшемъ случаѣ *только* пропитаніе; продукты же зимняго труда на фабрикахъ покупаются всѣми тѣми лицами, по рукамъ которыхъ расходится по тѣмъ, или другимъ причинамъ и въ томъ или другомъ видѣ, помѣщичій хлѣбъ, а также и часть крестьянскаго, именно та часть, которую возьметъ государство. Зимнее движеніе на заработки будетъ, стало быть, имѣть два теченія: одна часть будетъ непосредственно удовлетворять потребности высшихъ классовъ, въ видѣ, напримѣръ, прислуги; другая часть будетъ занята фабричнымъ и заводскимъ трудомъ. Кто же будетъ потребитель продуктовъ послѣдняго рода труда? Государство, богатые классы, всѣ лица, имъ служащія такъ или иначе и получающіе сносное вознагражденіе; наконецъ, зажиточныя группы государственныхъ крестьянъ. Но та часть сельскаго населенія, которая не имѣетъ никакихъ избытковъ надъ личнымъ потребленіемъ, не можетъ быть потребителемъ этихъ продуктовъ. Рынокъ, слѣдовательно, для промышленности будетъ, во-первыхъ, очень не великъ, а, во-вторыхъ, будетъ состоять изъ такого класса лицъ, характеръ занятій которыхъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, составляетъ, по своей непроизводительности, чистый убытокъ для національной экономіи. Для промышленности это, разумѣется, все равно, но для государства это далеко не все равно.

Разсматривая строеніе англійскаго общества, мы будемъ поражены незначительностью собственно производительнаго класса и громадностью того класса, занятія котораго неопредѣленны и болѣе всего приближаются къ занятіямъ прислуги. Для Англіи

это тѣмъ болѣе изумительно, что, помимо потребности своего населенія, ея промышленность удовлетворяетъ потребности всемірнаго рынка. Слѣдующія цифры пояснятъ ближе такую непропорціональность между производительными и непроизводительными классами [1].

КЛАССЫ:	Мужчинъ.	%	Женщинъ.	%	Обоего пола.	%
Профессіональный . . .	486,118	4,3	197,984	1,7	684,102	3,0
Домашній	244,272	2,2	5,660,443	48,5	5,905,171	26,5
Торговый	758,187	6,9	57,235	0,5	815,424	3,6
Земледѣльческій. . . .	1,470,442	13,3	186,696	1,6	1,657,138	7,3
Промышленный	3,615,727	32,7	1,521,998	13,0	5,137,725	22,7
Неопредѣленный и непроизводительный . .	4,483,732	40,6	4,028,974	34,7	8,512,706	36,9

Эти цифры, относящіяся къ 1871 году, показываютъ намъ, что изъ всего англійскаго населенія 4 производительныхъ класса составляютъ 36,6%, а 2 непроизводительныхъ (2-й и 6-й) составляютъ 63,4% всего населенія. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками цифръ о вывозной англійской торговлѣ, чтобы составить точное понятіе о производительности этихъ 36,6% англійскаго населенія; но достаточно напомнить читателю, что рынки англійской промышленности находятся въ Индіи, Турціи, Египтѣ и Австраліи, откуда можно заключить, что производительность труда этой части населенія громадна.

Развитіе англійской промышленности обусловлено было многими причинами, между которыми важнѣйшее мѣсто занимаютъ слѣдующія: 1) обезземеленіе народа; 2) ростъ техники; 3) улучшеніе обращенія товаровъ, т. е. развитіе путей сообщенія и кредитныхъ учрежденій, и 4) обширные рынки. Не будь послѣдняго условія, Англіи было бы некуда дѣваться со своими товарами. И все-таки, несмотря на свой, по истинѣ, гигантскій ростъ, англійская промышленность не могла бы поглотить болѣе 22,7% населенія. Значительная часть населенія не находитъ себѣ приложенія своихъ силъ, а другая—почти такая же по размѣрамъ—часть населенія занята непроизводительнымъ трудомъ прислугъ. Всѣ эти соображенія, примѣненныя къ нашей родинѣ, приводятъ къ одному выводу: промышленность можетъ развиваться при непремѣнномъ условіи обширнаго рынка; а такъ какъ уже всѣ рынки, которые только можно было занять, заняты другими государствами, выступившими ранѣе Россіи на путь промышленнаго развитія, и такъ какъ было бы слишкомъ смѣло надѣяться вытѣснить ихъ съ заграничныхъ рынковъ, то для нашей промышленности остается только одно: расширить внутренній рынокъ; а этотъ внутренній рынокъ есть не что иное, какъ земледѣльческое населеніе; въ свою очередь, оно можетъ только тогда сдѣлаться рынкомъ для мануфактурной промышленности, когда у него будутъ избытки надъ собственнымъ потребленіемъ. Стало быть, заботы о развитіи промышленности надо покинуть; она

[1] Ю. Э. Янсонъ, «Сравнительная Статистика Россіи» стр. 99—101.

никогда не будетъ правильно развиваться, если ея рынокъ не будетъ расширяться, въ видѣ обогащенія сельскаго населенія отъ земледѣлія; а всякое отвлеченіе земледѣльческихъ силъ, не вызванное сильнымъ развитіемъ промышленности, есть непремѣнно увеличеніе непроизводительныхъ классовъ, тѣхъ классовъ, которые въ англійской статистикѣ названы «домашнимъ» и «неопредѣленнымъ». Работникъ, который ушелъ на зиму изъ деревни въ городъ и поступилъ въ половые, хотя и заработаетъ себѣ пропитаніе, но, во всякомъ случаѣ, онъ не есть производительный членъ общества и содержаніе его есть чистый убытокъ для общенародной экономіи.

Съ другой стороны, уже изъ англійскаго распредѣленія населенія по родамъ занятій видно, что громадное развитіе промышленности въ Англіи заняло только 22,7% населенія; стало быть, и помимо того вопроса, есть или нѣтъ рынокъ для мануфактурной промышленности, мы можемъ предсказать, что она никогда не можетъ занять значительнаго числа рабочихъ рукъ. Это происходитъ отъ постояннаго увеличенія производительности мануфактурнаго труда, вслѣдствіе приложенія научныхъ открытій къ задачамъ промышленной техники. Русская промышленность не избѣгла вліянія этого закона. Размѣры мануфактурнаго производства съ 1851 г. по 1870 г. почти утроились, число фабрикъ и заводовъ удвоилось, число же рабочихъ на этихъ фабрикахъ и заводахъ остается почти неподвижнымъ. Слѣдующія цифры [1], относящіяся къ фабрикамъ и заводамъ, необложеннымъ акцизомъ, даютъ основанія для такого вывода.

Годы производства.	Число фабрикъ и заводовъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства.
1851	9,526	456,596	157,371,894
1856	10,748	513,898	203,916,446
1861	14,066	559,533	295,559,898
1866	15,515	387,096	335,064,700
1870	18,892	463,093	452,660,466

На основаніи этихъ цифръ мы вправѣ были сдѣлать выводъ, что самый усиленный ростъ производства впродолженіи 20-ти лѣтъ не въ состояніи былъ повліять на число рабочихъ рукъ, занятыхъ этимъ производствомъ. Процессъ роста производства, очевидно, происходилъ слѣдующимъ образомъ: по мѣрѣ усовершенствованія въ способахъ производства, число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ сокращалось; но болѣе успѣшное производство, удешевляющее продукты и тѣмъ расширяющее сбытъ, въ тоже время усиливалось, что̀ отражалось въ ростѣ числа фабрикъ и заводовъ, по которымъ и размѣщались тѣ рабочіе, которые были изгнаны съ прежнихъ фабрикъ. Разсмотрѣніе тѣхъ же данныхъ по губерніямъ подтверждаетъ сдѣланныя заключенія.

---

[1] Докладъ комиссіи, приложеніе IV, таблица 6, стр. 8.

Мы обратимъ вниманіе только на наиболѣе промышленныя губерніи [1].

	Годы производства.	Число фабрикъ и заводовъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства.
Владимірская. . .	1851	348	71,528	17,635,479
	1870	389	73,492	48,054,906
Костромская. . .	1851	80	6,848	2,875,282
	1870	1,224	14,770	10,687,916
Московская. . . .	1851	1,223	116,592	43,841,869
	1870	1,694	122,360	122,884,634
Пермская.	1851	301	2,548	1,599,706
	1870	1,279	6,834	8,632,337
Тверская.	1851	354	4,661	1,083,461
	1870	356	10,846	20,214,072
Петербургская. .	1851	495	24,626	32,100,628
	1870	732	59,342	87,120,006
Ярославская. . .	1851	189	3,543	1,432,056
	1870	526	8,987	7,942,129

Для насъ важны здѣсь не абсолютныя цифры, а ихъ отношеніе; вездѣ мы видимъ сильный ростъ производства и совершенно непропорціональный приростъ живой рабочей силы, занятой этимъ производствомъ. Это вполнѣ понятно и естественно. Не говоря уже объ общемъ ростѣ техническихъ знаній и ихъ приложеніи, не надо забывать, что этотъ промышленный прогрессъ долженъ быть особенно быстръ, ибо мы переходимъ отъ старыхъ формъ промышленности къ новымъ не постепенно, какъ на западѣ, а сразу, потому что примѣняемъ къ производству новѣйшія открытія.

Существующіе отхожіе промыслы подтверждаютъ эту мысль о невозможности занять свободныя руки народа мануфактурнымъ производствомъ. Половина народа, ходящая на заработки, занята земледѣльческимъ трудомъ. Разсматривая карту, составленную Чаславскимъ [2], мы видимъ, что все рабочее движеніе направлено изъ средней черноземной трехпольной полосы въ южныя, юго-восточныя и восточныя степи, т. е. что это движеніе чисто земледѣльческое, обусловленное, съ одной стороны, стѣсненіемъ

[1] Докладъ комиссіи, Приложеніе IV, таблица 6.

[2] Сборникъ государственныхъ знаній, т. II. Чаславскій, Земледѣльческіе отхожіе промыслы.

крестьянъ въ землѣ въ трехпольной полосѣ, а съ другой стороны—недостаткомъ рабочихъ рукъ въ степной полосѣ. Мы можемъ поэтому сказать, что половина отхожихъ промысловъ имѣетъ характеръ чисто земледѣльческій. Къ этому же заключенію приводятъ и другія данныя, касающіяся передвиженія рабочихъ. Анализъ цифръ, относящихся къ пассажирскому движенію нашихъ желѣзныхъ дорогъ, показалъ, что впродолженіи 8-ми лѣтъ пассажирское движеніе постоянно усиливается въ лѣтніе мѣсяцы, начиная съ марта и достигая maximum'а въ августѣ, т. е. что это движеніе пассажировъ обусловливается движеніемъ рабочихъ-земледѣльцевъ. Это движеніе въ августѣ, т. е. когда накоплявшійся на заработкахъ впродолженіи весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ рабочій людъ возвращается домой, такъ сильно, что превышаетъ на 77,51% число пассажировъ, проѣхавшихъ по дорогамъ въ январѣ [1].

Что касается до другой половины отхожихъ промысловъ, во всякомъ случаѣ не меньшей, чѣмъ первая, то она распадается, въ свою очередь, на двѣ категоріи: производительную и непроизводительную. Къ первой категоріи можно причислить ремесленниковъ и фабричныхъ, ко второй—тотъ классъ, который въ англійской статистикѣ названъ домашнимъ, т. е. дворники, сидѣльцы, трактирщики, прислуга и проч. Количественное развитіе такого класса едва ли желательно, потому что онъ составляетъ бремя для народа, мало окупающее свое содержаніе.

Цифры, характеризующія строеніе англійскаго общества, достаточно убѣдительны для того, чтобы сказать, что самое большее, какое мы только можемъ представить себѣ, развитіе промышленности не въ состояніи занять всѣхъ рабочихъ рукъ населенія; съ другой стороны, цифры нашей промышленной статистики приводятъ къ выводу, что сильный ростъ производства почти не увеличилъ числа рабочихъ. Изъ этого уже прямо слѣдуетъ, что разсчеты на отхожіе промыслы совершенно фиктивны, что развитіе самой промышленности находится въ зависимости отъ расширенія рынка, и рынокъ этотъ для насъ—сельское населеніе; что единственный способъ поднять промышленность заключается въ томъ, чтобы создать благосостояніе сельскаго населенія, сдѣлать его покупательной силой, а нетолько платежной. Въ противномъ случаѣ, часть этого населенія будетъ уходить въ города якобы на заработки, но въ сущности будетъ только увеличивать собою непроизводительную часть общества. Не расширивши рынокъ, невозможно расширить производства; а рынокъ только тогда расширится, когда земледѣльцы будутъ имѣть избытки. Но этихъ избытковъ теперь нѣтъ у значительной части нашего земладѣльческаго населенія.

Наше положеніе на заграничномъ рынкѣ весьма двусмыслен-

---

[1] «Слово», 1880 г., № 10. Очерки нашего пореформеннаго хозяйства. Н—она табл. III.

ное; повидимому, онъ находится въ зависимости отъ Россіи, страны, снабжающей его продуктомъ первой необходимости — хлѣбомъ; повидимому, наше снабженіе заграничнаго рынка хлѣбомъ должно бы находиться въ полной зависимости отъ нашего урожая или неурожая; по крайней мѣрѣ, разумъ требуетъ такихъ выводовъ; но, наперекоръ всякому разуму, не заграничный рынокъ находится въ зависимости отъ нашихъ урожаевъ; а нашъ сбытъ находится въ зависимости отъ спроса на этомъ рынкѣ. Урожай у насъ или неурожай — мы веземъ въ Европу столько, сколько она требуетъ, безъ всякихъ соображеній о томъ, избытокъ мы вывозимъ или продовольствіе. Само собой, у этого явленія есть свои причины, къ объясненію которыхъ мы перейдемъ ниже, а пока обратимся къ фактамъ. Чистый сборъ и вывозъ за границу пищевыхъ хлѣбовъ выражается слѣдующими процентными отношеніями, если цифру 70-го года принять за 100.

ГОДЫ	Чистый сборъ.	Вывозъ.	Потребленіе хлѣба винокуреніемъ.
1870	100	100	100
1871	80	118	120
1872	80	87	118
1873	86	106	109
1874	105	131	109
1875	71	106	98
1876	79	125	

«Слѣдовательно, вывозъ несомнѣнно возрастаетъ: послѣднее трехлѣтіе дало перевѣсъ надъ первымъ въ 18,4%, тогда какъ производство понизилось на 1,7%. Отсюда слѣдуетъ: 1) что вывозъ не сообразуется съ производительностью страны и 2) несомнѣнно идетъ насчетъ того хлѣба, который долженъ былъ бы оставаться на продовольствіе»[1]. Къ тому же выводу пришелъ и авторъ «Очерковъ нашего пореформеннаго хозяйства», обладавшій болѣе обширнымъ матеріаломъ, чѣмъ г. Янсонъ. Онъ говоритъ: «Хлѣбное производство, которымъ держится все наше государственное и народное хозяйство, находится въ абсолютномъ застоѣ, мало того, производительность труда въ этой отрасли хозяйства, хотя весьма незначительна (0,83%), но понижается»[2].

Между тѣмъ, относительная цѣнность вывезеннаго хлѣба къ цѣнности всего вывезеннаго значительно увеличилась: въ 1870 г. цѣнность вывезеннаго хлѣба составляла 47,54% цѣнности всего вывоза, а въ 1878 г. это отношеніе выражалось уже цифрою 61,44%[3]; абсолютно же вывозъ хлѣба возросъ на 63,38%: въ 70—1 году вывезено было хлѣба 24,536,600 четвертей, а въ

---

[1] Ю. Э. Янсонъ. Сравнительная статистика, т. II, стр. 464.

[2] «Слово», 1880 г., № 10. «Очерки нашего пореформеннаго хозяйства», стр. 103.

[3] Тамъ же, табл. 1.

1878 г. 40,087,400 четвертей. Эти цифры вполнѣ подтверждаютъ выводъ г. Янсона, что вывозъ идетъ насчетъ потребленія. По мнѣнію г. Н—она, на сокращеніе народнаго потребленія вывозъ хлѣба имѣлъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ естественный приростъ населенія. «Оба вліянія, взятыя вмѣстѣ, выразились такимъ образомъ: во второй періодъ народное продовольствіе сократилось на 9%, въ третій еще на 3,51%, въ четвертый еще на 1,14%, причемъ естественный приростъ населенія сократилъ потребленіе на 5%, остальное же отнялъ вывозъ. Вотъ къ чему привело развитіе банковъ и желѣзныхъ дорогъ» [1]. Послѣдняя фраза указываетъ и на причины разсматриваемаго явленія.

Общая мысль автора заключается въ томъ, что чрезмѣрное развитіе средствъ обращенія товаровъ ведетъ въ той или другой формѣ къ экспропріаціи производителя. Доказавъ, съ одной стороны, что дѣятельность нашихъ банковъ и желѣзныхъ дорогъ держится главнымъ образомъ сельско-хозяйственнымъ производствомъ, и что, съ другой стороны, постепенное ихъ развитіе все болѣе и болѣе захватывало продуктъ крестьянскаго труда въ процессъ обращенія товаровъ, авторъ заключаетъ, что развитіе средствъ обращенія стремится уменьшить долю производителя въ продуктѣ и увеличить долю капиталиста-посредника. Мы не знаемъ, хотѣлъ ли авторъ сказать этимъ, что это есть неизбѣжное свойство процесса обращенія, или это зависитъ отъ другихъ соціальныхъ условій, въ которыя поставлено наше земледѣльческое производство, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, оставляемое чтеніемъ статьи, позволяетъ думать, что авторъ приписываетъ такое явленіе самому процессу обращенія, а не тѣмъ условіямъ, каторыя лежатъ внѣ его. Въ то время какъ государственный бюджетъ во второмъ четырехлѣтіи 71—78 гг. увеличился, сравнительно съ первымъ, только на 3,29% въ переводѣ на хлѣбъ, вывозъ за-границу увеличился на 39,2%; поэтому, заключаетъ авторъ, не государство пользуется мужицкимъ обѣднѣніемъ, а капиталисты; ростъ бюджета очень медленный, между тѣмъ, какъ ростъ всѣхъ факторовъ обращенія—путей сообщенія, кредитныхъ учрежденій и доли земледѣльческаго продукта, попадающей въ обращеніе—этотъ ростъ очень быстръ и энергиченъ. Громадный механизъ обмѣна, построенный по всѣмъ правиламъ современной науки, все болѣе и болѣе вбираетъ въ себя продуктовъ земледѣлія, и, такъ какъ это послѣднее находится въ застоѣ, благодаря первобытнымъ способамъ обработки земли, то производителю остается все меньше и меньше. Соглашаясь вполнѣ съ характеристикой фактическаго положенія народнаго хозяйства, такъ мастерски сдѣланной на основаніи хорошо разработаннаго матеріала, тѣмъ не менѣе, мы находимъ нѣкоторую неясность въ объясненіяхъ автора причинъ такого положенія народнаго хозяйства; авторъ слишкомъ много даетъ значенія вліянію обмѣна

[1] Тамъ же, стр. 108.

на уменьшеніе доли народнаго потребленія; мы уже говорили выше, что статья оставляетъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы это есть неизбѣжное свойство обмѣна: чѣмъ онъ совершеннѣе, тѣмъ онъ болѣе способенъ втянуть въ себя продуктовъ.

По нашему мнѣнію, вліяніе обмѣна въ этомъ явленіи уменьшенія доли народнаго потребленія есть вторичный факторъ; главная же пружина, заводящая весь этотъ гигантскій механизмъ обмѣна, лежитъ въ тѣхъ причинахъ, которыя заставляютъ производителя обмѣнивать почти весь свой продуктъ на деньги. Только для капиталиста, для помѣщика, такая мѣна продуктовъ на деньги обязательна, потому что онъ производитъ продукты не для собственнаго потребленія; но весьма странно положеніе земледѣльца, производящаго продуктъ первой необходимости и въ тоже время принужденнаго продавать нетолько избытокъ надъ личнымъ потребленіемъ, но и значительную часть продукта, назначеннаго на личное потребленіе. Авторъ упомянутой статьи не разъ подходитъ къ этому явленію [1], но придаетъ ему слишкомъ мало вѣса и не ставитъ его въ углу изслѣдованія, какъ будто бы у описаннаго авторомъ механизма обмѣна есть какая-то внутренняя сила, побуждающая производителя бросать подъ его колеса самыя необходимыя части своего продукта.

Мы думаемъ, что причины, давшія возможность приложить усовершенствованный механизмъ обмѣна къ земледѣльческому производству, заключается въ самомъ положеніи нашего земледѣльческаго населенія. Выше разсматривая способы веденія помѣщичьяго хозяйства, мы видѣли, что преобладающихъ способовъ два: испольная обработка помѣщичьихъ земель и краткосрочная ихъ аренда крестьянами. Нечего и говорить, что продукты съ помѣщичьихъ земель, когда сами помѣщики ведутъ хозяйство, непремѣнно должны искать сбыта и что въ этомъ случаѣ помѣщикъ есть капиталистъ-производитель, который непремѣнно долженъ обмѣнять полученные имъ продукты на деньги; къ нимъ механизмъ обмѣна можетъ прикладываться и всегда найдетъ у нихъ пищу. Но имѣетъ ли этотъ механизмъ значеніе для той части крестьянства, которая обезпечена въ своемъ продовольствіи? Очевидно, что какъ бы механизмъ обмѣна ни былъ усовершенствованъ, онъ у нихъ ничего, кромѣ избытка, взять не можетъ; необходимо они должны продать только ту часть продукта, которая выручитъ деньги для уплаты податей; остальной избытокъ они могутъ продать, а могутъ и не продать, но никогда обмѣнъ не унесетъ у нихъ часть ихъ продовольствія. Отсюда слѣдуетъ, что коренная причина уменьшенія доли производителя продукта лежитъ не въ развитіи механизма обмѣна, а въ томъ, что этотъ производитель *принужденъ* обращать въ деньги все большую и большую долю продукта, а усовершенствованный обмѣнъ только

[1] Онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ продажи хлѣба крестьянами осенью и покупки ими же весною въ Московской губ. (стр. 112—113).

выполняетъ эту потребность производителей и, конечно, ему нѣтъ никакого дѣла до того, беретъ ли онъ продовольствіе или избытки. Причина же этого явленія заключается въ слѣдующихъ трехъ условіяхъ: 1) постепенности выкупной операціи; 2) неравномѣрности податной тягости и 3) громадномъ ростѣ арендныхъ цѣнъ.

Стало уже общеизвѣстнымъ фактомъ, послѣ изслѣдованія профессора Янсона о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, что платежи за землю бывшихъ государственныхъ крестьянъ болѣе или менѣе согласованы съ доходностью ихъ надѣловъ и что сумма ихъ не превышаетъ чистаго дохода съ земель; платежи же бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ превышаютъ чистый доходъ съ ихъ надѣловъ; кромѣ того, въ средѣ послѣдней части населенія обложеніе точно также неравномѣрно, вслѣдствіе принятой системы градаціи надѣльныхъ земель, при которой первая десятина надѣла оцѣнивалась выше, чѣмъ остальныя; результатомъ этого явилось чрезмѣрное обложеніе платежами крестьянъ, получившихъ малые надѣлы. Такимъ образомъ половина земледѣльческаго населенія принуждена обращать въ деньги значительную часть продукта, вслѣдствіе высокихъ выкупныхъ платежей; эта же причина должна побуждать крестьянъ и къ арендованію чужой земли, такъ какъ малый надѣлъ не въ состояніи прокормить его владѣльца и еще дать ему продуктъ на уплату податей. Эта причина должна была дѣйствовать все сильнѣй и сильнѣй, по мѣрѣ роста выкупной операціи, такъ какъ все большая и большая часть крестьянъ должна была чувствовать нужду въ деньгахъ; этимъ также отчасти можетъ быть объяснено все возрастающее количество продукта крестьянскаго труда, ищущаго сбыта; здѣсь самъ производитель идетъ навстрѣчу обмѣну. Третья причина усиленной продажи хлѣба крестьянами—высота арендныхъ цѣнъ—нѣсколько сложнѣе первыхъ двухъ. Съ перваго взгляда очевидно, что чѣмъ выше арендныя цѣны за землю, тѣмъ большую часть продукта своего труда арендаторъ долженъ обращать въ деньги. Ростъ арендныхъ цѣнъ за послѣднее десятилѣтіе есть явленіе всеобщее и несомнѣнное и, конечно, это одна изъ самыхъ энергичныхъ причинъ поглощенія замледѣльческаго продукта обмѣномъ. Но дѣло нѣсколько усложняется тѣмъ, что само возвышеніе арендныхъ цѣнъ отчасти совершилось подъ вліяніемъ развитія одного изъ факторовъ обмѣна—желѣзныхъ дорогъ. «Когда открылись желѣзныя дороги, говоритъ Чаславскій [1]:—усилился спросъ на хлѣбъ и возвысились на него цѣны, аренда земель перешла въ денежную и арендныя цѣны начали быстро рости. Теперь цѣны эти высоки и въ приволжскихъ черноземныхъ уѣздахъ сѣвернѣе Самарской луки, и особенно въ полосѣ, идущей отъ Тамбова и Моршанска вплоть до Полтавской губерніи. Особенно высоки онѣ

[1] Сборникъ государственныхъ знаній, т. II, стр. 194.

тамъ, гдѣ желѣзныя дороги сходятся узлами: такъ въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Курской губерніи и въ уѣздѣ Малоархангельскомъ (Орловской губ.) цѣна десятины подъ озимь доходитъ до 20 руб., подъ ярь до 13 — 15 руб.; въ Козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губ. цѣна за пару десятинъ (одну подъ озимь, другую подъ ярь) доходитъ до 50 р. Вообще въ этой полосѣ развились самыя высокія арендныя и продажныя цѣны на землю во всей Россіи». Въ сущности это дѣла не мѣняетъ, ибо отчего бы ни происходилъ ростъ арендныхъ цѣнъ, отъ проведенія ли желѣзныхъ дорогъ или отъ возрастающаго малоземелья, все равно — механизмъ обмѣна дѣйствуетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ больше денегъ надо крестьянину. И это возрастаніе арендныхъ цѣнъ происходитъ не отъ одного проведенія желѣзныхъ дорогъ; еслибы на арендную цѣну вліяла только цѣна продукта, т. е. при удвоеніи послѣдней удвоивалась бы первая, то арендаторъ все равно долженъ былъ бы отчуждать прежнюю часть продукта. Если, напримѣръ, при арендѣ въ 10 р. за десятину озими, при 50 к. за пудъ ржи, онъ долженъ для уплаты аренды продать 20 п., то при арендѣ въ 20 р.—при 1 р. за пудъ ржи онъ долженъ продать все тѣже 20 п. и для продовольствія его остается прежнее количество продуктовъ; но арендныя цѣны ростутъ быстрѣе, нежели цѣны на хлѣбъ, потому что ими управляетъ еще болѣе могущественный факторъ—нужда въ землѣ; въ этомъ случаѣ ими управляетъ законъ спроса и предложенія на землю.

Сверхъ всего этого вполнѣ можно представить такой порядокъ вещей, при которомъ обмѣнъ является скорѣе благодѣтельнымъ для производителей. Представимъ себѣ земледѣльцевъ, обезпеченныхъ землей и не имѣющихъ сбыта своему продукту; онъ будетъ, конечно, у нихъ накопляться; если явится желѣзная дорога, то они могутъ реализировать значительную часть накопленнаго продукта и ежегодно продавать ту часть избытка, которая остается сверхъ отчисленія въ запасъ на случай неурожая. Продавая избытки, производители купятъ предметы удобства, которые привезетъ имъ таже желѣзная дорога. Но никогда не можетъ обмѣнъ взять у производителей часть ихъ продовольствія, когда у нихъ нѣтъ никакой побудительной причины продать эту часть.

Мы думаемъ, что только при трехъ указанныхъ выше условіяхъ обмѣнъ и могъ такъ убійственно подѣйствовать на народное хозяйство, и ясно, что эти условія лежатъ не въ самомъ обмѣнѣ, а внѣ его; его разрушительное дѣйствіе на потребленіе народа есть только слѣдствіе болѣе глубокой и болѣе коренной причины.

Обращаясь къ исходной точкѣ нашихъ разсужденій, мы зададимся такимъ вопросомъ: можетъ ли развиваться мануфактурная промышленность въ странѣ, гдѣ потребители такъ бѣдны, что, въ силу тѣхъ или другихъ условій, принуждены заниматься

другимъ, кромѣ земледѣльческаго, трудомъ для собственнаго пропитанія, если у нихъ нѣтъ нетолько избытковъ, на которые они могли бы купить продукты фабричнаго труда, а напротивъ, есть только недостатки, побуждающіе ихъ самихъ заниматься такимъ трудомъ для выработки продуктовъ для чужого потребленія? Еслибы для насъ были открыты заграничные рынки, то такое положеніе рабочаго класса содѣйствовало бы развитію промышленности (при наличности, конечно, и другихъ факторовъ производства, какъ напримѣръ знанія), какъ это было въ Англіи. Но такъ какъ доступъ на заграничные рынки закрытъ для продуктовъ нашего фабричнаго труда, то богатство земледѣльческаго населенія есть conditio sine qua non для развитія нашей промышленности.

Съ другой стороны, источникъ народной бѣдности заключается въ его малоземельи и неравномѣрномъ податномъ обложеніи. Эти условія, заставляя арендовать по самымъ высокимъ цѣнамъ земли частныхъ владѣльцевъ, заставляютъ обращать все бо̀льшую и бо̀льшую часть продуктовъ въ деньги; а это въ свою очередь даетъ полный просторъ для хлѣбной торговли доставлять на европейскіе рынки не избытки надъ народнымъ продовольствіемъ, а то, что потребуютъ эти рынки, хотя бы это было само продовольствіе. Нѣтъ никакой силы, которая могла бы затормозить дальнѣйшее развитіе такого направленія вывозной торговли; только обезпеченіе земледѣльцевъ достаточнымъ надѣломъ и приведеніе ихъ платежей въ согласіе съ чистымъ доходомъ съ этого надѣла можетъ положить конецъ этому безотрадному явленію.

V.

До знаменитаго дня 19-го февраля 1861 г. земледѣльческое населеніе распадалось на два крупныхъ разряда: крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ [1]. Мы слишкомъ привыкли представлять дореформенную Россію крѣпостною и забываемъ, что половина сельскаго земледѣльческаго населенія была свободна отъ крѣпостного ига и пользовалась правами на землю. Нѣтъ нужды доказывать, какъ важно для самихъ земледѣльцевъ владѣніе землей—это стало лозунгомъ нашего времени—и вотъ это-то владѣніе землею и было обезпечено за государственными крестьянами. Правительство принимало мѣры къ обезпеченію этого населенія землей. Государственные крестьяне надѣлялись отъ 8 до 15 десятинъ на душу, смотря по мѣстному изобилію земель; статья 10-я

---

[1] Собственно государств. крестьянъ 9 194,891 ревиз. душъ; крѣпостныхъ въ большепомѣстныхъ имѣніяхъ 10,137,728 рев. душъ; въ мелкопомѣстныхъ 399,721 р. д. (Янсонъ, Сравн. Стат. т. II, стр. 116, 126.

устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ [1] предоставляла всѣмъ крестьянамъ право на прирѣзку земли, если норма ихъ надѣла опускалась ниже 5 десятинъ на душу; прирѣзка эта [2] производилась изъ казенныхъ пустошей, даже оброчныхъ статей, если ожидался отъ занятій ихъ крестьянами большой доходъ, малодоходныхъ лѣсовъ и расчистокъ, если было много лѣсовъ, наконецъ, изъ излишнихъ земель другихъ государственныхъ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускалась прирѣзка и тогда, когда было болѣе 5 десятинъ на душу въ селеніи [3]. Кромѣ того, существовала еще мѣра, имѣвшая цѣлью уравнивать крестьянскіе надѣлы; это «уравненіе землями, есть соразмѣрное оныхъ, по числу ревизскихъ душъ, раздѣленіе между казенными селеніями, въ одну округу замежованными» [4]. Эта мѣра должна была предшествовать другой — надѣленію, ибо къ надѣленію, по статьямъ 10, 11, 12 и 13, приступалось только тогда, когда: 1) «не представится возможность удовлетворить государственныхъ крестьянъ посредствомъ уравненія (статьи 18—22) и 2) когда недостатокъ въ угодьяхъ не можетъ быть отвращенъ раздачею отъ сельскихъ обществъ нуждающимся крестьянамъ неудобныхъ земель на долгіе сроки, подъ условіемъ ихъ удобренія» [5]. Приведенныя статьи устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ опредѣляютъ случаи прирѣзокъ земель. Обратимся теперь къ тѣмъ его статьямъ, которыя давали государственнымъ крестьянамъ право на переселенія. «Переселеніе государственныхъ крестьянъ производилось: 1) Въ видахъ хозяйственнаго устройства, чтобы сельскимъ обществамъ, нуждающимся въ землѣ, предоставить съ выходомъ переселенцевъ потребное количество оной на остальныя души и чтобы излишнія руки въ однихъ мѣстахъ обратить къ воздѣлыванію пространствъ впустѣ лежащихъ; 2) по видамъ промышленности; 3) въ видахъ административныхъ для умноженія народонаселенія на пограничныхъ линіяхъ, заселенія дорогъ, приморскихъ береговъ и т. п. 4) Для удаленія порочныхъ крестьянъ по приговорамъ сельскихъ обществъ, на основаніи сельскаго судебнаго устава» [6]. Ст. 30-я опредѣляетъ, кто имѣетъ право на переселеніе: «переселеніе въ другія губерніи дозволяется изъ малоземельныхъ сельскихъ обществъ, имѣющихъ въ сложности менѣе 5-ти десятинъ на душу» [7]. Допускалось также переселеніе отдѣльныхъ лицъ по ходатайству желающихъ принять ихъ обществъ [8]. Такимъ об-

---

[1] Сводъ законовъ, т. XII. Уставъ о благоустройствѣ въ казен. селеніяхъ ст. 10.

[2] Тамъ же, ст. 12.

[3] Тамъ же, ст. 10, 3.

[4] Тамъ же, ст. 18.

[5] Тамъ же, ст. 15.

[6] Тамъ же, ст. 24.

[7] Тамъ же, ст. 30 и 35 (3 и 4).

[8] Тамъ же, с. 26.

разомъ, право переселяться давало только одно условіе—малоземелье менѣе 5-ти десятинъ на душу. Переселенія не были предоставлены самимъ себѣ, но были организованы съ удивительною для нашего времени заботливостью. На палаты государственныхъ имуществъ тѣхъ губерній, которыя предназначались для колонизаціи, возлагалась обязанность разбивать земли на участки отъ 4,000 до 7,500 десятинъ для образованія обществъ съ 500 душъ мужескаго пола [1]; въ каждомъ участкѣ нарѣзывалось соотвѣтствующее количество лѣса съ раздѣленіемъ на годовыя лѣсосѣки; въ мѣстахъ же безлѣсныхъ отводилось «для сего потребное количество земли, наиболѣе способное для разведенія лѣсовъ» [2]. Такимъ образомъ уже заранѣе были изготовлены переселенческіе участки; мѣстность, въ которую должны были переселяться нуждающіеся въ землѣ крестьяне, опредѣлялась Министромъ Государственныхъ Имуществъ; «впрочемъ, не возбраняется крестьянамъ просить переселенія въ тѣ губерніи и мѣста, куда они пожелаютъ; но если сіе окажется неудобовозможнымъ, то имъ отказывается» [3]. Послѣ назначенія Министромъ мѣста переселенія, переселенцы должны были отправить депутатовъ для осмотра назначенныхъ имъ участковъ [4]. «Если участки найдутъ повѣренные неудобными къ поселенію, то могутъ отъ нихъ отказаться и избрать другіе» [5]. Эта статья дополнялась другою слѣдующаго содержанія: «въ семъ послѣднемъ случаѣ (въ случаѣ отказа депутатовъ отъ отведенныхъ участковъ), какъ и вообще по прибытіи повѣренныхъ съ разрѣшенія правительства для избранія земель, Палаты Государственныхъ имуществъ обязаны показывать имъ, буде пожелаютъ, планы всѣхъ свободныхъ участковъ, изъяснять имъ вразумительно и со всею подробностію всѣ мѣстныя обстоятельства, и затѣмъ предписывать кому слѣдуетъ объ указаніи имъ въ натурѣ тѣхъ участковъ, кои предпочтутъ они, снабжая ихъ подробными объ оныхъ письменными свѣдѣніями» [6]. Палатамъ вмѣнено было въ обязанность вести канцелярское дѣлопроизводство о переселенцахъ безъ проволочекъ и промедленія [7]. Наконецъ, самъ Министръ Государственныхъ Имуществъ долженъ былъ руководствоваться слѣдующими соображеніями при назначеніи участковъ для переселенцевъ: «а) чтобы переселенцы, сколько возможно, не были подвержены дальнимъ и затруднительнымъ переходамъ, б) чтобы климатъ тѣхъ губерній, куда должны они переселиться, былъ сколь возможно менѣе различенъ отъ того,

---

[1] Тамъ же, статьи 26, 28, 38, 40, 41, 42, 36.
[2] Тамъ же, статьи 26, 28, 38, 40, 41, 42, 36.
[3] Тамъ же, статья 26, 28, 38, 40, 41, 42, 36.
[4] Тамъ же, статьи 26, 28, 38, 40, 41, 42, 36.
[5] Тамъ же, статьи 26, 28, 38, 40, 41, 42, 36.
[6] Тамъ же, статьи 26, 28, 38, 40, 41, 42, 36.
[7] Тамъ же, статьи 26, 28, 38, 40, 41, 42, 36.

къ коему они пріобыкли на прежнихъ мѣстахъ, в) чтобы участки были имъ назначены на такомъ разстояніи отъ находящихся уже въ оныхъ губерніяхъ селеній, которое бы представляло удобность оказать имъ нужныя при водвореніи пособія, г) чтобы переселенцамъ отведено было по 15 десятинъ удобной земли на душу, по послѣдней ревизіи, или хотя и менѣе, но съ соразмѣрнымъ количествомъ неудобной, сообразно правилу [1], выше въ ст. 10 постановленному. Если же земли будетъ недостаточно, или если отводимыя мѣста имѣютъ особенныя выгоды, то назначать и по 8 десятинъ, разумѣя въ томъ числѣ удобной не менѣе 5, а неудобной по разсчету [2].

Таковы были основныя условія переселеній; что касается до самой ихъ организаціи, то мы и тутъ встрѣтимся съ тою заботливостью и тѣмъ же широкимъ взглядомъ на дѣло, которые видны уже изъ предыдущаго. Переселеніе дозволялось «не прежде, какъ по принятіи надлежащихъ мѣръ къ обезпеченію переселенцевъ въ продовольствіи во время пути и въ первое время прибытія ихъ на мѣсто новаго водворенія» [3]. Палаты тѣхъ мѣстностей, откуда производилось выселеніе, обязаны были прислать на новыя мѣста работниковъ изъ числа переселенцевъ съ тою цѣлью, чтобы они произвели весною необходимые посѣвы и накосили сѣна на зимнее продовольствіе скота; для этого имъ выдавались въ ссуду сѣмена изъ мѣстныхъ запасныхъ магазиновъ [4]. Ко времени прибытія этихъ піонеровъ переселенческой партіи, мѣстныя палаты должны были заготовить общественные плуги и рабочій скотъ [5] въ слѣдующемъ размѣрѣ [6]: плугъ выдавался одинъ на 8 домохозяевъ, а воловъ—пара на каждаго домохозяина. Кромѣ всего этого, на обязанности [7] же палатъ было возложено устройство мельницъ тамъ, гдѣ ихъ не было на переселенческихъ участкахъ; устройство колодцевъ, если не было открытой воды. Всѣ эти траты происходили на особые кредиты Министер-

---

[1] 1, Правило это состояло въ томъ, чтобы въ случаѣ недостатка для надѣла удобной земли отводить за каждую удобную дес. 2 неудобныхъ: такъ, напр. еслибы оказалось возможнымъ отвести удобной только по 11 дес. на душу то значитъ добавили бы еще 8 дес. неудобной вмѣсто 4-хъ удобныхъ; такимъ образомъ надѣлы вышли бы 19-ти десятинные.

[2] Сводъ законовъ, т. XII, Уставъ о благоустройствѣ въ каз. селеніяхъ ст. 37.

[3] Тамъ же, ст. 43.

[4] Тамъ же, ст. 44. Эта ссуда должна была быть возвращена переселенцами въ теченіи трехъ лѣтъ; отъ высылки работниковъ по отдаленности освобождались только переселявшіеся въ Сибирскія и Закавказскія губерніи и области.

[5] Эти затраты не должны были простираться свыше 20 р. на каждое семейство; эти ссуды съ переселенцевъ не взыскивались. Тамъ же, ст. 45 и 56.

[6] Тамъ же, ст. 56.

[7] Тамъ же, ст. 47. Мельницы эти обыкновенно сдавались въ оброчное содержаніе кому-нибудь изъ переселенцевъ.

ства Государственныхъ имуществъ подъ названіемъ хозяйственнаго капитала.

Другой рядъ мѣръ былъ направленъ къ тому, чтобы самый процессъ переселенія не былъ слишкомъ тяжелъ для крестьянъ, пожелавшихъ оставить родныя мѣста. Прежде всего имъ предоставлялось право отказаться отъ переселенія, если они почему-либо перемѣнили свое желаніе. Не дозволялось только возвращаться съ самаго пути [1]. На старомъ мѣстѣ они могли распродать имущество по своему желанію, имѣли право снять со своихъ участковъ посѣянный хлѣбъ и получить изъ запасныхъ магазиновъ «все то количество хлѣба, какое по числу душъ ихъ причитается имъ изъ наличныхъ въ то время запасовъ» [2]. Послѣ совершенія всѣхъ предварительныхъ мѣръ, о которыхъ говорилось выше, переселенцы раздѣлялись на партіи и отправлялись въ опредѣленное время подъ надзоромъ особыхъ проводниковъ [3]. Во время пути переселенцы освобождались отъ платежа за переводъ и другихъ подобныхъ сборовъ [4], имѣли право безплатно пасти свой скотъ на общихъ пастбищахъ [5], безплатныя квартиры-денныя и ночныя [6]. Окружные начальники должны были заботиться, «чтобы вообще оказываемо было переселяющимся всякое законное пособіе, доброхотство и покровительство» [7], чтобы заболѣвшіе во время пути отправлялись въ больницы ближайшихъ городовъ для безплатнаго излеченія, «а съ ними вмѣстѣ кто-либо желающій изъ ихъ родственниковъ, для вящщаго о нихъ попеченія» [8]. По прибытіи переселенцевъ на мѣсто, окружные начальники должны были размѣстить ихъ по квартирамъ близь лежащихъ селеній и показывать имъ всѣ мѣстные способы воздѣлыванія земли. Для построекъ, переселенцы на каждый дворъ получали безденежно до 100 корней лѣсу въ лѣсныхъ мѣстностяхъ и до 1/3 десятины дровяного лѣсу въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ для огорода и мазанокъ.» Вмѣстѣ съ тѣмъ переселенцы получали на первоначальное обзаведеніе и устройство жилищъ, въ случаѣ отпуска лѣса, по 20 р., а безъ онаго по 35 р. на семейство безвозвратно» [9].

---

[1] Тамъ же, статьи 48, 49, 50, 53, 51, 2, 51, 4.
[2] Тамъ же, статьи 48, 49, 50, 53, 51, 2, 51, 4.
[3] Тамъ же, статьи 48, 49, 50, 53, 51, 2, 51, 4.
[4] Тамъ же, статьи 48, 49, 50, 53, 51, 2, 51, 4.
[5] Тамъ же, статьи 48, 49, 50, 53, 51, 2, 51, 4.
[6] Тамъ же, статьи 48, 49, 50, 53, 51, 2, 51, 4.
[7] Тамъ же, статьи 48, 49, 50, 53, 51, 2, 51, 4.
[8] Мы перечисляемъ здѣсь только то, что обязаны были сдѣлать для переселенцевъ окружные начальники и на что переселенцы имѣли положительное право. Вообще уставъ совѣтуетъ окружнымъ начальникамъ и всякимъ властямъ обращаться къ христіанскимъ чувствамъ братства и любви окружающаго населенія, чтобы въ силу этихъ побужденій оказывалось покровительство передвигающемуся народу.
[9] Тамъ же, ст. 55.

Единственно, что составляло тормазъ для переселеній, это были формальности перечисленія на новыя мѣста, которыя были многочисленны и довольно сложны: «Мотивы этихъ формальностей имѣли въ виду, главнымъ образомъ, обезпеченіе самихъ же переселенцевъ; но, благодаря бюрократизму, иногда дѣла о перечисленіяхъ, тянулись довольно долго. При множествѣ ходатайствъ о переселеніяхъ, возбуждалась громадная переписка; переселеніе замедлялось и затруднялось; переселенцы шли въ большинствѣ случаевъ, не дождавшись разрѣшенія, терпѣли нужду и голодъ и всѣ невзгоды, сопряженныя съ неорганизованнымъ переселеніемъ» [1]. Важно было только для крестьянъ получить разрѣшеніе на переселеніе; собственно же перечисленіе, хотя и было довольно сложно, такъ какъ велось между двумя казенными палатами и двумя палатами государственныхъ имуществъ, не могло тормозить переселеніе, потому что вся эта переписка велась помимо крестьянъ — тотчасъ по выбытіи ихъ съ прежнихъ мѣстъ [2].

Наконецъ, переселенцы, помимо всѣхъ правительственныхъ заботъ при переселеніи, пользовались еще весьма значительными льготами по отбыванію податей и повинностей. Льготы эти были слѣдующія [3]: 1, Шестилѣтняя льгота отъ военнаго постоя; 2) льгота въ податяхъ, денежныхъ и натуральныхъ повинностяхъ на 8 лѣтъ, за исключеніемъ только оброчной подати, половина которой должна была вноситься уже черезъ четыре года; но частныя повинности, относящіяся до отведенныхъ переселенцамъ земель, они должны были исполнять наравнѣ со старожилами [4]; 3) льгота отъ наборовъ въ продолженіи трехъ со времени переселенія наборовъ, и 4) «сложеніе всѣхъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ въ государственныхъ податяхъ, если достовѣрно доказано будетъ, что недоимки, дѣйствительно, состоятъ лично на переселенцахъ» [5]. Кромѣ этого, остающіеся крестьяне должны были обязаться заплатить и исправить за переселенцевъ недоимки по земскимъ повинностямъ всѣхъ прежнихъ лѣтъ [6].

Мы изложили принципы и правила, которыми считало нужнымъ руководствоваться правительство того времени въ вопросѣ объ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ. Нельзя не удивляться той заботливости и попечительности, которыми окружено было переселеніе, даже болѣе, той гуманности, съ которою Уставъ относится къ переселенцамъ. Правительство не смотрѣло

---

[1] Ю. Э. Янсонъ, Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ; приложеніе, стр. 87.

[2] Свода законовъ, т. XII, Уставъ о благоустройствѣ въ каз. селеніяхъ 60—68.

[3] Тамъ же, ст. 59.

[4] Тамъ же, ст. 59, 2

[5] Тамъ же, ст. 59, 4

[6] Тамъ же, ст. 35, 8

на переселеніе, какъ на нѣчто нежелательное, напротивъ, оно его поощряло и давало ему правильное теченіе. Широкія права на землю, которыми пользовались государственные крестьяне, напоминаютъ нѣсколько утопію: до такой степени мы привыкли представлять себѣ дореформенную Русь полною какого-то ужаса. Съ 1866 года Уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ утратилъ силу закона и вмѣстѣ съ тѣмъ государственные крестьяне оказались въ положеніи худшемъ, нежели до 1866 года, худшемъ въ томъ отношеніи, что они, во-первыхъ, утратили право на расширеніе надѣловъ, путемъ прирѣзки къ надѣльнымъ землямъ или путемъ переселеній, а, во-вторыхъ, лишились тѣхъ правительственныхъ заботъ, которыми были окружены переселенія. Ст. 39 правилъ о выдачѣ государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей совершенно уничтожаетъ ихъ права на расширеніе надѣловъ: «послѣ выдачи владѣнныхъ записей, ни размноженіе въ какомъ либо обществѣ народонаселенія, ни другія обстоятельства не могутъ дать сельскому обществу права домогаться впослѣдствіи увеличенія надѣла, предоставленнаго оному во владѣніе» [1]. Ст. 47 Правилъ для состав. и проч. люстраціонныхъ актовъ въ 9 западныхъ губерніяхъ отнимаетъ это право на расширеніе надѣловъ и у государственныхъ крестьянъ этихъ 9 губерній [2].

Кромѣ того важнаго значенія, какое имѣлъ уставъ о благоустройствѣ для государственныхъ крестьянъ, для современнаго общества онъ имѣетъ значеніе урока, и показываетъ, каковы истинныя задачи въ аграрномъ вопросѣ, когда на пути аграрнаго устроенія нѣтъ ничтожныхъ по своему общественному значенію интересовъ, которые такъ боятся «повышенія заработной платы». До 1861 года правительство считало эти интересы удовлетворенными крѣпостнымъ трудомъ; быта крѣпостного населенія оно не касалось. Но въ вопросѣ объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ оно считало нужнымъ руководствоваться иными началами, совершенно не имѣвшими ничего общаго съ тогдашней его политикой относительно крѣпостныхъ крестьянъ. Оно давало крестьянамъ такое количество земли, которое бы ихъ обезпечивало; оно находило возможнымъ прирѣзы-

---

[1] Полное Соб. Зак. № 44418, ст. 39.

[2] П. С. Зак. № 45077 ст. 47 Впрочемъ, надо замѣтить, что еще до изданія этихъ двухъ узаконеній, Государственный Совѣтъ сдѣлалъ такое постановленіе (15 янв. 1866 г. ст. 6, б. П. С. З. № 42899): «Въ теченіи трехъ лѣтъ со времени учрежденія настоящаго постановленія, нуждающіеся въ землѣ крестьяне и люди обязанные избрать родъ жизни могутъ быть приписываемы къ тѣмъ сельскимъ обществамъ, водвореннымъ на казенныхъ земляхъ, въ которыхъ душевой надѣлъ превышаетъ: въ уѣздахъ малоземельныхъ 8-ми, а въ многоземельныхъ 15-ти десятинную пропорцію на наличное число душъ, безъ испрошенія на принятіе ихъ согласія сихъ сельскихъ обществъ». Слово «крестьянъ» надо понимать какъ государственныхъ крестьянъ.

вать землю къ надѣламъ и выселять вслѣдствіе единственнаго мотива—недостатка пяти десятинъ на наличную мужскую душу; зная, что переселеніе не можетъ быть предоставлено самому себѣ, оно выработало для регулированія этого движенія правила, отличающіяся гуманностью и предусмотрительностью; оно не требовало отъ крестьянъ раціональной культуры, ибо знало, что для этого нужны не одинъ трудъ, но еще средства и знанія, которыхъ у народа не было; оно старалось дать крестьянамъ нетолько обезпечивающее ихъ бытъ количество земли, но стремилось еще къ другой, почти столь же важной цѣли: поставить переселенцевъ на ноги въ хозяйственномъ и экономическомъ отношеніи.

Поступая столь цѣлесообразно въ отношеніи размѣровъ надѣленія землей и способовъ обезпеченія государственныхъ крестьянъ, правительство не менѣе послѣдовательно было и въ размѣрахъ ихъ обложенія. «Платежи за землю вездѣ, тѣми или другими средствами, сообразовались съ дѣйствительной обезпеченностью плательщиковъ: въ однѣхъ губерніяхъ они исчислялись на основаніи оцѣнки земель, причемъ для *каждаго селенія* оброчная подать опредѣлялась сообразно количеству и *достоинству* состоящихъ въ пользованіи крестьянъ земельныхъ угодій; въ другихъ — на основаніи свѣдѣній, собранныхъ при производствѣ межевыхъ работъ, въ виду провѣрки сдѣланнаго кадастровыми комиссіями исчисленія дохода съ земель крестьянскаго надѣла; въ третьихъ — на основаніи люстраціи, градаціи селеній и проч. Если оброчная подать и падала на промыслы крестьянъ, а не на одинъ доходъ отъ земли, то во всякомъ случаѣ она соразмѣрялась съ самою доходностью промысловъ» [1]. Результатомъ такого отношенія къ дѣлу было то, что платежи государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ въ 37-ми губерніяхъ составляютъ 92,75% дохода отъ земли, а платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 198,25% того же дохода [2].

Изъ всего вышеприведеннаго мы имѣемъ основаніе сдѣлать слѣдующее заключеніе: правительство заботилось при надѣлѣ государственныхъ крестьянъ, чтобы размѣръ надѣла *обезпечивалъ ихъ бытъ*, а платежи ихъ падали бы *на чистый доходъ*.

Въ отношеніи обезпеченности надѣломъ правительство хотѣло поступить также и съ крѣпостными крестьянами. По крайней мѣрѣ, манифестъ 19-го февраля 1861 г. говоритъ слѣдующее: «помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость и, сверхъ того, *для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей* передъ правительствомъ, опредѣленное въ поло-

---

[1] Ю. Э. Янсонъ, «Опытъ стат. изслѣд. о надѣл. и плат.», стр. 129.

[2] «Очерки нашего пореф. хоз.», стр. 78.

женіяхъ количество полевой земли и другихъ угодій». Какъ извѣстно, эта мысль манифеста не была въ точности выполнена. Редакціонныя комиссіи приняли «за исходную точку въ опредѣленіи повинностей — существующій фактъ, тѣ оброки и повинности, которыми крестьяне были уже обложены, считая ихъ соотвѣтствующими платежнымъ средствамъ крестьянъ» [1] и введя единственное ограниченіе — «чтобы высшему въ каждой мѣстности размѣру надѣла соотвѣтствовалъ высшій установленный размѣръ оброка и повинностей съ тѣмъ, чтобы при уменьшеніи надѣла по извѣстнымъ правиламъ уменьшались и повинности» [2]; но и это правило, впослѣдствіи было такъ измѣнено другими постановленіями, что не имѣло серьёзнаго практическаго значенія. Это измѣненіе заключалось въ системѣ градаціи десятинъ надѣла, по которой первая и вторая его десятина считались болѣе доходными, чѣмъ остальныя. Оброки установлены подушно, но переведены на землю. Слѣдствіемъ системы градаціи было то, что при уменьшеніи надѣла повинности дѣйствительно уменьшались, но не въ той пропорціональности, въ какой уменьшался надѣлъ, а въ гораздо меньшей степени [3]. Чтобы вполнѣ ясно представить себѣ это, мы приведемъ такой примѣръ, заимствованный изъ Положенія [4]. «Имѣніе изъ 240 душъ состоитъ въ Мышкинскомъ уѣздѣ, Ярославской Губ. Въ крестьянскомъ надѣлѣ 900 десятинъ. Высшій душевой оброкъ въ уѣздѣ 10 руб., высшій душевой надѣлъ 4 дес. Повинность на одну изъ десятинъ душевого надѣла 5 руб., на другую 2 р. 50 к.; остальные 2 р. 50 к. распредѣляются между остальными двумя десятинами по ровну, т. е. по 1 р. 25 к. на десятину. Повинность въ имѣніи исчислится слѣдующимъ образомъ: съ 240 душъ за 240 дес. по 5 р. — 1,200 р., за 240 дес. по 2 р. 50 к.—600 руб., за остальныя 420 дес. по 1 р. 25 к.—525 р., итого 2,325 р. или 9 р. 48 к. съ души». Мышкинскій уѣздъ, Ярославской губерніи, принадлежитъ къ 4-й мѣстности нечерноземной полосы, для которой высшій надѣлъ установленъ въ 4 дес., а низшій въ 1 дес. 800 кв. саж. Еслибы крестьяне этого имѣнія перешли на низшій надѣлъ, то они получили бы земли 240 дес. по 5 р. и 80 дес. по 2 р. 50 к., слѣдовательно, оброку стали бы платить 1,400 р., а съ души 5 р. 83 к. Такъ что, получивши земли втрое меньше, ихъ платежи не уменьшились бы даже вдвое.

Во всемъ предыдущемъ мы старались показать, какъ цѣлесообразна была экономическая политика правительства въ отношеніи государственныхъ крестьянъ. 1866 годъ хотя лишилъ

---

[1] Ю. Э. Янсонъ, «Опытъ стат. изслѣд. и пр.», стр. 144.

[2] Тамъ же, стр. 146.

[3] Тамъ же, стр. 149.

[4] Мѣстное положеніе для губерній Великор., Новорос. и Бѣлор., ст. 169, примѣч. 1.

послѣднихъ тѣхъ правъ на землю, которыми они пользовались до этого времени, но все-таки въ громадномъ большинствѣ случаевъ они получили надѣлы, обезпечивающіе ихъ бытъ, а платежи ихъ упали на чистый доходъ. Бывшее крѣпостное населеніе находится въ иномъ положеніи, прямо противоположномъ положенію бывшихъ государственныхъ крестьянъ: надѣлы не обезпечиваютъ ихъ быта, а платежи установлены безъ необходимаго соотношенія съ чистымъ доходомъ.

Постараемся теперь опредѣлить болѣе или менѣе приблизительно размѣры нужды въ землѣ этой части земледѣльческаго населенія. Опредѣлить эти размѣры совершенно точно нѣтъ возможности, во-первыхъ, по недостаточности статистическихъ данныхъ, а во-вторыхъ, потому, что самый размѣръ необходимаго для обезпеченія быта надѣла не есть какая-нибудь строго опредѣленная величина, а величина колеблющаяся, вслѣдствіе различія почвъ и культуръ. Опредѣленіе размѣра надѣла по потребностямъ встрѣтило въ нашей литературѣ возраженіе со стороны кн. А. Васильчикова: «Не нужды, а силы, не продовольствіе и содержаніе, говоритъ онъ [1]: — а рабочая способность должны служить мѣриломъ землевладѣнія; не число душъ, требующихъ пропитанія, а число рабочихъ мужиковъ и бабъ, доставляющихъ эти средства». Нѣтъ сомнѣнія, что это взглядъ совершенно правильный и основанъ на самомъ элементарномъ соображеніи: нельзя давать земледѣльцамъ такого количества земли, котораго они *не въ состояніи* обработать. Но эта норма надѣла не можетъ быть *вообще* ниже той нормы, которая вытекаетъ изъ опредѣленія потребностей земледѣльца. Это соображеніе точно также основано на самыхъ элементарныхъ наблюденіяхъ надъ жизнью человѣчества. Еслибы человѣчество не могло, при самой усиленной работѣ, добыть себѣ изъ земли пропитаніе, то какимъ бы образомъ оно могло существовать съ тѣхъ поръ, когда земледѣліе сдѣлалось основой его матеріальной жизни? Будь иначе, оно никогда бы не могло выйти изъ состоянія номаднаго, предшествовавшаго земледѣльческому строю жизни. Поэтому вполнѣ можно было ожидать заключенія экономистовъ, «что рабочая семья, при нормальномъ своемъ составѣ, можетъ обработать болѣе, чѣмъ ей нужно для своего пропитанія, или, другими словами, что она можетъ заработать нѣкоторый излишекъ, дающій ей средства содержанія сверхъ насущныхъ потребностей пропитанія» [2]. Такимъ образомъ принятый нашимъ законодательствомъ принципъ надѣла по потребностямъ выражаетъ только minimum надѣленія земледѣльцевъ землей и нисколько не противорѣчитъ тому воззрѣнію на размѣры надѣленія, котораго держался кн. А. Васильчиковъ.

Но онъ думалъ объ этомъ нѣсколько иначе: «Мы думаемъ,

---

[1] А. Васильчиковъ, Землевладѣніе и земледѣліе, т. II, стр. 807.
[2] Тамъ же, стр. 809.

говоритъ онъ [1]:—что никакой подарокъ не былъ бы для русскаго крестьянства болѣе вреденъ, какъ чрезмѣрное расширеніе земельнаго надѣла, и что въ большей части Россіи, особенно сѣверной и восточной полосѣ, надѣлы ихъ въ настоящее время, далеко превышая рабочія силы мѣстнаго населенія, обратились въ тягость сельскимъ обществамъ и всему крестьянскому сословію». Въ другомъ мѣстѣ онъ высказался еще выразительнѣе [2]: «мы полагаемъ, что во всей сѣверной полосѣ, отъ Олонецка до Вятки и Самары, широкій надѣлъ крестьянъ вовсе не способствовалъ улучшенію ихъ быта, а, напротивъ, разстроилъ и продолжаетъ разстраивать сельское хозяйство». На чемъ основано такое мнѣніе? Приведены ли доказательства того, что существующіе размѣры надѣловъ такъ велики, что не могутъ занять рабочихъ рукъ сѣверной полосы? Выводъ былъ сдѣланъ на основаніи слѣдующихъ цифръ [3]: «По разсчетамъ одной правительственной комиссіи (податной), на крестьянскій дворъ причитается земли: въ Олонецкой 26,26 десятинъ, въ Вологодской 25,10 дес., въ Вятской 23,88 дес., въ Самарской 29,01 дес.», между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, «нормальный размѣръ одного хозяйства, соотвѣтствующій рабочей силѣ семейнаго домохозяина, будетъ ни какъ не болѣе 10—15 дес., причемъ высшую норму въ 15 дес. мы допускаемъ только въ нѣкоторыхъ степныхъ губерніяхъ, гдѣ рабочая пора продолжается не менѣе шести мѣсяцевъ, и не введено еще унавоживаніе полей. Въ сѣверной и навозной полосѣ *10 десятинъ пашни и луговъ* будетъ, по нашему мнѣнію, крайній предѣлъ подворнаго надѣла» [4].

Спрашивается прежде всего: 1) у всѣхъ ли крестьянъ сѣверной полосы такіе надѣлы, которые опредѣляются цифрами отъ 25 до 30 дес. на семью? 2) все ли это земли удобныя, или, по крайней мѣрѣ, могущія быть обращеными подъ пашню и луга? и 3) дѣйствительно ли только 10 дес. *пашни и луговъ* можетъ обработать крестьянская семья въ сѣверной полосѣ? Обращаясь къ подробнымъ цифрамъ, мы найдемъ отвѣтъ на первый вопросъ, далеко не говорящій въ пользу кн. А. Васильчикова. Въ 12 нечерноземныхъ губерніяхъ размѣры надѣловъ выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ [5].

---

[1] Тамъ же, стр. 813.
[2] Тамъ же, стр. 813.
[3] Тамъ же, стр. 813.
[4] Тамъ же, стр. 812.
[5] Ю. Э. Янсонъ, «Опытъ стат. изслѣдован.» стр. 14. Для вычисленія подворнаго надѣла мы помножили цифры 1-го столбца на 2, 7—число ревизскихъ душъ на дворъ; эта цифра взята изъ таблицы X. Правильность послѣдней цифры подтверждается для 6 изъ приведенныхъ губерній «Статистикой поземельной собственности и населенныхъ мѣст. Европ. Россіи», выпуск. II, статья П. Семенова, стр. XXXIII. Здѣсь эта величина выражается цифрой 2,8.

	Государственные крестьяне.		Удѣльные крестьяне.		Помѣщичьи крестьяне.	
	На рев. душу десят.	На дворъ десят.	На рев. душу десят.	На дворъ десят.	На рев. душу десят.	На дворъ десят.
1) Петербургская.	7,5	20,25	4,0	10,80	4,7	12,69
2) Псковская . . .	5,0	13,50	—	—	4,8	12,96
3) Новгородская .	6,9	18,63	6,3	17,01	5,6	15,12
4) Смоленская . .	5,7	15,39	—	—	4,0	10,80
5) Тверская. . . .	4,1	11,07	5,7	15,39	4,0	10,80
6) Ярославская . .	3,7	9,99	3,6	9,88	3,7	9,99
7) Костромская. .	5,7	15,39	4,8	12,96	4,8	12,96
8) Вятская	9,5	25,65	5,75	15,53	3,3	8,91
9) Владимірская .	4,6	12,42	4,3	11,61	3,7	9,99
10) Московская . .	3,3	8,91	2,25	6,08	2,9	7,83
11) Калужская. . .	4,3	11,61	—	—	3,4	9,18
12) Нижегородская	4,7	12,69	3,12	8,42	3,46	9,34

Изъ этой таблицы видно, что только въ 5 губерніяхъ [1] подворный надѣлъ государственныхъ крестьянъ далеко отходитъ отъ опредѣленнаго кн. Васильчиковымъ 10 десятиннаго надѣла на семью; для удѣльныхъ крестьянъ это отклоненіе существуетъ только въ 3-хъ губерніяхъ, а для помѣщичьихъ только въ 1. Неужели же можно сказать, что большіе надѣлы «раззоряютъ» крестьянъ нечерноземной полосы? Въ то время, какъ для большинства губерній этой полосы подворный надѣлъ ниже 13 десятинъ, кн. Васильчиковъ утверждаетъ, что ни что иное, какъ большіе надѣлы были пагубнымъ подаркомъ государства земледѣльцамъ! Кн. Васильчиковъ сдѣлалъ свое заключеніе только на основаніи данныхъ о трехъ сѣверныхъ губерніяхъ: Олонецкой, Вятской и Вологодской. Но эти данныя рѣшительно не могутъ дать отвѣта на вопросъ о томъ, велики или малы тамъ крестьянскіе надѣлы, вотъ почему: во-первыхъ, данныя объ общемъ количествѣ земель, находящихся въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, возбуждаютъ сомнѣніе въ своей точности, такъ какъ тамъ еще не введены владѣнныя записи и казенныя земли еще не отграничены отъ отведенныхъ въ надѣлъ; во-вторыхъ, въ надѣлъ включены земли неудобныя, пространство которыхъ можетъ быть громадно; относительно Олонецкой губерніи пока нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить, какъ велико пространство неудобныхъ земель, отводимыхъ въ надѣлъ крестьянамъ; но относительно Вологодской и Вятской такія данныя существуютъ [2].

---

[1] Въ Архангельской губерніи крестьянъ 105,927 душъ съ количествомъ надѣльной земли 268,893 дес. 1540 саж., т. е. съ среднимъ надѣломъ въ 2,54 дес. на ревизскую душу. «От. записки» 1879 г. № 12. «Коренная нужда на сѣверѣ и принципъ государственнаго землевладѣнія».

[2] Ю. Э. Янсонъ, «Опытъ стат. изслѣд.» таб. I, Примѣчаніе 1-е.

	Число ревиз. душъ.	Общее колич. земель, находящихся въ пользованіи крестьянъ.	Въ томъ числѣ удобной.
Вологодская.	248,913	4,191,040,1 дес.	622,980 дес.
Вятская. . .	785,897	7,487,250,9 »	4,742,555 »

Такимъ образомъ, если считать только удобную землю, то для Вологодской губерніи надѣлъ будетъ 2,5 дес. на душу, а въ Вятской губ. 6,04 дес. Если же взять подворный надѣлъ, то для Вологодской онъ будетъ 6,75 дес., а для Вятской 16,31 дес. на дворъ. Какъ видимъ и эти надѣлы неспособны «раззорять» крестьянъ, если, конечно, за неудобныя земли не назначать оброка.

Обращаясь къ размѣру надѣла, опредѣленнаго кн. Васильчиковымъ, мы видимъ, что въ счетъ 10 дес. онъ кладетъ только пашни и луга; но, кромѣ этихъ угодій, крестьянину нужны усадьба, выгонъ и лѣсъ, слѣдовательно, размѣръ подворнаго надѣла во всякомъ случаѣ долженъ быть больше 10 дес. Кромѣ того, мы не встрѣчаемъ у кн. Васильчикова основаній, по которымъ онъ полагаетъ, что рабочая семья не въ состояніи обработать земли болѣе этого размѣра. Въ другомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ уже другой размѣръ надѣла, опредѣленный по рабочимъ силамъ крестьянской семьи. «Послѣ долгаго обсужденія», говорятъ авторы «Мелкаго поземельнаго кредита», [1] «мы пришли къ заключенію, что высшимъ размѣромъ мелкой земельной собственности можетъ быть признано 20 дес., т. е. участокъ земли, который можетъ быть обработываемъ *среднею* [2] крестьянскою семьей безъ найма постороннихъ рабочихъ. Предположеніе это нашло оправданіе въ числахъ, сообщаемыхъ матеріалами для изученія современнаго положенія землевладѣнія». Такъ въ Тверской губ., съ 1861 по 1878 г., 12,609 отдѣльными домохозяевами куплено 248,000 д. земли, т. е. около 20 дес. на каждаго; въ Минской— 90 домохозяевами пріобрѣтено 1,848 д., т. е. тоже по 20 дес., въ Клинскомъ уѣздѣ Московской губ. по 19 дес., въ Ямбургскомъ уѣздѣ Петербургской губ. по 18 дес., въ Костромской губ. по 30 дес. и въ Бессарабіи съ 1861 по 1868 г. пріобрѣтено 1,100 домохозяевами 13,300 дес., т. е. около 12 дес. на каждаго». Такимъ образомъ надѣлъ, опредѣляемый по рабочимъ силамъ, будетъ имѣть 20 дес. земли, конечно, удобной. Этотъ же надѣлъ можетъ и обезпечить продовольствіе крестьянской семьи въ сѣверной нечерноземной полосѣ Россіи. «На тощей почвѣ, требующей сильнаго удобренія, слѣдовательно, достаточнаго количества луговъ и выгоновъ, душевой надѣлъ, для того, чтобы обезпечивать продовольствіе семьи и притомъ, если земля не очень ужь плоха, не можетъ быть съ усадьбою менѣе 8 десятинъ» [3], что

---

[1] Въ составленіи этого проэкта участвовалъ и кн. Васильчиковъ.

[2] Курсивъ нашъ.

[3] Ю. Э. Янсонъ, «Опытъ стат. изслѣд. о над. и плат.», стр. 25.

составитъ на семью 21,6 дес. Такимъ образомъ, для сѣверной полосы рабочій надѣлъ согласуется съ продовольственнымъ. Но для черноземной полосы этого тождества не существуетъ, и весьма понятно; при одинаковой системѣ хозяйства въ обѣихъ полосахъ Россіи трехпольной, семья черноземнаго крестьянина въ состояніи обработать почти столько же, какъ и семья нечерноземнаго; но продовольствіе семьи на черноземѣ потребуетъ меньшаго количества земли вслѣдствіе лучшихъ урожаевъ. По разсчету проф. Янсона, продовольственный надѣлъ не можетъ быть ниже 5 дес. на душу, не включая сюда выгона. Этотъ разсчетъ подтверждается цифрами, показывающими связь между размѣромъ надѣла и приростомъ населенія при исключительно земледѣльческомъ трудѣ. Цифры эти для центральныхъ черноземныхъ губерній съ трехпольною системою хозяйства таковы: [1]

Приростъ населенія за 20 лѣтъ (въ процентахъ) при надѣлахъ.

Въ 1 дес. и менѣе.	Болѣе 1 до 2 д.	Болѣе 2 до 3 д.	Болѣе 3 до 4 д.	Болѣе 4 до 5 д.	Болѣе 5 до 6 д.	Свыше 6 д.
17,3	17,5	20,0	22,7	26,0	30,0	30.6.
1	1,01	1,16	1,31	1,50	1,73	1,77.

Эти цифры показываютъ, что приростъ населенія весьма быстро увеличивается по мѣрѣ увеличенія надѣла; но это происходитъ только до нормы надѣла «отъ 5 до 6 дес.»; начиная же съ этой цифры, приростъ увеличивается на ничтожную величину, что даетъ основаніе думать, что надѣлъ свыше 5 дес. вполнѣ обезпечиваетъ продовольствіе земледѣльца.

Выше мы видѣли, что для 13 сѣверныхъ губерній надѣлъ не можетъ быть названъ обезпечивающимъ бытъ земледѣльца ни въ отношеніи обезпеченія продовольствія, ни въ отношеніи приложенія рабочихъ рукъ крестьянской семьи.

Обратимся теперь къ центральной земледѣльческой области.

Мы ограничимся пока опредѣленіемъ размѣровъ нужды въ землѣ только для этой мѣстности, и въ то же время постараемся опредѣлить роль обмѣна по отношенію къ этому населенію. Причина, по которой мы останавливаемся именно на этой мѣстности, заключается въ томъ, что относительно ея существуютъ совершенно точныя статистическія данныя, собранныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Этихъ цифръ будетъ совершенно достаточно для того, чтобы выяснить съ одной стороны то, что мелкій поземельный кредитъ совершенно ничтоженъ передъ громадностью поставленной имъ самимъ задачи, а съ другой, что только великія силы государства могутъ предотвратить великое бѣдствіе—земледѣльческій пролетаріатъ.

Въ почвенномъ отношеніи эта мѣстность раздѣляется на двѣ неравныя части: 218,000 кв. верстъ чистаго чернозема и 106,000

---

[1] «Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи 1880 г. Статья г. Семенова, стр. XL.

кв. в.—суглинокъ, супесокъ, песокъ и болото, и заключаетъ въ себѣ 8 губерній—Тамбовскую, Тульскую, Пензенскую, Воронежскую, Орловскую, Калужскую, Курскую и Рязанскую. Густота населенія въ ней простирается до 40 жит. на 1 кв. в., восходя до 50 чел. въ средней части области и спускаясь до 28 чел. въ крайнихъ сѣверныхъ и сѣверозападныхъ частяхъ.

Въ хозяйственномъ отношеніи повсюду господствуетъ трехпольная система и лишь въ восточныхъ частяхъ этой области существуетъ въ помѣщичьихъ владѣніяхъ переложная система хозяйства; посѣвы пшеницы весьма незначительны (и то только въ черноземной части), главнѣйшее же мѣсто въ посѣвахъ принадлежитъ ржи, гречѣ и овсу. Урожаи всѣхъ хлѣбовъ не высоки: для черноземной части общій урожай озимыхъ 5,85 четвертей съ десятины, яровыхъ 5,58 четвертей; для нечерноземной части общій урожай озимыхъ—3,38 четв. съ десятины, яровыхъ 5,54 четв. [1]; въ отношеніи устойчивости урожаевъ эта мѣстность занимаетъ среднее мѣсто—уклоненіе вверхъ и внизъ отъ средняго валоваго сбора не превышаетъ въ суммѣ 47,4% для чернозема и 21,4%—для нечерноземной части области [2].

Пространство пашенъ сильно развито насчетъ луговъ; почти вся черноземная полоса имѣетъ пашни болѣе 70% всѣхъ угодій, причемъ наибольшимъ развитіемъ пашенъ въ ущербъ лугамъ отличается крестьянская и мелкая частная поземельная собственность; затѣмъ процентъ пашни понижается по мѣрѣ возрастанія размѣровъ владѣнія, но нигдѣ не спускается ниже 41% въ черноземной части разсматриваемой области. Въ нечерноземной части онъ нисходитъ для крупныхъ имѣній даже до 9%, что объясняется присутствіемъ въ этой части значительныхъ лѣсныхъ пространствъ [3].

Частная поземельная собственность значительно раздроблена: преобладающій размѣръ ея—отъ 200 до 500 дес. на владѣльца; только восточныя и западныя окраины заняты владѣніемъ свыше 500 дес.

Количество пашни [4] на наличную душу мужскаго населенія колеблется въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ—2,8 дес. до 4,0 дес., причемъ возрастаніе идетъ отъ запада къ востоку. Уже изъ этихъ цифръ можно видѣть, что при трехпольномъ хозяйствѣ мѣстное населеніе не находитъ приложенія труда ко всей вообще культурной землѣ центральной земледѣльческой области. Это вполнѣ подтверждается изслѣдованіемъ Чаславскаго о земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ. Разсматривая его карту, мы видимъ, что

---

[1] См. ниже таблицу объ урожаяхъ.

[2] Ю. Э. Янсонъ, «Сравнительная статистика» т. II, стр. 415.

[3] Статистика поземельной собственности и пр., картограмма № 1; ст. Семенова, стр. XVII—XVIII.

[4] Тамъ же, стр. XVI. Пространство пашенъ принято все, а нетолько крестьянскихъ.

именно эта мѣстность есть одинъ изъ двухъ центровъ, откуда направляется земледѣльческое движеніе въ степныя окраины; рабочіе этой мѣстности ходятъ нетолько въ сосѣднія самарскія и донскія степи, но и въ Ставропольскую и Екатеринославскую губерніи.

Что касается до обмѣна, то онъ широко развитъ въ этой области. Желѣзнодорожная сѣть по густотѣ своей можетъ сравняться только развѣ съ сѣтью польскихъ и югозападныхъ губерній; три линіи желѣзныхъ дорогъ соединяютъ эту область съ волжскими пристанями, и ни одинъ изъ приморскихъ портовъ не закрытъ для хлѣба этой части «житницы Россіи».

Таковы общія черты центральной земледѣльческой области.

Прежде всего мы считаемъ не лишнимъ уяснить, въ какихъ случаяхъ средняя цифра надѣла (ибо намъ придется оперировать при помощи ея) можетъ служить руководящею нитью при сужденіи о степени обезпеченности населенія землей.

Средняя цифра надѣла есть частное между общимъ пространствомъ земель и количествомъ лицъ, владѣющихъ этими землями. Въ томъ случаѣ, когда эта цифра выше принятой нормы надѣла, мы не можемъ судить, обезпечено или нѣтъ населеніе данной мѣстности въ продовольствіи, если, конечно, у насъ нѣтъ другихъ данныхъ; если же эта цифра ниже продовольственнаго надѣла, то мы можемъ вычислить minimum количества лицъ необезпеченныхъ землей. Въ первомъ случаѣ мы не можемъ этого сдѣлать потому, что высшій противъ продовольственнаго размѣръ надѣла говоритъ намъ только одно: что населеніе данной мѣстности собираетъ съ своихъ земель достаточное для своего продовольствія количество продуктовъ; не зная частнаго распредѣленія земель между земледѣльцами, мы ничего не можемъ сказать и о распредѣленіи между ними продукта, а потому и объ ихъ обезпеченности въ продовольствіи. *Вообще*, населеніе должно бы быть обезпечено; *въ частности*, многія группы крестьянъ могутъ быть не обезпечены и быть въ кабалѣ у другихъ; но по среднему размѣру надѣла узнать мы этого не можемъ.

Во второмъ случаѣ наоборотъ: если средній надѣлъ ниже продовольственнаго, то мы можемъ сказать (и даже точно вычислить), что вообще населеніе не обезпечено въ своемъ продовольствіи, хотя частныя группы крестьянъ могутъ быть вполнѣ обезпечены; при этомъ мы можемъ вычислить minimum количества земли, необходимаго для обезпеченія населенія данной мѣстности. Мы говоримъ minimum потому, что опять-таки не знаемъ частнаго распредѣленія земель. Напримѣръ, если въ извѣстной мѣстности средній надѣлъ понизился съ 5 на 3 десятины, то это значитъ, что minimum земли, потребной населенію, равенъ числу наличныхъ душъ, помноженному на 2. Мы примемъ нормальный надѣлъ по продовольственнымъ основаніямъ — для черноземной части въ 5 дес. на мужскую душу, а для нечерноземной—въ 8 десятинъ.

Можетъ казаться нѣсколько неосновательнымъ, что мы принимаемъ для такихъ обширныхъ мѣстностей одинаковый размѣръ надѣла; но сдѣлать это намъ позволяетъ то обстоятельство, что въ отношеніи плодородія губерніи, входящія въ составъ разсматриваемой области, не представляютъ важныхъ различій (за исключеніемъ развѣ Курской губерніи), какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ [1], показывающихъ урожай въ четвертяхъ съ десятины.

	Рожь.	Греча.	Овесъ.	Общій урожай всѣхъ хлѣбовъ (включая пшеницу, ячмень и проч.) за исключеніемъ картофеля.
Для чернозема:				
Курская	7,124	2,600	12,324	7,03
Пензенская	5,616	2,496	6,604	6,51
Орловская (черноз. у.)	5,252	2,392	8,788	5,80
Тульская	4,732	2,392	7,224	5,11
Рязанская	5,252	2,808	7,072	4,88
Тамбовская	6,448	3,536	9,984	6,46
Воронежская	3,536	2,288	8,268	4,42
Для нечерноземной части области:				
Калужская [2]	3,850	3,536	6,348	4,98
Орловская	5,720	3,068	6,708	5,41
Тульская	3,692	3,068	5,668	4,44
Рязанская	4,628	3,380	6,552	5,21
Тамбовская	4,940	3,016	7,228	5,31

Прежде всего необходимо замѣтить, что цифры эти не вполнѣ выражаютъ производительность почвы: онѣ должны быть ниже [3]. Основаніемъ для нихъ послужили цифры урожаевъ за 1870—74 гг. Но въ этотъ періодъ времени были два самые урожайные годы—1870 и 1874 за все истекшее десятилѣтіе (только урожай 1879 г. превосходилъ урожай 1874 г., но все-таки былъ ниже, чѣмъ въ 1870 г.). Точно также и самый низшій по урожаю годъ—1876 не вошелъ въ вычисленіе производительности почвы.

Кромѣ того, необходимо замѣтить, что урожаи въ нечерноземной полосѣ не отступаютъ сильно отъ урожаевъ на черноземѣ. Это происходитъ отъ того, что въ первой мѣстности почва удобряется, а во второй, несмотря на значительную уже истощенность (впрочемъ, кромѣ восточной части), удобренія не существуютъ по недостатку луговъ.

Обратимся теперь къ самымъ надѣламъ.

Тотъ общеизвѣстный фактъ, что государственные крестьяне надѣлены были лучше владѣльческихъ, встрѣчается и здѣсь. Средній для всей области надѣлъ первыхъ составляетъ 4,8 дес.,

---

[1] Ю. Э. Янсонъ, Сравнительная статистика, т. II, стр. 434.

[2] Безъ двухъ уѣздовъ.

[3] Ю. Э. Янсонъ: Сравнительная статистика, т. II, стр. 418.

а вторыхъ—2,7; приростъ населенія понизилъ первую изъ этихъ цифръ до 3,8 дес., а вторую до 2,2. Недочетъ земли опредѣлится слѣдующими цифрами для обѣихъ полосъ [1]:

	Число наличн. мужс. душъ бывшихъ владѣльческихъ.	Средній надѣлъ на нал. душу.	Число наличн. мужс. душъ бывшихъ государст. крестьянъ.	Средній надѣлъ на наличн. душу.
Черноземная полоса	1,915,564	2,0	2,479,385	3,8
Нечерноземная полоса.	1,013,588	2,5	421,871	3,7

Чтобы надѣлы обезпечивали крестьянъ, количество земли, потребное для нихъ, выразится слѣдующими цифрами:

	Для бывшихъ владѣльческ.		Для бывшихъ государств.		
Черноземная полоса . .	5,746,692	+	2,975,262	=	8,721,954
Нечерноземная полоса	6,588,322	+	1,815,045	=	8,402,367
	12,335,014		4,789,307		17,124,321

Эти цифры приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) для крестьянъ бывшихъ владѣльческихъ надо почти втрое болѣе земли, чѣмъ для бывшихъ государственныхъ, несмотря на одинаковую ихъ численность, и 2) что изъ нечерноземной полосы выселеніе неизбѣжно, такъ какъ всѣхъ земель, не принадлежащихъ крестьянамъ, тамъ только 4,746,111 дес., между тѣмъ какъ для черноземной полосы земель для продовольствія еще хватитъ: кромѣ крестьянскихъ, тамъ еще 8,661,247 дес. принадлежащихъ землевладѣльцамъ, государству, церкви и проч. Отсюда слѣдуетъ, что если мѣстное населеніе, какъ мы сказали выше, не находитъ на мѣстѣ приложенія труда, то продовольствіе, во всякомъ случаѣ оно найдти можетъ; только крестьяне нечерноземной полосы не найдутъ дома продовольствія.

Умѣстно задаться вопросомъ, въ состояніи ли мелкій поземельный кредитъ пріобрѣсти крестьянамъ 17 милліоновъ десятинъ? Еслибы каждое уѣздное земство открыло банкъ (въ 8 губ. 96 уѣздовъ) съ капиталомъ въ 25,000 и выдало ссудъ на 250,000 [2], то вся сумма ссудъ не превысила бы 25 милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ стоимость однихъ только 8,7 милл. дес. въ черноземной полосѣ доходитъ до 650 милл., считая чернозомную десятину въ 75 руб.—цѣна столь умѣренная, что ея, вѣроятно, не существуетъ въ дѣйствительности.

Насъ могутъ упрекнуть въ томъ, что мы навязываемъ поземельному кредиту задачу, которою онъ самъ не задается. Упрекъ

---

[1] Моршанскій и Городищенскій уѣзды отнесены нами въ черноземную полосу, согласно «Сравнительной статистики» проф. Янсона, т. I, стр. 24. Второй рядъ цифръ полученъ помноженіемъ числа душъ на дополненіе до 5 дес. для черноземной части и до 8 дес. для нечерноземной.

[2] Такъ проэктировали авторы «Мелкаго поземельнаго кредита».

несправедливый; мы стоимъ именно на той точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ главный иниціаторъ поземельнаго кредита—кн. А. Васильчиковъ. Онъ испугался земледѣльческаго пролетаріата; онъ говорилъ, что этотъ пролетаріатъ не есть фантомъ будущаго, а дѣйствительная язва, уже начинающая разъѣдать наши селенія, что нужно именно теперь положить всѣ препятствія для развитія этого бѣдствія. Но что же такое земледѣльческій пролетаріатъ? Гдѣ граница, отдѣляющая крестьянина-собственника отъ пролетарія? Кн. А. Васильчиковъ самъ опредѣлилъ, что такое пролетарій: «крестьянскіе дворы съ одной усадьбой вполнѣ соотвѣтствуютъ нѣмецкимъ kleine ländliche Stellen и эти малоземельные участки составляютъ послѣднюю ступень, по которой собственники нисходятъ до безземелья и крестьянство перерождается въ пролетаріатъ» [1]; а эти kleine ländliche Stellen равны 2,35 дес. на дворъ, что составитъ почти одну десятину на ревизскую душу. Сколько же такихъ лицъ въ разсматриваемой нами области? Ихъ—647,311 наличныхъ душъ; это всѣ тѣ крестьяне, которые получили дарственный надѣлъ и третной (такъ какъ высшій надѣлъ отъ 3-хъ до 4-хъ десятинъ) [2].

Далѣе, крестьянъ, получившихъ на ревизскую душу отъ 2-хъ до 3-хъ десятинъ 1.681,813 [3] наличныхъ душъ въ области; надѣлы ихъ отъ прироста населенія должны понизиться на $^1/_3$, или на $^1/_2$ десятины. Объ этихъ крестьянахъ, конечно, нельзя сказать, что они пролетаріи; но обезпечены ли они въ своемъ продовольствіи? Въ этихъ $1^2/_3$ или $2^1/_2$ десятинахъ заключается нетолько пашня, треть которой ежегодно остается непроизводительною, но и лугъ, выгонъ, усадьба, огородъ, дороги, межи. Выше, характеризуя общія черты области, мы видѣли, что въ черноземной полосѣ у крестьянъ распахано отъ 70 до 80% ихъ владѣній; полагая, что 75% крестьянскихъ угодій приходится на пашни, мы увидимъ, что на наличную душу у этихъ крестьянъ придется, за вычетомъ парового поля, отъ 0,8 до 1,3 десятины пашни. Но вѣдь и изъ этой пашни только часть находится подъ пищевыми хлѣбами; значительную ея часть занимаетъ посѣвъ овса, безъ котораго крестьянинъ обойтись не можетъ, ибо если онъ можетъ лишить себя коровы, то продать лошадь ему невозможно, не переставая быть земледѣльцемъ. И дѣйствительно, посѣвы овса въ данной мѣстности превышаютъ половину посѣвовъ ржи [4]; стало быть подъ пищевыми хлѣбами останется только отъ 0,6 до 0,8 десятины. По-

---

[1] Мелкій земельный кредитъ въ Россіи, А. Васильчиковъ и Яковлевъ, стр. 24.

[2] Мѣстное Положеніе для губ. Великор., Новоросс. и Бѣлорусс., ст. 15. Приложеніе.

[3] Всѣ эти цифры взяты изъ статьи г. Семенова, приложенной къ «Статистикѣ Поземельной собственности и пр.» Число наличныхъ душъ вычислено по коэффиціэнтамъ, находящимся на стр. XL.

[4] Ю. Э. Янсонъ, Сравнительная Статистика, стр. 303—305.

лагая средній урожай въ 5,5 четв. съ десятины, каковая цифра выше дѣйствительной средней, мы получимъ отъ 3,3 до 4,4 четвертей *валового* сбора на наличную душу, а на крестьянскій дворъ [1] отъ 10,89 до 14,52 четвертей; чистаго же сбора отъ 9 до 12 четвертей на дворъ. Между тѣмъ по разсчету проф Янсона, приведенному выше, одного озимого хлѣба для крестьянской семьи меньшаго состава, необходимо 13,6 четвертей, да ярового 3,8 четвертей, всего 17,4, т. е. недостаетъ для продовольствія почти столько же, сколько собирается съ своихъ полей.

Это не пролетаріи, потому что у нихъ есть 2 дес. собственной земли и полгода они сыты; но какъ далеки они, эти 1½ милл. собственниковъ, отъ «обезпеченнаго положенія?» Если тѣхъ, которые собираютъ съ своихъ полей продовольствія только на 2—3 мѣсяца, кн. А. Васильчиковъ называетъ пролетаріями, то какъ назвать тѣхъ, которые его собираютъ на полгода? Что будетъ съ этимъ населеніемъ черезъ 20 лѣтъ, когда его надѣлы превратятся въ полуторадесятинные? Нѣтъ, положеніе этого населенія слишкомъ близко къ границѣ, отдѣляющей настоящаго пролетарія отъ полупролетарія. Ни одинъ банкъ, еслибы руководствовался тѣмъ высшимъ принципомъ, которому мелкій кредитъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, не отказалъ бы въ ссудѣ владѣльцу 2-хъ десятинъ на томъ основаніи, что онъ далекъ отъ состоянія пролетарія. Да и что можетъ быть убѣдительнѣе тѣхъ печальныхъ цифръ, которыя мы приводили выше относительно зависимости смертности отъ размѣровъ надѣла? Въ то время какъ приростъ населенія у крестьянъ, владѣющихъ надѣломъ ниже трехдесятиннаго, 20 на 100, у тѣхъ, которые имѣютъ свыше 5 дес., этотъ приростъ 30 на 100!

Мы не хотимъ примѣнять къ дѣлу ту хозяйственную точку зрѣнія, на которую стали авторы «Мелкаго поземельнаго кредита», въ томъ числѣ и кн. Васильчиковъ. Мы приняли продовольственную норму надѣла въ 5 дес. для чернозема и въ 8 для нечернозема; они приняли норму для надѣла рабочія силы семьи; еслибы мы послѣдовали ихъ примѣру, то всѣ наши цифры, выражающія недостатокъ земли у народа, должны были бы значительно увеличиться. Но мы предпочитаемъ остаться на болѣе умѣренной точкѣ зрѣнія Положенія 19 февраля, пытавшагося дать надѣлы, обезпечивающіе бытъ земледѣльческаго населенія.

Соотвѣтственно нуждѣ въ землѣ выростаютъ и арендныя цѣны за помѣщичьи земли до такихъ размѣровъ, что землевладѣльцы получаютъ такой доходъ, о которомъ при крѣпостномъ правѣ не могли и мечтать [2]. Эта область есть именно та, о которой Ча-

---

[1] Число душъ мужского пола на семью 3,3. «Статистич. Поземел. Собств. и пр.» стр. XXXVI.

[2] Сборникъ государственныхъ знаній, т. II, стр. 194, ст. Чаславскаго.

славскій говоритъ, что тутъ развились самыя высокія арендныя и продажныя цѣны на земли во всей Россіи.

И такъ, мелкій поземельный кредитъ рѣшительно не въ состояніи сдѣлать что-либо серьёзное; необходимую для народнаго обезпеченія землю можетъ доставить только государство, только его моральный авторитетъ можетъ привести въ согласіе интересы массы съ интересами частныхъ лицъ, только его матеріальныя средства могутъ помочь населенію.

Изъ предъидущаго видно, что при существующихъ урожаяхъ населеніе черноземной части области было бы обезпечено лишь въ томъ случаѣ, еслибы само эксплоатировало всю землю, и что въ нечерноземной части дѣлу возможно помочь только выселеніемъ. Если въ первой части могутъ быть нѣкоторые избытки въ годы урожайные (какъ въ пятилѣтіе 1870—74 г.), то эти избытки не могутъ быть вывозимы, такъ какъ они должны покрыть недочеты неурожайныхъ лѣтъ, каково было слѣдующее пятилѣтіе—1875—79 г.

Но дѣло обстоитъ не такъ: вывозъ изъ этой мѣстности громадный, и иначе быть не можетъ. Механизмъ обмѣна, такъ хорошо описанный г. Н.—ономъ, находитъ здѣсь себѣ обильную пищу, и земледѣлецъ не можетъ воспротивиться его дѣйствію.

Производство всей области выражалось въ началѣ истекшаго десятилѣтія слѣдующими цифрами [1].

Чистый сборъ хлѣба въ черноземной полосѣ (безъ картофеля) 54,948,07 тыс. четв. и въ нечерноземной 6751,72 т. ч.; въ черноземной полосѣ распахано было 17.018,460 десятинъ, и въ нечерноземной—3.090,530 десятинъ, а въ суммѣ 20.108,990 дес. Цифры «Статистики поземельной собственности», относящіяся къ концу прошедшаго десятилѣтія, показываютъ, что въ первой полосѣ пространство пашенъ доходило до 16.438,223 дес., а во второй—до 4.070,978 дес., въ суммѣ же—20.509,201 дес. Въ цифрахъ проф. Янсона, вѣроятно, существуютъ неточности, такъ какъ его вычисленія пространства пашенъ основаны на размѣрахъ посѣвовъ различныхъ хлѣбовъ. Но, во всякомъ случаѣ, эти цифры достаточно подтверждаютъ слова Чаславскаго, что въ черноземной полосѣ распахано все, что можно было только распахать, что выгоны сокращены, а подъ сѣнокосами остались только заливные луга [2].

---

[1] Ю. Э. Янсонъ, Сравнительная Статистика. т. II, стр. 419—421 и 303—306. Считаемъ своей обязанностью замѣтить, что въ таблицѣ на стр. 303 «Сравн. Стат.» вкрались весьма значительныя ошибки: пространство посѣвовъ овса для разсматриваемой области показано на цѣлыя сто тысячъ десятинъ болѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; сначала мы сочли это за опечатку, но на стр. 434 урожай овса показанъ въ 16,9 гектолитровъ съ гектара или 8,788 четвертей съ десятины; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ долженъ быть выше—именно 9,34.

[2] Сборникъ государственныхъ знаній, т. II стр. 193.

А это показываетъ, что эксплуатація земли дошла до послѣднихъ предѣловъ и что вышеприведенныя цифры производства представляютъ окончательный предѣлъ производительности этой области при существующей системѣ хозяйства.

Теперь мы сопоставимъ цифры производства съ тѣми суммами денегъ, которыя должны быть выручены крестьянами.

		Колич. земли въ дес.	Средній над. на нал. душу.
Подушные и выкупные платежи бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ.	14,240,098	4,745.557	2,2
Всѣ платежи бывшихъ государствен. и удѣльн. крестьянъ.	15,275,280	11,092,443	3,8
Государств. земскій сборъ со всѣхъ крестьянъ безъ различія	4,576,299	—	—
	34,091,677 [1].		

Изъ этихъ цифръ видно, что платежи обоихъ разрядовъ крестьянъ почти равны, въ то время, какъ количество земли у первыхъ почти въ 2½ раза менѣе, чѣмъ у вторыхъ; цифры надѣла показываютъ степень ихъ обезпеченности въ продовольствіи. Выводъ отсюда таковъ: хотя оба разряда крестьянъ должны продать одинаковое количество продуктовъ для уплаты налоговъ, но бывшіе владѣльческіе крестьяне въ несравненно большей степени принуждены арендовать чужую землю.

Но чужая земля даромъ не дается. Ея наемъ влечетъ за собой новые платежи. Г. Семеновъ высчитываетъ поземельный доходъ дворянъ и купцовъ этой области въ 40,140.000 рублей. Эта цифра громадна; она на 6 милліоновъ превышаетъ правительственное обложеніе. Тѣмъ не менѣе, она ниже дѣйствительной. Самъ г. Семеновъ думаетъ такъ. Основанія его исчисленія находятся въ 6% капитализаціи арендныхъ цѣнъ *большихъ участковъ*, *земскія и банковыя оцѣнки* и пр. Доходъ онъ высчиталъ въ 6% съ этой стоимости. Но вычисленный такимъ образомъ доходъ, конечно, далеко ниже того дохода, который получается отъ погодной и подесятинной сдачи земли въ аренду; по словамъ Чаславскаго, эти цѣны колеблятся отъ 13 до 25 рублей въ черноземной части области, что далеко превышаетъ доходъ съ самыхъ лучшихъ земель по исчисленію г. Семенова.

---

[1] Ю. Э. Янсонъ, «Опытъ статист. изслѣд. о крестьян. надѣлахъ и платежахъ» таб. VII. Приведенныя цифры не восходятъ далѣе 1874 г. и не заключаютъ въ себѣ земскихъ сборовъ и мірскихъ повинностей; количество земли для бывшихъ владѣльческихъ показано только для тѣхъ, которые состоятъ на выкупѣ. Два правые столбца взяты изъ «Статистики Поземельной Собственности» и пр.

Высшій сортъ земель онъ оцѣнилъ въ 80 руб. за десятину; стало быть годичный доходъ съ десятины даетъ только 4 р. 80 к; такъ какъ одна изъ трехъ десятинъ не даетъ дохода, находясь подъ паромъ, то арендная цѣна десятины самаго лучшаго сорта должна бы быть 7 р. 20 коп. Стало быть цѣны, приводимыя Чаславскимъ, почти вдвое или втрое выше вычисленныхъ г. Семеновымъ.

Итакъ, что же мы видимъ? 34 милліона рублей податей и недостатокъ продовольствія заставляетъ крестьянъ уплатить minimum 40 милліоновъ рублей за право пользованія арендуемою землей. Стало быть изъ чистаго сбора надо продать продуктовъ на 74 милл. руб. Кто же этотъ самый дѣятельный арендаторъ-продавецъ? Именно необезпеченный, самый бѣдный крестьянинъ — бывшій крѣпостной. Бывшіе государственные крестьяне, сравнительно болѣе обезпеченные, менѣе фигурируютъ на рынкѣ.

Чтобы выразить эту цифру въ видѣ продуктовъ, произведемъ такой разсчетъ. Средняя цѣна ржи въ Петербургскомъ и Одесскомъ портахъ за четырехлѣтіе 71—74 годовъ была 6 р. 66 к. за четверть [1]. Полагая торговый процентъ равнымъ 10% и ставя ни во что провозъ, стоимость ржи на мѣстѣ опредѣлится цифрою 6 руб. за четверть; для выручки 74 милліоновъ рублей надо продать болѣе 12½ милл. ржи, т. е. половину чистаго сбора, и это по самому умѣренному разсчету, ибо на самомъ дѣлѣ платежей больше, такъ какъ въ нашъ разсчетъ не вошли земскіе и мірскіе сборы, арендныя цѣны выше, цѣна ржи на мѣстѣ ниже, и кромѣ того въ нашъ разсчетъ не вошелъ даровой трудъ временно-обязанныхъ крестьянъ, а ихъ въ области считалось 682,211 рев. душ.

Умѣстно задаться вопросомъ: какую роль здѣсь играетъ тотъ усовершенствованный механизмъ обмѣна, которому г. Н.—онъ придаетъ такъ много значенія? Это услужливый акушеръ, помогающій появиться на свѣтъ нищетѣ. Не будь этого условія, обмѣнъ унесъ бы только дѣйствительные избытки, но продовольствіе — никогда.

Н. Лобачевскій.

(*Окончаніе будетъ*).

---

[1] Н.—онъ., Очерки нашего пореформеннаго общественнаго устройства. Табл. IVa, 23.

МАТЕРЬЯЛЫ ПО СТАТИСТИКѢ С.-ПЕТЕРБУРГА.

Возможность сознательнаго отношенія къ окружающей насъ обстановкѣ обусловливается знакомствомъ съ нею, которое такимъ образомъ является насущною потребностью для каждаго правительства, для каждаго члена общества. Удовлетвореніе этой потребности составляетъ задачу какъ административной, такъ и муниципальной статистики, достигшихъ высокаго развитія въ большинствѣ западныхъ государствъ. Во многихъ, даже не особенно большихъ городахъ Западной Европы имѣются статистическія бюро, издающія статистическіе ежегодники, у насъ же недавно появился первый въ Россіи опытъ подобнаго ежегодника С.-Петербурга, изданный статистическимъ отдѣленіемъ городской управы.

Несмотря на всѣ трудности, съ которыми на каждомъ шагу, какъ это видно при чтеніи самаго ежегодника, приходилось бороться недавно устроенному бюро, чтобы получить тѣ или другія данныя, за первый же годъ своего существованія оно даетъ въ ежегодникѣ весьма цѣнный и довольно обширный (по нѣкоторымъ вопросамъ) матерьялъ. Съ данными по нѣкоторымъ наиболѣе существеннымъ вопросамъ мы и желали бы познакомить читателя.

За свѣденіями о пространствѣ города и его составныхъ частей идетъ разсмотрѣніе населенія.

Изъ данныхъ переписей 1881 года, по сравненію съ переписью 1869 г., видно, что населеніе за этотъ промежутокъ времени возрасло на 29%, причемъ женское населеніе увеличилось на 33%, тогда какъ мужское всего на 26%. Въ значительной степени это увеличеніе однако должно быть приписано наплыву извнѣ, такъ какъ число смертей въ самомъ Петербургѣ за періодъ 1868—80 г. превосходило число рожденій и за всѣ 13 лѣтъ естественная убыль населенія равнялась 30 тыс. человѣкъ. Изъ данныхъ по движенію населенія укажемъ на пониженіе брачной плодовитости и умноженіе незаконныхъ рожденій по 3-хъ лѣтнимъ періодамъ, а именно:

ГОДЫ.	Брачная плодовитость.	Незаконныя рожденія составляли % всѣхъ рожденій.
1869—71	3,5	24,6
1872—74	3,4	25
1875—77	3,7 (безъ 1877 г.—3,5)	26,9
1878—80	3,2	27,2

На основаніи данныхъ за 1881 г. любопытнымъ представляется прослѣдить отношеніе незаконныхъ рожденій къ законнымъ по вѣроисповѣданіямъ: у протестантовъ—первыя составляютъ менѣе 10% послѣднихъ, у католиковъ менѣе 20%, у православныхъ—болѣе 40%. Далѣе находимъ комбинацію возраста матери и порядка родовъ въ связи съ поломъ новорожденныхъ. Интересно было бы имѣть комбинацію возраста и отца, и матери въ связи съ поломъ ребенка. Весьма любопытна группировка браковъ по возрасту вступающихъ въ бракъ. Изъ нихъ видно, что уродливые браки, гдѣ или женщина старѣе 46 лѣтъ, или мужчина—56 лѣтъ и старше составляли во вторую половину 1881 года 2,5% всего числа—величина довольно значительная; впрочемъ, число наблюденій (2539) еще настолько невелико, что еще нельзя расчитывать на прочные выводы изъ него. Изъ данныхъ за весь годъ видно, что на 1,000 жителей пришлось 6,6 браковъ или 1 бракъ на 150 человѣкъ населенія.

Тогда какъ рождаемость съ 28,7 (на 1,000 жителей) въ 1870 году возросла до 30,5 въ 1880 года, смертность [1] поднялась съ 33,4 въ 1870 году на 35,8 въ 1880 году, а въ 1881 году, при рождаемости, равной предшествовавшему году, смертность поднялась до 38,2 (на 1,000 жителей), причемъ для мущинъ была 42,4, для женщинъ—33,1. Абсолютныя бо̀льшія числа умершихъ, а равно и бо̀льшій % смертей по сравненію съ предшествовавшимъ трехлѣтіемъ (1878—80 г.) приходятся на слѣдующія рубрики: тифы (14,6%), скарлатина (1,7) дифтеритъ (2,1) и «проч. причины» (36,6). «Инфекціонныя и заразныя болѣзни дали въ совокупности 8,9 умершихъ на 1,000 жителей, затѣмъ слѣдуютъ: чахотка легкихъ — 6, желудочно-кишечныя разстройства—5,9 и острыя воспаленія дыхательныхъ путей—4 на 1,000 жителей. Это главные бичи петербургскаго населенія: они дали въ совокупности такой коэфиціентъ смертности (24,9 на 1,000), который превосходитъ *всю* смертность нетолько многихъ большихъ городовъ Западной Европы, но и нѣкоторыхъ государствъ».

Изъ весьма интересной главы «о несчастныхъ случаяхъ съ людьми» возьмемъ отношеніе пострадавшихъ вообще къ населенію, что даетъ 21,88 на 10,000 и отношеніе пострадавшихъ рабочихъ ко всему числу работавшихъ на фабрикахъ и заводахъ, что даетъ 34 на 10,000 человѣкъ. На пьянство, какъ причину или какъ важное сопровождающее обстоятельство, приходится отнести 21% изъ всего числа несчастныхъ случаевъ. Наибольшій % вообще пострадавшихъ—73% приходится на производительный возрастъ 18—50 лѣтъ.

---

[1] Въ больницахъ за три послѣднихъ года (1879—81) умершіе составляли 10,3%; 11,6%; 12,8%.

Изъ сопоставленія данныхъ о «смертяхъ случайныхъ» и «самоубійствахъ» можно видѣть, что, по крайней мѣрѣ, за послѣднее трехлѣтіе (1879—81), число этихъ случаевъ ростетъ и притомъ довольно быстро, а именно, принявъ итоги за 1879 г.=100, получимъ:

	Случ. смерти.	Самоубійства.
1880 »	108,7	112
1881 »	111,4	117,6

Для оцѣнки физической годности населенія взяты данныя изъ матерьяловъ городского по воинскимъ дѣламъ присутствія, откуда видно, что изъ общаго числа освидѣтельствованныхъ въ періодъ 1874—81 г., именно 7239 чел., не приняты на службу за неспособностью 4118 человѣкъ, т. е. 56,89%, изъ которыхъ 35,5% въ виду малаго развитія груди сравнительно съ ростомъ. Изъ свѣденій о дворовыхъ мѣстахъ видно, что 44% общаго числа имѣютъ проведенную воду, около 20%—газъ, около 25% имѣютъ жилые подвалы и приблизительно столько же—жилые чердаки. Изъ общаго числа жилыхъ строеній (около 21,000) нѣсколько болѣе 10,000 каменныхъ, нѣсколько менѣе—деревянныхъ, на смѣшанныя приходится меньше 1,000. Процентъ деревянныхъ строеній, незначительный въ центрѣ, ростетъ, какъ и слѣдовало ожидать, къ окраинамъ города. Число всѣхъ жилыхъ квартиръ 131,000, причемъ занятыхъ—117,000; средняя цѣна квартиры, бывшая въ 1869 г. равной 305 руб., поднялась къ 1881 году до 414 руб. Поучительныя данныя находимъ мы въ главѣ о начальномъ образованіи. Въ началѣ 1880 г., въ Петербургѣ имѣлось 279 школъ, дававшихъ начальное образованіе; число учащихся достигало 14,485 чел., что, при 109,000 дѣтей 7—16 лѣтняго возраста, даетъ 1 учащагося на 7,6 человѣкъ этого возраста.

«При сравненіи цифръ 1881 г., относящихся къ городскимъ училищамъ съ цифрами 1877 года, нельзя не видѣть, что число учащихся возростало сильнѣе, чѣмъ число училищъ: число мужскихъ училищъ возросло на 378%, а число учащихся на 554%, число женскихъ на 1,800%, а число ученицъ на 2,200%. Несмотря на открытіе новыхъ училищъ, число отказовъ въ пріемѣ учениковъ и ученицъ ростетъ постоянно. Если взять число училищъ и число отказовъ за 1877—78 гг. за 100, то получимъ:

ГОДЫ.	МУЖСКІЯ УЧИЛИЩА. Число училищъ.	Число отказовъ.	ЖЕНСКІЯ УЧИЛИЩА. Число училищъ.	Число отказовъ.
1879—80	350	177	457	843
1881—82	418	250	543	2,026

Изъ главы «о промышленности» видимъ, что число всѣхъ торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ предпріятій въ 1881 г. въ Петербургѣ превосходило 22,000; крупныхъ предпріятій въ городѣ и пригородныхъ участкахъ считалось 386 съ 74,126 рабо-

чими, изъ коихъ 6,787 малолѣтнихъ (9,7%). Изъ нихъ частныхъ предпріятій 368 съ 65,000 рабоч. (9,2малолѣтнихъ) и казенныхъ 18 съ 9,000 рабочихъ. Почти $^2/_3$ частныхъ предпріятій не занимаетъ больше 100 рабочихъ каждое, наоборотъ 47% казенныхъ занимаютъ болѣе 500 рабочихъ каждое. По своему значенію, чугунно-мѣдно-литейное и механическое производство занимаютъ первое мѣсто, затѣмъ идетъ хлопчато-бумажная промышленность, далѣе приготовленіе питательныхъ продуктовъ. Эти три группы имѣютъ 150 предпріятій и занимаютъ 45,000 рабочихъ, т. е. 69% всего числа послѣднихъ.

Далѣе помѣщены свѣденія объ извозномъ промыслѣ за лѣтній періодъ 1881 года. Изъ всего числа предпринимателей (6,662 чел.) на долю крестьянскаго сословія приходится 83% (5,530 чел.), около 16% на мѣщанъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, а на всѣ остальныя сословія остается около 1%. Какъ можно изъ этого видѣть, извозный промыселъ есть крестьянскій по преимуществу, причемъ $^2/_3$ крестьянъ-предпринимателей приходятся на слѣдующія 4 губерніи: С.-Петербургскую (26,6%). Рязанскую (14,4%), Тверскую (12,7%) и Калужскую (12,5%).

Относительно конно-желѣзныхъ дорогъ 1-е товарищество не сообщило никакихъ свѣдѣній; общество невской пригородной дороги сообщило весьма краткія, изъ которыхъ видно, что число перевезенныхъ въ 1881 г. пассажировъ было болѣе 3,900,000, валовой доходъ равнялся 217,785 руб., а чистый 52,632 руб.; общество конно-желѣзныхъ дорогъ (27 линій) издаетъ весьма обстоятельные отчеты, изъ которыхъ можно видѣть, какъ измѣнялось движеніе по мѣсяцамъ и по линіямъ. Наиболѣе оживленное движеніе замѣчается вообще въ лѣтніе мѣсяцы, а изъ линій на Литейной. Число перевезенныхъ пассажировъ съ 33,500,000 чел. въ 1879 г. упало въ 1881 г. на 28,900,000, что объясняется отчасти повышеніемъ платы, а отчасти лежитъ въ другихъ обстоятельствахъ; однако, доходъ общества отъ этого не пострадалъ: въ 1879 г. доходъ вагона въ 1 день давалъ 21 руб. 7 к., въ 1880—21 р. 66 к., а въ 1881 г.—22 р. 39 к.

Въ заключительной главѣ приведены данныя по подвозу главнѣйшихъ продуктовъ потребленія. Укажемъ здѣсь только на подвозъ хлѣба, скота и мяса. Всего перевѣсъ привоза надъ вывозомъ далъ въ 1881 г. въ 1000 пудовъ для пшеницы—253, для ржи—10,960, для овса—25,645, для ячменя—1,175, для крупы гречневой—2,765, для пшена—388, для муки пшенной—3,144, для ржаной—8,671, для гороха, бобовъ и пр.—493. По сравненію съ двумя предшествовавшими годами, чистый привозъ въ 1881 г. упалъ весьма значительно, напримѣръ, для ржи по сравненію съ 1879 г.—на $14^1/_2$ мил. пуд., съ 1880 г.—на 7 мил. пудовъ. Чтобы опредѣлить значеніе того или другого пути для ввоза и вывоза хлѣбныхъ грузовъ, приводимъ слѣдующую таблицу.

*

Изъ всего колич. хлѣбныхъ груз.	*получено*	въ 1881 году	*вывезено*
По р. Невѣ	40,1%		6,8%
» Николаевск. ж. д.	57,4%		21,2%
» Варшавской » »	1,5%		13,4%
» Балтійской » »	0,9%		28,8%
» Финляндской » »	0,1%		29,7%

Волжско-Невскій путь до сихъ поръ, несмотря на параллельность съ нимъ Николаевской ж. д., имѣетъ большое значеніе въ хлѣбномъ грузовомъ движеніи, какъ это можно видѣть изъ того, что, за исключеніемъ пшена и пшеничной муки, въ среднемъ за послѣдніе 3 года болѣе 75% остальныхъ хлѣбныхъ грузовъ прибываетъ въ Петербургъ втеченіе 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ, т. е. во время навигаціи.

Относительно скота изъ отчетовъ смотрителя скотопригоннаго двора видно, что въ 1881 г. туда поступило 174,255 головъ крупнаго скота и 179,418 головъ мелкаго, причемъ должно замѣтить, что лишь первое число выражаетъ весь подвозъ, такъ какъ значительное количество мелкаго скота поступило прямо въ руки мясниковъ. По подвозу скота первое мѣсто занимаетъ Николаевская ж. д.—72,4% всего числа, затѣмъ 19,5% пришло пригономъ, такъ-что на остальные пути приходится незначительный процентъ. При сравненіи данныхъ за 1881 г. съ данными предшествовавшихъ годовъ, замѣчается, что подвозъ крупнаго скота понижается, а мелкаго увеличивается. Количество крупнаго скота, проданнаго на убой въ Петербургѣ, равнялось:

	Головъ.				Головъ.
Въ 1878 .	172,581	изъ	нихъ	черкасскаго	156,956
» 1879 .	166,916	»	»	»	140,763
» 1880 .	162,110	»	»	»	121,692
» 1881 .	151,700	»	»	»	115,933

Откуда видно, что 1) постоянно уменьшается количество крупнаго скота, идущаго на убой въ Петербургѣ, и что 2) потребленіе черкасскаго скота замѣняется все болѣе и болѣе потребленіемъ русскаго и ливонскаго. За то подвозъ мяса вообще идетъ постоянно увеличиваясь, и въ 1881 г. достигалъ 1,416,370 пуд., причемъ на Николаевскую ж. д. приходится 98,88%. «Прибавляя привозное мясо къ мясу, получаемому отъ убоя живого скота, увидимъ, что на потребленіе для петербургскаго населенія идетъ приблизительно 4,727,000 пуд., а въ годъ на 1 жителя около 5 пуд. 3 фунта».

Весьма любопытенъ разсчетъ доходности занятія скотобойцевъ и мясопромышленниковъ. Оказывается, что «потребитель, покупая въ разницу, платитъ противъ оптовой цѣны дороже на 27,6%; мясопромышленникъ получитъ въ одинъ день, предполагая, что мясо продано въ день его полученія изъ скотобойни, около 18% на капиталъ, при продажѣ черкасскаго мяса; барыши отъ оборотовъ ливонскимъ и русскимъ мясомъ, вѣроятно, еще значительнѣе, потому что оптовыя цѣны гораздо ниже, а лавочныя цѣны мяса

этого скота мало отличаются отъ цѣнъ на мясо черкасскаго скота». Объясненія этого факта должно искать въ монополіи этого промысла, конечно, монополіи de facto, а не de jure. Въ самомъ дѣлѣ, на скотопригонномъ дворѣ 13 человѣкъ скупило 147,185 гол., т. е. 97% всего числа, а на долю всѣхъ остальныхъ покупателей приходится лишь 4,515 головъ или 3%.

Вторую, едва ли не большую половину книги занимаютъ таблицы, т. е. тотъ статистическій матеріалъ, который и послужилъ основаніемъ для составленія первой части. При дальнѣйшемъ развитіи городской статистики едва ли окажется возможнымъ разросшійся матеріалъ прилагать къ самому ежегоднику; можетъ быть будетъ удобнѣе издавать его отдѣльно. Взамѣнъ этого мы позволимъ высказать желаніе, чтобы по нѣкоторымъ наиболѣе интереснымъ вопросамъ прилагались бы графическія изображенія, подобно тому, какъ мы находимъ это въ парижскихъ и мюнхенскихъ (даже еженедѣльныхъ) изданіяхъ.

Въ заключеніе нельзя не пожелать возможно бо̀льшаго распространенія статистическаго ежегодника. Пора же, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ, нашему обществу поинтересоваться узнать, въ какихъ условіяхъ оно живетъ, а то вѣдь до появленія этого ежегодника, кромѣ спеціалистовъ, знавшихъ, впрочемъ, только данныя по своей спеціальности, едва ли въ обществѣ было много людей, знавшихъ, да и бывшихъ въ состояніи знать нашу городскую обстановку. Вотъ за эту-то возможность для каждаго члена общества ознакомиться съ окружающими насъ условіями, общество и обязано глубокой признательностью статистическому бюро, а наилучшимъ, по нашему мнѣнію, выраженіемъ благодарности было бы для него, еслибы общество и городское управленіе постарались возможно шире воспользоваться и въ своей практической дѣятельности данными, собранными въ ежегодникѣ.

П. Г.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Политика. — Три неудавшіеся дня.—Рабочій кризисъ, эксплуатированный монархистами и анархистами. — Митингъ 9-го марта на эспланадѣ Инвалидовъ.—Луиза Мишель и булочныя на Севрской улицѣ.—Запросъ Кассаньяка 10-го марта. — Дѣвица д'Эрленкуръ.—Ивъ Гюйо, избитый революціонерами и спасаемый полиціей. — Прогулки и нападенія 11 марта. — Рабочее собраніе на Ліонской улицѣ и его петиція.—Мѣры и намѣренія правительства.—Предложенія муниципальному совѣту.—Военныя, полицейскія и судебныя предосторожности. — Промахъ судебнаго слѣдователя.—18-ое марта.—Окончаніе парламентской сессіи 19-го. — Сенатъ, палата, принцы и клерикалы, одобряющіе колоніальную политику Шальмель-Лакура.—Муниципальный законъ и различныя соціальныя преобразованія, предпринятыя депутатами.—Отклоненіе предложенія объ амнистіи въ пользу осужденныхъ въ Ріомѣ и Ліонѣ. — Ходатайство англійскихъ ученыхъ въ пользу Крапоткина. — Пересмотръ конституціи, отложенный палатою. — Основаніе Лиги въ пользу пересмотра. — Выходка монархической газеты противъ графа Шамбора.

Вопреки ожиданіямъ, несмотря на поданный лондонскими феніями примѣръ, несмотря на намѣренія нѣкоторыхъ французскихъ анархистовъ и даже на открытую пропаганду на одномъ изъ парижскихъ публичныхъ собраній дешеваго способа приготовленія азотной кислоты, «три дня» т. е. 9-ое, 11-ое и 18-ое марта, во всякомъ случаѣ, могутъ быть названы только «маленькими днями». Въ силу ли здраваго смысла, или вслѣдствіе апатіи, парижское населеніе осталось спокойнымъ. Впрочемъ, и власти приняли свои мѣры.

Довольно серьёзный рабочій кризисъ открылся въ концѣ нынѣшней зимы, во время которой, за отсутствіемъ холодовъ, въ теченіи всего января и февраля не прерывались постройки. Каменьщики, являющіеся въ Парижъ, главнымъ образомъ, изъ Крёзскаго и Ньеврскаго департаментовъ, не вернулись на зиму къ своимъ женамъ, промышляющимъ вскармливаніемъ дѣтей изъ воспитательныхъ домовъ. Но такъ какъ предприниматели построекъ, воздвигающіе дворцы на Plaine Monceau, вмѣсто того, чтобы строить какія-нибудь помѣщенія для рабочихъ, по сосѣдству съ большими мастерскими, истратили всѣ свои капиталы

ранѣе, чѣмъ нашли богатыхъ жильцовъ, то результатомъ явилась внезапная остановка работъ, выбросившая на мостовую сотни и тысячи каменьщиковъ, плотниковъ, кровельщиковъ и т. д. Все это усилило безработицу, проявившуюся еще ранѣе, съ одной стороны, въ мебельномъ дѣлѣ, вслѣдствіе громаднаго производства роскошныхъ мебельныхъ издѣлій, съ другой—по причинѣ ввоза норвежскихъ готовыхъ рамъ, дверей и паркетовъ. Доставить республикѣ повтореніе іюньскаго возстанія 1848 года и воспользоваться реваншемъ парижской коммуны 1871-го для того, чтобы запугать французское большинство—такова любимая мечта монархистовъ всѣхъ оттѣнковъ. Они полагали, что имъ можно расчитывать на раздраженіе теоретиковъ коллективизма, осужденныхъ и переосужденныхъ въ Ріомѣ, Ліонѣ и Монбризонѣ, а также и на измученныхъ лишеніями незанятыхъ рабочихъ въ Парижѣ. Клерикальный соціализмъ гр. Мена и К°, по всей вѣроятности, не остался чуждымъ внушеніямъ, заставившимъ одну группу рабочихъ - плотниковъ созвать товарищей, находящихся безъ занятій, на большое собраніе, въ родѣ англійскихъ митинговъ и, мѣстомъ для котораго назначена была эспланада предъ домомъ Инвалидовъ.

Изъ всѣхъ демократическихъ органовъ, только одинъ, а именно носящій двойное заглавіе «Le Citoyen et la Bataille», поддерживалъ этотъ подозрительнаго свойства починъ. Редакторомъ этой газеты состоитъ двоюродный братъ Кассаньяковъ, Лиссагарѐ, случайно попавшій въ водоворотъ коммуналистскаго движенія и сдѣлавшійся его историкомъ-апологистомъ. Всѣ же остальные органы демократической печати, не исключая и рошфоровскаго «Intransigeant», проповѣдывали недовѣріе и воздержаніе отъ участія въ манифестаціи. «Intransigeant» потерялъ въ два дня добрую треть своихъ 30,000 розничныхъ покупателей. «Figaro», «Gaulois», «Clairon» выбивались изъ силъ, сѣя смуту.

Всѣ ихъ репортеры и большая часть депутатовъ и сенаторовъ изъ буйныхъ элементовъ правой, въ назначенный часъ находились въ назначенномъ мѣстѣ, готовые восхищаться народомъ и поощрять его къ безразсудствамъ. Листокъ Кунео д'Орнано и принца Наполеона «L'Appel au Peuple» съ утра отправилъ въ предмѣстья, а послѣ полудня къ Дому Инвалидовъ, своихъ разнощиковъ, съ экстреннымъ нумеромъ, заглавіе котораго было напечатано гигантскими буквами, а на первой страницѣ значилось: «*Воззваніе къ лишеннымъ хлѣба рабочимъ!*»

Около 2 часовъ пополудни, нѣсколько группъ, составлявшихъ въ общей сложности отъ трехъ до десяти тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ большинство не принадлежало къ числу лишенныхъ заработка рабочихъ, ходили взадъ и впередъ по эспланадѣ Инвалидовъ, среди отрядовъ полицейскихъ, позволявшихъ проходить и возвращаться, но не допускавшихъ ни скопищъ, ни образованія кортежа. Около половины третьяго, въ сопровожденіи двадцати человѣкъ, несшихъ черное знамя, появилась

Луиза Мишель. Ее поставили на лѣстницу и отсюда она произнесла слѣдующую краткую рѣчь: «Друзья мои, если полиція хочетъ запрещать наши свободныя собранія, то не будемъ же и мы вести себя какъ бараны. Будемъ умѣть противопоставлять силѣ силу и громко подтвердимъ свое право на трудъ!»

Отъ зданія министерства иностранныхъ дѣлъ, образующаго уголъ эспланады и Орсейской набережной, сбѣжалось двѣсти городскихъ сержантовъ. Толпа, сплоченная рѣчью Луизы Мишель, была быстро перерѣзана на-двое. Раздался крикъ (кричалъ репортеръ монархическаго «Clairon») и всѣ манифестанты были оттѣснены въ сторону Сены, по направленію къ Елисейскому дворцу. Они дошли до Avenue Montaigne, съ крикомъ: «Хлѣба! Хлѣба!».. Во время пути, полицейскіе арестовали бывшаго префекта полиціи Кератри, выпущеннаго, впрочемъ, десять минутъ спустя.

На углу площади Бово манифестантовъ встрѣтилъ Греви, покинувшій свой дворецъ. Въ присутствіи маршала Канробера, случайно проѣзжавшаго въ каретѣ, и легитимистскаго оратора Жоржа Берри, горячо разсуждавшаго о чемъ-то у дверей виннаго погреба на площади Бово, полиція, которую державшейся на готовѣ кавалеріи не пришлось даже поддерживать, сильнымъ натискомъ разсѣяла половину манифестантовъ.

Остальная половина, съ Луизою Мишель, оттѣсненная съ эспланады въ улицу La Tour Maubourg и rue de l'Université, перебила стекла у нѣсколькихъ каретъ, въ томъ числѣ у кареты Гонто Бирона, а также и въ нѣсколькихъ домахъ, причемъ рисковали подвергнуться той же участи окна папскаго нунція и германскаго посланника. Въ количествѣ около 300 человѣкъ, манифестанты образовали шествіе въ Севрской улицѣ и, предводимые чернымъ знаменемъ, бросились на три-четыре булочныя, забрали хлѣбъ и побросали на мостовую. Нѣсколько произведенныхъ въ ту минуту арестовъ послужили страннымъ усложненіемъ происшествію. Нѣкоторые изъ числа арестованныхъ имѣли при себѣ суммы денегъ, не допускавшія мысли о нуждѣ и голодѣ, а четверо изъ наиболѣе ярыхъ бунтовщиковъ оказались нѣмцами.

Луиза Мишель, избѣжавши ареста на Эспланадѣ, а затѣмъ и у булочныхъ, добралась до площади Бастиліи въ сопровожденіи небольшой группы неутомимыхъ фанатиковъ. Она остановилась у подножія Іюльской колонны и сказала: «Граждане, мы доказали, что улица принадлежитъ народу. Разойдемтесь добровольно и до слѣдующаго воскресенья! Да здравствуетъ народъ!»

«Gaulois», «Clairon», «Figaro» и имъ подобныя были въ отчаяніи, что не могли указать ни на одного «человѣка изъ народа», убитаго республиканской полиціей. Имъ пришлось довольствоваться однимъ несчастнымъ, который съ перепуга бросился въ Сену. Съ другой стороны и «Lanterne» и «Intransigeant» ничего не могли сказать противъ начальника полиціи Кобэ (бывшій

администраторъ Philosophie Positive), который, принимая мѣры противъ монифестаціи подъ открытымъ небомъ, дѣйствовалъ на точномъ основаніи закона, дозволяющаго собранія, какъ частныя, такъ и общественныя, но не иначе какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Въ палатѣ, Поль-де-Кассаньякъ пытался обострить дѣло о манифестаціи, въ надеждѣ, что она повторится въ слѣдующее воскресенье и въ болѣе грозныхъ размѣрахъ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ воспользовался его запросомъ, чтобы доказать республиканскимъ рабочимъ, если кто-либо изъ такихъ принималъ участіе въ манифестаціи, что такое участіе можетъ служить только на пользу антиреспубликанскаго заговора, такъ какъ насилія, если повторятся, должны быть энергически подавлены. Несмотря на возраженія де-Мёна и Ларошъ-Жубера, желавшихъ исправить неловкость П. де-Кассаньяка, палата отвергла всякую критику образа дѣйствій властей, принявъ единогласнымъ рѣшеніемъ 391 депутатовъ простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

Между тѣмъ, Луиза Мишель, объ арестованіи которой сдѣлано было распоряженіе, скрылась, увѣдомивъ о своемъ исчезновеніи «Intransigeant» и небольшой комитетъ плотниковъ, т. е. Монтана, Тортелье и проч., которые вечеромъ 10-го числа созвали публичное собраніе въ Salle d'Austerlitz, съ цѣлью протестовать противъ употребленія насилія во время манифестаціи и подтвердить созваніе митинга подъ открытымъ небомъ на слѣдующій день. На собраніи присутствовали, по обыкновенію, журналисты различныхъ оттѣнковъ, сидѣвшіе у приготовленнаго для нихъ стола съ письменными принадлежностями. Одинъ изъ ораторовъ обращается къ нимъ и называетъ ихъ «подлецами, лакеями, продажными, негодяями», прибавляя, что «публично плюетъ имъ въ лицо». Присутствующіе встрѣчаютъ это заявленіе рукоплесканіями. «Журналисты на трибуну!» кричатъ съ разныхъ сторонъ. Гражданинъ Тортелье бросается впередъ, какъ бы желая предотвратить столкновеніе. «Нельзя требовать отъ *золотарей*, чтобы они производили благовонные товары. Вы не можете принудить журналистовъ говорить. Оставьте ихъ заниматься своимъ ремесломъ!» Представители печати поднялись съ мѣстъ и вышли, сопровождаемые свистомъ и крикомъ. Нѣкоторые, разсчитывая на свою хорошую память, смѣшались съ публикой. Они слышали, какъ анархистъ чистѣйшей воды обвинялъ Рошфора въ томъ, что онъ доставляетъ себѣ 50,000 франковъ дохода и плюетъ на народъ, и какъ миловидная особа, по имени m-lle д'Эрленкуръ пропѣла «La Marianne».

Эта же артистка появилась и на слѣдующій день въ salle Rivoli, въ широкополой черной шляпѣ, украшенной длинной красной лентой. На этотъ разъ, однакоже, ей не представилось случая пѣть, такъ какъ собраніе, созванное дѣйствительно рабочими, было внезапно распущено при ея появленіи. Въ эту минуту на трибунѣ находился муниципальный совѣтникъ Ивъ Гюйо,

главный редакторъ «Lanterne», извѣстный своими замѣчательными экономическими статьями. Онъ говорилъ о двойномъ кризисѣ, квартирномъ и строительномъ, и предлагалъ различные практическіе способы для его смягченія, горячо возставая, въ то же время, противъ «шарлатановъ, обѣщающихъ панацеи для всякихъ золъ».

Въ это самое время въ залу ворвалась кучка людей, которые кричали: «Что вы здѣсь дѣлаете? Десять тысячъ гражданъ ждутъ васъ на улицѣ... Идемъ въ ратушу! Присоединяйтесь къ манифестаціи!» Ораторъ пытается продолжать. Сознавая, что большинство присутствующихъ на его сторонѣ, онъ смѣется надъ крикунами, которыхъ сравниваетъ съ оперными хорами, поющими: «впередъ!» идемъ!—и не двигающимися съ мѣста. Въ отвѣтъ на это хористы двинулись не къ выходу, а къ трибунѣ. Ивъ Гюйо не сходитъ съ своего мѣста и обвиняетъ ихъ въ томъ, что они повинуются внушеніямъ бонапартиста Кунео д'Орнано и Appel au peuple». Они бросаются на него, разбиваютъ ему въ кровь лицо, подшибаютъ глазъ, вырываютъ часть бороды. Между тѣмъ какъ его уносятъ друзья, свалка продолжается и одинъ изъ членовъ бюро проваливается въ турецкій барабанъ, оставленный въ залѣ оркестромъ, играющимъ на балахъ, которые тамъ обыкновенно даются. На шумъ, а вѣроятно также и вслѣдствіе жалобы нѣкоторыхъ изъ явившихся на собраніе рабочихъ, вошла полиція. Напрасно Ивъ Гюйо, понимая комичность своего положенія спасаемаго полиціей, на которую онъ нападалъ въ теченіи долгихъ лѣтъ, проситъ власть не заботиться объ его дѣлахъ и отказывается подписать жалобу на тѣхъ, кто подвергъ его насилію. Сержанты разгоняютъ собраніе и уводятъ человѣкъ двѣнадцать изъ наиболѣе шумѣвшихъ, въ томъ числѣ и современную Теруань де-Мирекуръ, т. е. m-lle д' Эрленкуръ, которую продержали двѣ недѣли въ сенъ-Лазарской тюрьмѣ, а затѣмъ освободили по недоказанности преступленія. Ивъ Гюйо первый увѣрялъ, что она не принимала никакого участія въ сдѣланномъ на него нападеніи. Отецъ этой особы, г. Пуарэ, у котораго она живетъ, служитъ кассиромъ на зеркальномъ заводѣ. Онъ демократъ и радикалъ. Относительно дочери онъ показалъ, что она изучаетъ драматическое искуство и музыку, для чего и беретъ уроки декламаціи и пѣнія на дому. На собраніяхъ же поетъ только въ видѣ пробы силъ и пріученія себя къ пѣнію при публикѣ, не принимая ни малѣйшаго участія въ народныхъ волненіяхъ. Печать сдѣлала громадную рекламу начинающей пѣвицѣ, весьма юной и весьма красивой m-lle Пуарэ, именующей себя д'Эрленкуръ. Она можетъ быть вполнѣ увѣрена, что въ какой бы café-concert или опереточную сцену она ни явилась, ее примутъ вездѣ и она будетъ имѣть успѣхъ, если... у нея окажется дарованіе.

Такъ какъ 11 е марта было въ воскресенье и погода стояла превосходная, то множество зѣвакъ отправилось, между двѣнад-

цатью и двумя часами, чтобы посмотрѣть на манифестацію у Hotel de Ville, противъ которой, какъ увѣряли газеты, правительствомъ приняты были строжайшія мѣры. Полицейскія эволюціи могли быть выполнены безъ всякихъ препятствій среди этой толпы безобидныхъ гуляющихъ, съ ихъ женами и дѣтьмя. На минуту, во время происшествія въ salle Rivoli, послышались крики: «Хлѣба!», на которые, впрочемъ, толпа отвѣчала въ насмѣшливомъ тонѣ: «И безъ труда!» Послѣдовала небольшая свалка и нѣсколько арестовъ. Къ четыремъ часамъ, вокругъ ратуши, на улицѣ Риволи и на Avenue Victoria, но не на площади этого имени, которая была занята войсками, собралось около 20,000 человѣкъ. Республиканская конная гвардія вмѣшалась въ дѣло; медленно подвигалась она, расчищая дорогу до самой башни St Jacques, среди криковъ нѣсколькихъ уличныхъ мальчишекъ, волновавшихся у самыхъ лошадей, которыя отодвигались, чтобъ никого не задѣть. Въ восемь часовъ замѣчалось еще довольно много молчаливыхъ и безобидныхъ группъ. Они были окончательно разсѣяны въ десятомъ часу вечера внезапно повалившими хлопьями мокраго снѣга.

Говорили о манифестантахъ, которые должны собраться у Тронной заставы, спуститься вдоль Сент-Антуанскаго предмѣстья и по улицамъ Сент-Антуанской и Риволи дойти до «Hôtel de Ville» и занять его. Но напрасно разъѣзжали по городу репортеры «Gaulois», «Clairon» и «Figaro», истративъ значительныя суммы на извощиковъ, эти путешествія не доставили имъ и двадцати газетныхъ строчекъ, такъ какъ манифестаціи не было нигдѣ и традиціонно-бунтовщическій кварталъ никогда еще не былъ такъ безмятеженъ, какъ въ тотъ день, несмотря на то, что ему дѣйствительно всего болѣе приходится терпѣть отъ нынѣшней безработицы. Рабочая федерація мѣбельщиковъ созвала въ одной изъ концертныхъ залъ rue de Lyon собраніе, гдѣ, послѣ весьма серьёзныхъ и долгихъ техническихъ преній, рѣшено было обратиться съ петиціей къ муниципальному совѣту и къ палатѣ депутатовъ. Эта петиція заключаетъ въ себѣ требованія нисколько не анархическія и къ удовлетворенію которыхъ въ большинствѣ случаевъ готовы и палата, и правительство. Таковы требованія «продолженія крупныхъ предпріятій въ Парижѣ—постройки помѣщеній для рабочихъ на принадлежащихъ городу участкахъ—ограниченія закономъ часовъ рабочаго дня, отмѣны налога на сырье и охранительнаго тарифа для ввозныхъ продуктовъ, уменьшенія налога на предметы первой необходимости, возможно скораго рѣшенія квартирнаго вопроса и запрещенія тюремной работы».

Эта петиція 11-го марта побудила правительство поспѣшить взять на себя починъ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ мѣръ. Президентъ совѣта министровъ, которому извѣстно, что въ клерикально-монархическій планъ входитъ сокращеніе расходовъ на предметы роскоши, торопитъ возобновленіе меблировки въ ми-

нистерствахъ, что̀ уже давно признано необходимымъ; кромѣ того, онъ можетъ немедленно приступить къ значительнымъ заказамъ по школьной обстановкѣ, требуемой закономъ 28-го марта 1882 г., предписывающимъ, чтобы каждая община, каждая деревушка имѣла благоустроенное школьное помѣщеніе. Съ другой стороны, онъ выговорилъ у директоровъ общества земельнаго кредита и работъ города Парижа авансы, гарантированные и городомъ, и государствомъ, въ виду быстрой постройки здоровыхъ и дешевыхъ квартиръ. Министръ внутреннихъ дѣлъ учредилъ комиссію, которой поручено изысканіе средствъ и поставокъ для общественныхъ сооруженій, а равно и изученіе вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ возможно было бы добиться отъ предпринимателей, чтобы они давали своимъ рабочимъ участіе въ прибыляхъ.

По открытіи засѣданія муниципальнаго совѣта, 12-го марта, сенскій префектъ предложилъ основать фондъ въ 220 милліоновъ франковъ для немедленнаго употребленія его на продолженіе пріостановленныхъ работъ. Но въ тоже вромя Дрейфусъ (изъ редакціи «Lanterne») потребовалъ назначенія комиссіи для изслѣдованія причинъ парижскаго промышленнаго кризиса, а Жоффренъ, единственный представитель рабочей партіи, выразилъ слѣдующее изъ четырехъ частей состоящее предложеніе: 1) возстановить національную гвардію и распустить полицейскіе отряды; 2) учредить муниципальныя мастерскія; 3) открыть булочныя, мясныя и квартиры отъ города, гдѣ рабочіе могли бы покупать хлѣбъ, мясо и имѣть помѣщенія по своей цѣнѣ, и 4) раздать рабочимъ обществамъ, въ видѣ пособія, 500,000 франковъ.

Затѣмъ, префекту полиціи былъ сдѣланъ запросъ по поводу принятыхъ имъ наканунѣ мѣръ, а такъ какъ онъ отказался отвѣчать, то перешли къ очереднымъ дѣламъ, «поздравляя рабочихъ, что они съ презрѣніемъ отнеслись къ провокаціямъ, предметомъ которыхъ служатъ, и приглашая ихъ воздержаться и въ будущемъ отъ манифестацій, вызванныхъ врагами республики».

Этотъ очередной порядокъ муниципальнаго совѣта, повидимому, окончательно отвратилъ настоящихъ рабочихъ отъ манифестаціи, которую такъ заботливо подготовляли для «третьяго» дня, то есть для годовщины возстанія 1871 г., монархическіе и фигаристскіе органы. Почтеннымъ представителямъ «Gaulois» и «Clairon» казалось немыслимымъ, чтобы угнетенный безработицею народъ не попалъ въ ихъ ловушку, когда къ тому же ему такъ ловко помогаютъ не всегда разумные революціонеры, какъ, напримѣръ, Луиза Мишель. Возлагались, вѣроятно, надежды и на барышню въ широкополой революціонной шляпѣ съ красной лентой, которая такъ увлекательно поетъ задорныя пѣсни...

Не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы произошло что-нибудь серьёзное, то отпоръ и усмиреніе имѣли бы самый интенсивный характеръ, а результатомъ явилось бы въ Парижѣ дискредити-

рованіе правительства республики, а въ провинціи — страхъ и ненависть къ парижанамъ...

За нѣсколько дней передъ тѣмъ, «Temps» сообщилъ, что гражданскія и военныя власти приняли самыя обширныя предосторожности; еслибы явились манифестанты на Марсово Поле (мѣсто, назначенное для манифестаціи), ихъ арестовали бы всѣхъ, по мѣрѣ ихъ приближенія. Если бы же гдѣ бы то ни было проявился отпоръ, то, по троекратномъ барабанномъ боѣ, примѣнили бы во всей строгости законъ 9 іюня 1848 года. По этому закону, какъ извѣстно, признается вооруженнымъ скопищемъ малѣйшая кучка людей, въ средѣ которыхъ хотя у одного человѣка найдено будетъ какое бы то ни было оружіе.

По указаніямъ полиціи, «Justice» напечатала вызовъ къ суду противъ газеты «Citoyen et Bataille», единственнаго изъ республиканскихъ органовъ, отстаивавшаго манифестаціи, а также около полдюжины повѣстокъ явиться въ судъ довольно извѣстнымъ анархистамъ.

У одного изъ арестованныхъ 9-го марта нашли карточку, на которой значились съ одной стороны имена этихъ лицъ, а напротивъ таинственныя цифры: XI — 1.961;—XX, 1.552, и т д. Признали, что римскія цифры отвѣчаютъ парижскимъ округамъ и предположили, что арабскія указываютъ на число людей, которыми располагаетъ каждый изъ арестованныхъ вожаковъ. Впослѣдствіи, однако же, оказалось, что это были цифры голосовъ, полученныхъ рабочими кандидатами во время послѣднихъ выборовъ, и пришлось освободить Аллемана и его товарищей. Что касается до Луизы Мишель, то она уклонялась отъ ареста до 29-го. Въ этотъ день она отправилась къ префекту полиціи, но не была имъ принята. Затѣмъ, снова направилась къ префектурѣ, но на пути была арестована агентами полиціи. Она будетъ предана суду присяжныхъ по обвиненію въ грабежѣ, во главѣ вооруженной шайки.

18-го марта погода была еще лучше, чѣмъ 11-го. Весь Парижъ отправился за городъ праздновать возвращеніе весны. Даже на кладбище Отца Лашеза не принесли обычныхъ вѣнковъ на общую могилу, въ которой погребено столько разстрѣлянныхъ коммунаровъ. На площади Бастиліи, «Hôtel de Ville», на Марсовомъ полѣ—ни души, никого, кромѣ городскихъ сержантовъ, грѣвшихся на солнышкѣ, да солдатъ, скучавшихъ за стѣнами своихъ казармъ. Войско держали наготовѣ весь вечеръ, по причинѣ многочисленныхъ коммуналистскихъ банкетовъ, которые были назначены на 18-е число и дѣйствительно происходили. На нихъ произносились ярые тосты, пѣлись ярыя пѣсни, даже плясали кое-гдѣ карманьолу. Затѣмъ, каждый спокойно и совершенно буржуазнымъ образомъ вернулся домой.

Палаты, въ виду могущихъ быть происшествій, отложили отъ 17-го до 19-го начало своихъ пасхальныхъ каникулъ. Сенатъ занимался 1-го запросомъ генерала Робера, поддержаннымъ герцо-

гомъ Одифрэ-Пакье, по поводу отставки, которой только что подверглись орлеанскіе принцы, по распоряженію военнаго министра. На этотъ разъ сенатъ поправилъ ошибку, сдѣланную имъ отклоненіемъ законопроэкта противъ претендентовъ и отвѣчалъ на запросъ простымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ большинствомъ 154 голосовъ противъ 110. Послѣ того, онъ выслушалъ Жюля Симона, поддерживавшаго обширный проэктъ Дюфора о правѣ ассоціаціи, на который нападали бывшіе рабочіе, нынѣ сенаторы Корбонъ и Толэнъ, и Шенелона, требовавшаго свободы для конгрегацій. Къ великому ужасу набожныхъ людей, отцы отечества 169-ти голосами противъ 122-хъ отвергли 1-ю статью проэкта, то-есть самый принципъ смѣшенія обществъ католической пропаганды съ какими бы то ни было иными ассоціаціями. Сенатъ довершилъ пораженіе клерикаловъ и монархистовъ, утвердивъ, вопреки лихорадочной оппозиціи Фурту, Френо, Бюффе, Карнэ и Гаварди, новое ассигнованіе 120 милліоновъ въ пользу школъ, въ видахъ полнаго и окончательнаго приведенія въ исполненіе закона о первоначальномъ свѣтскомъ и даровомъ образованіи. Несмотря на возраженія герцога Брольи, сенаторы 226 голосами противъ 3-хъ одобрили устройство французскихъ судовъ въ Тунисскихъ владѣніяхъ, а также и колоніальную политику, изложеніе которой представилъ новый министръ Шальмель-Лакуръ. Послѣ всего этого сенатъ могъ разойтись въ мирѣ, съ сознаніемъ исправленія ошибокъ, сдѣланныхъ имъ въ этой сессіи.

Что касается палаты, то она приняла въ первомъ чтеніи муниципальный законъ, выработанный уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и доложенный Марсеромъ, получила отъ министра финансовъ проэктъ очереднаго бюджета на 1884 г. и вновь открыла пренія по изученію соціальныхъ вопросовъ, принявъ къ свѣденію предложеніе Лакретеля относительно «учрежденія пріютовъ для найденышей». Былъ подвергнутъ первымъ преніямъ вопросъ объ отвѣтственности хозяевъ въ случаяхъ несчастій съ рабочими во время работы, объ обществахъ взаимнаго вспомоществованія, гарантированныхъ и поддерживаемыхъ государствомъ. На послѣднемъ засѣданіи, не желая показать, что она уступаетъ угрозамъ манифестаціями, палата, 384-ми голосами противъ 81-го, отказала въ требованіи Анри Марэ, относительно амнистіи осужденнымъ въ Ріомѣ и Ліонѣ. Правда, что министръ внутреннихъ дѣлъ Вальдекъ Руссо, высказавъ энергическое порицаніе анархистамъ, возводящимъ въ добродѣтель все, что отвергается доброю нравственностью и существующими законами, обѣщалъ помилованіе заблудшимъ.

Послѣ закрытія сессіи палатъ, нѣсколько выдающихся англійскихъ ученыхъ, поддержанныхъ Викторомъ Гюго, подали петицію президенту республики, прося возвратить наукѣ князя Крапоткина, для котораго, при состояніи его здоровья, заключеніе должно оказаться смертельнымъ, и который, вмѣстѣ съ едино-

мышленникомъ своимъ, Элизэ Реклю, оказалъ важныя услуги геологіи и географіи.

Какъ увѣряютъ, Греви подписалъ бы помилованіе, еслибы ліонскій узникъ согласился отказаться отъ политической и соціальной агитаціи и посвятить себя исключительно наукѣ.

Вопросъ о пересмотрѣ конституціи, потерпѣвшій крушеніе вмѣстѣ съ министерствомъ Гамбетты, снова всплывшій 23-го сентября и 20-го октября 1882 г. стараніями Бародэ и Андріё, былъ опять-таки отданъ на разсмотрѣніе комиссіи иниціативы, которая 22-го января, вслѣдствіе отчета Анри Жиро, рѣшила въ пользу принятія къ свѣденію. Этотъ вопросъ вызвалъ продолжительныя пренія 5-го и 6-го марта, во время которыхъ особый интересъ представлялъ словесный поединокъ Ферри и Клемансо. Президентъ совѣта не отстаивалъ совершенства нынѣшней конституціи, но доказалъ несвоевременность пересмотра, въ виду оппозиціи сената и равнодушія громаднаго большинства націи. Тремя послѣдовательными голосованіями прошло рѣшеніе, которымъ палата отвергла принятіе къ свѣденію, «довѣряя заявленію правительства, что оно само предложитъ пересмотръ, когда будетъ увѣрено въ принятіи его сенатомъ, а въ концѣ законодательной сессіи предложитъ условія выборовъ депутатовъ и сенаторовъ, что̀ должно и можетъ войти въ составъ этого пересмотра».

Два дня спустя, по отсрочкѣ парламентскихъ засѣданій, депутаты, стоящіе за пересмотръ, радикальные комитеты сенскаго департамента, и также различныя провинціальныя республиканскія общества, въ число которыхъ затесалось и одно бонапартистское, устроили большое собраніе въ Tivoli - Vauxhall, съ цѣлью организовать легальную агитацію въ пользу общаго пересмотра конституціи. Поэтъ Кловисъ Гюгъ сравнилъ «усы Наполеона III съ котлетками Жюля Ферри». Публицистъ Камилль Пеллетанъ жестоко нападалъ на тѣхъ изъ своихъ товарищей въ палатѣ, которые обѣщали избирателямъ, два года назадъ, что будутъ стоять за пересмотръ, и подали теперь голоса въ пользу новой отсрочки. Третій депутатъ Вернъ обозвалъ политическими souteneur'ами республиканцевъ, принявшихъ министерскія отговорки. Собраніе завершилось приглашеніемъ подать въ отставку тѣмъ изъ депутатовъ, которые обѣщали пересмотръ въ своихъ professions de foi, которые даже вотировали въ пользу «принятія къ свѣденію», и затѣмъ отвергли его 6-го марта.

Одинъ изъ депутатовъ, г. Мальрикъ поспѣшилъ возвратить 14-го свое полномочіе избирательному комитету въ Нарбоннѣ. Въ смѣломъ письмѣ, онъ объявилъ, что ставитъ интересъ демократіи выше повиновенія сумасбродамъ и считаетъ рѣшеніе своей совѣсти болѣе вѣскимъ, чѣмъ мнѣніе избирательнаго комитета. «Пересмотръ, пишетъ онъ: — былъ лишь отводомъ глазъ, камнемъ, брошеннымъ подъ колеса министерства Ферри, чтобъ

опрокинуть его. Могъ ли я не поддерживать правительства, имѣющаго нѣкоторую прочность, послѣ двухъ мѣсяцевъ министерской дезорганизаціи, среди дѣла о претендентахъ и наканунѣ соціалистскихъ манифестацій?»

Сторонники пересмотра учредили руководящій комитетъ на засѣданіи, происходившемъ 15-го марта, подъ предсѣдательствомъ санатора Лорана Пишà и съ маіоромъ Лабордеромъ, Бародэ и президентомъ парижскаго муниципальнаго совѣта, въ видѣ ассистентовъ. Собраніе было осложнено изгнаніемъ газетныхъ репортеровъ, которые, хотя всѣ были изъ республиканцевъ, но не всѣ стояли за пересмотръ конституціи, напримѣръ, репортеръ «Temps». Вице-президентъ Бутелье и депутаты — журналисты де-Ланессонъ, Лефевръ, Гюгъ, сопровождали репортеровъ въ ихъ изгнаніе.

20-го Лига конституировалась окончательно принятіемъ манифеста и предварительнаго устава изъ 7-ми статей, опредѣляющаго ежемѣсячный членскій взносъ въ 10 сантимовъ, учреждающаго центральный комитетъ въ Парижѣ и содѣйствующаго образованію и провинціальныхъ комитетовъ. Мы будемъ слѣдить за этой агитаціей, которая должна начаться предложеніями въ средѣ генеральныхъ совѣтовъ 90-ти французскихъ и алжирскихъ департаментовъ, сессія которыхъ начинается 2-го апрѣля и попытается воспользоваться своимъ избирательнымъ вліяніемъ при переизбраніи половины членовъ названныхъ совѣтовъ, въ іюлѣ и августѣ.

Предприниматель реакціонныхъ газетъ, достаточно прославившійся въ періодъ 16-го мая, Лаведанъ, бывшій директоромъ печати нравственнаго порядка и не имѣющій никакихъ иныхъ публицистическихъ заслугъ, пустилъ недавно довольно крупную шутиху, приписанную газеткѣ «L'Echo lorrain» и повторенную 52 другими провинціальными изданіями, якобы выходящими одинъ или нѣсколько разъ въ недѣлю въ разныхъ городкахъ, а на самомъ дѣлѣ гуртомъ редактируемыми въ Парижѣ, на Сенъ-Мишельскомъ бульварѣ, трудами Ипполита Оливье. Въ первую минуту, и такъ какъ ни въ Нанси, ни въ департаментѣ Мёрты и Мозели никто не знаетъ о существованіи «Echo lorrain», приняли за шутку кандидатуру герцога Омальскаго, помимо его согласія, на мѣсто умершаго сенатора Варруа, бывшаго министра общественныхъ работъ. Но вотъ теперь, 31-го марта, «Фигаро» уступаетъ цѣлые два столбца Оливье; «Gaulois» относится къ дѣлу совершенно серьёзно, «Clairon» напираетъ на него, а за нимъ и «Gazette de France» и «Union», между тѣмъ какъ наиболѣе орлеанистская изъ парижскихъ газетъ, «Soleil», хранитъ глубокое молчаніе. Редакторъ 53 «монархическихъ и конституціонныхъ газетъ», заявляетъ вмѣсто программы, что «г. де-Шамборъ есть единственное препятствіе къ нашему избавленію» и, что во всѣхъ будущихъ сенатскихъ и законодательныхъ выборахъ, слѣдуетъ «плебисцировать имя герцога

Омальскаго», котораго, по случаю пересмотра конституціи, предложатъ въ качествѣ регента до смерти невозможнаго Генриха V. Это, конечно, шутка, но кто платилъ за нее? Во всякомъ случаѣ время для нея выбрано удачно для того, чтобы быть эксплуатированной самыми разнообразными партіями.

II.

Театръ, нравы.—Новая опера Сенъ-Санса «Генрихъ VIII».—«Формоза» Вакери и ея успѣхъ въ Одеонѣ.—Возобновленіе пьесы Ожье «Les Effrontés». — Le roi des Grecs» на сценѣ театра Gaîté.— «l'As de Trèfle» въ Ambigu.—Палерояльскія и другія театральныя новости.—Скандалезный вердиктъ суда присяжныхъ.—Дѣла Полиньяка, Мэніэля и Монастеріо.

Два событія волновали театральный міръ въ мартѣ мѣсяцѣ: новая опера Сенъ-Санса «Генрихъ VIII» и 4-хъ-актная драма Вакери «Формоза», поставленная въ Одеонѣ.

Камилль Сенъ-Сансъ также, и, можетъ быть, даже болѣе извѣстенъ за-границей, чѣмъ во Франціи, какъ піанистъ и симфоническій композиторъ. Въ концертахъ исполнялись его библейскія симфоніи «Потопъ» и «Далила», а на сценѣ «Лирическаго театра», нынѣ не существующаго, давалась его якобы комическая опера «Le timbre d'argent». Первая большая опера его, поставленная въ Ліонѣ, имѣла значительный успѣхъ въ нѣсколькихъ провинціальныхъ городахъ. Наконецъ, дирекція «Національной Академіи музыки» рѣшилась испробовать менѣе стараго композитора, чѣмъ Гуно и Амбруазъ Томасъ.

Либретто новой оперы написано двумя журналистами: Детройа и Арманомъ Сильвестромъ. Послѣдній довольно сносный поэтъ, а первый, бывшій морской офицеръ, племянникъ Эмиля де-Жирардена, большой практикъ и дѣлецъ. Ему-то главнымъ образомъ обязанъ «Генрихъ VIII» своимъ сравнительно быстрымъ появленіемъ на столичной сценѣ и избавленіемъ отъ тѣхъ мытарствъ, чрезъ которыя приходится проходить новымъ операмъ и которыя заставляютъ иногда композиторовъ уѣзжать за предѣлы родины, какъ-то случилось, напримѣръ, съ Массенэ и его «Иродіадой», поставленной въ Брюсселѣ.

Либреттисты не захотѣли путаться въ лабиринтѣ матримоніальныхъ похожденій англійскаго Синяго Бороды и удовольствовались эпизодомъ отставки Екатерины Аррагонской, замѣщенной Анной Болейнъ, усложнивъ его разрывомъ между англійскимъ королемъ и папою.

Въ первомъ дѣйствіи Екатерина еще королева и самъ король представляетъ ей въ качествѣ придворной дамы, Анну, которую только что сдѣлалъ маркизой. Въ то же время онъ принимаетъ испанскаго посланника дона-Гомеза де-Феріа, который видѣлъ Анну при французскомъ дворѣ и даже былъ ея женихомъ. Но

здѣсь, въ Лондонѣ, онъ узнаетъ, что она ему измѣнила и приходитъ въ отчаяніе въ ту минуту, какъ король объясняется ей въ любви, а съ сосѣдней площади слышатся погребальные звуки. Это ведутъ на казнь Бокингема, о помилованіи котораго королева въ послѣдній разъ и напрасно проситъ Генриха. Казнь происходитъ за сценой.

Екатерина опускается на колѣни у окна и плачетъ не столько объ умирающемъ измѣнникѣ, сколько надъ собственною участью, такъ какъ король видимо покидаетъ ее. Испанскій посланникъ утѣшаетъ королеву и жалуется на свою судьбу, а на противоположномъ концѣ сцены происходитъ страстный діалогъ между королемъ и Анной, на фонѣ двухъ хоровъ: ликующихъ придворныхъ съ одной стороны и поющихъ De profundis монаховъ на площади, гдѣ происходитъ казнь—съ другой.

Второе дѣйствіе переноситъ насъ въ прелестные Ричмондскіе сады, куда новая маркиза Пемброкъ удалилась изъ Лондона, гдѣ въ то время свирѣпствовала чума. Посланникъ донъ-Гомезъ упрекаетъ Анну за ея невѣрность, но разговоръ прерывается появленіемъ Генриха VIII. Король угадываетъ соперника, но онъ слишкомъ страстенъ, и потому у него легко изглаживается первое ревнивое чувство. Не имѣя возможности сдѣлать Анну любовницей, онъ сдѣлаетъ ее королевой. Екатерина является вскорѣ вслѣдъ затѣмъ и упрекаетъ свою фрейлину за недостойный образъ дѣйствій. Король вмѣшивается въ ссору, грозя женѣ разводомъ. Появляющійся въ эту минуту легатъ, именемъ папы, противится предполагаемому разводу. Король выражаетъ полное неуваженіе къ его святѣйшеству. «Отдадимся веселью»! восклицаетъ онъ въ отвѣтъ на слова папскаго представителя.

Всѣ непрошеные посѣтители, то-есть посланники Гомезъ, Екатерина Аррагонская и легатъ удаляются, а на сцену является кордебалетъ и исполняетъ, замѣчу мимоходомъ, весьма посредственные танцы. Занавѣсъ опускается въ ту минуту какъ корифейка Сюбра останавливается въ тріумфаторской позѣ на чемъ-то, напоминающемъ ложе, сплетенное изъ вѣтвей хмѣля.

Ходъ драмы возобновляется въ третьемъ дѣйствіи рѣзкой сценой между королемъ и легатомъ. Эту сцену пришлось сократить на три четверти. Перемѣна декорацій — и мы присутствуемъ на засѣданіи синода, въ большой парламентской залѣ, гдѣ обсуждается вопросъ о разводѣ съ Екатериной, поставленный королемъ. Королева допущена на засѣданіе и ей предоставлено право защиты. Выслушиваютъ и испанскаго посланника, который, защищая свое дѣло, напрасно пытается отмстить за себя измѣнившей ему Аннѣ. Когда рѣшеніе постановлено, папскій легатъ протестуетъ. Король велитъ ввести въ залу народъ и спрашиваетъ: желаетъ ли онъ повиноваться чужеземному закону и допустить, чтобы папа въ Римѣ кассировалъ рѣшеніе, постановленное пэрами въ Англіи? «Нѣтъ, нѣтъ!» гремитъ толпа. Среди грома виватовъ, Генрихъ возражаетъ на папское отлу-

ченіе, порывая всякую связь между Великобританіей и Римской куріей; онъ провозглашаетъ себя главою англиканской церкви и объявляетъ о предстоящемъ бракѣ своемъ съ Анною Болейнъ. Этимъ кончается 3-й актъ, такъ какъ весьма длинный монологъ легата, оставленный въ партитурѣ, былъ выпущенъ для сцены. Онъ заключалъ объясненіе отлученія отъ церкви.

4-е и послѣднее дѣйствіе имѣетъ совершенно интимный характеръ. Первая картина происходитъ у Анны, которая заставляетъ своихъ фрейлинъ протанцовать весьма граціозный минуэтъ. Донъ Гомезъ, котораго она призвала, опасаясь, чтобы онъ не воспользовался возникающею ревностью въ сердцѣ Генриха, успокоиваетъ ее, объявляя, что ненависть умерла въ немъ вмѣстѣ съ любовью. Онъ уничтожилъ всѣ письма, которыя она писала къ нему, исключая, впрочемъ, одного, находящагося въ рукахъ развѣнчанной королевы: этимъ письмомъ рѣшенъ былъ переходъ дона-Гомеза изъ французскаго посольства въ англійское. Ревнующій государь прерываетъ эту бесѣду, старается разгадать испанца и, наконецъ, идетъ къ Екатеринѣ Аррагонской, чтобы добыть доказательства невѣрности новой королевы. Въ холодной залѣ Кимбольдскаго зàмка, у пылающаго камина сидитъ та, которая была королевой Англіи, и, сравнивая туманы Альбіона съ чуднымъ небомъ своей родины, вспоминаетъ о пылкихъ мечтахъ своей дѣвичьей жизни, чувствуя, что близокъ конецъ ея разбитой жизни. Въ эту минуту, подъ окнами зàмка проходитъ толпа народа съ веселою пѣснью, въ которой величаетъ короля. Умирающая королева призываетъ своихъ приближенныхъ и раздаетъ имъ на память свои вещи. Она проситъ исполнить ея послѣднія распоряженія, между прочимъ, и передачу дону-Гомезу ея молитвенника, въ который заложено пресловутое письмо Анны Болейнъ. Эта послѣдняя внезапно появляется, предупредивъ, такимъ образомъ, короля. Она на колѣняхъ умоляетъ бывшую королеву возвратить ей письмо и, само собою разумѣется, получаетъ отказъ. Входитъ король и донъ-Гомезъ. Король начинаетъ съ того, что выказываетъ раскаяніе по поводу поступка своего съ прежней супругой и готовность снова принять ее, если онъ убѣдится, что новая королева любила, можетъ любить кого нибудь, кромѣ его. Екатерина колеблется, но близкая къ смерти, какъ добрая христіанка, прощаетъ врагу. Она вынимаетъ письмо изъ молитвенника и бросаетъ его въ огонь. Генриху VIII остается только воскликнуть:

Она взяла съ собой въ могилу тайну!
Но... если случай гнѣву моему
Подслужится, и я ее открою
Когда-нибудь—тогда топоръ и плаха!..

Это «тогда» убійственно своею сухостью. Но вся сцена такъ горяча, что оно проходитъ незамѣченнымъ сквозь послѣдній аккордъ блестящаго квартета, съ которымъ можетъ сравняться развѣ только знаменитый квартетъ въ «Риголетто».

*

Здѣсь, какъ и въ другихъ выдающихся мѣстахъ оперы, Сен-Сансъ вполнѣ опровергъ тѣхъ музыкальныхъ критиковъ, которые видѣли въ немъ вагнериста. Его музыка оказалась вполнѣ итальянской, вагнеровской же можетъ быть названа развѣ только по своей ученой оркестровкѣ. Всѣ мелодіи носятъ итальянскій и вообще южный характеръ. Таковъ романсъ Гомеза въ 1-мъ дѣйствіи: «La beauté que je sers!». Такова арія короля «Qui donc commande quand il aime?». Или дуэтъ 2-го дѣйствія между Генрихомъ и Анной. Мелодіи Сен-Санса всего болѣе напоминаютъ «Фаворитку», отчасти «Аиду». Онѣ всѣ почти принимаютъ форму каватинъ.

Речитативъ далеко уступаетъ вагнеровскому. Однако, характеръ четырехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ какъ нельзя лучше выдержанъ съ начала до конца. Слушая нѣсколько разъ оперу Сен-Санса, открываешь въ ней новыя подробности, ускользающія вначалѣ. Двѣ большія музыкальныя ситуаціи: конецъ перваго дѣйствія и засѣданіе синода, прекрасно выполнены, если ихъ изучить, но на большинство публики онѣ не производятъ того впечатлѣнія, на которое очевидно расчитывали либреттисты. *De profundis* далеко уступаетъ вердіевскому *Miserere*, который онъ нѣсколько напоминаетъ. Отлученіе отъ церкви точно вырвано изъ генделевской ораторіи. Оно прекрасно по распредѣленію голосовъ и оркестровкѣ и тѣмъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ будетъ исполняться въ концертахъ, что не поется въ оперѣ. Засѣданіе въ парламентѣ съ допущеніемъ въ него народа, даетъ три сперва отдѣльныхъ, а потомъ сливающихся хора, сопровождающіе маршъ съ разнообразнымъ ритмомъ, мѣняющимся сообразно съ характеромъ проходящихъ группъ. Этотъ нумеръ весьма интересенъ съ точки зрѣнія музыкальнаго искуства, которое доведено здѣсь до изумительнаго совершенства. Но все-таки это не столько грандіозно, сколько учено. Въ сценѣ разрыва между короной и тіарой ждешь чего-нибудь потрясающаго, чего-нибудь равносильнаго «благословенію кинжаловъ» въ Гугенотахъ, но ждешь напрасно. Талантливо, учено, но не геніально. И это не по винѣ исполнителей. Лассаль—Генрихъ VIII нигдѣ не выказалъ всего богатства своего бархатнаго голоса въ такой мѣрѣ, какъ въ новой оперѣ Сен-Санса. Крауссъ очень драматична въ роли Катерины Аррагонской. Анна Болейнъ—Ришаръ блистаетъ красотою и обладаетъ весьма симпатичнымъ голосомъ. Дона Гомеза поетъ молодой теноръ, Дереймсъ, недавно окончившій курсъ въ консерваторіи, и который сдѣлалъ все, что можно изъ своей не особенно значительной партіи, важной только въ финалѣ послѣдняго дѣйствія. Наконецъ, Бурдурескъ хорошъ въ роли легата. Благодаря въ особенности квартету 4-го дѣйствія, тяжелыя мѣста Генриха VIII забываются и является желаніе еще разъ слушать всю оперу, къ великой выгодѣ Сен-Санса, такъ какъ въ противномъ случаѣ, на его долю выпалъ бы только такъ называемый succès d'estime.

Въ Одеонѣ пожиналъ лавры зять Виктора Гюго, неутомимый журналистъ Огюстъ Вакери, который, основавъ въ 1869 г. газету «Rappel», ежедневно помѣщаетъ въ ней по передовой статьѣ. Вакери дебютировалъ на той же сценѣ въ 1844 г. переводомъ Софокловой «Антигоны», при сотрудничествѣ товарища своего по оружію, Поля Мёриса. Немного позже, при Луи Филиппѣ, онъ далъ мелодраматическую комедію «Tragaldabas», которая, несмотря на похоронившіе ее свистки, осталась весьма оригинальнымъ типомъ крайняго романтизма. Онъ доставилъ репертуару «Театра французской комедіи» остроумную двух-актную идиллію «Souvent homme varie», «Le Fils», «Jean Baudry» и «Les Funérailles de l'Honneur».

«Формоза» написана тридцать лѣтъ тому назадъ. Первоначально она носила названіе «Le faiseur des rois». Ее приняли для сцены Французскаго театра и главную роль должна была исполнять Рашель. Но артистка умерла, имперія была возстановлена, а авторъ пьесы, послѣдовавшій за Викторомъ Гюго въ изгнаніе, лишенъ былъ возможности требовать ея постановки. По возвращеніи во Францію, онъ не разъ имѣлъ намѣреніе поручить роль Формозы актрисѣ Фаваръ, затѣмъ, послѣ войны, Круазеттъ, наконецъ, Сарѣ Бернаръ, когда она оставила «Théatre français».

Остановившись на Тессандье, но не имѣя возможности перевести ее съ лѣваго берега Сены на правый, онъ не безъ труда взялъ свою драму у Перрена и передалъ ее въ Одеонъ. Здѣсь, вокругъ названной главной исполнительницы сгруппированы были лучшіе актеры: Шелль, Порель, Поль Мунэ (братъ Мунэ Сюлли), который превосходно передалъ сложный характеръ Уарвика, создающаго королей, но побѣжденнаго любовью.

Авторъ вполнѣ основательно озаглавилъ пьесу женскимъ именемъ. Назвать ее громкимъ именемъ изъ исторіи Англіи, значило бы дать слишкомъ несоотвѣтствующую историческую претензію совершенно личной драмѣ.

Историческая сторона разсказывается въ двухъ словахъ: Уарвикъ только что заключилъ въ Лондонскую башню сумасшедшаго Генриха VI и возвелъ на престолъ Эдуарда IV. Но этотъ послѣдній поручилъ ему просить руки дочери Людовика XI, а пока онъ велъ переговоры по этому поводу во Франціи, новый король женился на вдовѣ лорда Грея, Елизаветѣ Вудвилль. Взбѣшенный посланникъ возвращается въ Лондонъ, прогоняетъ Эдуарда, который бѣжитъ въ Голландію, и намѣревается возвести на престолъ герцога Іоанна, потомка Эдуарда III.

Однако, если вся Англія преклоняется предъ ужаснымъ воителемъ, который держитъ ее въ своихъ рукахъ, то надъ собственнымъ сердцемъ онъ не властенъ. Громъ грянулъ на него во время похоронъ графа Эссекса, тѣло котораго разъяренный народъ хотѣлъ бросить въ канаву. Дочь графа осталась у гроба, не дрогнувъ предъ чернью, защищая отца отъ цѣлаго города.

Толпа колебалась. Тогда, чтобъ оскорбить ихъ всѣхъ въ лицѣ ихъ бога, Формоза Эссексъ сорвала съ себя траурное покрывало и обратила къ Уарвику полное негодованія лицо свое, блѣдное, но такое прекрасное, что онъ былъ пораженъ его красотою. Онъ былъ на лошади и въ двухъ шагахъ отъ нея.

Вотъ какъ онъ заканчиваетъ свой разсказъ объ этомъ.

«J'arrêtai mon cheval et je la saluai:
Et ceux par qui le mort venait d'être hué,
Se découvrirent tous, et laissèrent le père
A la fille, et tombant à genoux sur la terre,
Celle chez qui la peur ne savait pas entrer,
Ne vit plus que son père et se mit à pleurer.

(Я остановилъ лошадь и поклонился ей. И тѣ, которые только что ругались надъ мертвецомъ, обнажили головы и оставили отца дочери. Тогда упала на колѣни та, которой невѣдомо было чувство страха, забыла обо всемъ, кромѣ отца, и залилась слезами).

Съ той минуты всесильный Уарвикъ полюбилъ Формозу Эссексъ. Но доблестная дѣвушка любитъ герцога Іоанна и обручена съ нимъ.

Между тѣмъ, герцогъ очень скоро соображаетъ, что ему придется отказаться отъ трона, если онъ не уступитъ невѣсты «творцу королей», а потому онъ проситъ у Уарвика руки его сестры Элленъ, уступая ему такимъ образомъ Формозу.

Формоза узнаетъ объ этомъ отъ самой наивной соперницы своей. Однако, она хочетъ испытать послѣднее средство вернуть къ себѣ того, кого считаетъ заблудшимъ, если не оклеветаннымъ. Герцогъ у нея. Приходитъ Уарвикъ и она прячетъ Іоанна за занавѣсъ. Она старается показать, что польщена, почти очарована Уарвикомъ, и выражаетъ негодованіе противъ того, кто обѣщалъ ей вѣчную вѣрность «предъ лицомъ звѣзднаго неба, превращая звѣзды въ лжесвидѣтелей».

За занавѣсомъ ни единаго движенія. Она подбѣгаетъ къ Іоанну, восклицая: «Если такъ держитъ онъ свои клятвы, если сердца женщинъ сдѣлались товаромъ, если вѣрность—служанка, которую можно прогнать, если онъ отрекается отъ меня, если онъ предоставляетъ меня вамъ, то...

И вмѣсто того, чтобъ протянуть руку Уарваку, она отдергиваетъ занавѣсъ и гнѣвно кричитъ:

...Lâche! Tu paraîtras!

Онъ появляется и предъ нимъ, склонивъ голову, она обѣщаетъ быть женою графа, но подъ условіемъ, что недостойный герцогъ не будетъ королемъ.

Но въ ту минуту какъ она должна сдержать свое слово, ужасъ охватываетъ ее при мысли, что она будетъ принадлежать тому, кого никогда не можетъ полюбить, потому что все сердце свое отдала другому; она принимаетъ ядъ и падаетъ мертвою. Уарвикъ открываетъ окно, выходящее на площадь, гдѣ собравшійся

народъ требуетъ короля, и кричитъ: «Да здравствуетъ Генрихъ VI»! отмщая такимъ образомъ за Формозу.

Какъ видите, это просто и построено исключительно на благороднѣйшей струнѣ женскаго сердца. Молодежь была потрясена до глубины души на первыхъ представленіяхъ и восторгъ не ослабѣлъ и до сихъ поръ. Давно уже не приходилось видѣть ничего подобнаго. Впрочемъ, не одна молодежь, но и сѣдовласые литераторы, не прощавшіе Вакери его юношескихъ ультраромантическихъ увлеченій, вынуждены были признать вмѣстѣ съ массою публики, что «Формоза» мастерское произведеніе.

Парижская публика очень охотно смотритъ возобновленныхъ «Les Effrontés» Эмиля Ожье; несмотря на то, что пьеса написана въ 1861 году, она нисколько не устарѣла и, увы! стрѣлы этой соціальной сатиры и въ настоящую минуту попадаютъ не въ бровь, а въ глазъ финансовымъ плутамъ и пособничающей имъ печати.

На сценѣ театра «Gaîté», Адольфъ Бэло поставилъ мелодраму, передѣланную имъ изъ романа-фельетона: «Le roi des Grecs». Дѣло идетъ не объ эллинахъ, конечно, а о шулерахъ разнаго рода, носящихъ въ Парижѣ наименованіе «грековъ». Картина этого рода плутовства довольно любопытна и предъ нами проходитъ нѣсколько типовъ игроковъ навѣрняка.

Эта тэма, повидимому, у насъ въ модѣ, такъ какъ молодой писатель П. Де-Курсель (ему еще нѣтъ двадцати пяти лѣтъ) написалъ по поводу страсти къ картамъ большую народную драму въ 5 дѣйствіяхъ и 9-ти картинахъ: «L'As de trèfle», первое представленіе которой въ «Ambigu» происходило нѣсколько дней спустя послѣ «Le roi des Grecs». Пьеса Де-Курселя не уступаетъ извѣстной старинной пьесѣ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока» и вѣроятно замѣнитъ ее на добрые четверть вѣка на провинціальной сценѣ. Картина всевозможныхъ притоновъ, нравовъ убійцъ, мошенниковъ, всякаго рода грязныхъ промышленниковъ производитъ потрясающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что авторъ показываетъ намъ ихъ, воздерживаясь отъ проповѣдей о прелести добродѣтели.

Прочія новыя пьесы: «Peau Neuve», раскаявшіяся кокотки которой были дружно освистаны нераскаявшимися посѣтительницами Пале-Рояля, «La faute de M. Tabouret» Бюснака, и оперетка «Le premier baiser въ театрѣ Nouveautés не выходятъ изъ ряда тѣхъ недолговѣчныхъ новинокъ, которыми такъ богатъ парижскій театръ.

Отъ театровъ перейдемъ къ нравамъ. Къ великому изумленію публики, сенскій ассизный судъ оправдалъ судившагося за кражу со взломомъ студента (счетъ годамъ пребыванія его въ университетѣ потерянъ), единственно на томъ основаніи, что отецъ его мировой судья. Этотъ судья, съ похвальною поспѣшностью, замѣстилъ украденную Альфонсомъ Маргаритой сумму. Тѣмъ не менѣе было вполнѣ доказано, что молодой человѣкъ, которому

понадобились средства для содержанія какой-то прелестницы изъ пивной, сломалъ замокъ въ сундукѣ одной старушки, посвятившей его въ тайны своихъ денежныхъ дѣлъ, видя въ немъ будущаго адвоката. Точно также не подлежало сомнѣнію, что изъ двухъ служанокъ старушки, обвинявшихся въ кражѣ, одна сломала себѣ обѣ ноги, бросившись изъ окна, а другой пришлось просидѣть недѣлю или двѣ въ предварительномъ заключеніи! Въ былое время, дворяне злоупотребляли королевскими lettres de cachet для того, чтобы спасать честь опозорившихъ себя чѣмъ-нибудь благородныхъ семействъ. Это привело, какъ извѣстно, къ взятію Бастиліи. Теперь же буржуа-присяжные злоупотребляютъ принципами 89 года, чтобы оправдать вора-сына по той только причинѣ, что отецъ его мировой судья!

Князь Полиньякъ, не тотъ, который вызвалъ революцію 1830 года, но одинъ изъ его прямыхъ или непрямыхъ потомковъ, не хотѣлъ ни узаконить незаконнорожденнаго сына, ни давать сыну приличнаго содержанія. Г. Полиньякъ съ лѣвой стороны, не получая отъ папаши того, что считалъ себя вправѣ отъ него ожидать, забрался въ кабинетъ князя, облилъ мебель керосиномъ и поджегъ папироской. Прибѣжали пожарные, а полиція арестовала поджигателя.

Далѣе, такъ какъ было обнаружено, что молодой Полиньякъ человѣкъ вспыльчивый, а отецъ его дѣйствительно не заботился о томъ, умретъ онъ съ голода или нѣтъ, то присяжные признали поджигателя невиновнымъ.

Вскорѣ послѣ того, другой незаконный сынъ, Шарль Ришаръ, прозябавшій подобно только что упомянутому князю, рѣшилъ пустить въ ходъ шантажъ противъ графа де-Мэніэля, бывшаго любовника своей матери. Грозя убить въ случаѣ отказа, онъ потребовалъ 200,000 франковъ и былъ взятъ съ револьверомъ въ карманѣ, въ то время, какъ прогуливался передъ родительскимъ домомъ, препроводивъ къ законной супругѣ графа Мэніэля письмецо слѣдующаго содержанія: «Если черезъ пять минутъ я не получу 200,000 франковъ, графъ будетъ убитъ». Этого предпріимчиваго молодого человѣка предали суду исправительной полиціи, опасаясь, что ассизный судъ оправдаетъ и его, какъ оправдалъ Полиньяка. Доказательства его происхожденія были достаточно убѣдительны. Его приговорили только за угрозу смертью и ношеніе оружія къ 3 мѣсяцамъ заключенія и нѣсколькимъ франкамъ штрафа.

Оба эти процесса много занимали парижскую печать, только что сдавшую въ архивъ горестную тему смерти герцогини де-Шонъ (Chaulnes), которая не пережила торжества своей свекрови и католическихъ духовныхъ обществъ надъ ея материнскомъ чувствомъ. Несчастная умерла отчасти отъ волненія, вызваннаго въ ней неслыханнымъ дѣломъ Монастеріо, разъигравшимся именно въ ту минуту, когда парламенту предстоитъ заняться исправленіемъ закона 1838 года, который слишкомъ облегчаетъ

роднымъ и докторамъ запирать въ сумасшедшій домъ неудобныхъ людей.

Фиделія Монастеріо—законная дочь г-жи Монастеріо, которая довольно много времени спустя послѣ смерти мужа своего въ Чили, прижила неизвѣстно съ кѣмъ сына, носящаго имя Карлоса Лафита. Эта женщина, которой теперь шестьдесятъ лѣтъ, сынъ ея, человѣкъ лѣтъ тридцати, изобрѣтатель непримѣняемыхъ электрическихъ машинъ, Румигьеръ, учредитель «Rappel'я», Барбьё и двое врачей: Ривьеръ и носящій славное въ лѣтописяхъ психіатріи имя докторъ Пинель, явились 27 — 30 марта передъ судомъ исправительной полиціи, по обвиненію въ секвестраціи и похищеніи дѣвицы Монастеріо, исчезнувшей изъ Франціи.

Допросъ подсудимыхъ и свидѣтелей далъ цѣлый рядъ поражающихъ гнусностью и грязью показаній. Адвокатъ г-жи Монастеріо имѣлъ основаніе сказать о нѣкоей Шалантонъ, пріютившей Фиделію, что «она въ одно и тоже время была любовницей дочери и любовникомъ сына». Но товарищу прокурора, Барду, не трудно было доказать, что истиннымъ двигателемъ дѣяній матери и сына противъ идіотки Фиделіи, было желаніе присвоить около 10,000 франковъ дохода, доставшіеся ей отъ отца, въ видѣ недвижимой собственности, въ Вальпарайзо. Оба врача, вмѣшавшіеся въ дѣло съ цѣлью доказать сумасшествіе, изобрѣтатель и журналистъ, очевидно, были сильно заинтересованы въ похищеніи. Мать—отвратительное созданіе, пьяная съ утра до вечера и отдающая въ стирку бѣлье два раза въ полтора года. Барбьё предложилъ ей свои услуги для похищенія, увѣривъ, что пользуется громаднымъ вліяніемъ въ полицейской префектурѣ. Нѣкоторые изъ свидѣтелей увѣряли, что этотъ господинъ выдавалъ себя въ этой средѣ за самого Клемансо! Несмотря на это, онъ нѣсколько разъ повторилъ въ своемъ показаніи: «Вѣдь я дѣйствовалъ по закону, не такъ ли?»

30-го числа, къ всеобщему изумленію: подсудимыхъ, адвокатовъ и публики, трое судей исправительной полиціи, констатируя, что Фиделія Монастеріо не появлялась, что секвестрація, которой она подверглась, перешла за десятидневный срокъ и, что, слѣдовательно, проступокъ становится преступленіемъ, подлежащимъ вѣдѣнію ассизнаго суда, объявили дѣло неподсуднымъ суду исправительной полиціи.

Людовикъ.

Парижъ, 31-го марта, 1883 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

Н. В. Слюнинъ. Матеріалы для изученія народной медицины въ Россіи. Выпускъ I. (Лекарственныя вещества и травы Астраханской и Саратовской губерній, Бухарскихъ аптекъ, Минусинскаго округа и нашихъ средне-азіатскихъ владѣній). Спб. 1882 г.

Отношеніе нашихъ медиковъ къ народной медицинѣ представляетъ собою прекрасный образчикъ бывшаго еще недавно обычнымъ отношенія вообще культурныхъ людей къ народу. Народъ глупъ, безтолковъ, ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, не умѣетъ самъ устроить своей жизни, мы и умные, и ученые, и все понимаемъ, и все умѣемъ—будемъ же учить его, опекать, устраивать его жизнь. Теперь, мало по малу, такое отношеніе къ народу начинаетъ исчезать. Только разные спеціалисты продолжаютъ еще попрежнему презрительно относиться къ народу, хотя пора бы и такому отношенію выйдти изъ моды. Народъ жилъ тысячи лѣтъ, дѣлалъ сооруженія, создалъ цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ промысловъ, лечился: неужели же онъ за все это время не создалъ ничего достойнаго вниманія ни въ области техники, ни въ области медицины? Неужели опытъ и наблюденія милліоновъ людей въ теченіи вѣковъ не могли скопить хоть столько знаній, чтобы къ нимъ можно было отнестись иначе, чѣмъ съ глумленіемъ? Изученіе кустарныхъ промысловъ должно бы показать господамъ техникамъ, что если кустари страшно нуждаются въ указаніяхъ технической науки для усовершенствованія своихъ орудій, за то выработали замѣчательное умѣнье—при данныхъ условіяхъ, достигать наибольшихъ техническихъ успѣховъ, съ наименьшими затратами. Еще менѣе простительно господамъ медикамъ относиться съ высокомѣріемъ къ народной медицинѣ. Съ одной стороны, такіе факты, какъ борьба съ дифтеритомъ въ Полтавской и Ставропольской губерніяхъ, гдѣ въ одно время съ врачами успѣшно подвизались и разные «знахари», и «бабки», а съ другой—факты прямого заимствованія учеными медиками лекарственныхъ средствъ у «бабокъ», должны бы, наконецъ, поколебать самоувѣренность жрецовъ науки. Тараканы, даваемые въ натуральномъ видѣ «бабками» страдающимъ водянкою, и толченые тараканы съ разными благовонными примѣсями, получившіе ученое названіе и прописываемые противъ водянки медиками,

казалось бы, представляютъ одно и тоже средство и имѣютъ одинаковую цѣнность. Если настой ландышей, употребляемый «бабками» противъ болѣзней сердца, оказывается и по научнымъ изслѣдованіямъ прекраснымъ средствомъ при этой болѣзни; если «кяфирь», издавна употребляемый кавказскими горцами, еще на дняхъ медицинѣ пришлось признать за одно изъ лучшихъ средствъ для возстановленія здоровья при общемъ упадкѣ силъ, то казалось бы и однихъ этихъ фактовъ достаточно, чтобы не видѣть въ народной медицинѣ одного невѣжества и убѣдиться, что изученіе народной медицины дѣло далеко не лишнее и для самой медицины.

Къ сожалѣнію, очень немногіе врачи сознаютъ сказанное. Просматривая приводимую г. Слюнинымъ литературу, направленную на изученіе народной медицины, просто поражаешься ея бѣдностью. Къ тому же большинство немногихъ сочиненій, трактующихъ о народной медицинѣ, имѣютъ главнымъ содержаніемъ совсѣмъ другіе предметы и касаются народной медицины лишь слегка и нерѣдко въ видѣ курьеза. Затѣмъ слѣдуютъ двѣ-три работы, содержащія простое перечисленіе и внѣшнее описаніе лекарственныхъ растеній нѣкоторыхъ уголковъ нашего отечества, и пять-шесть работъ, изслѣдующихъ физіологическое и фармакологическое воздѣйствіе *четырехъ* народныхъ лекарственныхъ средствъ. Вотъ и все, что даетъ въ этомъ отношеніи наша медицинская литература.

Въ виду всего вышесказаннаго, трудъ г. Слюнина представляетъ чрезвычайный интересъ, какъ первая попытка поставить изученіе народной медицины въ качествѣ серьёзнаго дѣла. Трудъ представляетъ собою перечисленіе народныхъ лекарствъ, употребляемыхъ на очень обширномъ районѣ, съ научнымъ опредѣленіемъ этихъ лекарствъ, указаніемъ болѣзней, отъ которыхъ они употребляются, способовъ самаго употребленія и ссылками на источники, въ которыхъ есть хотя бы случайныя указанія на составныя части лекарствъ и ихъ дѣйствіе. Нечего и говорить, какую громадную пользу могутъ принести собранные г. Слюнинымъ «матеріалы» лицамъ, которыя пожелаютъ посвятить свои силы на изученіе народной медицины. Но кромѣ того, въ работѣ г. Слюнина заключается много общихъ свѣдѣній о положеніи народномедицинскаго дѣла, представляющихъ интересъ и не для неспеціалистовъ и притомъ на столько значительный, что, благодаря ему, съ вниманіемъ прочитывается сухая работа, составленная съ внѣшней стороны крайне неудачно.

Здѣсь мы имѣемъ прекрасный образчикъ того, какъ рядомъ съ оффиціальною жизнью и подъ нею растетъ и развивается, совершенно независимо отъ нея, жизнь народная. Въ то время, какъ у насъ насаждается научная медицина, развивается медицинская литература, увеличивается число врачей, умножаются и распространяются аптеки — въ тоже время совершенно аналогичные факты имѣютъ мѣсто и въ народной жизни. Въ Москвѣ,

Казани и другихъ большихъ городахъ устраиваются, такъ сказать, центральные склады народно-лекарственныхъ средствъ. Повсюду въ городахъ устраиваются лавки съ тѣми же средствами. Какъ много этихъ лавокъ и какъ великъ запросъ на народныя лекарства, можно видѣть изъ того, что г. Слюнинъ нашелъ въ одной Астрахани четыре лекарственныхъ лавки; такое же число лавокъ найдено имъ и въ Саратовѣ. Торговцы этими лекарствами являются въ тоже время и врачами, они знаютъ назначеніе каждаго лекарства и способы его употребленія, что̀ и сообщаютъ покупателю. Но кромѣ нихъ, по Россіи разсыпано безчисленное множество лекарей и лекарокъ. Между ними есть своего рода Боткины, пользующіеся громадною популярностью, иногда по всей Россіи и даже за-границею: къ нимъ постоянно съѣзжается множество паціентовъ со всѣхъ концовъ и со всевозможными болѣзнями. Таковъ, напр., Кузьмичъ въ Саратовской губерніи. Народная медицинская литература крайне разнообразна. Кромѣ русскихъ лечебниковъ и травниковъ, о которыхъ до сихъ поръ было кое-что извѣстно хоть по слухамъ, г. Слюнину удалось получить рукописные народные лечебники на татарскомъ, тюрско-татарскомъ и арабскомъ языкахъ. (Кромѣ того извѣстны грузинскіе лечебники). Одинъ изъ этихъ лечебниковъ представляетъ собою, въ алфавитномъ порядкѣ, ботанико-фармакологическій словарь и собраніе рецептовъ, съ указаніемъ противъ чего и какъ употреблять. Другая рукопись — цѣлый трактатъ о медицинѣ. Кромѣ рукописныхъ лечебниковъ, встрѣчаются литографированные. Иногда попадаются рукописныя и также литографированныя наставленія о томъ, какъ употреблять какое-нибудь одно лекарство, пользующееся особенною славою. Народное лекарственное дѣло не стоитъ на одномъ и томъ же пунктѣ, а постоянно развивается: постоянно открываются и вводятся въ употребленіе новыя средства, названія которыхъ иногда увѣковѣчиваютъ имена изобрѣтателей и составителей этихъ средствъ. Такъ, напр., пользующійся чрезвычайною извѣстностью «саратовскій наборъ», состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ травъ, носитъ названіе «Минеича» въ честь старика-составителя. По отношенію къ знанію лекарственныхъ средствъ эти «Кузьмичи» и «Минеичи» иногда ставятъ въ совершенный тупикъ научную медицину. Такъ, напр., всѣ безпристрастные врачи, имѣвшіе дѣло съ ташкентскою или сартовскою язвою, говорятъ, что язва излечивается весьма трудно, а иногда рѣшительно не поддается никакимъ средствамъ терапіи и хирургіи, а какой-нибудь старикъ сартъ-знахарь вылечиваетъ страшную язву въ теченіи 7—10 дней какимъ-то пластыремъ... Вообще здѣсь предъ нами обширная, совершенно невѣдомая, и крайне любопытная область, и г. Слюнинъ, приподнявши маленькій уголокъ завѣсы, скрывающей отъ насъ эту область, только усиливаетъ желаніе познакомиться съ нею ближе. Было бы, поэтому, крайне желательно, чтобы предложеніе г. Слюнина об-

ществу русскихъ врачей—поставить вопросъ о систематическомъ изученіи народной медицины на прочную практическую почву—не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Л. Н. Нисселовичъ. Исторія заводско-фабричнаго законодательства Россійской имперіи. Часть первая. Спб. 1883.

Сдѣлалось труизмомъ, что казенное веденіе какого-нибудь хозяйственнаго дѣла непремѣнно бываетъ плохо. Тоже можно сказать и о казенной наукѣ. Всѣ научныя изданія, предпринимаемыя разными комитетами и департаментами, всѣ «изслѣдованія» и «изысканія», дѣлаемыя чиновниками, по большей части всегда плохи, и книга, составленная г. Нисселовичемъ по порученію Департамента Торговли и Мануфактуръ, только лишній разъ доказываетъ это.

«Исторія заводско-фабричнаго законодательства въ Россіи» — заглавіе, бьющее въ носъ, и неудивительно будетъ, если читатели набросятся на эту книгу. Но ихъ ожидаетъ полное разочарованіе. Никакой «исторіи» фабричнаго законодательства они не найдутъ, а найдутъ просто перепечатку изъ полнаго собранія законовъ всѣхъ законодательныхъ актовъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ фабрично-заводскому дѣлу, причемъ вся работа г. Нисселовича состояла только въ выпискѣ этихъ актовъ, да въ томъ, что онъ обыкновенно приводитъ буквально только часть каждаго акта, а другую часть излагаетъ своими словами. Этого нельзя еще назвать «исторіей фабрично-заводскаго законодательства»! Г. Нисселовичъ не потрудился даже хоть нѣсколько систематизировать набранныя ими выписки и привести ихъ хоть въ какой-нибудь порядокъ. Онъ просто сыпитъ выписки въ хронологическомъ порядкѣ, хотя часто онѣ не имѣютъ равно никакой связи и никакого отношенія другъ къ другу. Г. Нисселовичу, очевидно, и въ голову не приходитъ то простое соображеніе, что для того, чтобы понять значеніе той или другой законодательной мѣры, нужно знать, чѣмъ она была вызвана, какъ была осуществлена на практикѣ и какія измѣненія внесла въ жизнь. Для человѣка, незнающаго этой стороны дѣла, всякій законодательный актъ будетъ только пустымъ звукомъ. Такъ, г. Нисселовичъ приводитъ законъ Петра Великаго, которымъ предоставлялось купцамъ право покупать крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ. Что же это важный законъ? имѣлъ онъ значеніе въ жизни русскаго народа и какое именно? Ничего этого узнать изъ самаго законодательнаго акта нельзя, а нужно обратиться къ исторіи тогдашней жизни, чего г. Нисселовичъ не дѣлаетъ. Вообще эта сторона дѣла, безъ которой не имѣетъ значенія никакая исторія фабрично-заводскаго законодательства, совсѣмъ не интересуетъ г. Нисселовича, и онъ не воспользовался ничѣмъ даже изъ того, что̀ сдѣлано въ этой области до него.

Предупредивъ читателя относительно содержанія книги г. Нисселовича, мы должны, однако, сказать, что она все-таки можетъ

имѣть нѣкоторое значеніе, правда, значеніе очень скромное, совсѣмъ не соотвѣтствующее притязательному заглавію, а именно: лицамъ, незнакомымъ спеціально съ источниками нашего законодательства, крайне затруднительно, въ случаѣ какихъ либо справокъ, находить нужные имъ законы въ полномъ собраніи законовъ. Для облегченія такихъ справокъ издаются особые сборники, въ которыхъ помѣщаются всѣ относящіеся къ данному предмету, напр., расколу и др., законы. Такое же значеніе можетъ имѣть и книга г. Нисселовича для исторіи фабрично-заводскаго законодательства. Къ сожалѣнію, г. Нисселовичъ умалилъ и это значеніе своей книги, въ 1-хъ, тѣмъ, что приводитъ законодательные акты не цѣликомъ и не буквально, а только въ выдержкахъ и большею частью въ своемъ изложеніи, а, во 2-хъ, тѣмъ, что не приложилъ къ книгѣ никакого указателя, которымъ облегчались бы справки.

Повѣсти и разсказы. *Б. М. Маркевича.* Выпускъ первый. Спб., 1883.

Въ наши смутные дни что̀ ни шагъ попадаются люди крайне страннаго типа. Въ общественной дѣятельсти своей, или въ печати, на виду, публично, они за «охранителей» себя выдаютъ, а, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ считаютъ. Тутъ они и за «непоколюбимость основъ» горою стоятъ, и «недовольныхъ» всѣхъ клеймятъ, да разносятъ, и оптимистами выказываются: все-де у насъ благополучно обстоитъ, а всѣ эти вопросы да недостатки—измышленіе измѣны, да крамолы. Но послушайте вы этихъ же самыхъ охранителей въ частномъ быту, въ интимной бесѣдѣ, заговорите-ка съ ними о людяхъ и дѣлахъ нашихъ, завзятый либералъ, и тотъ не съумѣетъ выискать и выказать такого количества мрачныхъ пятенъ, какое нагромоздитъ передъ вами этотъ мнимый охранитель. И все-то у насъ скверно, и всѣ-то у насъ глупы, и то-то не складно, и другое не хорошо—словомъ, хоть святыхъ вонъ неси. Въ простотѣ душевной, люди этого типа никакъ не могутъ привести въ соотвѣтствіе публичныхъ своихъ заявленій съ интимными взглядами; не могутъ отказаться или отъ казавого оптимизма, или же отъ домашняго критицизма. Не то, чтобъ они зря болтали, злословя въ тихомолку: нѣтъ, они дѣйствительно и явственно видятъ всѣ недостатки, и скрыть ихъ отъ себя и близкихъ—не въ силахъ. Но, подобно «вольтерьянцамъ» прошлаго вѣка, они думаютъ, что одни они могутъ и въ правѣ замѣчать прорѣхи современности, но что кричать объ этомъ на весь свѣтъ не подобаетъ: лишь избранные призваны судить о такихъ тайнахъ. Для толпы же, для большинства нужно скрывать истину. И вотъ почему они, сознавая прорѣхи, публично клянутся, что ихъ не существуетъ.

Мы вспомнили объ этомъ презабавномъ типѣ, просматривая «Повѣсти и разсказы» г. Маркевича. Авторъ этотъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу столповъ нашей охранительной литературы. Въ «серьёзныхъ» произведеніяхъ его пера, укра-

шающихъ страницы «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей», постоянно проповѣдывается самый что ни на есть неуступчивый и косный регрессъ, самомалѣйшія же поползновенія хулителей современности всегда выдаются за продуктъ коварной интриги. Но вотъ тотъ же писатель выступаетъ съ собраніемъ «бездѣлушекъ», повѣстей и разсказовъ, единой лишь забавы ради написанныхъ и изданныхъ. Въ нихъ о высшей политикѣ ни слова—здѣсь идетъ рѣчь о любовныхъ шалостяхъ, о проказахъ и казусахъ безразличныхъ съ возвышенной точки зрѣнія. Очевидно, это ужъ не публичная дѣятельность, а интимная бесѣда автора — да и всѣ разказы г. Маркевича ни дать, ни взять похожи на послѣобѣденную, безпретенціозную болтовню «по душѣ», межъ холостыми. Всмотритесь же въ мысли и взгляды разсказчика, и вы увидите, какая метаморфоза произошла въ нашемъ «охранительномъ» писателѣ, увидите, какъ мало похожъ онъ, съ тѣхъ поръ, какъ растегнулъ, послѣ сытаго обѣда, служебный свой вицмундиръ, на того суроваго формилиста, что̀ еще утромъ готовъ былъ «въ грррробъ заколотить» дерзновенныхъ хулителей поддерживаемой имъ современности...

Замѣтьте, г. Маркевичъ далекъ, охъ, какъ далекъ, отъ мысли—дать вольную волю своему языку: хоть и въ холостой компаніи, но онъ себѣ на умѣ, знаетъ, что слова его могутъ «подвергнуться превратнымъ толкованіямъ». Онъ старательно обходитъ опасныя мѣста рѣчи, и говоритъ только о безобидныхъ предметахъ. Но, тѣмъ не менѣе, его интимный взглядъ на вещи нѣтъ-нѣтъ, да и прорвется, незамѣтно для него самого. Онъ повѣствуетъ, напримѣръ, о жалкомъ положеніи чиновничка, по ошибкѣ вложившаго письмо къ камеліи въ конвертъ, предназначавшійся для добродѣтельной супруги его начальника. Ничего, какъ видите, противоохранительнаго нѣтъ въ помыслахъ разсказчика. Но въ пылу импровизаціи у него вырвется сознаніе, что рѣчь идетъ о начальникѣ одного изъ виднѣйшихъ петербургскихъ департаментовъ, что имъ вертитъ жена, фальшивѣйшее изъ созданій, какихъ только производилъ свѣтъ, что это не какая-нибудь почтовая чиновница, а женщина «заправляющая», что къ ней «государственные сановники заходятъ послѣ Совѣта», что ей «сто̀итъ только захотѣть, чтобы посадить своего протеже на какое хотите мѣсто, хотя бы даже туда, куда Калигула посадилъ своего коня (разумѣй—Сенатъ). Къ слову же, не внимая въ значеніе своихъ откровеній, г. Маркевичъ разскажетъ, что эта самая женщина является расточительницей тѣхъ мѣстъ, чиновъ, званій и отличій, которые въ глазахъ массы служатъ воздаяніемъ за государственныя заслуги. И въ концѣ-концовъ окажется, что все это раздавалось ею исключительно въ видахъ амурныхъ шашенъ. Тутъ же, въ нѣсколькихъ словахъ, г. Маркевичъ нарисуетъ вамъ начальника виднаго департамента чистопробнымъ идіотомъ, не могущимъ сообразить грубѣйшей изъ интригъ его жены... Даже говоря о какомъ-то важномъ дипломатѣ

г. Маркевичъ разскажетъ вамъ анекдотъ, выводящій этого дипломата достойнымъ собратомъ вышеназваннаго начальника виднаго департамента. Еще далѣе, въ рядѣ телеграммъ, онъ выставитъ непроходимую безтолковщину и несообразительность цѣлаго ряда администраторовъ, безъ разбора хватающихъ кого попало... Затѣмъ, разсказывая объ очень важной аристократкѣ-благотворительницѣ, покровительствующей какому-то пріюту, онъ выставитъ вамъ ее и алчною, и лгуньей, и глупою, а съ нею вмѣстѣ мазнетъ какого-то члена «Совѣта», состоящаго на побѣгушкахъ у желтоволосой и потертой француженки. Когда рѣчь перейдетъ къ дѣловому чиновнику, взысканному всѣми милостями неба, и шагающему къ самымъ высшимъ должностямъ, г. Маркевичъ покажетъ вамъ, путемъ какихъ низостей онъ всплылъ, и, не ограничиваясь этимъ, обнажитъ вамъ его черствое сердце, его бездушный эгоизмъ, его продажность и безусловное отсутствіе въ немъ всякихъ гражданскихъ и государственныхъ идеаловъ, стремленій, взглядовъ. Познакомившись, по галлереѣ портретовъ г. Маркевича, съ типами нашихъ департаментскихъ дѣятелей, крупныхъ и мелкихъ, невольно приходишь въ ужасъ при мысли — что, если какое-либо *мое* дѣло попадетъ когда-нибудь на обсужденіе и рѣшеніе этихъ людей! И единственное заключеніе, которое тогда приходитъ вамъ въ голову — это то, что надо «искать женщину», ту самую женщину, которая вертитъ этимъ міромъ и состоитъ въ шашняхъ съ его обитателями.

Мы отказываемся отъ задачи — подобрать въ книжкѣ г. Маркевича подобныя откровенности, очевидно срывающіяся у него съ языка—тамъ и сямъ—въ теченіи его безсодержательной болтовни о совершенно неинтересныхъ любовныхъ приключеніяхъ его героевъ. Достаточно было указать на нѣсколько образцовъ. Прибавимъ только, для полноты, что ни въ одномъ изъ двѣнадцати разсказовъ г. Маркевича, посвященныхъ, большею частью, описанію міра заповѣднаго для охранительныхъ сочинителей, даже и эпизодически не выведена ни одна сколько-нибудь свѣтлая личность, не выставлена ни единая симпатическая черта, на которой можно было бы остановиться съ участіемъ и понять, что хоть ради этой личности, хоть изъ-за этой черты авторъ можетъ искренно служить дѣлу излюбленнаго имъ міра. Напротивъ того, все, что̀ выводится имъ изъ этого міра, все, что̀ имъ о немъ высказывается, ужасомъ проникаетъ читателя. Въ довершеніе контраста слѣдуетъ замѣтить, что во всей книжкѣ съ безусловною симпатіею описана только одна личность изъ совершенно противуположнаго міра. Это—госпожа Змаичъ, въ разсказѣ «Свободная душа», молодая женщина «новой формаціи»... Какимъ образомъ могло случиться, что писатель несомнѣнно «охранительнаго направленія», въ цѣломъ рядѣ своихъ разсказовъ охаялъ и смѣшалъ съ грязью всѣхъ выводимыхъ имъ представителей охранительныхъ сферъ, а въ свѣтломъ видѣ выставилъ единственную

представительницу «новыхъ формацій»—этого объяснить мы не беремся.

Конечно, намъ пріятнѣе всего было бы объяснить такое непостижимое явленіе просто «безсознательнымъ творчествомъ» автора, въ которомъ инстинктъ художника взялъ верхъ надъ взглядами публициста. Но увы, такое объясненіе страдало бы явною натяжкой, потому что именно какъ художникъ г. Маркевичъ въ своей послѣдней книжкѣ ниже всякой критики. Очень можетъ быть, что большинству читающей публики его «Повѣсти и разсказы» покажутся, какъ показались уже какому-то невзыскательному рецензенту, и оригинальными, и бойкими. Но мы далеки отъ такой оцѣнки. Книжка г. Маркевича кажется намъ, съ точки зрѣнія литературной, вопіющею продѣлкою. Авторъ неряшливо и неумѣло поддѣлался подъ тонъ и манеру французскихъ разсказчиковъ школы журнала «La vie parisienne», изъ очерковъ которыхъ заимствованы имъ даже и фабулы нѣкоторыхъ его разсказовъ. Но какъ ни силился г. Маркевичъ, онъ далеко все-таки отсталъ отъ прототиповъ своихъ, Катрэля и О'Монруа. Онъ даже и съ Пьеромъ Вероном сравниться не смогъ, хоть и похитилъ у него заѣзженную этимъ балагуромъ форму повѣствованія посредствомъ подбора телеграммъ. Вообще, независимо отъ рабскаго подражанія формѣ французскихъ разсказчиковъ, «Повѣсти и разсказы» г. Маркевича страдаютъ еще, по существу, новоображаемою анекдотичностью содержанія, лишающаго ихъ всякаго литературнаго значенія. Еслибы г. Маркевичъ вникъ поглубже въ манеру писанія тѣхъ, кому подражалъ, онъ понялъ бы, можетъ быть, что французскіе разсказчики умѣютъ зачастую придать даже и наикурьёзнѣйшему изъ повѣствуемыхъ ими анекдотовъ какой нибудь общій или типичный характеръ, безъ чего писанье выходило бы у нихъ, какъ вышло у г. Маркевича, нетолько безсодержательнымъ, но и безцѣльнымъ...

Современная критика и причины ея упадка. Этюдъ *Е. Каро,* члена французской академіи. Переводъ съ французскаго *И. В. Майнова.* Москва, 1883.

Подъ этимъ громкимъ заглавіемъ издана брошюрка въ 36 страницъ разгонистой печати, изъ которыхъ, въ добавокъ едва ли не половина посвящена вовсе не современной критикѣ и не уясненію причинъ ея паденія, а спору о пригодности новыхъ програмъ высшаго образованія во Франціи. Въ какихъ видахъ переведена на русскій языкъ эта брошюрка, зачѣмъ и для кого она издана, извѣстно аллаху. Е. Каро, пріобрѣвшій себѣ во Франціи нѣкоторую извѣстность запоздалою популяризаціею идей гегелевской философіи, отличается, какъ мыслитель, поверхностностью взглядовъ, граничащею съ истиннымъ легкомысліемъ. Къ тому же взгляды его считаются отсталыми даже въ томъ самомъ кружкѣ доктринеровъ, который, располагая большинствомъ голосовъ во французской академіи, вытягиваетъ за уши въ число «безсмертныхъ» чуть-ли не всѣхъ сотрудниковъ «Journal des

Débats» и Revue des Deux Mondes. Даже по мнѣнію этого кружка, обладающаго такимъ «передовымъ» мыслителемъ, какъ Тэнъ, Каро принадлежитъ къ числу отсталыхъ философовъ. Для насъ же, извѣдавшихъ сущность его міровоззрѣній еще въ сороковыхъ годахъ, и уже двадцать лѣтъ тому назадъ отшатнувшихся отъ соотвѣтствующаго ему г. Н. Страхова, идеи и взгляды Каро являются просто анахронизмомъ. Это однакожъ не помѣшало г. Майнову перевести и издать брошюру Каро о «Современной критикѣ», какъ не помѣшало г. Мокіевскому издать переводъ другого несравненно болѣе обширнаго сочиненія того же автора «Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ: Леонарди, Шопенгауэръ, Гартманъ» (Москва, 1883 г.).

Разбирать подробно «Современную Критику» Каро—не стоитъ, просто потому, что разбирать въ ней нечего. Это не болѣе, какъ бездарная газетная статейка, написанная на ту тему, будто теперь никто «критикъ» серьёзныхъ не пишетъ, и потому литературной дѣятельности грозитъ опасность отъ перерожденія современной печати въ рекламу и репортерство. Ни яснаго указанія на то, чѣмъ именно должна быть литературная «критика», ни уясненія причинъ ея прежняго вліянія и современнаго упадка, ни очерка средствъ къ поднятію ея уровня и значенія, статейка Каро, разумѣется, не даетъ. «Самый очевидный фактъ, поражающій своею негодностью, это то, что въ настоящее время не существуетъ критиковъ», вѣщаетъ онъ на 6-ой страницѣ своей статейки. Вы ждете отъ мыслителя серьёзнаго анализа этого факта. Но мыслитель уже забылъ, что̀ сболтнулъ, и ровно десятью строчками ниже, на той же 6-ой страницѣ, онъ невозмутимо вѣщаетъ вотъ что: «ошибочно думаютъ, что теперь критиковъ нѣтъ; напротивъ, они еще существуютъ и между ними есть превосходные». Также точно, на стр. 20 онъ скажетъ: въ «концѣ концовъ, общество всегда имѣетъ ту прессу, которой оно достойно» и тутъ же прибавитъ «никогда, ни въ какую эпоху *избранная* публика не была болѣе холодна и равнодушна къ высокимъ произведеніямъ ума»; о толпѣ, значитъ, и говорить нечего. Но это нисколько не помѣшаетъ ему на 35 стр. распространяться, что «настоящая публика» и читаетъ, и поддерживаетъ серьёзныхъ писателей... Разберитесь въ этихъ противорѣчіяхъ.

Для насъ, русскихъ читателей, сѣтованія Каро на жалкое состояніе французской критики не имѣютъ ни малѣйшаго интереса. Наша литературная критика находится вовсе не въ такихъ условіяхъ, какія охарактеризованы въ брошюрѣ Каро. И хотя г. Боборыкинъ, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ статейки этого «мыслителя», и выступилъ въ нашей печати съ діатрибами противъ признаковъ упадка нашей критики, но это нисколько не доказываетъ примѣнимости къ намъ іеремiадъ Каро. Но, обобщая и идеализируя замѣчанія Каро, можно свести ихъ къ тому общему выводу, что масса современной читающей публики предпочитаетъ слѣдить за газетами, да политическими преніями

чѣмъ упиваться художественными прелестями «высокихъ произведеній ума», да съ напряженнымъ вниманіемъ вникать въ критическую оцѣнку достоинствъ или недостатковъ этихъ произведеній. Но даже и въ этой формѣ мысль Каро не вѣрна. Пусть укажутъ—какое это дѣйствительно художественное произведеніе, будь оно даже и вовсе отвлеченное отъ всяческихъ вопросовъ жизни, прошло безслѣдно и не было замѣчено современною публикою, не имѣло успѣха, соотвѣтствующаго успѣху лучшихъ литературныхъ произведеній прежнихъ періодовъ? Современная публика, а съ нею и критика, равнодушна вовсе не къ «высокимъ произведеніямъ ума», а къ претенціознымъ и доктринернымъ сочиненіямъ, въ которыхъ также мало «ума», какъ и «художества». Такія сочиненія, будь они нашпигованы хоть политикою или современною тенденціею, дѣйствительно гибнутъ «въ непосильной борьбѣ съ равнодушіемъ публики», и критикѣ совершенно незачѣмъ ломать тутъ копье. Когда же является сочиненіе, отмѣченное печатью ума, то какова-бы ни была его тенденція, она привлекаетъ къ себѣ вниманіе публики, а слѣдовательно и критики, и тогда читатели одинаково жадно набрасываются какъ на самое произведеніе, такъ и на его критическій разборъ. По поводу увѣреній Каро, о томъ будто теперь никто не читаетъ и не пишетъ критическихъ статей о литературныхъ произведеніяхъ, мы спросимъ, напримѣръ, когда это въ предшествующіе литературные періоды критическія статьи Сентъ-Бёва или Планша читались съ такою жадностью или имѣли такое вліяніе, какое выпало на долю разбора Шарлемъ Флокэ извѣстнаго романа Зола «Assomoir»? Критики пятидесятыхъ годовъ имѣли успѣхъ потому, что писали о предметахъ, наиболѣе интересовавшихъ читателей ихъ эпохи, и затрогивали наиболѣе чувствительныя струнки ума и сердца своей публики. Тѣ изъ современныхъ критиковъ, которые слѣдуютъ этому правилу, имѣютъ и теперь успѣхъ и вліяніе на современныхъ читателей. Но имѣются и другіе «критики», повторяющіе зады Планшей и Вильменовъ и полагающіе, что современную публику, имѣющую иные интересы и болячки, чѣмъ публика пятидесятыхъ годовъ, можно удовлетворять пережевываньемъ идей и впечатлѣній нашихъ отцовъ. Удивительно не то, что современная публика равнодушна къ подобнымъ критикамъ, а то лишь, что люди, мнящіе себя «серьёзными мыслителями», не могутъ взять въ толкъ такихъ простыхъ вещей. Лишь двадцать лѣтъ спустя въ состояніи будутъ они понять, что и въ наши дни имѣлась во Франціи вліятельная литературная критика, отвѣчавшая вполнѣ потребностямъ современнаго общества, точно также, какъ критика пятидесятыхъ годовъ соотвѣтствовала нуждамъ и духу своего времени.

Въ заключеніе замѣтимъ, что точь въ точь такія же обвиненія, какія возводитъ Каро на современную критику, тыча ей образцомъ Густава Планша, высказывались еще въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ именно противъ Густава Планша, которому

въ образецъ ставился тогда Низаръ... Впрочемъ, «это старая исторія, вѣчно остающаяся новою».

Исторія XIX вѣка. Директорія. Т. I. Происхожденіе Бонапарте. Соч. *Мишле.* Переводъ *М. Цебриковой.* Спб. 1883.

Историческія сочиненія Мишле имѣютъ несомнѣнную цѣнность для всякаго интересующагося современною исторіею. Въ нихъ кишмя кишитъ великое множество проблесковъ сильнаго таланта: масса яркихъ характеристикъ, остроумныхъ догадокъ, смѣлыхъ обобщеній и сближеній, плодотворныхъ гипотезъ и даже новыхъ фактическихъ данныхъ. Къ сожалѣнію, всѣми этими сокровищами пользоваться можетъ лишь тотъ, кто основательно знакомъ съ описываемою у Мишле эпохою, и только для такого знатока сочиненія Мишле и интересны, и необходимы. Мишле вообще крайне неразборчивъ въ оцѣнкѣ фактовъ и сужденій своихъ; въ немъ блещетъ полное почти отсутствіе критическаго отношенія къ своему дѣлу. Каждая его книга—не монографія, не историческій трудъ, представляющій добросовѣстный и разумно, критически разобранный сводъ нашихъ знаній о выбранномъ предметѣ, а болѣе или менѣе безпорядочный сборъ то интересныхъ, то безцвѣтныхъ, то глубокомысленныхъ, то беззубыхъ бутадъ умнаго и начитаннаго человѣка, съ одинаковою важностью болтающаго объ историческихъ событіяхъ и о подробностяхъ своей частной жизни. Историкъ, конечно, не посѣтуетъ за это на Мишле, потому что знаетъ самъ, что̀ цѣнно и что̀ вздорно въ его бесѣдѣ, что̀ достовѣрно, доказано, несомнѣнно и что̀ составляетъ плодъ натяжки, что̀ сказано ради краснаго словца или въ пылу разгоряченной фантазіи. Но какъ прикажете вы справиться съ такимъ безпорядочнымъ матеріаломъ обыкновенному читателю, да еще и русскому, который о предметѣ, описываемомъ у Мишле, не имѣетъ даже и простыхъ, элементарныхъ понятій, тѣхъ самыхъ, которыя иностранные читатели выносятъ еще изъ гимназій, гдѣ преподаваніе исторіи доводится до изложенія событій нашихъ дней? Можетъ ли у такого читателя остаться въ головѣ, по прочтеніи такой книги, что-нибудь, кромѣ сумбура и путаницы въ понятіи о дѣлахъ и людяхъ данной эпохи?

Мы удивляемся, поэтому, выбору г-жи Цебриковой, остановившейся на книгѣ Мишле для ознакомленія русской публики съ одною изъ любопытнѣйшихъ эпохъ современной исторіи, съ паденіемъ великой республики и зарожденіемъ военной диктатуры Бонапарте. Безъ сомнѣнія, г-жа Цебрикова введена была въ заблужденіе попыткою Мишле объяснить смыслъ этого явленія вліяніемъ экономическихъ причинъ и доктринъ. Но во французской исторической литературѣ имѣются сочиненія, дающія точь въ точь такое же объясненіе, но несравненно основательнѣе и глубже, чѣмъ у Мишле. Между историческими сочиненіями Луи Блана, Авенеля, Комба и цѣлаго десятка такихъ же изслѣдователей революціи можно было сдѣлать выборъ поудачнѣе.

Скажутъ, пожалуй: названные вами писатели—односторонніе

апологисты каждый отдѣльнаго направленія или отдѣльной личности. Если это и вѣрно, то не менѣе справедливо и то, что не болѣе же односторонни они, чѣмъ Мишле, который, напримѣръ, Робеспьера только буйнымъ злодѣемъ выводитъ... Впрочемъ, чѣмъ разсуждать на тэму, почему переведена эта книга, а не другая, посмотримъ поближе на ту, которая переведена, да на то еще, какъ она переведена.

Мишле—какъ и большинство французскихъ писателей современной ему романтической школы—застылъ на манерѣ Виктора Гюго всюду искать антитезъ, разительныхъ, яркихъ противупоставленій. «Одинъ изъ наиболѣе важныхъ и наименѣе замѣченныхъ фактовъ нашего времени тотъ, что ходъ времени совершенно измѣнился», говоритъ онъ въ началѣ своего предисловія. Онъ просто хочетъ сказать, что теперь исторія шагаетъ быстрѣе, чѣмъ прежде, фактъ вовсе не изъ «наиболѣе важныхъ» и ужь во всякомъ случаѣ нисколько не изъ «наименѣе замѣченныхъ», ибо это извѣстно со временъ Вольтера и Кондорсе чуть ли не каждому школьнику. Но фраза красивая. Заговоривъ о Бабёфѣ, Мишле не преминетъ сказать, что «Бабёфъ былъ уроженцемъ полосы, которую я называю югомъ сѣвера—Пикардіи», и что «населеніе Пикардіи—очень доброе; кто когда превзошелъ въ добротѣ, милосердіи и состраданіи женщинъ Пикардіи?» Отчего Пикардія есть «югъ сѣвера», а не «сѣверъ юга» или не «востокъ запада»—это единому Богу извѣстно, но каково историку серьёзному объяснять характеръ Бабёфа его добротою и жалостливостью (стр. 28), приданными ему его родной Пикардіей, когда этому историку извѣстно, что таже самая Пикардія произвела и Кальвина, которому никто, конечно, не припишетъ ни доброты, ни милосердія, ни состраданія, ни жалостливости. Заговоривъ о Сенъ-Симонѣ, объ его аферахъ и кутежахъ, Мишле замѣчаетъ: «Въ этой головѣ надъ дѣлами и женщинами первенствовала идея. И дѣла, и женщины были, очевидно, для него матеріаломъ для наблюденій, для смѣлыхъ опытовъ». Тутъ и мысль совершенно правильная, и фраза красивая (конечно, не въ переводѣ); но пусть кто-нибудь отвѣтитъ намъ, догадается ли русскій читатель по этому отзыву или и по всѣмъ прочимъ отзывамъ Мишле о Сенъ-Симонѣ, что рѣчь идетъ о мыслителѣ, впервые опредѣлившемъ силу и значеніе индустріализма и положившемъ основаніе доктрины женской эмансипаціи?

Отзывы Мишле о Фурье не болѣе этого глубоки. По нимъ только еле-еле можно догадаться, что этотъ человѣкъ впервые внесъ въ науку идею объ ассоціаціи, о соединенномъ трудѣ. Наврядъ ли такими характеристиками главныхъ творцовъ новыхъ экономическихъ воззрѣній нашего времени можно будетъ уяснить для кого-нибудь ту идею, выраженіе которой г-жа Цебрикова, по всей вѣроятности, считаетъ выдающеюся заслугою труда Мишле...

О достоинствѣ перевода г-жи Цебриковой лучшее понятіе мо-

гутъ дать выписки изъ разныхъ мѣстъ книги. «Моя точка зрѣнія въ отношеніи Германіи была братской»... «Мой семидесятидвухлѣтній возрастъ не позволялъ мнѣ быть тѣмъ сильнымъ голосомъ, который былъ нуженъ Франціи»... «Если сжигали центръ *части* (? въ подлинникѣ, котораго у насъ нѣтъ подъ рукою, вѣроятно, стояло слово patrie, отечество, а не partie часть) — ратушу»... «Странное, не легко понятное совпаденіе то, что онъ видѣлъ, какъ независимо отъ арміи пошла къ нему нація». Вотъ еще цѣлая фраза, отъ одной красной строки до другой: «Собраніе, враждебное якобинцамъ, расположенное требовать отчета у царившихъ комитетовъ, которые, убивъ Робеспьера, надѣялись продолжать его» (51).

Для характеристики перевода вполнѣ достаточно и этихъ фразъ, хотя въ книгѣ имѣются перлы и покрупнѣе. Очевидно, г-жа Цебрикова переводитъ слово въ слово, ставя на мѣсто каждаго французскаго слова фразы Мишле, соотвѣтствующее русское слово. Такая рабская вѣрность перевода, быть можетъ, и свидѣтельствуетъ о безусловной добросовѣстности г-жи Цебриковой, какъ переводчицы, но русскому уху отъ этой добросовѣстности не поздоровится, да и успѣху переведенной книги тоже.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Т. VII, вып. III. Москва. 1883 г.

Настоящимъ выпускомъ «Сборника» московскаго земства заканчиваются работы по описанію промысловъ Московской губерніи. Въ этотъ выпускъ вошли очерки кустарнаго ткачества въ губерніи и мелкой промышленности уѣздныхъ городовъ и посадовъ и сводныя таблицы по всѣмъ неземледѣльческимъ промысламъ крестьянъ Московской губерніи. Оставляя въ сторонѣ первые спеціальные очерки, обладающіе обычными достоинствами и недостатками, свойственными всѣмъ работамъ московскихъ статистиковъ по изслѣдованію промысловъ, мы обратимся къ сводным таблицамъ и остановимся на тѣхъ поучительныхъ выводахъ, которые представляютъ эти таблицы.

Оказывается, что всѣхъ крестьянъ работниковъ мужескаго пола Московской губерніи, занятыхъ не земледѣльческими промыслами (мѣстными, отхожими и фабричными) насчитывается до 210,000 человѣкъ. Такъ какъ всѣхъ семей числится до 199,360, то, значитъ, каждая семья поставляетъ болѣе, чѣмъ по одному промысловому рабочему. Всѣхъ работниковъ мужскаго пола (отъ 18 до 60 лѣтъ) считается въ Московской губерніи 279,000, слѣдовательно, около 80% всѣхъ работниковъ занимаются—постоянно или временно — какимъ-либо неземледѣльческимъ промысломъ. Эти цифры крайне любопытны и ярко обрисовываютъ промышленный характеръ Московской губерніи. Дѣйствительно, изъ общей суммы доходовъ крестьянъ Московской губерніи, доходы отъ земледѣлія оцѣниваются лишь въ 19 милліоновъ, тогда какъ заработки отъ всякаго рода промысловъ достигаютъ 23 милліоновъ.

Не менѣе любопытные выводы получатся, если мы сравнимъ цифры, касающіяся отдѣльныхъ видовъ промысловъ. Изъ общаго числа работниковъ, занятыхъ неземледѣльческими промыслами (мужскаго и женскаго пола — 284,598), на долю кустарной промышленности (мѣстной и отхожей) приходится 180,509 человѣкъ, на долю промысловъ, не имѣющихъ цѣлью приготовленіе товаровъ (чернорабочіе, извозъ, торговля и личныя услуги) — 63,626 и, наконецъ, на фабрикахъ и заводахъ работаютъ 40,463 крестьянина Московской губерніи. Переводя эти цифры въ проценты, найдемъ, что изъ общаго числа промысловыхъ рабочихъ, крестьянъ Московской губерніи, кустари составляютъ 63%, промысловые рабочіе второй категоріи—22% и фабрично-заводскіе рабочіе—всего 15%. Обращаясь къ заработкамъ, доставляемымъ крестьянами губерніи разными видами промысловъ, мы найдемъ, что въ то время, какъ земледѣліе приноситъ крестьянамъ 19 милліоновъ рублей, кустарные промыслы доставляютъ 11, 551, 350 руб., промыслы второй категоріи — 6,563,000 и работа на фабрикахъ и заводахъ—всего 4,856,000. Эти цифры наглядно показываютъ, какое значеніе имѣютъ для населенія Московской губерніи разные виды промышленности и получаютъ еще большую рельефность по переведеніи ихъ въ проценты. Именно земледѣліе доставляетъ 45% общей суммы доходовъ московскихъ крестьянъ, кустарные промыслы — 27%, промыслы второй категоріи—15% и фабрики и заводы—лишь 13%.

Всѣ эти выводы крайне важны. Они указываютъ настоящее мѣсто всѣмъ факторамъ нашей экономической жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляютъ политику, которой слѣдуетъ держаться по отношенію къ этимъ факторамъ. Когда ведущіяся въ настоящее время во многихъ губерніяхъ статистическія работы приведутъ къ такимъ же законченнымъ выводамъ, какіе мы имѣемъ теперь для Московской губерніи, тогда мы будемъ имѣть полное и ясное, вполнѣ согласное съ дѣйствительностью, понятіе объ экономическомъ положеніи Россіи и его будущемъ.

Но, придавая такое важное значеніе вообще статистическимъ работамъ, предпринятымъ нашими земствами, и въ частности изданіямъ Московскаго губернскаго земства, мы должны оговориться, что значеніе этихъ работъ, къ сожалѣнію, имѣетъ пока только исключительно теоретическій характеръ. Лицъ, ждущихъ отъ нихъ какихъ-либо практическихъ послѣдствій, пока ничто еще не убѣдило въ основательности ихъ надеждъ, а впереди, можетъ быть, ждутъ и еще болѣе горькія разочарованія, могущія сдѣлать всю ихъ работу безплодной. Въ самомъ дѣлѣ, московскіе статистики ведутъ изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ уже болѣе шести лѣтъ. За это время обслѣдованы до мельчайшихъ подробностей всѣ промыслы Московской губерніи, приведены въ извѣстность всѣ наличные кустари, выяснено ихъ положеніе, указаны ихъ нужды и потребности. Изъ всесторонняго изслѣдованія вытекаетъ потребность цѣлаго ряда мѣръ, направ-

ленныхъ на распространеніе среди кустарей техническихъ знаній, устройство кустарямъ кредита, организацію учрежденій, имѣющихъ задачей улучшить способы пріобрѣтенія кустарями сырья и сбыта произведеній и т. д. Между тѣмъ, все это остается пока только въ области однихъ благочестивыхъ пожеланій. Чтобы идея о необходимости оказать поддержку кустарю вошла въ жизнь, кажется, нужно много и очень много времени, и когда, наконецъ, въ очень отдаленномъ будущемъ, это случится и будетъ приступлено къ осуществленію вышеуказанныхъ мѣръ, то дѣйствительная жизнь на столько измѣнится, что собранныя московскими статистиками сдѣдѣнія о кустарной промышленности устарѣютъ и нужны будутъ новыя изслѣдованія.

Въ заключеніе одно замѣчаніе, касающееся самаго способа статистическихъ работъ московскаго земства. При началѣ изслѣдованія кустарныхъ промысловъ, очевидно, не было выработано точнаго представленія о томъ, что̀ такое кустарь. Отсюда получились крейне нежелательные результаты. Просматривая въ настоящемъ выпускѣ «Сборника» сводныя таблицы по всѣмъ промысламъ, мы встрѣчаемъ промыслы, въ которыхъ въ среднемъ выводѣ на каждую кустарную единицу приходится отъ 10 до 14 рабочихъ. Здѣсь возможны три случая: или кустари соединены въ артели и работаютъ сообща, или, работая каждый за свой страхъ, они только соединяются въ одномъ зданіи, собственникъ котораго промышляетъ, давая отдѣльнымъ самостоятельнымъ кустарямъ пріютъ въ своей «свѣтелкѣ», или, наконецъ, производство имѣетъ капиталистическій характеръ и такъ-называемая «кустарная единица» представляетъ собою мастерскую съ наемными рабочими. Изъ предшествующихъ работъ московскихъ статистиковъ мы знаемъ, что первый случай, т. е. артельное производство, почти не встрѣчается среди кустарей; второй случай бываетъ, но не часто; большинство же «кустарныхъ заведеній» съ значительнымъ количествомъ рабочихъ принадлежитъ именно къ третьему случаю. Это небольшія фабрики или мануфактурныя заведенія со всѣми признаками и свойствами капиталистическихъ предпріятій и рѣзко отличаются отъ дѣйствительно кустарныхъ промышленныхъ единицъ. Почему эти капиталистическія заведенія попали въ число кустарныхъ, а ихъ хозяева, мелкіе фабриканты и работающіе на нихъ наемные рабочіе—въ число кустарей, это можно объяснить только именно неясностью представленія о сущности кустарной промышленности. Между тѣмъ обороты этихъ фабрикъ и мануфактуръ увеличиваютъ сумму оборотовъ вообще кустарной промышленности, и такимъ образомъ получаются неправильные выводы.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивые государи!

Позвольте предложить вамъ нѣсколько мыслей объ томъ, чего въ нашей литературѣ нѣтъ и быть не можетъ и что, однако, могло и должно бы было быть...

Мнѣ говорятъ: зачѣмъ вы возитесь съ пустяками, въ родѣ похода г. Боборыкина? неужто ничего болѣе занимательнаго и достойнаго разговора не нашлось? Вѣдь за всѣми вздорами не угоняться, да и не стоятъ они того...

Справедливо, хотя и не вполнѣ...

Вздоръ, даже самый полный, самый чистый, самый безусловный вздоръ есть все-таки нѣчто относительное въ томъ смыслѣ, что можетъ при извѣстныхъ условіяхъ оказаться оскорбительнымъ, возмутительнымъ, если не вреднымъ. Представьте себѣ человѣка, громко, съ апломбомъ провозглашающаго, что дважды два—стеариновая свѣчка. Вздоръ это въ полномъ размѣрѣ, но если обстоятельства времени и мѣста представляютъ нѣкоторые шансы успѣха этой дикой пропагандѣ... Да даже если никакихъ шансовъ она не имѣетъ, такъ ужь одно ея появленіе, сопровождаемое помпой и апломбомъ, способно возмутить людей, знающихъ, какъ дорого стоили человѣчеству начатки просвѣщенія. Г. Боборыкинъ посягнулъ, конечно, не въ буквальномъ смыслѣ на таблицу умноженія, но около того все-таки. Припомните, сколько битвъ произошло на поляхъ россійской литературы изъ-за того самаго вопроса, который съ легкостью почти военнаго человѣка оттрепалъ г. Боборыкинъ въ своемъ «этюдѣ». И не чернилопролитныя только были эти битвы. Нѣтъ, въ нихъ живая душа вкладывалась, въ нихъ слышался откликъ запросовъ настоящей, живой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о задачахъ искуства вообще и беллетристики въ особенности съ наибольшею горячностью дебатировался въ нашей литературѣ въ то достопамятное время, когда порывалась и, наконецъ, порвалась «цѣпь великая» крѣпостного права. Обсуждался онъ не одиноко, а въ непосредственной внутренней связи со множествомъ другихъ вопросовъ, теоретическихъ и практическихъ, возникавшихъ и разрѣшавшихся на общей почвѣ. Этою общею почвою были новыя, рѣзко измѣнившіяся условія жизни, въ примѣненіи къ

которымъ надлежало пересмотрѣть всѣ параграфы старой правды или якобы правды, покоившейся на барствѣ и рабствѣ. Были, конечно, ошибки и увлеченія въ этой работѣ почти внезапно разбуженныхъ чести и совѣсти. Но важно то, что это была цѣльная работа, что она не ограничивалась анализомъ, а имѣла и синтетическій характеръ. Всѣ части новаго міросозерцанія были другъ съ другомъ согласованы или, по крайней мѣрѣ, стремились къ согласованію. Вотъ почему и вопросъ о задачахъ искуства, казалось бы, совсѣмъ спеціальный и не имѣющій самъ по себѣ непосредственныхъ отношеній къ разнымъ злобамъ дня, сталъ у насъ однимъ изъ яблоковъ житейскаго, почти политическаго раздора. Съ одной стороны, искуству ставилось въ обязанность служеніе чистой красотѣ, а, слѣдовательно, подъ видомъ самодовлѣющаго эстетическаго наслажденія, интересамъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые эту чистую красоту могутъ оплачивать, не получая вмѣстѣ съ красотой никакихъ нравственныхъ уроковъ, а тѣмъ паче упрековъ. Съ другой стороны, отъ искуства, во имя общихъ началъ новой правды, требовалось служеніе жизни во всемъ ея объемѣ; отвлеченная категорія красоты признавалась чѣмъ-то барскимъ, а служеніе ей—рабскимъ. Кромѣ этихъ прямо практическихъ корней раздора, но не независимо отъ нихъ, онъ питался и столкновеніями въ чисто теоретическихъ сферахъ, въ области метафизики или борьбы съ нею.

Много ума, чувства, энергіи было потрачено на эти битвы по вопросу о задачахъ искуства, и, каковъ бы ни былъ результатъ, къ которому вы на этотъ счетъ пришли, васъ должна возмутить легкость почти военнаго человѣка, треплющаго то, на что потрачено столько усилій. Думаю, что на такое трепаніе должны недружелюбно смотрѣть нетолько противники, а и защитники такъ называемаго чистаго искуства. Потому что какая же это защита? Это такъ что-то въ родѣ ничего, и даже весьма компрометирующаго ничего.

Я согласенъ, однако, что при иныхъ, болѣе благопріятныхъ для литературы условіяхъ, можно было бы довольно спокойно пройти мимо «этюда» г. Боборыкина или, что тоже, его пропустить мимо ушей. Это, впрочемъ, вѣроятно и случилось съ этюдами г. Боборыкина на ту же тему, потому что онъ упоминаетъ, что, дескать, тогда-то и тогда-то я уже излагалъ самыя мысли, но меня «замолчали». Онъ думаетъ, что это отъ чрезвычайной побѣдоносности его аргументаціи... Ну, и чудесно...

Такъ вотъ, говорю, еслибы литература стояла въ менѣе печальныхъ условіяхъ, еслибы въ ней было все, что можно и должно въ ней быть, то якобы научнымъ размышленіямъ г. Боборыкина можно бы было предоставить безданно и безпошлинно гулять по бѣлому свѣту и заняться чѣмъ-нибудь болѣе любопытнымъ. Но въ томъ-то и бѣда, что въ литературѣ нѣтъ и не можетъ быть многаго, что могло бы и должно бы было быть. Ужасно, истинно ужасно многаго...

Г. Боборыкинъ находитъ, что недостаетъ чисто художественной критики. Да, ея нѣтъ и — «не жди, не будетъ». Нѣтъ, потому что нѣтъ чисто художественной беллетристики. Повторяю, художественная оцѣнка произведеній хоть бы г. Боборыкина была бы просто смѣшна и свидѣтельствовала бы только, что критикъ не умѣетъ различать въ разбираемомъ произведеніи важное и неважное, существенное и побочное. И г. Боборыкинъ вовсе не одинъ находится въ такомъ положеніи. Я упоминалъ въ прошлый разъ о романахъ гг. Лѣтнева и Зависѣцкаго; возьмите романы гг. Авсѣнко, Маркевича, Орловскаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ», возьмите наконецъ разсказъ г. Григоровича «Гуттаперчевый мальчикъ», который недавно одинъ критикъ пытался превратить въ чисто художественное произведеніе и дать ему соотвѣтственную оцѣнку. Я не отрицаю художественныхъ красотъ «Гуттаперчеваго мальчика», хотя надо признаться, что эти красоты не ахти какихъ размѣровъ; но дѣло въ томъ, что это все пока разсказъ тенденціозный, проникнутый «пагубною моралью». Можно говорить, что тенденція его хороша въ нравственномъ смыслѣ, хотя и грубовато подчеркнута и азбучна по своему содержанію, но отрицать ее и видѣть въ «Гуттаперчевомъ мальчикѣ» нѣкоторый перлъ чистаго искуства смѣшно или недобросовѣстно. Что̀ бы ни говорили г. Боборыкинъ и прочіе, но «тенденція», «пагубная мораль» навсегда завоевали себѣ мѣсто въ беллетристикѣ, и трезвые люди должны не объ томъ думать, чтобы изгнать ихъ оттуда — это донкихотовское предпріятіе—а объ томъ, чтобы регулировать ихъ вліяніе, опредѣлить ихъ мѣсто рядомъ съ художественнымъ элементомъ. Практически, тенденціи и пагубной морали грозятъ не набѣги гг. Боборыкиныхъ, а совсѣмъ другія обстоятельства.

Есть у насъ писатель, Н. С. Лѣсковъ. Когда-то, подъ псевдонимомъ Стебницкаго, онъ занимался беллетристическимъ изобличеніемъ разныхъ «измовъ», но потомъ оставилъ эту тему и перешелъ къ изображенію, иногда очень талантливому, быта нашего духовенства. За самое послѣднее время г. Лѣсковъ заставилъ о себѣ говорить двумя письмами въ редакціи газеты «Новости» и «Газеты Гатцука». Въ первомъ письмѣ онъ излагалъ, почему онъ уволенъ безъ прошенія, по знаменитому третьему пункту, отъ службы въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія: начальство нашло его литературныя занятія несовмѣстными съ государственною службою и предложило или падать въ отставку, или бросить литературу; г. Лѣсковъ не согласился ни на то, ни на другое и потому былъ уволенъ безъ прошенія. Второе письмо — въ редакцію «Газеты Гатцука» — интереснѣе. Потому интереснѣе, что поводомъ къ нему послужилъ не случайный какой-нибудь острый эпизодъ изъ жизни русскаго писателя, а общая и хроническая болѣзнь всей русской литературы. Вотъ это письмо цѣликомъ.

«Къ прискорбію для себя и къ очевидной досадѣ редакціи, а,

можетъ быть, и для нѣкоторыхъ читателей, я долженъ отказаться продолжать печатаніе начатого у васъ романа «Соколій Перелетъ». Я сознаю всю неловкость этого отказа, но не могу поступить иначе. Романъ этотъ начатъ писаніемъ давно, болѣе двухъ лѣтъ назадъ, при обстоятельствахъ, которыя для печати весьма разнятся отъ нынѣшнихъ. Въ романѣ я хотѣлъ изобразить «перелетъ» отъ идей, отмѣченныхъ мною двадцать лѣтъ назадъ въ романѣ «Некуда», къ идеямъ новѣйшаго времени. Въ романѣ «Соколій Перелетъ» также должны были выступить на свѣтъ и многія изъ лицъ, извѣстныхъ публикѣ по роману «Некуда», который въ одной изъ критическихъ замѣтокъ г-на П. Щ. былъ названъ «пророческимъ». Во многомъ, дѣйствительно, намѣченное въ томъ романѣ совершилось какъ по писанному. Каковъ бы показался въ этомъ общественномъ значеніи романъ «Соколій Перелетъ», я не знаю, но хорошо знаю, что онъ не пошелъ бы въ тонъ нынѣшнему взгляду на литературу, и во что бы то ни стало я останавливаюсь. Останавливаюсь просто потому, что, вѣрно или невѣрно, я нахожу эту пору совершенно неудобною для общественнаго романа, написаннаго правдиво, какъ я стараюсь, по крайней мѣрѣ, писать, не подчиняясь ни партійнымъ, никакимъ другимъ давленіямъ.

«Приношу этимъ письмомъ мою повинную редакціи и всѣмъ подписчикамъ газеты.

«Взамѣнъ этого романа, я напишу вамъ и сообщу въ нынѣшнемъ же году для напечатанія романъ чисто бытового характера, на мотивъ всегда удобныхъ для разработки положеній: «влюбился и женился», или «влюбился и застрѣлился».

«Конечно, я употреблю все отъ меня зависящее, чтобы обмѣнъ этотъ не былъ для вашихъ подписчиковъ невыгоденъ и постараюсь дать интересное чтеніе».

Я не знаю «Сокольяго Перелета», но знаю «Нѐкуда». Этотъ романъ представляетъ отчасти фотографію, отчасти пасквиль и насквозь проникнутъ тою обличительною тенденціею, которою нынѣ блещутъ романы «Русскаго Вѣстника» и которая въ ту пору была еще новинкой. Г. Лѣсковъ и нынѣ, двадцать лѣтъ спустя, нетолько не отказывается отъ своего романа, но гордится имъ и былъ намѣренъ обогатить сокровищницу печатнаго русскаго слова его продолженіемъ. Тѣмъ поучительнѣе теперешній отказъ его отъ этого намѣренія, отказъ публичный, торжественный. Авторъ «Некуда» находитъ, что, при нынѣшнемъ положеніи русской печати, правдивый общественный романъ невозможенъ... Вотъ фактъ. Намъ съ вами все равно, кàкъ и почему пришелъ г. Лѣсковъ къ своему заключенію и соотвѣтственному рѣшенію: потому ли, что на своемъ личномъ опытѣ извѣдалъ нѣкоторые терніи жизни вообще и писательской дѣятельности въ частности; потому ли, что, уволившись отъ службы въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, получилъ больше досуга для наблюденій и размышленій—все равно.

Важно то, что онъ, именно онъ, отказывается дописывать продолженіе «Некуда», и отказывается потому, что нынѣшняя пора «совершенно неудобна для общественнаго романа, написаннаго правдиво...»

Не думаю, милостивые государи, чтобы для оцѣнки извѣстнаго положенія мы должны были ждать, пока возсіяютъ камни. Полагаю, что и г. Лѣскова достаточно. Тѣмъ болѣе, что, кромѣ собственнаго его рѣшенія не дописывать «Сокольяго перелета», г. Лѣсковъ не сообщилъ ничего новаго или неожиданнаго. Правдиваго общественнаго романа у насъ дѣйствительно нѣтъ и быть не можетъ, хотя съ другой стороны онъ несомнѣнно могъ бы и долженъ бы былъ быть. У насъ печатается много романовъ, даже слишкомъ много, и есть между ними романы «общественные», но, полагаю, никто не назоветъ произведеній гг. Маркевича или Лѣтнева романами правдивыми. Сошлюсь на г. Лѣскова. Будучи несравненно талантливѣе г. Маркевича, а тѣмъ паче г. Лѣтнева, онъ могъ бы плодить подобные романы десятками. Но онъ не хочетъ, онъ не можетъ, ибо понимаетъ, сколь неправдивы и односторонни всѣ эти образы и картины, а разъ человѣкъ, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, это понялъ и прочувствовалъ, перо само собой вывалится изъ его рукъ...

Почему же, однако, оно должно непремѣнно вывалиться? Казалось бы, тутъ-то и должна наступить пора расцвѣта чисто художественной литературы, пора «вдохновенья, звуковъ сладкихъ и молитвъ», потому что вѣдь это чуть не единственное дѣло, предоставляемое условіями времени беллетристу. Казалось бы такъ, а вотъ подите же! Нѣтъ «звуковъ сладкихъ»... Обратите пожалуйста вниманіе на нескрываемое презрѣніе, съ которымъ г. Лѣсковъ говоритъ о «романѣ чисто бытового характера на мотивъ всегда удобныхъ для разработки положеній: «влюбился и женился, или: влюбился и застрѣлился». Дѣлать ужь, молъ, нечего, назвался груздемъ, полѣзу въ кузовъ, обѣщалъ, такъ дамъ хоть пустяковину, только постараюсь, чтобы она представила «интересное чтеніе». Ну, а извѣстно, что̀ это такое значитъ «интересное чтеніе»: уголовщина и порнографія. Между тѣмъ сами по себѣ темы «влюбился и женился» или «влюбился и застрѣлился» вовсе презрѣнія не заслуживаютъ. Люди любили, женились, стрѣлялись, любятъ, женятся, стрѣляются и, какъ ни древни эти акты жизни, но всегда въ нихъ есть нѣчто новое и часто не для дѣйствующихъ только лицъ, а и для присутствующихъ въ качествѣ зрителей. Игра страстей идетъ своимъ чередомъ среди разнообразныхъ общественныхъ условій, хотя—прошу замѣтить въ интересахъ нижеслѣдующаго—весьма часто въ прямой отъ нихъ зависимости. Во всякомъ случаѣ, счастливая и несчастная любовь и весь соотносящійся переплетъ страсти, волненій, скорби, радости ничего презрѣннаго, въ смыслѣ беллетристической темы, не представляютъ. Она, эта старая и все-таки новая тема, войдетъ безъ сомнѣнія, какъ частность,

и въ тѣ правдивые общественные романы, которыхъ теперь нѣтъ и быть не можетъ, но которые когда-нибудь да будутъ же. Наконецъ, надо замѣтить, что схемы «влюбился и женился» или «влюбился и застрѣлился» еще отнюдь не составляютъ области чистаго искусства и «звуковъ сладкихъ». Напротивъ онѣ допускаютъ и стрѣлы сатиры, и проповѣдь моралиста, и реформаторскую тенденцію, и вообще всякія формы «пагубной морали». И все-таки за романъ «на мотивъ всегда удобныхъ для разработки положеній» г. Лѣсковъ принимается только потому, что назвался груздемъ и, дѣлать нечего, надо лѣзть въ кузовъ...

Милостивые государи, уже въ первомъ письмѣ моемъ изъяснялся я въ любви къ русской литературѣ. Однако, любовь эта не дѣлаетъ меня слѣпымъ. Въ литературѣ есть вещи и люди грязнѣе грязнаго и ниже низкаго. Можетъ быть, конечно, поневолѣ относишься нѣсколько строго къ служителямъ слова, постоянно соприкасающимся съ областью идеала, а можетъ быть и дѣйствительно самое это прозвище таково, что допускаетъ особенно рѣзкое обнаруженіе и, такъ сказать, выпячиваніе грязи и низости, но добра этого въ литературѣ во всякомъ случаѣ очень много. Есть за то въ ней и много высокаго, даже трогательнаго и умилительнаго. Иначе, какъ этими словами, не умѣю я назвать, напримѣръ, ту чуткость и ту бережность, съ которыми лучшая часть нашей беллетристики обходитъ невозможный по нынѣшнему времени общественный романъ, не впадая вмѣстѣ съ тѣмъ въ производство «интереснаго чтенія», то есть уголовщины и порнографіи. По случаю нынѣшняго литературнаго положенія, много и часто говорятъ объ оскудѣніи русской земли талантами, однимъ изъ признаковъ котораго является будто бы обиліе «очерковъ», «отрывковъ», «замѣтокъ», при отсутствіи цѣльныхъ, законченныхъ произведеній. Не думаю, однако, чтобы это, во всякомъ случаѣ интересное и характерное явленіе, въ самомъ дѣлѣ свидѣтельствовало о творческомъ слабосиліи. Прежде всего, въ указанномъ мнѣніи, еслибы оно было справедливо, надо бы сдѣлать очень важную поправку. Всѣ ли наши литературныя теченія даютъ только очерки и отрывки и не даютъ законченныхъ произведеній? Нѣтъ, не всѣ. «Русскій Вѣстникъ», напримѣръ, не спускаетъ съ своихъ страницъ двухъ большихъ романовъ, вполнѣ благоустроенныхъ, съ завязками, интригами и развязками, съ обиліемъ дѣйствующихъ лицъ, взятыхъ изъ разныхъ слоевъ общества, съ сложными коллизіями страстей и интересовъ. А въ вашемъ журналѣ наоборотъ особенно замѣтно преобладаніе очерковъ и отрывковъ. Слѣдовательно, надлежало бы говорить не объ оскудѣніи талантовъ вообще, а только объ ихъ оскудѣніи въ извѣстныхъ литературныхъ группахъ. «Русскій Вѣстникъ», несомнѣнно, блещетъ творческою силою. Блещетъ творческая сила и еще кое-гдѣ, если разумѣть подъ ней способность создавать законченныя вещи. Вотъ, напримѣръ, г. Лѣтневъ, давно уже подвизающійся на ли-

тературномъ поприщѣ, точно блины печетъ, творитъ романы въ соотвѣтственной полной парадной формѣ, то есть комбинируя извѣстнымъ образомъ характеры и положенія и доводя эти комбинаціи до точки или восклицательнаго или вопросительнаго знака. Опять же г. Боборыкинъ... Да мало ли! А г. Лѣсковъ прямо говоритъ: напишу, говоритъ, бытовой романъ и будетъ интересно; только, говоритъ, писать мнѣ немножко противно...

Мы опять вернулись къ поучительной торжественности отказа г. Лѣскова отъ дописыванія «Сокольяго перелета», и онъ долженъ намъ что-нибудь объяснить. Почему авторъ «Нѐкуда», оставаясь самимъ-собой, нисколько не измѣняя своему пониманію вещей, отлитому въ формѣ романа двадцать лѣтъ тому назадъ, отказывается нынѣ дописывать «общественный романъ»? Потому, что правдивый общественный романъ не допускается условіями, въ которыхъ стоитъ русская печать. Почему ему немножко противно эксплуатировать вѣковѣчныя темы «влюбился и женился» или «влюбился и застрѣлился»? Отнюдь не потому, что эти темы какъ-нибудь сами по себѣ презрѣнны, а только потому, что не ими полна его творческая фантазія, что къ нимъ онъ притягивается не силою внутренняго влеченія, а совокупностью внѣшнихъ обстоятельствъ. Но въ извѣстномъ смыслѣ г. Лѣсковъ еще счастливо выходитъ изъ своего труднаго положенія: назвавшись груздемъ, онъ лѣзетъ въ кузовъ; какъ ни-какъ, а сдѣлаетъ то дѣло, приступить къ которому ему немножко противно. Но представьте себѣ человѣка, которому оно до такой степени противно, что даже невозможно...

Представить себѣ такого человѣка вовсе не трудно, и я думаю, что здѣсь-то и надо искать корня современнаго якобы оскудѣнія талантовъ, насколько оно выражается обрывочностью и эскизностью, грозящими заполонить русскую беллетристику. Не оскудѣніемъ, я думаю, они (въ общемъ, разумѣется, а не во всѣхъ подробностяхъ) объясняются, а своего рода аскетизмомъ, воздержаніемъ. Помилуйте, да неужто въ самомъ дѣлѣ трудно написать романъ или повѣсть съ головой и хвостомъ, съ завязкой, интригой и развязкой?! Для беллетриста, что называется, владѣющаго перомъ, это пустяковое дѣло, если только онъ отнесется къ нему, какъ къ пустяковому дѣлу, то есть возьметъ первую попавшуюся тему и будетъ ее тянуть по линіи наименьшаго сопротивленія внѣшнихъ условій. Люди такъ давно любятъ, женятся и стрѣляются и такъ давно отливаютъ все это въ художественные образы и картины, что даже вполнѣ малодаровитый беллетристъ имѣетъ передъ собой сотни готовыхъ шаблоновъ и трафаретовъ. Просто садись и пиши! Нѣкоторые садятся и пишутъ и именно сколько поспѣютъ, столько и напишутъ. Ну а другіе не хотятъ. Они, эти другіе, опять-таки не имѣютъ резоновъ презирать стародавнія и не старѣющія тэмы «влюбился и женился» и «влюбился и застрѣлился». Но не тѣмъ полна ихъ душа, не тотъ родъ образовъ и картинъ толпится въ ихъ творче-

ской фантазіи и просится наружу. При этихъ-то условіяхъ и возникаетъ преобладаніе очерковъ, отрывковъ, замѣтокъ, свидѣтельствующее не объ оскудѣніи талантовъ, а о наличности живого нравственнаго чувства. Поэтому-то воздержаніе отъ романа, безотносительно говоря, очень для литературы печальное, представляется мнѣ необыкновенно трогательною чертою современной беллетристики. Намъ съ вами, впрочемъ, а можетъ быть не только намъ съ вами, нечего долго раздумывать для оцѣнки положенія дѣла: достаточно оглянуться, посмотрѣть кто воздерживается отъ романа и кто не воздерживается...

Но, милостивые государи, беллетристы это вѣдь не особенная какая-нибудь порода людей. Nous sommes des hommes comme eux, какъ распѣвали въ старину французскіе крестьяне, сравнивая себя съ феодалами. Отъ прочихъ людей беллетристы отличаются только способностью говорить образами и картинами. Завидная способность, конечно, но она не вліяетъ на мысли и чувства, дѣятельность которыхъ вызываетъ художественное творчество, цементируетъ его продукты и опредѣляетъ ихъ движенія. Эти мысли и чувства носятся по всему лицу русской земли. И если г. Лѣсковъ торжественно заявляетъ о своемъ воздержаніи отъ общественнаго романа, если нѣкоторые другіе беллетристы давно уже практикуютъ этотъ въ извѣстномъ смыслѣ невольный аскетизмъ, то...

Извините, я себя перебью совершенно фантастическимъ предположеніемъ. Представьте себѣ, что способность говорить образами и картинами дарована волею капризной судьбы всѣмъ русскимъ людямъ, что наше обширное отечество сплошь населено беллетристами. Невозможное, конечно, дѣло, но такъ, къ примѣру. Что̀ стала бы дѣлать вся эта громада беллетристовъ? или по крайней мѣрѣ, куда, въ какую область творчества направились бы самыя страстныя ея желанія и самыя энергическія усилія? О, мы получили бы тогда чрезвычайно много поганыхъ произведеній того сорта, который вызываетъ слюнотеченіе у разслабленныхъ старичковъ, много экземпляровъ помѣси фотографій съ пасквилемъ и разнаго другого якобы художественнаго добра. Но я думаю, что подавляющее большинство художественныхъ произведеній этого фантастическаго государства составили бы все-таки общественные романы. Понятное дѣло, что если всѣ прочія условія русской жизни останутся неприкосновенными въ теперешнемъ своемъ видѣ, то сравнительно лишь очень не многіе общественные романы увидятъ божій свѣтъ. Будутъ десятки и сотни тысячъ романовъ à la Авсѣенко, Маркевичъ и Орловскій, но романовъ въ томъ родѣ, каковъ недописанный романъ г. Лѣскова (чтобы говорить только объ немъ) не будетъ вовсе. Вынужденный аскетизмъ авторовъ этихъ произведеній, отцвѣтшихъ, не успѣвши расцвѣсть, заставитъ ихъ искать удовлетворенія творческой потребности въ акридахъ и дикомъ медѣ «очерковъ», «отрывковъ» или же тѣхъ вѣковѣчныхъ положеній, къ

которымъ съ такимъ пренебреженіемъ относится г. Лѣсковъ. Но вся ихъ Sehnsucht, какъ сказалъ бы нѣмецъ, весь порывъ ихъ мысли и вся страстность ихъ желанія влекли бы ихъ туда, въ сторону общественнаго романа...

Такъ, я думаю, было бы, потому что вѣдь и теперь такъ есть. Такъ идутъ дѣла среди горсточки беллетристовъ, соотвѣтственно идутъ они и въ средѣ прочихъ русскихъ людей. Ихъ, этихъ прочихъ, не тянетъ писать общественный романъ, потому что имъ не хватаетъ способности говорить образами и картинами, но ихъ Sehnsucht направлена къ дѣятельному участію въ общественномъ романѣ, сочиняемомъ самою жизнью, исторіей; въ общественномъ романѣ, замѣтьте, то есть въ цѣльной и широкой картинѣ русской жизни, а не въ отрывкѣ или очеркѣ и не въ амурно-уголовныхъ эпизодахъ.

Какъ и въ давнюю, и въ недавнюю старину, своимъ чередомъ люди любятъ, женятся, стрѣляются; но не здѣсь лежитъ центральное чувствилище русской жизни, не здѣсь бьется ея пульсъ, не здѣсь и долженъ биться, потому что если г. Лѣсковъ съ пренебреженіемъ относится къ навязаннымъ ему внѣшними условіями темамъ, то кольми паче должно ихъ отвести на задній планъ обширное отечество г. Лѣскова...

Не всѣ однако такъ думаютъ. «Новое Время», которое «всегда что-нибудь этакое скажетъ», недавно предоставило свои страницы цѣлому дождю писемъ «обманутыхъ мужей», «обманываемыхъ женъ» и еще какихъ-то людей, за что-то, а можетъ быть ни за что ни про что наказанныхъ непорядками семейной жизни. Въ тѣхъ письмахъ натурально призывались кары небесныя и земныя на нарушителей супружеской вѣрности, а «Новое Время» съ своей стороны прибавляло: вотъ настоящіе, жгучіе вопросы дня, а совсѣмъ не «политика», по которой вздыхаютъ «лже-либералы!» Въ цѣломудріи своемъ редакція «Новаго Времени» не остановилась на комментаріяхъ къ письмамъ неудачно устроившихся людей. Двое изъ ея видныхъ представителей, гг. Суворинъ и Буренинъ сочинили на туже тему драму «Медея», ловко поставили ее на сцену, ловко муссировали, заставили впродолженіи сравнительно долгаго времени говорить объ ней всю ежедневную печать. Теперь впрочемъ она, кажется, такъ же быстро канула на дно мелководнаго петербургскаго житейскаго моря, какъ быстро всплыла на его поверхность. Я не берусь судить о достоинствахъ этой «Медеи», потому что только по газетнымъ отзывамъ ее и знаю. Да, признаться сказать, мнѣ до ея достоинствъ или недостатковъ и дѣла то столько же, сколько до таракановъ, которые одолѣваютъ квартиру редакціи «Новаго Времени», объ чемъ она, редакція, недавно тоже пространно и горячо доводила до свѣдѣнія публики. «Медея» меня занимаетъ только вотъ съ какой стороны. Два писателя, барахтающіеся въ самомъ водоворотѣ текущей жизни, со всѣми ея многочисленными шипами и немногочисленными розами, удаляются въ глубь

античнаго міра, куда ихъ, повидимому, ничто не приглашаетъ; удаляются затѣмъ, чтобы добыть тамъ фабулу драмы. Фабула же дорога имъ въ видахъ интересовъ семейной нравственности и игры личныхъ страстей, каковые интересы, по другому поводу, противопоставляются интересамъ «политики» или, если вы позволите мнѣ продолжать мою метафору, интересамъ общественнаго романа...

Коллизія страстей, изображенная въ «Медеѣ», довольно обыкновенна: месть жены и матери за попранныя права семейнаго начала. Случай, если не столь же обыкновенный, какъ «влюбился и женился», то ужь навѣрное не болѣе рѣдкій, чѣмъ «влюбился и застрѣлился». Можно съ увѣренностью сказать, что въ разныхъ углахъ нашего отечества каждый день десятки мужей и женъ попадаютъ въ подобное положеніе и подобнымъ же образомъ, хотя и не въ столь грандіозныхъ размѣрахъ изъ него выходятъ, если только это выходъ. Спрашивается, почему же авторы «Медеи», люди въ полномъ смыслѣ текущей минуты, обратились къ античному міру, куда ихъ, повторяю, ничто не приглашало: ни глубокое знаніе этого міра, ни личные вкусы, насколько они обнаружились ихъ многолѣтнею литературною дѣятельностью? Легко можетъ быть, что это вышло совершенно случайно, какъ разсказываетъ г. Суворинъ: уѣхалъ онъ на лѣто изъ Петербурга отдохнуть, а чтобы отдохнуть совсѣмъ настояще, захватилъ съ собой книгъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ такъ называемымъ злобамъ дня; читая эти книжки, увлекся красотою античной драмы и т. д. Съ точки зрѣнія отстаиванія интересовъ законнаго брака и протеста противъ «теоріи свободной любви», замыселъ вышелъ во всякомъ случаѣ очень удачнымъ. Во-первыхъ, строгимъ тономъ классической драмы устранена опасность скабрезныхъ сценъ, которыхъ гг. Суворинъ и Буренинъ едва ли избѣжали бы въ изображеніи нынѣшней реальной жизни (зри разныя повѣсти г. Буренина) и которыя были бы вполнѣ неумѣстны въ драмѣ, «согласной съ строгою моралью». Во-вторыхъ, какъ справедливо говорится въ одной статьѣ «Нового Времени», «иные вопросы легче рѣзко и прямо ставить, когда цивилизація была не такъ сложна, но человѣкъ жилъ, страдалъ и чувствовалъ». Дѣйствительно, вся «политика драмы для насъ какъ бы не существуетъ, совсѣмъ она намъ чужая. Не только впрочемъ потому, что она гораздо менѣе сложна, чѣмъ та, по которой вздыхаютъ «лже-либералы», а потому еще, что очень она отъ насъ удалена во времени. Какое намъ дѣло до похода аргонавтовъ, до Язона, какъ общественного дѣятеля, до участи царя Пеліаса и проч.? Все это само собой отпадаетъ прочь и вниманіе сосредоточивается на трагическомъ образѣ женщины, любящей, отвергнутой, страдающей и мыслящей. Получается какъ бы схематическое, отвлеченное, оголенное, если можно такъ выразиться, изображеніе различныхъ перипетій несчастной страсти. Съ другой стороны, однако, эта схема-

тичность не мѣшаетъ выпуклости и яркости изображенія. А такъ какъ Медея натура сильная, то ея несчастія и страданія приковываютъ къ себѣ нетолько вниманіе, а и участіе, симпатію зрителей, вслѣдствіе чего должна торжествовать идея брака въ противоположность «теоріи свободной любви». Не знаю, какъ все это у гг. Суворина и Буренина исполнено, но задумано очень хорошо въ практическомъ отношеніи, то есть очень цѣлесообразно: въ одно и тоже время, публика оттягивается отъ политики къ вопросамъ личной нравственности, а въ этихъ послѣднихъ предоставляется торжество «строгой морали».

Но, милостивые государи, если все такъ хорошо устроилось въ смыслѣ цѣлесообразности, то я не думаю, чтобы оно такъ же хорошо устроилось въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего я не думаю, чтобы Медея заслуживала очень большой симпатіи. Разумѣется, ее жаль по человѣчеству, но можно и другихъ дѣйствующихъ лицъ драмы пожалѣть, можно найти въ драмѣ и кое-какіе моменты, ослабляющіе жалость къ Медеѣ. Мимоходомъ сказать, нынче въ большой модѣ ссылаться на мнѣнія народа, на его идеалы и гуманное пониманіе личныхъ и общественныхъ отношеній. Редакція «Новаго Времени» очень любитъ играть на этомъ инструментѣ, отъ безцеремоннаго употребленія довольно таки поразстроенномъ. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что и въ предисловіи къ «Медеѣ» находимъ слѣдующія строки, объ которыхъ можно бы было впрочемъ сказать, что онѣ ни къ селу, ни къ городу: «Намъ кажется, въ легендѣ о Медеѣ оказался народный разумъ, выразились желанія рѣзко поставить вопросъ о дѣтяхъ и о положеніи женщины». Народный разумъ!.. Какой такой народный разумъ? Какого народа? Во всякомъ случаѣ, если вы сведете на представленіе «Медеи» русскаго мужика, то бьюсь объ закладъ на что хотите, онъ назоветъ героиню вѣдьмой, именно этимъ самымъ словомъ. Не только потому, что Медея занимается волшебствомъ и приготовленіемъ ядовъ, а и вслѣдствіе необыкновенной ея жестокости и всегдашней готовности совершить любое преступленіе, нанести своему ближнему какой угодно вредъ ради своей личной страсти. Цивилизованные и притомъ высоко нравственные люди, каковы гг. Суворинъ и Буренинъ, не могутъ, конечно, смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія такого «народнаго разума». Они прислушиваются къ хорошимъ словамъ Медеи о «правахъ женщинъ», любуются ея страстною любовью къ Язону и негодуютъ на Язона за то, что онъ разлюбилъ Медею...

Язонъ разлюбилъ Медею и полюбилъ Креузу. За что разлюбилъ, за что полюбилъ — неизвѣстно. Относительно Медеи «народный разумъ» выразился бы очень просто и жестко: какъ ее любить-то, этакую вѣдьму?! Но тотъ же народный разумъ сочинилъ пословицу: полюбится сатана пуще ясна сокола. Дѣло темное, любятъ не за что-нибудь, а почему-нибудь, и именно потому, что любится. Однако, посторонній наблюдатель очень часто

можетъ различить въ супружескихъ отношеніяхъ такіе моменты, которые настраиваютъ людей на любовный ладъ, и такіе, которые подпиливаютъ любовь. Авторъ «Медеи» видитъ, что ихъ героиня вся соткана изъ страстной любви и преданности Язону, оказываетъ ему чрезвычайно важныя услуги, служитъ ему надежнѣйшей опорой въ жизни, и затѣмъ восклицаетъ: какая черная неблагодарность со стороны Язона! столь черная, что страшная месть Медеи вполнѣ оправдана, а разныя «теоріи» совершенно посрамлены. Но не кажется ли вамъ, милостивые государи, что для совершеннаго посрамленія теорій гг. Суворинъ и Буренинъ сдѣлали хотя и много, но все-таки не вполнѣ достаточно. Конечно, если Язонъ просто изъ каприза и отъ легкомыслія своего, не борясь съ новымъ чувствомъ и не думая о чужой бѣдѣ, бросилъ Медею, ухватился за Креузу, потомъ ее броситъ и т. д., такъ это очень нехорошо. А если Медея дѣйствительно служила опорой Язону, была ему помощницей и преданнымъ другомъ, такъ это, напротивъ того, превосходно. Предъявивши только эти два положенія, можно, разумѣется, ни малѣйше не сомнѣваться въ томъ, на чьей сторонѣ окажутся симпатіи присутствующихъ при драмѣ. Но за то столкновеніе этихъ двухъ положеній нисколько не способствуетъ разрѣшенію вопроса, который имѣется въ виду «Медеей». Ну, а еслибы Медея, даже, положимъ, любя Язона, никогда ему помощницей не была, никакихъ услугъ не оказывала и, напротивъ, всякія пакости ему дѣлала (бываетъ вѣдь это)? Еслибы съ другой стороны Язонъ всячески старался раздуть чуть тлѣющій огонекъ любви къ своей неудачно выбранной подругѣ, еслибы онъ, бережно относясь къ чужой бѣдѣ, боролся съ новымъ чувствомъ и только въ борьбѣ этой, наконецъ, изнемогъ бы передъ любовью къ Креузѣ и презрѣніемъ, отвращеніемъ, вообще какимъ-нибудь отрицательнымъ чувствомъ къ Медеѣ? Тогда какъ? Разрѣшили ли бы высоконравственные авторы Язону попытку новаго счастія и отстаивали ли бы они «права» Медеи? Я не знаю. Будемъ ждать новаго quasi-античнаго произведенія, въ которомъ вопросъ поставится въ этой болѣе любопытной, потому что менѣе элементарной комбинаціи. Теперь же «Медея» дастъ поддержку только нерасторжимости при извѣстныхъ, совсѣмъ не часто встрѣчающихся условіяхъ.

Какъ ни элементарны, однако, положенія, избранныя авторами «Медеи» для эксплуатаціи, они все-таки не до такой степени просты, какъ было бы въ интересахъ идей гг. Суворина и Буренина. Еслибы Медея не отличалась беззавѣтною преданностью и непоколебимою вѣрностью Язону, еслибы она, напримѣръ, что называется, пошаливала на сторонѣ тайкомъ отъ мужа, то авторы вѣроятно разрѣшили бы Язону уйти съ миромъ къ Креузѣ или даже отомстить болѣе или менѣе жестоко. Но и кромѣ подобныхъ «шалостей», бываютъ обстоятельства, непреодолимо отвращающія Язоновъ отъ Медей. Такова, напримѣръ, одна изъ

услугъ, оказанныхъ Медеей Язону. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ предисловіи къ «Медеѣ»:

«Первую драму о Медеѣ написалъ Эврипидъ, но эта драма не дошла до насъ. Извѣстно только ея содержаніе. Аргонавты пристаютъ къ Іолкосу, гдѣ царствовалъ Пеліасъ, дядя Язона, благодаря которому Язонъ и пустился въ опасное путешествіе. Медея обратилась, при помощи чаръ, въ старика и явилась въ городъ, гдѣ выдавала себя за чародѣя изъ странъ гиперборейскихъ. Между прочимъ, она увѣрила царя и его дочерей въ томъ, что она имѣетъ способность обращать стариковъ въ юношей и въ доказательство этого сама обратилась въ прекрасную женщину. Пеліасу, разумѣется, захотѣлось получить юность; Медея убѣдила дочерей его, что стоитъ только изрубить въ куски Пеліаса, сварить его и затѣмъ, при помощи ея чаръ, онъ возстанетъ снова въ цвѣтущей юности. Въ то время, когда дочери продѣлывали этотъ опытъ, Медея якобы для заговоровъ взошла на крышу дворца и подала знакъ аргонавтамъ, чтобъ они высаживались на берегъ. Мефистофельская затѣя, говорящая объ умѣ Медеи»...

Мефистофельская затѣя, свидѣтельствующая объ умѣ... Можетъ быть! Но, кромѣ ума, тутъ, кажется, не мало хитрости, подлости и жестокости. И вы, конечно, легко можете себѣ представить превосходную драму, построенную на такомъ мотивѣ: Язонъ, воспользовавшись подъ вліяніемъ Медеи ея крававой услугой, получаетъ потомъ къ ней отвращеніе именно за эту услугу; его совѣсть постоянно мучится тѣнью изрубленнаго въ куски Пеліаса. Во всякомъ случаѣ, очень вѣдь это часто бываетъ, что подстрекатели, пособники и исполнители преступленія становятся съ теченіемъ времени неодолимо противны тѣмъ, чье честолюбіе или корыстолюбіе воспользовалось плодами преступленія...

Изъ всего этого видно, что не такъ ужь рѣшительны, всеобщи и безапелляціонны выводы, какіе сдѣланы изъ «Медеи» ея творцами, и что вопросъ, поставленный въ этой драмѣ, остается вполнѣ въ своемъ прежнемъ до-медейскомъ видѣ. И нетолько этотъ вопросъ, нетолько избіеніе «теорій» не удались авторомъ «Медеи», а и отклоненіе публики отъ «политики» къ вопросамъ личной и семейной нравственности, ибо эти вопросы находятся въ большой зависимости отъ политики.

Какъ извѣстно и вамъ, милостивые государи, и просвѣщенной редакціи «Новаго Времени», и всякому, читавшему что-нибудь изъ чрезвычайно обширной литературы по бытовой исторіи и этнографіи, супружескія отношенія въ разныя времена и у разныхъ народовъ складываются очень различно. Какъ случайность, характеръ Медеи можетъ, разумѣется, прокинуться всегда и вездѣ, но далеко не такъ всеобще ея значеніе, какъ типа. Такъ напримѣръ, въ странахъ, исповѣдующихъ магометанскую религію, Медея возможна только въ видѣ совершеннаго исключенія; въ огромномъ же, подавляющемъ большинствѣ случаевъ, ревнивое охраненіе Медеями своихъ правъ не пойдетъ дальше требованія

или даже только желанія помѣщаться въ одномъ гаремѣ съ Креузами. Наоборотъ, есть страны, въ которыхъ господствуетъ поліандрія и гдѣ честь Медей требуетъ, чтобы у нихъ было много Язоновъ, а совсѣмъ не того, чтобы Язонъ былъ неотлучно на всю жизнь при Медеѣ. И т. п. Много есть такихъ безобразныхъ установленій. Наконецъ, въ любой европейской странѣ, въ томъ числѣ и въ Россіи, есть такія свои общества, гдѣ Медеи просто немыслимы: либо потому, что женщина слишкомъ принижена и не смѣетъ даже заикнуться о какихъ бы то ни было своихъ «правахъ»; либо потому, что она слишкомъ распущена и пускаетъ своего Язона къ любой Креузѣ, лишь бы онъ ей самой не мѣшалъ удовлетворяться какими-нибудь Альфонсами; либо наконецъ потому, что ея понятія о стыдѣ и чести, ея нравственная брезгливость направлена въ ту сторону, чтобы никому, ни даже самому Язону не показать своей боли. Откуда бы ни проистекали всѣ эти разнообразныя рѣшенія семейнаго вопроса, но всѣ они поддерживаются силою общественнаго мнѣнія. Семейныя драмы вовсе не на одной любви вертятся. Огромную роль играютъ тутъ условія экономическія и понятія о достоинствѣ и позорѣ, а эти послѣднія почти цѣликомъ устанавливаются общественнымъ мнѣніемъ. Вотъ, напримѣръ, тирада Медеи, заимствуемая мною изъ «Новаго Времени»:

Права
У мужа такъ велики, что немного
И женщинѣ оставить надо. Мужа
Жена приданымъ покупать должна
И какъ рабыня быть ему послушна.
Изъ худшаго что̀ можетъ хуже быть
Такого послушанья, если мужъ
Дурной достанется? Предвидѣть все
Возможно ли неопытной дѣвицѣ?
Разводъ? Но онъ на насъ клеймомъ ложится
И остается намъ такая жизнь:
И жить нельзя и не приходитъ смерть!

Вы видите, что любовь тутъ рѣшительно не причемъ. Все дѣло въ юридически нормированныхъ экономическихъ условіяхъ и во вліяніи общественнаго мнѣнія, которое «клеймитъ позоромъ» разводъ. Пусть завтра измѣнятся эти условія и бо̀льшая половина несчастія Медеи исчезнетъ, трагическій моментъ сведется къ сравнительно ничтожному minimum'у. А теперь что же дѣлать несчастной женщинѣ, которой достался «дурной мужъ»? Месть, самоубійство, обманъ, вотъ обыкновенно практикуемые въ такихъ случаяхъ и независимые отъ «теорій» выходы. Но развѣ это выходы? Это только размноженіе бѣды и горя. Положимъ, что самоубійство есть выходъ, но это выходъ изъ жизни, а не изъ затрудненія, притомъ выходъ въ общемъ смыслѣ ничего не достигающій: родной сынъ самоубійцы можетъ наткнуться на «дурную жену», родная дочь повторитъ ошибку «неопытной дѣвицы», и передъ ними будутъ все тѣ же три дороги: месть,

обманъ, самоубійство. И такъ далѣе, безъ конца. Гг. Суворинъ и Буренинъ придумали впрочемъ еще четвертую дорогу, правда, давно уже придуманную... Они ее рекомендуютъ Язону: пусть онъ растопчетъ свою любовь къ Креузѣ, пусть преодолѣетъ отрицательное чувство къ Медеѣ. Но вѣдь это только вивисекція, ибо Язонъ все равно не дастъ счастія Медеѣ.

Что касается собственно элемента любви въ семейныхъ драмахъ, то тутъ ужь ничего не подѣлаешь. Слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, Язонъ, въ драмѣ Эврипида, любилъ Креузу, а Медея любила Язона. Двѣ тысячи лѣтъ спустя, въ драмѣ гг. Суворина и Буренина, Язонъ опять-таки любитъ Креузу, а Медея любитъ Язона. Можно хлопотать объ томъ, чтобы могучее чувство любви постепенно утрачивало свой острый характеръ, доставляющій людямъ много счастья, но много и горя; можно требовать, чтобы оно не переходило въ простую распущенность. Но и только. Другое дѣло остальные элементы семейныхъ драмъ: юридическія и экономическія условія и давленіе общественного мнѣнія. На этой почвѣ многое можетъ быть сдѣлано для устраненія ненужныхъ страданій. Но за то, милостивые государи, мы здѣсь вступаемъ на почву «политики»...

Прислушайтесь опять къ жалобамъ Медеи. Женщина должна покупать приданымъ мужа. Это неудобно, унизительно и во всѣхъ смыслахъ нехорошо, какъ для покупательницы, такъ и для покупаемаго. А такъ какъ непреодолимыми законами природы такой порядокъ вещей вовсе не предписанъ, то можно и должно хлопотать объ его отмѣнѣ. Ну, вотъ, напримѣръ, вы останавливаете у насъ сію минуту свое вниманіе на высшемъ женскомъ образованіи, какъ на одной изъ мѣръ, устраняющихъ для будущаго поколѣнія женъ часть жалобъ Медеи. Но вы очень хорошо знаете, что у насъ существуютъ и защитники и противники женскаго образованія, что у тѣхъ и другихъ этотъ пунктъ не особнякомъ стоитъ, а въ связи съ цѣлою системою общественныхъ отношеній; слѣдовательно, вы уже не съ печалями Медеи имѣете дѣло, а съ политическими системами. Это впрочемъ такъ элементарно, что и говорить не остается. Гораздо любопытнѣе въ настоящемъ случаѣ давленіе общественнаго мнѣнія. Къ нему вѣдь, собственно говоря, и гг. Суворинъ и Буренинъ апеллируютъ. Но вы понимаете, конечно, что общественное мнѣніе не создается ad hoc, вдругъ, для данной минуты и для даннаго вопроса. Оно воспитывается практикой и непремѣнно широкой, всесторонней практикой. Если оно вынуждено въ теченіи долгаго времени молчать по вопросамъ a, b, c, d, и т. д., то непремѣнно окажется вялымъ, распущеннымъ, недѣятельнымъ и по вопросамъ y или z, которые вы вдругъ, ни съ того, ни съ сего вырвете изъ азбуки и предложите на его судъ. Чортъ съ ними совсѣмъ, съ Язонами и Медеями! пусть вѣдаются какъ знаютъ! Такъ, примѣрно, выразится атрофированное общественное мнѣніе, выразится не словами, такъ дѣйствіемъ, или, вѣрнѣе, бездѣйствіемъ. И — возвращаюсь къ refrain сегодняшняго

моего письма—повторится презрѣніе Лѣскова къ тэмамъ «влюбился и женился» и «влюбился застрѣлился»...

Милостивые государи, письмо мое приблизилось уже къ концу, а вопросъ о значеніи общественнаго мнѣнія подлежитъ обширному разговору. Но вы понимаете все-таки, что̀ я хочу сказать, и потому ограничусь въ поясненіе только еще нѣсколькими словами.

У насъ нѣтъ и не можетъ быть общественнаго романа, написаннаго правдиво, хотя онъ могъ бы и долженъ бы былъ быть. Есть романы школы «Русскаго Вѣстника», которые неправдивы. Есть, пожалуй, въ извѣстномъ смыслѣ правдивые романы, но, посудите сами, какой невысокой пробы эта правда. Вотъ одно газетное объявленіе:

Поступилъ въ продажу новый романъ Петра Боборыкина: Китай-городъ. 2 т., въ б. 8 д. л. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 50 к. Романъ этотъ посвященъ изображенію жизни московскаго купечества и читается съ большимъ интересомъ, благодаря яркости и обрисовкѣ типовъ и занимательному, живому разсказу. Большая часть героевъ «Китай-города» списана авторомъ прямо съ живыхъ лицъ изъ московскаго купечества и многіе изъ нихъ узнаютъ себя въ персонажахъ романа.

Неприличная реклама эта говоритъ и еще кое объ чемъ, а именно: о вялости и недѣятельности общественнаго мнѣнія, ибо только при такой вялости возможно подобное объявленіе объ романѣ не рыночнаго какого-нибудь писателя, а г. Боборыкина, требующаго художественной критики и трактующаго о самостоятельной эстетической эмоціи...

Если у насъ нѣтъ и не можетъ быть общественнаго романа въ литературѣ, то жизнь, исторія своимъ чередомъ сочиняютъ все-таки русскій общественный романъ. Но русскіе люди не принимаютъ дѣятельнаго участія въ этомъ романѣ. Не принимаетъ и не можетъ принимать его и литература. Отсюда ея вялость, обрывочность и другія отрицательныя качества. Она не выражаетъ и не можетъ выражать собою общественное мнѣніе, не можетъ и вліять, въ свою очередь, на его формированіе. Есть, правда, о̀рганы, свободно излагающіе свои мысли о предметахъ міра видимаго и невидимаго, но это какъ разъ тѣ, которые учатъ презрѣнію къ общественному мнѣнію, давятъ его, а слѣдовательно, не могутъ быть его выраженіемъ. И, Боже мой! что дѣлается въ этихъ свободныхъ о̀рганахъ печати! свободныхъ, къ сожалѣнію, и отъ суда общественнаго мнѣнія... Приведу одинъ только примѣръ.

Въ № 78 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатано: «Послѣдній № «Руси»... для г. Аксакова создаетъ положительную эпоху; издатель «Руси» представляется теперь въ совершенно иномъ, чѣмъ до сихъ поръ свѣтѣ. Въ передовой статьѣ г. Аксаковъ, по поводу взрыва вестминстерскаго дворца, ведетъ довольно длинную рѣчь о революціонерахъ. Издатель «Руси» несомнѣнно становится на ихъ сторону». Пикантное указаніе это «С.-Петербургскія Вѣдомости» развиваютъ далѣе весьма подробно,

съ кляузничествомъ приказнаго. «Новое Время» назвало эту статью «образчикомъ идіотизма», а «Русь» (№ 7) прибавляетъ отъ себя: «Мы отъ всего сердца присоединяемся къ этому отзыву и надѣемся, что г. Комаровъ (редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей») съ благодарностью оцѣнитъ умѣренность и безпристрастность нашего сужденія». Еще бы не умѣренность! Это не просто идіотизмъ, а развѣ нравственный идіотизмъ, самое наглое бравированіе предписаніями чести и совѣсти. Но подождите, господа!

Баснь эту можно бы и болѣе пояснить, да чтобъ гусей не раздразнить... Одного гуся, впрочемъ, позвольте тронуть.

Одинъ изъ столповъ «Новаго Времени» и заступниковъ Медеи, г. Буренинъ, по поводу предыдущаго моего письма «по нѣкоторымъ аллюрамъ узналъ» во мнѣ г. Михайловскаго и, озаглавивши свой фёльетонъ «Гг. Боборыкинъ и Михайловскій», такъ, ничто же сумняся, и валяетъ. Псевдонимъ, чей бы онъ ни былъ, хотя бы такого малаго и посторонняго человѣка, какъ я, издревле считается во всѣхъ литературахъ неприкосновеннымъ. И не безосновательно считается, потому что у писателя могутъ быть свои резоны писать подъ псевдонимомъ. Не говоря уже объ томъ, что въ настоящемъ случаѣ не было никакой надобности доискиваться, кто писалъ письмо въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ». Тамъ было говорено, напримѣръ, о значеніи самостоятельности эстетической эмоціи, объ чемъ слѣдовало говорить и г. Буренину, а какое кому дѣло, кто именно писалъ письмо? Но г. Буренинъ пожелалъ доискаться и тѣмъ совершилъ неприличіе самаго низменнаго сорта. Низменность эта еще сильнѣе оттѣняется участіемъ «Новаго Времени» вообще и г. Буренина въ особенности въ недавнемъ процессѣ о псевдонимѣ «графъ Жасминовъ», который такъ вѣдь и остался нераскрытымъ.

Во всякомъ случаѣ, пусть г. Буренинъ продолжаетъ свои розыски, а мнѣ позвольте, засвидѣтельствовавши фактъ литературнаго одичанія, все-таки значиться тѣмъ, что я дѣйствительно есмь, а я —

Посторонній.

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Мы опять хотимъ говорить объ оживленіи промышленности и банкахъ, этихъ настоящихъ резервуарахъ живой воды, отъ которой спящая царевна должна пробудиться и сказать: «ахъ, какъ я долго спала». Ахъ, какая это не новая и неинтересная исторія. Не успѣла царевна-спекуляція заснуть послѣ длиннаго ряда безпутныхъ ночей, не успѣли мы еще собрать и вынести опорожненныхъ ею бутылокъ, даже не успѣли еще загаснуть огарки и папиросные окурки (банки тамъ и сямъ лопаются), а оффиціальные моралисты еще гремятъ заднимъ числомъ о паденіи общественныхъ нравовъ и препровождаютъ неосторожныхъ хищниковъ въ мѣста не столь отдаленныя, какъ являются уже неугомонные люди и стараются поставить на сцену ту же самую піесу. Они думаютъ, что пьеса эта скорѣе всего можетъ заставить забыть о нашихъ огорченіяхъ, легче всего можетъ исцѣлить общественныя язвы, ввести жизнь въ ея настоящую колею, наполнить ее содержаніемъ и повести Россію впередъ, на зависть Западу и страхъ врагамъ. Ахъ, какая это невообразимая скука, въ особенности когда такъ очевидно, что вовсе не того требуетъ жизнь, что ничего изъ этого, кромѣ того же, что и прежде выходило, не выйдетъ, что народное богатство не увеличится, промышленность не окрѣпнетъ, хозяйство не процвѣтетъ и что увеличатся только государственные долги и налоги, которые будутъ взяты спекулянтами авансомъ у государства и европейскихъ банкировъ. Но это нетолько скучная, но и крайне опасная исторія, въ особенности въ виду финала новой оргіи, обѣщающаго быть громаднымъ, потому что любители, какъ это мы увидимъ ниже, употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы въ ихъ пьесѣ участвовалъ и народъ, чтобы и онъ просвѣтился искуствомъ «оживленія промышленности» и вынесъ на биржу и рынокъ свои скудные достатки. Въ немъ слабо развито сознаніе наживы, вотъ этому они его и желаютъ научить. Онъ, по невѣжеству своему и глупости своей, придерживается еще остатковъ крѣпостного права—общины, вотъ отъ этого они и желаего отучить.

Еще въ прошломъ году газеты писали о немаломъ числѣ ходатайствъ различныхъ земствъ и городовъ, насчетъ постройки новыхъ желѣзнодорожныхъ линій, и о томъ, что министръ путей сообщенія входилъ съ представленіемъ въ государственный со-

вѣтъ относительно отпуска особаго кредита (въ 559,320 р.) для производства техническихъ изысканій линій тѣхъ дорогъ, которыя были предположены къ постройкѣ въ 1883 г. Въ числѣ дорогъ, изысканіе которыхъ уже было утверждено комитетомъ министровъ, газеты называли слѣдующія: 1) отъ Самары черезъ Уфу до Омска; 2) отъ Уфы до Екатеринбурга; 3) по проложенію уральской дороги отъ Екатеринбурга до соединенія съ предполагаемою Самароомскою дорогою и далѣе по направленію на Троицкъ; 4) отъ Жмеринки на Новоселицы; 5) восточно-донецкую дорогу; 6) отъ Лугани до Миллерова; 7) вѣтвь ростово-владикавказской дороги къ Новороссійску; 8) отъ Виндавы до Тукума; 9) отъ Ржева до Вязьмы; 10) южный участокъ Пензо-лозовской дороги и 11) Перекопскую и Элтонскую желѣзныя дороги («Рус. Вѣд.» № 326 — 82). Но, кромѣ этихъ дорогъ, были проэктированы и другія «менѣе настоятельныя и важныя», какъ ихъ называли. Уже одно это можетъ указывать на интенсивность назрѣвающей спекуляціи, которая, безъ сомнѣнія, найдетъ себѣ горячихъ защитниковъ въ лицѣ господствующей теперь прессы, послѣ того, какъ она покончитъ съ вопросомъ о закавказскомъ транзитѣ и привилегіяхъ финляндскаго безпошлиннаго привоза. Сосредоточившись со всѣмъ своимъ одушевленіемъ на этомъ вопросѣ, пресса эта уже и теперь показываетъ время отъ времени пользу и важность то той, то другой дороги.

Затѣмъ, не взирая на банковые крахи, проэктировалось и проэктируется много новыхъ банковъ самаго разнообразнаго характера: земельныхъ, торговыхъ, для заклада движимыхъ имуществъ и т. д. Харьковское, новгородское, тульское и калужское дворянства ходатайствовали о разрѣшеніи имъ открыть свои спеціально-дворянскіе земельные банки по образцу существующаго въ Нижнемъ Новгородѣ «Александровскаго дворянскаго банка». Земскіе банки не на шутку струсили этого, опасаясь подрыва ихъ кредита, и предполагали устроить съѣздъ своихъ представителей съ цѣлью изысканія средствъ для противодѣйствія возникновенію дворянскихъ земельныхъ банковъ (id № 299, 82 г.).

Проэктируется еще особый видъ кредита для сельскихъ хозяевъ, не для земцевъ и дворянъ вообще, а для тѣхъ изъ нихъ, которые пожелаютъ ввести у себя улучшенное сельское хозяйство. По этому поводу дѣлался недавно докладъ г. П. В. Протоповымъ въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Кредитъ этотъ предполагается организовать «при посредствѣ государственнаго банка», на возможно льготныхъ процентахъ и условіяхъ. И авторъ доклада, и развивавшій его положенія, профессоръ Петровской академіи, г. Шишкинъ, доказывали всю необходимость и важность такого кредита. Но почти всѣ и такъ были согласны съ этимъ, и только г. Дараганъ высказался противъ удешевленнаго кредита, который, какъ *покровительственный*, былъ бы, по его мнѣнію, большой ошибкой. Г. Дараганъ желалъ бы лучше видѣть введеніе, на обычныхъ условіяхъ, кре-

дита «безсрочнаго», къ каковому мнѣнію присоединился и г. Верещагинъ, замѣтившій, что только со введеніемъ «столь желательной ипотечной системы, облегченъ бы былъ сельскимъ хозяевамъ доступъ къ кредиту когда угодно и въ какихъ угодно размѣрахъ, на какіе угодно сроки, въ предѣлахъ, конечно, имущественной кредитоспособности лица» («Русскія Вѣдом.», № 37, 1883 г.). Проэктировалось и проэктируется еще нѣсколько новыхъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ, въ виду чего, какъ сообщали газеты, министерство финансовъ было занято разработкою измѣненій и дополненій существующихъ правилъ объ открытіи такихъ банковъ, чтобы гарантировать интересы частныхъ лицъ и предохранить ихъ отъ возможности катастрофъ, которыя были съ коммерческимъ ссуднымъ банкомъ въ Москвѣ, кронштадтскимъ коммерческимъ и скопинскимъ банками («Голосъ», 37). Проэктировался, по слухамъ, даже особый банкъ для постепеннаго изъятія кредитныхъ билетовъ. Когда, въ прошломъ году, разсматривались въ высшихъ сферахъ различныя мѣры для упроченія нашей денежной единицы, то въ министерство финансовъ было прислано изъ Парижа пот. поч. гражд. А. И. Крономъ прошеніе объ утвержденіи устава такого банка, подъ наименованіемъ «Россійскаго банка». Банкъ обязывался ежегодно представлять правительству для уничтоженія кредитныхъ билетовъ на 50,000,000 р., «получая за это отъ правительства обязательства на непрерывный доходъ въ размѣрѣ пяти банковыхъ рублей на каждые сто рублей, предъявленныхъ къ уничтоженію кредитныхъ билетовъ». Банкъ же «испрашивалъ себѣ право выпускать безпроцентные билеты на предъявителя, обязываясь размѣнивать ихъ безостановочно, по требованію предъявителей, на серебряные рубли» («Русскія Вѣдом.», № 276). Въ ходатайствѣ этомъ было, однако, отказано г. Крону.

Словомъ, недостатка за спекулятивными проэктами нѣтъ. Спекуляція собирается съ новыми силами, и ждетъ только послѣдняго разрѣшительнаго и поощрительнаго слова. Въ водоворотъ ея, говоримъ мы, вѣроятно, будутъ втянуты на этотъ разъ и народные достатки, на которые она обратила вниманіе, послѣ того, какъ выпорожнила (временно, конечно) средніе и высшіе классы. Она теперь еще не сдѣлаетъ, разумѣется, народа главнымъ объектомъ своихъ махинацій, такъ какъ къ этому имѣются нѣкоторыя препятствія, но опытъ въ этомъ направленіи непремѣнно произведетъ. Приближеніе къ окончанію выкупной операціи, въ связи съ возростаніемъ населенія и уменьшеніемъ плодородія земли, въ связи съ юридической необезпеченностью общины и податною системой, вѣроятно, сдѣлаетъ крестьянскую землю однимъ изъ главныхъ средствъ наживы. Сначала земля будетъ продаваться крестьянамъ, а потомъ покупаться у нихъ, или въ однихъ мѣстахъ будетъ продаваться имъ по дорогимъ цѣнамъ, а въ другихъ покупаться у нихъ по дешевымъ. Все это обѣщаетъ очень хорошій куртажъ

и дастъ занятіе и «заработокъ» многимъ дѣльцамъ и кредитнымъ учрежденіямъ. Акціонерные банки, вѣроятно, постараются найти точки соприкосновенія и установить связь съ народными кредитными учрежденіями. О народномъ кредитѣ теперь заговорили всѣ. Всѣ какъ-то вдругъ сознали, что народу необходимъ кредитъ, что лишать его кредита въ то время, когда пользуются таковымъ другіе, и несправедливо, и невыгодно для сельскаго хозяйства. Кромѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и неоткрывшаго еще свои дѣйствія земельнаго банка, для крестьянъ проэктируются и другія кредитныя учрежденія. Проэкты сыплются со всѣхъ сторонъ: изъ земскихъ собраній, съ береговъ Москвы-рѣки, съ Калашниковской пристани и т. д., такъ что порою можетъ, пожалуй, даже показаться, что мужикъ будетъ совсѣмъ засыпанъ капиталами. Тутъ и проэкты самостоятельныхъ земскихъ банковъ для покупки крестьянами земель, и проэкты учрежденій дополнительнаго кредита къ кредиту, который будетъ оказываться государственнымъ земельнымъ банкомъ; тутъ и сберегательныя кассы, и сельскіе банки, и «движимый кредитъ», и банки для обсѣмененія полей, и банки для выдачи ссудъ подъ урожаи хлѣбовъ. Одинъ сводъ всѣхъ этихъ разбросанныхъ по газетамъ предложеній и предположеній уже заслуживаетъ вниманія и стоитъ того, чтобы занести его въ хронику, если не въ видахъ оцѣнки каждаго проэкта и возданія коемуждо по дѣломъ его, то хоть для того, чтобы имѣть понятіе объ общемъ направленіи и характерѣ экономическихъ интересовъ въ переживаемое нами время.

Не подлежитъ, разумѣется, ни малѣйшему сомнѣнію, что такое обиліе и разнообразіе проэктовъ прежде всего указываетъ на величину и разнообразіе крестьянской нужды, которая стала, наконецъ, настолько очевидною, что обратила на себя общее вниманіе; а затѣмъ не подлежитъ также сомнѣнію и то, что существующія кредитныя учрежденія для поправленія дѣлъ нуждаются въ существованіи мелкихъ кредитныхъ ячеекъ, подобно тому, какъ большія желѣзнодорожныя линіи нуждаются въ питательныхъ вѣтвяхъ. До сихъ поръ у крестьянъ были только ссудо-сберегательныя товарищества (капиталы волостныхъ кассъ давно уже разобраны), но, несмотря на быстроту ихъ роста и распространенія, одного оказываемаго ими кредита далеко недостаточно; кромѣ того, становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что такого рода кредитъ нетолько не охватываетъ всѣхъ сторонъ крестьянской нужды, но и не касается именно той стороны жизни и той части сельскаго населенія, которая больше всего нуждается въ поддержкѣ. Въ товариществахъ участвуетъ лишь зажиточное и достаточное крестьянство, а бѣднота остается въ сторонѣ; ни купить земли, ни сдѣлать въ хозяйствѣ какія-нибудь улучшенія, для которыхъ требуются многолѣтнія затраты, при ихъ помощи нельзя. Но недостаточность мелкаго краткосрочнаго кредита и несоотвѣтствіе его съ размѣрами и свойствомъ крестьянскихъ по-

требностей теперь уже почти никѣмъ не оспариваются, какъ оспаривались при учрежденіи товариществъ и въ началѣ ихъ дѣятельности, когда печать указывала на это. Кромѣ того, какъ по организаціи своей, такъ и по той средѣ, въ которой дѣйствуютъ, они имѣютъ большую наклонность приблизиться къ обыкновеннымъ обществамъ взаимнаго кредита и принять спекулятивный характеръ, что̀ нѣкоторыя изъ нихъ уже и сдѣлали. Само собою разумѣется, что спекулянтамъ очень желательно, чтобы кредитныя учрежденія для народа приближались именно къ такому типу, но желательно ли это съ точки зрѣнія народныхъ и государственныхъ интересовъ — другой вопросъ, въ особенности если это не составляетъ необходимаго условія кредита. Вотъ, напримѣръ, какое объявленіе гребеневскаго ссудо-сберегательнаго товарищества, напечатанное въ «Церковномъ Вѣстникѣ» и нѣсколькихъ другихъ газетахъ, перепечатало недавно «Новое Время», указывая на него, въ виду краховъ городскихъ общественныхъ банковъ.

Гребеневское ссудо-сберегательное товарищество Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи, принимаетъ вклады всякой величины отъ иногородныхъ постороннихъ лицъ и присланные по почтѣ, съ обязательствомъ возвращенія ихъ въ декабрѣ мѣсяцѣ любого года. По вкладамъ этимъ правленіе товарищества уплачиваетъ десять процентовъ годовыхъ. Проценты могутъ получаться вкладчиками лично или почтою помѣсячно, по истеченіи каждаго мѣсяца. При уплатѣ процентовъ никакихъ вычетовъ, кромѣ почтовыхъ расходовъ, не дѣлается.

Товарищество обращаетъ свои капиталы въ предѣлахъ всего Опочецкаго уѣзда, удовлетворяя потребности населенія въ мелкомъ кредитѣ и на пріобрѣтеніе крестьянами въ личную собственность мелкихъ земельныхъ участковъ (отрѣзовъ отъ ихъ надѣловъ). Внесенные вклады обезпечиваются капиталомъ товарищества и всѣмъ имуществомъ членовъ товарищества. Товарищество основано въ 1872 году, имѣетъ собственныхъ капиталовъ 113,091 р. Оборотъ операцій товарищества съ 1-го января по 1-ое апрѣля сего 1882 г. (за 3 мѣсяца) составляетъ сумму 791,992 р. Товарищество оплачиваетъ свидѣтельство 1-й гильдіи. Товарищество взимаетъ за ссуды съ членовъ-заемщиковъ двѣнадцать процентовъ годовыхъ. Высшій размѣръ ссуды, допускаемый для каждаго члена, составляетъ сто рублей. Въ товариществѣ состоитъ 6,203 члена; изъ нихъ 712 членовъ на полученную ссуду пріобрѣли въ собственность землю, большею частію, цѣлыми селеніями, отрѣзы отъ ихъ надѣловъ. Отчетъ печатается ежемѣсячно и разсылается всѣмъ желающимъ безплатно («Нов. Вр.», № 2464).

Мы не дѣлаемъ изъ этого объявленія такихъ выводовъ и сопоставленій, какіе дѣлаетъ «Новое Время», очевидно, чѣмъ-то недовольное на распорядителя гребеневскаго товарищества, г. Плена; но не можемъ не сказать, что объявленіе это носитъ характеръ настоящей рекламы, что принимать вклады «всякой величины» и платить по нимъ 10%, когда акціонерные банки платятъ только 5—6%, чрезвычайно̀ рисковано; что зазывать на эту приманку вкладчиковъ со всей Россіи также опасно, въ виду возможности не найти для капиталовъ надежнаго помѣщенія и нежелательности пускать ихъ въ какіе-нибудь рискованные обороты; что при

6,203 членахъ и при maximum'ѣ ссуды въ 100 р. на человѣка, имѣть въ теченіи трехъ мѣсяцевъ 791,992 р. оборота очень трудно, такъ какъ для этого нужно, чтобы 1/6 членовъ брала ссуду два раза или, чтобы нѣкоторымъ членамъ выдавались бо́льшія ссуды; что учрежденію краткосрочнаго кредита, каково гребеневское товарищество, помимо своихъ прямыхъ операцій, содѣйствовать еще покупкѣ крестьянами земель «въ личную собственность» и «цѣлыми селеніями» нетолько рискованно, но и нельзя безъ какого-нибудь обхода устава, въ родѣ переписыванія векселей, и что, наконецъ, всѣ эти, хотя бы и очень успѣшныя, операціи, въ связи съ участіемъ въ товариществѣ землевладѣльцевъ и купечества, заставляютъ невольно предполагать какую-нибудь неправильность въ веденіи дѣлъ и опасаться за судьбу товарищества. Мы не знаемъ закулисной стороны гребеневскаго товарищества, но думаемъ, что вообще для направленія дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ сторону спекуляціи имѣется вездѣ не мало поводовъ. Возьмемъ для примѣра хоть товарищества, дѣйствующія въ Псковской губерніи, и возьмемъ тѣ уѣзды этой губерніи, гдѣ сѣется ленъ. Арендныя цѣны на землю въ этихъ уѣздахъ растутъ, при помощи системы отдачи ихъ съ торговъ, въ необыкновенной прогрессіи и достигаютъ 80 [1] и даже 120 р. [2] за десятину. Среднія продажныя цѣны на землю, вычисленныя за десятилѣтіе (1870—80 гг.) по даннымъ о покупкѣ крестьянами земель, стоятъ ниже арендныхъ цѣнъ [3]. Представимъ себѣ, что крестьянинъ беретъ въ банкѣ 100 руб. и отдаетъ ихъ въ задатокъ, положимъ, за двѣ десятины, снятыя имъ по 100 руб. за десятину подъ посѣвъ льна, договариваясь съ владѣльцемъ земли уплатить ему остальныя деньги по уборкѣ льна и обезпечивая его будущимъ сборомъ волокна и сѣмянъ. Цѣна на землю такъ высока, что крестьянина выручаетъ только урожай. Въ такомъ только случаѣ остается нѣчто, что побуждаетъ его снимать землю. Но представимъ себѣ неурожай или урожай ниже средняго, тогда что? Владѣлецъ земли еще кое-что получитъ сверхъ задатка, такъ какъ даже въ самый плохой годъ земля что-нибудь да уродитъ; а крестьянинъ легко можетъ и совсѣмъ ничего не получить, слѣдовательно, можетъ оказаться неисправнымъ должникомъ передъ банкомъ и поплатиться, можетъ быть, половиной всего своего достоянія. Снимая больше земли, онъ зачастую ставитъ на карту даже все свое достояніе—весь свой скарбъ, инвентарь, усадебныя постройки, надѣлъ и т. д. Такой посѣвъ и кредитъ подъ такой посѣвъ носитъ, несомнѣнно, спекулятивный характеръ, хотя бы спекуляція и являлась замаскированной, хотя бы спекулянтомъ и являлся не самъ заемщикъ, вынужденный снимать такъ дорого землю, а

---

[1] Н. А. Строкинъ «Льноводство Псковской губ.», Спб. 1882 г.
[2] Изд. Депар. Землед. и Сел. Пром. 1881 г., стр. 229.
[3] Н. А. Строкинъ, стр. 27.

лицо, сдающее землю, очень мало рискующее, не несущее отвѣтственности передъ банкомъ и получающее только, при его посредствѣ, чистыя деньги за чужой рискъ и страхъ. Но обыкновенно, дѣло происходитъ не такъ, какъ мы разсказали, а нѣсколько иначе, нѣсколько болѣе сложно, но не менѣе наглядно. Въ банкѣ берутъ деньги: 1) самъ арендаторъ-посѣвщикъ, для перваго взноса за землю, и 2) зажиточный крестьянинъ-кулакъ или купецъ, который ссужаетъ перваго извѣстнымъ количествомъ для второго платежа за землю, причемъ заключается условіе, что ссуженныя имъ деньги возвращаются изъ первой продажи продукта, нерѣдко къ нему же цѣликомъ привозимаго и имъ же продаваемаго. Такимъ образомъ, предпринимателемъ является собственно онъ, а не арендаторъ, на долю котораго остается только трудъ и главный рискъ посѣва. Рискуетъ, конечно, до извѣстной степени и это новое, третье лицо, въ случаѣ неурожая, за что, разумѣется, и вознаграждаетъ себя извѣстнымъ % или нѣкоторою долею продукта: если онъ дастъ крестьянину столько денегъ, что тотъ уплачиваетъ сполна за землю, то на него переходитъ только рискъ землевладѣльца, а если онъ, гоняясь за процентами, раздаетъ взятую имъ въ банкѣ ссуду многимъ крестьянамъ, такъ что они не оплачиваютъ землю вполнѣ и первымъ претендентомъ на продуктъ остается все-таки землевладѣлецъ, то, въ случаѣ общаго неурожая, въ цѣлой мѣстности, рискъ его увеличивается. Конечно, этотъ рискъ не особенно великъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, такого свойства, что придаетъ дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ спекулятивный характеръ, въ чемъ они въ одинъ изъ неурожайныхъ годовъ и убѣдятся горькимъ опытомъ.

Мы остановились на арендѣ земли подъ ленъ въ Псковской губерніи только какъ на частномъ случаѣ, только потому, что зашла рѣчь о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ Псковской губерніи. Есть, конечно, множество и другихъ подобныхъ же случаевъ, какъ въ Псковской, такъ и въ другихъ губерніяхъ, и всѣ они заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія и изученія, такъ какъ изъ нихъ слагается цѣлый порядокъ новыхъ экономическихъ отношеній, который, при устройствѣ народнаго кредита, долженъ непремѣнно имѣться въ виду. Къ сожалѣнію, имѣются въ этомъ отношеніи недосмотры и во вновь возникающемъ земельномъ кредитѣ; но, прежде чѣмъ перейти къ нему, скажемъ о другихъ проэктахъ крестьянскаго кредита.

Въ прошломъ году проэктировался, напримѣръ, особый видъ движимаго кредита, подъ залогъ хлѣба. Крестьянинъ, какъ извѣстно, съ осени продаетъ хлѣбъ, а весною въ три-дорога покупаетъ, поэтому предполагалось «выдавать осенью денежную ссуду подъ залогъ хлѣба съ тѣмъ, чтобы весною выкупаемъ онъ былъ обратно» («Совр. Изв.» 118). Сочувствуя движимому кредиту вообще и считая его нетолько *вещью въ существѣ основательною*, но даже *нужнѣе поземельнаго кредита*, «Совр. Извѣ-

стія» высказали противъ проэкта слѣдующія не безинтересныя соображенія. Крестьянинъ продаетъ хлѣбъ съ осени или по зимѣ. Почему онъ продаетъ? Лишній ли онъ ему, или ненужный для собственнаго пропитанія? Если лишній, то ссуда не нужна. «Ссуда будетъ тогда только поощреніемъ барышничеству; богатый мужикъ заложитъ осенью или зимой излишекъ хлѣба, сдѣлаетъ на деньги за зиму оборотъ, а весной выкупитъ хлѣбъ, чтобы продать его на рынкѣ дорогой цѣной». Пожалуй, говоритъ газета, «пусть мужикъ и наживается, отчего ему не наживаться, когда наживаются другіе», но не для такихъ же предполагается кредитъ, а для тѣхъ, «которые для продажи отрываютъ хлѣбъ, необходимый для собственного пропитанія». Продаютъ они хлѣбъ не по нерасчетливости, а вслѣдствіе сильной нужды, заставляющей забывать «о предвидимыхъ опасностяхъ если не умереть съ голода, то нищенствовать».

«Нужда эта—взносъ податей; другой такой и не можетъ быть, чтобы заставила отрывать собственный кусокъ. Предстоящая зимой свадьба или другое обстоятельство въ этомъ родѣ, все это явленія случайныя, а всеобщимъ закономъ остается, что хлѣбъ идетъ съ осени въ продажу для уплаты податей и повинностей. Къ чему же употреблять такой длинный обходный путь для облегченія маломощнаго мужичка? Прямѣе: стало быть надобно облегчить его подати; иными словами—съ того не брать, кто для уплаты вынужденъ отдавать послѣдній кусокъ. Продавая кусокъ, мужикъ надѣется, что онъ заработаетъ его въ зиму чѣмъ-нибудь другимъ. Можетъ быть, онъ заработаетъ, а можетъ и ошибется въ расчетѣ. Итакъ, ищите возмѣщенія утрачиваемыхъ въ деревнѣ податей тамъ, гдѣ онѣ зарабатываются. Зарабатываются онѣ промыслами, отчасти на сторонѣ, отчасти домашними. Но на сторонѣ мужикъ идетъ въ рабочіе и получаетъ не многимъ болѣе, чѣмъ ему нужно для прокормленія, по извѣстному экономическому закону зарабатной платы. Итакъ, подать должна быть перенесена на тѣхъ, кто пользуется прибылью отъ рабочаго».

Говоря затѣмъ, что у земствъ нѣтъ для такого кредита денегъ и что если они будутъ выдавать въ ссуду казенныя деньги, получаемыя съ тѣхъ же крестьянъ, то это будетъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, газета предлагаетъ для устраненія колебанія цѣнъ на хлѣбъ и прекращенія спекуляціи мало выясненное всеобщее застрахованіе народнаго продовольствія и говоритъ о необходимости для села такого движимаго кредита, который былъ бы основанъ на правильномъ кадастрѣ и оказывался бы не подъ одинъ только хлѣбъ, но и подъ скотину, подъ телегу и т. д., для чего нужны «не земскіе, а просто сельскіе банки, основнымъ фондомъ которыхъ могутъ служить частію закладные листы, а частію и денежные вклады». Газета полагаетъ, что тогда міроѣды будутъ *вынуждены* обратиться въ банковыхъ вкладчиковъ и будутъ довольствоваться меньшими процентами за свои ссуды, но расчетъ этотъ мало основателенъ; по крайней мѣрѣ, устройство движимаго кредита въ городахъ развѣ только отчасти парализуетъ и сокращаетъ число ростовщиковъ, а міроѣды, какъ извѣстно, дѣйствуютъ не въ одной только кредитной области, а и въ другихъ областяхъ рас-

предѣленія, накопленія, передвиженія и производства богатствъ, при условіяхъ самыхъ разнообразныхъ и въ моменты самые различные. Газета, впрочемъ, и сама не расчитываетъ на полное осуществленіе своего предположенія и прибѣгаетъ ко слову *отчасти*. Вообще, собственный проэктъ ея относительно движимаго сельскаго кредита весьма мало выясненъ и нетолько не можетъ, какъ намъ кажется, парализовать спекуляціи, но напротивъ можетъ дать ей сильный толчокъ и почву для развитія. Къ такому кредиту не замедлятъ пристроиться нетолько мелкіе, но и крупные спекулянты и не замедлятъ создать нѣчто худшее, чѣмъ вышло изъ созданнаго гг. Перейра движимаго кредита во Франціи. Маленькіе сельскіе банки не замедлятъ, разумѣется, объединиться въ банкахъ уѣздныхъ, а тѣ въ губернскихъ, а губернскіе въ столичныхъ, гдѣ дѣйствуютъ гг. Струсберги, Касаткины, Синебрюховы, ну, и пойдетъ писать губернія. Если при выдачѣ ссудъ подъ хлѣбъ могутъ быть случаи, что крестьянинъ не заработаетъ за зиму денегъ для выкупа хлѣба, или въ виду крайности, чтобы выручить какихъ-нибудь лишнихъ 3—5 рублей, ему все-таки будетъ выгоднѣе продать хлѣбъ осенью, то при настоящихъ условіяхъ, все это можетъ случиться и со всякаго рода ссудами подъ другое движимое имущество, т. е. можетъ случиться и съ движимымъ кредитомъ, проэктированнымъ газетою.

Прямую противоположность кредита подъ залогъ хлѣба составляетъ проэктъ хлѣбнаго банка, составленный однимъ изъ петербургскихъ торговцевъ на Калашниковской пристани. Цѣлью этого банка является снабженіе нуждающихся крестьянъ, а равно и всѣхъ землевладѣльцевъ вообще, хлѣбомъ для обсѣмененія полей, съ условіемъ возврата ссудъ по снятіи урожая. Это съ одной стороны, а съ другой, банкъ имѣетъ въ виду облегчить крестьянамъ и землевладѣльцамъ сбытъ ихъ продуктовъ нетолько на внутреннихъ, но и на заграничныхъ рынкахъ. Выдачу же ссудъ подъ залогъ хлѣба проэктъ «безусловно отрицаетъ, находя, что это въ конецъ раззорило бы сельское хозяйство и оставило бы крестьянъ на зимнее время безъ хлѣба» (Рус. Вѣд. № 212, 82 г.). Проэктировалось еще, чтобы земства открыли кредитъ для покупки сельскохозяйственныхъ машинъ. Проэктируется еще въ правительственныхъ сферахъ устройство особыхъ сельскихъ банковъ. Недостаточность и недостатки ссудосберегательныхъ товариществъ постоянно чувствовались населеніемъ и всѣми, кто такъ или иначе обращалъ вниманіе на ихъ дѣятельноотъ. Въ министерство финансовъ за послѣдніе годы поступило не мало ходатайствъ различныхъ губернаторовъ о необходимости учрежденія во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ сельскихъ банковъ съ основными капиталами изъ мірскихъ суммъ. Такимъ образомъ ходатайствовали, напримѣръ, ген. губ. Дрентельнъ, относительно югозападнаго края, и губернаторы: симбирскій, владимірскій, курскій, саратовскій, псковскій и другіе относительно ввѣренныхъ имъ губерній. Вслѣдствіе этого министерство финансовъ вошло съ

представленіемъ въ государственный совѣтъ и недавно состоялось Высочайше утвержденное 25 янв. 1883 г. опредѣленіе государственнаго совѣта, коимъ въ дополненіе надлежащихъ узаконеній, установлены относительно порядка учрежденія сельскихъ банковъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ слѣдующія правила:

1. Министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставляется разрѣшать учрежденіе сельскихъ банковъ или ссудо-сберегательныхъ кассъ, а также преобразовывать, по мѣрѣ надобности, существующія вспомогательныя и сберегательныя кассы бывшихъ крестьянъ государственныхъ, удѣльнаго вѣдомства и военныхъ поселеній.

2. Сельскіе банки и ссудо-сберегательныя кассы могутъ быть учреждаемы жертвуемыя частными лицами или предназначаемыя для этой цѣли земскими учрежденіями и сельскими обществами суммы въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ, по ближайшему усмотрѣнію министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, это окажется необходимымъ и возможнымъ, за исключеніемъ лишь селеній, въ которыхъ существуютъ ссудо-сберегательныя товарищества. Открытіе сельскихъ банковъ или ссудо-сберегательныхъ кассъ въ этихъ послѣднихъ селеніяхъ разрѣшается въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда частными лицами будутъ сдѣланы пожертвованія на устройство такихъ банковъ или кассъ въ этихъ именно селеніяхъ.

3. Изданіе правилъ, опредѣляющихъ устройство, порядокъ дѣйствій, составъ управленія и надзора поименованныхъ въ ст. 1 учрежденій, предоставляется временно министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, когда по указаніямъ опыта выработаются главныя основанія устройства новыхъ сельскихъ кредитныхъ учрежденій, основанія эти были представлены на разсмотрѣніе и утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

Основанія новыхъ сельскихъ банковъ значитъ еще не выяснены и выработка ихъ предоставлена опыту. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, и министерство финансовъ, обсуждавшее этотъ вопросъ, также не выработало еще этихъ основаній и только въ слѣдующихъ общихъ чертахъ намѣтило ихъ: 1) Разрѣшеніе на открытіе сельскихъ банковъ будетъ даваемо лишь тогда, когда основной капиталъ, образованный изъ мірскихъ суммъ или изъ пожертвованій частныхъ лицъ, будетъ не менѣе 1000 руб. 2) Сельскимъ будутъ разрѣшаться только слѣдующія операціи: пріемъ вкладовъ, заключеніе займовъ и выдача ссудъ. 3) При пріемѣ вкладовъ и заключеніи займовъ каждый сельскій банкъ обязанъ будетъ соблюдать слѣдующія ограниченія: а) чтобы совокупность обязательствъ банка по вкладамъ и займамъ не превышала болѣе, чѣмъ въ пять разъ собственный его капиталъ и б) чтобы вкладами въ сельскіе банки не могли быть помѣщаемы сиротскія деньги. Кромѣ того, банкамъ разрѣшено будетъ принимать вклады, какъ до востребованія, такъ и на сроки, но не свыше пяти лѣтъ. 4) Дѣятельность каждаго сельскаго банка по выдачѣ ссудъ будетъ ограничена крестьянами того сельскаго общества или той волости, гдѣ учрежденъ банкъ. Ссуды будутъ выдаваемы, какъ подъ благонадежные залоги, такъ и подъ обезпеченіе поручительствомъ, и притомъ на короткіе сроки — до 9-ти мѣсяцевъ и на сроки болѣе продолжи-

тельные—до 3-хъ лѣтъ, причемъ опредѣленіе высшаго размѣра самыхъ ссудъ въ однѣ руки предоставлено будетъ сельскому или волостному сходу. 5) Относительно управленія сельскими банками предположено установить, чтобы завѣдываніе банкомъ и назначеніе ссудъ ни въ какомъ случаѣ не было возлагаемо на должностныхъ лицъ сельскаго общественнаго управленія. Выборы должностныхъ лицъ по банковому управленію, при упомянутомъ выше ограниченіи, предоставлены будутъ сельскому или волостному сходу изъ среды лицъ, принадлежащихъ къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ («Р. Вѣд.», № 57, 1883 г.).

Въ дополненіе къ этимъ свѣденіямъ сообщалось также, что въ видѣ исключенія предполагается допустить къ участію въ завѣдываніи дѣлами сельскихъ банковъ и лицъ постороннихъ, но не иначе, какъ по особому ходатайству крестьянскаго общества и съ разрѣшенія губернатора; что ревизія банковъ будетъ производиться лицами, назначенными для этого министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда основной капиталъ будетъ пожертвованъ частными лицами, то жертвователю будетъ принадлежать право опредѣлять назначеніе, которое должны получить прибыли банка, а если со стороны жертвователя никакого распоряженія по этому поводу не послѣдуетъ или банкъ будетъ учрежденъ на мірскія суммы, то употребленіе прибылей будетъ зависѣть отъ крестьянскаго общества (Id., № 140, 1882 г.). Все это, конечно, пока только слухи, слухи, хотя оффиціально и неопровергнутые, но, тѣмъ не менѣе, слухи. Болѣе всего было бы, разумѣется, желательно, чтобы сельскіе банки положили въ свое основаніе другія болѣе справедливыя начала, чѣмъ лежатъ въ основѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Кредитъ, приспособленный къ узко-индивидуальнымъ потребностямъ и дѣятельности, принося извѣстную долю добра, приноситъ въ то же время гораздо больше зла и сопровождается въ высшей степени нежелательными послѣдствіями—усиленіемъ сильнаго и угнетеніемъ слабаго, обогащеніемъ меньшинства на счетъ большинства, спекуляціей, кризисами и т. д. Вотъ что мы читаемъ относительно ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ газетѣ, относившейся къ нимъ прежде совсѣмъ иначе. Говоря объ увлеченіи, провозглашавшемъ ихъ панацеей отъ всѣхъ золъ, «Новое Время» спрашиваетъ: «Что же теперь осталось отъ этого увлеченія?» И отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «Столь же полное разочарованіе! Да, это фактъ. За короткій сравнительно срокъ существованія эти товарищества успѣли стяжать самую нелестную, но вполнѣ заслуженную репутацію: они въ огромномъ большинствѣ случаевъ обратились въ орудіе эксплуатаціи сельскаго населенія кулаками и всякаго рода проходимцами. И случилось такое превращеніе не случайно, а, напротивъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе той постановки, какая была дана ссудо-сберегательнымъ товариществимъ». Тѣ, кто наиболѣе нуждается въ кредитѣ, «не попали въ товарищества»,

«въ уголъ зданія легъ элементъ сельскаго населенія, наименѣе нуждающійся, какъ-то: причетники, служащіе въ помѣщичьихъ экономіяхъ, торговцы, члены сельскаго начальства разныхъ категорій, зажиточные крестьяне и т. п.». Вслѣдствіе этого ссудо-сберегательныя товарищества сразу получили характеръ коммерческаго кредита, только въ своеобразномъ видѣ: члены ихъ, лично не нуждаясь въ ссудахъ, занялись комиссіонерствомъ; ссуды стали выдаваться не членамъ, но за поручительствомъ членовъ, за которое они взимали съ дебиторовъ мзду либо натурой, въ видѣ работы, либо прямо деньгами. Это оказалось, конечно, выгоднымъ для членовъ и товарищества обратились въ замкнутые кружки, затрудняя поступленіе новыхъ членовъ, а «въ послѣдствіи дѣло еще упростилось: члены помѣнялись съ товариществомъ ролью комиссіонеровъ и стали брать ссуды лично для себя, чтобы потомъ уже отъ себя давать ихъ нуждаемся подъ болѣе высокіе проценты, т. е. стали заниматься ростовщичествомъ и нерѣдко безъ всякой церемоніи. Въ такомъ положеніи и остаются нынѣ ссудо-сберегательныя товарищества» (№ 2532).

Мало согласуются положенныя въ основу товариществъ начала и съ народными нравами, привычками и воззрѣніями, съ экономическими условіями среды и общиннымъ строемъ крестьянской жизни, а это также немаловажное обстоятельство для популярности и полезнаго дѣйствія кредита. Положимъ, что къ наживѣ человѣкъ скоро привыкаетъ, но все-таки это сопряжено съ извѣстными неудобствами и ломкою установившихся отношеній. Волостныя кассы были гораздо ближе къ народу. Болѣе высокія и справедливыя по принципу, не исключавшія неимущаго изъ своей среды, онѣ не удались на практикѣ исключительно вслѣдствіе неумѣлаго ихъ примѣненія и широкаго произвола даннаго волостному начальству и мѣстной бюрократіи вообще. Очень возможно, что въ административныхъ сферахъ у насъ есть теперь сторонники волостныхъ кассъ, но въ тѣхъ же сферахъ есть несомнѣнно и большіе ихъ противники. Въ то время, какъ волостныя кассы оказались заброшенными, постепенно падали и никому до этого не было никакого дѣла, ссудо-сберегательныя товарищества, напротивъ, пользовались всяческимъ поощреніемъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу газета, позднія разсужденія которой мы только что приводили: «Увлеченіе «ссудо-сберегательными товариществами», особенно около 1870 г. не знало границъ. Имъ покровительствовали нетолько частныя лица и земства, но само высшее начальство: министерство финансовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергало всякую иную форму народныхъ кредитныхъ учрежденій и предписывало слѣдовать въ точности принятому имъ образцовому уставу; генералъ-губернаторы заставляли исправниковъ учреждать ссудо-сберегательныя товарищества; «дѣятели», жаждавшіе возвышенія и служебныхъ благополучій, легко достигали того и другого, за-

нимаясь учрежденіемъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Печать курила фиміамы».

Въ особенности фиміамы эти поднимались со страницъ тогдашнихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», гдѣ сотрудничали нынѣшніе ихъ противники. Что касается до «Отеч. Зап.», то онѣ къ куренію этому ни мало не причастны и съ самаго учрежденія товариществъ отнеслись къ нимъ совершенно такимъ же образомъ, какъ относятся и теперь. Радостного въ этомъ, какъ понятно, мало, потому что дѣло отъ этого лучше не стало. Для насъ было бы гораздо радостнѣе, еслибы съ новыми сельскими банками не повторилось того же самаго, что̀ вышло съ ссудо-сберегательными товариществами, еслибы они организовались не по типу этихъ послѣднихъ, а на началахъ болѣе близкихъ народу и послужили бы первымъ основаніемъ правильнаго общиннаго кредита, который несомнѣнно имѣетъ огромную будущность и гораздо болѣе гарантированъ отъ спекулятивнаго направленія и служенія непроизводительнымъ цѣлямъ, чѣмъ всѣ другіе виды кредита. Мы не тѣшимъ себя при этомъ, конечно, надеждою, что одинъ такого рода кредитъ можетъ спасти общину отъ разрушенія, въ особенности, когда рядомъ будутъ дѣйствовать множество другихъ разрушающихъ ее вліяній; но не сомнѣваемся, что онъ явится въ крестьянской жизни цементирующимъ и зиждущимъ факторамъ, будетъ оказывать на общину охраняющее вліяніе, по крайней мѣрѣ, настолько же охраняющее ее, насколько кредитъ, основанный на узкомъ индивидуализмѣ, производитъ обратное дѣйствіе. Къ сожалѣнію, пока еще нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что сельскіе банки организуются именно въ этомъ смыслѣ и явятся выраженіемъ иныхъ началъ.

Изъ вышеприведеннаго опредѣленія государственнаго совѣта относительно порядка ихъ учрежденія, можно предполагать, что они явятся чѣмъ-то среднимъ между ссудо-сберегательными товариществами и волостными кассами. Пунктъ 1 установленныхъ этимъ опредѣленіемъ правилъ говоритъ о преобразованіи, по мѣрѣ надобности, существующихъ вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ бывшихъ крестьянъ государственныхъ, удѣльнаго вѣдомства и военныхъ поселеній. Конечно, это еще не опредѣляетъ самаго свойства и размѣровъ преобразованія, которое можетъ ограничиться только устраненіемъ наиболѣе важныхъ недостатковъ этихъ кассъ и не коснуться ихъ существа; а можетъ быть и предполагаетъ коренное ихъ измѣненіе. Пунктъ 2 правилъ, предоставляя открытіе сельскихъ банковъ «ближайшему усмотрѣнію министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ», ограничиваетъ ихъ открытіе лишь тѣми селеніями, гдѣ нѣтъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, и дозволяетъ открывать ихъ въ этихъ селеніяхъ «лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда частными лицами будутъ сдѣланы пожертвованія на устройство такихъ банковъ или кассъ въ этихъ именно селеніяхъ». Такъ какъ кромѣ частныхъ пожертвованій на устройство банковъ не возбраняется

«предназначать» суммы земскимъ учрежденіямъ и сельскимъ обществамъ, то «Новое Время», и дѣлаетъ отсюда выводъ, что «земства, стало быть, или сельскія общества ни въ какомъ случаѣ не могутъ предназначать суммы на устройство новыхъ кредитныхъ учрежденій рядомъ съ ссудо-сберегательными товариществами, хотя бы съ полною ясностью видѣли ростовщическій характеръ этихъ послѣднихъ, во многихъ мѣстахъ ими усвоенный» (№ 2535). Останавливаясь на этихъ ограниченіяхъ, газета добавляетъ, что ограниченія эти «весьма характерны», такъ какъ, «свидѣтельствуя о попечительности финансовой администраціи въ отношеніи къ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ», они заставляютъ думать, что въ высшихъ финансовыхъ сферахъ еще не утратили своего обаянія начала и воззрѣнія, которыми были вызваны къ жизни ссудо-сберегательныя товарищества.

Нельзя также не обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство, небезинтересное, какъ въ этомъ смыслѣ, такъ и въ смыслѣ чисто практическихъ затрудненій, при открытіи новыхъ банковъ. Для открытія и для дѣятельности ихъ не предназначается и не предусматривается никакого особаго капитала, за исключеніемъ частныхъ пожертвованій, мірскихъ суммъ и земскихъ назначеній. Но частныхъ жертвователей, конечно, будетъ немного; у земствъ либо мало либо совсѣмъ нѣтъ денегъ, а мірскіе капиталы въ большинствѣ случаевъ существуютъ лишь только на бумагѣ. Земства беспрестанно прибѣгаютъ къ правительству за ссудами на продовольствіе, не могутъ устроить школъ и больницъ, весьма часто не платятъ жалованья нетолько служащимъ въ управахъ, но даже врачамъ и сельскимъ учителямъ. Расчетъ на нихъ значитъ плохой. Не болѣе можно разсчитывать и на мірскіе капиталы. Вотъ что, напр., писали въ прошломъ году «Голосу» изъ Чернигова: мірскіе капиталы, образовавшіеся въ довольно значительныхъ размѣрахъ у государственныхъ крестьянъ и казаковъ въ то время, когда сословія эти состояли въ вѣденіи палаты государственныхъ имуществъ, были въ 1866 г. слиты съ мірскими капиталами бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и перешли затѣмъ въ вѣденіе волостныхъ сходовъ. Сходы составили приговоры о раздачѣ ихъ «въ ссуду для приращенія процентовъ», откуда они, вслѣдствіе безпорядочнаго веденія дѣлъ, разумѣется и не возвращаются. Въ настоящее время,

«по 13-ти уѣздамъ Черниговской губерніи такого капитала насчитывается 629,159 руб.; сверхъ того, имѣются капиталы, принадлежащіе малолѣтнимъ. Такихъ капиталовъ въ 13-ти уѣздахъ насчитывается до 150,000 рублей. Значитъ, всѣхъ суммъ, предназначенныхъ для удовлетворенія потребности въ мелкомъ сельскомъ кредитѣ, около 779,000 рублей. Казалось бы, что крестьяне Черниговской губерніи должны пользоваться мелкимъ кредитомъ и не прибѣгать къ ростовщикамъ, а на самомъ дѣлѣ отсутствіе кредита, главнымъ образомъ, составляетъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ экономическихъ условій быта сельскаго населенія губерніи. Причина этого повидимому страннаго явленія заключается въ томъ, что вспомогатель-

ныя кассы, гдѣ должны находиться сказанные капиталы, вслѣдствіе неправильной постановки дѣла, находятся нынѣ въ такомъ положеніи, что обороты ихъ совершенно прекратились. Изъ оффиціальныхъ, напримѣръ, источниковъ извѣстно, что громадная часть ссудъ, выданная болѣе десяти лѣтъ назадъ не возвращается и по настоящее время, да сверхъ того, часть ссудъ причислена къ безнадежнымъ, вслѣдствіе смерти, обѣднѣнія заемщиковъ и т. п. причинъ».

Ясное дѣло, что нетолько полностью и «съ приращеніемъ процентовъ», но даже отчасти врядъ ли можно будетъ собрать съ крестьянъ всѣ эти ссуды, такъ какъ у нихъ много и другихъ текущимъ платежей; а потому придется либо снести ихъ въ счетъ недоимокъ и приступить къ совершенно безплодному принудительному взысканію, либо ждать пока экономическое положеніе заемщиковъ поправится и они сами внесутъ то, что брали. Тоже самое, или приблизительно тоже самое можно встрѣтить и въ другихъ губерніяхъ. Ясное дѣло, что расчитывать на мірскіе капиталы нельзя, а потому новые сельскіе банки на первомъ же шагу встрѣчаютъ огромное препятствіе, такъ что и въ этомъ отношеніи они находятся въ менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ сельскіе банки. Хотя и послѣдніе, при возникновеніи своемъ не имѣли спеціально ассигнованныхъ суммъ, но тогда у земствъ было гораздо больше денегъ, а потомъ вскорѣ имъ былъ открытъ кредитъ въ государственномъ банкѣ, которымъ они и пользуются. Относительно послѣдняго чрезвычайно важнаго для сельскихъ банковъ обстоятельства пока ничего не говорится ни оффиціально, ни въ частныхъ газетныхъ сообщеніяхъ и слухахъ. На все это, конечно, не возбраняется надѣяться, а потому будемъ надѣяться. Можетъ быть, когда выработаются основанія и опредѣлится окончательно форма сельскихъ банковъ, будетъ признано полезнымъ даже измѣнить организацію ссудо-сберегательныхъ товариществъ и преобразовать ихъ въ сельскіе банки. Все можетъ быть, а пока мы больше всего желаемъ, чтобы было обращено серьёзное вниманіе на начала, которыя желательно было бы положить въ основу народнаго кредита. Желательно было бы, чтобы народный кредитъ оказывался не спекулянтамъ, не частнымъ предпринимателямъ и всевозможнымъ посредникамъ (для нихъ есть особыя кредитныя учрежденія), а непосредственно народной производительности, непосредственно народному труду. Тогда онъ всегда будетъ обезпеченъ отъ потерь. Затѣмъ, желательно было бы, чтобы народный кредитъ былъ непремѣнно общиннымъ, дабы одинъ человѣкъ не былъ сыномъ, а другой пасынкомъ своей страны, дабы неимущій не устранялся отъ пользованія кредитомъ и не лишался возможности поправиться, и, наконецъ, желательно, чтобы учрежденія народнаго кредита были возможно болѣе обособлены отъ учрежденій частнаго кредита и были поставлены въ правильную связь съ кредитомъ государственнымъ. Случаи и поводы отношеній народныхъ кредитныхъ учрежденій къ частнымъ акціонернымъ бан-

камъ могутъ быть установлены и постоянно регулируемы при помощи государственнаго банка, который можетъ быть гораздо подвижнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ былъ до сихъ поръ, проявляя, впрочемъ, не разъ эту подвижность и дѣятельность въ отношеніи спб. общ. взаимнаго кредита и нѣкоторыхъ другихъ банковъ. Свидѣтельствуя на судѣ, что оборотъ общества взаимнаго кредита доходилъ до милліарда въ годъ и что было время, когда общество взаимнаго кредита, по своимъ кассовымъ средствамъ, было сильнѣе государственнаго банка «г. Ламанскій не добавлялъ, конечно, что этотъ необыкновенный фактъ былъ простымъ слѣдствіемъ весьма простой причины, заключавшейся въ томъ, что артельщики взаимнаго кредита то и дѣло являлись въ государственный банкъ и уносили изъ него, съ благоволѣнія и разрѣшенія г. Ламанскаго, всю свободную кассовую наличность». («Бирж. Вѣд.»). Участіе и помощь государственнаго банка дѣлу народнаго кредита даже необходимы. Цѣлыхъ 20 лѣтъ занимались мы содѣйствіемъ чисто спекулятивнымъ предпріятіямъ, истребившимъ у насъ огромные капиталы, которые ушли отчасти за-границу, а отчасти были израсходованы непроизводительно дома; причемъ мы совершенно, повидимому, упускали изъ виду, что отчужденіе отъ народа не проходитъ даромъ, что поощреніе промышленности, не принаравленной къ народнымъ нуждамъ, при неимѣніи внѣшнихъ рынковъ для сбыта, никогда не приведетъ промышленность къ процвѣтанію, что постройка желѣзныхъ дорогъ, когда по нимъ возить нечего, будетъ только бременемъ, что поощреніе крупнаго землевладѣнія, при настоящихъ экономическихъ условіяхъ и отсутствіи владѣльцевъ, не создастъ высокой сельско-хозяйственной культуры. Мы думали, что кредитъ подъ земли, фабричныя зданія, разные инвентари и т. д., вполнѣ обезпеченъ, такъ какъ все это представляетъ де капиталъ, и, кажется, при этомъ не думали, что въ дѣйствительности обезпечивается кредитъ трудомъ, а не вещественными предметами залога, что трудъ и его производительность являются главною гарантіею даже внѣшнихъ нашихъ займовъ и государственнаго кредита. Поплатились за все это мы обѣднѣніемъ и нѣсколькими экономическими кризисами, которые длятся до сихъ поръ. Мы думаемъ теперь, что наши банки лопаются отъ несовершенства ихъ уставовъ, недостатка контроля и «халатности» отношеній къ дѣлу правленій и повѣрочныхъ совѣтовъ, и надѣемся пособить бѣдѣ исправленіемъ уставовъ и регламентаціей банковой дѣятельности; но не подлежитъ, разумѣется, никакому сомнѣнію, что мы впадаемъ при этомъ въ новую и еще болѣе прискорбную ошибку. Бумажными поправками не поправишь дѣла, если оно стоитъ неправильно, а регламентаціей и строгостями такъ можно стѣснить частную предпріимчивость, что она, убѣдившись въ невозможности обходить законъ окольными путями, скорѣе совсѣмъ откажется отъ кредита, чѣмъ лишится надежды на чрезвычайный заработокъ, и тѣмъ окончательно посадитъ наши банки

на мель. Съ другой стороны, у насъ имѣются всѣ условія для приложенія огромнаго количества народнаго труда, растрачиваемаго теперь самымъ непроизводительнымъ образомъ и нуждающагося въ свободѣ дѣятельности и въ поддержкѣ кредитомъ.

Всѣ перечисленные мною кредитные проэкты: для болѣе выгодной продажи хлѣба и воспрепятствованія скупщикамъ скупать его за безцѣнокъ, для покупки земли и машинъ, обсѣмененія полей и т. д., указывая на всесторонность крестьянской нужды, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, при осуществленіи своемъ въ розницу, мѣстами и отдѣльными попытками, не принесутъ народу необходимой пользы, какую могли бы принести въ томъ случаѣ, еслибы были осуществлены одновременно, въ достаточныхъ размѣрахъ и объединены въ цѣлую связную систему. Изъ всѣхъ этихъ вновь проэктированныхъ банковъ наиболѣе важенъ и наиболѣе правильно поставленъ въ отношеніи государственной помощи, разумѣется, крестьянскій земельный банкъ, но и онъ, оставаясь отдѣльно, не принесетъ, конечно, той пользы, какую могъ бы принести въ связи съ правильно устроенными сельскими банками. Банкъ этотъ, впрочемъ, и по другимъ причинамъ, а именно: вслѣдствіе недостаточности капитала и ошибокъ, вкравшихся въ его организацію, вѣроятно, далеко не оправдаетъ возлагающихся на него надеждъ.

Въ прошломъ № «Отечественныхъ Записокъ», въ статьѣ г. Лобачевскаго, говорилось по этому довольно обстоятельно, но авторъ недостаточно выяснилъ одну, чисто практическую сторону дѣла. Мы говоримъ о выдачѣ ссудъ не вполномъ размѣрѣ покупной цѣны, что должно заставить крестьянъ обращаться за дополнительными ссудами къ частнымъ лицамъ, къ кратсрочному кредиту и къ общимъ кредитнымъ учрежденіямъ. Чѣмъ крестьяне бѣднѣе и больше нуждаются въ землѣ, тѣмъ имъ будетъ труднѣе пріобрѣсти таковую безъ дополнительнихъ займовъ, а чѣмъ больше у нихъ будетъ дополнительныхъ займовъ, тѣмъ труднѣе будетъ удержать землю. Имѣя двойныя, а можетъ быть даже и тройныя долговыя обязательства, покупатель будетъ крайне обремененъ платежами и стѣсненъ сроками платежей. Неуплата въ срокъ капитала и %% будетъ, конечно, нѣкоторое время сопровождаться приписываніемъ %% и пеней за просрочку къ долгу, сумма котораго будетъ вслѣдствіе этого возрастать, пока самъ кредиторъ или какое-нибудь предпріимчивое частное лицо не пожелаетъ воспользоваться задолженнымъ положеніемъ заемщика. Весьма возможны случаи, что купленная крестьянами земля, послѣ того, какъ они въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ проплатятъ за нее въ банкъ и погасятъ значительную долю капитальнаго долга, будетъ доставаться скупщикамъ, за сдѣланную ими дополнительную ссуду крестьянамъ, при чемъ всѣ сдѣланные послѣдними въ банкъ платежи могутъ пропадать. Это, конечно, будетъ не безвыгодно какъ для предпріимчивыхъ частныхъ лицъ, такъ и для банковъ, которымъ не-

выгодно же въ самомъ дѣлѣ будетъ ждать, пока заемщикъ разбогатѣетъ. Предпріимчивые люди всегда найдутся. Въ Кіевской, напримѣръ, губерніи недавно начались спекуляціи на крестьянскіе надѣлы при помощи ничтожныхъ ссудъ, въ 25—50 р., для уплаты за землю, снимаемую крестьянами подъ посѣвы на сторонѣ. Вотъ какъ описываетъ эту операцію корреспондентъ «Русскаго Курьера». «Въ недавнее время, во многихъ мѣстахъ Кіевской губерніи изъ класса деревенскихъ Разуваевыхъ выдвинулась на сцену особая разновидность, задавшаяся цѣлью, путемъ денежной ссуды, окончательно обезземеливать своихъ собратьевъ-бѣдняковъ... Явится нуждающійся бѣднякъ къ хищнику этой разновидности и всячески умоляетъ его ссудить два—три десятка руб.; хищникъ, отлично знающій безвыходное положеніе бѣдняка, соглашается дать деньги, съ однимъ лишь условіемъ—подъ залогъ извѣстной части полевого надѣла. Бѣднякъ вынужденъ бываетъ согласиться... Сначала закладывается, обыкновенно года на 2—3, только небольшая часть пахатнаго поля, но, съ уменьшеніемъ поля, естественно, уменьшаются и средства къ существованію. И вотъ, года черезъ два, бѣднякъ опять является къ своему благодѣтелю, опять дѣлаетъ заемъ и на этотъ разъ перезакладываетъ уже заложенный участокъ на болѣе продолжительный срокъ, лѣтъ на 10 и болѣе, или же отдаетъ подъ залогъ другую часть своего полевого надѣла. Такимъ путемъ новые деревенскіе хищники, въ концѣ-концовъ, непремѣнно достигаютъ того, чего желали».

Выдача ссудъ въ неполномъ размѣрѣ покупной цѣны, въ связи съ недостаточностью ассигнованного земельному банку капитала и замедленіемъ перваго выпуска его облигацій, обратили уже на себя вниманіе, какъ частныхъ лицъ и земствъ, такъ и высшихъ сферъ. Объ этомъ можно заключить изъ прошедшихъ въ печать слуховъ и нѣкоторыхъ уже осуществившихся въ законодательномъ порядкѣ дополнительныхъ кредитныхъ мѣръ. Такъ, напр., въ прошломъ году трубчевское общ. вз. кредита ходотайствовало о выдачѣ краткосрочныхъ ссудъ сельскимъ обществамъ и товариществамъ изъ крестьянъ, и государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе объ этомъ министра финансовъ, разрѣшилъ это трубчевскому обществу вз. кредита и предоставилъ министру финансовъ разрѣшать тоже самое и другимъ обществамъ взаимнаго кредита, дополняя ихъ уставы соотвѣтственными правилами. Хотя главною цѣлью своего ходатайства трубчевское общ. вз. кредита и выставляло только избавленіе крестьянъ отъ ростовщиковъ, и такого рода кредитъ будетъ кредитомъ краткосрочнымъ, но для дополнительныхъ займовъ крестьяне могутъ, конечно, прибѣгать и къ нему, а въ исключительныхъ случаяхъ, въ надеждѣ на открытіе земельнаго банка и перенесенія туда краткосрочной ссуды, для замѣны ея долгосрочною, можетъ быть будутъ обращаться и не за однѣми дополнительными ссудами. Затѣмъ, въ прошломъ же году, про-

никъ въ газеты также слухъ, что будто бы министерство финансовъ само обращалось къ обществамъ взаимнаго поземельнаго кредита и акціонернымъ земельнымъ банкамъ «съ предложеніемъ обсудить возможность принятія на себя операцій по выдачѣ ссудъ крестьянамъ на покупку земель («Совр. Изв. № 51»); но слухъ этотъ пока еще не подтвердился, да и нежелательно, конечно, чтобы подтвердился, такъ какъ дѣла земельныхъ банковъ крайне запутаны и соприкосновеніе, а тѣмъ подавно соединеніе съ нимъ операцій крестьянскаго земельнаго банка ни къ чему хорошему повести не можетъ. Банки, разумѣется, не безъ удовольствія переложили бы просроченныя имѣнія, подъ которыя выданы значительно превышающія ихъ дѣйствительную стоимость ссуды, на крестьянскія плечи, это, конечно, влило бы въ нихъ нѣкоторое оживленіе; но для крестьянъ было бы крайне невыгодно. Кто самъ виноватъ, тотъ пускай самъ и расплачивается, и содѣйствіе перенесенію чужихъ спекулятивныхъ ошибокъ и убытковъ на крестьянство не можетъ, разумѣется, входить въ дѣятельность министерства финансовъ. Повторяемъ: народный кредитъ долженъ быть дѣломъ совсѣмъ особымъ, а пріобрѣтаемая крестьянствомъ земля не должна быть предметомъ игры и не должна быть выносима на биржу. Сообщались еще свѣдѣнія и о другихъ болѣе близкихъ дополнительныхъ къ поземельному банку попыткахъ. Нѣкоторыя земства, какъ напр., харьковское, черниговское, полтавское и екатеринославское проэктировали открытіе у себя особыхъ крестьянскихъ земельныхъ банковъ, вслѣдствіе чего будто бы министерство внутреннихъ дѣлъ предлагало внести на разсмотрѣніе земскихъ собраній проэктъ такого рода банковъ («Р. Кур.»). Въ нѣкоторыхъ земствахъ, дѣйствительно, разсматривали въ прошломъ году вопросъ о земельномъ кредитѣ, но имѣется ли на самомъ дѣлѣ въ виду выработать особый уставъ земскихъ крестьянскихъ банковъ—не знаемъ.

Возвращаясь къ выдачѣ ссудъ въ неполномъ размѣрѣ спеціальной оцѣнки, нельзя не сказать, что такая мѣра не представляетъ собою одной только банковой формальности, а имѣетъ и нѣкоторое, хотя и довольно шаткое, основаніе, лежащее въ исключительныхъ условіяхъ земельной продажи. Дѣло въ томъ, что земля крестьянамъ очень нужна, въ особенности, если приходится межа къ межѣ, образуетъ отрѣзки, содержитъ воду, входитъ въ ихъ землю клиномъ и т. п.; между тѣмъ цѣны на землю, благодаря ненормальному спросу, и безъ того подняты гораздо выше ея дѣйствительной стоимости, а, при возможности продать ее крестьянамъ, продавецъ, вѣроятно, еще надбавитъ, такъ какъ имъ это все-таки можетъ быть выгоднѣе, чѣмъ платить ежегодно высокую аренду, превышающую обычный размѣръ % даже съ этой цѣны. Такимъ образомъ, возможно, что невыдача полной ссуды и невозможность достать нигдѣ дополнительной суммы заставитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ продавцовъ поступиться цѣною; но за то

въ другихъ случаяхъ, когда владѣльцы не уступятъ, крестьяне должны будутъ отказаться отъ земли или упустятъ ее. Такъ, въ «Смол. Вѣстн.», напримѣръ, писали изъ Юхновскаго уѣзда, что крестьяне деревни Сазонова, Митковской волости, хотѣли было купить 243 дес., прилегающихъ къ ихъ усадьбѣ и которыя они постоянно арендовали, такъ какъ обойтись безъ этой земли имъ нельзя. Выборные отъ общества отправились къ г. К. и сторговались на 8000 руб. Сколотили 3000 руб. и снесли ихъ въ задатокъ, но нужно было уплатить еще 5000 руб., которыхъ не было. «Кидались, какъ говорятъ, туда и сюда и нигдѣ ничего не достали»! А тѣмъ временемъ мѣстный Крезъ не дремалъ и перебилъ у нихъ землю. «Хорошо еще, говоритъ корреспондентъ, что г. К. задатокъ крестьянамъ возвратилъ А то и этого не дѣлаютъ».

Затѣмъ, цѣны на землю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того поднялись, что къ нимъ и не приступишься. Такъ, напримѣръ, корреспондентъ «Русск. Вѣд.» сообщаетъ, что въ то время какъ на Кавказѣ за Кубанью крестьяне съ нетерпѣніемъ ждутъ открытія земельнаго банка, въ Курской губерніи, съ гораздо болѣе густымъ населеніемъ, напротивъ, относятся къ учрежденію банка довольно равнодушно. «Дѣло въ томъ, поясняетъ онъ: — что въ Курской губерніи земли вздорожали до того, что новый земельный банкъ едва ли сможетъ принести тамъ существенную пользу. Учредись этотъ банкъ пятью или шестью годами ранѣе, нѣтъ сомнѣнія, что большинство имѣній, попавшихъ въ этотъ срокъ въ руки кулаковъ, были бы въ рукахъ земледѣльцевъ. Въ то время лучшія имѣнія Курской губерніи, съ постройками, скотомъ и посѣвомъ продавались не дороже ста рублей за десятину. Теперь цѣна дошла уже до 200 руб.» (№ 114, 1882).

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ слуха объ открытіи банка, крестьяне до того торопятся покупать землю, что совсѣмъ не соображаются съ цѣною — лишь бы только поскорѣе купить, такъ что администрація начинаетъ вмѣшиваться въ сдѣлки и имѣетъ къ тому основанія. Такъ, напримѣръ, пензенскій губернаторъ издалъ въ концѣ прошлаго года

«циркуляръ, которымъ рекомендуетъ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, полицейскимъ управленіямъ и волостнымъ правленіямъ предупреждать крестьянъ о послѣдствіяхъ легкомысленныхъ сдѣлокъ по покупкѣ ими земель. Поводомъ къ изданію такого циркуляра послужило слѣдующее обстоятельство: вслѣдствіе распространившихся въ народѣ извѣстій объ открытіи въ непродолжительномъ времени дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка, нѣкоторыя крестьянскія общества, разсчитывая на возможность получить ссуду, вошли въ сдѣлки съ землевладѣльцами по покупкѣ земли, заплатили болѣе или менѣе значительные задатки, совершили запродажныя записи или задаточныя росписки, назначивъ короткіе сроки на совершеніе купчихъ крѣпостей и послѣ всего этого обратились къ губернатору съ просьбой о содѣйствіи имъ къ окончанію задуманныхъ предпріятій, заявляя, что у нихъ нѣтъ денегъ для уплаты остальной суммы за заторгованныя земли. Губерна-

торъ, конечно, долженъ былъ отклонить эту крестьянскую просьбу» («Моск. Вѣд.», 362, 82 г.).

Сообщивъ все это, губернаторъ присовокуплялъ: «Затѣмъ я получилъ свѣдѣнія, что крестьяне имѣютъ неправильное понятіе относительно положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ; они убѣждены, что банкъ будетъ выдавать имъ въ ссуду по 125 р. на каждую наличную душу, несмотря на то, какое количество земли они покупаютъ и какого качества эта земля. Въ этомъ заблужденіи крестьяне одного общества заторговали землю по 108 р. за десятину въ той мѣстности, гдѣ частными лицами куплена земля лучшаго качества всего по 50 руб. за десятину. Крестьяне другого селенія предлагаютъ своему помѣщику по 140 р. за десятину, разсчитывая получить изъ банка по 125 р., а по 15 р. заплатить изъ своего кармана вмѣсто арендной платы за землю».

Все это, вѣроятно, въ концѣ концовъ, будетъ приводить къ тому, что крестьяне землю не удержатъ и она будетъ переходить изъ рукъ въ руки, сдѣлается предметомъ спекуляціи. О вредѣ излишней мобилизаціи земли мы уже неоднократно говорили. Этому будутъ содѣйствовать и проэктированныя въ министерствѣ финансовъ облегченія земельныхъ сдѣлокъ, мѣра въ сущности весьма недурная, и еще болѣе явное предпочтеніе и поощреніе, какое имѣетъ оказывать банкъ личному землевладѣнію. Размѣръ ссудъ, при покупкѣ земли въ общинное или товарищеское пользованіе, опредѣляется положеніемъ въ 125 р. на каждую наличную душу мужского пола, а при подворномъ владѣніи въ 500 р. (§ 15). Почему формѣ личнаго владѣнія сказано предпочтеніе передъ формою общиннаго, составляющаго едва ли не самое дорогое достояніе нашей народности, неизвѣстно...

Но надо употребить всѣ усилія, чтобы крестьянская земля и народное достояніе не сдѣлались предметомъ спекуляціи, а лучше всего было бы, разумѣется, еслибы былъ организованъ правильный государственный выкупъ земель и потомъ земля передавалась бы уже крестьянамъ на условіяхъ выкупа же или оброчнаго пользованія.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

«ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ»

1883 г.

(По общей нумераціи тома CCLXV).

Мартъ № 3.

СТРАН.

ДНЕВНИКЪ НОТАРІАЛЬНАГО ПИСЦА. Очерки, замѣтки, воспоминанія. **Дмитрія Гирса**. 5

НѢСКОЛЬКО КОЛЬЕВЪ. (Разсказъ). **Коронина**. 71

РОМАНСЫ. **А. Боровиковскаго**. 90

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ. Гл. XXXIX—XLIII. **А. Скабичевскаго**. 91

КАМОРРИСТЫ. Разсказъ **Маргариты Галлети-Ди-Кадильякъ**. 129

ПОЭТЪ. (Изъ «Черныхъ Дней». *Стихотвореніе*). **А. Боровиковскаго**. 171

ДВѢ ПРАВДЫ. (Письма Лизы). **Н. Златовратскаго**. 173

СТРАНА ПОЛУНОЧНАГО СОЛНЦА И ГРАМАТНЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ. (*Окончаніе*). 210

СТАРЫЙ САДЪ. (Разсказъ). **Максима Бѣлинскаго**. 241

СЕРДЦЕ ЭРИНА. Современный ирландскій романъ **миссъ Овенсъ Блакбурнъ**. (Приложеніе въ концѣ книги. *Окончаніе*).

Апрѣль № 4.

ДНЕВНИКЪ НОТАРІАЛЬНАГО ПИСЦА. Очерки, замѣтки, воспоминанія. Гл. X—XVI. **Дмитрія Гирса**. 283

ОТРАН.

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА. Сочин. **Чіамполи.** (Очеркъ съ итальянскаго). 341
ХЛОПОТЫ НАУКИ СЪ НИЗШИМИ ОРГАНИЗМАМИ. **Н.** 363
БОРЬБА. **И. Б.** 397
ТРІУМФАТОРЪ. **Н. Яковлева.** 421
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ. Гл. XLIV—XLVII. **А. Скабичевскаго.** 495
ПРИЗЫВЪ. (*Стихотвореніе*). **С. Фруга.** 531
КАТРЯ. Очеркъ изъ жизни украинскихъ помѣщиковъ. **Максима Бѣлинскаго.** 533
ГЕДЕОНЪ ФЛИСЪ. Романъ **Генри Люси.** (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 1—48).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мартъ № 3.

МѢЩАНЕ И «ГОРОДЪ». **Я. Абрамова.** 1
ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О МЕЛКОМЪ ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ КРЕДИТѢ. 22
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Продолженіе обсужденія вопроса о претендентахъ. — Затянувшійся кризисъ. — Вступленіе генерала Тибодена въ кабинетъ Фалльера.—Прошлое Тибодена и пререканія, возникшія по этому поводу. — Инцидентъ въ Монпеллье. — Заявленіе военнаго министра о принцахъ, служащихъ во французскомъ войскѣ.—Чтеніе конца рѣчи заболѣвшаго министра-президента.—Мадье де-Монжо и полное изгнаніе претендентовъ.—Ироническое предложеніе Андріё.—Платоническій протестъ, заявленный Анатолемъ де-Ла-Форжемъ. — Голосованіе сдѣлки, предложенной Фабромъ.—Выходъ въ отставку Жана Казиміра Перье.— Въ сенатѣ: докладъ Аллу и пренія 10—12 февраля.— Новая сдѣлка, предложенная Барбэ. — Освобожденіе принца Наполеона и его визитъ къ экс-императрицѣ.— Рѣчи гг. Аллу, Шальмель-Лакура, Бартелеми Сент-Илера, Девеса, Толена, Жоригеберри, Барду, Кламажерана, Анри Мартена въ сенатѣ.—Поправка Леона Сэ и Ваддингтона. — II. Новое министерство Ферри.— Подача въ отставку кабинета Фалльера. — Ссора въ

СТРАН.

палатѣ между депутатомъ Форе и министромъ де-Маги.—Демонстраціи: негоціантовъ и рабочихъ палатъ въ Елисейскомъ дворцѣ. — Возвращеніе къ предложенію Барбэ.—Флокэ беретъ назадъ свое предложеніе.—Мадье де-Монжо и рѣзкое выраженіе, обращенное имъ къ сенату.—Протестъ епископа Фреппеля.—Голосованіе сенатскаго предложенія. — Окончательное отверженіе его въ сенатѣ 17-го. — Радостная минута для герцога де-Брольи. — Образованіе министерства Ферри 21-го. — Его гамбеттистскій составъ.—Министерское заявленіе 22-го февраля.—Декреты 23-го.—Добровольное изгнаніе принцевъ.—III. Театръ и музыка.—Разныя новости.—«La Glu» Ришпена.—«Le Nom» театральнаго критика Бержера. — Передѣлка изъ романа Ж. Кларети. — «Le Nouveau Monde», странная пьеса страннаго автора.—Новая опера Лекока «Princesse de Canaris».—Чествованіе Вагнера.—Народная опера.—81 годовщина Виктора Гюго.—Окончаніе романа Зола «Au Bonheur des Dames». **Людовика**. 54

НОВЫЯ КНИГИ. Русскимъ дѣтямъ. Изъ соч. Ѳ. М. Достоевскаго.—Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. К. К. Зейдлица. — Не въ бровь, а въ глазъ. Дмитрія Минаева.—Нольде. «Послушаемъ». — Баллады Шиллера. Д. В. Цвѣтаева. 73

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. **Посторонняго**. 88

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ 101

Апрѣль № 4.

БОСАЯ КОМАНДА. **Я. Абрамова**. 121

ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О МЕЛКОМЪ ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ КРЕДИТѢ. Гл. IV—V. **Н. Лобачевскаго**. . . 150

МАТЕРЬЯЛЫ ПО СТАТИСТИКѢ С.-ПЕТЕРБУРГА. **П. Г.** 184

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Политика.—Три неудавшіеся дня.—Рабочій кризисъ, эксплуатированный монархистами и анархистами.—Митингъ 9-го марта на эспланадѣ Инвалидовъ.—Луиза Мишель и булочныя на Севрской улицѣ. — Запросъ Кассаньяка 10-го марта. — Дѣвица д'Эрленкуръ. — Ивъ Гюйо, избитый революціонерами и спасаемый полиціей.—Прогулки и нападенія 11-го марта. — Рабочее собраніе на Ліонской улицѣ и его петиціи.—Мѣры и намѣренія пра-

СТРАН.

вительства.—Предложенія муниципальному совѣту.—Военныя, полицейскія и судебныя предосторожности.—Промахъ судебнаго слѣдователя.—18-е марта.—Окончаніе парламентской сессіи 19-го. — Сенатъ, палата, принцы и клерикалы, одобряющіе колоніальную политику Шальмель-Лакура. — Муниципальный законъ и различныя преобразованія, предпринятыя депутатами.—Отклоненіе предложенія объ амнистіи въ пользу осужденныхъ въ Ріомѣ и Ліонѣ. — Ходатайство англійскихъ ученыхъ въ пользу Крапоткина.—Пересмотръ конституціи, отложенный палатою. — Основаніе Лиги въ пользу пересмотра.—Выходка монархической газеты противъ графа Шамбора. — II. Театръ, нравы.—Новая опера Сен-Санса «Генрихъ VIII».—«Формоза» Вакери и ея успѣхъ въ Одеонѣ.—Возобновленіе пьесы Ожье «Les Efferontés». — «Le roi de Grecs» на сценѣ театра Gaîté. — «l'As de Trèfle» въ Ambigu.—Палерояльскія и другія театральныя новости.—Скандалезный вердиктъ суда присяжныхъ.—Дѣла Полиньяка, Мэніэля и Монастеріо. **Людовика**. 190

НОВЫЯ КНИГИ. Н. В. Слюнинъ. Матеріалы для изученія народной медицины въ Россіи. — Л. Н. Нисселовичъ. Исторія заводско-фабричнаго законодательства Россійской имперіи.—Повѣсти и разсказы Б. М. Маркевича.—Современная критика и причины ея упадка. Этюдъ Е. Каро.—Исторія XIX вѣка. Соч. Мишле.—Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. . 210

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. **Посторонняго**. 225

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ. 242

ГЕДЕОНЪ ФЛИСЪ.

РОМАНЪ

ГЕНРИ ЛЮСИ [1].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Мистеръ Гедеонъ Флисъ стоялъ у окна въ одномъ изъ домовъ Карлтонъ-Стрита. Онъ занималъ квартиру въ первомъ этажѣ уже нѣсколько лѣтъ, а до него тутъ жили и занимались своимъ стариннымъ почтеннымъ ремесломъ его отецъ и дѣдъ.

Лучшимъ доказательствомъ долговременнаго занятія квартиры служила мебель, не потому, чтобъ она была очень изношена, но она была такого вида, который не приходится по вкусу людямъ, которые нанимаютъ квартиры въ первомъ этажѣ и въ модномъ кварталѣ. Столы и стулья были массивнаго краснаго дерева, а большой диванъ могъ при случаѣ замѣнить двухспальную кровать. На полу лежалъ турецкій коверъ, значительно полинявшій, но въ свое время не имѣвшій цѣны. Онъ, однако, достался очень дешево отцу мистера Гедеона Флиса, который получилъ его отъ одного офицера, привезшаго его съ Востока, въ счетъ процентовъ по займу, не превышавшему и десятой доли цѣнности ковра.

Въ нѣкоторыхъ военныхъ кружкахъ домъ, гдѣ жилъ мистеръ

---

[1] Настоящій романъ—первая попытка въ изящной литературѣ Генри Люси, извѣстнаго журналиста, сотрудника «Daily News» и старшины газетныхъ стенографовъ въ палатѣ общинъ, встрѣченъ очень сочувственно всѣми органами англійской печати, которые предсказываютъ блестящую будущность новому романисту, доказавшему своимъ первымъ произведеніемъ, что онъ обладаетъ беллетристическимъ талантомъ, юморомъ и глубокимъ знаніемъ англійскаго политическаго міра.

Гедеонъ Флисъ, былъ извѣстенъ подъ именемъ «Паутины» и много ходило шутокъ о пожиломъ джентльмэнѣ, теперь рѣдко появлявшемся въ околодкѣ и носившемъ кличку «Паука».

Самъ Гедеонъ Флисъ, стоя у окна, убраннаго тяжелой красной занавѣсью, мѣшавшей проникать въ комнату слишкомъ много свѣта, ни мало не походилъ на паука. Это былъ дородный, цвѣтущій, краснощекій мужчина лѣтъ сорока. Онъ казался олицетвореніемъ здоровья и добродушія; лицо его было такое пріятное и внушало столько довѣрія, что на улицахъ нищіе не отставали отъ него, пока онъ не давалъ имъ нѣсколькихъ пенсовъ. Онъ былъ хорошо одѣтъ, т. е. его одежда была изъ дорогого матеріала, хорошо сшита и всегда была съ иголочки. Онъ принадлежалъ къ тому рѣдкому и счастливому разряду людей, у которыхъ, повидимому, всегда новая шляпа. Вообще можно было сказать, что весь его туалетъ, отъ шляпы до сапогъ, слишкомъ блестѣлъ новизною.

Онъ любилъ носить все новое нетолько по причинѣ своего богатства, но и потому, что въ послѣдніе два или три года онъ вѣчно жаждалъ перемѣны даже въ такихъ мелочахъ, какъ перчатки и шляпа. Если онъ ничего не измѣнилъ въ меблировкѣ и обстановкѣ своей квартиры въ Карлтонъ-Стритѣ, то лишь потому, что они составляли неотъемлемую часть его существа, и онъ ихъ не замѣчалъ, подобно воздуху, которымъ онъ дышалъ, и небу, разстилавшемуся надъ его головой. Но три года тому назадъ, онъ купилъ такъ называемый маленькій «коттеджъ», который, въ сущности, не былъ коттеджемъ, а большимъ приличнымъ домомъ среди обширнаго помѣстья и стоилъ крупной суммы денегъ. Гедеонъ охотнѣе называлъ его коттеджемъ, предоставляя другимъ имѣть зàмки, дворцы и проч., хотя этотъ коттеджъ, по окончаніи всѣхъ предпринятыхъ передѣлокъ, долженъ былъ не уступить имъ по красотѣ и комфорту. Онъ былъ простой человѣкъ, сынъ народа, обязанный себѣ самому своимъ богатствомъ, и если имѣлъ возможность имѣть загородную резиденцію, кромѣ городской квартиры, то ей слѣдовало все-таки носить скромное названіе коттеджа.

Въ этомъ коттеджѣ онъ вполнѣ вознаграждалъ себя за старомодный видъ квартиры въ Карлтонъ-Стритѣ. Коттеджъ находился въ постоянной передѣлкѣ и рабочіе жили то въ гостинной, передѣлывая столовую, то въ столовой, передѣлывая гостинную. Что же касается сада, то, по выраженію старшаго садовника, тамъ вѣчно «царствовало землетрясеніе». Лично Гедеонъ съ трудомъ распознавалъ цвѣтъ рѣпы отъ розана, да и то лишь потому, что рѣпа годилась для ѣды, а розанъ нѣтъ, но,

будучи землевладѣльцемъ, онъ обязывался имѣть садъ и лично заботиться объ его улучшеніи.

Характеристической чертой Гедеона была потребность лично завѣдывать всѣмъ, что попадало въ его руки. Онъ успѣшно велъ свои дѣла и, давно отказавшись отъ копотливаго, кляузнаго ремесла, которымъ его отецъ нажилъ богатство, занимался спекуляціями на большую ногу.

Какъ только онъ оперился и почувствовалъ, что почва у него подъ ногами тверда, онъ обратилъ вниманіе на спекуляціи землей. Онъ очень хорошо зналъ, чѣмъ онъ былъ и чего хотѣлъ достичь. Идя по стопамъ своего отца, онъ могъ сдѣлаться такимъ же богатымъ и темнымъ человѣкомъ, какъ этотъ почтенный джентльмэнъ, но, отличаясь семейной слабостью къ наживѣ, онъ имѣлъ еще страсть и къ расходованію денегъ. Деньги надо было наживать всѣми средствами, но не для того только, чтобъ ихъ копить. Онъ чувствовалъ себя способнымъ занять видное мѣсто въ обществѣ и даже въ политическомъ мірѣ, и готовъ былъ дорого заплатить за это. Онъ зналъ, что онъ могъ быть богатъ, какъ Крезъ, но пока богатство выражалось въ золотѣ или банковыхъ билетахъ, цѣль его жизни не была достигнута. Земля, въ глазахъ Гедеона, была самымъ приличнымъ и уважаемымъ предметомъ въ Англіи.

— Можно имѣть полмилліона въ банкѣ и не считаться джентльмэномъ, разсуждалъ онъ: — но, владѣя стами акровъ земли съ болѣе или менѣе порядочнымъ домомъ, можно сразу занять мѣсто среди провинціальныхъ джентльмэновъ.

Въ силу этого соображенія, онъ впродолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ сталъ съ любовью заниматься покупкой земель. Коттеджъ съ окружающей его мѣстностью составлялъ незначительную долю его владѣній. Это была только игрушка, но онъ принялся за нее съ своей обычной энергіей и въ теченіи года его садъ вынесъ столько превращеній, сколько не встрѣтить въ самой блестящей пантомимѣ. Деньги ему были нипочемъ и, стоя на изрытой землѣ своего сада, онъ приравнивалъ себя къ Наполеону и постоянно повторялъ отвѣтъ послѣдняго на предостереженія относительно трудности вступить въ Италію со стороны Альпъ.

— Не будетъ Альпъ, Мандфель! говорилъ онъ своему садовнику, когда тотъ указывалъ на трудность перенесенія виноградниковъ съ одной стороны сада на другую, или какой-либо другой перемѣны.

Садовникъ не понималъ этого замѣчанія, а виноградники переносили на новое мѣсто и, смотря на нихъ, Гедеонъ съ улыб-

кой говорилъ себѣ, что всѣ трудности исчезали передъ сильной волей и туго набитымъ кошелькомъ.

Въ городской квартирѣ, гдѣ все оставалось по старому, онъ сохранилъ и отцовскаго прикащика Думфи, служившаго фирмѣ сорокъ лѣтъ и поступившаго въ нее десятилѣтнимъ мальчикомъ для побѣгушекъ. Въ настоящее время, несмотря на всѣ недостатки его воспитанія, онъ былъ конфиденціальнымъ агентомъ и частнымъ сыщикомъ. Для послѣдней должности онъ былъ надѣленъ природой особыми качествами. Онъ имѣлъ очень приличную внѣшность и скорѣе походилъ на дворецкаго хорошаго дома, чѣмъ на прикащика въ какой бы то ни было отрасли торговли. Обращеніе его было мягкое, почтительное, голосъ нѣжный, походка неслышная, такъ что онъ оказывался подлѣ васъ совершенно неожиданно.

Онъ всегда ходилъ въ черномъ фракѣ, дурно сшитомъ и нѣсколько полинявшемъ, что составляло разительный контрастъ съ одеждой его патрона. Единственная роскошь, которую себѣ дозволялъ мистеръ Думфи, были двѣ букли на вискахъ, которыя рѣзко отдѣлялись отъ остальныхъ гладко примазанныхъ волосъ и вообще не соотвѣтствовали всей его внѣшности. Онъ получалъ небольшое содержаніе, но всѣмъ было извѣстно, что онъ кое-что отложилъ впродолженіи своей сорокалѣтней службы. Главная его обязанность состояла въ томъ, чтобъ отворять двери случайнымъ посѣтителямъ и сразу соображать, приметъ ли ихъ патронъ или нѣтъ, въ чемъ онъ очень наловчился. Кромѣ того, онъ писалъ письма, но не часто, такъ какъ корреспонденція Гедеона Флиса отличалась несложностью и лаконичностью. Но всего полезнѣе онъ былъ для наведенія справокъ и принятія предварительныхъ мѣръ передъ началомъ судебныхъ дѣлъ, прибѣгать къ которымъ бывалъ иногда вынужденъ добродушный Гедеонъ. Наконецъ, онъ велъ книги и сидѣлъ всегда на готовѣ въ маленькой комнаткѣ, отдѣлявшейся отъ кабинета Гедеона двойной дверью.

Комната, въ которой теперь стоялъ Гедеонъ, не отличалась дѣловымъ характеромъ, а скорѣе походила на столовую, гдѣ впродолженіи многихъ лѣтъ уничтожались громадные ростбифы и бочки портвейна, но въ комнатѣ мистера Думфи стояли по стѣнамъ почти до самаго потолка ряды жестяныхъ коробокъ съ заглавными буквами фамилій, наиболѣе извѣстныхъ въ Лондонѣ.

Раздался звонъ колокольчика и Думфи поспѣшилъ отворить дверь.

— Если это капитанъ Обрайенъ, то просите, сказалъ Гедеонъ:—и потомъ не принимайте никого, пока онъ не уйдетъ.

— Хорошо, сэръ.

II.

Гедеонъ издали услышалъ голосъ Обрайена, который громко поздоровался въ сѣняхъ съ мистеромъ Думфи. Они давно знали другъ друга, хотя не встрѣчались ни въ клубахъ, ни въ обществѣ. Впрочемъ, мистеръ Думфи гораздо болѣе зналъ подробностей о житьѣ-бытьѣ капитана, чѣмъ послѣдній о частныхъ дѣлахъ Думфи. Ихъ встрѣчи въ прежнее время отличались ужаснымъ однообразіемъ и происходили всегда въ комнатѣ съ жестяными коробками. Тогда капитанъ постоянно нуждался въ деньгахъ и, имѣя кое-какіе остатки состоянія и большія надежды, обыкновенно получалъ просимое отъ отца Гедеона, завѣдывавшаго въ то время дѣлами.

Между прочими расточительными выходками, капитанъ Обрайенъ позволилъ себѣ поступить въ палату общинъ, гдѣ засѣдалъ два года представителемъ одного ирландскаго городка. Совершенно безсознательно и безъ малѣйшаго труда онъ отгадалъ тайну успѣха въ нижней палатѣ.

Въ одно ночное засѣданіе онъ неожиданно и безъ всякихъ леденящихъ кровь приготовленій вступилъ въ пренія съ той же смѣлой отвагой, которую онъ выказалъ бы въ сраженіи. Ноги у него не задрожали и языкъ не прилипъ къ гортани, когда, вставъ съ своего мѣста, онъ услыхалъ вокругъ себя дружескія восклицанія: «Новый депутатъ говоритъ! Новый депутатъ говоритъ». Избранная имъ минута была самая благопріятная, хотя онъ ни мало этого не подозрѣвалъ, отличаясь полнымъ незнаніемъ парламентскихъ обычаевъ и порядковъ. Было 11 часовъ и большинство депутатовъ только что вернулось съ обѣда и готово было радушно привѣтствовать каждаго оратора, который могъ ихъ позабавить. Вопросъ, о которомъ онъ хотѣлъ говорить, былъ ему основательно знакомъ, а это первое условіе для успѣшной рѣчи въ палатѣ. Капитанъ Обрайенъ удовлетворялъ и другому, не менѣе важному условію: онъ говорилъ просто, непринужденно, какъ будто разговаривалъ съ товарищами офицерами за общимъ столомъ, но въ присутствіи знаменитаго полководца. Пренія происходили по второму чтенію билля, внесеннаго частнымъ членомъ палаты о способѣ взысканія долговъ. Даже въ ту раннюю эпоху своей общественной карьеры капитанъ Обрайенъ имѣлъ много практическихъ свѣденій объ этомъ предметѣ и

сталъ обсуждать его просто, разумно и не безъ юмора, что очень понравилось палатѣ.

Кромѣ того, онъ съ большимъ эффектомъ разсказалъ забавный анекдотъ, а это вѣрное средство возбудить вниманіе палаты. Распространяясь о трудностяхъ, встрѣчаемыхъ судебнымъ приставомъ при врученіи повѣстки, онъ объяснилъ, что одинъ его товарищъ офицеръ, преслѣдуемый растовщикомъ, скрылся въ маленькомъ отелѣ въ Вестъ-Эндѣ. Но ростовщикъ розыскалъ его въ этомъ убѣжищѣ и выпустилъ на него судебнаго пристава.

— И вотъ что случилось, сэръ, продолжалъ Обрайенъ, обращаясь къ спикеру съ самой любезной улыбкой:—къ сожалѣнію, законъ и его орудіе не вышли съ честью изъ этой борьбы съ офицеромъ. Въ отелѣ, гдѣ скрывался мой другъ, производился въ то время ремонтъ и въ сѣняхъ бѣлили потолки. Мой другъ взялъ у рабочаго его блузу и, надѣвъ ее, велѣлъ поднять себя на доскѣ подъ потолокъ, гдѣ и сталъ ревностно дѣйствовать кистью. Судебный приставъ тщетно обыскалъ весь домъ и, не найдя отыскиваемаго должника, уже направлялся черезъ сѣни къ наружнымъ дверямъ, какъ вдругъ ведро съ бѣлилами, которыми мой другъ красилъ потолокъ, нечаянно опрокинулось прямо на голову бѣднаго представителя закона.

Подобный анекдотъ какъ нельзя болѣе кстати разнообразитъ скучныя ночныя пренія въ палатѣ. Но онъ тѣмъ болѣе понравился, что всѣ заподозрили въ офицерѣ, продѣлавшемъ эту шутку съ судебнымъ приставомъ, самого оратора.

Такимъ образомъ, дѣвственная рѣчь Обрайена имѣла значительный успѣхъ и онъ съ тѣхъ поръ сталъ извѣстной величиной въ палатѣ. Но особенной популярностью онъ пользовался въ курительной комнатѣ, на террасѣ и вообще всюду, гдѣ депутаты собираются, чтобъ поболтать. По несчастію, онъ не пользовался той же популярностью въ городкѣ, представителемъ котораго былъ въ парламентѣ. Никто, а тѣмъ болѣе ирландцы не могли противостоять его добродушію, веселому юмору и любезному обращенію. Но во время его отсутствія, избиратели обсуждали поведеніе своего депутата въ палатѣ, а мѣстная газета «Баллидсгобскій Орелъ» тонко анализировала всѣ его рѣчи и даже каждую подачу голоса. То и другое оказывалось вполнѣ неудовлетворительнымъ. Въ тѣ времена не было еще ни движенія въ пользу ирландскаго самоуправленія, ни поземельной лиги, но между ирландскими избирателями существовало уже смутное, неопредѣленное сознаніе, что ихъ представители должны всегда обличать кого-нибудь или что-нибудь. Капитанъ Обрайенъ еще тогда не изучилъ основательно политики и трудно было бы

сказать, какія политическія убѣжденія онъ выражалъ въ своей избирательной программѣ. Въ палатѣ онъ засѣдалъ въ средѣ своихъ соотечественниковъ на либеральной сторонѣ. Но онъ имѣлъ привычку самостоятельно и совершенно независимо обсуждать современные вопросы, что̀ иногда возбуждало неудовольствіе его избирателей. На ихъ протесты, онъ горячо возражалъ, доказывая справедливость своихъ воззрѣній. Съ теченіемъ времени и приближеніемъ новыхъ выборовъ разрывъ между нимъ и его избирателями становился все осязательнѣе и, наконецъ, достигъ апогея, когда, въ отвѣтъ на грубую брань въ «Баллидсгобскомъ Орлѣ», онъ напечаталъ письмо, написанное ему издателемъ этой гордой птицы, который просилъ выхлопотать казенное мѣсто для племянника его жены. «Орелъ» отказался даже отвѣчать на подобный доносъ, но онъ употребилъ въ дѣло все свое вліяніе на избирателей и на слѣдующихъ выборахъ капитанъ Обрайенъ нетолько былъ забаллотированъ, но едва избѣгъ непріятностей отъ народной толпы.

Это пораженіе было тѣмъ грустнѣе для него, что оно дало возможность кредиторамъ возобновить преслѣдованія. Поэтому, онъ вынужденъ былъ не разъ являться въ Карлтонъ-Стритъ на предварительныя совѣщанія съ мистеромъ Думфи. Онъ далеко еще не былъ раззорившимся человѣкомъ. Хотя его собственное состояніе было почти все прожито, но надежды на наслѣдство отъ близкихъ родственниковъ были на столько основательны, что отецъ Гедеона, наведя справки, далъ ему изрядные авансы, и онъ вышелъ сухъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Съ теченіемъ времени его надежды вполнѣ осуществились и послѣ того, какъ отецъ Гедеона взялъ себѣ львиную часть и всѣ кредиторы были удовлетворены, ему все-таки осталась довольно круглая сумма, которую, конечно, капитанъ прожилъ бы въ два года, еслибъ деньги остались въ его рукахъ. Но, какъ замѣтилъ Паукъ мистеру Думфи, онъ оказался не такимъ дуракомъ, какъ его считали. Онъ внялъ совѣту знакомаго стряпчаго, помѣстилъ всѣ свои деньги въ государственные фонды и рѣшился мужественно жить на триста фунтовъ стерлинговъ въ годъ, кромѣ своего капитанскаго жалованія. Затѣмъ, однажды ступивъ на почву благоразумія, онъ нашелъ болѣе выгоднымъ выйти въ отставку и продать свой капитанскій патентъ, а вырученныя деньги пріобщить къ капиталу.

Конечно, его общій доходъ былъ не великъ, но экономная жизнь оказалась вовсе не такой трудной, какъ онъ предполагалъ, и сознаніе, что у него не было долговъ, не мало его утѣшало. Онъ продолжалъ быть членомъ хорошаго клуба и поддерживалъ

знакомство съ многими пріятными личностями, съ которыми сошелся во время своего непродолжительнаго пребыванія въ парламентѣ. Онъ зналъ въ Лондонѣ всѣхъ, съ кѣмъ стоило водить знакомство; клубъ служилъ ему городской резиденціей, а многіе пріятели приглашали его охотиться въ своихъ богатыхъ помѣстьяхъ.

Онъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ вожаками одной изъ политическихъ партій и еслибъ хотѣлъ всегда могъ бы получить снова депутатское мѣсто. Но ему нисколько этого не хотѣлось. Онъ могъ посѣщать палату когда вздумается и преспокойно курить сигары съ пріятелями на террасѣ или слушать пренія подъ галлереей. При этомъ, какъ онъ выражался, избиратели не отравляли каждой минуты его существованія. Онъ любилъ политику и зналъ ее гораздо лучше теперь, чѣмъ въ то время, когда самъ принималъ въ ней дѣятельное участіе. Но всего болѣе ему нравилась та политическая работа, которая производится внѣ палаты. Имя капитана Обрайена не упоминалось въ отчетахъ о политическихъ митингахъ или публичныхъ демонстраціяхъ, но онъ зналъ о томъ, что дѣлалось за кулисами, не менѣе любого политическаго дѣятеля и часто содѣйствовалъ успѣху политическихъ комбинацій, хотя, повидимому, ничего не дѣлалъ.

III.

— Обрайенъ, сказалъ Гедеонъ, когда посѣтитель помѣстился на столѣ вмѣсто стула:—я хочу вступить въ парламентъ.

— Неужели? Это очень любезно и снисходительно съ вашей стороны. Вы, вѣроятно, для начала удостоите взять мѣсто товарища министра или младшаго лорда казначейства?

— Да, я хочу вступить въ парламентъ, повторилъ Гедеонъ, не обращая вниманія на шутки капитана: — и мнѣ кажется, лучше быть депутатомъ отъ графства, чѣмъ отъ города.

Обрайенъ посмотрѣлъ на него съ искреннимъ удивленіемъ. Неожиданное заявленіе Гедеона и его самоувѣренный тонъ поставили капитана въ тупикъ. Очевидно, Гедеонъ хотѣлъ произвести на него подавляющее впечатлѣніе. Обрайенъ обращался за панибрата съ людьми, передъ которыми Гедеонъ готовъ былъ ползать на четверинкахъ, лишь бы никто этого не видалъ. Онъ былъ членомъ клуба, въ которомъ Гедеона непремѣнно забаллотировали бы, еслибъ кто-нибудь рѣшился его предложить. Онъ былъ образованный, свѣтскій человѣкъ, и происхо-

дилъ изъ хорошей фамиліи, хотя и не имѣлъ блестящихъ родственныхъ связей. Однако, съ нимъ можно было гораздо легче справиться, чѣмъ съ садовникомъ. Когда Гедеонъ объявлялъ садовнику, что не будетъ Альпъ, то послѣдній, хотя и повиновался, но съ презрительной, надутой физіономіей, ясно говорившей, что онъ считаетъ своего господина осломъ и не высказываетъ этого только изъ чувства самоуваженія. И дѣйствительно, капитанъ Обрайенъ, начавшій разговоръ въ шутливомъ тонѣ, тотчасъ прикусилъ языкъ, понявъ, что дѣло было серьёзное.

— Я позволилъ себѣ послать за вами, продолжалъ съ пріятной улыбкой Гедеонъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ:—чтобъ переговорить основательно объ этомъ предметѣ. Онъ мнѣ вовсе не знакомъ, а вы въ этомъ отношеніи собаку съѣли. Я хорошенько не знаю, какъ обдѣлываютъ подобныя дѣла, но, кажется, существуютъ опытные люди, которые берутъ на себя трудъ по проведенію кандидатуръ. Подумайте, не возьметесь ли вы за это дѣло и не проведете ли вы меня въ парламентъ. Я не буду жалѣть денегъ и, если вы согласитесь похлопотать, то я вамъ съ благодарностью предложу чекъ въ тысячу фунтовъ, если меня не выберутъ, и въ двѣ тысячи, если я буду избранъ.

— Къ которой партіи вы примкнете?

— Это еще вопросъ, который надо обсудить, отвѣчалъ Гедеонъ, словно дѣло шло о выборѣ цвѣта обоевъ:—я не особенно много занимался политикой, никогда не читалъ цѣликомъ парламентскихъ рѣчей и обыкновенно пропускаю въ газетахъ передовыя статьи. Вы видите, вамъ придется разработывать дѣвственную почву.

— Тѣмъ лучше, хотя въ политическомъ отношеніи это довольно рѣдкій случай. Боркъ замѣчалъ, что большинство людей отстало въ политикѣ на пятьдесятъ лѣтъ, т. е. что они справедливо и разумно судятъ о событіяхъ, происшедшихъ полвѣка тому назадъ, но имѣютъ узкій и не либеральный взглядъ на то, что̀ совершается у нихъ на глазахъ. А вы буквально отстали на сорокъ лѣтъ или на тридцать восемь—я хорошенько не знаю—потому что никогда еще не занимались политикой. Обыкновенно кандидаты, являясь передъ своими избирателями, знаютъ напередъ, какія мнѣнія они хотятъ поддерживать—либеральныя или консервативныя. Но вы, повидимому, не заботясь о политической программѣ, рѣшили только поставить свою кандидатуру въ графствѣ, а не въ городѣ. Отчего вы отдаете предпочтеніе графству?

— Потому что я всегда слышалъ, что представитель графства имѣетъ болѣе политическаго значенія, чѣмъ представитель

города. Кромѣ того, признаюсь, я очень цѣню общественное положеніе, хотя ни въ грошъ не ставлю политику. Поставивъ свою кандидатуру въ графствѣ, все равно увѣнчается ли она успѣхомъ или нѣтъ, я войду въ сношенія съ людьми, съ которыми хочу завести знакомство и даже дружбу. А если я попаду въ парламентъ, то сразу займу почетное мѣсто. Надъ представителемъ графства нельзя издѣваться, увѣряя, что онъ обязанъ своимъ выборомъ ирландскимъ голосамъ, какъ говорятъ о городскихъ депутатахъ.

— Вы правы, отвѣчалъ Обрайенъ, видя, что Гедеонъ, несмотря на свое невѣжество въ политикѣ, пришелъ практическимъ чутьемъ къ разумному заключенію: — и я бы вамъ совѣтовалъ принять сторону либераловъ. Представителей графствъ такъ много въ консервативной партіи, что ихъ тамъ не цѣнятъ. Напротивъ, въ нашихъ рядахъ ихъ очень мало, особенно теперь. Еслибъ вамъ удалось отбить представительство какого-нибудь графства у консерваторовъ, либеральные вожаки обратили бы на васъ вниманіе и вы сразу заняли бы видное мѣсто въ нашей партіи и особенно на ея обѣдахъ. Однако, я не могу скрыть отъ васъ, что человѣкъ съ такими достоинствами, какъ вы, скорѣе проложитъ себѣ дорогу среди торіевъ, чѣмъ среди либераловъ. Торійская партія, подъ предводительствомъ Диззи, поставила себѣ за правило давать ходъ молодымъ людямъ, никогда не забывать оказанныхъ услугъ и возвышать—даже чрезмѣрно—истинные таланты. Быть можетъ, они поступаютъ такъ потому, что таланты у нихъ рѣдкость. Вотъ посмотрите на Марчанта. Мѣсяцъ тому назадъ, его имя было извѣстно только обычнымъ посѣтителямъ судебныхъ засѣданій; онъ считался хорошимъ юристомъ, ловкимъ ораторомъ и талантливымъ молодымъ адвокатомъ, которому поручали иногда крупныя дѣла. Но большинство торійской партіи его не знало и, встрѣтивъ его въ гостинной, никто изъ нихъ не поклонился бы ему.

— Что же онъ сдѣлалъ? Я не знакомъ съ закулисной исторіей политическаго міра.

— Вотъ вамъ и слава! Онъ отбилъ представительство одного большого города у либеральной партіи, когда торіи начали опасаться, что надоѣли странѣ. Какъ только онъ вступилъ въ парламентъ, его взялъ подъ свое покровительство могущественный министръ, и ему дали возможность сказать свою дѣвственную рѣчь среди преній по важному животрепещущему вопросу; онъ исполнилъ возложенную на него обязанность очень хорошо и если только его партія сохранитъ власть послѣ слѣдующихъ выборовъ, то онъ непремѣнно будетъ генералъ-атторнеемъ. Но при-

мѣръ старика Кадвалледдера подходитъ къ вамъ еще лучше. Онъ не былъ ни адвокатомъ, ни ораторомъ и вообще не обнаруживалъ никакихъ необыкновенныхъ талантовъ. Но онъ сохранилъ за торіями представительство, которое они боялись потерять, и потому его появленіе въ палатѣ было привѣтствовано съ такимъ восторгомъ, словно онъ одержалъ побѣду при Трафальгарѣ или Ватерло. Да, наши либеральные вожаки въ этомъ отношеніи очень ошибаются. Они слишкомъ по комерчески относятся къ своей партіи. И, подумавши зрѣло, я прихожу къ заключенію, что на вашемъ мѣстѣ и съ вашими воззрѣніями я, пожалуй, предпочелъ бы торійскую партію.

— Вы полагаете, что ваши вожаки не обратятъ на меня вниманія, еслибъ я одержалъ побѣду на выборахъ въ одномъ изъ графствъ?

— Нѣтъ, я уже вамъ сказалъ, что подобная побѣда непремѣнно обратитъ на васъ вниманіе либеральной партіи. При вашемъ первомъ появленіи въ палатѣ, васъ встрѣтятъ криками одобренія и по всей вѣроятности Джильберту будетъ поручено васъ представить Гладстону и другимъ вожакамъ партіи. Но черезъ двѣ недѣли васъ забудутъ, если вы не докажете, что въ состояніи быть полезнымъ или непріятнымъ для вожаковъ. Гладстонъ великій государственный человѣкъ и удивительный предводитель партіи въ критическую минуту. Но въ мелочахъ онъ ниже всякой критики. Онъ никогда не узнаетъ своего сторонника, встрѣчая его въ галлереяхъ палаты, въ библіотекѣ или на улицѣ. Онъ всегда витаетъ въ облакахъ и страшно подумать, сколькимъ людямъ онъ наступаетъ на ноги и тѣмъ превращаетъ ихъ изъ сторонниковъ въ злѣйшихъ враговъ. Напримѣръ, въ настоящее время либеральная партія очень встревожена выходками одного изъ самыхъ видныхъ ея членовъ. Онъ вѣчно брыкается и причиняетъ своей партіи много вреда. Онъ ничего не хочетъ для себя и для своей многочисленной семьи и потому съ нимъ нѣтъ никакого ладу. А во всемъ виноватъ Гладстонъ, который со всѣхъ точекъ зрѣнія долженъ былъ бы находиться въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ этимъ депутатомъ. Онъ самъ и его родственники оказали громадныя услуги либеральной партіи и лично Гладстону. Но когда онъ является въ палату, Гладстонъ не обращаетъ на него вниманія, не видитъ его, когда съ нимъ встрѣчается, избѣгаетъ случаевъ поболтать съ нимъ и вообще игнорируетъ его существованіе. Нѣкоторымъ людямъ это кажется очень обиднымъ, и вотъ почему наша партія довольно холодно относится къ личнымъ нападкамъ торіевъ на Гладстона.

— Я видѣлъ его однажды на публичномъ митингѣ и онъ мнѣ показался очень любезнымъ джентльмэномъ.

— Да, въ публикѣ онъ ведетъ себя отлично и можетъ быть очень любезенъ, когда этого захочетъ; но бѣда въ томъ, что онъ очень рѣдко этого хочетъ. Посмотрите, какой контрастъ въ этомъ отношеніи представляетъ Диззи. Весело видѣть, какъ эта старая лиса обходитъ людей. Находясь въ нижней палатѣ—а я право незнаю, какъ его партія обойдется тамъ безъ него—онъ всегда былъ на своемъ мѣстѣ, все видѣлъ и все слышалъ. Если кто-нибудь изъ торіевъ произносилъ приличную рѣчь, Диззи тотчасъ подходилъ къ нему и выражалъ свое одобреніе; если кто-нибудь изъ либераловъ лестно отзывался о немъ или объ его партіи, то могъ быть увѣренъ, что Диззи его случайно встрѣтитъ и наговоритъ ему кучу любезностей. Вы, вѣроятно, слышали, какъ онъ обошелъ О'Каллагана и переманилъ его на свою сторону?

— Нѣтъ, кажется, не слышалъ.

— О'Каллаганъ вступилъ въ парламентъ либераломъ и приверженцемъ ирландскаго самоуправленія. Онъ былъ смѣшной маленькій человѣчекъ, съ чрезмѣрно громкимъ голосомъ и самыми невозможными жестами. Онъ забавлялъ Диззи и тотъ, обративъ на него вниманіе, тотчасъ понялъ его слабую сторону. Однажды О'Каллаганъ шелъ по галлереѣ, ведущей въ палату, и вдругъ почувствовалъ, что кто-то дружески ударилъ его по плечу. «Мистеръ О'Каллаганъ! произнесъ всѣмъ знакомый въ палатѣ голосъ:—вы мнѣ очень напоминаете моего стараго друга Томаса Мура». О'Каллаганъ былъ въ восторгѣ и съ той минуты сдѣлался самымъ преданнымъ приверженцемъ Диззи. Гладстонъ, который также зналъ Мура, не открылъ этого сходства и потому лишился одного голоса.

— А которая партія, по вашему, будетъ долѣе у кормила правленія? спросилъ Гедеонъ, возвращаясь къ вопросу.

— Это соображеніе, конечно, должно вліять на такого безкорыстнаго человѣка, какъ вы. Въ настоящую минуту торіи, повидимому, очень сильны, и, пожалуй, сохранятъ власть на долго. Имя Диззи пользуется такимъ обаяніемъ, что многіе полагаютъ побѣду его партіи на общихъ выборахъ не подлежащей сомнѣнію. Но съ другой стороны Джильбертъ и двое или трое другихъ либераловъ увѣряютъ, что мы, живущіе въ Лондонѣ, ходимъ въ темнотѣ. По ихъ словамъ, сердце страны стоитъ за Гладстона. Конечно, послѣдніе мѣстные выборы не убѣждаютъ въ справедливости этого заключенія, но мѣстные выборы обыкновенно сбиваютъ съ толка самыхъ опытныхъ политическихъ дѣятелей,

Черезъ два года наступятъ общіе выборы, а можетъ быть и ранѣе.

— Но полагаете ли вы, что въ теченіи будущихъ двадцати лѣтъ торіи будутъ долѣе пользоваться властью, чѣмъ либералы?

— Нѣтъ, я этого не полагаю. Либералы и консерваторы смѣняютъ другъ друга періодически. Долгое управленіе страны либералами непремѣнно приводитъ за собою торжество консерваторовъ. Мы дѣлаемъ свое дѣло и, окончивъ его, удаляемся на время; притомъ мы всегда возбуждаемъ противъ себя гнѣвъ лицъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи старыхъ порядковъ, и, наконецъ, мы дѣйствуемъ слишкомъ энергично, а страна, хотя и не имѣетъ ничего противъ нашихъ мѣропріятій, но жаждетъ отдыха. Этому желанію вполнѣ удовлетворяетъ торійское министерство, которое дома ничего не дѣлаетъ, а заграницей спускаетъ блестящіе, хотя опасные фейерверки. Но все-таки, если мы возьмемъ въ соображеніе цѣлое столѣтіе или даже четверть его, то убѣдимся, что либералы долѣе сохраняютъ власть въ своихъ рукахъ, чѣмъ торіи, и я увѣренъ, что въ будущемъ управленіе страною торіями будетъ все рѣже и кратковременнѣе.

— Такъ я примкну къ либеральной партіи, сказалъ рѣшительнымъ тономъ Гедеонъ:—въ ея рядахъ уже много людей, подобныхъ мнѣ. Если же я возьму сторону торіевъ, то никогда не буду чувствовать себя дома въ ихъ средѣ. Къ тому же, я увѣренъ, что мои стремленія либеральныя. Я самъ себя создалъ и люблю прогрессъ, а это скорѣе подходитъ подъ либеральную программу, чѣмъ подъ консервативную. Поэтому, Обрайенъ, я—вашъ.

— Рѣшивъ къ какой партіи вы примкнете, вы уже сдѣлали первый шагъ къ вступленію въ парламентъ. Теперь я вамъ совѣтовалъ бы обдумать хорошенько ваше желаніе, поставить кандидатуру въ графствѣ, а не въ городѣ. Избирательная агитація въ сельскихъ округахъ стоитъ много труда и денегъ, такъ что, право, нельзя сказать, стоитъ ли игра свѣчъ. У насъ также есть герцоги, маркизы, лорды, хотя нестолько, какъ у торіевъ, и эти лица обыкновенно поддерживаютъ своихъ кандидатовъ въ графствахъ: своихъ младшихъ сыновей, товарищей юности и т. д. Не можете же вы поѣхать въ сельскій округъ и, выйдя на большую дорогу, объявить, что вы либеральный кандидатъ. Это дѣло требуетъ большого умѣнія, и врядъ ли человѣкъ, подобный вамъ, можетъ при настоящихъ обстоятельствахъ провести въ сельскомъ округѣ свою кандидатуру.

— Хорошо, объ этомъ мы еще поговоримъ. Повторяю, я не буду жалѣть денегъ. Но во всякомъ случаѣ вы беретесь за мою кандидатуру?

— Да, я не вижу ничего дурного въ вашемъ предложеніи. Это рѣшено, такъ же, какъ и то, что вы будете либераломъ. Я переговорю обо всемъ съ Джильбертомъ и посмотрю, въ какихъ округахъ сельскихъ или городскихъ можно попытать счастья. Вы, конечно, подождете общихъ выборовъ?

— Я ничего не знаю, и не хочу знать о деталяхъ.

— У васъ странное понятіе о томъ, что̀ такое детали. Но я наведу всѣ справки и увѣдомлю васъ о результатѣ.

Послѣ ухода Обрайена, Гедеонъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Торжествующая улыбка играла на его лицѣ. Передъ его глазами носились самыя радужныя видѣнія: то онъ говорилъ за панибрата съ министромъ, то велъ къ обѣду графиню, то дружески перемигивался съ герцогомъ.

IV.

Разговоръ между Гедеономъ Флисомъ и капитаномъ Обрайеномъ въ Карлтонъ-Стритѣ происходилъ 1-го января 1878 года. Поразительный былъ этотъ годъ въ исторіи Англіи и другихъ странъ, годъ постоянныхъ тревогъ и опасеній, годъ, видѣвшій отправку англійскаго флота въ Дарданеллы съ запечатанной инструкціей, призывъ резервовъ и отставку министровъ, послѣ того, что за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ торжественно заявлялось о несправедливости слуховъ насчетъ раздоровъ въ министерствѣ. Но все это еще было скрыто въ нѣдрахъ будущаго и новый годъ невинно покоился въ своемъ бѣлоснѣжномъ, свивальникѣ, хотя онъ и наслѣдовалъ отъ своего предшественника тяжелое бремя. Всюду царило недовольство, всюду грозили бѣдствія. Торговля находилась въ плачевномъ положеніи и нельзя было ожидать лучшихъ дней. Въ Индіи свирѣпствовалъ страшный голодъ, въ Южномъ Валисѣ народъ не имѣлъ работы и нуждался въ хлѣбѣ. Русскіе и турки сражались на Шипкѣ и только что пала Плевна, земляные окопы которой такъ долго защищали турки Османа-паши.

Общественное мнѣніе въ Англіи, находившееся въ теченіи цѣлаго года въ хроническомъ положеніи безпокойства, снова встревожилось неожиданнымъ созваніемъ парламента на 14 января, за три недѣли до обычнаго времени открытія его сессій. Никто не зналъ, что̀ это значило, но всѣ были увѣрены, что подобная спѣшность не могла обѣщать ничего хорошаго. Либеральная партія, попрежнему, барахталась въ «тинѣ отчаянія», куда ее низвергнули выборы 1874 года. Консервативное большинство въ палатѣ

общинъ нетолько не уменьшилось, но еще возрасло. Лордъ Гартингтонъ номинально предводительствовалъ либералами, хотя Гладстонъ, вызванный послѣ кратковременнаго удаленія отъ дѣлъ къ энергической борьбѣ, такъ называемыми болгарскими звѣрствами, старался пробудить отъ сна товарищей блестящими вспышками своего пламеннаго, но, по мнѣнію многихъ, несвоевременнаго энтузіазма.

Повидимому, либеральной партіи долго не суждено было подняться, и все пророчило безконечное царство консерваторовъ. Гедеонъ Флисъ самъ не сознавалъ, какую громадную жертву онъ принесъ, рѣшившись сочетать свою судьбу, съ судьбою побѣжденной и расшатанной партіи. Онъ поступилъ такъ по невѣдѣнію, и еслибъ ему было лучше знакомо положеніе дѣлъ, то, конечно, выборъ его палъ бы на торійскую партію, которая продолжала ликовать, не подозрѣвая, чего она лишилась.

Капитанъ Обрайенъ былъ человѣкъ энергичный и не откладывалъ ничего въ долгій ящикъ. Онъ искренно взялся за кандидатуру Гедеона и рѣшился честно заработать двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, а во во всякомъ случаѣ одну тысячу. Въ этомъ дѣлѣ не было ничего дурного, ничего предосудительнаго для честнаго человѣка. Подобныя дѣла обдѣлываются ежедневно, и хотя капитанъ не желалъ бы, чтобъ свѣтъ узналъ объ его дѣятельности какъ избирательнаго агента, но не имѣлъ ничего противъ такой дѣятельности, а тѣмъ менѣе противъ заработка круглой суммы денегъ.

Спустя два дня послѣ разговора съ Гедеономъ въ Карлтонъ-Стритѣ, онъ заглянулъ въ клубъ Реформы, чтобъ переговорить съ сэромъ Генри Джильбертомъ, либеральнымъ коноводомъ. Сэръ Генри только что ушелъ изъ клуба въ свою контору и капитанъ рѣшился послѣдовать за нимъ.

День былъ ясный, свѣтлый, и солнце ярко блестѣло на удивительно синемъ для Лондона небѣ. Снѣгъ, исчезъ съ лица земли и стужа замѣнилась довольно теплой, почти апрѣльской погодой. Лондонъ былъ уже полонъ, благодаря раннему созыву парламента. Клубы кишѣли членами и въ окрестностяхъ Пель-Мэля можно было встрѣтить людей, которые рѣдко появляются въ январѣ на лондонскихъ улицахъ.

Идя по Парламентской улицѣ, Обрайенъ наткнулся на одного изъ такихъ людей. Смотря на него сзади, нельзя было принять его за старика. Онъ былъ одѣтъ по послѣдней модѣ, пальто на немъ было новое съ иголочки; а свѣтло-сѣрый сьютъ, голубой гастухъ и палевыя перчатки какъ бы привѣтствовали весну. Но внѣшній видъ этого человѣка былъ еще замѣчательнѣе его

костюма. Онъ шелъ гордо выпрямившись, хотя медленно и съ трудомъ поднималъ ноги, словно подошвы у него были желѣзныя. Лицо его было очень старое, желтое, пергаментное, съ глубокими морщинами вокругъ рта, надъ верхней губой котораго виднѣлся маленькій клочекъ сверхъестественно черныхъ волосъ. Онъ повидимому былъ погруженъ въ тяжелую думу и не обращалъ никакого вниманія на окружающіе предметы; его тусклые глаза смотрѣли въ пространство и умъ былъ далекъ отъ улицы, по которой онъ шелъ. Многіе изъ прохожихъ кланялись ему, приподнимая шляпу. Иногда онъ машинально наклонялъ голову, но чаще не замѣчалъ поклоновъ. Обрайенъ зналъ его очень хорошо и даже пользовался его расположеніемъ. Проходя, онъ снялъ шляпу, но лордъ Биконсфильдъ не отвѣтилъ на его поклонъ.

— Онъ, вѣроятно, сочиняетъ королевскую рѣчь и старается сказать какъ можно менѣе, въ обязательномъ числѣ извѣстныхъ фразъ, подумалъ капитанъ, оборачиваясь и съ любопытствомъ разсматривая замѣчательную фигуру перваго министра, который походилъ своимъ костюмомъ на тридцатилѣтняго франта, а тяжелой походкой на осмидесятилѣтняго старика.

— У меня есть для васъ кандидатъ, Джильбертъ, сказалъ Обрайенъ, входя въ кабинетъ либеральнаго коновода, который сидѣлъ за письменнымъ столомъ, занятый своей многочисленной корреспонденціей.

— Благодарю васъ. Но еслибы вы намъ подарили городское, или сельское представительство, такъ я былъ бы вамъ гораздо благодарнѣе.

— Да вѣдь нельзя достать представительства безъ кандидата. Всему есть начало, а въ дѣлѣ избранія надо начинать съ кандидата.

— Кто это? богатъ?

— Да.

— Грубоватъ?

— Порядочно.

— Невѣжда?

— Круглый.

— Гм... если вы не очень интересуетесь имъ, то прекратимъ этотъ разговоръ. У меня въ спискахъ занесено, по крайней мѣрѣ, полсотни людей, подходящихъ къ вашему описанію. Всѣ стремятся въ парламентъ, и, право, надо бы положить этому предѣлъ. Каждый разжившійся лавочникъ считаетъ своимъ долгомъ отложить извѣстную сумму на покрытіе расходовъ своей кандидатуры. Но хуже всего, что они обыкновенно требуютъ моей дѣ-

ятельной помощи. Они готовы заплатить столько-то, а я долженъ все устроить.. По счастью, въ послѣдніе годы эти люди стали оказывать предпочтеніе консервативной партіи. Но и тамъ дальнозоркій Диззи принимаетъ только крупныхъ богачей. Онъ поощряетъ нарушеніе нашей старинной монополіи на представительство торговли и мануфактуръ, но отвергаетъ всякаго, кто имѣетъ менѣе пятнадцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Все, что ниже этой цифры, можетъ идти къ намъ, все, что выше— встрѣчаетъ радушный пріемъ у нашихъ соперниковъ. Они очень полезны для подписокъ въ Карльтонскомъ клубѣ, охотно платятъ всѣ расходы своей кандидатуры и составляютъ очень полезный и эффектный пьедесталъ для консерватизма.

— Я не знаю, сколько у моего кандидата ежегоднаго дохода, но полагаю, что, судя по опредѣленной вами нормѣ, торіи приняли бы его съ распростертыми объятіями. А такъ какъ онъ оказалъ намъ предпочтеніе, то вопросъ заключается въ томъ, что̀ мы можемъ сдѣлать для него?

— Онъ заплатитъ всѣ расходы?

— Да.

— Есть у него мѣстныя связи?

— Никакихъ. Онъ совершенно новый человѣкъ, самъ себя создалъ и въ своемъ родѣ умный, смышленный малый. Онъ полагаетъ, что рожденъ парламентскимъ ораторомъ и если попадетъ въ палату, то пожалуй, не разъ излишне затянетъ пренія. Но странно: онъ настаиваетъ на томъ, чтобы быть представителемъ графства.

— Это скромно! Какого же графства онъ желаетъ быть представителемъ? Сѣвернаго Шропшира, Мидльсекса, или пожалуй Мидлотьяна, гдѣ онъ побѣдитъ рьянаго Боклю?

— Еслибы вы посовѣтывали ему поставить свою кандидатуру въ одномъ изъ этихъ графствъ, то онъ, конечно, послушался бы васъ, не подозрѣвая вашей злой шутки. Но, право, не слѣдуетъ отказываться отъ союзника.

— Ну, я въ этомъ не увѣренъ. Впрочемъ, если вы достанете человѣка, который захочетъ расшибить себѣ лобъ объ одну изъ этихъ торійскихъ твердынь, то это дѣло не вредное. Напротивъ, это будитъ народъ и обнаруживаетъ настоящее положеніе нашей партіи.

— Вамъ хорошо такъ говорить, но я долженъ подумать и объ его интересахъ. Предоставимъ ему хоть какой-нибудь шансъ на успѣхъ. Нѣтъ ли у васъ городского округа, гдѣ бы коммерческій человѣкъ могъ пройти?

— Нѣтъ ни одного. Вся страна подробно изслѣдована и всѣ

города подвергнуты внимательному анализу. Наши акціи, какъ говорятъ, въ упадкѣ; желающихъ быть кандидатами безъ конца. Мнѣ стоитъ большого труда удержать ихъ отъ борьбы между собою, причемъ, конечно, одержали бы успѣхъ наши соперники.

— Подумайте. Мой пріятель человѣкъ дѣловой и далеко не дуракъ. Я увѣренъ, что онъ поведетъ такую энергичную аттаку на графство или городъ, что удивитъ васъ всѣхъ, старыхъ бойцевъ. У него много денегъ и еще болѣе самоувѣренности.

— Это человѣкъ подходящій для нашего времени. Ваше предложеніе меня соблазняетъ. Хорошо, я снова просмотрю мои списки. Да вотъ Сакстонъ, я давно добираюсь до этого города; онъ въ рукахъ торійской семьи Монтгомери и съ 1832 года представителемъ его постоянно кто-нибудь изъ Монтгомери. Я наведу справки о Сакстонѣ и напишу вамъ. А теперь прощайте; посмотрите, сколько мнѣ надо прочесть писемъ.

Одной изъ непонятныхъ загадокъ въ политическомъ мірѣ было положеніе, занимаемое въ либеральной партіи сэромъ Генри Джильбертомъ. Онъ закупорился въ скучной, дурно меблированной комнатѣ на Парламентской улицѣ и работалъ какъ волъ, читая письма и отвѣчая на нихъ, когда естественныя наклонности влекли его къ совершенно инымъ занятіямъ. Онъ былъ страстный охотникъ и рыболовъ, былъ какъ дома на яхтѣ, любилъ лошадей и собакъ. И однако онъ нетолько былъ прикованъ къ Лондону въ лучшіе мѣсяцы въ году, но даже былъ вынужденъ отъ времени до времени ѣздить туда въ такое время года, когда клубы пусты, скамьи въ палатѣ покрыты коричневыми чахлами и Бельгрэвія походитъ на пустыню.

Безъ всякаго сомнѣнія, богатый іоркширскій баронетъ принялъ должность коновода своей партіи не изъ финансовыхъ соображеній. Не говоря уже объ его громадныхъ помѣстьяхъ въ Іоркширѣ, онъ владѣлъ въ Лондонъ, въ Вест-Эндѣ квадратнымъ акромъ земли, наполненнымъ княжескими домами, которые приносили ему громадный доходъ. Его не могла соблазнять и надежда на блестящую награду за труды. Правда, одинъ коноводъ партіи достигъ мѣста спикера, а многіе получили мантію пэра, что, вѣроятно, ожидало въ концѣ-концовъ и Джильберта, если смерть не скоситъ его ранѣе.

По временамъ, онъ жаловался на свою судьбу. Если дѣла партіи шли хорошо, то другіе пожинали лавра; если что-нибудь не удавалось, то во всемъ виновать былъ онъ одинъ. Но, несмотря на все это, онъ любилъ свое дѣло и принимался за него каждую сессію съ новой энергіей

V.

Обрайенъ передалъ Гедеону Флису свой разговоръ съ сэромъ Генри Джильбертомъ, конечно, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, и Гедеонъ, подчиняясь необходимости, отказался отъ своего пламеннаго желанія быть представителемъ графства. Онъ никогда не терялъ времени и энергіи на безцѣльныя сѣтованія. Онъ вступилъ на новый для себя путь и хоть на время вынужденъ былъ идти на помочахъ у другихъ. Онъ ничего не смыслилъ въ политикѣ, не зналъ ни людей, ни дороги, но чувствовалъ, что вскорѣ освоится и приметъ роль руководителя. Для начала хорошо было вступить въ парламентъ и представителемъ города; въ послѣдствіи же онъ могъ выбрать любое графство и провести свою кандидатуру безъ посторонней помощи.

Въ настоящее время, Обрайенъ былъ для него необходимъ и вполнѣ сознавая этотъ фактъ, онъ считалъ, что купилъ его помощь очень дешево, за тысячу фунтовъ, и еще дешевле, если придется уплатить ему двѣ тысячи. Гедеонъ вообще гордился умѣніемъ выбирать людей, хотя его выборъ не всегда удавался; но въ отношеніи Обрайена онъ дѣйствительно напалъ на человѣка, который лучше всякаго другого могъ обдѣлать это трудное дѣло.

Принявъ необходимыя предварительныя мѣры, Обрайенъ отправился въ безсознательно дремавшій Сакстонъ и имѣлъ тамъ свиданіе съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ либеральныхъ магнатовъ, хотя въ сущности только одинъ мистеръ Танди пользовался дѣйствительной силой. Этотъ мистеръ Танди, мѣстный стряпчій, принадлежалъ къ тому разряду людей, которые, по странной случайности, довольствуются прозябаніемъ въ сонномъ, маленькомъ провинціальномъ городкѣ.

По мнѣнію обывателей Сакстона, онъ могъ достичь до всего, чего пожелалъ бы, и, перебравшись въ Лондонъ, несомнѣнно сталъ бы во главѣ своей профессіи. Но онъ предпочиталъ оставаться въ Сакстонѣ, и тамъ забрался на высшую ступень общественной лѣстницы. Онъ тамъ родился и, надо отдать ему справедливость, охотно указывалъ на маленькую хижину на горѣ, гдѣ жилъ его отецъ, очень бѣдный человѣкъ, такъ что Танди въ юности часто нуждался въ кускѣ хлѣба. Еще мальчикомъ онъ поступилъ въ контору стряпчаго, мистера Соллея, и сначала мелъ полы, перебѣлялъ письма и вообще былъ на побѣгушкахъ. Потомъ, мало по малу, онъ возвысился до положенія писца, и наконецъ сдѣ-

лался компаніономъ престарѣлаго мистера Соллея. Послѣ смерти послѣдняго никто не сталъ оспаривать у Танди наслѣдства старика, и въ одно прекрасное утро мирные жители Сакстона были поражены неожиданнымъ зрѣлищемъ. Вмѣсто старинной полинявшей доски съ именемъ всѣми уважаемаго Соллея, на дверяхъ конторы появилась блестящая мѣдная доска, гораздо большаго размѣра съ надписью крупными буквами:

«Мистеръ Танди, стряпчій»

Онъ былъ единственнымъ стряпчимъ въ Сакстонѣ и его окрестностяхъ. Но онъ чувствовалъ, что эта мелочная дѣятельность не соотвѣтствовала его великимъ способностямъ. Онъ попытался было открыть переговоры о проведеніи вѣтви желѣзной дороги отъ Сакстона до главной линіи, проходившей на разстояніи тридцати миль, но никто не хотѣлъ строить желѣзную дорогу въ Сакстонъ, куда никто не ѣздилъ и, что еще страннѣе, откуда никто не выѣзжалъ. Попытка мистера Танди не увѣнчалась успѣхомъ, но онъ не отчаявался и возлагалъ свои надежды на будущее. Было еще другое поле дѣятельности, на которомъ онъ могъ пожать лавры, еслибы представился къ тому случай. Онъ считалъ личнымъ для себя оскорбленіемъ и униженіемъ англійской конституціи, что въ Сакстонѣ никогда не происходило избирательной борьбы. Монтгомери, владѣвшіе половиной города и большей частью графства, постоянно проводили одного изъ своихъ представителей. Это продолжалось болѣе тридцати лѣтъ, хотя передъ тѣмъ Сакстонъ имѣлъ свою долю избирательной агитаціи, что доставляло деньги и пиво для избирателей и большія выгоды ловкимъ стряпчимъ.

Прибытіе въ Сакстонъ капитана Обрайена съ рекомендательнымъ письмомъ отъ мистера Вольтерса, либеральнаго землевладѣльца въ графствѣ, пробудило надежды мистера Танди. Онъ по природѣ былъ флегматичнаго темперамента и, сознавая недостатки своего воспитанія, велъ себя такъ, чтобы его невѣжество какъ можно менѣе было замѣтно. Онъ говорилъ очень мало, по крайней мѣрѣ, въ публикѣ и въ своей конторѣ, чрезвычайно медленно и старательно обдумывая каждое слово. Онъ не выразилъ радости, узнавъ отъ Обрайена о цѣли его пріѣзда, но даже распространился о трудности борьбы съ Монтгомери, особенно для человѣка, совершенно чуждаго Сакстону. Однако, въ виду твердой рѣшимости Гедеона Флиса попытать счастіе, онъ взялся сдѣлать все, что было возможно. Надо было посовѣтоваться съ нѣсколькими значительными гражданами Сакстона. Вообще, слѣдовало повести дѣло очень осторожно и дели-

катно, такъ какъ приходилось побороть много старинныхъ предразсудковъ. Опаснѣе всего было естественное нежеланіе такого почтеннаго города, какъ Сакстонъ, подвергнуться безпокойствамъ избирательной агитаціи.

— Вашъ пріятель, конечно, готовъ на всякія жертвы, если мы его поддержимъ? произнесъ наконецъ стряпчій.

— Всего лучше вамъ самимъ съ нимъ повидаться, отвѣчалъ Обрайенъ: — онъ, вѣроятно, пріѣдетъ въ Сакстонъ, если вы ему назначите день.

На этомъ они и покончили; Обрайенъ вернулся въ Лондонъ, вполнѣ увѣренный, что стряпчій тотчасъ пригласитъ на совѣщаніе именитыхъ гражданъ Сакстона. Но онъ не сказалъ никому ни слова о пріѣздѣ капитана Обрайена, и на слѣдующее утро самъ отправился въ Лондонъ, гдѣ навелъ справки о томъ, что̀ за птица Гедеонъ Флисъ и въ состояніи ли онъ израсходовать большую сумму денегъ для поддержки своей кандидатуры. Вѣроятно, результатъ его развѣдокъ былъ удовлетворительный, потому что спустя нѣсколько дней Гедеонъ Флисъ получилъ записку отъ мистера Танди, который приглашалъ его пріѣхать въ Сакстонъ для переговоровъ съ главными гражданами Сакстона, принадлежавшими къ либеральной партіи, о цѣли поѣздки капитана Обрайена.

VI.

— Разъ, два, три-четыре, пять, шесть; разъ, два, три-четыре, пять, шесть. Теперь лучше, милый папа, только постарайтесь скорѣе повертываться на три-четыре и дѣлайте шаги длиннѣе. Ну, повторимъ. Разъ, два, три-четыре, пять, шесть; разъ, два, три-четыре, пять, шесть. Но вѣдь шаги разные! Есть шагъ верблюжій и шагъ мышиный; если вы отдадите предпочтеніе первому, то я за вами не поспѣю. Ну, начнемъ снова.

Они вальсировали по комнатѣ; она такъ граціозно, какъ можно было съ подобнымъ кавалеромъ, а онъ съ мрачной тяжеловѣсностью единорога. Было девять часовъ вечера, а театромъ дѣйствія служила столовая, довольно большая, но не очень высокая комната, съ громаднымъ окномъ, доходившимъ до пола и украшеннымъ занавѣсками. На столѣ стояла лампа, а самый столъ былъ отодвинутъ въ сторону, изъ опасенія, чтобы вальсировавшій джентльмэнъ не наткнулся и не повредилъ его, несмотря на всю его массивность. Въ старинномъ книжномъ шкапу виднѣлась

очень разнообразная библіотека, отъ «Руководства для судей» Стона, до романа миссъ Брэддонъ «Орора Флойдъ».

Учительница была молодая дѣвушка восемнадцати лѣтъ, въ темно-зеленомъ платьѣ, кокетливо обхватывавшемъ ея хорошенькую фигуру. Еслибы можно было признать безпристрастнымъ мнѣніе полдюжины молодыхъ людей въ Сакстонѣ и его окрестностяхъ, то я назвалъ бы эту молодую дѣвушку очаровательно прекрасной. Но, припоминая всѣ отдѣльныя черты, я не могу не усомниться въ ихъ непогрѣшимости. У нея были густые, русые волосы, причесанные съ той же простотою, какою отличалось ея платье. Глаза ея имѣли легкій фіолетовый оттѣнокъ, который иногда принималъ удивительную мягкость, но эти случаи были очень рѣдки и обыкновенно ея глаза блестѣли умомъ, веселостью и часто ехидствомъ. На щекахъ ея былъ почти всегда румянецъ; музыкальный, серебристый смѣхъ весело переливался за рядомъ жемчужныхъ зубовъ.

Отецъ ея былъ дюжій, здоровенный человѣкъ, тяжеловѣсный во всякое время, а тѣмъ болѣе подъ бременемъ необходимости вальсировать въ тактъ. Онъ казался очень мрачнымъ, словно присутствовалъ на похоронахъ.

— Я думаю довольно, милая Нàнперъ, промолвилъ онъ наконецъ:—голова у меня что-то кружится. Впрочемъ, если необходимо, то будемъ продолжать.

— Хорошо, папа, на сегодня довольно. Но горе въ томъ, что завтра вечеромъ намъ придется начинать съизнова. Не можете ли вы попрактиваться днемъ?

— Я и сегодня практивался, но едва меня не накрыли. Я отставилъ въ сторону всѣ стулья и сталъ уже порядочно вертѣться, считая разъ, два, три-четыре, пять, шесть, какъ вдругъ слуга отворилъ дверь и впустилъ джентльмэна, пріѣхавшаго изъ Лондона по очень важному дѣлу. Онъ вѣроятно слышалъ, какъ я громко считалъ, и, находясь у книжнаго шкапа въ ту минуту, какъ онъ вошелъ, я сдѣлалъ видъ, что считаю книги. Чтò же теперь мы будемъ пѣть?

— Да, папа, но можетъ быть вы хотите перевести дыханіе. Я сяду за фортепіано и съиграю вамъ тему, чтобы вы лучше попали въ тактъ.

Она начала наигрывать извѣстную ирландскую пѣснь *Зеленый цвѣтъ*, весело подмигивая отцу, который билъ рукою по креслу, хотя сильно ошибался, если полагалъ, что бьетъ тактъ.

— Ну, папа, начинайте пѣть, но не оглушите разомъ.

Лицо почтеннаго джентльмэна приняло прежнее тревожное выраженіе, но онъ быстро повиновался и, вставъ съ кресла, подо-

шелъ къ фортепьяно. Онъ началъ пѣть и сходство его съ единорогомъ сдѣлалось еще поразительнѣе. Я никогда не слыхалъ, какъ поетъ единорогъ, но, конечно, если въ сосѣднемъ домѣ былъ подобный звѣрь, то онъ откликнулся бы на отчаянный вопль своего товарища.

«Я встрѣтилъ Нàппера Танди,
И взявъ меня за двѣ руки
Съ печалью спросила *она:*
Что Ирландіи бѣдной судьба?

На этотъ первый куплетъ, пропѣтый съ адскимъ воемъ, отвѣчалъ свѣжій, мелодичный голосокъ:

На зеленомъ острову меркнетъ солнца свѣтъ
На плаху приводитъ зеленый тамъ цвѣтъ.

— Это слишкомъ для васъ высоко, папа, и я вамъ выберу получше пѣсню.

— Но я люблю «Зеленый цвѣтъ». Я слышалъ эту пѣснь много лѣтъ тому назадъ, когда ты ходила еще въ панталончикахъ и я былъ хозяиномъ въ своемъ домѣ. Я постоянно пѣлъ ее тебѣ и потому ты стала называть себя Нàпперъ. Я полагаю, что всѣ въ Сакстонѣ думаютъ, что ты крещена Нàпперъ.

— Вы мнѣ напѣвали совсѣмъ не то, и настоящій «Зеленый цвѣтъ» не походитъ на вашу пѣснь.

— И ты мнѣ это говоришь послѣ того, какъ часами сиживала на моихъ колѣняхъ, упрашивая, чтобы я спѣлъ Нàпперъ Танди.

— А сколько разъ я вамъ повторяю, папа, что Нàпперъ Танди былъ *онъ*, а не *она*, какъ вы поете.

— И буду всегда такъ пѣть. Я знаю только одну Нàпперъ Танди—она злая дѣвчонка.

И онъ съ любовью поцѣловалъ ее въ обѣ щеки.

Этотъ горячо любящій родитель былъ не кто иной, какъ стряпчій мистеръ Танди. Почти всѣ вечера проводилъ онъ подобнымъ образомъ въ обществѣ своей дочери. Уже болѣе четырехъ лѣтъ онъ бралъ у нея уроки пѣнія, танцамъ же началъ учиться недавно, въ виду приближавшагося бала, на которомъ будетъ присутствовать все графство. Нàпперъ Танди впервые была на балу въ прошломъ январѣ и съ тѣхъ поръ не переставала восторгаться его великолѣпіемъ. Готовясь ко второму балу, она рѣшила, что будетъ танцовать первый вальсъ съ своимъ отцомъ, хотя онъ до тѣхъ поръ предпочиталъ танцамъ вистъ. Но что рѣшила Нàпперъ было закономъ, и еслибъ она велѣла ему запереть контору и пойти по улицамъ съ шарманкой, то онъ безпрекословно повиновался бы.

Что же касается до пѣнія, то онъ чувствовалъ въ себѣ та-

лантъ и по воскресеньямъ подтягивалъ въ церкви гимны съ необыкновенной энергіей. Нàнперъ сомнѣвалась въ достиженіи имъ вокальныхъ успѣховъ и скорѣе разсчитывала, что онъ съ ея помощью протанцуетъ вальсъ, чѣмъ будетъ пѣть въ тактъ. Но такъ какъ они жили въ домѣ, стоявшемъ особнякомъ, то сосѣдей не безпокоили его музыкальныя упражненія.

— Чтò вы дѣлали сегодня, папа? спросила молодая дѣвушка по окончаніи урока.

— Какъ всегда, писалъ письма, принималъ кліентовъ и ходилъ въ судъ; впрочемъ, одинъ посѣтитель изъ Лондона явился по необыкновенному дѣлу.

— Уже не по желѣзной ли дорогѣ, которая такъ занимала васъ два года тому назадъ, что вы три недѣли не брали уроковъ пѣнія?

— Нѣтъ, дѣло еще интереснѣе. У насъ въ городѣ будетъ избирательная борьба на слѣдующихъ выборахъ. Но это не моя тайна, и прошу не болтать. А теперь пора спать; завтра мнѣ надо рано встать, чтобъ поспѣть на утренній Лондонскій поѣздъ.

— Къ ночи вы вернетесь?

— Да, отвѣчалъ, зѣвая, мистеръ Танди.

VII.

— Вы очень заняты, мистеръ Думфи? спросилъ Гедеонъ, входя въ свою контору послѣ полученія письма отъ мистера Танди.

— Нѣтъ, не очень, сэръ, отвѣчалъ Думфи почтительнымъ тономъ, подозрѣвая, что патронъ нашелъ ему другое занятіе.

— Вы, вѣроятно, найдете время съѣздить на морской берегъ. Я хочу поступить въ парламентъ и принялъ предложеніе опозиціи поставить свою кандидатуру въ Сакстонѣ. Я ѣду туда сегодня для свиданія съ именитыми гражданами и намѣренъ взять васъ съ собою, и если дѣло пойдетъ, то вамъ придется жить тамъ отъ времени до времени и сообщать о всемъ происходящемъ.

— Хорошо, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Думфи, потирая руки: — я готовъ ѣхать сегодня, но смѣю спросить, мнѣ придется часто и надолго уѣзжать изъ Лондона?

— Это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Но вамъ нечего тревожиться. Въ Сакстонѣ прекрасныя морскія купанья и перемѣна воздуха вамъ будетъ очень полезна.

— Можетъ быть, отвѣчалъ мистеръ Думфи:—но у меня есть

хозяйство въ Камденъ-Таунѣ и поѣздка на морскія купанья повлечетъ за собою значительные расходы.

— Вы будете жить тамъ на мой счетъ.

Но мистеръ Думфи этимъ не удовольствовался и ловко выговорилъ себѣ прибавку въ пять шиллинговъ къ еженедѣльно получаемымъ тридцати шиллингамъ. Конечно, тяжело было разставаться съ мистриссъ Думфи, но разлука предполагалась непродолжительная, и прибавка въ пять шиллинговъ составляла большой разсчетъ, особенно въ виду малаго числа кліентовъ Гедеона, который хотя и наживалъ большія деньги, но не въ своей конторѣ.

Такимъ образомъ, мистеръ Гедеонъ Флисъ и мистеръ Думфи отправились въ Сакстонъ, гдѣ свиданье съ именитыми гражданами было назначено въ гостиницѣ Синій Левъ, бывшей нѣкогда главной квартирой либераловъ. Мистеръ Гульдфинчъ, бакалейщикъ въ Большой Улицѣ, оказавшій значительныя услуги государству въ эпоху парламентской реформы 1812 года, разсказывалъ много интересныхъ эпизодовъ изъ исторіи этой гостиницы. Быть можетъ, самымъ популярнымъ изъ его разсказовъ былъ о появленіи въ залѣ гостиницы Роджера Монтгомери верхомъ на его знаменитой лошади лордъ Грей. Сидя въ сѣдлѣ, онъ произнесъ рѣчь къ избирателемъ, а когда лошадь не захотѣла выйти въ дверь, онъ велѣлъ вынуть оконную раму и, пришпоривъ лорда Грея выскочилъ черезъ окно на Большую Улицу, словно онъ всегда такъ удалялся съ политическаго митинга.

Въ небольшой, но уютной комнатѣ гостинницы принялъ мистеръ Танди новаго кандидата и его секретаря. Именитые граждане, помощь которыхъ была необходима для успѣха на выборахъ, торжественно сидѣли вокругъ стола, словно собирались произвести судебное слѣдствіе надъ мертвымъ тѣломъ. Когда кандидатъ подъѣхалъ къ подъѣзду, они дружески разговаривали между собою, стоя передъ каминомъ, но, услыхавъ шумъ колесъ приняли положеніе, болѣе соотвѣтствовавшее важности совѣщанія и ихъ неподкупному достоинству.

Гедеонъ крѣпко пожалъ руку всѣмъ присутствующимъ, которые встрѣтили его очень радушно и подозрѣвая, что мистеръ Думфи былъ второй кандидатъ, простерли свое радушіе и на него.

— Господа, сказалъ мистеръ Танди:—вы знаете, для чего мы собрались, и я считаю излишнимъ формально объяснять цѣль нашего митинга. Джентльмэнъ, котораго мы видимъ въ нашей средѣ и который сидитъ въ креслѣ у камина, поспѣшно прибавилъ мистеръ Танди, такъ какъ четыре именитыхъ гражданъ

не были вполнѣ увѣрены, на комъ изъ двухъ пріѣзжихъ остановить свое вниманіе:—рекомендованъ намъ вліятельными членами либеральной партіи въ Лондонѣ. Но что еще важнѣе для насъ, гражданъ Сакстона, не привыкшихъ слѣпо повиноваться приказаніямъ лондонскихъ кружковъ, это пламенная поддержка нашего почтеннаго друга мистера Вальтера изъ Стонлея.

Именитые граждане кивнули утвердительно. Мистеръ Вальтеръ принадлежалъ къ хорошему семейству и если онъ не проживалъ въ Сакстонѣ столько денегъ, сколько было бы желательно, то все-таки онъ обращалъ на ихъ городъ должное вниманіе.

— Быть можетъ, мистеръ Флисъ найдетъ возможнымъ изложить свое мнѣніе о главнѣйшихъ политическихъ вопросахъ дня. Мы здѣсь стоимъ за истинный либерализмъ, означающій въ нашихъ глазахъ наибольшее благо наибольшему числу.

— Конечно, отвѣчалъ Гедеонъ, и вынулъ изъ кармана пачку мелко исписанныхъ листовъ бумаги.

Наканунѣ, онъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ Обрайеномъ и тотъ набросалъ ему замѣтки о нѣсколькихъ предметахъ, которые слѣдовало развить для ознакомленія избирателей съ его политическими взглядами. Такъ какъ всѣ эти вопросы были одинаково незнакомы ему, то онъ боялся спутать эти замѣтки и сказать, напримѣръ, объ избирательныхъ правахъ графства то, что относилась до мѣстныхъ налоговъ. Но онъ принялъ всѣ предосторожности, чтобъ избѣгнуть подобной ошибки.

— Прежде чѣмъ нашъ благородный другъ начнетъ свою политическую исповѣдь, произнесъ мистеръ Гульдфинчъ пискливымъ голоскомъ:—я позволю себѣ замѣтить, что 1832 г., когда являлись къ намъ кандидаты, мы всегда начинали съ начала. Мы прежде всего имѣемъ мѣстные интересы, а потомъ уже государственные. Поэтому, лучше начнемъ съ мѣстныхъ вопросовъ, а потомъ перейдемъ къ государственнымъ.

Гедеонъ бросилъ вопросительный взглядъ на мистера Танди, какъ бы прося объясненія, но стряпчій, принявъ на себя холодный видъ, смотрѣлъ въ окно.

— Дѣло въ томъ, прибавилъ мистеръ Ферминджеръ: — что нашъ представитель долженъ главнымъ образомъ заботиться объ интересахъ Сакстона; мы здѣсь нуждаемся во многомъ и не любимъ людей, которые заботятся болѣе о дорогѣ въ Индію, чѣмъ о мостовой на Большой Улицѣ.

Мистеръ Ферминджеръ былъ мясникъ и привыкъ рубить съ плеча нетолько въ своей лавкѣ, но и въ разговорѣ.

— Вы совершенно правы, отвѣчалъ Гедеонъ, поспѣшно взглянувъ на свои листки:—много говорятъ глупостей по вопросу о до-

рогѣ въ Индію. Затрудненія, лежащія на пути Россіи, въ какую бы сторону она ни направилась, громадны. Ей придется перейти черезъ высокій горный кряжъ, какъ его... право, позабылъ названіе.

И онъ сталъ торопливо перебирать свои листки.

— Это все равно, сэръ, произнесъ мистеръ Бурнапъ:—я вполнѣ раздѣляю мнѣніе мистера Ферминджера—мы люди дѣловые и хотимъ прежде всего знать вашъ взглядъ на уменьшеніе мѣстныхъ налоговъ.

— О, вопросъ о мѣстныхъ налогахъ, отвѣчалъ Гедеонъ:—самый животрепещущій, и будьте увѣрены, что онъ разрѣшится къ вашему полному удовольствію, господа, если только у насъ будетъ снова либеральное министерство. Мое личное мнѣніе...

Обрайенъ по этому вопросу написалъ слишкомъ много; онъ вдался въ историческія подробности, а не написалъ сверху въ нѣсколькихъ словахъ сущность дѣла. Поэтому, наступило неловкое молчаніе, въ продолженіи котораго Гедеонъ, красный какъ индѣйскій пѣтухъ, перелистывалъ свои замѣтки.

Мистеръ Ферминджеръ щелкалъ пальцами. Мистеръ Гульдфинчъ качалъ головой. Мистеръ Бурнапъ началъ что-то насвистывать, а мистеръ Танди продолжалъ упорно смотрѣть въ окно. Гедеонъ сознавалъ, что почва колеблется подъ его ногами. Онъ отлично объяснилъ бы свое мнѣніе по вопросу о мѣстныхъ налогахъ, еслибъ Обрайенъ выразилъ это мнѣніе сверху страницы крупными буквами, а не въ концѣ длинныхъ фразъ, нечетко написанныхъ. И теперь ему приходила въ голову мысль, что политика вовсе не такое легкое дѣло, какъ онъ полагалъ. На его счастіе, неожиданно всталъ мистеръ Джонъ Григсъ, обойщикъ.

— Къ чему терять время на пустяки! воскликнулъ онъ: — и разсуждать о дорогѣ въ Индію и о мѣстныхъ налогахъ. Мы всѣ люди дѣловые и практическіе. Мы собрались сюда, чтобъ узнать вашъ взглядъ на нѣкоторые лично интересующіе насъ вопросы. Если вы либералъ, то, значитъ, и поддерживаете либеральныя мнѣнія—вотъ и все. Но какъ вы думаете вести избирательную агитацію? Я человѣкъ прямой и люблю, чтобъ все было чисто, ясно. Какъ вы намѣрены давать: одинъ ежегодный обѣдъ или, по старинному обычаю, два: на Рождествѣ и въ Ивановъ день? Сколько вы пожертвуете въ пользу мѣстныхъ учрежденій?

Лучъ свѣта озарилъ омраченный на минуту умъ кандидата. Улыбка снова показалась на его встревоженномъ лицѣ. Онъ свернулъ замѣтки, написанныя для него Обрайеномъ, и спряталъ ихъ въ карманъ.

— Господа! сказалъ онъ самонадѣяннымъ тономъ:—въ отношеніи вопросовъ, поднятыхъ моимъ благороднымъ другомъ, фамиліи котораго я, по несчастію, не знаю...

— Григсъ, обойщикъ, въ Большой улицѣ. Позвольте мнѣ представить вамъ мой адресъ.

— Мой благородный другъ, мистеръ Григсъ, возбудилъ именно тѣ вопросы, которые намъ надо обсудить, и въ этомъ отношеніи, я увѣренъ, вы останетесь довольны мною. Я не могу не сознаться, что глубокое изученіе всѣхъ политическихъ вопросовъ затрудняетъ человѣка, ежели требуютъ, чтобъ онъ высказалъ свое мнѣніе объ нихъ въ нѣсколькихъ славахъ; но я полагаю, господа, что будетъ достаточно простого заявленія о поддержкѣ мною тѣхъ либеральныхъ принциповъ, которымъ мы обязаны величіемъ нашего отечества, и затѣмъ мы будемъ въ состояніи перейти къ вопросамъ, затронутымъ мистеромъ Бригсомъ, который, я увѣренъ, заткнулъ за поясъ всѣхъ лондонскихъ обойщиковъ.

Нетолько кандидатъ оправился отъ своего смущенія, но именитые граждане также просіяли. Даже мистеръ Танди пересталъ смотрѣть въ окно и устремилъ свой взглядъ самымъ дружескимъ образомъ на Гедеона.

— Быть можетъ, мистеръ Танди, продолжалъ Гедеонъ: — вы сообщите намъ подробности о тѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, которыя дѣлаютъ такую честь провинціальнымъ городамъ. У васъ, конечно, есть больница?

— Нѣтъ, у насъ не имѣется въ настоящее время больницы, отвѣчалъ стряпчій съ видимымъ сожалѣніемъ: — но мы полагаемъ, что, съ теченіемъ времени, если новые выборы будутъ происходить довольно часто и политическія партіи станутъ появляться поочередно у кормила правленія, то мы вскорѣ откроемъ небольшой госпиталь. Между тѣмъ, у насъ есть клубъ любителей крикета, очень почтенное учрежденіе, есть общество оказанія помощи береговымъ жителямъ, оказывающее большія услуги и нуждающееся въ фондахъ, и богадѣльня для престарѣлыхъ гражданъ. У насъ, по временамъ, бываютъ благотворительные базары и можно было бы устроить гонку для лодочниковъ, составляющихъ очень почтенную корпорацію и стойко подающихъ голоса за излюбленнаго ими кандидата, все равно, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ. «Люди, а не мѣропріятія»—вотъ ихъ лозунгъ.

— Все это прекрасныя учрежденія и я почту за честь оказать имъ поддержку, произнесъ Гедеонъ, дѣлая замѣтки карандашемъ въ своей памятной книжкѣ: — но, конечно, мнѣ излишне упоминать въ присутствіи человѣка, юридическія познанія кото-

раго высоко цѣнятся въ Лондонѣ, что законъ смотритъ косо на расходованіе денегъ кандидатомъ наканунѣ выборовъ.

— Это затрудненіе можно обойти, замѣтилъ мистеръ Танди.

— А я вотъ что̀ полагаю, неожиданно произнесъ мистеръ Григсъ: — представитель города долженъ въ немъ жить. Я не сочувствую людямъ, которые являются къ своимъ избирателямъ только разъ въ годъ, чтобъ произнести длинную политическую рѣчь. Представитель графства обыкновенно имѣетъ осѣдлость въ графствѣ, а я говорю: пусть представитель города имѣетъ осѣдлость въ городѣ.

— Вы совершенно правы, подтвердилъ мистеръ Ферминджеръ, сообразившій тотчасъ, что депутатъ, проживая въ городѣ, будетъ забирать много мяса:—мы люди старомодные въ Сакстонѣ и любимъ, чтобъ нашъ депутатъ жилъ рядомъ съ нами.

— Вы, конечно, не хотите сказать рядомъ съ вашей лавкой, мистеръ Ферминджеръ, возразилъ Мистеръ Бурнапъ, подрядчикъ по постройкамъ: — въ окрестностяхъ города есть много живописныхъ уголковъ, гдѣ человѣкъ со вкусомъ могъ бы выстроить прекрасный домъ.

— И я увѣренъ, что еслибъ мистеръ Бурнапъ выстроилъ, а мистеръ Григсъ украсилъ своей работой этотъ домъ, то онъ былъ бы достоинъ Сакстона, сказалъ Гедеонъ.—Эта мысль мнѣ очень нравится. Я имѣю уже коттеджъ, но очень маленькій. Сакстонъ пришелся мнѣ по вкусу. Я увѣренъ, что воздухъ Сакстона мнѣ полезенъ. Я уже чувствую себя лучше, хотя нахожусь здѣсь не болѣе часа. Какой у васъ живительный морской воздухъ!

И онъ потянулъ въ себя воздухъ, но, вмѣсто морской свѣжести, почувствовалъ пріятный запахъ жареной индѣйки. Это напомнило ему, что, входя въ гостинницу, онъ спросилъ, сколько господъ его ждутъ, и заказалъ хорошій обѣдъ.

— Ну, я полагаю, господа, что дѣло теперь въ шляпѣ, произнесъ онъ:—если я пропустилъ какія-нибудь подробности, то позвольте мнѣ увѣрить васъ, что никакія экономическія соображенія не удержатъ меня отъ исполненія моего долга въ отношеніи почтенныхъ гражданъ, которые почтутъ меня своимъ довѣріемъ.

— Надо подумать о мачтахъ и флагахъ, замѣтилъ мистеръ Гульдфинчъ.

— О, другъ мой! отвѣчалъ съ доброжелательной улыбой Гедеонъ: — эти украшенія были обязательны въ ваше время, но теперь они, кажется, воспрещены, не правда ли, мистеръ Танди?

— Флаги воспрещены, но мачты дозволены, произнесъ стряпчій, неохотно сознавая, что онъ даетъ юридическій совѣтъ безъ

всякой надежды получить за него по таксѣ шесть шиллинговъ и восемь пенсовъ.

— Такъ у насъ будутъ мачты, сказалъ Гедеонъ весело:—а теперь, господа, перейдемте въ столовую, гдѣ я позволилъ себѣ заказать маленькій обѣдъ.

Это предложеніе было принято съ большимъ сочувствіемъ; особенно былъ доволенъ мистеръ Ферминджеръ, который уже мысленно разсчитывалъ, сколько мяса забрали въ его лавкѣ.

Обѣдъ прошелъ очень весело и никто не былъ веселѣе самого Гедеона. Онъ началъ дѣло несчастливо, благодаря проклятымъ замѣткамъ Обрайена. Но какъ только онъ почувствовалъ себя въ родномъ элементѣ, все пошло какъ по маслу. Онъ даже открылъ въ себѣ никѣмъ не подозрѣваемый источникъ остроумія и всѣ присутствующіе помирали со смѣха отъ его шутокъ и каламбуровъ.

Мистеръ Танди предложилъ тостъ за новаго представителя Сакстона, который былъ встрѣченъ троекратнымъ ура. Гедеонъ отвѣчалъ съ чувствомъ и заложилъ руку за жилетъ. Онъ самъ былъ удивленъ своимъ краснорѣчіемъ. Онъ ни разу не запнулся, а говорилъ гладко, складно. Что же касается до идей, развиваемыхъ имъ, то должно полагать, что все обстояло благополучно, судя по оглушительнымъ крикамъ одобренія со стороны именитыхъ гражданъ, что̀, естественно, развивало въ нихъ жажду.

По счастью, было уже темно, когда эти почтенные джентльмэны разошлись по домамъ. Они вышли изъ гостинницы всѣ подъ руку и было рѣшено, что перваго отведутъ домой Гульдфинча изъ уваженія къ его старости. Но Гедеонъ, выпившій очень мало, не могъ не подумать, что плохо придется тому изъ именитыхъ гражданъ, который будетъ вынужденъ отыскать одинъ свое жилище послѣ водворенія по мѣсту жительства товарищей.

VIII.

Замѣчаніе мистера Бурнапа о томъ, что Сакстонъ ожидаетъ отъ популярнаго депутата постройки дома въ городѣ или въ его окрестностяхъ, нашло сочувственный отголосокъ въ сердцѣ Гедеона. Онъ убѣдился по опыту въ своемъ коттеджѣ, что ни что его такъ не тѣшило, какъ постройка. Если же эта слабость и стоила денегъ, то онъ не курилъ, не пилъ и вообще не имѣлъ привычекъ, обходившихся другимъ очень дорого, а потому могъ позволить себѣ хоть какую-нибудь забаву.

Такимъ образомъ, обсуждая этотъ вопросъ на слѣдующее утро,

онъ спрашивалъ себя не о томъ, благоразумно ли израсходовать большую сумму денегъ, но о томъ, достаточно ли велики шансы на успѣхъ его кандидатуры въ Сакстонѣ, чтобъ водвориться тамъ на постоянное житье. Это было слишкомъ крупное предпріятіе, чтобъ рѣшиться на него разомъ. Онъ остался цѣлую недѣлю въ «Синемъ Львѣ» вмѣстѣ съ мистеромъ Думфи и, не обнаруживая своихъ дальнѣйшихъ намѣреній, навелъ обстоятельныя справки, чего могъ ждать въ Сакстонѣ человѣкъ, который смѣло и не жалѣя денегъ явился бы соперникомъ мистера Монтгомери.

Повидимому, всѣ избиратели Сакстона держались принципа прибрежныхъ жителей, нуждавшихся въ людяхъ, а не въ мѣропріятіяхъ. Мистеръ Монтгомери былъ не дурной депутатъ. Онъ происходилъ изъ хорошей семьи, жилъ по сосѣдству, имѣлъ особое мѣсто въ приходской церкви, довольно щедро жертвовалъ на мѣстныя благотворительныя учрежденія и проживалъ въ городѣ порядочную сумму денегъ. Но въ послѣдніе годы мистеръ Гульдфинчъ сталъ подозрѣвать, что мистеръ Монтгомери имѣлъ сношенія съ лондонскими кооперативными складами. Носились слухи, что по временамъ со станціи желѣзной дороги отвозили въ помѣстье мистера Монтгомери большіе деревянные ящики. Конечно, все это были только подозрѣнія, но они возбуждали тревожные толки въ буфетѣ «Синяго Льва», гдѣ мистеръ Думфи, въ интересахъ своего патрона, провелъ одинъ вечеръ, выкурилъ три трубки и выпилъ три стакана грога, которые были поставлены, разумѣется, на счетъ Гедеону. Кромѣ того, мистеръ Монтгомери въ сношеніяхъ съ своими избирателями выказывалъ слишкомъ много самоувѣренности. Онъ считалъ себя несмѣняемымъ. Впродолженіи пятидесяти лѣтъ Сакстонъ имѣлъ своимъ депутатомъ члена семьи Монтгомери и теперешнему его представителю казалась нелѣпой мысль, чтобъ какой-нибудь чуждый городу пришлецъ дерзнулъ вступить съ нимъ въ соперничество. Оспаривать у него представительство Сакстона казалось мистеру Монгомери все равно, что оспаривать у него право прогуливаться въ его собственной картинной галлереѣ или сидѣть въ покойномъ креслѣ передъ каминомъ въ его собственномъ кабинетѣ.

Сакстонъ мирился съ этимъ положеніемъ вещей частью по привычкѣ, но главнымъ образомъ, какъ думалъ Гедеонъ, по невозможности освободиться отъ гнета Монтгомери. Какъ его собственныя наблюденія, такъ и свѣденія, собранныя мистеромъ Думфи, вполнѣ убѣдили его, что нетолько онъ имѣлъ большіе шансы на успѣхъ, но что, при разумномъ виденіи избирательной агитаціи, его побѣда была несомнѣнна. Въ чемъ должно было

заключаться это разумное веденіе дѣла онъ понялъ изъ разговоровъ съ именитыми гражданами и рѣшилъ удовлетворить мѣстнымъ требованіямъ. Онъ не принадлежалъ къ разряду людей, портящихъ себѣ дѣло скряжничествомъ. Приступая къ какому-нибудь предпріятію, онъ спрашивалъ себя:—что оно принесетъ ему? Но убѣдившись въ его выгодности, онъ не жалѣлъ денегъ для достиженія своей цѣли.

На второмъ собраніи именитыхъ гражданъ въ Синемъ Львѣ присутствовалъ и капитанъ Обрайенъ, и Гедеонъ былъ формально объявленъ либеральнымъ кандидатомъ. До тѣхъ поръ, причина пребыванія его въ Сакстонѣ сохранялась въ тайнѣ. Теперь же, благодаря стараніямъ мистера Гульдфинча, добрая вѣсть распространилась по всему городу и встрѣтила въ курительной комнатѣ Синяго Льва общее сочувствіе. Либералы радовались предстоявшему освобожденію ихъ древняго города отъ торійскаго ярма, а консерваторы, издѣваясь надъ безумной попыткой «политическаго авантюриста», какъ они называли Гедеона, не могли скрыть своего удовольствія при мысли, что избирательная борьба придастъ жизни дремлющему городу.

Вскорѣ Гедеонъ сталъ чувствовать себя общественнымъ дѣятелемъ. Хозяинъ «Синяго Льва» оказывалъ ему самое почтительное вниманіе и увеличилъ на 50% подаваемые ему счета. Проходя по улицамъ, онъ замѣчалъ, что всѣ смотрятъ на него и съ удовольствіемъ слышалъ, какъ прохожіе говорили другъ другу шепотомъ:—«вотъ онъ». Особенное впечатлѣніе на избирателей производила его одежда; онъ былъ лучше одѣтъ, чѣмъ мистеръ Монтгомери, но не франтомъ.

Прибрежные жители разомъ полюбили его. Онъ по утрамъ отправлялся на морской берегъ и добродушно разговаривалъ со всѣми, кого встрѣчалъ, о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, за исключеніемъ представительства Сакстона въ парламентѣ. Его собесѣдники также избѣгали этого предмета, но знали очень хорошо, въ чемъ дѣло, и цѣнили лестное для нихъ вниманіе кандидата. Несмотря на то, что онъ самъ не курилъ, онъ носилъ всегда въ карманѣ кисетъ съ самымъ крѣпкимъ табакомъ и подчивалъ своихъ новыхъ друзей. Поэтому, они называли его «любезнымъ джентльмэномъ» и ставили неизмѣримо выше мистера Монтгомери, которому и въ голову не пришло бы отправиться на берегъ или предложить кому-нибудь табаку.

Съ одинаковымъ искуствомъ и успѣхомъ велъ дѣло Гедеонъ и въ другихъ слояхъ мѣстнаго населенія. По воскресеньямъ, онъ ходилъ въ церковь, и это далеко не было ему такъ непріятно, какъ онъ ожидалъ, потому что онъ сопровождалъ миссъ Танди

и сидѣлъ съ нею рядомъ. Онъ былъ большой пріятель съ молодой дѣвушкой. Ей нравился этотъ приличный джентльмэнъ, который долженъ былъ принести столько пользы ея отцу и всему городу. Онъ же, съ своей стороны, считалъ Нàпперъ самой пріятной представительницей прекраснаго пола, которую онъ когда-нибудь встрѣчалъ. Гедеонъ до сихъ поръ былъ слишкомъ занятъ дѣлами, чтобъ обращать вниманіе на женщинъ, хотя во времена своего отца видалъ много очень хорошенькихъ и красиво одѣтыхъ дамъ. Онѣ обыкновенно плакали, и практическій родитель смотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ. Но за исключеніемъ этихъ случайныхъ посѣтительницъ, онъ рѣдко встрѣчался съ женщинами, и ни разу серьёзно не обсуждалъ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли ему жениться или нѣтъ.

Онъ не думалъ объ этомъ и теперь, сидя рядомъ съ Нàпперъ за обѣдомъ у ея отца или гуляя съ нею по улицамъ Сакстона. Онъ только чувствовалъ, что она очень пріятный и полезный товарищъ. Она знала всѣхъ въ Сакстонѣ и всѣ ее любили. Куда она ни заходила, въ лавку, хижину или богатый домъ, ее всюду встрѣчали съ улыбкой. Сопровождавшій ее Гедеонъ также пользовался самымъ радушнымъ пріемомъ со стороны ея друзей и такимъ образомъ безъ всякаго труда распространялъ кругъ своего знакомства. Нàпперъ не подозрѣвала, что она играла роль избирательнаго агента, и Гедеонъ старательно избѣгалъ всякаго намека на политику или выборы, но въ глубинѣ своей души сознавалъ, что, гуляя съ Нàпперъ, шутя съ старухами, лаская дѣтей и дружески бесѣдуя съ ихъ отцами, онъ самымъ успѣшнымъ образомъ велъ избирательную агитацію.

IX.

Во время одной изъ прогулокъ съ Нàпперъ, Гедеонъ наткнулся на зàмокъ, возвышавшійся на горѣ, у подножія которой гнѣздился маленькій городокъ, помнившій Уайттенагемотъ. Сакстонъ былъ выстроенъ, сожженъ, разграбленъ, снова выстроенъ и снова взятъ приступомъ, однимъ словомъ, испыталъ всѣ удовольствія и треволненія добраго стараго времени. Существующія доселѣ первобытныя зданія, съ покатыми крышами, концы которыхъ отстаютъ отъ земли на два аршина, принадлежатъ эпохѣ, вышедшей изъ памяти людей. Другіе дома, повидимому, падавшіе другъ на друга въ безумный скачекъ къ морю по откосамъ горы, были не такіе древніе. Но все-таки они были достаточно стары, чтобъ не представлять пошлаго фасада прямо-

угольныхъ современныхъ англійскихъ домовъ съ аспидными крышами. Они были различнаго вида и величины, имѣя общаго только красновато-бурыя черепичныя крыши, которыя придавали издали маленькому городку, утопавшему въ густой листвѣ деревьевъ, особую прелесть для усталыхъ путниковъ.

Что же касается зàмка, то онъ находился въ непонятномъ и печальномъ запущеніи; собственникъ его предпочиталъ жить въ монотонномъ бѣломъ домѣ съ большими окнами, рамы которыхъ приподнимались къ верху, а замокъ отдавался въ аренду, вмѣстѣ съ фермой и принадлежавшими къ ней службами. Конечно, нельзя было ожидать, чтобы фермеръ болѣе дорожилъ этимъ наслѣдіемъ прешедшаго, чѣмъ владѣлецъ. Онъ не нуждался въ немъ, но такъ какъ зàмокъ стоялъ на арендуемой имъ землѣ, то онъ долженъ былъ извлечь изъ него какую-нибудь пользу и потому отдалъ его въ счетъ жалованья своему скотнику. Скотникъ предпочелъ бы жить въ маленькой хижинѣ съ соломенной крышей, но на семъ свѣтѣ скотникамъ не предоставлено выбирать свои жилища и такимъ образомъ въ залѣ, въ которой пировалъ Годфридъ Бульонскій, поселился современный свинопасъ.

Правда, это жилище было не обширное. Отъ величественнаго зàмка осталась въ довольно исправномъ видѣ только одна изъ башенъ, возвышавшихся нѣкогда по обѣ стороны воротъ. На ней не было крыши и въ верху, вмѣсто оконъ, зіяли мрачныя отверстія; но толстый дубовой полъ, выстоявшій столько непогодъ, служилъ теперь потолкомъ для нижняго этажа, куда и перебрался скотникъ съ женою, дѣтьми, курами, поросятами и домашнимъ скарбомъ. Отличаясь практическимъ умомъ, онъ, сидя передъ громаднымъ каминомъ, никогда не мечталъ о тѣхъ храбрыхъ рыцаряхъ и гордыхъ красавицахъ, которые ходили нѣкогда по каменному полу залы. Если же онъ по временамъ и задумывался, то не о прошломъ, а о разведеніи въ одномъ углу обширнаго двора зàмка рѣпы, моркови, лука и другихъ овощей. Эта мысль была имъ вскорѣ приведена въ исполненіе къ вящему позору несчастнаго зàмка, мрачно смотрѣвшаго на море.

Но ничто не могло испортить необыкновенной красоты этихъ развалинъ. Давно—вѣроятно, еще въ тѣ времена, когда Кромвель приводилъ въ порядокъ дѣла въ Вестминстерѣ и въ остальной Англіи—плющъ сжалился надъ зàмкомъ и сжалъ его въ своихъ объятіяхъ. Съ тѣхъ поръ, изъ любви къ стариннымъ сѣрымъ стѣнамъ и благодаря живительному морскому воздуху, онъ необыкновенно разросся и покрываетъ стѣны густой темно-зеленой листвой. Съ трехъ сторонъ зàмка тянутся лѣса, а съ четвертой, вдали за полями, рощами и красными черепичными крышами Сак-

стона, виднѣлось море, окаймленное на горизонтѣ французскимъ берегомъ и усѣянное бѣлыми парусами кораблей и дымящимися трубами пароходовъ. Тамъ жизнь кипѣла и только одинъ Сакстонъ дремалъ на краю величайшаго морского пути въ свѣтѣ.

Зàмокъ пришелся по сердцу Гедеону. Рѣшительно судьба покровительствовала ему; многіе считали себя счастливыми, если кончали свою жизнь въ зàмкѣ, а онъ могъ совершить свое политическое поприще, живя въ зàмкѣ, древность котораго не подлежала сомнѣнію. Онъ не понималъ красотъ природы и не разсердился бы, по примѣру поэта, на Питера Беля за то, что для Питера Беля: «Фіалка была фіалкой и ничѣмъ болѣе». А чѣмъ же она могла быть? спросилъ бы практическій Гедеонъ и прибавилъ бы:—вѣдь ни шляпой, ни сюртукомъ на атласной подкладкѣ, ни каретой, ни балансомъ въ банкѣ. Но во всякомъ случаѣ зàмокъ былъ лучше коттеджа и прежде всего это былъ замокъ. Онъ могъ назвать его зàмкомъ Флисъ и быть можетъ со временемъ о немъ стали бы говорить, какъ о Флисѣ изъ зàмка Флиса.

Стѣны зàмка были крѣпки и могли пережить цѣлое поколѣніе новыхъ домовъ. Не жалѣя денегъ и отличаясь вкусомъ, владѣлецъ этихъ живописныхъ развалинъ могъ превратить ихъ въ величественное и удобное жилище.

— Что̀ это вы молчите, мистеръ Флисъ? воскликнула Нàпперъ, замѣчая при первомъ посѣщеніи зàмка необыкновенную задумчивость Гедеона: — вы мечтаете о рыцаряхъ въ латахъ и красавицахъ, когда-то обитавшихъ эти развалины?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ самодовольной улыбкой:—я думалъ о томъ, что хорошо бы купить зàмокъ, возстановить его и жить въ немъ.

Этотъ планъ очень понравился Нàпперъ. По дорогѣ домой, она съ восторгомъ его обсуждала, и Гедеонъ невольно пришелъ къ тому заключенію, что онъ задумалъ великое предпріятіе.

X.

Однажды утромъ, весной 1878 года, мистеръ Думфи шелъ по Большой улицѣ Сакстона, и на этотъ разъ исполнялъ роль Меркурія, но не въ качествѣ бога воровъ и карманниковъ, а въ качествѣ посыльнаго между богами.

Въ правой рукѣ онъ держалъ письмо отъ Гедеона къ мистеру Танди, съ приглашеніемъ посѣтить, вмѣстѣ съ миссъ Танди, зàмокъ, чтобъ окончательно рѣшить планъ его перестройки. Замокъ уже перешелъ во владѣніе Гедеона, хотя владѣлецъ, несмотря

на всѣ выгодныя предложенія, не согласился отдать его иначе какъ въ долгосрочную аренду. Онъ уже стоилъ большихъ денегъ Гедеону и даже скотникъ не хотѣлъ разстаться съ своимъ жилищемъ безъ достойнаго вознагражденія за понесенные расходы. Гедеонъ удивлялъ мистера Думфи своей готовностью платить направо и налѣво.

— У вашего отца, сэръ, лопнуло бы сердце, еслибъ онъ узналъ объ этомъ, сказалъ онъ, когда всѣ счета были подведены.

— Не безпокойтесь, мистеръ Думфи, отвѣчалъ Гедеонъ:—я знаю, что дѣлаю. Кстати, вашъ недѣльный расходъ слишкомъ быстро ростетъ. Если я бросаю фунты стерлинговъ, то не намѣренъ терять пенсовъ! Мнѣ кажется, у васъ въ счетѣ показано слишкомъ много джину.

— Это все избиратели пьютъ, сэръ. Право, удивительно, сколько они выпиваютъ джина, восхваляя васъ и критикуя вашего противника.

— Да, но все-таки столько не можетъ выйти на джинъ въ недѣлю. Обратите вниманіе на это, мистеръ Думфи, и не заставьте меня совать носъ во всѣ мелочи.

Идя по Большой улицѣ съ письмомъ въ рукахъ, мистеръ Думфи думалъ объ этомъ предостереженіи и о многомъ другомъ. По правдѣ сказать, жалѣя бумагу и свою изобрѣтательность, онъ выставилъ подъ рубрикой джинъ немыслимыя суммы, но все-таки онѣ были честно израсходованы въ интересахъ кандидата и его конфиденціальнаго секретаря. Годъ тому назадъ, мистеръ Думфи не довелъ бы себя до такого выговора. Воспитанный Паукомъ, онъ зналъ, до чего можно безопасно доходить въ своихъ счетахъ, но теперь Гедеонъ такъ далеко уклонился отъ родительскихъ принциповъ и такъ легкомысленно бросалъ деньги, что и мистеръ Думфи рискнулъ перейти границу благоразумія. Это была ошибка и онъ глубоко въ ней раскаявался.

— На этой недѣлѣ будетъ меньше выпито джина въ этомъ проклятомъ городѣ, произнесъ онъ мысленно.

Не менѣе этого неожиданнаго обстоятельства безпокоило его письмо, которое онъ несъ въ домъ мистера Танди. Онъ съ неудовольствіемъ замѣчалъ отношенія его патрона къ миссъ Танди, которая, по его мнѣнію, болѣе чѣмъ поощряла его ухаживаніе.

— Хитрая дѣвчонка, думалъ мистеръ Думфи:—она ловко разставила сѣти. Какъ онъ ни странно ведетъ себя, но все-таки Гедеонъ не дуракъ, и еслибъ она повела атаку обычнымъ путемъ, то онъ тотчасъ смекнулъ бы въ чемъ дѣло. Ея невинная болтовня, словно она ни къ чему не стремится, всего опаснѣе. Чортъ бы побралъ такихъ лукавыхъ интриганокъ!

Ненависть мистера Думфи къ Нàпперъ была основана частью и на явной непріязни, которую питала къ нему молодая дѣвушка. Это доброе, нѣжное созданье любило всѣхъ, и тѣмъ страннѣе была эта непонятная антипатія, уважительной причины которой она сама никакъ не могла пріискать. Она не обращалась съ нимъ грубо, но ея манеры были такъ просты и искренни, что мистеръ Думфи не могъ не замѣтить ея нерасположенія къ нему. Впрочемъ, помимо этой взаимной антипатіи, онъ не могъ вообще помириться съ мыслью о женитьбѣ Гедеона. Занятый подобными мыслями, мистеръ Думфи уже приближался къ дому, гдѣ жилъ стряпчій, какъ вдругъ дверь отворилась и на улицу выбѣжала большая собака миссъ Танди, по кличкѣ Канутъ. Это былъ вѣрный признакъ немедленнаго выхода изъ дома Нàпперъ, такъ какъ Канутъ имѣлъ привычку, до прогулки съ своей госпожей, бѣшенно пробѣгаться по окрестнымъ переулкамъ и вернуться съ высунутымъ языкомъ. Выскочивъ изъ дверей, онъ взглянулъ въ обѣ стороны: улица была пуста и виднѣлись только двѣ фигуры: справа—полисмэна, слѣва—мистера Думфи. Трудно сказать, что произошло въ головѣ собаки, но она знала мистера Думфи и, быть можетъ, чуяла непріязненныя отношенія къ нему своей госпожи. Какъ бы то ни было, не колеблясь ни минуты, она бросилась съ быстротой молніи навстрѣчу мистеру Думфи и свалила его съ ногъ на грязную мостовую.

Мистеръ Думфи ненавидѣлъ всего болѣе грязь и всегда носилъ въ карманѣ фрака маленькую щетку, которой онъ чистилъ себѣ одежду при всякомъ удобномъ случаѣ. Быть сшибленнымъ съ ногъ собакой миссъ Танди и перепачкаться въ грязи было для него величайшимъ оскорбленіемъ. Онъ вскочилъ, оглашая воздухъ проклятіями и съ явнымъ намѣреніемъ бросить камнемъ въ собаку, но ея и слѣдъ простылъ.

Онъ хотѣлъ-было вернуться въ гостинницу и тамъ, обчистивъ грязь съ своей одежды, пойти вторично съ письмомъ къ мистеру Танди, но, поднявъ голову, увидалъ въ дверяхъ, на которыхъ красовалась доска съ надписью: «мистеръ Танди, стряпчій» — его дочь. Она надѣвала перчатки и хохотала во все горло. Но замѣтивъ, что мистеръ Думфи смотритъ на нее, она тотчасъ подошла къ нему и выразила надежду, что онъ не ушибся.

— Нѣтъ, я не ушибся, миссъ, отвѣчалъ мистеръ Думфи:—но панталоны разорвались на одной колѣнкѣ и я боюсь, что грязь не сойдетъ съ рукава пальто. Впрочемъ, бѣдному человѣку это нипочемъ. Мы не должны мѣшать забавѣ богатыхъ, которые спускаютъ на улицу бѣшенныхъ собакъ и учатъ ихъ сваливать съ ногъ мирныхъ гражданъ.

При этихъ словахъ, Нàпперъ снова разразилась смѣхомъ, который показался мистеру Думфи очень грубымъ, хотя шестеро влюбленныхъ въ нее молодыхъ людей нашли бы его очень мелодичнымъ.

— Я очень радъ, что мое горе доставляетъ вамъ удовольствіе. Долгъ бѣднаго человѣка—забавлять богатаго, когда это только возможно. Я несъ вашему отцу письмо отъ мистера Флиса, вотъ оно. Я же вернусь домой, чтобъ не повстрѣчаться снова съ вашей собакой.

— Я надѣюсь, что вы не сердитесь на меня и на бѣднаго Канута. Онъ свалилъ васъ съ ногъ безъ всякаго злого намѣренія, а я, право, не могла удержаться отъ смѣха. Вставая съ мостовой, вы смотрѣли такъ сердито...

— Да, это была очень смѣшная сцена. Попросите мистера Танди прислать отвѣтъ.

Возвращаясь домой, мистеръ Думфи сознавалъ, что сдѣлалъ новую ошибку. Къ чему было выказывать свою злобу? При слѣдующемъ свиданіи съ миссъ Танди онъ постарается сгладить сдѣланное на нее дурное впечатлѣніе и даже приласкаетъ Канута. Съ послѣднимъ надо было тѣмъ скорѣе помириться, что онъ могъ во всякое время околѣть.

— Собаки всюду рыскаютъ и ѣдятъ все, что ни попадется, говорилъ себѣ мистеръ Думфи съ ехидной улыбкой.

XI.

— Папа, воскликнула Нàпперъ, вбѣгая въ контору отца:—что стòютъ мужскіе панталоны?

Мистеръ Танди посмотрѣлъ съ удивленіемъ на молодую дѣвушку, которая весело смѣялась.

— Что стоютъ панталоны! произнесъ онъ торжественнымъ тономъ:—на что тебѣ... Впрочемъ, я очень занятъ и прошу оставить меня въ покоѣ.

— Дѣло въ томъ, папа, отвѣчала Нàпперъ:—что Канутъ сегодня, по несчастью, сшибъ съ ногъ секретаря мистера Флиса. Онъ весь перепачкался въ грязи и разорвалъ себѣ панталоны на колѣнкѣ. Онъ бѣдный человѣкъ и я хочу послать ему новые панталоны.

— О! промолвилъ мистеръ Танди:—но нельзя же послать мужчинѣ новые панталоны, не зная его мѣрки и вкуса. Пошли ему лучше денегъ.

— Хорошо, папа. Я объ этомъ и не подумала; но сколько послать денегъ?

— Золотой. Но приличнѣе заняться этимъ дѣломъ мнѣ, чѣмъ тебѣ. Ты кажется не понимаешь, что молодая дѣвушка не можетъ дарить панталонъ мужчинѣ.

— Право, не понимаю. Онъ пострадалъ по моей милости или по милости Канута, что все равно, и я хочу его вознаградить. Но если вы берете на себя это дѣло, то я очень рада, потому что непременно разсмѣялась бы ему въ лицо, а уже я и то смертельно его оскорбила.

— Это онъ, вѣроятно, принесъ письмо отъ мистера Флиса, которое ты прислала мнѣ со служанкой? Онъ проситъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ зàмокъ послѣ завтрака и порѣшить вопросъ о передѣлкахъ.

— Какъ весело! воскликнула Нàпперъ, хлопая въ ладоши:— я уже составила планъ, какъ надо перестроить зàмокъ. Отвѣчайте, что мы согласны.

— По несчастью, я не могу отлучиться изъ дома; мнѣ надо написать бумагу по очень важному и спѣшному дѣлу.

— Такъ отвѣчайте, что миссъ Танди и Канутъ свидѣтельствуютъ свое почтеніе мистеру Гедеону Флису и сочтутъ за честь сопровождать его въ зàмокъ.

— Но я, право не знаю... началъ стряпчій и запнулся.

— Чего вы не знаете? спросила поспѣшно Нàпперъ.

Свѣтскія приличія были невѣдомой граматой для стряпчаго, но онъ сомнѣвался, прилично ли было молодой дѣвушкѣ принимать приглашеніе холостого джентльмэна, хотя и средняго возраста, и вдвоемъ съ нимъ осматривать уединенный зàмокъ. Но какъ было объяснить это Нàпперъ? Она такъ же мало поняла бы его сомнѣнія въ этомъ случаѣ, какъ и юридическія тонкости дѣла, которымъ онъ былъ занятъ въ настоящую минуту. Нàпперъ была олицетвореніемъ невинности и нетолько не дѣлала, но и не постигала зла. Поэтому, общественное мнѣніе Сакстона спускало ей многія выходки, которыя возбудили бы строгое осужденіе всякой другой молодой дѣвушкѣ. Всѣ, какъ бы сговорившись, признавали, что Нàпперъ поступала всегда по внушенію своей чистой, дѣвственной природы и что въ ея поступкахъ могло быть столько же зла, сколько въ журчаньи ручья или въ пѣснѣ малиновки.

Мистеръ Танди часто сожалѣлъ, что у нея не было матери, сестры или подруги, которая могла бы ей объяснить, что хотя нѣкоторыя ея выходки были такъ же невинны, какъ прыжки ягненка на зеленой травѣ, но онѣ противорѣчили общепринятымъ

правиламъ приличія. Самъ же онъ никакъ ни могъ собраться съ мыслями, чтобъ предупредить ее о гразившей ей опасности, и пропускалъ всякій удобный случай для объясненія. Такъ и теперь дѣло кончилось тѣмъ, что онъ ничего не сказалъ и написалъ записку Гедеону, хотя не въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ желала Нàпперъ.

— Я все думала, мистеръ Флисъ, сказала молодая дѣвушка, поднимаясь вмѣстѣ съ Гедеономъ въ гору, на которой стоялъ зàмокъ:—какъ благородно быть членомъ парламента. Выше этого нѣтъ ничего. Въ другихъ странахъ, говорятъ, депутаты получаютъ жилованье, но отъ этого должно страдать достоинство. Члены палаты общинъ потому такъ и стоятъ высоко, что имъ ничего не платятъ; напротивъ, они проживаютъ громадныя суммы на выборахъ, чтобъ получить право служить своему отечеству.

— Да, попасть въ парламентъ не дешево, согласился Гедеонъ со вздохомъ.

— А какая жизнь васъ ждетъ, когда вы попадете въ парламентъ! Вы должны отправляться въ палату въ такомъ часу, когда другіе оканчиваютъ свои дневныя занятія и оставаться тамъ сидя на неудобныхъ скамейкахъ до утра, за исключеніемъ получаса, употребляемаго вами на дурной обѣдъ.

— Вы кажется очень близко знакомы съ парламентской жизнью, миссъ Танди. Бывали вы когда-нибудь въ палатѣ?

— Нѣтъ, но мистеръ Монгомери мнѣ разсказывалъ, что̀ тамъ дѣлается и я чуть не плакала, слушая его разсказы. Потомъ, ирландцы въ палатѣ дѣлаютъ много непріятностей. Напримѣръ, по словамъ мистера Монгомери, не успѣетъ сѣсть за обѣдъ какой-нибудь депутатъ, ненавистный ирландцамъ, какъ они поднимаютъ въ палатѣ вопросъ о томъ, законно ли засѣданіе; я хорошенько не знаю, что это значитъ, но тогда всѣ депутаты должны бѣжать, сломя голову, въ залу. Сначала ирландцы поднимали эту исторію какъ только ихъ враги принимались за супъ, но теперь они нашли, что супъ можно всегда подогрѣть и дожидаются второго кушанья, котораго несчастныя жертвы никогда не доѣдаютъ спокойно.

— Тяжелая служба, нечего сказать, промолвилъ Гедеонъ, которому все это было неизвѣстно.

— Да это еще цвѣточки. Васъ могутъ продержать въ палатѣ всю ночь, и тогда часть депутатовъ спитъ поочереди въ библіотекѣ на диванахъ, пока другіе ихъ товарищи сидятъ въ залѣ. Но все это я считаю пустяками въ сравненіи со всѣми жертвами, которыя вы приносите на алтарь отечества. Я пола-

гаю, что большинство депутатовъ наживаютъ трудомъ свой кусокъ хлѣба...

— Да, напримѣръ, адвокаты.

— И они жертвуютъ на благо родины временемъ, которое могли бы употребить на веденіе дѣлъ. Они ничего за это не получаютъ и ничего не требуютъ. Наконецъ, лица, уже нажившіе себѣ состояніе многолѣтнимъ трудомъ, вмѣсто того, чтобъ отдыхать, расходуютъ большія суммы на выборы и несутъ на себѣ все бремя парламентской дѣятельности. Да, это одно изъ отраднѣйшихъ явленій англійской жизни! воскликнула Напперъ съ одушевленіемъ: — и я надѣюсь, что никогда не будутъ платить нашимъ депутатамъ.

— Намъ приходится многое переносить, произнесъ торжественно Гедеонъ, какъ будто онъ уже былъ депутатомъ:—но мы служимъ великому дѣлу.

— Именно такъ, мистеръ Флисъ. «Сладко и славно умирать за отчизну!» Конечно, вы не умираете въ палатѣ, но не одна полезная жизнь сократилась отъ тяжелой парламентской работы. Впрочемъ, отложивъ даже въ сторону благо родины, должно быть отрадно произнести рѣчь въ такомъ собраніи, зная, что весь свѣтъ васъ слушаетъ.

— Да, я полагаю, что это доставитъ мнѣ удовольствіе, замѣтилъ Гедеонъ, начиная вѣрить, что онъ дѣйствительно герой, какъ воображала эта наивная молодая дѣвушка.

— Какъ бы я желала быть ораторомъ или журналистомъ. Сидѣть въ маленькой комнаткѣ и писать статью, которую прочтутъ сотни тысячъ и милліоны людей—великое дѣло. Я ужасно уважаю журналистовъ. Они гораздо могущественнѣе пастора и я считаю, что ихъ призваніе такое же святое. Я никогда не видывала ни одного журналиста, но представляю себѣ, что это люди мрачные; ихъ должно тяготить сознаніе лежащей на нихъ отвѣтственности. У нихъ приходъ пообширнѣе пасторскаго.

— Я намѣренъ издавать здѣсь газету, сказалъ Гедеонъ: — надо разбудить дремлющій Сакстонъ. Во всемъ графствѣ издается одна несчастная газета и та стоитъ три пенса. Я хочу завести хорошую газету и продавать за одинъ пенсъ.

— Отлично, мистеръ Флисъ, воскликнула съ жаромъ Напперъ:—я увѣрена, что ваша газета будетъ стремиться къ благороднымъ цѣлямъ и принесетъ большую пользу. Надо радоваться, что есть богатые люди, которые, какъ вы, заботятся о благѣ своихъ ближнихъ, объ умственномъ и нравственномъ ихъ усовершенствованіи. Я желала бы, чтобы люди, ораторствующіе на церковныхъ каѳедрахъ по воскресеньямъ, были одушевлены

подобными взглядами. Мало получаемъ мы по воскресеньямъ умственной и нравственной пищи, которая могла бы поддержать насъ въ теченіи всей недѣли.

— Что̀ бы сказали наши молодые пасторы, мистеръ Гоммъ и мистеръ Твомсъ, еслибы они васъ слышали?

— Они такъ же пусты сами, какъ пусты ихъ проповѣди. Право, иногда сидя въ церкви, я удивляюсь не тому, что Богъ создалъ такихъ дураковъ, а что четыреста или пятьсотъ человѣкъ внимательно слушаютъ цѣлый часъ ихъ болтовню... Я часто встрѣчаюсь съ нашими молодыми пасторами и играю съ ними въ крокетъ, но увѣряю васъ, несмотря на всѣ мои старанія, мнѣ не удалось выжать изъ нихъ ни одного здраваго слова. И однако, мнѣ кажется, что еслибы я взошла на каѳедру и увидала передъ собою тысячи людей, съ разинутыми ртами, то произнесла бы краснорѣчивую проповѣдь. Право, я сожалѣю, что я не мужчина.

— Боже избави! воскликнулъ Гедеонъ.

— Однако, я ужасная болтушка и произнесла цѣлую проповѣдь безъ каѳедры и слушателей.

— Вы ошибаетесь, я слушалъ васъ съ религіознымъ вниманіемъ, миссъ Танди, произнесъ Гедеонъ:—я никогда прежде не думалъ такъ серьёзно о призваніи депутата. Вы слишкомъ превозносите насъ, но я постараюсь исполнить свой долгъ. Однако, вотъ и за̀мокъ. Я хочу, чтобы вы рѣшили, гдѣ выстроить оранжереи и въ которой сторонѣ устроить площадку для игры въ лан-тенисъ.

XII.

Израиль Гидсонсъ сидѣлъ въ своей конторѣ и считалъ деньги. На немъ была черная бархатная ермолка, широкій, длиннополый сюртукъ, изъ подъ котораго едва виднѣлись очень поношенныя панталоны и ковровыя туфли, съ стоптанными пятками. Онъ былъ небольшого роста, худощавый, и, казалось, съежился отъ энергичнаго труда. Ротъ у него былъ большой, носъ съ горбомъ, а черные глаза грозно сверкали изъ подъ густыхъ сѣдыхъ бровей.

Домъ, въ которомъ онъ жилъ, находился въ Фульгамѣ и былъ имъ купленъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по объявленію въ газетахъ, что «продается парадное жилище для богатаго холостяка». Домъ этотъ былъ старинный, небольшой, одноэтажный, но выстроенный хорошо и, очевидно, съ цѣлью вмѣщать не много комнатъ, но обширныхъ. Комната, въ которой теперь сидѣлъ мис-

теръ Гидсонсъ, была четырехугольная, съ массивнымъ каминомъ. Мебели въ ней было не много: на простомъ столѣ краснаго дерева мистеръ Гидсонсъ считалъ золото и связывалъ его въ свертки по двадцати монетъ, а передъ каминомъ лежала небольшая ковровая дорожка. Въ каминѣ огонь погасъ, или лучше сказать, былъ потушенъ мистеромъ Гидсонсомъ, который наложилъ слишкомъ много каменноугольнаго муссора, составлявшаго его любимое топливо. Онъ предпочиталъ его потому, что мелкій уголь будто бы горѣлъ лучше и пріятнѣе крупнаго. О дешевизнѣ же его онъ, конечно, умалчивалъ.

Самымъ главнымъ украшеніемъ комнаты былъ большой желѣзный шкапъ, занимавшій значительную часть стѣны. Стулъ мистера Гидсонса былъ поставленъ такъ, что находился прямо противъ шкафа. На столѣ, кромѣ груды золота, лежали аккуратно нарѣзанные изъ старыхъ писемъ куски бумаги и стояли вѣсы, употребляемые банкирами для взвѣшиванія золота. Мистеръ Гидсонсъ бралъ изъ груды двадцать золотыхъ, быстро завертывалъ ихъ колонкой въ бумагу, вѣшалъ на вѣсахъ и ставилъ въ рядъ.

Занимаясь этой, очевидно, излюбленной работой, мистеръ Гидсонсъ что-то бормоталъ про себя. Вдругъ послышался громкій стукъ въ наружную дверь.

— Это Икъ! произнесъ старый еврей, вскакивая со стула и инстинктивно протягивая руки къ золоту.

Онъ поспѣшно спряталъ остававшееся въ грудѣ золото въ полотняный мѣшокъ и заперъ его вмѣстѣ съ готовыми свертками въ желѣзный шкафъ. Потомъ, онъ отперъ дверь въ сѣни и медленно направился къ наружной двери, въ которую продолжали стучаться.

— Здравствуй, Икъ, сказалъ онъ шутливымъ тономъ, приотворяя дверь и высовывая свою голову:—ты пришелъ навѣстить стараго отца? А гдѣ же твоя карета и ливрейный лакей? За угломъ? Жаль, ты бы ихъ показалъ старому Израилю. Ну, милости просимъ, хоть кухня у меня пустая, нѣтъ ни мяса, ни пива.

— Вы лучше прежде меня впустите, а ужь потомъ издѣвайтесь сколько угодно, отвѣчалъ мистеръ Гедеонъ Флисъ.

— Такъ вы желаете войти? а я и не думалъ, что вы окажете эту честь старому отцу, произнесъ Израиль Гидсонсъ, отворяя дверь и низко кланяясь:—я полагалъ, что вы оставите мнѣ карточку. Пожалуйте, милордъ.

И веселый старикъ провелъ сына въ ту комнату, гдѣ онъ только-что считалъ золото.

— Фу! какой здѣсь спертый воздухъ! промолвилъ Гедеонъ:— вы никогда здѣсь не отворяете окна?

— Какъ же, я отворялъ его на двѣ минуты на Рождествѣ и простудился. Но, еслибъ я зналъ, что вы, милордъ, меня посѣтите и что вамъ не понравится этотъ воздухъ, то, конечно, провѣтрилъ бы комнату.

— Вы слишкомъ экономны на воздухъ, отецъ. Вѣдь у насъ мартъ мѣсяцъ, а вы съ Рождества не отворяли окошка.

— Мнѣ этотъ воздухъ хорошъ, но вы, милордъ, ничѣмъ не довольны, вамъ всего подавай побольше и получше. Однако, вы на взглядъ настоящій лордъ. У васъ, кажется, новая шляпа. Не пожертвуете ли вы, можетъ быть, своему отцу старенькую шляпу, которую вы изволили носить цѣлую недѣлю. А какъ поживаютъ ваши друзья? Королева здорова ли? Переѣхалъ ли принцъ Уэльскій въ Марльборо-Гаузъ? А принцесса? Вѣдь вы, кажется, крестили одного изъ ихъ дѣтей? Вотъ что значитъ трясти руки аристократіи, тогда какъ вашъ бѣдный отецъ только вытряхалъ ихъ карманы.

Гедеонъ молча слушалъ насмѣшки отца, который ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, весело припрыгивая.

— Я принесъ вамъ новость, отецъ, началъ, наконецъ, Гедеонъ, но старикъ перебилъ его.

— Какъ любезно съ вашей стороны сообщать новости вашему презрѣнному отцу. Въ чемъ же дѣло? Лэди А. убѣжала съ мистеромъ К., или пудель лэди Б. кашляетъ? Ну, скорѣе разсказывайте, милордъ, вашу новость. Мнѣ уже семьдесятъ два года, жить мнѣ осталось немного, и я не могу терять время по пустому.

— Я хочу вступить въ парламентъ.

— Скажите пожалуйста! произнесъ съ улыбкой удивленія Израиль Гидсонсъ:—конечно, вы, милордъ, вступите въ верхнюю палату и мы вскорѣ прочтемъ въ книгѣ англійскихъ пэровъ: «Исаакъ, лордъ Карльтон-Стритъ, первый баронъ съ 1879 г., сынъ стараго Израиля Гидсонса, изъ Фульгама, достойнаго, но эксцентричнаго джентльмэна, который, будучи вороной, не наряжалъ себя въ павлиньи перья».

— Вы ошибаетесь, я еще не вступаю въ верхнюю палату; я начну съ нижней. Я думалъ, что это извѣстіе васъ порадуетъ, а васъ, повидимому, сердитъ, что вашъ сынъ подвигается.

— Да и твой лакей быстро подвигается, стоя на запяткахъ твоей великолѣпной кареты. У меня никогда въ жизни не было экипажа. Для меня хорошъ былъ и дилижансъ, а чаще всего я ходилъ пѣшкомъ. Вотъ какъ я подвигался и ушелъ далеко.

— По крайней мѣрѣ, вы не можете жаловаться, чтобъ я вамъ дорого стоилъ.

— А развѣ мнѣ легко видѣть, что изъ моего сына вышелъ дуракъ? произнесъ Израиль Гидсонсъ, неожиданно измѣняя тонъ и говоря въ носъ, какъ всегда въ минуты раздраженія:—я научилъ тебя уму-разуму и передалъ тебѣ выгодное дѣло, думая, что ты ловкій малый—что̀ же ты сдѣлалъ? Думфи говоритъ, что у тебя почти не осталось кліентовъ...

— Какое право имѣетъ Думфи говорить о моихъ дѣлахъ? воскликнулъ Гедеонъ, возвышая голосъ и также начиная говорить въ носъ по примѣру отца.

— Думфи служилъ у меня прежде, чѣмъ я передалъ его тебѣ, вмѣстѣ съ прочей мебелью конторы. Онъ иногда навѣщаетъ меня и я его вижу съ удовольствіемъ. Мы вспоминаемъ съ нимъ о добромъ старомъ времени, когда легко было брать 70%, а 25% казались шуткой. Я намѣренъ завѣщать Думфи 20 ф. стерл. Онъ добрый малый и заслуживаетъ награды за свою долговременную службу. Къ тому же, онъ съума сойдетъ, зачѣмъ я не оставилъ ему 19 ф., 19 ш. и 11 пенсовъ, такъ какъ съ 20 ф. стерл. начинается плата налога съ наслѣдствъ.

— Если вы такъ любите Думфи, то возьмите его. Славная выйдетъ парочка.

— Знаешь что̀, Икъ, я предпочитаю его общество твоему, онъ не презираетъ воздуха, которымъ я дышу и не наполняетъ комнаты запахомъ духовъ.

— Ну, полно, отецъ, не будемъ говорить другъ другу непріятности, сказалъ Гедеонъ, веселымъ тономъ: — зачѣмъ намъ ссориться? Я у васъ ничего не прошу. Я счелъ своимъ долгомъ увѣдомить васъ о томъ, чѣмъ гордился бы другой отецъ.

— А я не горжусь, ну, и баста. Это еще шагъ на пути къ погибели. Къ чему тебѣ идти въ парламентъ? Тебѣ за это заплатятъ? Выручишь ты что-нибудь своимъ депутатствомъ? Увеличатся отъ этого твои дѣла? Будетъ у тебя болѣе кліентовъ? Если такъ, то прими благословеніе твоего стараго отца. Иначе, проваливай и не возвращайся, пока не образумишься.

— Это нелѣпо, отецъ; я уже не говорю объ оскорбительности вашихъ словъ. Вы идете своей дорогой, а я своей. Быть можетъ, въ концѣ концовъ, моя дорога окажется лучшей. Я веду дѣла, которыя, въ случаѣ успѣха, сдѣлаютъ меня однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Англіи.

— Въ случаѣ успѣха! воскликнулъ старикъ, выходя изъ себя и меча презрительные взоры: — точно я не знаю твоихъ дѣлъ! они построены на пескѣ и ты каждый день можешь остаться

нищимъ. Твои обширныя земли всѣ заложены и ты живешь въ долгъ; ты думаешь пробиться до тѣхъ поръ, какъ земля возвысится въ цѣнѣ и ты продашь ее мелкими участками. Ты, вѣроятно, принялъ бы теперь съ удовольствіемъ отъ твоего стараго отца двадцать или тридцать тысячъ фунтовъ. Но еслибъ ты нуждался въ пяти фунтахъ и доказалъ бы мнѣ во-очію, что на слѣдующій день твои дѣла поправятся и ты отдашь мнѣ пятьсотъ фунтовъ, то я не далъ бы тебѣ ни одного пенса. Еслибъ ты продолжалъ дѣло, которое я тебѣ передалъ и оно не пошло бы, то я помогъ бы тебѣ. Это честное дѣло. Занимаясь имъ, тебѣ не надо было бы гнуть спины передъ сильными міра сего и стараться имъ подражать. Когда ты перемѣнилъ свое имя, я ничего не сказалъ тебѣ, но чаша переполнилась. Ты стыдился ремесла твоего отца, ты стыдился его общества, ты стыдился носить его имя! Вотъ посмотри!

Старикъ отперъ дрожащими руками желѣзный шкафъ и продолжалъ, задыхаясь отъ злобы.

— Ты видишь эти ряды свертковъ, по двадцати, по пятидесяти, по сту? Что въ нихъ? Золото. Да, Икъ, это золото и много его еще будетъ. Оно приходитъ каждый годъ, каждый мѣсяцъ, каждую недѣлю. Это лучше депутатскаго мѣста, это надежнѣе пожатія руки маркиза, это пріятнѣе общества мужчинъ и женщинъ, которые издѣваются надъ тобою. Все это золото должно было перейти къ тебѣ, но если я его оставлю по завѣщанію своему сыну Исааку Гидсонсу, то гдѣ его найдутъ? Пойдутъ въ контору въ Карльтонъ-Стритъ, но тамъ его нѣтъ. Заглянутъ въ синагогу и спросятъ у старѣйшинъ нашего народа: гдѣ сынъ богатаго еврея?—но они его не укажутъ. Быть можетъ, попадется на встрѣчу молодецъ, по имени Гедеонъ Флиссъ, который тянется за лондонскими франтами, но никто не повѣритъ, что это сынъ стараго Израиля Гидсонса. Тогда деньги, какъ выморочный капиталъ, пойдутъ въ казну, но я этого не допущу. Я уже распорядился моими деньгами, за исключеніемъ двадцати фунтовъ, которые я оставлю Думфи. Посмотри, Икъ, хорошенько на это золото! Въ мѣшкѣ монеты еще не свернутыя въ колонки; я этимъ занимался, когда ты постучался, и окончу дѣло послѣ твоего ухода. Надѣюсь, что ты долго не останешься. Ну, брось еще взглядъ на золото, пусть оно запечатлится въ твоихъ глазахъ и когда ты будешь нуждаться въ деньгахъ для поддержки твоего мишурнаго величія, то вспомни объ этомъ шкафѣ, который могъ бы быть твоимъ, еслибъ ты не продалъ его за блюдо чечевицы.

Дѣйствительно, это странное зрѣлище навѣки запечатлѣлось

въ памяти Гедеона, и не разъ потомъ онъ вспоминалъ желѣзный шкафъ съ грудами золота и старика отца въ бархатной ермолкѣ, указывавшаго съ гнѣвно сверкающими глазами на свое богатство.

Возвращаясь домой, Гедеонъ удивлялся не столько этому богатству, какъ неосторожному его храненію. Онъ зналъ, что видѣнное имъ золото было только частью всего капитала отца, который хранился въ банкѣ и доходилъ до цифры, превышавшей всѣ разсчеты Гедеона. Въ желѣзномъ шкафу только находились проценты съ капитала. Пять лѣтъ тому назадъ, во время коммерческой паники, Израиль Гидсонсъ нажилъ громадную сумму, благодаря тому, что у него были въ рукахъ деньги. Его радость по случаю такой выгодной спекуляціи омрачало сожалѣніе, что у него не было въ шкафу болѣе свободнаго золота. Поэтому, онъ рѣшился всегда сохранять у себя значительную сумму на случай новой коммерческой паники. Онъ ожидалъ ее каждый мѣсяцъ и груды золота въ шкафѣ росли.

Все это было извѣстно Гедеону, но онъ не зналъ, что этотъ капиталъ былъ столь значителенъ и удивлялся, какъ его отецъ, никогда ни чѣмъ не рисковавшій, не боялся кражи или другого худшаго преступленія, которое очень легко могло случиться еслибъ въ околодкѣ стало извѣстнымъ, что маленькій домикъ въ Фульгамѣ заключалъ въ себѣ золотую жилу.

Онъ былъ совершенно правъ насчетъ предусмотрительности старика. Сохраняя въ своемъ желѣзномъ шкафѣ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ золотомъ, Израиль Гидсонсъ принялъ мѣры противъ воровъ.

XIII.

Гедеонъ пріѣхалъ въ Лондонъ не съ цѣлью повидаться съ отцомъ, но все-таки, находясь въ Лондонѣ, онъ воспользовался случаемъ, чтобы посѣтить старика. Результатъ этого свиданія былъ для него очень непріятенъ. Никогда еще подобной сцены не происходило между ними, и Гедеонъ не подозрѣвалъ, что отецъ относится съ такой ненавистью къ его самолюбивымъ стремленіямъ. До сихъ поръ старикъ постоянно въ разговорахъ съ нимъ принималъ шутливый тонъ. Онъ ничего не сказалъ, когда Гедеонъ перемѣнилъ свою фамилію, хотя упорно адресовалъ къ нему письма, попрежнему: мистеру Исааку Гидсонсу.

Надо отдать справедливость Гедеону, что, узнавъ теперь о злобѣ, которую питалъ къ нему отецъ, онъ былъ искренно этимъ огорченъ. Конечно, могло прійти время, когда ему было бы

удобно имѣть свободный доступъ въ отцовскій желѣзный сундукъ, но мысль о томъ, что отецъ лишаетъ его наслѣдства, не особенно встревожила Гедеона. Онъ самъ былъ богатъ и хотя его обширныя земли были заложены, но приближалось время, когда онъ разсчитывалъ продать ихъ съ громадной выгодой. Поэтому, онъ былъ только опечаленъ тѣмъ, что своими поступками оскорбилъ гордость отца и что примиреніе между ними было немыслимо. Старикъ, по своему, былъ добръ до него. Онъ передалъ ему свою контору въ Карльтонъ-Стритѣ, хотя былъ еще въ такихъ годахъ, что могъ самъ продолжать выгодное дѣло. Гедеонъ очень сожалѣлъ, что старикъ непріязненно смотрѣлъ на его теперешнее положеніе и не гордился его возвышеніемъ. Но съ Израилемъ Гидсонсомъ спорить было напрасно. Онъ шелъ своей дорогой, а Гедеонъ своей.

Возвратясь въ Карльтонъ-Стритъ, онъ засталъ тамъ капитана Обрайена. Съ тѣхъ поръ какъ дѣла приняли благопріятный характеръ въ Сакстонѣ, и онъ былъ почти увѣренъ въ успѣхѣ своей кандидатуры, Гедеонъ желалъ во что бы то ни стало попасть заранѣе въ то общество, двери котораго отворились бы передъ нимъ послѣ вступленія его въ парламентъ. Бѣда была въ томъ, что онъ не зналъ никого, кромѣ капитана Обрайена, а хотя многіе въ обществѣ знали его по имени и лично были знакомы съ его отцомъ, но условія ихъ знакомства съ Паукомъ нимало не располагали ихъ къ радушному пріему сына.

Гедеонъ вѣрилъ въ чудодѣйственную силу хорошаго обѣда и хотѣлъ просто послать приглашенія на обѣдъ въ коттеджъ отъ своего имени къ извѣстному числу вліятельныхъ членовъ парламента. Но Обрайенъ доказалъ ему, что подобный обѣдъ не удался бы и, послѣ многихъ совѣщаній, было рѣшено, что Обрайенъ дастъ обѣдъ въ своемъ клубѣ, на которомъ Гедеонъ, принявши всѣ расходы на себя, будетъ дебютировать въ качествѣ политическаго дѣятеля.

— Наконецъ-то я все устроилъ, воскликнулъ Обрайенъ, поздоровавшись съ Гедеономъ: — а трудное было дѣло. Конечно, я говорю не о menu и винахъ. Вы останетесь этимъ довольны. Но тяжело было собрать гостей; всѣ заняты на мѣсяцъ впередъ. Однако, мнѣ удалось собрать порядочную компанію.

— Сколько человѣкъ? спросилъ Гедеонъ:—двадцать?

— Нѣтъ, какъ можно! Вѣдь это не земледѣльческій банкетъ и не кормленіе звѣрей, устраиваемое отъ времени до времени лондонскими корпораціями. Вамъ надо спокойно пообѣдать и поговорить съ нѣсколькими людьми, которые могутъ быть вамъ полезными. Я хотѣлъ, чтобъ насъ было за столомъ всего восемеро,

ин/82-1098 п

1/11

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117963733